Комитет по культуре Санкт-Петербурга

Государственный музей городской скульптуры
Отдел «Нарвские Триумфальные ворота»

Санкт-Петербургский государственный университет
промышленных технологий и дизайна

Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск
и войск связи

Санкт-Петербургское военно-историческое общество

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ XIX–XX ВЕКОВ

Материалы
X Международной военно-исторической конференции

24–25 ноября 2017 г.

Санкт-Петербург
2017

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)
Научное издание

Печатается по решению Оргкомитета конференции в соответствии с условиями созыва «X Международной военно-исторической конференции "Военная история России XIX–XX вв."»

Военная история России XIX–XX веков. Материалы X Международной военно-исторической конференции / Под. ред. Д. Ю. Алексеева, А. В. Арановича. Санкт-Петербург, 24–25 ноября 2017 г.: Сб. научных статей. — СПб.: СПбГУПТД, 2017. — 606 с.

ISBN 978-5-7937-1704-5

Конференция «Военная история России XIX–XX вв.» посвящена различным аспектам военной отечественной истории двух прошедших веков: социально-политических, экономических, культурных. Участники конференции из России, Ближнего и дальнего зарубежья рассматривают в своих докладах как чисто военные вопросы, так и частные проблемы, в том числе связанные с историей военной повседневности. Особое внимание уделено событиям Великой Русской революции, столетие которой приходится на 2017 год.

На обложке:
Броневик «Остин-Путиловец» из собрания ВИМАИВиВС

Проект реализован при подержке Комитета по культуре Санкт-Петербурга

© СПбГУПТД, 2017
© ГМГС, 2017
© Коллектив авторов, 2017

ISBN 978-5-7937-1704-5

УДК 94 (47).072
ББК 63.3 (2) 521

Андрей Владимирович ГРОМОВ
старший научный сотрудник Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: schnurrig@mail.ru

МЕМОРИАЛИЗАЦИЯ НАСЛЕДИЯ ГЕНЕРАЛА ОТ ИНФАНТЕРИИ П. С. КОТЛЯРЕВСКОГО В МУЗЕЙНЫХ КОМПЛЕКСАХ РОССИИ И ЗАРУБЕЖЬЯ

В статье освещены проблемы мемориализации и сохранения исторического наследия генерала от инфантерии П. С. Котляревского, в том числе памяти о Русско-персидской войне 1804–1813 гг., на примере памятных монументов дореволюционной России и современных музейных собраний. В ней по материалам дореволюционных публикаций и информации о современном состоянии памятных досок в честь П. С. Котляревского в Феодосии разобраны три основных составляющих темы: мемориалы и памятники П. С. Котляревскому в дореволюционной России; трофеи битвы при Асландузе (30 октября — 1 ноября 1812 г.) как единственное сохранившееся наследие П. С. Котляревского, к сожалению, до конца неизученное; современное состояние данной темы в музейных комплексах Республики Крым.

Ключевые слова: Русско-персидская война (1804–1813); П. С. Котляревский; сражения на Кавказе; персидская артиллерия; битва при Асландузе; трофеи; памятники русской армии на Кавказе; военные музеи; военные мемориалы Российской империи; проблемы мемориализации.

Русско-персидская война (1804–1813 гг.) не принадлежит к числу широко известных и обсуждаемых событий отечественной военной истории. Аустерлиц и Прейсиш-Эйлау, наполеоновское вторжение и эпопея Отечественной войны 1812 г. стали знаковыми для русской культуры еще при жизни их современников и участников. На фоне этих великих и судьбоносных для России событий сражения, происходившие на Кавказе уже тогда представлялись чем-то периферийным и относительно малозначимым. Пожар Москвы, Бородино и взятие Парижа полностью затмили (чтобы не сказать — вытеснили из памяти) выдающиеся примеры доблести и отваги, проявленные тогда на Кавказе и в Закавказье в боях

с многочисленной и весьма неплохо вооруженной[1] армией принца Аббас-Мирзы. И еще менее повезло, несмотря на прижизненный памятник и активную популяризацию его подвига в дореволюционной России, основному герою этой войны — генералу от инфантерии П. С. Котляревскому.

Как ни парадоксально это покажется, но неуклюжая официозная пропаганда дореволюционной эпохи лишь повредила как настоящему пониманию его подвига, так и процессу мемориализации его военно-исторического наследия. После же 1917 г. имя П. С. Котляревского как полководца «колониальных» (то есть по сути «империалистических») войн России было словно бы отнесено к категории «неполиткорректных» и в связи с этим было почти забыто. Так что проблема сохранения реликвий (в частности, трофеев, взятых армией Котляревского при разгроме войск Аббас-Мирзы в битве при Асландузе) на сегодняшний день как никогда актуальна. Тем более она становится актуальной в свете того факта, что фактически никаких других памятников героической деятельности П. С. Котляревского нигде в России не сохранилось.

Боевой путь П. С. Котляревского относительно хорошо известен. Сын простого священника из села Ольховатка Купянского уезда Харьковской губернии, он случайно попался на глаза генералу П. И. Лазареву и, будучи взят им на службу в армию, в возрасте четырнадцати лет принял участие во взятии цитадели Дербента. Шесть лет отслужив сержантом, он в 1799 г. был произведен в офицеры и назначен в легендарный 17-й егерский полк, шефом которого в тот момент и являлся генерал И. П. Лазарев. В чине поручика он принял участие в битве на р. Иори 7 ноября 1800 г., получив за этот бой свой первый орден[2].

После трагического убийства своего покровителя (генерал И. П. Лазарев был заколот грузинской царицей Мариам) П. С. Котляревский продолжил службу в рядах полка, получив под команду роту, во главе которой юный поручик одним из первых ворвался в цитадель Гянджи, получил тяжелую огнестрельную рану в ногу и был вынесен на руках с поля боя будущим наместником Кавказа графом М. С. Воронцовым. В составе 17-го егерского полка в 1805 г. П. С. Котляревский участвовал в легендарном рейде полковника П. М. Карягина, причем был дважды ранен и удостоен ордена св. Владимира 4-й степени с бантом[3].

Под Мигри десятитысячный отряд персидской армии, предводительствуемый в том числе и британскими офицерами[4], был разбит и в итоге полностью рассеян. Итогом этого подвига стала новая, уже третья для него рана, а также орден св. Георгия 4-й степени. При этом репутация П. С. Котляревского уже была такова, что его перебрасывали на самые опасные направления, и он везде с честью оправдывал доверие. Во всех этих делах П. С. Котляревский проявил себя человеком творческим и активным: он не боялся не исполнить (а то и вовсе переосмыслить) приказ начальства, если считал его ошибочным, как это было при обороне Мигри (1810 г.)[5]. При этом он делал это так, что у командования не возникало и мысли о каком-либо служебном взыскании.

Зимой 1810 г. во время войны с турками П. С. Котляревский с отрядом из двух батальонов своего полка и сотней казаков перешел через заснеженный горный хребет и после полуторачасового боя взял неприступную крепость Ахалкалаки, потеряв при штурме всего 26 человек, хотя за несколько лет до этого генерал В. И. Гудович не смог взять эту крепость, потеряв при этом почти 2000 человек убитыми[6].

При этом следует понимать, что победы над неприятелем доставались тяжелым потом, трудом и кровью. Персидская армия и до этого не напоминала толпу безликих неумелых «халатников»: иррегулярная кавалерия показала неоднократно свои высокие боевые качества, а батальоны пехоты, в особенности обученные британцами, сражались «с примерной храбростью»[7].

Самая тяжелая ситуация для российской армии на Кавказе наметилась летом 1812 г., в то время, когда Наполеон со своей Великой армией уже шел к Москве. Наследный принц Аббас-Мирза, сын правителя Персии Фатх Али-шаха Каджара, лично возглавил войска, отправленные отвоевать Грузию и выгнать русских за Кавказский хребет. При нем на-

---

1 Весной 1810 г. британской миссией Дж. Малькольма были поставлены 7000 новых ружей и современная артиллерия из арсенала в Форт-Уильям. См.: *Кругов А. И., Нечитайлов М. В.* Персидская армия в войнах с Россией 1796–1828. М., 2016. С. 52–53, 121–124.

2 *Потто В. А.* Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Т. 1. Вып. 3. СПб., 1887. С. 517.

3 *Потто В. А.* Кавказская война… Т. 1. Вып. 3. С. 517–518.

4 О двух британских офицерах, принимавших участие в наступлении на Мигри: Там же. С. 99.

5 История Лейб-Гренадерского Эриванского Его Величества Александра Николаевича полка. Тифлис, 1871. Ч. 1. С. 96–98.

6 *Казбек Г. Н.* Военная история Грузинского гренадерского Е. И. В. Великого Князя Константина Николаевича полка в связи с историей Кавказской войны. Тифлис, 1865. С. 62–64.

7 *Peter Hopkirk*. The Great Game: On Secret Service in High Asia. 1990. P. 36–37.

ходились британские офицеры, не пожелавшие покидать войско шаха даже после заключения англо-русского мирного договора, подписанного в Эребру 18 июля 1812 г.[8]

И все же персы снова были разбиты, сперва в ночь с 31 октября на 1 ноября 1812 г. ночной атакой при Асландузе (атаки ночью стали яркой чертой полководческого стиля П. С. Котляревского), затем у крепости Ленкорань 13 января 1813 г. В этих двух выдающихся боевых операциях были взяты одиннадцать уникальных английских пушек с дарственными надписями на персидском:

Малая надпись (гравировка на средней части ствола):
رادتقادنلبراکرسفرطزاداحتلاات‌ملاع
«Alāmat al-etehād va az taraf-e sarkār dolatmadār boland eqtedār
«Как знак союза от могущественного правителя
رداهبزیرگنارا‌ثآت‌عاجش.....ی‌لاعتالله
šojā'at āsār-e engirizi bahādor……. Allāh ta'ālā…».
«Символ доблести оружия сражающейся Англии…… великий Аллах…».

Большая литая надпись:
ن‌اطلسلان‌بان‌اطلسلان‌بان‌اطلسلا
«Al Soltān ibn al Soltān ibn Soltān
«Султан, сын султана, сына султана
راجاقن‌اخی‌لعحتف.....ن‌اقاخلان‌بان‌اقاخلان‌بان‌اقاخلا
al Xāqān al Xāqān ibn Xāqān… Fath Ali Šāh Qājār
Царь, сын царя, сына царя… Фатх Али шах Каджар
ن‌امرهق.....ماشنهاشن‌یضرلاای‌فالله‌لظ
Qahremān [albā wa althin] zalallāh fi alārezin Šāhanšāh
Герой [и лев, поражающий отступников], тень Аллаха на земле, царь царей
ه‌ناطلسوه‌کلماللهدلخ‌ن‌یملاعلای‌لعض‌افاو
Xaladollāh malake va soltāne wa efaz al alal ālamin"
Да сделает Аллах его правление вечным на благо всего человечества».
ی‌رجه‌۱۲۲۱ه‌نسه
«saneye 1221 hejri"
(1221 год хиджры).

Одно такое орудие (*илл. 1*) находится сейчас в ВИМАИВиВС в Санкт-Петербурге, два орудия калибра 6 фунтов в городском музее в Тбилиси

[8] Об офицерах, не покинувших войска шаха, см.: *Peter Hopkirk.* Op. cit. P. 36–37.

Илл. 1. 6-фунтовая пушка из Асландуза. Собрание ВИМАИВиВС

Илл. 2. Малая надпись с 6-фунтового орудия из Тбилиси

(*илл. 2*) и еще три (в том числе два 3-фун.) — в музее Черноморского флота в Севастополе.

Долгое время малые надписи на персидском были никем не исследованы (их сохранность, в отличие от больших литых надписей рядом с цапфами существенно хуже), а сами орудия были практически неизвестны широкой публике.

Благодаря коллегам из Тбилисского исторического музея полноценный вариант гравированной (малой) надписи был получен и переведен. Было установлено, что текст надписей на стволах всех орудий целиком идентичен, а они сами являются частью той уникальной «подарочной» партии, о которой на протяжении уже многих десятилетий упоминают как отечественные, так и зарубежные историки[9].

Последняя победа оказалась для Котляревского роковой. При штурме Ленкорани он получил две пули в голову и одну в ногу и упал, оказавшись в крепостном рву. По словам полковой истории Грузинского гренадерского полка, «одушевленные присутствием знакомого героя <…> солдаты снова бросились на штурм и мгновенно взошли на стену. Но этой торжественной минуты Котляревский уже не видел. Пораженный тремя пулями в тот самый момент, когда он над трупами своих сподвижников воодушевлял оставшихся в живых, он повалился без чувств. Одна пуля попала ему в лицо и раздробила челюсть. Полумертвый шеф Грузинских гренадер был отнесен во взятую им крепость, где Провидение, спасшее жизнь героя, дало ему возможность увидеть русские знамена развивающимися на неприятельских стенах, обагренных его кровью»[10].

Сочтя любимого командира погибшим, ожесточенные солдаты подняли на штыки почти всех защитников цитадели, среди которых был и ее комендант Садых-хан. Тем не менее Котляревский выжил. Согласно описанию, приводимому В. А. Потто, «лицо его все сведено было в одну сторону, правого глаза не было, челюсть раздроблена, а из уха торчали разбитые головные кости. Главнокомандующий в полной парадной форме и в Александровской ленте, пожалованной ему за победы Котляревского, немедленно направился к больному, а скоро он имел честь поздравить его с чином генерал-лейтенанта за Асландуз и с георгиевской звездой за Ленкорань — награды необычайные на тринадцатом году офицерской службы»[11].

Однако из-за полученных ран он уже не мог продолжать свою военную карьеру «и уже больше не возвращался к своему полку, хотя еще целый год считался его шефом и помышлял еще продолжать службу в его рядах. Удрученный ранами, он всю остальную жизнь провел в одиночестве, врачуя свои неизлечимые недуги»[12].

---

9 *Peter Hopkirk.* Op. cit. P. 37.

10 *Казбек Г. Н.* Указ. соч. С. 79.

11 *Потто В. А.* Памятники времен утверждения русского владычества на Кавказе. Вып. II. Тифлис, 1909. С. 93.

12 *Казбек Г. Н.* Указ. соч. С. 79.

Зачисленный по армии, генерал сначала поселился в селении Александровском около Бахмута, а позднее, в 1838 г., перебрался на южный берег Крыма, где под Феодосией приобрел мызу «Добрый приют». «Из головы героя были вынуты сорок осколков костей, и хотя Петр Степанович уцелел, но каковы были его страдания, можно судить уже по тому, что он был не в состоянии выносить ни малейшего шума, свежим воздухом он мог дышать только в жаркие летние дни, всякое движение приносило ему муку; и такая жизнь длилась 39 лет»[13].

Имя героя генерал-лейтенанта П. С. Котляревского стало символом Кавказской армии. Поток патетики и славословий, зачастую казенных или даже прямо безвкусных, нацеленный на эксплуатацию его образа в целях пропаганды, абсолютно не сочетался с природной скромностью и искренним христианским чувством полководца. Будучи чужд всякой публичности и испытывая неловкость от свалившейся на него славы, П. С. Котляревский, по словам В. А. Потто, скончался «тихо и незаметно» в своем имении под Феодосией в конце октября 1851 г. Здесь ему был установлен небольшой памятник[14].

Однако участь обоих мемориалов в честь Котляревского оказалась печальной: тот небольшой монумент, что воздвигли в Гяндже (переименованной в Елизаветполь) по инициативе графа М. С. Воронцова в 1850 г., очень быстро пришел в негодность. По словам В. А. Потто, уже в течение двух-трех последующих десятилетий мемориал начал приходить в упадок. И когда в 1893 г. проезжавший через Елизаветполь штабс-капитан Гильчевский наткнулся на забытый монумент, то увидел его уже практически уничтоженным[15]. В дальнейшем монумент был восстановлен в первоначальном исходном виде: солдаты и офицеры Асландузского резервного батальона[16], считавшие себя преемниками традиций размещавшегося здесь гарнизона и наследниками славы Асландузской битвы, выступили с инициативой отреставрировать обветшавший и позабытый властями памятник[17].

При этом вид монумента, по словам В. А. Потто, не представлял собой «ничего выдающегося» в смысле архитектурной идеи[18]: это был

---

13 Покоренный Кавказ. Сост. А. А. Каспари. Пятигорск, 2010. С. 257.

14 *Потто В. А.* Памятники… С. 99.

15 *Потто В. А.* Памятники… Вып. I. Тифлис, 1906. С. 107.

16 До 1891 г. — 5-й Кавказский резервный (кадровый) батальон. Впоследствии (с 1910 г.) — 186-й Асландузский пехотный полк.

17 *Потто В. А.* Памятники… Вып. I. С. 107.

18 *Потто В. А.* Памятники… Вып. II. С. 106.

Илл. 3. Памятник П. С. Котляревскому в Елизаветполе

стандартный обелиск с «острым четырехконечным углом, на котором прикреплен медный шар, в который водружен небольшой медный крест, имеющий в основании своем изображение луны» (*илл. 3*)[19].

Гораздо более любопытны в этом смысле нанесенные на монумент надписи на двух исконных мемориальных досках. Одна из них просто фиксирует сам факт тяжелого ранения П. С. Котляревского, отмечая: «Близ сего места 2 Декабря 1803 г. при занятии садов и форштадта крепости Ганжи под Главным Начальством и в присутствии генерала — Князя Цицианова ранен в первый раз пулею в ногу 17-го Егерского полка Капитан Котляревский».

Вторая надпись на том же памятнике гласила: «Скромный сей памятник герою Асландуза и Ленкорана соорудил в 1850 году бывший с ним в этом деле гвардии поручик граф Воронцов, впоследствии Главноначальствующий и Наместник на Кавказе»[20].

[19] РГИА. Ф. 1284. Оп. 188. Д. 139. Л. 2.

[20] Там же. Л. 3.

На одной из его сторон была повешена дополнительная третья табличка, в которой был зафиксирован факт реставрации монумента чинами Асландузского резервного батальона. Кроме того, на ней было обозначено также имя командующего части (полковника Д. Чрдилели), командовавшего в это время уже полком[21]. В таком виде памятник сохранялся и в начале XX в.

Памятник этот был утрачен, по-видимому, в годы Гражданской войны, и никаких его следов в наши дни, к сожалению, не сохранилось. Аналогичным образом погибли в годы революции и Гражданской войны многие памятники русским воинам на Кавказе и в Туркестане.

Судьба памятника П. С. Котляревскому в его имении «Добрый приют» также повисла на волоске, причем без всякого злого умысла. Имение после смерти генерала перешло в руки бывшего московского городского головы К. В. Рукавишникова, который начал распродавать землю по частям, «вследствие чего и самая могила героя могла предаться со временем полному забвению»[22]. Так что тот маленький скромный памятник, что был воздвигнут непосредственно над его могилой, также исчез. Как написал об этом с вполне понятным негодованием А. Маркевич, надгробие находилось «неподалеку от старого господского дома, на бугре, бывшем когда-то кладбищем, судя по нескольким уцелевшим на нем надгробиям»[23]. Однако в связи с распродажей земли под дачи (этот процесс шел постепенно и завершился к 1910 г.) дальнейшее нахождение там могилы сделалось неудобным: сама обширная дача К. В. Рукавишникова «была разбита владельцами на участки, быстро раскупленные феодосийскими капиталистами-караимами: Стамболи и др. Между участками были нарезаны улицы» и т. д.[24]

При этом официальная пропаганда вовсю продолжала пользоваться именем полководца для поддержания традиционного корпоративного духа Кавказской армии. О нем писали массовые издания[25], о нем публиковал статьи «Военный сборник»[26], но одновременно мемо-

[21] Там же.

[22] *Потто В. А.* Памятники… Вып. II. С. 101.

[23] *Маркевич А.* Могила П. С. Котляревского // Журнал Императорского Русского Военно-исторического общества. 1914. Кн. 2. С. 178.

[24] *Маркевич А.* Указ. соч. С. 180.

[25] *[Е.].* Один из русских героев XIX столетия (биографический очерк Петра Степановича Котляревского) // Ежемесячный календарь. 1869. № 11. С. 805–813; № 12. С. 865–885.

[26] *Соханская Е.* Генерал Котляревский // Военный сборник. 1871. № 3. С. 165–196.

Илл. 4. Портрет П. С. Котляревского. И. К. Айвазовский

риал в честь П. С. Котляревского продолжал приходить в упадок. Катастрофическая ситуация с мемориалом и самим захоронением в «Добром приюте» стала вопиющей уже к началу 60-х гг. XIX в.

Чтобы спасти для потомков память о выдающемся полководце Кавказской армии, знаменитый российский художник-маринист И. К. Айвазовский не только нарисовал портрет генерал-лейтенанта П. С. Котляревского (1872 г., *илл. 4*), но и внес предложение соорудить в Феодосии мемориальное здание. По его замыслу, часовня, посвященная памяти Котляревского, должна была совмещаться с музеем древностей. В 1868 г. художник устроил выставку своих произведений в Тифлисе и на торжественном обеде, данном ему в городе, сумел собрать по подписке среди офицеров Кавказской армии около 3 тыс. рублей на осуществление своих замыслов. Сам Айвазовский прибавил к ним свои 8 тыс. рублей и лично составил архитектурный проект часовни с музеем (*илл. 5*)[27].

Благодаря деятельности И. К. Айвазовского дело сдвинулось с мертвой точки, и здание музея-часовни, заложенное 5 июля 1870 г.[28], было торжественно освящено 4 июля 1871 г., причем провел церемонию освящения архиепископ Таврический Гурий[29].

Портрет в богатой раме, украшенной сценами из боевого пути Грузинского гренадерского полка «в их исторических мундирах», был размещен неподалеку от витража часовни. Кроме того, в стену часовни был также вставлен «прозрачный георгиевский крест, перевитый георгиевской лентой, как символ доблестной службы кавказского героя». Вокруг строения был разбит городской сад, а в саму часовню Айвазовский

[27] *Потто В. А.* Памятники… Вып. II. С. 100.

[28] *Соханская Е.* Указ. соч. С. 165.

[29] Закладка часовни в память генерала Котляревского в Феодосии // Таврические губернские ведомости. 1871. № 62, № 64; Торжественное освящение памятника генералу П. С. Котляревскому в Феодосии // Одесский вестник. 1871. № 160; Освящение памятника генералу в Феодосии // Таврические епархиальные ведомости. 1871. № 16.

Илл. 5. Здание Керченского музея древностей

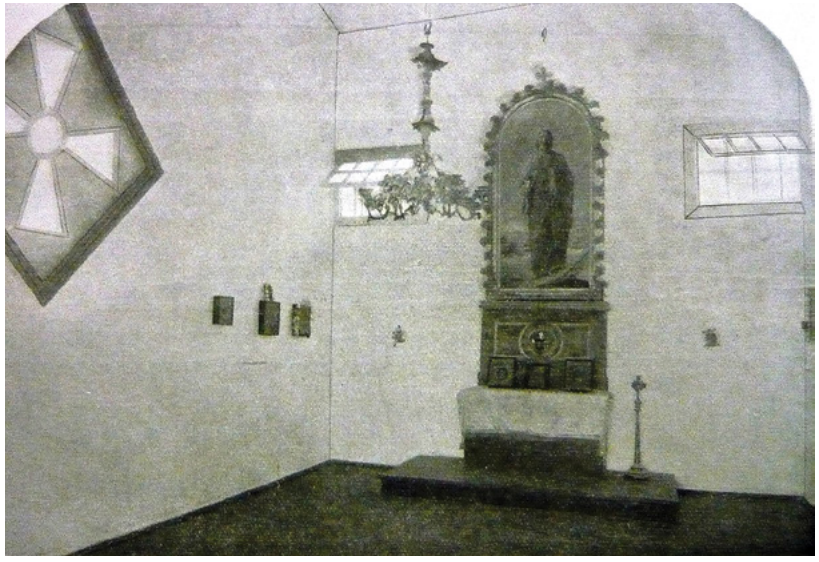
даже намеревался перенести прах Котляревского из его имения, однако смерть самого художника не дала данному проекту в полной мере осуществиться (*илл. 6*)[30].

И все это невзирая на то, что тот же самый А. Маркевич упоминает в своих записках о *Высочайшем повелении* о переносе останков П. С. Котляревского в новое место (т.е. — в достроенную к тому моменту часовню), отданном будто бы в 1871 или 1872 году[31]!

Участь могилы П. С. Котляревского и установленного на ней памятника будоражила умы офицеров Кавказской армии. Известен официальный запрос от офицеров Грузинского гренадерского полка в военно-исторический отдел Кавказской армии, где они высказывались за необходимость немедленной реализации идеи И. К. Айвазовского. «До сих пор, — писали они, — могила Котляревского содержалась в большом порядке благодаря заботливости самого Айвазовского, но что стало с ней теперь и в каком состоянии она находится, полку неизвестно; самому же

[30] *Потто В. А.* Памятники… Вып. II. С. 101.

[31] *Маркевич А.* Указ. соч. С. 179.



Илл. 6. Внутренний интерьер часовни в здании городского музея древностей в Феодосии

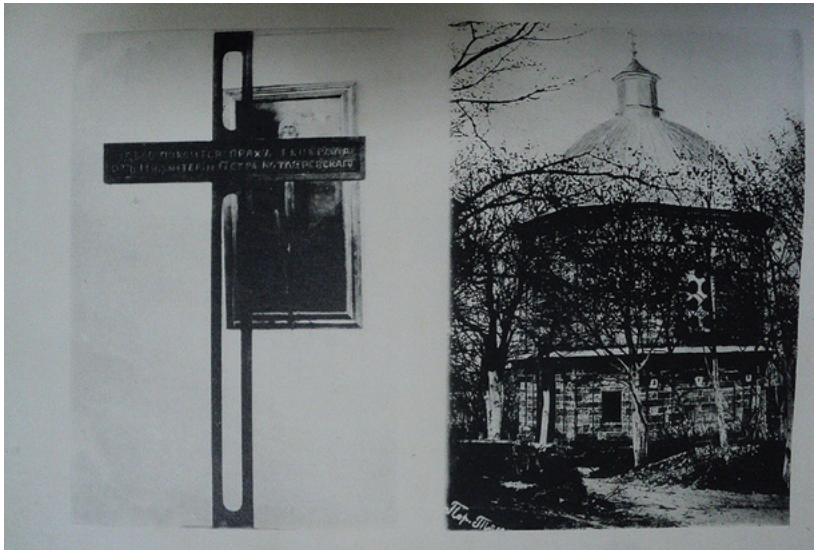
ему, по дальности своего расположения, следить за исправным содержанием ее нет возможности»[32].

В 1882 г. виновник сложившейся ситуации — владелец земельного участка К. В. Рукавишников — на свои средства построил маленький памятник в виде часовни (*илл. 7*)[33]. Он был построен «из штучного камня» и имел вид церкви с куполом. Вход в нее находился с западной стороны, а справа от входа, правее двери, была поставлена чугунная плита с надписью: «Здесь покоится прах Кавказского героя генерала от инфантерии Петра Степановича Коляревского и сподвижника его полковника Иосифа Ивановича Шультена. Памятник по проекту архитектора Никитина 1882 г.». Внутри мавзолея правее находился большой чугунный крест, а под ним короткая надпись: «Здесь покоится прах 80-летнего старца Ивана Филиппова, сопровождавшего генерала Котляревского во всех битвах»[34].

[32] *Потто В. А.* Памятники… Вып. II. С. 102.

[33] *Маркевич А.* Указ. соч. С. 179.

[34] Там же.



Илл. 7. Часовня и чугунный крест

Однако эта новая часовня вскоре также была заброшена, а чуть позднее подверглась акту кощунства: весной 1913 г. *плита с текстом была украдена* группой вандалов, и ее не смогли найти[35]. В связи с этим А. Маркевич с негодованием писал о том, что могилу необходимо перенести, и чем скорее, тем лучше. Кроме того, добавлял он, было бы справедливым перенести туда же и прах его сослуживца И. И. Шультена и ординарца И. Филиппова[36], поскольку было очевидно, что и кресту, и убранству самой часовни могла грозить та же участь. Если вандалы сорвали плиту с мавзолея, писал А. Маркевич, то они «могут проникнуть и внутрь и осквернить могилу героя». Поэтому серебряный венок, возложенный на могилу П. С. Котляревского депутацией Грузинского гренадерского полка, городскими властями Феодосии был перенесен из его скромного мавзолея, не имевшего охраны, на сохранение в здание городской управы[37].

[35] Там же. С. 180.

[36] Там же.

[37] Там же.

В итоге ничего из предложений А. Маркевича так и не было реализовано. Поскольку землю «Доброго приюта» К. В. Рукавишников «подарил» г. Феодосии, не оформив при этом на этот акт передачи никаких соответствующих документов, то город официально не принял ее к себе на баланс. «Ничейный» статус как территории, так и могилы П. С. Котляревского отразился на них самым пагубным образом: могила генерала была утрачена и постепенно забыта, а здание городского музея древностей Феодосии было взорвано в 1941 г.

Таким образом, в наши дни о героической (и поистине мученической) судьбе генерала П. С. Котляревского напоминают только трофейные персидские пушки, находящиеся в Тбилиси, Санкт-Петербурге и Севастополе, да две недавно установленные мемориальные доски в Феодосии. Одна из них была установлена 11 июня 2013 г. на здании военного санатория в Феодосия группой энтузиастов из числа местных жителей[38]. Однако надпись с многочисленными ошибками оставляет крайне печальное впечатление: «На этом месте стоял дом “Добрый приют”, в котором с 1838 по 1851 год жил герой Кавказской войны 1804–1813 гг, кавалер трех форденов <sic! — А. Г.> Святого Георгия, генерал от инфантерии Петр Степанович Котляревский (1782–1851) от благодарных соотечественников на средства почитателей Клуба любителей истории Феодосии».

Вторая доска установлена 25 июня 2016 г. на здании исторического музея в Феодосии[39] и более адекватна по содержанию и смыслу. Однако стоит признать, что проблема мемориализации памяти генерала П. С. Котляревского не решена до сих пор. До сих пор не найдена могила героя и не восстановлен ни один из мемориалов. На территории России нет ни одного памятника в честь П. С. Котляревского, а из 11 «асландузских» орудий на сегодняшний день удалось найти только шесть[40].

До сих пор неизвестно, как именно развивались события вокруг так и не состоявшегося музея-мемориала П. С. Котляревского в г. Феодосия. Подробности этой истории до сих пор еще не совсем ясны, однако уже сейчас можно полагать, что три орудия, находящиеся теперь в Севастополе в музее Черноморского флота), изначально предназначались именно для него.

Сохранность уцелевших боевых реликвий Асландузского боя вызывает массу вопросов. Две 6-фунтовые пушки из музея в Тбилиси изуродованы неизвестными: с них спилены винграды, на нижней части в районе дульного среза — следы напильника и ножовки, а с противоположной стороны (в дульной части) — следы сверления. В несколько лучшем положении находятся две 3-фунтовые и две 6-фунтовые пушки из собраний Санкт-Петербурга и Севастополя: лишь с одного из них сбита мушка, а упомянутые надписи на фарси в основном читаются хорошо.

Вместе с тем очевидно, что ситуация вокруг поиска захоронения генерала от инфантерии П. С. Котляревского и сохранения его исторического наследия постепенно меняется в лучшую сторону. И есть надежда, что затянувшийся период исторического беспамятства и забвения будет в конце концов преодолен.

Список литературы

История Лейб-Гренадерского Эриванского Его Величества Александра Николаевича полка. Тифлис, 1871. Ч. 1.

Казбек Г. Н. Военная история Грузинского гренадерского Е. И. В. Великого Князя Константина Николаевича полка в связи с историей Кавказской войны. Тифлис, 1865.

Кругов А. И., Нечитайлов М. В. Персидская армия в войнах с Россией 1796–1828. М., 2016.

Маркевич А. Могила П. С. Котляревского // Журнал Императорского Русского Военно-исторического общества. 1914. Кн. 2.

Покоренный Кавказ. Сост. А. А. Каспари. Пятигорск: Изд. «Снег», 2010.

Потто В. А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. СПб.: Изд. В. А. Березовского, 1887. Т. 1. Вып. 3.

Потто В. А. Памятники времен утверждения русского владычества на Кавказе. Вып. I. Тифлис, 1906; Вып. II. Тифлис: Изд. Воен.-ист. отд. при Штабе Кавказского воен. округа, 1909.

Потто В. А. Памятники времен утверждения русского владычества на Кавказе.

Соханская Е. Генерал Котляревский // Военный сборник. 1871. № 3. С. 165–196.

Peter Hopkirk. The Great Game: On Secret Service in High Asia. 1990.

[38] В Феодосии увековечили Котляревского (фоторепортаж) // Крым: новости Феодосии [электронный ресурс]. Режим доступа: http://kafanews.com/novosti/66126/v-feodosii-uvekovechili-kotlyarevskogo_2013–07–09 (дата обращения: 20.11.2017).

[39] Открытие памятной доски герою русско-персидской войны в Феодосии // Музеи России [электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.museum.ru/N62743 (дата обращения: 20.11.2017).

[40] Двенадцатое орудие, спасенное при Асландузе английскими офицерами, находится в военном музее Стамбула (инв. № 117).

Andrey Vladimirovich GROMOV
Senior Researcher of the Military Historical Museum of artillery, engineer and signal corps (St. Petersburg, Russia)
E-mail: schnurrig@mail.ru

Memorialization of the heritage of General P. S. Kotlyarevsky (1782–1851) in the Museums of Russia and abroad

The article highlights the problems of memorialization and preservation of the historical heritage of P. S. Kotlyarevsky (including the memory of the Russo-Persian war 1804–1813) by the example of the memorial monuments of pre-revolutionary Russia and modern Museum collections. According to the materials of the pre-revolutionary publications and modern commemorative plaques in honor of P. S. Kotlyarevsky in Feodosia it dismantled three main components of the topic: memorials to the S. P. Kotlyarevsky in pre-revolutionary Russia; trophies of the battle of Aslanduz (30 Oct. — 1 Nov. 1812) as the only surviving heritage of General P. C. Kotlyarevsky (and unfortunately unexplored); current status of the topic in the the Republic of Crimea.

Keywords: The Russo-Persian war (1804–1813); P. S. Kotlyarevsky; battles in the Caucasus; Persian artillery; battle of Aslanduz; trophies; monuments of the Russian army in the Caucasus; military museums; military memorials of the Russian Empire; problems of memorialization.

References

Peter Hopkirk, *The Great Game: On Secret Service in High Asia,* 1990.
Istorija Lejb-Grenaderskogo Erivanskogo Ego Velichestva Aleksandra Nikolaevicha polka, Part 1, Tiflis 1871.
Kazbek G. N., *Voennaja istorija Gruzinskogo grenaderskogo E. I. V. Velikogo Knjazja Konstantina Nikolaevicha polka, v svjazi s istoriej Kavkazskoj vojny,* Tiflis 1865.
Krugov A. I., Nechitajlov M. V., *Persidskaja armija v vojnah s Rossiej 1796–1828,* Moscow 2016.
Markevich A., *Mogila P. S. Kotljarevskogo*, in: Zhurnal Imperatorskogo Russkogo Voenno-istoricheskogo obshchestva, 1914, Book 2.
Pokorennyj Kavkaz, ed. A. A. Kaspari, Pjatigorsk 2010.
Potto V. A., *Kavkazskaja vojna v otdel'nyh ocherkah, epizodah, legendah i biografijah*, vol. 1, part 3, St. Petersburg 1887.
Potto V. A., *Pamjatniki vremen utverzhdenija russkogo vladychestva na Kavkaze,* part I, Tiflis 1906; part II, Tiflis 1909.
Sohanskaja E., *General Kotljarevskij*, in: Voennyj Sbornik, 1871, #3.

УДК 32.019.5+37.035.4
ББК 63.3 (2) 6–7

Александр Дмитриевич ГРОНСКИЙ
кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра постсоветских исследований Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений Российской академии наук (Москва/Минск, Россия/Беларусь)
E-mail: agronskij@yandex.ru

КОНЦЕПТЫ «СВОЯ ВОЙНА» И «НЕ СВОЯ ВОЙНА» В БЕЛОРУССКОМ ИДЕОЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В статье изучается современный белорусский дискурс о войнах. Анализируется признаки, которые позволяют считать вооружённые противостояния «своими» или не «своими войнами».

Ключевые слова: Белоруссия, войны, идеология, Отечественная война 1812 г., Польское (Январское) восстание 1863–1864 гг., Великая Отечественная война 1941–1945 гг.

Войны составляют огромную часть исторического прошлого большинства современных государств. Естественно, что в современных идеологических конструкциях прошедшие войны занимают значимую часть дискурса. Трагедии, связанные с ведением боевых действий на определённых территориях, можно использовать не только как урок того, что это не должно повториться, но и для создания комплекса жертвы и дальнейшей мобилизации нации под лозунгами реванша пережитой трагедии. В идеологическом конструировании также используются примеры из прошлой боевой героики, которые иллюстрируют борьбу прошлых поколений за независимость своей страны.

Однако не все войны, которые проходили на территории, занимаемой в данный момент определённым государством, можно рассматривать как потенциальные примеры героизма своего народа для защиты своего государства. Некоторые войны и отдельные сражения отлично укладываются в существующий политико-идеологический дискурс современных государств, в других очень сложно найти хотя бы отдельные элементы, способные героизировать прошлое для подтверждения нынешнего суверенитета. Отсюда можно сделать вывод, что все войны с точки зрения национального идеологического дискурса можно разделить на «свои» или «не свои». Стоит дать определения этим двум понятиям.

«Своя война» — любые война, восстание или отдельное сражение, которые можно определить как войну своего народа с его врагами. Целью придания событию черт «своей войны» является эксплуатация данного факта для потребностей национального/националистического дискурса.

«Не своя война» — война, восстание или отдельное сражение, не имеющие потенциала для поддержания национального/националистического дискурса.

Если проще, то «своей» войной можно гордиться как национальной, а по отношению к «не своей» такой гордости не возникает.

Понятие «своей войны» актуально не только по отношению к событиям, происходящим на территории, признаваемой своей, но и за её пределами. В таком случае пропаганда показывает героическую роль «своих» солдат или повстанцев в событиях, происходящих за пределами «своей» территории. «Не своя война» актуальна только для тех событий, которые протекают на «своей» территории. Поскольку война за пределами «своей» территории не может похвастать наличием на ней «своих» героев, такая война попросту игнорируется в нациестроительном дискурсе.

А вот война, протекающая на «своей» территории, но не имеющая возможность объявить какую-либо из воюющих сторон «своей», переходит в категорию «не своих войн». Так как война происходила на «своей» территории, она актуальна для создания повествования о собственной истории, но по причине отсутствия в рядах противоборствующих сторон «своих национальных» героев в современном понимании, события войны рассматриваются как не способствующие развитию национального дискурса. В результате такие войны воспринимаются как трагедия народа, а пристальное идеологическое внимание уделяется страданиям местного населения, то есть «своего» народа.

Для белорусской истории «своими войнами» можно считать битву на Немиге 1067 г., Грюнвальдскую битву 1410 г. (произошедшую в рамках Великой войны 1409–1411 гг. между Польшей и Литвой с одной стороны и Тевтонским орденом с другой), польское восстание 1863–1864 гг. (которое в Белоруссии не называют польским), Великую Отечественную войну и др.

«Не своими войнами» представляются следующие: Северная война 1700–1721 гг., Отечественная война 1812 г. (которая в Белоруссии даже перестала называться Отечественной), Первая мировая война и др.

Стоит кратко рассмотреть примеры «своей» и «не своей» войн на белорусском материале. Итак, «своей войной» считается Польское

восстание 1863–1864 гг. Это восстание стало настолько «своим», белорусским, что иногда отрицается даже его польская составляющая. Так, в белорусском историко-политическом дискурсе это восстание по привычке иногда называется восстанием Кастуся Калиновского, который не входил в центральное руководство восстанием, а был (да и то не всё время восстания) руководителем повстанцев в Северо-Западном крае, то есть лишь на части территории, охваченной восстанием. Некоторое время назад восстание стало именоваться более корректно — восстание 1863–1864 гг. на территории Польши, Литвы и Белоруссии.

Мне пришлось выслушать объяснение одного из коллег, который разъяснял, почему восстание 1863–1864 гг. должно называться восстанием в Польше, Литве и Белоруссии, а не польским восстанием. Смысл объяснений был следующий: если восстание назвать польским, тогда теряется присутствие белорусского элемента в восстании, а если указывать регионы распространения восстания, тогда есть хоть какая-то привязка к территории, в том числе и к белорусским землям.

Таким образом, даже если не говорить о национальном составе повстанцев, большинство будет воспринимать восстание как в том числе и белорусское, поскольку оно было и в Белоруссии. Кроме того, данное восстание в белорусской традиции изучается не во всех своих региональных проявлениях, а лишь на той территории, которую воспринимают как Белоруссию XIX в., т. е. это современная Белоруссия с добавкой части Виленской губернии (нынешняя Литва). Таким образом территория восстания искусственно ограничивается и становиться меньше даже той, которую контролировал «белорусский национальный герой» Кастусь Калиновский[1].

Не учитываются такие территории Северо-Западного края, как Ковенская губерния и большая часть Виленской. В этих регионах восстание было намного сильнее, но по причине того, что белорусские земли будут смотреться блекло, про литовскую часть Северо-Западного края Российской империи белорусские учёные попросту не упоминают.

В качестве примера «не своей войны» можно привести Отечественную войну 1812 г. В Белоруссии постепенно пытаются убрать слово

[1] Анализ деятельности и механизм создания из Константина Калиновского «белорусского национального героя» подробнее см.: *Гронский А. Д.* Конструирование образа белорусского национального героя: В. К. Калиновский // Белоруссия и Украина: история и культура. Ежегодник 2005/2006. М., Индрик, 2008. С. 253–265.

«Отечественная» из названия войны, называя её русско-французской войной или просто войной 1812 г.[2]

Очень чётко это прослеживается в школьных учебниках[3]. Если в последние годы существования СССР учебники по белорусской истории трактовали данную войну как «справедливую, освободительную Отечественную»[4], то современные учебники попросту убирают слово «Отечественная». Более того, в нынешнем представлении о той войне убирается даже упоминание о партизанских отрядах. Оказывается, белорусские крестьяне создавали всего лишь отряды самообороны и лишь для того, чтобы защитить от французских мародёров своё имущество. В партизанских действиях отказано не только белорусским крестьянам, но и армейским летучим отрядам[5]. О них также не упоминается как о партизанских. Однако когда пишется об антироссийской деятельности помещичьих отрядов после польского восстания 1830–1831 гг. (отряды из крестьян помещика Михаила Воловича), их действия называются партизанскими[6]. Также методы партизанской борьбы находят в антироссийских действиях инсургентов во время польского восстания 1863–1864 гг.[7]

Видимо, причиной этому является положительная коннотация слова «партизан» в современном белорусском массовом сознании. В первую очередь это связано с памятью о советских партизанах периода Великой Отечественной войны. Партизанские действия подчёркивают то, что борьба становится не только делом армии, но и всего народа. Таким образом, партизанская война воспринимается как подтверждение массового сопротивления врагу. Получается, что слово «партизан» и его производные подчёркивают «национальность» сопротивления, его народный характер.

---

[2] Критику этого см.: *Гронский А. Д.* Проблема интерпретации Отечественной войны 1812 г. в Белоруссии // Военная история России XIX–XX веков. Материалы V Международной военно-исторической конференции. СПб.: Издательство СПбГУТД, 2012. С. 14–29.

[3] Например, см. учебник: *Марозава С. В., Сосна У. А., Паноў С. В.* Гісторыя Беларусі, канец XVIII — пачатак XX ст.: вучэбны дапаможнік для 9-га класа устаноў агульнай сярэдняй адукацыі з беларускай мовай навучання. 2-е выданне, дапоўненае і перагледжанае. Мінск: Выдавецкі цэнтр БДУ, 2011. С. 15–22.

[4] *Баранова М. П., Загорульский Э. М., Павлова Н. Г.* История БССР: Учебник для 8–9-х классов средней школы / Под ред. Э. М. Загорульского. 2-е изд. Минск: Народная асвета, 1990. С. 138.

[5] *Марозава С. В., Сосна У. А., Паноў С. В.* Указ. соч. С. 19.

[6] Там же. С. 31.

[7] Там же. С. 81.

Стоит напомнить, что партизанскими школьный учебник называет только антироссийские выступления, а выступления против врагов России — это всего лишь попытка защитить своё имущество от разграбления. Хотя в данном примере интересно то, что понятие «партизан» стало обозначать сопротивляющееся в тылу гражданское население лишь с 20-х гг. XX в. До этого партизанами назывались только армейские отряды, действующие в тылу.

Однако понятие «своей» или «не своей» войны не всегда зафиксировано по отношению к определённым событиям. Иногда становится необходимым поменять представления о роли «своих» в войне. В таком случае всегда есть возможность переформатировать «не свою войну» в «свою войну» и наоборот. Надо только расставить акценты, навязать представление о том, что свой народ воевал по другую сторону фронта или вообще не воевал, а только страдал от всех воюющих сторон.

Например, в современной Белоруссии наблюдаются попытки сделать «своей» Первую мировую войну. Это не тенденция, это только прикидки, но они очень показательны. Например, в 2014 г. некоторые белорусские чиновники говорили, что солдаты Русской императорской армии, погибшие на белорусской земле в Первую мировую войну, воевали за суверенитет Республики Беларусь. Хотя между событиями Первой мировой и появлением суверенной Белоруссии стоит не один десяток лет, но, тем не менее, именно такие штампы всё более и более начинают бытовать в общественно-политическом дискурсе современной Белоруссии. Но всё же Первая мировая практически всегда воспринимается как «не своя война».

Нужно заметить, что в представлении о «своей войне» далеко не всегда наблюдается искусственность. Есть ряд событий, которые в массовом сознании оцениваются как свои. Таким сюжеты истории являются причиной гордости за своих предков, и для того, чтобы их воспринимали как свои, не нужно совершать каких-либо интеллектуальных или не очень интеллектуальных потуг. Например, для России — это однозначно Отечественная война 1812 г., от которой в Белоруссии (кстати, в то время части России) пытаются откреститься.

Таким образом, исторические события, связанные с гордостью за подвиг своих предков или с переживанием трагедии проигрыша, всегда применяются для конструирования представлений о «своей войне», которая используется в качестве материала для формирования представления о собственном историческом прошлом.

Следует учитывать, что представления о «своей войне» могут формироваться и без влияния заинтересованных лиц. Например, для России

и Белоруссии «своей» является Великая Отечественная. Однако по отношению к ней возникает вопрос — кто внёс больший вклад в победу? К сожалению, в Белоруссии этот вопрос решается способом инкапсуляции, то есть белорусское представление о Великой Отечественной войне формируется без учёта того, что же существовало за пределами республики. В качестве примера можно привести цитаты из интервью одного белорусского депутата. 9 мая 2013 г. он сказал: «Горжусь тем, что именно на нашей земле был дан решающий бой фашизму»[8]. Из интервью вытекает, что под «нашей землёй» имеется в виду не СССР, а именно Белоруссия.

Тогда возникает вопрос, что же считать «решающим боем» Великой Отечественной войны? Если штурм Берлина в мае 1945 г., тогда это территория Германии, если коренной перелом в войне, тогда это территория нынешней Российской Федерации. В Белоруссии, естественно, проходили тяжёлые бои, но решающими их назвать нельзя. Ведь оборона Брестской крепости, несомненно, героический подвиг, но он не решил исход кампании, немецкие войска пошли дальше на Восток. Талантливо разработанная и исполненная операция по освобождению Белоруссии, получившая название «Багратион», протекала летом 1944 г., когда было ясно, что Германия проигрывает. То есть данная операция не была решающей для победы в войне, но, несомненно, она внесла в победу очень весомый вклад.

И ещё одна цитата: «Именно на белорусской земле фашисты встретили ожесточенное сопротивление. Белорусы отдали несколько миллионов жизней не только за свою свободу, но и за свободу соседних государств»[9]. Если «именно на белорусской земле», то что же было на небелорусских? Сопротивления не было или оно было не таким ожесточённым? А по поводу отданных за свободу соседних государств белорусских жизнях — всё так. Солдат, в графе национальность у которых было записано «белорус», погибло много. Но надо помнить, что помимо белорусов свои жизни отдавали и представители других народов Советского Союза.

Кстати, если использовать простую логику, тогда можно выяснить, что Белоруссию в 1944 г. освобождали в большинстве своем не белорусы. Ведь призванные до войны в Красную армию в большинстве были не белорусами. Хотя бы потому, что Белоруссия не такая большая по территории как, например, РСФСР и, соответственно, в Белоруссии меньше населения. Следовательно, меньше и мужчин призывного возраста. Во время войны Белоруссия была оккупирована, поэтому не могла поставлять новобранцев в Красную армию, а вот РСФСР, Закавказье, Средняя Азия поставляли новобранцев в течение всей войны. Но, тем не менее, освобождение Минска 3 июля 1944 г. попало в «Топ-10 побед белорусского оружия» и «величайшие победы белорусов»[10].

Также в перечень «побед белорусского оружия» вошли битвы, которые проходили в то время, когда сложно сказать, существовали ли белорусы вообще как этнос. Туда вошла битва под Оршей 1514 г., когда «белорусские» войска победили московские (хотя в «белорусском» войске были в основном польские полки). Также сейчас уже доказано, что данные о количестве московских войск были завышены ради того, чтобы усилить эффект от победы[11], но фальшивые цифры до сих пор в ходу. Помимо того, «величайшей победой белорусского оружия» считается бой под Миловидами в 1863 г., когда **польские** повстанцы, сражавшиеся за **восстановление Польши**, заставили отступить русский отряд, который был меньше по численности[12], хотя и имел при себе артиллерийские орудия. Правда, не очень эффективные, потому что повстанцы

---

[8] *Девятовский В.* Горжусь тем, что именно на нашей земле был дан решающий бой фашизму // Белорусское телеграфное агентство (БЕЛТА) [электронный источник]. Режим доступа: http://www.belta.by/ru/person/opinions/Vadim-Devjatovskij_i_513994.html (дата обращения: 20.11.2017 г.).

[9] Там же.

[10] Топ-10 побед белорусского оружия. Величайшие победы белорусов // GOVORIM.BY — первый портал белорусских городов [электронный источник]. Режим доступа: http://govorim.by/strana-belarus/3151-top-10-pobed-belorusskogo-oruzhiya.html (дата обращения: 20.11.2017 г.).

[11] Критику мифа о «победе белорусских войск над превосходящими силами русских» см.: *Амбражевич Н.* Оршанская битва 1514 года: военно-исторический аспект // Научно-просветительский интернет-портал «Западная Русь» [электронный источник]. Режим доступа: http://zapadrus.su/bibli/istfbid/63–1514.html (дата обращения: 20.11.2017 г.); *Лобин А.* К вопросу о составе и численности польско-литовской армии в битве под Оршей 1514 г. // Западная Русь [электронный источник]. Режим доступа: http://zapadrus.su/zaprus/istbl/380-1514-50.html (дата обращения: 20.11.2017 г.).

[12] Разницу в численности определить затруднительно, поскольку по данным, полученным русскими от пленных поляков, повстанцев было 2–3 тысячи, по воспоминаниям некоторых участников восстания поляков было ок. 800 чел. Русский отряд состоял из 3 рот пехоты, 30 всадников и 4 орудий, из которых стреляло во время боя только 2, остальные позже прикрывали отход. Русская рота той эпохи по штату военного времени насчитывала 180 чел. Однако если судить по полковым историям, штат рассчитывался по мирному времени и количество солдат в роте чаще всего колебалось от 80 до 140 чел. Таким образом, русских было как минимум в два раза меньше, и наступали они на заранее укреплённый лагерь.

скрывались за завалами из деревьев. В итоге к вечеру русские отошли, повстанцы ночью также отошли, причём если русские отошли в полном порядке, то повстанцы, скорее всего, бежали, поскольку оставили в лагере не только имущество, но и раненых, а тела убитых большей частью утопили в ближайшем болоте, а не похоронили. Миф о «победе белорусского оружия» раздут ещё и завышенными цифрами русских потерь. По польским данным со стороны русских погибло 240 человек, по русским рапортам — 9 погибло и 1 умер от ран[13].

В «Топ-10 белорусских побед» этот эпизод описан так: «несколько отрядов белорусов численностью в 800 человек смогло противостоять 5 ротам хорошо обученных русских солдат с 4 орудиями. Карателям так и не удалось взять лагерь повстанцев, и с большими потерями они вынуждены были отойти»[14].

Также к «победам белорусского оружия» относят действия повстанцев в период так называемого Слуцкого вооружённого выступления[15]. В течение этого события сколько-нибудь серьёзных боёв вообще не было, а были лишь небольшие столкновения, которые никак не влияли на развитие успеха большевистского наступления, может быть, чуть замедляя его. Да и сами создатели перечня «белорусских побед» пишут об этом событии очень скромно: «Слуцкая бригада […] провела несколько успешных атак близ города Копыль, деревень Тимковичи и Вызна, выбив оттуда советские войска»[16]. О печальном и отнюдь не героическом конце «слуцкого восстания» скромно умалчивается.

Смещение акцентов и конструирование несуществующих национальных побед постепенно нарастает. Так, в 2013 г. накануне Дня Победы состоялась презентация серии плакатов «Военачальники земли белорусской», на которых были изображены исторические личности с XI по XX в. Если учесть, что белорусы появились явно на несколько столетий позже XI в., тогда представляется странным, что эти люди через века «пронесли честь и славу отечественного оружия»[17].

Исходя из контекста сообщения, «отечественное» — это именно белорусское. Как могла существовать слава белорусского оружия даже в те времена, когда белорусов ещё не существовало, для издателей и разработчиков подобной продукции, видимо, не является загадкой. И это не единственный случай поиска белорусских героев именно как лиц, боровшихся за независимость Белоруссии в любых исторических эпохах.

Военная героика важна для создания представлений о том, что суверенитет достался дорогой ценой и поэтому его надо беречь. Логика совершенно понятная и правильная, но смещение акцентов, явные передёргивания и даже приписывания себе чужих заслуг не являются эффективным средством создать патриотизм, поскольку разрушить такие мифы не так сложно. А для того, чтобы их сохранить, создателям мифов приходится делать агрессивные выпады в сторону профессиональных учёных и экспертов. В качестве примера тому может служить реакция националистически настроенных белорусских интеллектуалов на проведение конференции «Польское шляхетское восстание 1863 г. Взгляд на события 150 лет спустя»[18].

Определение прошедших войн как «своих» или «не своих» влечёт за собой представление об исторических врагах, которые без критики перемещаются в современность. И нужно сказать, что, несмотря на ряд интеграционных проектов, в рамках которых существуют Белоруссия и Россия, белорусский интеллектуальный дискурс либо определяет «своими» войны соседних государств против России (например, польское восстание 1863–1864 гг.), либо акцентирует внимание на героике событий только на своей территории, создавая впечатление, что на соседних землях ничего героического не случалось (например, Великая

---

[13] См. *Арамовіч І.* Мары. Успаміны пра партызанскі рух у Гродзенскім ваяводстсве ў 1863 і 1864 гг. // Архэ (Минск). 2010. № 12. С. 32; Архивные материалы муравьёвского музея, относящиеся к польскому восстанию 1863–1864 гг. в пределах Северо-Западного края. В 2 ч. Сост. А. Миловидов. Вильна, 1915. Ч. 2. С. 186, 191.

[14] Топ-10 побед белорусского оружия…

[15] Хотя об этом событии пишут как о восстании, по сути таковым оно не являлось. Осенью 1920 г. при подписании перемирия, завершившего Советско-польскую войну, поляки оставили город Слуцк, однако их при попустительстве там в спешном порядке было сформировано несколько военных формирований, которые при встрече с занимавшими оставленные поляками территории советскими отрядами предпочитали отступать, иногда затевая перестрелки. В конце декабря белорусские формирования оказались на территории Польши, где и были интернированы. На этом и заканчивается история «Слуцкого восстания».

[16] Топ-10 побед белорусского оружия…

[17] Подполковник Виталий Чирвинский: Беларусь знала много войн и очень богата на военные таланты // Белорусская информационная компания БелаПАН [электронный источник]. Режим доступа: http://belapan.com/archive/2013/05/08/media_plakaty_v/ (дата обращения: 20.11.2017 г.).

[18] Тексты докладов участников конференции в электронном виде опубликованы здесь: *Польское шляхетское восстание 1863 г. Взгляд на события 150 лет спустя* // Научно-просветительский интернет-портал «Западная Русь» [электронный источник]. Режим доступа: http://zapadrus.su/2012-04-11-14-59-43/2013/-1863-.html (дата обращения: 20.11.2017 г.). Читатель сам может составить мнение о качестве докладов.

Отечественная война)[19]. Обратный вариант дискурса в Белоруссии существует, однако его носители либо не имеют доступа к источникам распространения информации, либо, если этот доступ имеют, не могут воспользоваться им эффективно.

Список литературы

Арамовіч І. Мары. Успаміны пра партызанскі рух у Гродзенскім ваяводстсве ў 1863 і 1864 гг. // Архэ (Минск). 2010. № 12. С. 18–71.

Архивные материалы муравьёвского музея, относящиеся к польскому восстанию 1863–1864 гг. в пределах Северо-Западного края. В 2 ч. / сост. А. Миловидов. Ч. 2. Переписка о военных действиях с 10 января 1863 г. по 7 января 1864 г. Вильна, 1915. 466 с.

Баранова М. П., Загорульский Э. М., Павлова Н. Г. История БССР: Учебник для 8–9-х классов средней школы. Под ред. Э. М. Загорульского. 2-е изд. Минск: Народная асвета, 1990. 238 с.

Гронский А. Д. Проблема интерпретации Отечественной войны 1812 г. в Белоруссии // Военная история России XIX–XX веков. Материалы V Международной военно-исторической конференции. СПб.: Издательство СПбГУТД, 2012. С. 14–29.

Гронский А. Д. Конструирование образа белорусского национального героя: В. К. Калиновский // Белоруссия и Украина: История и культура. Ежегодник 2005/2006. М., Индрик, 2008. С. 253–265.

Марозава С. В., Сосна У. А., Паноў С. В. Гісторыя Беларусі, канец XVIII — пачатак XX ст.: вучэбны дапаможнік для 9-га класа устаноў агульнай сярэдняй адукацыі з беларускай мовай навучання. 2-е выданне, дапоўненае і перагледжанае. Мінск: Выдавецкі цэнтр БДУ, 2011. 199 с.

Alexander Dmitrievich GRONSKY

Ph. D. In History (*kandidat istoricheskikh nauk*), Docent, Leading Researcher of the Center for Post-Soviet Studies of the Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of Russian Academy of Sciences (Moscow/Minsk, Russia/Belarus)

E-mail: agronskij@yandex.ru

Concepts of «own war» and «not own war» in Byelorussian ideological discourse

In the article the modern Byelorussian discourse about wars is studied. The symptoms that allow us to consider armed opposition as «their own wars» or «not their own wars» are analyzed.

[19] Небольшой анализ национальной мифологии как индикатора цивилизационного выбора см в: *Гронский А.* Белорусские национальные и исторические мифы как индикатор цивилизационного выбора // Русские.орг. Сетевой центр русского зарубежья [электронный источник]. Режим доступа: http://russkie.org/index.php?module=fullitem&id=27090 (дата обращения: 20.11.2017 г.).

Keywords: Byelorussia, wars, ideology, the Patriotic War of 1812, the Polish Uprising (January Uprising) 1863–1864, the Great Patriotic War of 1941–1945.

References

Aramovich I. *Mary. Uspaminy pra partizanski ruh u Grodzenskim vayavodstve v 1863 I 1864 gg. [Dreams. Memories of the guerrilla movement in the Grodno military district in 1863 and 1864]*, in: Arhe (Minsk). 2010. No. 12. Pp. 18–71.

Arhivnye materialy muravievskogo museya, otnosyashiesya k polskomu vosstaniu 1863–1864 gg. v predelah Severo-Zapadnogo kraya [Archival materials of the Muravyov Museum, relating to the Polish Uprising of 1863–1864. within the North-West Territory]. Vol. 2. Perepiska o voennyh deystviah s 10 yanvarya 1863 g. po 7 yanvarya 1864 g. Vilna 1915.

Baranova M. P., Zagorulsky E. M., Pavlova N. G. *Istoriya BSSR: Uchebnik dlya 8–9 klassov sredney shkoly [History of the BSSR: A Textbook for the 8th-9th grades of secondary school]*. 2-nd. Ed. Minsk: Narodnaya asveta, 1990.

Gronsky A. D. *Problema interpretatsiy Otechestvennoy voiny 1812 g. v Belorussii [The problem of interpretation of the Patriotic War of 1812 in Belarus]*, in: Voennaya istoria Rossii XIX–XX vekov. Materialy V Mezdunarodnogo voenno-istoricheskoy konferentsii. St. Petersburg 2012. Pp. 14–29.

Marozava S. V., Sosna U. A., Panou S. V. *Istoriya Belorussii, konets XVIII-nachalo XX [History of Belarus, the end of XVIII — the beginning of the XX century]: vuchebny dapamoznik dlya 9-ogo klassa ustanou agulnay serednyai adukatsii s belaruskai movay navuchannya*. 2nd ed. Minsk 2011.

УДК 94 (47).072
ББК 63.3 (2) 47

Андрей Александрович МИХАЙЛОВ

доктор исторических наук, научный сотрудник Научно-исследовательского отдела (военной истории Северо-Западного региона РФ) Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ (Санкт-Петербург, Россия)

Надежда Юрьевна БРИНЮК

кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Научно-исследовательского отдела (военной истории Северо-Западного региона РФ) Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ (Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: dragun66@mail.ru

ЗАРОЖДЕНИЕ ВОЕННОЙ ГЕОГРАФИИ И ВОЕННОЙ СТАТИСТИКИ КАК САМОСТОЯТЕЛЬНЫХ НАУК В РОССИИ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX В.

Статья посвящена появлению и развитию в России военной географии и военной статистики, а также их теоретической разработке и внедрению в практику подготовки офицеров Генерального штаба. Считавшиеся в начале века «неизвестными» и «не имеющими распространения», география и статистика уже к концу первой половины века, во многом благодаря трудам П. А. Языкова и Д. А. Милютина, прочно вошли в практику обучения офицеров как существенно важные предметы.

Ключевые слова: военная география, военная статистика, Академия Генерального Штаба, А. А. Жомини, П. А. Языков, Д. А. Милютин, военное образование.

Первая треть XIX в. стала в России и странах Западной Европы временем чрезвычайно интенсивного развития военных наук, чему способствовал и опыт наполеоновских войн, и общий прогресс научной мысли. Заметное место среди военных наук того времени занимали военная география и военная статистика, тесно связанные друг с другом.

Разумеется, уже в глубокой древности военачальники стремились собрать сведения о местности, в которой им предстояло вести военные действия. Упоминания о необходимости изучать территорию для верной прокладки маршрута войск или подготовки плана сражения, можно найти у античных и средневековых авторов, в русских летописях и европейских хрониках. Данное обстоятельство дало основание видному российскому

и советскому военному теоретику А. Е. Снесареву (1865–1937) в работе «Введение в военную географию» отметить: «Влияние географии на войну и военные действия является вечным; оно было всегда, оно и всегда останется. Отсюда глубокая древность военной географии как науки. Она возникла ранее своей матери — общей географии, в семье военных наук она в числе первых рядом с тактикой обратила на себя внимание человека»[1].

Многие авторы вслед за Снесаревым начинали статьи о военной географии с древнегреческих или даже древнекитайских географов и стратегов[2]. Однако совершенно очевидно, что учет при планировании похода, сражения или даже целой кампании географических факторов и разработка военной географии как целостной науки — далеко не одно и то же. На возникновение военной географии повлияли не только «отвечавшая» за решение практических задач военная топография, но, не в меньшей степени, военная история, особенно труды авторов, чьи взгляды сформировались в наполеоновскую эпоху.

Характерно, что основоположники отечественной военной географии — П. А. Языков (1800–1869), Г. Ф. Стефан (1796–1873), Д. А. Милютин (1816–1912) — указывали прежде всего на ее связь с военной историей, а не с географическими исследованиями как таковыми. Основное внимание они уделяли при этом трудам видного военного теоретика А. А. Жомини (1779–1869), австрийского военачальника эрцгерцога Карла (1771–1847), английского военного писателя Г. Г. Ллойда (1718–1783).

С трудами Жомини русские военные познакомились еще в самом начале XIX в., причем наряду с изданиями на французском языке довольно рано появились и их русские переводы[3]. Теоретические и военно-исторические труды Жомини пользовались среди просвещенной части российского офицерства огромной популярностью. Среди прочего внимание их привлекал тщательный анализ географических характеристик театров военных действий.

Книга эрцгерцога Карла о кампании австрийских войск в Германии в 1796 г. на русском языке была опубликована в 1818 г.[4] Первая ее часть

---

1 *Снесарев А. Е.* Введение в военную географию. М., 1924. С. 5.

2 См.: *Кожевников Д.* Военная география, ее место и роль в военной науке // Военная мысль. 1952. № 5. С. 34–35.

3 См., напр.: Общие правила военного искусства. Сочинение генерал-адъютанта Жомини. Перевел с французского М. Грибовский. СПб., 1817. 48 с.

4 Правила стратегии, объясненные описанием похода 1796 года в Германии. Сочинение эрцгерцога Карла Перевод с немецкого Андрея Раевского. Ч. 1. СПб., 1818. 223 с.

имела подзаголовок: «Правила стратегии и применение оных к избранному месту военных действий» и была посвящена влиянию географической среды на подготовку и ведение военных действий. Переводчиком работы выступил офицер, поэт и автор работ по военной истории А. Ф. Раевский (1794–1822). О нем с большим уважением отзывался в своем известном дневнике А. В. Никитенко: «Весьма образованный молодой человек, он <Раевский — А. М., Н. Б.> был автор стихотворений, печатавшихся в тогдашнем “Вестнике Европы”, и переводчик военного стратегического сочинения эрцгерцога Карла, который в то время вместе с генералом Жомини пользовался большой популярностью среди военных»[5]. Последнее замечание, сделанное человеком хорошо образованным и любознательным, но невоенным, подтверждает, что эрцгерцог Карл имел на развитие военной науки в России значительное влияние.

Труды Г. Г. Ллойда в России также переводились и были хорошо известны. Еще в 1815 г. в Санкт-Петербурге вышла из печати книга «Главное начертание главнейших и первоначальных частей военного искусства, почерпнутое из творений Г. Ллойда, с замечаниями»[6].

Труды Жомини, эрцгерцога Карла, Ллойда привлекали внимание военных, среди прочего, тщательным анализом географического фактора в ходе войн. Большое внимание уделяли географической характеристике театров военных действий и некоторые отечественные военные историки, например, Д. П. Бутурлин (1790–1849) и Н. А. Окунев (1792–1851).

Важнейшим центром развития военной географии и статистики в России стала учрежденная в 1830 г. и официально открытая двумя годами позже Императорская Военная академия (впоследствии Академия Генерального штаба). Проект устава Академии, составленный при участии А. А. Жомини, был утвержден императором Николаем I 4 октября 1830 г.[7] Новое высшее военно-учебное заведение, согласно этому документу, должно было готовить офицеров Генерального штаба и одновременно «распространять военные познания всеми способами, в сем уставе изложенными»[8].

Среди учебных дисциплин, включенных в программу Академии, значились «Военная география Европы, в особенности же империи

[5] *Никитенко А. В.* Дневник. В 3 т. Т. 1. М.: Захаров, 2003. С. 138.

[6] *Ллойд Г.* Главное начертание главнейших и первоначальных частей военного искусства, почерпнутое из творений Г. Ллойда, с замечаниями. Писано на кантонир-квартирах в Силезии, селении Пейскерздорфе, в июле месяце 1813 г. СПб., 1815. 91 с.

[7] ПСЗРИ. Собр. 2. Т. V. СПб., 1831. № 3975. С. 91–107.

[8] Там же. С. 92.

Российской и соседственных с нею государств», и «Военная статистика, или Познание о сухопутных и морских силах и военных средствах европейских государств»[9]. Обе дисциплины предполагалось преподавать в младшем («теоретическом») отделении.

Во главе Академии были поставлены директор генерал-лейтенант И. О. Сухозанет и вице-директор генерал-майор барон Л. И. Зедделер. Первый ранее был строевым и боевым командиров, научными изысканиями не занимался и снискал известность как чрезвычайно жесткий и даже жестокий по отношению к подчиненным начальник. Л. И. Зедделер, напротив, был известен военно-историческими работами и образованностью.

Выработка детальных учебных программ Академии и особенно подбор квалифицированных профессоров потребовали довольно продолжительного времени. К тому же начавшееся в ноябре 1830 г. польское восстание отвлекло внимание военного руководства страны от формирования интеллектуальной элиты офицерства. Поэтому торжественное открытие Академии состоялось только 26 ноября 1832 г.[10]

В середине 1831 г. (т. е. после утверждения устава Академии, но до ее открытия) на страницах «Военного журнала» была опубликована (без указания автора) статья «О потребности познаний в науках для офицеров Генерального штаба»[11]. В ней подробно разбирался вопрос о том, каким дисциплинам следует обучать офицеров Генерального штаба и как должны быть выстроены их курсы.

Значительное внимание автор статьи уделил военной географии, причем очень четко указал на ее отличие от военной топографии («науки о местоположениях»), подчеркнув одновременно и связь между двумя этими науками. В статье говорится: «Наконец и так называемая военная география, о коей мы еще весьма мало имеем хороших сочинений, состоит в тесной связи с наукою о местоположениях; можно сказать, что она в отношении сей науки то же самое, что стратегия в отношении к тактике»[12].

В задачу «науки о местоположениях», как отмечалось в статье, входит выбор мест для лагерей и сражений, маршрутов движения войск.

[9] Там же. С. 94.

[10] Академия Генерального штаба. 170 лет / Под редакцией генерал-полковника В. С. Чечеватова. М.: Защитники Отчизны, 2002. С. 28–29; *Ефремов И. И.* Военная академия Генерального штаба: история и современность (к 175-летию со дня ее основания) // Военная мысль. 2007. № 11. С. 2.

[11] О потребности познаний в науках для офицеров Генерального штаба // Военный журнал. № IV. 1831. С. 28–69.

[12] Там же. С. 54–55.

Но лишь познания в военной географии позволяют офицеру «общим обзором судить о выгодности или невыгодности местоположения для военных действий»[13].

Коснулся автор статьи также целей и задач курса статистики, не уточняя, правда, идет речь именно о военной статистике или же общей. «При суждении о какой-либо стране в военном отношении <…> — говорилось в статье — недостаточно того, чтобы просто сосчитать число дворов, число домов, число жителей, ремесленников, возового скота и проч.; а надлежит оценить благосостояние и силу той страны, и вообще жизненные средства оной»[14].

Первым профессором военной географии и военной статистики в Академии стал полковник Петр Александрович Языков. Он окончил Институт инженеров Корпуса путей сообщения, участвовал в строительстве нескольких дорог, преподавал в том же институте военные науки[15].

Важным этапом в карьере Языкова стал 1827 г., когда он был направлен к генералу от инфантерии А. А. Жомини для подготовки «извлечений» из его трактата «Traite des grandes operations militaries» («Наука о больших военных действиях»). Сотрудничество с выдающимся ученым, знатоком военной истории и географии, определило многое в военно-научных взглядах Языкова, повлияло и на его деятельность в качестве профессора Военной академии. Что же касается публикации «извлечений», то она состоялась лишь в 1836 г., уже после зачисления Языкова на службу в Академию[16].

Администрация Военной академии при ее открытии приняла решение из-за отсутствия учебных пособий и опыта отложить преподавание военной статистики «до более благоприятного времени» и преподавать только военную географию, на которую отвести не четыре лекции в неделю, как планировалось изначально, а две[17]. Освещалась в курсе военная география Российской империи и сопредельных стран.

Однако даже эта малоизвестная учебная дисциплина внедрялась с большим трудом. В апреле 1833 г. П. А. Языков подал вице-директору Академии Л. И. Зедделеру рапорт, в котором отмечал: «Мне неизвестно, чтобы даже в лучших иностранных заведениях сей курс <военной географии — А. М., Н. Б.> преподавался, и не существует ни одного сочинения для руководства в сей науке. Действительно, хотя издано несколько сочинений на немецком языке под названием военных географий, но в них не находится других сведений кроме тех, кои можно найти во всех географиях, и не заключается никаких военных обзоров, что по смыслу утвержденной программы составляет сущность курса военной географии, в Императорской военной академии преподаваемого»[18].

Далее П. А. Языков пояснял, какие источники информации он использовал и продолжает использовать при работе над курсом: «Я не имею — писал он — других материалов, кроме военно-исторических сочинений, специальных географических карт, наконец, планов и бумаг, хранящихся в архивах Генерального штаба»[19]. Весьма характерно, что П. А. Языков считал важнейшим источником для разработки курса военной географии военно-исторические работы, но никак не общегеографические научные труды. Такой взгляд, как говорилось выше, типичен для того времени.

В сентябре 1834 г. П. А. Языков составил для руководства Военной академии записку «Рассуждение о военной географии и новые предположения о преподавании сей науки»[20]. Во введении он отмечал: «Военная география, составляющая весьма важную отрасль наук военных, оставалась до сего времени неисследованною. Честь первого опыта преподавания столь важной науки, без сомнения, принадлежит Императорской военной академии»[21].

Далее Языков давал краткую характеристику взглядам авторов, касавшихся в своих трудах военной географии. Среди таковых он особенно выделял эрцгерцога Карла и немецкого военного теоретика И. Ксиландера. Упоминание второго автора особенно интересно. Русский перевод работы Ксиландера по стратегии вышел на русском языке еще в 1829 г.[22] А незадолго до подачи Языковым записки, в 1833 г., была опубликована книга А. А. Жомини «Аналитический обзор главных соображений воен-

---

13 Там же. С. 55.

14 Там же. С. 68–69.

15 РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 13. Л. 134–140.

16 *Жомини Г. В.* Наука о больших военных действиях. Извлеч. из соч. ген. Жомини: Traite des grandes operations militaires, под руководством самого автора подполковником Языковым. В 2 ч. СПб., 1836. Ч. 1. 506 с.; Ч. 2. 354 с.

17 *Глиноецкий Н. П.* Исторический очерк Николаевской академии Генерального штаба. СПб., 1882. С. 59.

18 РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 13. Л. 120.

19 Там же.

20 Там же. Л. 45–55 об.

21 Там же. Л. 45.

22 *Ксиландер И. Л.* Стратегия, изданная в 1821 году Ксиландером. Отд. 1–2. СПб., 1829. 142 с.

ного искусства»[23], содержавшая острую полемику автора с Ксиландером. Обе работы, скорее всего, были Языкову хорошо известны.

Особое внимание уделил П. А. Языков в своей записке принципам, на которых должен строиться курс военной географии в Военной академии в дальнейшем, когда дисциплина будет преподаваться в полном объеме. По его мнению, можно было наметить два подхода. Первый предполагал в основном описание географических условий местности с выделением того, что является особенно важным в военном отношении, но без их глубокого стратегического анализа. «Можно рассматривать предметы, находящиеся на земной поверхности и имеющие непосредственное влияние на военные действия, — писал П. А. Языков — просто как данности, необходимые для соображений военных, ограничиваясь единственно обозначением сих предметов, не входя в стратегические исследования или заключения»[24]. Описательный характер, как признавал автор записки, носил составленный им в начале службы в Академии курс военной географии России[25].

Другой подход требовал «рассматривать военную географию с высшей точки зрения и в смысле совершенно стратегическом»[26]. Именно такое изложение курса, по суждениям Языкова, в наибольшей степени соответствовало задачам Академии. Языков утверждал, даже, что «в курсе, составляемом для учебного заведения высшего и специального, можно было бы исключить совершенно часть описательную», но сделать это не позволяют недостатки программ физической и политической географии, принятых в общеобразовательных учебных заведениях.

В итоге П. А. Языков приходил к выводу, что курс военной географии в Академии должен включать и описательный (в младшем отделении), и стратегический, т. е. аналитический (в старшем отделении) разделы. Интересно также, что при изучении стратегической части курса Языков считал необходимым рассматривать не государства, а театры военных действий, сыгравшие видную роль в войнах прошлого. Здесь автор записки высказывал мысль об определяющей роли в изучении стратегии военной

[23] *Жомини А. А.* Аналитический обзор главных соображений военного искусства и об отношениях оных с политикою государств. Сочинено бароном Жомини, генералом от инфантерии и генерал-адъютантом Его Императорского Величества. СПб., 1833. 322 с.

[24] РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 40. Л. 46.

[25] Там же. Л. 46 об.

[26] Там же.

истории, подчеркивал, что именно знание истории позволяет избежать схоластики и пустого теоретизирования. «В науках военных — заявлял он — выводы едва ли могут быть точны и основательны когда они суть следствие суждений отвлеченных, но для точности и основательности выводов необходимо руководствоваться событиями историческими»[27].

Затрагивал П. А. Языков в своей записке также перспективы преподавания военной статистики. Не отрицая важности этой науки, он, однако, полагал невозможным на настоящем этапе читать ее самостоятельный курс и предлагал ввести военно-статистические сведения в курс военной географии[28].

Еще в марте 1834 г. на службу в Военную академию в качестве профессора военной географии был принят подполковник Генерального штаба Г. К. Стефан. По взаимному согласию Языков и Стефан разделили курс. В младшем (теоретическом) отделении военную географию России, Пруссии и Персии преподавал Языков. В старшем классе изучалась военная география Австрии, Европейской Турции и Швеции, занятия вел Стефан.

При этом, как и рекомендовал Языков «изучение каждой страны состояло из двух частей, описательной и исследовательной»[29]. Правда, на практике, по сообщению историка Академии и профессора военной географии Н. П. Глиноецкого, «у подполковника Стефана сильно преобладал в изложении описательный элемент»[30].

В сентябре 1834 г., практически одновременно с Языковым, Г. Стефан подал начальству Академии свою записку «О военной географии»[31]. В ней, как и в статье 1831 г., напечатанной в «Военном журнале», четко разграничивались задачи военной географии и топографии. Стефан отмечал: «равно как применение тактических правил условливается топографиею края, так точно и применение стратегии зависит от географии театра войны»[32].

В записке говорилось также о неизменности принципов стратегии и многих географических факторов, которые, следовательно, должны

[27] Там же. Л. 52 об.

[28] Там же. Л. 54.

[29] *Глиноецкий Н. П.* Исторический очерк Николаевской академии Генерального штаба. СПб., 1882. С. 60.

[30] Там же.

[31] РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 40. Л. 63–65.

[32] Там же. Л. 63.

«оставаться в некотором отношении постоянном»[33]. «Военная география (военное землеописание) — утверждал Стефен — должна знакомить нас с свойствами тех предметов земной поверхности, которые, находясь в пространстве театра войны, всегда будут иметь влияние на стратегические соображения военного предприятия»[34]. В другой части своей записки он изъяснялся еще определеннее: «Так как природа неизменна, то и зависящие от оной военные действия непременно повторяются»[35].

Исходя из приведенных выше положений, Стефан считал, что постижение принципов стратегии требует, прежде всего, изучения военно-исторических работ, содержащих подробный географический анализ географических реалий. «Важность и свойства некоторых пространств, путей и мест — полагал Стефан — делается очевиднее, когда из событий прошедших времен, показано будет, в какие времена и сколько раз такие-то предметы подлежали военным соображениям и входили в состав основания или линий действия»[36]. Военной статистике в записке Г. К. Стефена отводилась вспомогательная роль, она рассматривалась как часть военной географии[37].

В 1837–1839 гг. в Санкт-Петербурге была напечатана на русском языке работа австрийского офицера Франца Рудторфера «Военная география Европы в таблицах»[38]. Подготовку издания (перевод, дополнения) осуществил вице-директор Академии Л. И. Зедделер и видный ученый-географ и статистик И. Ф. Штукенберг. В издании преобладали конкретные географические и статистические данные, но содержалось и краткое рассуждение о задачах военно-географической науки, а также отмечалась ее связь с военной историей. По мнению, Ф. Рудторфера, «военная география должна заключать себе всё то, что для военного человека из общей географии и статистики можно заимствовать самого полезного и любопытного; сверх того, в состав её входит показание тех мест, где происходили значительные битвы или сражения. Таким образом, она руководствует и к познанию военной истории, которая, изображая минувшие события, научает прозрению будущих»[39].

[33] Там же.

[34] Там же.

[35] Там же. Л. 64 об.

[36] Там же. Л. 65.

[37] Там же.

[38] *Рудторфер Ф.* Военная география Европы в таблицах. Соч. Франца Рудторфера, подполк. имп. австрийск. службы. Тетр. 1–4. СПб. Тетр. 1. В пер. испр. и доп. ген.-майором бар. Зедделером, 1837. 25 л.; Тетр. 2. В пер. испр. и доп. И. Ф. Штукенбергом, 1837. 27 л.; Тетр. 3. В пер. испр. и доп. И. Ф. Штукенбергом, 1838. 28 л.; Тетр. 4, 1839. 29 л.

Подробное изложение теоретических основ и задач военной географии содержался в первой части книги П. А. Языкова «Опыт теории военной географии», вышедшей в свет в 1838 г.[40] (вторая часть носила, скорее, прикладной характер и была посвящена «избранию пунктов для сооружения крепостей»)[41]. В предисловии отмечалось, что рукопись книги удостоилась положительных отзывов К. Ф. Толя и князя П. М. Волконского[42]. Таким образом, повествуя о военной географии, Языков стремился заручиться поддержкой лиц, которые по праву считались создателями российского Генерального штаба.

Рассматривая суть и задачи военной географии, П. А. Языков вновь отмечал ее связь со стратегией, равно как и связь топографии с тактикой. «Рассуждать о каком-либо предмете в отношении военном, — писал он — значит рассматривать оный в отношении стратегическом или тактическом. Географические предметы могут быть рассматриваемы только в отношении стратегическом, ибо в соображения тактические входят одни подробности местности, то есть топография. Следовательно, основанием военно-географическим рассуждениям служат истины стратегические»[43]. Далее Языков характеризовал военную географию как «высшее аналитическое исследование элемента географического для соображений военных»[44].

Анализируя труды своих предшественников (почти исключительно зарубежных авторов), Языков с особым уважением отзывался о работах Г. Ллойда, А. Жомини, эрцгерцога Карла, а также о книге Ш.-Т. Монтолона, «который передал потомству мысли Наполеона»[45]. Роль в становлении военной географии ученых, занимавшихся собственно географическими исследованиями, Языков оценивал менее высоко[46]. Весьма настой-

[39] *Рудторфер Ф. фон.* Военная география Европы в таблицах… Тетр. 1. СПб., 1837. С. 2.

[40] *Языков П. А.* Опыт теории военной географии, с приложением к избранию пунктов, для сооружения крепостей предназначенных. Сочинения подполковника П. Языкова. Ч. 1. Изложение теории. СПб., 1838. 270 с.

[41] *Языков П. А.* Указ. соч. Ч. 2. Краткое руководство, служащее к избранию пунктов для сооружения крепостей. СПб., 1838. 200 с.

[42] *Языков П. А.* Указ. соч. Ч. 1. Изложение теории. С. XI–XII.

[43] Там же. С. V–VI.

[44] Там же. С. VII.

[45] *Языков П. А.* Указ. соч. Ч. 1. Изложение теории. С. 26.

[46] Там же. С. 28.

чиво высказывал Языков мысль, что сводить все многообразие факторов, определивших ход той или иной войны, к объектам физической географии нельзя.

Полемизируя по некоторым вопросам с Рудторфером, он отмечал: «берега Требии служили полем битвы для Аннибала и Суворова. Но обстоятельства, в которых находились два великих полководца, были совершенно различны»[47]. Несколькими страницами далее Языков рассуждал: «Развитие общественной деятельности не только порождает искусственные географические предметы, но существенно изменяет наружный вид естественных географических предметов и их свойство относительно движения вооруженных сил. Горы делаются проходимее, леса исчезают, болота осушаются. События исторические и того более изменяют политическое значение, следовательно, стратегическую важность не только отдельных предметов географических, но целых стран»[48].

П. Языков настоятельно рекомендовал учитывать при военно-географическом анализе максимально большое число факторов, в т. ч. политических, экономических, этнических, исторических и др. При этом военную статистику он считал лишь составной частью военной географии.

Книга П. А. Языкова заслужила большое внимание специалистов и даже была переведена на немецкий язык. Интересно, что перевел ее И. Ф. Штукенберг, который переводил на русский язык работу Рудторфера.

В 1839 г., т. е. на следующий год после публикации книги П. А. Языкова, на страницах «Военного энциклопедического лексикона», выходившего под редакцией Л. И. Зедделера, была опубликована пространная статья «Военная география и статистика»[49]. Ее автор, к сожалению не указан.

В статье отмечено, что зарождение военной географии происходило в конце XVII в. в странах Западной Европы (и, прежде всего, во Франции). Однако оформляться как наука она начала уже в XVIII столетии. В статье, как и в книге Языкова, значительное внимание уделено работам, в которых рассмотрены военно-географические факторы при описании отдельных кампаний (эрцгерцога Карла, Наполеона), но при этом говорится: «Некоторые причисляют также к области военной географии географическо-стратегическое исследование стран, в которых происходили достопримечательные войны <…> но, по нашему мнению, эти

[47] Там же. С. 37.

[48] Там же. С. 45.

[49] Военная география и статистика // Военный энциклопедический лексикон. Ч. 3. СПб., 1839. С. 451–454.

сочинения входят более в область стратегии и военной истории, служа объяснением главнейших стратегических правил историческими примерами и объясняя примеры стратегическим разбором поприща военных действий»[50]. Впрочем, вклад в развитие военной географии эрцгерцога Карла, а также Жомини, Ллойда и Наполеона в статье не отрицается, хотя и подчеркивается, что они рассматривали ограниченные районы («определенные пространства»).

Среди авторов, стремившихся дать военно-географическое описание Европы в целом, в статье названы К. фон Мальхус, К. Ганцог, а также прусский военный деятель генерал-фельдмаршал А. фон Роон и Ф. Рудторфер (книга последнего названа лучшей среди работ подобного рода).

В 1842 г. П. А. Языков выпустил книгу «Опыт теории стратегии», в 1-й части которой он вновь обращался к проблемам военной географии. Среди прочего он очень четко обозначил различие между военной географией и топографией, связав их со стратегией и тактикой, соответственно. «Географическое и топографическое положение — утверждал Языков — есть ни что иное, как видоизменение земной поверхности. По этой причине можно было бы рассмотреть географический и топографический элементы нераздельно. Однако ж должно принять в рассуждение, что топографический элемент имеет влияние почти исключительно на одни тактические действия, тогда как элемент географический преимущественно имеет влияние на действия стратегические»[51].

Поясняя, что надо исследовать в «географическом элементе», Языков назвал «влияние, производимое на стратегические действия, положением морей, хребтов гор, рек и проч., равно как влияние, производимое географическим положением целых стран, разграниченных на земной поверхности рубежами естественными и политическими»[52].

В феврале 1843 г. П. А. Языков покинул Военную академию и вернулся в «свое» путейское ведомство, где занимал весьма ответственные посты. Помощником Г. К. Стефана в преподавании военной географии некоторое время состоял гвардии штабс-капитан Штурм, а в январе 1845 г. профессором по кафедре военной географии стал выдающийся военный деятель Д. А. Милютин.

[50] Там же. С. 452.

[51] *Языков П. А.* Опыт теории стратегии. Ч. 1. Предварительные понятия о стратегии. Сочинение полковника Языкова. СПб., 1842. С. 45.

[52] Там же. С. 30.

Существующий уровень преподавания курса будущего военного министра не устраивал. В своих мемуарах Д. А. Милютин отмечал: «Преподавание военной географии в Академии нисколько не продвинулось вперед и не изменилось против того времени, когда я сам был учеником. Руководством служили прежние записки полковника Языкова и Стефана, не составлявшие ничего целого и редактированные без общего плана. Это был пестрый набор статей о Пруссии, об Австрии, Швеции, Турции, Финляндии, о западном пограничном пространстве России»[53].

Однако Д. А. Милютин считал необходимым не только придать курсу военной географии ясность и четкую структуру. Он считал, что для принятия стратегических решений необходимо учитывать самый широкий спектр факторов, обусловивших «военные силы и средства воюющих государств»[54]. Такой разбор, по его мнению, должен был составлять предмет особой науки и учебной дисциплины — военной статистики.

В 1846 г. в первом номере «Военного журнала» Д. А. Милютин опубликовал пространную статью «Критическое исследование значения военной географии и статистики»[55]. В 1847–1848 гг. вышла в свет монографическая работа Д. А. Милютина «Первые опыты военной статистики», состоявшая из двух томов.

Первый том включал «Вступление», в которое почти без изменений вошел текст статьи 1846 г.[56] Данная работа, представляющая несомненную ценность как памятник отечественной научной мысли, в 2017 г. была напечатана в сборнике «Д. А. Милютин: министр, военачальник, ученый» с обширными комментариями, составленными сотрудниками Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ[57].

---

53 *Милютин Д. А.* Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина 1843–1856. М.: ТРИТЭ, 2000. С. 102.

54 Там же. С. 104.

55 *Милютин Д. А.* Критическое исследование значения военной географии и военной статистики // Военный журнал. 1846. № 1. С. 124–193.

56 *Милютин Д. А.* Первые опыты военной статистики. Д. А. Милютина, Генерального штаба полковника, Императорской военной академии профессора. Кн. 1. Вступление (критическое исследование военной географии и военной статистики). Основания политической и военной системы Германского союза. СПб., 1847. 248 с.

57 *Милютин Д. А.* Критическое исследование значения военной географии и военной статистики // *Жерихина Е. И., Бринюк Н. Ю., Копытко В. К., Коршунов Э. Л., Михайлов А. А.* Д. А. Милютин: министр, военачальник, ученый. СПб.: Аврора, 2017. С. 105–155.

Значительную часть этого текста составляет историографический обзор военной географии и военной статистики. При этом, как и в книге П. А. Языкова, в работе Д. А. Милютина разбор имеющейся научной литературы не являлся самоцелью. Языкову он был нужен чтобы определить теоретические основы военной географии, а Д. А. Милютину — чтобы обосновать выделение военной статистики в самостоятельную науку, показать ее значение и особенности.

Для самого Д. А. Милютина этот вопрос был ясен. В начале своей работы он вполне определенно указывал: «Специальное изучение в военном отношении стран и государств получило наименование *военной географии и военной статистики*: под первым названием вообще согласились разуметь преимущественно изучение в военном отношении стран или частей земной поверхности, под вторым — изучение военных сил и средств государств» <курсив Д. А. Милютина — *А. М.*>[58].

Д. А. Милютин видел в военной географии раздел более обширной фундаментальной науки — военной статистики, которая учитывает самый широкий круг факторов, влияющих на военную мощь государства и ход войн. «В военную статистику — писал он — непременно должны входить и географические данные в той степени, сколько исследования этих данных необходимо для определения стратегического положения государства к соседним для соображения его средства обороны и наступления. При подобном определении военной статистики отношение ее к военной географии обозначается само собой, ибо последняя делается только, так сказать, материалом для первой; военная же статистика, почерпая данные из военной географии, занимается исследование этих данных с определенной целью и в связи с различными другими данными. Точно таково же отношение между статистикой и географией вообще»[59].

Дабы подкрепить это положение, Д. А. Милютин проанализировал некоторые труды основоположников статистики (Г. Конринга, Г. Ахенваля, А. Ниманна и др.), а также тех географов, которые уделяли повышенное внимание влиянию человека на географическую среду. С особенным уважением отзывается он о трудах немецкого ученого Карла Риттера (1779–1859).

Надо отметить, что работа Д. А. Милютина вообще содержит анализ очень широкого круга работ достаточно разной тематики: военно-географических, военно-исторических, статистических, географических

---

58 *Милютин Д. А.* Критическое исследование… С. 113.

59 Там же. С. 147.

и др. Он весьма жестко полемизировал с П. А. Языковым. Однако работа Д. А. Милютина не ограничилась теоретическими началами военной статики. В ней приведен также подробный план составления военно-статистического описания государства. Кроме того, Д. А. Милютин подготовил и с успехом преподавал в Военной академии курс военной статистики.

Таким образом, в России в довольно сжатые сроки были разработаны теоретически и внедрены в практику подготовки офицеров Генерального штаба две науки, которые в начале этого процесса почитались «неизвестными» и «не имеющими распространения».

Список литературы

Академия Генерального штаба. 170 лет / Под редакцией генерал-полковника В. С. Чечеватова. М.: Защитники Отчизны, 2002.

Военная география и статистика // Военный энциклопедический лексикон. Ч. 3. СПб., 1839.

Глиноецкий Н. П. Исторический очерк Николаевской академии Генерального штаба. СПб., 1882.

Ефремов И. И. Военная академия Генерального штаба: история и современность (к 175-летию со дня ее основания) // Военная мысль. 2007. № 11.

Жомини Г. В. Наука о больших военных действиях. Извлеч. из соч. ген. Жомини: Traite des grandes operations militaires, под руководством самого автора подполковником Языковым. В 2 ч. СПб., 1836. Ч. 1. 506 с.; Ч. 2.

Жомини А. А. Аналитический обзор главных соображений военного искусства и об отношениях оных с политикою государств. Сочинено бароном Жомини, генералом от инфантерии и генерал-адъютантом Его Императорского Величества. СПб., 1833.

Кожевников Д. Военная география, ее место и роль в военной науке // Военная мысль. 1952. № 5.

Ксиландер И. Л. Стратегия, изданная в 1821 году Ксиландером. Отд. 1–2. СПб., 1829.

Ллойд Г. Главное начертание главнейших и первоначальных частей военного искусства, почерпнутое из творений Г. Ллойда, с замечаниями. Писано на кантонир-квартирах в Силезии, селении Пейскерздорфе, в июле месяце 1813 г. СПб., 1815.

Милютин Д. А. Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина 1843–1856. М.: ТРИТЭ, 2000.

Милютин Д. А. Критическое исследование значения военной географии и военной статистики // Военный журнал. 1846. № 1.

Милютин Д. А. Первые опыты военной статистики. Д. А. Милютина, Генерального штаба полковника, Императорской военной академии профессора. Кн. 1. Вступление (критическое исследование военной географии и военной статистики). Основания политической и военной системы Германского союза. СПб., 1847.

Милютин Д. А. Критическое исследование значения военной географии и военной статистики // *Жерихина Е. И., Бринюк Н. Ю., Копытко В. К., Коршунов Э. Л., Михайлов А. А.* Д. А Милютин: министр, военачальник, ученый. СПб.: Аврора, 2017.

Никитенко А. В. Дневник. В 3 т. Т. 1. М.: Захаров, 2003.

Общие правила военного искусства. Сочинение генерал-адъютанта Жомини. Перевел с французского М. Грибовский. СПб., 1817.

О потребности познаний в науках для офицеров Генерального штаба // Военный журнал. № IV. 1831.

Правила стратегии, объясненные описанием похода 1796 года в Германии. Сочинение эрцгерцога Карла Перевод с немецкого Андрея Раевского. Ч. 1. СПб., 1818.

Рудторфер Ф. Военная география Европы в таблицах. Соч. Франца Рудторфера, подполк. имп. австрийск. службы. Тетр. 1–4. СПб. Тетр. 1. В пер. испр. и доп. ген.-майором бар. Зедделером, 1837. 25 л.; Тетр. 2. В пер. испр. и доп. И. Ф. Штукенбергом, 1837. 27 л.; Тетр. 3. В пер. испр. и доп. И. Ф. Штукенбергом, 1838. 28 л.; Тетр. 4, 1839.

Снесарев А. Е. Введение в военную географию. М., 1924.

Языков П. А. Опыт теории военной географии, с приложением к избранию пунктов, для сооружения крепостей предназначенных. Сочинения подполковника П. Языкова. Ч. 1. Изложение теории. СПб., 1838.

Языков П. А. Опыт теории стратегии. Ч. 1. Предварительные понятия о стратегии. Сочинение полковника Языкова. СПб., 1842.

Andrei Aleksandrovich MIHAILOV

Doctor of History, Research Fellow, Research Institute of Military History of the Military Academy of the General Staff (Saint-Petersburg, Russia)

Nadezda Yurievna BRINIUK

Ph. D. In History (*kandidat istoricheskikh nauk*), Research Fellow, Research Institute of Military History of the Military Academy of the General Staff (Saint-Petersburg, Russia)

E-mail: dragun66@mail.ru

The origin of military geography and military statistics as independent sciences in Russia in the first third of the XIX century

The article is devoted to the emergence and development of military geography and military statistics in Russia, as well as their theoretical development and implementation of the training of officers of the General Staff. Geography and statistics considered at the beginning of the century as «unknown» and «not widely spread» by the end of the first half of the century, largely thanks to the works of P. A. Yazykov and D. A. Milutin, firmly entered the practice of training officers as essential subjects.

Keywords: military geography, military statistics, Academy of the General Staff, A. Jomini, P. A. Yazykov, D. A. Milutin, military education.

References

Akademiya Generalnogo shtaba. 170 let. [Academy of the General Staff. 170 years], Moscow 2002.

Efremov I. I., *Voennaya akademia Generalnogo shtaba: istoriya i sovremennost (k 175-letiyu so dnya osnovaniya) [Military Academy of the General Staff: history and modernity (to the 175th anniversary of the founding)],* in: Voennaya mysl. 2007. No. 11.

Glinoetsky N. P., *Istorichesky ocherk Nikolaevskoy akademiy Generalnogo Staba [Historical sketch of the Nicholas Academy of the General Staff]*, St. Petersburg 1882.

Jomini *Obshie pravila voennogo iskusstva [General rules of military art]*, St. Petersburg 1817.

Jomini G. V., *Nauka o bolshih voennyh deistviyah. Izvlech. iz soch. gen. Jomini: Traite des grandes operations militaires, pod rukovodstvom samogo avtora podpolkovnikom Yazykovim [The Science of Great Hostilities]*, pt. 1–2, St. Petersburg 1836.
Jomini A. A., *Analitichesky obzor glavnyh soobrazheniy voennogo iskusstva i ob otnosheniyah onyh s politikoy gosudarstv [Analytical review of the main military considerations and the relationship of these with the policy of states]*, St. Petersburg 1833.
Kozhevnikov D., *Voennaya geografiya, ee mesto i rol v voennoy nauke*, in: Voennaya mysl. 1952. No. 5.
Ksilander I. L., *Strategiya, izdannya v 1821 godu Ksilanderom [The strategy, published in 1821 by Xylander]*, pt. 1–2, St. Petersburg 1829.
Lloyd G., *Glavnoye nachertaniye glavneishih I pervonachalnyh chastey voennogo iskusstva, pocherpnutoye iz tvoreniy G. Lloyda, s zamechaniyami [The main outline of the main and primary parts of the military art]*, St. Petersburg 1815.
Milutin D. A., *Vospominaniya general-feldmarshala grafa D. A. Milutina 1843–1856 [Memoirs of General-Field Marshal Count Dmitry Alekseevich Milyutin 1843–1856]*, Moscow 2000.
Milutin D. A., *Kriticheskoye issledovaniye znacheniya voennoy geografii I voennoy statistiky [Critical study of the importance of military geography and military statistics]*, in: Voenny zhurnal. 1846. No. 1.
Milutin D. A., *Pervye opity voennoy statistiki [The first experiments of military statistics]*, book 1, St. Petersburg 1847.
Milutin D. A., *Kriticheskoe issledovanie znacheniya voennoy geografii i voennoy statistiky [Critical study of the importance of military geography and military statistics]*, in: Jerihina E. I., Brinyuk N. Y., Kopytko V. K. *Milutin: ministr, voenachalnik, uchenyi*, St. Petersburg 2017.
Nikitenko A. V., *Dnevnik [The Diary]*, vol. 1–3, Moscow 2003.
O potrebnosti poznaniy v naukah dlya ofizerov Generalnogo shtaba [On the need for knowledge in the sciences for officers of the General Staff], in: Voenny zhurnal. No. 4. 1831.
Rudtdofer F., *Voennaya geografia Evropy v tablizah [Europe's military geography in the tables]*, vol. 1–4, St. Petersburg 1837–1839.
Snesarev A. E., *Vvedenie v voennuy geografiiu [Introduction to the military geography]*, Moscow 1924.
Voennaya geografia i statistika [Military Georgaphy and Statistics], in: Voenny entziklopedichesky leksikon. P. 3. St. Petersburg 1839.
Yazykov P. A. *Opyt teorii voennoy geografii [The experience of the theory of military geography]*, vol. 1, St. Petersburg 1838.
Yazykov P. A. *Opyt teorii strategii [Experience in Strategy Theory]*, vol. 1, St. Petersburg 1842.

УДК 94 (47).072
ББК 63.3 (2) 47

Вячеслав Олегович ТЕРЕНТЬЕВ

кандидат исторических наук, Государственный университет морского и речного флота имени адмирала С. О. Макарова (Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: terehv@mail.ru

НЕЙШЛОТСКИЙ ПЕХОТНЫЙ ПОЛК В НАПОЛЕОНОВСКИХ ВОЙНАХ

В статье показан боевой путь одного из пехотных полков Александровской эпохи. Нейшлотский полк не участвовал в знаменитых сражениях Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов русской армии. Он исполнял свой воинский долг в тяжелых осадах Замостья, Дрездена и Гамбурга. Будучи зачастую единственной частью тяжелой пехоты в осадных корпусах, полк оказывался на самых сложных участках, поддерживая ополчение и конницу. Полковник А. Ф. Балла командовал нейшлотцами на всем протяжении наполеоновских войн, и его командование приносило победы, хотя ни командир, ни его полк не были отмечен наградами.

Ключевые слова: Нейшлотский полк, 1812–1815, Наполеоновские войны, полковник Балла.

Нейшлотский полк представлял собой одну из типовых частей линейной (тяжелой) пехоты, сформированных в эпоху Александра I. Он был создан в период противоборства двух великих империй и полностью выполнил свое предназначение по защите интересов России. В небольшой историографии Нейшлотского полка нередко встречаются ошибки и неточности. Несмотря на значительный интерес к наполеоновским войнам, некоторые страницы истории полка вообще неизвестны в современной историографии.

Нейшлотский полк был образован в Подмосковье в августе 1806 г. указом Александра I как мушкетерский. Он состоял из двух кадровых и одного запасного батальонов. Шефом и командиром части был назначен полковник Александр Федорович Балла[1]. К концу 1806 г. формирование было полностью закончено, а 16 марта 1807 года батальонам были пожалованы знамена. После усиленной муштры, обучения и сла-

[1] *Висковатов А. В.* Хроника Российской Императорской армии. В 7-ми частях. Ч. VII. СПб., 1852. С. 3–5.

живания полк стал ординарной частью линейной пехоты Русской армии. В конце 1807 г. свежеиспеченные полки 18-й дивизии были направлены в Дунайскую армию, в составе которой нейшлотцы активно участвовали в Русско-турецкой войне 1806–1812 гг.[2]

К моменту подписания Бухарестского мирного договора, закончившего войну, полк находился в Сербии в составе отдельного отряда генерал-майора Н. И. Лидерса. В конце мая он был выведен в Крайову и подготовлен к возвращению в Россию. Еще 22 февраля 1811 г. Нейшлотский мушкетерский полк был переименован в пехотный и на всем протяжении Отечественной войны и заграничных походов оставался таковым[3]. Запасной батальон был переведен в кадровый состав. Шеф и командир нейшлотцев в ходе войн не только возглавлял свой полк, но и нередко назначался командиром бригады и отдельных отрядов.

23 июня 1812 г. в связи с началом Отечественной войны и реваншистскими намерением турок командующий Дунайской армией адмирал П. В. Чичагов приказал генерал-майору графу И. К. Орурку направить отряд в составе Нейшлотского пехотного полка, Волынского уланского полка и Донского казачьего Турчанинова 1-го полков в Сербию и занять важные пункты. Замыслом Чичагова была не много ни мало авантюрная экспедиция в Италию и далее поход на границу Франции. В начале июля в связи с обострением ситуации в пределах России отряд был возвращен обратно[4].

В начале июля 1812 г. адмирал П. В. Чичагов предписал генерал-майору Н. И. Лидерсу выдвинуть свой отряд из Сербии и Валахии на соединение с главными частями 3-й армии через Пинск. 19 июля Нейшлотский полк вместе с остальными частями Дунайской армии начал движение в Россию[5]. В течение двух с половиной месяцев полк шел через Бухарест, Яссы и Острог на Дубно[6]. Отряд Лидерса был предназначен для усиления отряда генерал-майора Репнинского, которому была поставлена задача непосредственной охраны Волыни по границе по Бугу у Орховки и Влодавы, где находилась стратегическая переправа, от австрийско-саксонских войск. Уже на марше из отряда изымались части и подразделения с разными задачами. В частности, для обеспечения продовольственных транспортов 3-й армии, стекавшихся со всей Волыни, отряд Лидерса на марше из Пинска в Брест 4 октября выделил в Дубно два батальона (в т. ч. 2-й Нейшлотского полка) с артиллерией[7]. В это время 4-й (резервный) батальон нейшлотцев был переведен из Ольвиопольского депо в крепость Хотин[8].

Основу отряда Репнинского в начале октября составили два батальона Нейшлотского пехотного полка (с подошедшим позже 2-м), 43-й егерский полк, несколько отдельных батальонов и тираспольские драгуны с казаками Турчанинова[9]. 5 ноября 1812 г. Кутузов приказал Лидерсу со своим отрядом, за исключением частей Репнинского, направиться на соединение с армией Чичагова в Несвиж[10]. Поздней осенью Нейшлотский полк оборонял волынскую границу Российской империи от действий отрядов союзной Наполеону австрийской армии генерал-фельдмаршала К. Ф. Шварценберга и отрядов польской армии генерала Ю. Понятовского.

В середине ноября 1812 г. Нейшлотский пехотный полк с 43-м егерским полком и двумя батальонами Мингрельского и Охотского полков составил 16-ю пехотную дивизию отдельного корпуса генерал-майора П. К. Мусин-Пушкина, сменившего на посту командира Волынского отряда генерала Репнинского. Обнаружив сосредоточение польских отрядов для перехода Буга, Мусин-Пушкин решил их опередить. В ночь на 21 ноября 1812 г. отряд Мусина-Пушкина форсировал Буг у Устилуга и, следуя на Грубешов, напал на неприятеля. Русские разбили превосходящий польский отряд и захватили свыше 200 пленных, в том числе 1 полковника и 3 офицера[11]. Потери Нейшлотского полка составили 2 убитых и 12 раненых. 1 декабря Нейшлотский полк в трехбатальонном составе перешел в крепость Брест-Литовск[12].

---

2 *Терентьев В. О.* Нейшлотский полк в русско-турецкой войне 1806–1812 гг. // Военная история России XIX–XX веков. Материалы VIII Международной военно-исторической конференции. Под ред. проф. А. В. Арановича. СПб.: СПбГУПТД, 2015. С. 3–17.

3 Дополнение к справочной книжке императорской главной квартиры «Гренадерские и пехотные полки» (181-й — 208-й пехотные полки). Под ред. В. К. Шенка. СПб., 1912. С. 35–36.

4 *Никитин Н.* Краткая хроника 1-го Кронштадтского крепостного пехотного батальона. СПб: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1906. С. 15.

5 *Богданович М. И.* История Отечественной войны 1812 года. Т. 2. СПб., 1859. С. 445.

6 *Никитин Н.* Указ. соч. С. 15.

7 *Богданович М. И.* Указ. соч. С. 463, 646.

8 *Никитин Н.* Указ. соч. С. 15.

9 *Богданович М. И.* Указ. соч. С. 463, 646.

10 *Богданович М. И.* Указ. соч. Т. 3. СПб., 1859. С. 227.

11 М. И. Кутузов. Сборник документов. В пяти томах. Т. 4. Ч. 2 / Под ред. Л. Г. Бескровного. М.: Воениздат, 1952—1956. С. 512–513, 619.

12 *Никитин Н.* Указ. соч. С. 16.

В «Энциклопедии 1812 г.» указано, что Нейшлотский полк в 1813 г. находился в составе 11-го пехотного корпуса в войсках Остен-Сакена (Силезская армия) и участвовал в сражениях при Кацбахе, Лейпциге, Рейне и Ла-Ротьере, а резервный батальон участвовал в осаде крепости Замостье[13]. Это полностью не соответствует действительности.

18 января 1813 г. командиром Волынского отряда М. И. Кутузов назначил хорошо проявившего себя в боях с Наполеоном генерал-лейтенанта С. Л. Ратта. 1 февраля отряд Ратта перешел из Владимира в Люблин и приступил к наведению порядка, поскольку после бегства польской администрации в краю царила анархия. Нейшлотский полк являлся пехотным ядром и главной ударной силой отряда.

8 февраля 1813 г. русские войска Ф. В. Остен-Сакена заняли Варшаву[14]. Кутузов сразу же потребовал от Остен-Сакена выступить против польской армии Ю. Понятовского на Ченстохову[15]. По указу Александра I кроме командования отрядом генерал-лейтенант С. Л. Ратт был назначен генерал-губернатором южной части Варшавского герцогства[16]. Пока легкие силы его отряда обеспечивали порядок и лояльность поляков в окрестностях города, Нейшлотский полк стал основой Люблинского гарнизона. Для усиления корпуса Остен-Сакена Кутузов приказал Ратту перевести отряд из Люблина в Варшаву[17].

Однако выступить отряду Ратта из Люблина возможности не представилось, поскольку в районе Замостья казаками был обнаружен сильный польский отряд конфедератов. В Варшаву перешел лишь один батальон Нейшлотского полка. 10 февраля, генерал-лейтенант С. Л. Ратт предложил коменданту Замостья дивизионному генералу М. Ф. Гауке сдать крепость во избежание бессмысленного кровопролития. Поляки ответили отказом. В связи с этим отряд Ратта остался в Люблине и начал действовать против польских войск в районе Люблин — Замостье.

Казачий отряд с группой нейшлотцев направился для блокады Замостья с запада. 12 февраля в селе Плоскинев казаки наткнулись на польский отряд силой 4 роты. Короткой атакой поляки были разбиты, 64 человека

[13] Отечественная война 1812. Энциклопедия. М.: РОССПЭН, 2004. С. 502.

[14] *Богданович М. И.* История войны 1813 года за независимость Германии. Т. 1. СПб., 1863. С. 14, 490–492.

[15] М. И. Кутузов. Сборник документов. В 5-ти томах. Т. 5. Под ред. Л. Г. Бескровного М.: Воениздат, 1952–1956. С. 242–243.

[16] *Михайловский-Данилевский А. И.* Описание войны 1813 года. Ч. 1. СПб., 1840. С. 38.

[17] М. И. Кутузов… С. 242–243.

пленены. Дорога на запад для гарнизона была заблокирована[18]. 14 февраля Кутузов отменил свой приказ о присоединении отряда Ратта к корпусу Остен-Сакена[19]. 20 февраля корпус Остен-Сакена (с батальоном нейшлотцев) перешел из Варшавы в Калиш. Ю. Понятовскому удалось сформировать в нескольких крепостях Варшавского герцогства гарнизоны. Среди таких крепостей были Замостье, Модлин, Ченстохова. 22 февраля Кутузов приказал осадным войскам, действующим в Польше, и руководителям временной русской администрации проводить репрессивную политику по отношению к должностным польским лицам, поддерживающим связь с неприятелем[20].

21 февраля отряд Ратта двинулся на Замостье, а 25 февраля корпус Остен-Сакена на Ченстохову. Войска Остен-Сакена прибыли в район крепости Ченстохова 10 марта. После предварительной подготовки 13 марта крепость была осаждена. Против нее русскими войсками были построены четыре земляные батареи, с которых 23 марта начался обстрел цитадели. 25 марта польско-австрийский гарнизон Ченстоховы (1,1 тысяча человек при 24 орудиях) сдался. В качестве гарнизона Остен-Сакеном в городе был оставлен батальон нейшлотцев.

В июне 1813 года под Замостьем Нейшлотский полк был вновь собран воедино. Батальон из Ченстоховы был сменен ополченцами и прибыл под Замостье, а на основе 4-го (резервного) батальона на Украине был сформирован Измаильский пехотный полк (позже переформированный в 46-й егерский). Вместо убывшего резервного батальона в России было начато формирование нового.

В 1813 г. Нейшлотский полк составлял пехотное ядро русских войск генерала Ратта, осадивших польскую крепость Замостье[21]. Польские исследователи считают Нейшлотский полк под Замостьем в составе 3-х батальонов (2300 человек)[22]. Но в действительности два батальона Нейшлотского полка, участвующие в осаде, имели общую численность 994 человека[23]. Зимой и весной 1813 г. Нейшлотский полк актив-

[18] *Катаев В. П.* Кладбище в Скулянах. М.: Художественная литература, 1977.

[19] М. И. Кутузов… С. 266.

[20] Там же. С. 303.

[21] *Терентьев В. О.* Участие Нейшлотского пехотного полка в осаде крепости Замостье русскими войсками в ходе заграничных походов 1813–1814 гг. // Вестник Гуманитарного факультета СПбГУТ им. проф. М. А. Бонч-Бруевича. Под ред. проф. С. А. Лосева. СПб.: СПбГУТ, 2015. С. 165–170.

[22] *Nadzieja J.* Zamość 1813. Warszawa: Bellona, 1994. С. 76–77.

[23] *Богданович М. И.* История войны 1813 года за независимость Германии. Т. 1. СПб., 1863. С. 624–625.

но действовал против превосходящих сил польского гарнизона. В конце Плесвицкого перемирия, длившегося с 23 мая по 27 июля 1813 г., русские регулярные войска с осады Замостья были отозваны и передислоцированы в Пруссию в армию генерала от кавалерии барона Л. Л. Беннигсена.

После ухода регулярной армии осаждать крепость осталось только русское ополчение. Только 17% ополченцев было вооружено огнестрельным оружием. Боевого опыта ополченцы не имели и проходили обучение прямо под стенами Замостья. Тем не менее, регулярные обстрелы и нехватка продовольствия при плотной осаде вели к большим потерям в польском гарнизоне. 10 ноября 1813 г. крепость капитулировала. Потери русских войск под Замостьем по разным данным составили не более ста человек. Имя Нейшлотского пехотного полка запечатлено на 48-й стене галереи воинской славы храма Христа Спасителя среди прочих участников осады Замостья.

В середине августа 1813 г. Нейшлотский полк в составе 16-й дивизии генерал-майора М. Л. Булатова вошел в состав авангардного корпуса генерал-лейтенанта Е. И. Маркова Польской армии Л. Л. Беннигсена[24]. Колонны армии были собраны к 18 августа в Бреслау[25]. 19 августа в Пруссию из Польши вступил и Нейшлотский полк[26]. В это время из состава полка для усиления осадного корпуса крепости Глогау был выделен резервный полубатальон Нейшлотского полка, который был сформирован зимой из рекрутов последнего набора и выздоравливающих[27].

Войска генерала Маркова стали строить понтонные переправы через Одер, разлившийся из-за прорыва плотин. 26–27 августа войска Польской армии перешли реку по понтонному мосту между Лейбусом и Штейнау, 28 — у Клейнау, и 1 сентября прибыли в Лигницу. Вскоре полк догнал смененный ополчением резервный полубатальон[28]. 14 сентября, совершив быстрый сложный марш через горную местность, авангард Польской армии в районе Теплица сменил на передовых постах войска Главной армии[29]. Нейшлотский полк, выйдя через Цитау и Румбург

[24] *Михайловский-Данилевский А. И.* Описание войны 1813 года. Ч. 2. СПб., 1840. С. 100.

[25] *Князь Щербатов.* Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Его жизнь и деятельность. В 7-ми томах. Т. 1. 1782–1826. СПб., 1888. С. 207.

[26] *Катаев В. П.* Кладбище в Скулянах. М.: Художественная литература, 1977.

[27] *Никитин Н.* Указ. соч. С. 17.

[28] Там же. С. 18.

[29] *Богданович М. И.* История войны 1813 года за независимость Германии. Т. 2. СПб., 1863. С. 59–63.

к Лейтмерицу, к этому моменту насчитывал 45 офицеров и 1805 нижних чинов[30]. Отсюда полк, идя в авангарде Маркова в направлении Дрездена, имел постоянные стычки с неприятелем.

К 20 сентября в район Теплица прибыли все силы Польской армии (свыше 45 тыс. чел.). Генерал Беннигсен принял решение разгромить войска Сен-Сира, занимавшие Дрезден. 27 сентября нейшлотцы вступили в бой у села Дона. С этого момента началось октябрьское сражение под Дрезденом. Большая часть тяжелой пехоты союзников сражалась в это время в «Битве народов», а отдельные ее части участвовали в дрезденском сражении лишь эпизодически. Нейшлотский пехотный полк — единственная линейная часть русской тяжелой пехоты, участвовавшая в битве за Дрезден, послужил главным пехотным ядром, опорой русского войска, состоявшего в основном из ополченцев и кавалерии. Именно благодаря стойкости нейшлотцев большинство боев и сражений под Дрезденом было выиграно армией Беннигсена. Тем не менее, полк не был награжден, а его имя даже не упомянуто на той же 48-й стене галереи воинской славы храма Христа Спасителя среди войск, осаждавших Дрезден[31].

По взятии Дрездена корпуса Толстого и Маркова в составе Северной армии Беннигсена двинулись через Магдебург на Гамбург для борьбы с силами маршала Даву (13-й корпус и датская армия). Нейшлотский пехотный полк был оставлен в Дрездене в качестве гарнизона[32].

В начале декабря 1813 г. он перешел под Гамбург, в Северную армию. Зимой 1813–1814 гг. корпус Маркова состоял из двух пехотных (в т. ч. Нейшлотский), двух егерских, двух уланских, двух казачьих и одного башкирского конного полков. При этом пехота и егеря составляли дивизию Булатова, а уланы — кавалерийскую бригаду генерал-майора С. В. Дяткова. Первый неудачный штурм Гамбурга был проведен Беннигсеном в ночь на 23 декабря 1813 г. сразу по прибытии Нейшлотского полка. Корпус генерал-лейтенанта Е. И. Маркова стал ударной профессиональной силой в составе армии Беннигсена. Его действия в большинстве случаев отмечены успехами. Именно войска

[30] Там же. С. 722.

[31] *Терентьев В. О., Терентьева Е. А.* Нейшлотский пехотный полк в сражении под Дрезденом в октябре 1813 года // Военная история России: проблемы, поиски, решения. Материалы IV Международной научной конференции (Волгоград, 20–21 октября 2017 г.) В 2-х ч. Ч. 2. Волгоград: ВолГУ, 2017. С. 142–152.

[32] *Михайловский-Данилевский А. И.* Описание войны 1813 года. Ч. 2. СПб., 1840. С. 270.

Маркова в тяжелых боях неоднократно очищали гамбургские острова от французов, захватывали мост, пленяли врагов и их пушки.

Потери корпуса были малы в сравнении с соседними отрядами и тем более французскими войсками. Марков при наличии слабой артиллерии воспользовался успехом своих частей на мосту и усилил артиллерийскую группировку за счет захваченных орудий противника. Это позволило ему более успешно содействовать пехоте и кавалерии в непосредственной близости от крепостных орудий противника. Осада Гамбурга может рассматриваться как успешный пример блокады мощного гарнизона слабыми (большей частью ополченческими) силами с наименьшими потерями. Немалую роль при этом сыграл корпус генерала Маркова, ядро которого составлял Нейшлотский полк, действовавший на самых сложных и опасных участках[33]. После капитуляции Гамбурга Нейшлотский полк расположился в полевых лагерях за городом[34].

29 августа 1814 г. при утверждении нового расписания армии Нейшлотский пехотный полк вместе с Охотским остался в 1-й бригаде 16-й дивизии 8-го корпуса[35]. 31 августа 1814 г. в полку было оставлено только три знамени по числу батальонов. 1 сентября в армии было ликвидировано шефство, и полковник Балла был официально назначен командиром Нейшлотского полка до возвращения на постоянные квартиры[36].

До конца осени 1814 г. войска армии Беннигсена квартировали в Гамбурге и Голштинии[37]. В декабре 1814 г. они двинулись в Россию. Нейшлотский полк, 8 января 1815 г. прибыл в Шверин, откуда к весне через Калиш, Люблин, Дубно, Проскуров полк вышел в Бессарабию, присоединенную к Российской империи по Бухарестскому мирному договору 1812 г. Местом квартирования полка была назначена крепость Бендеры[38].

Нейшлотский полк не участвовал в знаменитых сражениях Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов Русской армии. Он исполнял свой воинский долг в тяжелых осадах Замостья, Дрездена

[33] *Терентьев В. О.* Действия отряда генерал-лейтенанта Е. И. Маркова в ходе осады Гамбурга союзными войсками в 1813–1814 гг. // Военная история России XIX–XX веков. Материалы IX Международной военно-исторической конференции (Санкт-Петербург, 25–26 ноября 2016 г.). СПб.: СПбГУПТД, 2016. С. 28–38.

[34] *Никитин Н.* Указ. соч. С. 22–23.

[35] *Висковатов А. В.* Историческое описание одежды и вооружения российских войск. В 34-х томах. Т. 10. СПб., 1900. С. 13–70.

[36] *Никитин Н.* Указ. соч. С. 23.

[37] *Богданович М. И.* История войны 1814 года во Франции. Т. 1. СПб., 1863. С. 643–648.

[38] *Никитин Н.* Указ. соч. С. 23.

и Гамбурга. Будучи зачастую единственной частью тяжелой пехоты в осадных корпусах, полк оказывался на самых сложных участках, поддерживая ополчение и конницу. Тем не менее, полк, как и его командир, не были отмечены яркими наградами Государя Императора.

Список литературы

Богданович М. И. История войны 1814 года во Франции. В 2-х томах. СПб., 1863.

Михайловский-Данилевский А. И. Описание войны 1813 года. В 2-х частях. Ч. 2. СПб., 1840.

Никитин Н. Краткая хроника 1-го Кронштадтского крепостного пехотного батальона. СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1906.

Терентьев, В. О. Действия отряда генерал-лейтенанта Е. И. Маркова в ходе осады Гамбурга союзными войсками в 1813–1814 гг. // Военная история России XIX–XX веков. Материалы IX Международной военно-исторической конференции. (Санкт-Петербург, 25–26 ноября 2016 г.). СПб.: СПбГУПТД, 2016. С. 28–38.

Терентьев В. О., Терентьева Е. А. Нейшлотский пехотный полк в сражении под Дрезденом в октябре 1813 года // Военная история России: проблемы, поиски, решения. Материалы IV Международной научной конференции (Волгоград, 20–21 октября 2017 г.). В 2-х ч. Ч. 2. Волгоград: ВолГУ, 2017. С. 142–152.

Терентьев В. О. Нейшлотский полк в русско-турецкой войне 1806–1812 гг. // Военная история России XIX–XX веков. Материалы VIII Международной военно-исторической конференции. Под ред. проф. А. В. Арановича. СПб.: СПбГУПТД, 2015. С. 3–17.

Терентьев В. О. Участие Нейшлотского пехотного полка в осаде крепости Замостье русскими войсками в ходе заграничных походов 1813–1814 гг. // Вестник Гуманитарного факультета СПбГУТ им. проф. М. А. Бонч-Бруевича. Под ред. проф. С. А. Лосева. СПб.: СПбГУТ, 2015. С. 165–170.

Vyacheslav Olegovich TERENTYEV

Ph. D. In History (*kandidat istoricheskikh nauk*), Head of the University Museum, Admiral Makarov State University of Maritime and Inland Shipping (St. Petersburg, Russia)

E-mail: terehv@mail.ru

The Nyslott Infantry Regiment in the Napoleonic Wars

The article describes the history of the Nyslott Infantry Regiment during the Napoleonic Wars. The Regiment didn't take part in the celebrated battles of the Napoleonic Wars, having laid siege to Zamosc, Dresden and Hamburg. The Regiment often supported the militia and the cavalry troops in the areas of the most violent fighting as the only heavy infantry unit in the siege corps. Colonel Alexander Balla commanded the Regiment during all the Napoleonic Wars and brought successes to his Regiment, though neither the commander nor his Regiment had not been decorated with high decorations of the Russian Empire.

Keywords: Nyslott Regiment, 1812–1815, Napoleonic Wars, Colonel Balla.

References

M. I. Bogdanovitch, *Istoria voini 1814 goda vo Francii* [History of the 1814 war in France], St. Petersburg 1863.

A. I. Mikhailovskiy-Danilevskiy, *Opisanie voiny 1813 goda [Account of the 1813 war]*, part 2, St. Petersburg 1840.

N. Nikitin, *Kratkaya hronika 1 Kronschtadtskogo krepostnogo pehotnogo bataliona [Brief chronicle of the 1st Kronstadt fortress infantry battalion]*, St. Petersburg 1906.

V. O. Terentyev, *Neyshlotskii pekhotnyi polk v russko-turetskoi voine 1806–1812 gg. [The Nyslott regiment in the Russian-Turkish war of 1806–1812]*, in: Voyennaya istoriya Rossii XIX–XX vekov. Materialy VIII Mezhdunarodnoy voenno-istoricheskoy konferentsii, St. Petersburg 2015, 3–17.

V. O. Terentyev, *Uchastie Neyshlotskogo pekhotnogo polka v osade kreposti Zamostie russkimi voiskami v khode zagranichnykh pokhodov 1813–1814 gg. [The participation of the Nyslott infantry regiment in the siege of the Zamostye fortress by Russian troops during the foreign campaigns of 1813–1814.]*, in: Vestnik Gumanitarnogo fakulteta SPbGUT im. prof. M. A. Bonch-Bruevicha, St. Petersburg 2015, 165–170.

V. O. Terentyev, *Deystvia otryada general-leytenanta E. I. Markova v hode osady Gamburga soyuznymi voyskami v 1813–1814 gg. [Actions of the detachment of Lieutenant-General E. I. Markov during the siege of Hamburg by the Allied forces in 1813–1814]*, in: Voyennaya istoriya Rossii XIX–XX vekov. Materialy IX Mezhdunarodnoy voenno-istoricheskoy konferentsii, *St. Petersburg*, 25–26 November, *St. Petersburg* 2016, 28–38.

V. O. Terentyev, E. A. Terentyeva, *Neyshlotsky pehotny polk v srazhenii pod Drezdenom v oktyabre 1813 goda [The Nyslott infantry regiment in the battle of Dresden in October 1813]*, in: Voyennaya istoriya Rossii: problemy, poiski, resheniya. Materiyaly IV Mezhdunarodnoy neuchnoy konferentsii. Volgograd 2017, vol. 2, 142–152.

УДК 94(47).072
ББК 63.3(2)47

Александр Иванович САПОЖНИКОВ

доктор исторических наук, заведующий отделом газет
Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: sapozhnikov@nlr.ru

НАБЕГ ЛЕТУЧИХ ОТРЯДОВ ДЁРНБЕРГА И ЧЕРНЫШЕВА НА ЛЮНЕБУРГ 21 МАРТА 1813 Г.

Статья посвящена одному из боевых эпизодов войны 1813 г. в Германии. Летучие отряды генералов Дёрнберга и Чернышева взяли штурмом город Люнебург, в котором находился отряд французского генерала Ж. Морана. При этом отличились донские казачьи полки. Летучие отряды активно поддержали местные жители. Успешный набег на Люнебург стал первой крупной победой русско-прусской армии. Статья основана на наградных документах российского командования.

Ключевые слова: заграничные походы русской армии 1813–1814 гг., война 1813 года в Германии, донские казачьи полки в наполеоновских войнах, Люнебург.

В 1813 г., когда война с Наполеоном велась на территории Германии, активно действовали летучие отряды, составленные в основном из казачьих полков. К сожалению, в отечественной историографии отсутствуют исследования, посвященные их действиям. Можно отметить только статьи донского историка М. С. Жирова[1]. Публикации других историков (как дореволюционных, так и современных) носят популярный характер.

Отсутствие интереса, прежде всего со стороны историков казачества, обусловлено тем, что в 1813 г. казаки служили, как правило, под командой генералов регулярной армии, преимущественно с немецкими фамилиями. Сообщения о победах летучих отрядов Дёрнберга, Бенкендорфа, Теттенборна, Пренделя, Левенштерна могли приниматься за успехи немецкого оружия. Немцу на посту командира летучего отряда было проще заручиться поддержкой местного населения. Будучи офицерами регулярной армии, они поддерживали строгую дисциплину в летучих

[1] См. например: *Жиров М. С.* Донские полки, находившиеся в 1813 и 1814 годах в отрядах Чернышева, Бенкендорфа и Теттенборна // Донские областные ведомости. 1908. № 157 (22 июля). С. 2–3.

отрядах, что было немаловажно с учетом значительной казачьей составляющей в их составе.

В результате этих назначений многие донские генералы и полковые командиры оказались отодвинуты на второй план. Донской атаман М. И. Платов всю весеннюю кампанию находился не у дел при Главной квартире императора Александра I. Покинули армию из-за ранений или болезни генерал-лейтенанты А. Д. Мартынов, Н. В. Иловайский 5-й, генерал-майоры Д. Е. Кутейников 2-й, В. А. Сысоев 3-й, Г. А. Дячкин, И. Ф. Чернозубов 4-й, полковые командиры К. И. Харитонов 7-й, Г. И. Иловайский 9-й, С. А. Белогородцев, А. Ф. Чикилев, Ф. А. Кутейников 4-й, И. И. Платов 4-й. Впору говорить об «исходе» казачьих командиров на Дон. Некоторые из них впоследствии с успехом продолжили службу: Н. В. Иловайский и Д. Е. Кутейников были наказными атаманами Войска Донского, В. А. Сысоев — походным атаманом казачьих полков в Русско-турецкую войну 1828–1829 гг. Это позволяет предположить их вынужденный отъезд из армии в 1813 г.

В данной статье речь пойдет о набеге летучих отрядов Дёрнберга и Чернышева на Люнебург, мало привлекавшем внимание историков. Можно назвать только книги А. И. Михайловского-Данилевского и М. И. Богдановича, статью Ф. Н. Глинки[2]. В Германии ситуация противоположная: обилие книг и статей, авторы которых не только военные[3], но и региональные историки[4]. Именно в Люнебурге совершила подвиг простая девушка, горничная Йохана Штеген, в разгар боя

[2] Сражение при г. Люнебурге и взятие в плен французского генерала Морана отрядом генерал-адъютанта Чернышева / Сост. Ф. Н. Глинка // Военный журнал. 1817. Кн. 5. С. 46–59.

[3] *Plotho C.* Der Krieg in Deutschland und Frankreich in den Jahren 1813 und 1814. Th. 1. Berlin, 1817. S. 55–58. *Cerrini de Monte Varchi K.-F.-X.* Die Feldzüge der Sachsen, in den Jahren 1812 und 1813. Dresden, 1821. S. 492–510; *Osten-Sacken und von Rhein O.* Militärisch-politische geschichte des Befreiungskrieges im Jahre 1813. Bd. 2a. Berlin, 1903. S. 46-57. *Troschke P.* Das Gefecht in und bei Lüneburg am 2. April 1813 // Beihelf zum Militär-Wochenblatt. Berlin, 1903. S. 421–450.

[4] *Zander Ch.* Geschichte des kriegs an der Nieder-Elbe im Jahre 1813. Lüneburg, 1839; *Wedekind A.Ch.* Verhaft und Befreiung der hundert Einwohner Lüneburgs im Monat April 1813 // Neues Vaterländisches Archiv. Jahrgang 1829. 2 Heft. S. 232–270. Это перепечатка с брошюры, изданной в 1815 г. в Люнебурге; Das Gefecht bei Lüneburg am 2. April 1813 // Neues Vaterländisches Archiv. Bd. 3. Lüneburg, 1823. S. 304–323; *Volger W. F.* Die merkwürdigsten Begebenheiten in Lüneburg während der Jahre 1813 und 1814. Lüneburg, 1839; *Görges W.* Lüneburg vor hundert Jahren. Das Treffen am 2. April 1813, der erste Sieg in den Befreiungskriegen. Lüneburg 1913. S. 48–61.

подносившая прусским солдатам патроны в своем фартуке. Этому сюжету посвящены не только публикации, но и живописные картины. За отличие при Люнебурге был пожалован первый Железный крест в прусской армии, его кавалером стал майор 1-го Померанского пехотного полка К. Борке. Бой в Люнебурге стал знаковым событием для прусской, а затем германской историографии. Впрочем, историки Саксонии также не обошли его стороной, поскольку в бою участвовал саксонский пехотный полк принца Максимилиана. Однако наиболее фундаментальным исследованием является книга французского военного историка О. Казала, опиравшегося на французские, немецкие и русские источники[5].

16 февраля в Калише русский император Александр I и прусский король Фридрих-Вильгельм III заключили военный союз против императора французов Наполеона. Несколько недель ушло на формирование союзной армии. Только в начале марта авангардные корпуса Главной армии начали неспешное продвижение из Силезии в Саксонию. Впереди шли русские летучие отряды (Д. В. Давыдова, В. А. Пренделя, М. Ф. Орлова), за ними русский корпус Винцингероде, затем прусский корпус Блюхера, за которым основные силы. Главная армия растянулась на марше на несколько переходов.

На севере Пруссии, где союзными войсками командовал П. Х. Витгенштейн, также началось наступление: 20 февраля авангард Репнина-Волконского вступил в Берлин. Преследуя французов, летучие и легкие отряды союзников в начале марта вышли на правый берег Эльбы от Дрездена до Гамбурга. На средней Эльбе, в крепостях Торгау, Виттенберг и Магдебург закрылись неприятельские гарнизоны.

В первой половине марта две группировки союзных войск продолжили продвижение на запад. 6 марта в Гамбург вступил летучий отряд Теттенборна, в составе которого было четыре донских полка (Сулина 9-го, Денисова 7-го, Гревцова 2-го и Комисарова). 15 марта корпус Винцингероде занял Дрезден. 20 марта летучий отряд ротмистра М. Ф. Орлова вступил в Лейпциг.

Витгенштейн в марте собирал войска к западу от Берлина, занимался их организацией, отправив на Нижнюю Эльбу летучие отряды Теттенборна, Чернышева и Дёрнберга. Отряды Чернышева и Теттенборна, сформированные в конце января 1813 г., к тому времени неоднократно

[5] *Cazalas E.* De Stralsund à Lunebourg: épisode de la campagne de 1813. Paris, 1911. Копии документов из русских архивов ему предоставил Г. С. Габаев.

отличились, в частности, набегом на Берлин 8 февраля. В тот день занять прусскую столицу не удалось, берлинцы не поддержали казаков, но дерзость летучих отрядов заставила французов вскоре отступить за Эльбу. Отряд Бенкендорфа первым из русских подошел 28 февраля к Дрездену. В результате он настолько удалился от войск Витгенштейна, что вышел на направление действий Главной армии. Витгенштейну такая предприимчивость не понравилась, и Бенкендорф лишился самостоятельности.

1 марта Витгенштейн приказал сформировать первый русско-прусский летучий отряд под командой немецкого генерала британской службы В. Дёрнберга[6]. Решение ожидаемое, но незаурядное.

Барон Вильгельм Дёрнберг (1768–1850) был представителем аристократического гессенского рода. В 1783 г. он поступил на военную службу на родине. В 1795 г. перешел на прусскую службу. После Тильзитского передела Европы в 1807 г. Дёрнберг вернулся в Гессен, где поступил уже на вестфальскую службу. В 1809 г., будучи полковником гвардии, он поднял мятеж против короля Жерома Бонапарта, но потерпел неудачу и бежал за границу, был заочно приговорен к смертной казни. В 1809 г. Дёрнберг поступил на британскую службу с назначением командиром 1-го драгунского полка Королевского Германского легиона[7]. В декабре 1811 г. его произвели в генерал-майоры[8]. С лета 1812 г. Дёрнберг находился в качестве британского представителя в русской армии, участвовал в формировании Русско-немецкого легиона. В корпусе Витгенштейна Дёрнберг неоднократно отличился и был награжден орденом св. Анны 1 ст. С января 1813 г., после освобождения Восточной Пруссии, Дёрнберг стал просить летучий отряд, чтобы совершить рейд в Вестфалию[9]. Как впоследствии вспоминал А. Х. Бенкендорф, «генерал Дёрнберг, известный своими действиями против угнетателей своей родины и своей отваги, при поддержке общественного мнения добился в Берлине счастливой возможности вернуться в Гессен с оружием в руках; ему дали 2-й егерский полк, один батальон прусских фузилеров, 4 орудия конной артиллерии и мой отряд»[10].

8 марта Витгенштейн направил поручика-квартирмейстера Р. Л. Икскюля в Хафельберг для возведения моста через Эльбу и приказал отправить туда 2-й егерский полк. В действительности прибыл только батальон егерей[11]. Хафельберг был назначен местом для переправы летучего отряда Дёрнберга.

Первоначальный состав отряда Дёрнберга был следующий:

— отряд А. Х. Бенкендорфа 1-го (Мельникова 4-го, Андриянова 2-го, Лащилина 1-го, 1-й Башкирский полки, Сводный гусарский полк, два эскадрона Финляндского драгунского полка, два орудия донской артиллерии);

— батальон 2-го егерского полка (майор Г. И. Эссен);

— прусский фузилерный батальон 1-го Померанского полка (майор К. Борке)[12].

Согласно диспозиции наступательных действий, разосланной Витгенштейном 10 марта[13], отряды Теттенборна, Чернышева и Дёрнберга должны были перейти Эльбу, вооружать местных жителей, восстанавливать прежнее правление, существовавшее до завоевания Наполеоном. Теттенборну предписали занять Бремен и герцогство Ольденбургское, Чернышеву — действовать в Вестфалии, Дёрнбергу — в Брауншвейге, Ганновере и Гессене[14].

12 марта Дёрнберг прибыл в Хафельберг и приказал Бенкендорфу совершить поиск за Эльбу. В ночь на 13 марта 30 казаков и 30 егерей переправились и пленили в Вербене неприятельский пикет (офицер и 16 гусар). Утром туда прибыл Дёрнберг с пехотой, одним казачьим полком при 2 орудиях. Он упразднил французскую префектуру и восстановил прежний магистрат[15]. Однако 15 марта прибывший из Штендаля отряд

---

6 РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3922. Л. 1 об. (Приказ П. Х. Витгенштейна А. Х. Бенкендорфу от 1 марта 1813 г.). Витгенштейн предписал Бенкендорфу прибыть к Хафельбергу и там дожидаться отряд Дёрнберга для совместных действий в направлении Ганновера. На следующий день Витгенштейн узнал, что Бенкендорф находится под Дрезденом, и потребовал от него немедленного исполнения приказа. В итоге Бенкендорф, совершив примечательный марш с крайнего левого на правый фланг войск Витгенштейна, оказался в подчинении у Дёрнберга.

7 *Dörnberg-Hausen H.* Wilhelm von Dörnberg. Marburg, 1936. S. 79.

8 *Beamish N. L.* History of the King's German Legion Vol. II. London, 1837. P. 539. Странно, что некоторые историки считают его русским генералом.

9 Письмо Г.-Ф.-К. Штейна императору Александру I от 29 января 1813 г. // Поход русской армии против Наполеона в 1813 г. и освобождение Германии. М., 1964. С. 51.

10 *Бенкендорф А. Х.* Воспоминания. 1802–1837. М., 2012. С. 212.

11 РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3922. Л. 11 об. (приказ П. Х. Витгенштейна Р. Л. Икскюлю от 8 марта 1813 г.); РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3922. Л. 12 (приказ П. Х. Витгенштейна А. С. Жемчужникову от 8 марта 1813 г.).

12 РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3922. Л. 15 об.–16. (расписание войск от 11 марта 1813 г.).

13 Там же (приказ П. Х. Витгенштейна В. Дёрнбергу от 10 марта 1813 г.).

14 Диспозиция отрядам Теттенборна, Чернышева, Дернберга, Борстеля и Клейста // Поход… С. 123–125. При публикации документ датирован неточно по сопроводительному рапорту.

15 Рапорт В. Дёрнберга П. Х. Витгенштейну от 13 марта 1813 г. // Поход…. С. 118.

бригадного генерала А. Монбрёна (2-й и 4-й полки шеволежер-улан, 9-й гусарский полк[16]) принудил Дёрнберга вернуться на правый берег. 16 марта Дёрнберг находился в Вильснаке[17].

Чернышев прибыл к своему отряду 14 марта в Гентине. Состав отряда был следующий: Грекова 18-го, Власова 3-го, Сысоева 3-го, Иловайского 11-го, Жирова полки, батальон Изюмского гусарского полка, два эскадрона Финляндского драгунского полка, два орудия донской артиллерии[18]. 16 марта Чернышев с отрядом прибыл в Хинцдорф (ниже Хафельберга по течению) и узнал о вступлении отряда Монбрёна в Вербен[19].

Как раз в эти дни на левобережье Эльбы сформировали две группировки французских войск под командой дивизионного генерала Д. Вандама (у Бремена) и маршала Даву (у Штендаля).

Наполеон, узнав, что в Гамбург 6 марта вступил казачий отряд Теттенборна, был разгневан. В 1810 г. он включил этот город в состав своей империи, таким образом, казаки вторглись на её территорию (32-й военный округ), провоцируя ее распад. За Гамбургом могли последовать целые регионы, такие, как Ганновер, Браушвейг, Ольденбург, Голландия и др. Наполеон предпринял решительные меры: 15 марта в Бремен прибыл дивизионный генерал Д. Вандам, под команду которого поступили находившаяся там дивизия Карра Сен-Сира и отряд Морана, уже выступивший к Эльбе; а также дивизии Дюмонсо и Дюфора, формировавшиеся в Бремене и Оснабрюке. Главнокомандующим всеми войсками на Нижней Эльбе был назначен маршал Даву, спешно отозванный из Дрездена.

Отряд дивизионного генерала Ж. Морана выступил из Бремена к Эльбе 13 марта. Двигался он медленно, поскольку доформировывался уже на марше. 15 марта отряд прибыл в Тоштедт, откуда выгнал казачью партию из отряда Теттенборна. 16–18 марта Моран оставался в Тоштедте. Французы распространяли прокламации, в которых грозили казнить всех, кто помогает русским. Моран приказал взять под караул бургомистра

[16] «Война перьев»: офиц. донесения о боевых действиях 1812-1814 гг.: сб. документов. СПб., 2014. С. 346.

[17] РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3905. Л. 25 об. (рапорт В. Дёрнберга П. Х. Витгенштейну от 16 марта 1813 г., Вильснак).

[18] Там же. Д. 3922. Л. 16 (расписание войск, 11 марта 1813 г.). Донской полк Быхалова был отправлен в прусский отряд Борстеля. См.: РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3905. Л. 25 об. (рапорт А. И. Чернышева П. Х. Витгенштейну от 14 марта 1813 г., Редикин).

[19] РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3905. Л. 26 об. (рапорт А. И. Чернышева П. Х. Витгенштейну от 16 марта 1813 г.).

Тоштедта и сжечь город Холленштедт. Узнав об этом, Теттенборн уведомил Морана, что в случае казни жителей будет расстреливать пленных французских офицеров. Моран поспешил отпустить бургомистра и просил о размене пленных[20].

Утром 19 марта Моран выступил на Люнебург, оставив в Тоштедте 1-й батальон французского 152-го полка линейной пехоты. На марше отряд Морана окружали казаки, стычки с которыми происходили ежедневно, из-за чего связь с другими отрядами отсутствовала. Это был казаки полка Денисова 7-го из отряда Теттенборна, о чём свидетельствует запись в послужном списке командующего полком войскового старшины Г. П. Победнова: «[Марта] 14-го был командирован с полком по течению Эльбы на левую сторону для очищения берега, где 19-го числа в ночное время в встревоживании неприятельского отряда при Тостеде [Тоштедте]»[21]. Вечером 19 марта отряд Морана прибыл в Гарльсторф, где заночевал, и на рассвете 20 марта выступил к Люнебургу.

Одновременно началось движение к Люнебургу французских войск с юга, от Штендаля. Отозванный из Дрездена маршал Даву на пути к новому месту службы встретился в Магдебурге с главнокомандующим Эльбской армией принцем Евгением Богарне, предоставившему в его распоряжение 17-ю дивизию Пюто из 5-го корпуса Лористона и 2-й кавалерийский корпус Себастиани. 16 марта Даву прибыл в Штендаль, где с негодованием узнал, что туда отступили отряды генералов Монбрёна и Русселя, не преследуемые противником. 17 марта он приказал Русселю вернуться в Вербен, дав ему четыре батальона генерала Ферьера, 300 кавалеристов и три орудия. От Тангермюнде до Зандау наблюдение за левым берегом Эльбы было возложено на отряд генерала Пуансо[22].

Таким образом, две колонны французских войск (Морана и Даву) двигались навстречу друг другу с севера и юга, чтобы взять под контроль все левобережье Нижней Эльбы от Магдебурга до Гамбурга. Встретиться они могли в районе Люнебурга, но им помешали летучие отряды, переправившиеся через Эльбу.

Вечером 17 марта отряд Чернышева переправился через Эльбу у м. Бело (Bälow, выше Хинцдорфа по течению) и прибыл в Зеехаузен. Выступивший из Вербена противник атаковал в Лихтерфельде два ка-

[20] Там же. Л. 27 об. (рапорт Ф. Теттенборна П. Х. Витгенштейну от [20] марта 1813 г.).

[21] ГАРО. Ф. 344. Оп. 1. Д. 304. Л. 36–39 (послужной список полковника Г. П. Победнова 1-го за 1822 г.).

[22] *Лейхтенбергский Г.* Принц Евгений-Наполеон Богарне… Приложения. С. 187, 189.

зачьих полка под командой графа А. А. Мусина-Пушкина, но они отразили нападение, взяв в плен 2 офицеров и 60 солдат[23].

Действия Чернышева позволили отряду Дёрнберга переправиться утром 19 марта у Ленцена (ниже по течению)[24]. Именно в этот день Витгенштейн призвал командиров летучих отрядов активизировать действия[25]. Их взоры обратились к Люнебургу.

Расположенный на реке Ильменау (левом притоке Эльбы) город Люнебург имеет многовековую историю. Сначала он был ганзейским городом. В XVI–XVII вв. здесь была столица герцогства Брауншвейг-Люнебургского, о чем напоминали городские укрепления. В XVIII в. город входил в курфюршество Ганновер, принадлежавшее английским королям. Наполеон в 1807 г. включил Ганновер в созданное им королевство Вестфальское, а в 1810 г. присоединил к Франции. В Люнебурге проживало 10 тысяч жителей, в большинстве своем приверженцы прежней ганноверской власти.

6 марта 1813 г., после того как казаки вступили в Гамбург, французский отряд князя Г. Рейсса-Шляйца поспешил покинуть Люнебург. 9 марта в Люнебург прибыл присланный Теттенборном поручик Изюмского гусарского полка А. Р. Лофан с полусотней казаков. Выбор был не случаен: это был образованный лифляндец, владевший русским, немецким, французским и английским языками[26]. Лофан объявил в мэрии о восстановлении прежнего ганноверского правления и распространил прокламации Теттенборна с призывом немцев к оружию. 12 марта в городе произошли несколько событий, приуроченных к годовщине восшествия на престол русского императора Александра I: восстановлен прежний магистрат во главе с мэром, административные здания увенчали британские гербы, отставной ганноверский подполковник А. Эшторф объявил набор в гусарский полк[27]. Эшторф сыграл большую роль в последующих событиях. Сын генерала, инспектора ганноверской кавалерии, он без сомнения имел влиятельные связи, возможно, был давним знакомым Дёрнберга. С командой гусар он явился в штаб Дёрнберга накануне штурма Люнебурга.

16 марта к Люнебургу со стороны Ильцена приблизился кавалерийский отряд (180 всадников), присланный бригадным генералом Ф.-И. Ватье. Казаки и вооруженные горожане (ополченцы) заняли оборону от Красных до Солеварных ворот[28]. Один из историков так описал произошедшую стычку: «Стрелки распределились по лощинам вблизи рощи; казаки беспрерывно дразнили противника и тем самым постепенно заманили его поближе к укрывшимся в засаде стрелкам, которые внезапно открыли огонь»[29]. Столкнувшись с сопротивлением, нападавшие удалились.

17 марта Теттенборн отпечатал в Гамбурге листовку с благодарностью жителям Люнебурга за храбрость, проявленную накануне[30]. Отставной ганноверский капитан К.-В. Лангрер возглавил городского ополчение. 18 марта поручик Лофан опубликовал в Люнебурге воззвание к жителям с призывом взять в руки оружие[31].

Около полудня 20 марта к Новым воротам (которые горожане забаррикадировали) подошел отряд Морана. Трех пушечных выстрелов оказалось достаточно, чтобы сломить сопротивление казаков и ополченцев у ворот. Весь бой за город продолжался не более двух часов. Были убиты до 20 местных жителей. Двух горожан, взятых с оружием в руках, тут же расстреляли. 30 влиятельных горожан взяли в заложники[32]. Как писал один из очевидцев: «Жители Люнебурга провели печальный день, думая о будущем со страхом»[33].

Маршал Даву также приступил к зачистке левобережья Нижней Эльбы. Он попытался сформировать колонну и отправить на Люнебург, но ему не хватило войск[34]. 18 марта Даву отправил из Штендаля в Вербен бригадного генерала Монбрёна с 500 кавалеристами, 3-м Иностранным полком, батальоном французов при 4 орудиях. Однако 19 августа отряд Монбрёна

---

23 РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3905. Л. 27 (рапорт А. И. Чернышева П. Х. Витгенштейну от 20 марта 1813 г., Вустров); Донское казачество в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах русской армии 1813–1814 гг. Ростов-на-Дону, 2012. С. 409; *Лейхтенбергский Г.* Принц Евгений-Наполеон Богарне… Приложения. С. 202.

24 РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3905. Л. 27 (рапорт В. Дёрнберга П. Х. Витгенштейну от 19 марта 1813 г., Люхов).

25 Там же. Д. 3922. Л. 23 об.–24 (приказ П. Х. Витгенштейна В. Дёрнбергу от 19 марта 1813 г.).

26 РГВИА. Ф. 395. Оп. 20/391 (1 отд., 3 стол, 1831 г.,). Д. 335 (дело об увольнении Смоленского уланского полка подполковника Лофана от службы).

27 *Volger W. F.* Die merkwürdigsten Begebenheiten… S. 8–10, 83.

28 *Wedekind A. Ch.* Verhaft und Befreiung… *Volger W. F.* Die merkwürdigsten Begebenheiten… S. 12–13.

29 *Straube F.* Fruhjahrsfeldzug 1813 / Die Roll russischen Truppen bei der Befreiung Deutschlands vom Napoleonischen Joch. Berlin, 1963. S. 171.

30 *Volger W. F.* Die merkwürdigsten Begebenheiten… S. 18, 83.

31 Ibid. S. 85.

32 *Cazalas E.* De Stralsund à Lunebourg… P. 39.

33 *Volger W. F.* Die merkwürdigsten Begebenheiten… S. 20.

34 *Лейхтенбергский Г.* Принц Евгений-Наполеон Богарне… Приложения. С. 189.

наткнулся в Зеехаузене на казачью бригаду Власова 3-го, произошел бой. Монбрён сетовал на враждебность местных жителей, его связь с Даву оказалась затруднена[35]. 19 марта Даву выступил из Штендаля на Зеехаузен с 17-й пехотной дивизией и 2-м кавалерийским корпусом[36]. 20 марта он прибыл в Остербург (на половине пути к Зеехаузену), откуда рапортовал Богарне: «Я снова пошлю разыскивать генерала Морана; мои посланные не могли пройти, так как везде им мешали неприятельские отряды»[37].

Переправившись 19 марта у Ленцена, Дёрнберг направился вниз по течению — на Данненберг. Чернышев последовал за ним полуциркульным маршем через Вустров и Ильцен[38].

Чернышев предупредил Дёрнберга об угрозе, надвигавшейся с юга, о бое в Зеехаузене. Он полагал, что у Даву 13 тысяч солдат в Штендале и еще пять тысяч в Вербене. Чернышев предложил Дёрнбергу вернуться за Эльбу, но тот отказался[39]. Направляясь на север, Чернышев оставил у Зеехаузена для сдерживания отряда Монбрёна бригаду Власова 3-го (его имени и Грекова 18-го полки).

Дёрнберг знал от Теттенборна о слабости отряда Морана, на треть состоявшего из уставших от войны саксонцев. Теттенборн считал, что если отряд Морана задержится в Тоштедте, то станет его добычей, а если пойдет на Люнебург — попадет в руки Дёрнберга[40].

Дёрнберг отправил разведчиков в Люнебург, которые прибыли туда вечером 19 марта. Они уведомили городские власти о переправе отряда Дёрнберга через Эльбу, и что утром 20 марта он будет в Бевензене. Горожане отправили на встречу Дёрнбергу своих представителей — доктора Ф. Л. Мейера и книготорговца Валштаба. 20 марта Мейер встретил генералов Дёрнберга и Бенкендорфа во главе двух казачьих полков у Гёрде. Вечером у Биненбюттеля к генералам явились беженцы из Люнебурга, сообщившие о вступление в город отряда Морана[41].

Вечером 20 марта Дёрнберг форсированным маршем прибыл в Брайтенштайн (в нескольких километрах к востоку от Люнебурга).

35 Там же. С. 202.

36 Там же. С. 196.

37 Там же. С. 200.

38 РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3905. Л. 27 (рапорт В. Дёрнберга П. Х. Витгенштейну от 19 марта 1813 г., Люхов).

39 Там же. Л. 27 и об.

40 *Dörnberg-Hausen H.* Wilhelm von Dörnberg... S. 103–104.

41 *Volger W. F.* Die merkwürdigsten Begebenheiten… S. 75.

Эшторф предложил Дёрнбергу выбить отряда Морана из Люнебурга, но Дёрнберг колебался.[42] Чернышев и Бенкендорф, помнившие о неудачном набеге на Берлин 8 февраля, были против штурма.[43] Дёрнберг все же решился на штурм, очевидно представители горожан заверили его в поддержке. К тому же Теттенборн писал, что Моран сложит оружие, как только увидит пехоту.[44]

Дёрнберг приказал в течение ночи прибыть в Бильм (к востоку от Люнебурга) отряду Бенкендорфа из Бевензена и отряду Чернышева из Ильцена.[45] За сутки отряд Чернышева прошел 70 верст. В Биненбюттеле Чернышев переправил за реку Ильменау бригаду полковника М. И. Палена (Жирова и Иловайского 11-го полки), чтобы она подошла к Люнебургу по левому берегу, первой атаковала противника с тыла и отвлекла на себя внимание противника.

Дёрнберг отправил 1-й Башкирский полк в Даленбург для наблюдения за дорогой из Данненберга, одну роту фузилер и орудие — для обеспечения переправы через реку Нетце.[46] Чернышев в рапорте прусскому королю утверждал, что всего разослали четыре казачьих полка.[47] Три полка в документах названы: Власова 3-го, Грекова 18-го и 1-й Башкирский. Четвертым полком был полк Мельникова 4-го (командующий есаул А. Д. Краснощеков), вероятно его отправили для обеспечения переправы через Эльбу.

Зная, какие полки были разосланы, можно уточнить, чем располагали Дёрнберг и Чернышев во время штурма, поскольку предложенные К. Плотто, Ф. Н. Глинкой и М. И. Богдановичем расписания летучих отрядов имеют очевидные погрешности.

Удалось найти архивные расписания отрядов Дёрнберга и Чернышева от 11 марта и 2 апреля. Сведения из первого уже приводились выше. За 20 дней в составе отрядов произошли изменения. Этот был период, когда штаб Витгенштейна серьезно занимался организацией русских войск для перехода в наступление в составе союзной русско-прусской армии. Полки забирали из-под Данцига и отправляли к Берлину, происходили

42 *Cazalas E.* De Stralsund à Lunebourg… P. 40.

43 *Бенкендорф А. Х.* Воспоминания… С. 213.

44 *Dörnberg-Hausen H.* Wilhelm von Dörnberg… S. 104–105.

45 *Troschke P.* Das Gefecht in und bei Lüneburg… S. 428.

46 РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 842. Л. 65 (письмо А. И. Чернышева императору Александру I от 24 марта 1813 г.).

47 *Troschke P.* Das Gefecht in und bei Lüneburg… S. 424.

перемещения полков и эскадронов из войск Витгенштейна в Главную армию и наоборот.

К сожалению, сохранившиеся документы не дают полной картины. Не удалось уточнить, когда именно четыре орудия донской артиллерии заменили четырьмя орудиями (полубатареей под командой штабс-капитана Нейндорфа) из прусской конной батареи № 5. Кроме того, судя по расписанию от 2 апреля, Дёрнбергу дали еще два орудия из русской конно-артиллерийской роты № 5. 16 марта Витгенштейн предписал Бергу отправить четыре орудия конной артиллерии в Гамбург в отряд Теттенборна.[48] Вероятно ими стали четыре орудия из конно-артиллерийских рот № 1 и № 5, которые приняли участие в штурме Люнебурга.

Остаются вопросы о перераспределении кавалерийских эскадронов. 12 марта Витгенштейн приказал Дёрнбергу отправить два эскадрона Финляндского драгунского полка в отряд Чернышева, где также имелись два эскадрона этого полка.[49] В результате полк должен был воссоединиться. Однако в бою за Люнебург у Чернышева по-прежнему были два эскадрона (200 драгун) финляндцев под командой полковника А. А. Крузе. Впервые все четыре эскадрона в отряде Чернышева отмечены в расписании от 2 апреля.[50] 20 марта Витгенштейн отправил к Чернышеву два эскадрона Рижского драгунского полка под командой капитана Козмодемьянцева.[51] Они присоединились к отряду уже по возвращении из набега на Люнебург.

Чернышев в синхронном рапорте утверждал, что на момент штурма у него с Дёрнбергом остались 2000 всадников, 700 пехотинцев и 7 орудий.[52]

Таким образом, в штурме Люнебурга участвовали:

— батальон 2-го егерского полка (250 солдат) майора Г. И. Эссена;

— три роты прусского 1-го Померанского полка (400 солдат) майора К. Борке;

— бригада М. И. Палена (Жирова и Иловайского 11-го полки);

— полк Сысоева 3-го под командой графа А. А. Мусина-Пушкина,

— полки Андриянова 2-го и Лащилина;

— батальон Изюмского гусарского полка (400 гусар);

[48] РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3922. Л. 23 (приказ П. Х. Витгенштейна Г. М. Бергу от 16 марта 1813 г.).

[49] Там же. Л. 20 об. (приказ П. Х. Витгенштейна В. Дёрнбергу от 12 марта 1813 г.).

[50] Там же. Л. 32 (расписание войск на 2 апреля 1813 г.).

[51] Там же. Л. 26 (приказ П. Х. Витгенштейна А. И. Чернышеву от 20 марта 1813 г.).

[52] *Troschke P.* Das Gefecht in und bei Lüneburg… S. 424.

— Сводный гусарский полк (200 гусар);

— два эскадрона Финляндского драгунского полка (200 драгун);

— бригада Гревцова 2-го (его имени и Денисова 7-го полки), прибывшая из отряда Теттенборна (всего 200 казаков?);

— 7 орудий конной артиллерии.

Ф. Н. Глинка предложил считать в среднем по 250 казаков в полку, с чем трудно поспорить без анализа их месячных рапортов.

Вызывает путаницу наличие Сводного гусарского полка, поскольку другие Сводные кавалерийские полки в начале 1813 г. расформировали. В тот день изюмские гусары имелись в обоих отрядах. В отряде Чернышева был батальон Изюмского гусарского полка, в отряде Дёрнберга — Сводный гусарский полк, в составе которого были два резервных эскадрона изюмцев. Сводным гусарским полком (по два резервных эскадрона Изюмского и Елисаветградского гусарских полков) командовал полковник Изюмского гусарского полка Е. И. Бедряга. Из наградных представлений следует, что в тот день под командой Бедряги состояли три эскадрона: его собственный и майора Ак. Квитницкого из Изюмского гусарского полка; ротмистра Пашовкина из Елисаветградского гусарского полка. В ходе боя эскадроны Бедряги и Пашовкина отбили по одному орудию.[53] Представляя Бедрягу к награде, Дёрнберг писал: «*С полком, вверенным ему* (курсив мой — А. С.), бросился на неприятельскую колонну и, хотя и был встречен картечными и ружейными выстрелами, но быстротою атаки своей врубился в оную колонну, опрокинул её, многих переколол, а остальных взял в плен, причем взято два орудия».[54]

Полковой командир Изюмского гусарского полка полковник О. Ф. Долон командовал бригадой регулярной кавалерии (батальон изюмских гусар и два эскадрона финляндских драгун). Непосредственно батальоном изюмцев командовал подполковник граф М. А. Тимон, двумя эскадронами финляндцев (майоров Беклешова и Виддера) — полковник А. А. Крузе.

Всего у Дёрнберга и Чернышева было восемь орудий конной артиллерии: четыре орудия (полубатарея) из прусской конной батареи № 5

[53] РГВИА. Ф. 103. Оп. 1/208 в. Св. 50. Д. 3. Л. 8 (рапорт бригадного командира 9-й кавалерийской дивизии сводных полков по тяжелой и легкой кавалерии полковника Е. И. Бедряги дежурному генерал-майору М. Д. Балку от 25 марта 1813 г.).

[54] РГВИА. Ф. 103. Оп. 1/208а. Св. О. Д. 27. Ч. 1. Л. 5. («об отличившихся при штурме и взятии города Люнебурга и истреблении корпуса генерала Морана»).

и четыре орудия русской конной артиллерии. Прусские орудия в документах фигурируют как полубатарея, одно из орудий вероятно забрала с собой фузилерная рота, отправленная на Нетце. Два русских орудия были из конно-артиллерийской роты № 1. Два других — вероятно из конно-артиллерийской роты № 5 (они показаны в расписании отряда Дёрнберга от 2 апреля). Среди отличившихся в тот день офицеров поименованы поручик Н. А. Костомаров и прапорщик барон Я. Ф. Унгерн-Штернберг из конно-артиллерийской роты № 1, прапорщик Линеман из конно-артиллерийской роты № 4 (конные роты №4 и №5 принадлежали к одной резервной артиллерийской бригаде). Не удалось прояснить ситуацию с офицером-артиллеристом Врангелем, упомянутым в мемуарах Бенкендорфа.

Состав отряда Морана приведен в книге О. Казала:

— саксонский пехотный полк принца Максимилиана (два батальона, командир полковник Ф. Эренштайн);

— 4 орудия и 2 гаубицы саксонской артиллерии;

— 4-й батальон французского 152-го линейного полка при 1 орудии, под командой майора Ж. Пали;

— пешие и конные таможенные стражники (12 офицеров и 258 солдат);

— 3-я и 7-я роты 8-го полка пешей артиллерии при 2 орудиях;

— жандармы и кавалеристы (45 всадников).

В строю находились 82 офицера, 2144 пехотинца, 70 всадников при 9 орудиях.[55]

В отряде Морана приобладала пехота и имелась артиллерия. Укрывшись за городскими стенами, он мог не бояться нападения казаков.

Люнебург был обнесен городской стеной и рвом, внутрь города можно было попасть через шесть ворот: Бардовикские, Люнерские, Альтенбрюкские, Красные, Солеварные, Новые. К Люнерским и Альтенбрюкским воротам вели узкие мосты через Ильменау.

Утром 21 марта казаки приблизились к городу. К 11 часам бригада Палена подступила к Красным и Солеварным воротам.[56] Из Альтенбрюкских ворот вывезли два орудия, чтобы обстрелять через Ильменау казаков у Красных ворот. Спешно прибыла прусская полубатарея, обстрелявшая французских артиллеристов, часть из них была убита, остальных вместе с орудиями захватили в плен.[57] Дёрнберг утверждал,

[55] *Cazalas E.* De Stralsund à Lunebourg… P. 37.

[56] Ibid. P. 43.

[57] *Volger W. F.* Die merkwürdigsten Begebenheiten… S. 78.

что неприятельский отряд (300 пехоты, 100 кавалеристов и два орудия) сделал вылазку из города, но был разгромлен кавалерией Бенкендорфа, захватившей оба орудия.[58] Можно уточнить, что это были Сводный гусарский и Сысоева 3-го полки.

Утром Моран приказал 4-му батальону 152-го полка выступить на Гарльсторф (напомню, что в Тоштедте остался 1-й батальон). Однако дорога из Люнебурга оказалась перерезана русской конницей, батальон остановился на холме перед Новыми воротами и находился там пока саксонцы сражались в городе.

Все городские ворота охранялись, при каждых было по 50 стрелков при 1 орудии. Когда начался штурм, Моран стал направлять подкрепления на наиболее опасные участки.

Люнерские ворота штурмовали три роты прусских фузилер и конная полубатарея.

Альтенбрюкские ворота штурмовал батальон 2-го егерского полка и два орудия конной артиллерии из отряда Чернышева.

Важную роль сыграла помощь местных жителей, хорошо знавших местность. При Дёрнберге находился подполковник А. Эшторф, при прусской колонне капитан К. В. Лангрер, при русской колонне — лесник Мединг.[59] Горожане с крыш и из окон стреляли в спины защитникам ворот.

Дёрнберг утверждал, что упорный бой за ворота продолжался более трех часов. Прусские фузилеры первыми взяли Люнерские ворота и вступили в город. Затем они зашли в тыл защитникам Альтенбрюкских ворот и тем пришлось сложить оружие. После чего кавалерия Чернышева выбила противника из города, а кавалерия Бенкендорфа обошла город с правой стороны, чтобы отрезать отступление.[60] Саксонские отряды у других ворот (Бардовикские, Красные, Солеварные) продолжали обороняться.

Моран решил оставить город и около часа дня вывел из Новых ворот 2-й батальон саксонского полка. Вне городских стен он построил оба батальона (французский и саксонский) в колонны, при каждом имелось по одному по орудию. Пехота попыталась маневрировать, но её заблокировала русская кавалерия и конная артиллерия.

В три часа пополудни Моран решил вернуться в город: собрать продолжавших защищать городские ворота саксонцев, на узких улицах

[58] Поход… С. 128.

[59] *Troschke P.* Das Gefecht in und bei Lüneburg… S. 432.

[60] Поход… С. 129.

было легче организовать оборону. Под барабанный бой колонны пехоты двинулись обратно в город. Только сейчас в бой вступил французский батальон. Настал наиболее критический момент сражения. Теперь союзникам пришлось занимать оборону в городе, для защиты Новых ворот подвезли 4 орудия. С флангов пехотные колонны атаковали казаки и изюмские гусары, непосредственно ворота и городские стены защищали прусские фузилеры.

По утверждению Бенкендорфа, на помощь пришел случай. У одного из орудий сломалась ось лафета, его было невозможно увезти, и тогда капитан-артиллерист Врангель решил сделать последний выстрел картечью. Этим выстрелом был смертельно ранен генерал Моран, после потери командира солдаты начали сдаваться.[61] Так закончилось шестичасовое сражение. Чернышев писал императору, что это было самое жаркое и ужасное дело, какое он видел.[62]

В плен были взяты дивизионный генерал Ж. Моран, штабной полковник Ф. Лурд, полковник Ф. Эренштайн, подполковник Л. Поссон.

Количественные данные о трофеях в разных рапортах отличаются, очевидно в течение нескольких дней они уточнялись. В рапорте прусскому королю (самом позднем по дате написания) Чернышев утверждал, что взяты 3 знамени, 10 орудий, два орудия противник бросил в реку, 2630 пленных, в том числе 100 офицеров и 9 полковников.[63] Впрочем эти сведения противоречат данным О. Казала о составе отряда Морана.

Были взяты два батальонных знамени полка принца Максимилиана и одно французское 54-й когорты (переформированной в 4-й батальон 152-го полка линейной пехоты).[64] Их отвез в Главную квартиру вместе с победной реляцией поручик Кавалергардского полка О. Д. Шёппинг.

Во время штурма был смертельно ранен майор Ярославского ополчения, камер-юнкер, граф А. А. Мусин-Пушкин, с поля сражения его

61 *Бенкендорф А. Х.* Воспоминания… С. 214; Поход… С. 128–129.

62 РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 842. Л. 62–68 об. (письмо А. И. Чернышева императору Александру I от 24 марта 1813 г.).

63 *Troschke P.* Das Gefecht in und bei Lüneburg… S. 424

64 ГАРФ. Ф. 1165. Оп. 1. Д. 134. Л. 25 (письмо А. А. Аракчеева С. К. Вязмитинову от 28 марта 1813 г.); М. И. Кутузов: Сб. док. Т. 5. С. 492–493 (рапорт М. И. Кутузова императору Александру I от 28 марта 1813 г.); *Геккель А. И.* Трофеи войн 1812-1813-1814 г., хранящиеся в Казанском соборе. СПб., 1909. С. 20, 37. Геккель пишет о двух знаменах саксонского полка, но при этом сообщает о спасении знамени 2-го батальона саксонским поручиком Милкау. См. также: *Regnault J.* Les aigles Impériales et le drapeau tricolore 1804–1815. Paris, 1867. P. 213.

вынес старший брат — камергер граф И. А. Мусин-Пушкин. Участие в бою двух сыновей известного государственного деятеля, принадлежавших к придворному штату, по призыву монарха поступивших в ополчение, героическая гибель младшего из них — имели общественный резонанс. В последующие четыре года трижды публиковался биографический очерк графа А. А. Мусина-Пушкина, подробным описанием его службы в летучем отряде.[65] Известен его посмертный портрет, в мундире штаб-офицера Войска Донского. С февраля 1813 г. под его командой находился полк Сысоева 3-го, участники боя за Люнебург отмечали, что в тот день на нем был казачий мундир.

Полковники О. Ф. Долон и А. А. Крузе, майор Г. И. Эссен получили ранения. Общие потери летучих отрядов составили 300–400 человек убитыми и ранеными.[66] Под Дёрнбергом и Чернышевым убиты лошади, первый из них получил контузию.

Смертельно раненного генерала Морана, умершего 24 марта, захватил казак Баталкин полка Грекова 21-го. Он находился “у исправления должности полкового писаря” в Сводном гусарском полку. Бедряга в наградном представлении писал: «Во время происходивших всех сражений всегда находился при мне и, быв употреблен для посылок с приказаниями, неоднократно отличил себя в храбрости и неустрашимости, за что и представлен был к производству в урядники, а в сей день, когда неприятель сильным образом наступал и хотел ворваться в город и я старался всячески не допустить оного, то он Баталкин бросился с унтер-офицером Балдивановым, трубачом Пантелеевым, гусаром Гапоненковым и Белогривцовым и казаком Турчаниновым и отрезали роту целую саксонской пехоты с офицером, коего он сам взял, и на свою лошадь посадя, доставил ко мне, когда ж пехота неприятельская начала ретироваться

65 [*Бантыш-Каменский Д. Н.*] 1) Остальные месяцы жизни графа Мусина-Пушкина 2-го // Вестник Европы. 1813. Ч. 70. № 15, август. С. 220–239; 2) Речь Флавиана, патриарха Антиохийского к греческому императору Феодосию, просительная о помиловании города, с присовокуплением жизни переводчика. М., 1813. С. 3–22; впоследствии был переиздан: Граф Александр Алексеевич Мусин-Пушкин // Пантеон славных российских мужей. 1816. Ч. 1. № 4 (февр.). С. 284–304.

66 Поход… С. 128–129. Чернышев в рапорте завысил потери: «Убиты 1 гусарский офицер и ранены несколько офицеров; потеря нижних чинов, невзирая на жестокое сражение, невелика — простирается убитыми и ранеными до тысячи человек». См.: *Пузанов В. В.* История 5-го Донского Казачьего Войскового Атамана Власова полка. Саратов, 1913. С. 294–295; Военные действия отряда генерал-адъютанта Чернышева в 1812, 1813 и 1814 годах. СПб., 1839. С. 41.

от города, он Баталкин бросился вслед за ней и сыскал раненого французского генерала Морана и тотчас известил о сем меня и по приказанию моему отнес оного с товарищами в город, не отбирая от него нималейше ничего, за каковые его похвальные поступки, храбрость, неустрашимость и мужество представляя главному начальству к производству в офицерское достоинство».[67] Вероятно, речь идет об уряднике С. П. Баталкине из полка Грекова 17-го, в послужном списке которого отмечен бой в Люнебурге, затем он отличился в летучем отряде Чернышева: за набег на Кассель произведен в хорунжие, за отличие в сражении Ганау — награжден знаком отличия Военного ордена.[68]

В дневном приказе от 22 марта (3 апреля), отданном в Люнебурге, британский генерал-майор В. Дёрнберг, командующий отрядом из русских и прусских войск, поблагодарил их за проявленную храбрость.[69]

Александр I, получив рапорт Кутузова о победе при Люнебурге, наложил резолюцию: «Напечатать для прочтения в Церькве при молебне».[70] Последовали щедрые награды командирам: Витгенштейн стал кавалером ордена св. Александра Невского с алмазами, Дёрнберг — ордена св. Георгия 3 ст., Чернышев — ордена св. Анны 1 ст. с алмазами,[71] Бенкендорф 1-й — ордена св. Анны 1 ст., Пален произведен в генерал-майоры.

Утверждение наград отличившимся офицерам произошла с задержкой, вызванной непродолжительным пребыванием Витгенштейна на посту главнокомандующего союзной армией. Сначала наградные представления подали Витгенштейну, но тот отложил их, в ожидании утверждения императором предыдущих представлений за 1812 г. Витгенштейн передал новому главнокомандующему Барклаю де Толли наградные представления за Люнебург только 21 июня. В РГВИА сохранились три редакции наградных представлений: изначальные за подписью Чернышева, Бенкендорфа и Теттенборна, затем представление Витгенштейна и наконец представление Барклая. Ордена были утверждены императором 17 июля, высочайший приказ о производствах в чины вышел 23 августа. Уже после

67 РГВИА. Ф. 103. Оп. 1/208 в. Св. 50. Д. 3. Л. 13 об. (наградное представление, поданное полковником Е. И. Бедрягой).

68 РГИА. Ф. 1343. Оп. 17. Д. 1514. Л. 7 (формулярный список сотника С. П. Баталкина за 1837 г.). В конце службы этот боевой офицер командовал донским полком.

69 *Troschke P.* Das Gefecht in und bei Lüneburg… S. 450.

70 РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 710. Ч. 2. Л. 79б–80 (рапорт М. И. Кутузова императору Александру I от 28 марта 1813 г., м. Кроточин).

71 М. И. Кутузов: Сб. док. Т. 5. С. 490 (Приказ М. И. Кутузова П. Х. Витгенштейну от 28 марта 1813 г., № 635).

вступления союзной армии в Париж генерал-майор В. Т. Денисов 7-й посчитал офицеров своего полка обойденными наградами и подал новое представление, утвержденное императором 23 мая 1814 г. Самая поздняя награда последовала в указе Сенату от 27 июня 1814 г.: «Служившего в С. Петербургском ополчении камергера 5-го класса графа Мусина-Пушкина за оказанную им отличную храбрость и мужество в сражении противу французских войск при взятии города Люнебурга и истреблении корпуса генерала Морана, всемилостивейшее жалуем в 4-й класс, повелевая считать его старшинством в сем классе с 7-го июля 1813 года».

Наградные представления донских офицеров содержат важные сведения, отсутствующую в рапортах. Полковой командир, полковник И. И. Андриянов 2-й был награжден орденом св. Владимира 3 ст.: «С полком первый вскочил в город, выгнал из оного неприятеля, проскакав чрез оной, ударил на неприятельскую колонну, которую поразил и отбил 2 орудия». Полковой командир И. Н. Лащилин был произведен в полковники: «Бросившись с частью полка своего вплавь чрез реку, прогнал их от города, пошел в удар и очень удачно на неприятельскую пехоту, разбил и прочих забрал в плен».[72] В наградном представлении командующего полком Сысоева 3-го войскового старшины Т. Т. Рыковского к ордену св. Владимира 4 ст. сказано: «Во всех движениях по переправе за реку Эльбу под командою майора графа Мусина-Пушкина неоднократно имел удачные сшибки с неприятелем, равно и 21-го марта при разбитии неприятеля при городе Люнебурге и взятии оного, где с отличным мужеством ударил в неприятельскую пехоту, вышедшую из города, содействовал к поражению её и равно и по вторжении в город, командуя полком, взял значительное число пленных».[73]

Полковник Кавалергардского полка барон М. И. Пален был произведен в генерал-майоры: «Командуя двумя казачьими полками, бригаду его составляющими, быстро и с отличным мужеством повел атаку по левому берегу реки Ильменау на засевшего в городе Люнебурге многочисленного неприятеля, и тем обратил на себя внимание довольно значущей части сил его; а тогда, когда храбрые войска наши вытеснили из города неприятельский корпус, и неприятель покусился пробиться чрез отряд его, то он, искусными движениями, согласуя оные с действиями про-

72 РГВИА. Ф. 103. Оп. 1/208 в. Св. 50. Д. 3. Л. 63–65 (список офицеров, отличившихся в сражении 21 марта 1813 г., поданный генералом А. Х. Бенкедорфом).

73 РГВИА. Ф. 103. Оп. 1/208а. Св. 0. Д. 27. Ч. 1. Л. 8 («Об отличившихся при штурме и взятии города Люнебурга и истреблении корпуса генерала Морана»).

чей кавалерии, присоединив к себе подоспевших в то время 200 казаков отряда генерал-майора Теттенборна, занял все проходы, могущие служить к его отступлению, тем самым содействовал к совершенному поражению неприятеля, и доставил случай прочим колоннам к сильному нападению на сражавшегося с отчаянием неприятеля, а наконец войска под командою его при ударах на неприятеля отбили два знамя, две пушки и взяли в плен большое число штаб, обер-офицеров и нижних чинов».[74] В наградном представлении полкового командира, войскового старшины И. И. Жирова сказано: «При начальном наступлении по левому берегу реки Ильменау к городу Люнебургу поставлен был прикрывать Биненбютельскую дорогу, где, будучи атакован вышедшею колонною с одним орудием, решился сам атаковать оную и, сделав благоразумные распоряжения, ударил и отбил знамя и пушку. Потом, соединившись с полком Иловайского 11-го, атакуя неоднократно неприятельский корпус, взял в плен 24 штаб и обер-офицера и до 230 нижних чинов».[75] Жиров был пожалован в кавалеры ордена св. Георгия 4 ст. Командовавший полком Иловайского 11-го есаул И. Ф. Платонов 2-й был представлен к ордену св. Анны 2 ст.: «по распоряжению бригадного командира полковника барона Палена вел атаку со стороны Винцена и Балебурга противу вышедшей из города Люнебурга неприятельской пехоты с 3-мя орудиями».[76] Винзен и Бальбург находятся к северо-западу от Люнебурга, значит полк Иловайского 11-го отличился у Новых ворот, захватил в бою знамя и орудие.[77] В представлении к награде сотника П. Т. Секретёва полка Иловайского 11-го отмечено: «Командуя вверенною ему сотнею, с отличным мужеством и решительностью нападал на неприятельских стрелков и при общем ударе отбил орудие, служа повсюду примером своим подчиненным».[78] За отбитое орудие Секретёв стал кавалером ордена св. Георгия 4 ст. В тот день оба полка бригады Палена захватили по знамени и орудию.

[74] Там же.

[75] РГВИА. Ф. 29. Оп. 1/153 г. Св. 5. Ч. 5. Д. 64. Л. 129–133 (рапорт П. М. Волконского А. И. Горчакову от 28 августа 1813 г.).

[76] РГВИА. Ф. 103. Оп. 1/208а. Св. О. Д. 27. Ч. 1. Л. 8 и об. («Об отличившихся при штурме и взятии города Люнебурга и истреблении корпуса генерала Морана»).

[77] РГВИА. Ф. 103. Оп. 1/208 в. Св. 50. Д. 3. Л. 67–75 («Список господ штаб и обер-офицеров отличившихся в сражении при и штурме города Люнебурга и взятии всей дивизии французского генерала Морана в 21-й день марта 1813-го»).

[78] РГВИА. Ф. 29. Оп. 1/153 г. Св. 5. Ч. 5. Д. 64. Л. 129–133 (Рапорт князя П. М. Волконского А. И. Горчакову от 28 августа 1813 г.).

Были награждены командиры двух донских полков из отряда Теттенборна, поддержавшие бригаду Палена. Войсковой старшина А. М. Гревцов 2-й удостоился ордена св. Георгия 4 ст.: «Командуя на левом береге Эльбы двумя казачьими полками, приспел к Люнебургу, пресек неприятелю большую Тоштетскую дорогу и ударив на него обратил его в город, причем взял 1 орудие». Командующий полком Денисова 7-го войсковой старшина Г. П. Победнов также был представлен к ордену св. Георгия 4 ст.: «Находясь вместе с войсковым старшиной Гревцовым и командуя своим полком в сем деле с обыкновенною ему храбростью. За сие дело, а еще более за 4-й день марта, где с полком отнял у неприятеля 6 орудий под м. Бергедорфом».[79] Однако георгиевским кавалером Победнов не стал: ему был пожалован орден св. Анны 2 ст.

Бригада Власова 3-го в бое за Люнебург не участвовала, она сдерживала отряд Монбрёна. Власов 3-й был представлен к ордену св. Анны 2 ст.: «По переправе за реку Эльбу прикрывал с левой стороны движения моего отряда и благоразумными распоряжениями неоднократно останавливал наступление неприятельских отрядов, хотевших препятствовать моему направлению; а особливо 19-го числа при Зеегаузене, где с значительным уроном остановил его стремление, и 21-го числа охранил левый наш фланг от нападения во время сражения при занятии города Люнебурга и уничтожении корпуса генерала Морана».[80] Были представлены к наградам и офицеры полков Власова 3-го и Грекова 18-го.

Чернышев представил 17 урядников к производству в офицеры, подчеркнув при этом: «Достойны особливого уважения к произведению в следующие чины, особенно же по недостатку в полках офицеров».[81]

Летучие отряды поспешили покинуть Люнебург на следующее утро. Чернышев утверждал, что им угрожали: шеститысячный авангард Монбрёна, прибывший в Даленбург, Даву с восьмитысячным отрядом в Данненберге, шеститысячный отряд в Ильцене.[82] Как писал один из жителей города: «Генералы союзников ушли от нас, сочувственно оплаки-

[79] РГВИА. Ф. 103. Оп. 1/208 в. Св. 50. Д. 3. Л. 66 («Список отличившимся штаб и обер-офицерам и рядовым отряда Теттенборна в сражении при Люнебурге 21-го марта 1813 года»).

[80] Там же Л. 67–75 («Список господ штаб и обер-офицеров отличившихся в сражении при и штурме города Люнебурга и взятии всей дивизии французского генерала Морана в 21-й день марта 1813-го»).

[81] Там же. Л. 52 (список урядников, отличившихся при Люнебурге 21 марта 1813 г.).

[82] РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 842. Л. 68 (письмо А. И. Чернышева императору Александру I от 24 марта 1813 г.).

вая предстоящую судьбу Люнебурга».[83] Уже утром 22 марта Дёрнберг и Чернышев переправились обратно за Эльбу при Бойценбурге, оставив на левому берегу два казачьих полка под командой А. Х. Бенкендорфа для наблюдения за противником. 23 марта в 11 часов вечера в Люнебург вступил авангард Монбрёна (3500 солдат).[84] На следующий день прибыл маршал Даву, назвавший разгром отряда Морана «несчастной ошибкой». Спустя несколько дней, Даву отрапортовал, что «весь левый берег Эльбы от Магдебурга до Цолленшпикера очищен и за ним строго наблюдается».[85] 24–25 марта в Люнебурге были арестованы сто жителей города из числа ополченцев, Даву повелел провести децимацию.[86] Дёрнберг направил французским генералам декларацию с обещанием расстрелять пленных французов, если пострадают жители Люнебурга.[87] 27 марта заложников освободили, Даву уехал в Брауншвейг. На следующий день город покинул и генерал Монбрён.

Так завершилась блестящая военная операция летучих отрядов. В ней впервые в 1813 г. приняли участие сводные русские и прусские войска, которых активно поддержали с оружием в руках местные жители. Более половины русских войск составляли донские казачьи полки. Среди награжденных за отличие в этом сражении почти три четверти составляют офицеры Войска Донского, в том числе три кавалера ордена св. Георгия 4 ст.

Список литературы

Бенкендорф А. Х. Воспоминания. 1802–1837. М., 2012.

“Война перьев”: офиц. донесения о боевых действиях 1812–1814 гг.: сб. документов. СПб., 2014.

Геккель А. И. Трофеи войн 1812–1813–1814 г., хранящиеся в Казанском соборе. СПб., 1909.

Донское казачество в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах русской армии 1813–1814 гг. Ростов-на-Дону, 2012.

Жиров М. С. Донские полки, находившиеся в 1813 и 1814 годах в отрядах Чернышева, Бенкендорфа и Теттенборна // Донские областные ведомости. 1908. № 157 (22 июля). С. 2–3.

Лейхтенбергский Г. Принц Евгений-Наполеон Богарне во главе Великой армии. СПБ., 1905.

Поход русской армии против Наполеона в 1813 г. и освобождение Германии. М., 1964.

[83] *Volger W. F.* Die merkwürdigsten Begebenheiten… S. 27.

[84] *Wedekind A. Ch.* Verhaft und Befreiung… S. 260.

[85] *Лейхтенбергский Г. Н.* Принц Евгений-Наполеон Богарне… С. 207.

[86] Опубликован список заложников. См.: *Wedekind A. Ch.* Verhaft und Befreiung… S. 234–239.

[87] Op. cit. S. 240–242.

Пузанов В. В. История 5-го Донского Казачьего Войскового Атамана Власова полка. Саратов, 1913.

Сражение при г. Люнебурге и взятие в плен французского генерала Морана отрядом генерал-адъютанта Чернышева / Сост. Ф. Н. Глинка // Военный журнал. 1817. Кн. 5. С. 46–59.

Cazalas E. De Stralsund à Lunebourg: épisode de la campagne de 1813. Paris, 1911.

Cerrini de Monte Varchi K.-F.-X. Die Feldzüge der Sachsen, in den Jahren 1812 und 1813. Dresden, 1821.

Dörnberg-Hausen H. Wilhelm von Dörnberg. Marburg, 1936.

Osten-Sacken und von Rhein O. Militärisch-politische geschichte des Befreiungskrieges im Jahre 1813. Bd. 2a. Berlin, 1903.

Plotho C. Der Krieg in Deutschland und Frankreich in den Jahren 1813 und 1814. Th. 1. Berlin, 1817.

Straube F. Fruhjahrsfeldzug 1813 / Die Roll russischen Truppen bei der Befreiung Deutschlands vom Napoleonischen Joch. Berlin, 1963.

Troschke P. Das Gefecht in und bei Lüneburg am 2. April 1813 // Beihelf zum Militär-Wochenblatt. Berlin, 1903. S. 421–450.

Volger W. F. Die merkwürdigsten Begebenheiten in Lüneburg während der Jahre 1813 und 1814. Lüneburg, 1839.

Wedekind A. Ch. Verhaft und Befreiung der hundert Einwohner Lüneburgs im Monat April 1813 // Neues Vaterländisches Archiv. Jahrgang 1829. 2 Heft. S. 232–270.

Zander Ch. Geschichte des kriegs an der Nieder-Elbe im jahre 1813. Luneburg, 1839.

References

Benkendorf A. H. Vospominaniya. 1802–1837. M., 2012.

“Vojna per’ev”: ofic. doneseniya o boevyh dejstviyah 1812–1814 gg.: sb. dokumentov. SPb., 2014.

Cazalas E. De Stralsund à Lunebourg: épisode de la campagne de 1813. Paris, 1911.

Cerrini de Monte Varchi K.-F.-X. Die Feldzüge der Sachsen, in den Jahren 1812 und 1813. Dresden, 1821.

Donskoe kazachestvo v Otechestvennoj vojne 1812 g. i zagranichnyh pohodah russkoj armii 1813–1814 gg. Rostov-na-Donu, 2012.

Dörnberg-Hausen H. Wilhelm von Dörnberg. Marburg, 1936.

Gekkel’ A. I. Trofei vojn 1812–1813–1814 g., hranyashchiesya v Kazanskom sobore. SPb., 1909.

Lejhtenbergskij G. Princ Evgenij-Napoleon Bogarne vo glave Velikoj armii. SPB., 1905.

Osten-Sacken und von Rhein O. Militärisch-politische geschichte des Befreiungskrieges im Jahre 1813. Bd. 2a. Berlin, 1903.

Plotho C. Der Krieg in Deutschland und Frankreich in den Jahren 1813 und 1814. Th. 1. Berlin, 1817.

Pohod russkoj armii protiv Napoleona v 1813 g. i osvobozhdenie Germanii. M., 1964.

Puzanov V. V. Istoriya 5-go Donskogo Kazach’ego Vojskovogo Atamana Vlasova polka. Saratov, 1913.

Srazhenie pri g. Lyuneburge i vzyatie v plen francuzskogo generala Morana otryadom general-ad”yutanta Chernysheva / Sost. F. N. Glinka // Voennyj zhurnal. 1817. Kn. 5. S. 46–59.

Straube F. Fruhjahrsfeldzug 1813 / Die Roll russischen Truppen bei der Befreiung Deutschlands vom Napoleonischen Joch. Berlin, 1963.

Troschke P. Das Gefecht in und bei Lüneburg am 2. April 1813 // Beihelf zum Militär-Wochenblatt. Berlin, 1903. S. 421–450.

Volger W. F. Die merkwürdigsten Begebenheiten in Lüneburg während der Jahre 1813 und 1814. Lüneburg, 1839.

Wedekind A. Ch. Verhaft und Befreiung der hundert Einwohner Lüneburgs im Monat April 1813 // Neues Vaterländisches Archiv. Jahrgang 1829. 2 Heft. S. 232–270.
Zander Ch. Geschichte des kriegs an der Nieder-Elbe im jahre 1813. Luneburg, 1839.
Zhirov M. S. Donskie polki, nahodivshiesya v 1813 i 1814 godah v otryadah Chernysheva, Benkendorfa i Tettenborna // Donskie oblastnye vedomosti. 1908. № 157 (22 iyulya). S. 2–3.

УДК 94 (47).073.2
ББК 63.3 (2) 47

Борис Павлович МИЛОВИДОВ
выпускающий редактор издательства «Крига» (Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: milbp@yandex.ru

МЕЖДУ КОДИФИКАЦИОННЫМ ИДЕАЛОМ И АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫМ ХАОСОМ: К ИСТОРИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ТУРЕЦКИХ ПЛЕННЫХ В РОССИИ В 1828–1829 ГГ.

Статья посвящена турецким военнопленным, находившимся в России во время Русско-турецкой войны в 1828–1829 гг. Создание единого документа, регулировавшего их положение, к чему стремилось правительство, затянулось. Положение о пленных было утверждено только к концу войны, 9 июля 1829 г. Фактически статус и порядок пребывания пленных определялся многочисленными, нередко противоречивыми правовыми актами, изданными по частным поводам. При этом главной задачей, которую стремились решить власти, было использование пленных на государственных работах.

Ключевые слова: Русско-турецкая война 1828–1829 гг., военнопленные, законодательство о военнопленных

В ходе Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. была поставлена и в итоге решена задача создания детально разработанного, согласованного со всеми заинтересованными ведомствами единого документа, регулирующего статус и условия пребывания турецких военнопленных в Российской империи. Это было включающее из 59 статей Положение о пленных, высочайше утвержденное 9 июля 1829 г. Появление его отразило общую тенденцию к кодификации российского законодательства, отчетливо проявившуюся в царствование императора Николая I.

Положение сохранило практиковавшееся и ранее разделение пленных турок на два разряда — взятых с оружием в руках и сдавшихся добровольно. До границ империи пленные препровождались под конвоем из вооруженных армейских команд и снабжались продовольствием так же, как российские офицеры и нижние чины, «соответственно званию каждого» (для нижних чинов, например, полагалось в сутки 1¾ фунта сухарей или 3 фунта печеного хлеба, а также четверть фунта крупы и фунт мяса); денежные рационы пленным выделялись в исключительных случаях по приказу главнокомандующего. Во время следова-

ния от границ до внутренних губерний пленным турецким пашам производилось содержание в размере 1 руб., офицерам по 50 коп, а нижним чинам по 15 коп. в сутки. Препровождение турок осуществлялось на общих с арестантами основаниях внутренней стражей, а при необходимости войсками.

Содержание военнопленных в ходе войн в XIX в. составляло одну из неизбежных статей военных расходов. По международному праву (хотя и не кодифицированному в форме многосторонних конвенций, но существовавшему в виде обычаев, норм отдельных международных договоров и трудов ученых-юристов) их содержала захватившая сторона за свой счет, ориентируясь на нормы снабжения собственных войск. Поэтому важным механизмом сокращения затрат государства в ходе войны было использование пленных на казенных работах.

В ходе Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. была впервые в России предпринята попытка реализации масштабной централизованной государственной программы по использованию пленных на строительстве военных и гражданских инженерно-технических сооружений, что закрепило и Положение о пленных. Ст. 38 этого документа предусматривала, что турок, взятых с оружием в руках (исключая старых, имеющих по виду более 50 лет, и дряхлых), следовало использовать на казенных работах: в Киев 4000 чел., в Бобруйскую крепость 3000 чел., к Виндавскому каналу 3000 чел. и в Брест-Литовск 1000 чел. На случай же убыли пленных предполагалось держать в Волынской, Минской, Гродненской и Виленской губерниях еще по 1000 чел. Пленных сверх этого числа, а также всех больных и старых надлежало отсылать на жительство в Воронежскую, Курскую, Орловскую и Тамбовскую губернии.

Взятые в плен без оружия в руках мусульмане селились в Слободско-Украинской, Черниговской, Полтавской и Киевской губерниях. Пленные христиане отправлялись в Херсонскую и Екатеринославскую губернии, а также в Бессарабскую область. Пленным, не занятым на работах, следовало выплачивать содержание в размере 1 руб., офицерам по 50 коп, а нижним чинам по 12 коп. в сутки. Пленным, использовавшимся на работах, а также вообще всем пленным в Волынской, Виленской, Минской и Гродненской губерниях полагалось выдавать кроме денежного содержания еще и 2/3 солдатского пайка. Размещать турок Положением предписывалось по возможности в казармах и других отдельных зданиях.

В случае необходимости подданных султана нужно было снабжать за казенный счет одеждой: шинелью серого крестьянского сукна, куртко-

кой, широкими брюкам на покрой турецких, сапогами, двумя рубашками, всего на сумму 24 руб. 55 коп.

Содержание и местопребывание турецким генералам назначалось по высочайшему повелению.

Содержание пленных осуществлялось за границей за счет экстраординарных сумм интендантства, а в России деньги отпускались из казенных палат на счет Государственного казначейства.

В Положении 1829 г. впервые в российском законодательстве появилась статья о свободе вероисповедания для пленных. Их запрещалось стеснять в богослужении по собственным обрядам, если это не нарушало общественный порядок. На время пребывания в плену подданные султана находились под покровительством российских законов и по ним же несли ответственность за совершенные преступления. Медицинскую помощь они получали также наравне с российскими воинскими чинами.

Собственность пленных объявлялась неприкосновенной, а деньги и ценные вещи, изъятые у них при пленении, после освобождения подлежали возвращению владельцам. В тех губерниях, где для пленных не было работ, они могли зарабатывать себе деньги вольным трудом. Милостыню просить им строго воспрещалось[1].

Принятие Положения было важным шагом в развитии законодательства, однако стремление составить всеобъемлющий документ, длительный процесс согласований позиций ведомств в условиях многомесячного отсутствия императора в столице и быстрого изменения обстановки привели к тому, что положение появилось только через 14 месяцев после начала военных действий и за 2 месяца до подписания мира. Фактически же пленные содержались на основе иных нормативно-правовых актов — отдельных высочайших повелений и предписаний военного командования и гражданских властей.

В первой четверти XIX столетия ситуация была несколько иной. Статус и правила содержания пленных определялись предписаниями, разработанными ответственными за пребывание пленных ведомствами; они, как правило, были основаны на высочайших повелениях либо утверждались позднее императором без долгих межведомственных согласований. Термин «положение» в названия этих документов не входил, хотя в ведомственной переписке иногда применительно к ним и использовался. Пребывание французских пленных в России в 1806–1807 гг. регулировалось нормами, изложенными в отношении министра военно-

[1] ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. V. № 2977.

сухопутных сил С. К. Вязмитинова, направленном министру внутренних дел В. П. Кочубею 28 ноября 1806 г., т. е. почти сразу после вступления России в войну. Это отношение развивало и конкретизировало высочайшее повеление от 22 ноября[2].

Положение пленных турок в ходе Русско-турецкой войны, фактически начавшейся в октябре 1806 г. и объявленной Турцией лишь в январе 1807 г., определялось высочайше утвержденным «расписанием» 13 марта 1807 г. и составленными на основании высочайшего повеления отношениями Вязмитинова от 22 марта 1807 г. к главнокомандующему Молдавской армии И. И. Михельсону и к В. П. Кочубею[3]. На втором этапе этой войны, начавшемся в марте 1809 г. руководящим документом стал доклад министра военно-сухопутных сил А. А. Аракчеева на высочайшее имя, одобренный 24 апреля 1809 г. Комитетом министров и утвержденный через два дня Александром I[4].

Основанное преимущественно на нормах отношения 28 ноября 1806 г. (именно такова была воля императора) циркулярное предписание С. К. Вязмитинова от 29 августа 1812 г. стало главным документом, регулировавшим положение пленных Великой армии в ходе начавшейся в июне того же года Отечественной войны, а затем Заграничных походов. Вязмитинов тогда уже управлял созданным в 1811 г. Министерством полиции, в компетенцию которого входили вопросы пребывания пленных в империи, а также занимал должность главнокомандующего в Санкт-Петербурге и фактически руководил Комитетом министров[5].

Перечисленные документы, как правило, были невелики по объему, но охватывали сразу весь круг проблем, касающихся препровождения и содержания пленных. Позднее по мере необходимости они дополнялись и корректировались иными предписаниями и повелениями. Последнее обстоятельство особенно характерно для законодательства 1812–1815 гг., которое представлено почти двумя десятками циркулярных предписаний Вязмитинова, постфактум вносившихся для сведения в Комитет министров и лишь в ряде случаев основанных на высочайших повелениях. Хотя из-за быстро меняющейся обстановки законодательство это было во многом реактивным, скорее следовало за ходом событий, чем работало на перспективу, главные его принципы, заложенные в августе 1812 г., сохранялись.

Исключением в первой четверти XIX в. являлся лишь комплекс правовых норм, касающихся пленных Русско-шведской войны 1808–1809 гг., который уже на первом ее этапе не отличался единством и состоял из множества высочайших повелений и предписаний военного командования, что обусловливалось разнообразием категорий пленных (офицеры-шведы, нижние чины — уроженцы Финляндии, военнослужащие из гарнизонов сдавшихся на капитуляцию крепостей) и особенностями политики российских властей в отношении новоприобретенных территорий.

Положение же 1829 г. было, наоборот, итогом обобщения, уточнения и развития уже действовавших на момент его принятия норм. Рассмотрим их подробнее.

Пребывание пленных на театре военных действий и их транспортировка до границ империи определялась приказом главнокомандующего действующей армией от 17 мая 1828 г. № 143[6]. Затем появилось предписание генерал-адъютанта В. Н. Шеншина, в котором говорилось, что турецким пленным «всемилостивейшее дарована» дача нижнего чина, так что с учетом замены «горячего вина» мясом они получали ежедневно по полфунта мяса при обыкновенной даче круп и сухарей. Турецкие чиновники получали офицерскую дачу[7].

Вопрос о содержании пленных внутри империи стал предметом рассмотрения на уровне центральных властей уже менее, чем через два месяца после начала войны. 8 июня 1828 г. начальник Главного штаба И. И. Дибич сообщил генерал-инспектору по инженерной части великому князю Михаилу Павловичу императорское повеление об отправлении из 1012 пленных, взятых крейсерами на трех судах в Черном море, 906 нижних чинов в Киев, а 3 чиновников, т. е. офицеров, и 3 состоящих при них служителей в Полтаву. Вместе с тем Дибич просил как можно скорее истребовать для доклада царю соображения инженер-генерала К. И. Оппермана об использовании турок в Киеве на работах[8].

В тот же день Дибич препроводил повеление императора об отправке пленных и киевскому военному губернатору генерал-лейтенанту

---

[2] РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1091. Л. 1–2; РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 765. Л. 9–14.

[3] РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1391. Л. 2–14.

[4] Журналы Комитета министров. Царствование императора Александра I. 1802–1826. Т. 1 СПб., 1888. С. 281; РГИА. Ф. 1152. Оп. 1. Соединенные деп. законов и экономии. 1812 г. Д. 37. Л. 4–9.

[5] См. подр.: *Бессонов В. А.* Военнопленные в России в 1812 г. // Военнопленные армии Наполеона в России. 1806–1814. Мемуары. Исследования. СПб., 2012. С. 69–114.

[6] ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. V. № 2977.

[7] РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6907. Л. 93.

[8] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 4515. Л. 1.

П. Ф. Желтухину. Начальник Главного штаба сообщал, что эти подданные султана будут направлены в Киев для работ из Керчь-Еникале после карантинного очищения, организация которого, равно как и снабжение деньгами на дорогу, должны были происходить на основании распоряжений новороссийского и бессарабского генерал-губернатора М. С. Воронцова. На предмет содержания пленных на месте постоянного пребывания Желтухину следовало ожидать дальнейших постановлений, а в случае, если турки прибудут раньше, военный губернатор должен был назначить им содержание натурой или деньгами по своему усмотрению, ориентируясь на нормы, которые установит Воронцов. Желтухину предписывалось также озаботиться приготовлением удобного помещения и организацией караула[9]. Сообщено было это высочайшее повеление и Воронцову. В нем говорилось также, что содержание пленных турок в карантине и их отправка должны осуществляться за счет имеющихся в распоряжении новороссийского и бессарабского генерал-губернатора средств с последующим возвратом их из экстраординарных сумм 2-й армии[10].

В тот же день, 8 июня, Дибич попросил управляющего Военным министерством А. И. Чернышева доставить подробную справку о том, на каком основании содержались турецкие и персидские пленные во время последних войн с Россией. В связи с этим 19 июня канцелярия Военного министерства обратилась за необходимыми сведениями в комиссариатский и провиантский департаменты, 23 июня в Министерства внутренних дел и финансов[11], а 29 июля попросила у командира Отдельного кавказского корпуса И. Ф. Паскевича сообщить Дибичу материалы о содержании пленных персиян[12]. Впрочем, сам Чернышев направил такой же запрос Паскевичу еще 20 июня[13].

Вскоре были получены и ответы, достаточно полно отражающие законодательство о пленных предшествующей Русско-турецкой войны. Министр внутренних дел А. А. Закревский сообщил Чернышеву ряд сведений о пленных 1806–1807 гг. уже 24 июня[14], и тот, добавив материалы, имевшиеся в Военном министерстве, представил их начальнику

[9] РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6907. Л. 1.

[10] Там же. Л. 125, 160.

[11] РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6691. Л. 1–2.

[12] Там же. Л. 18.

[13] РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6907. Л. 164.

[14] Там же. Д. 6691. Л. 19.

Главного штаба при записке 28 июня[15]. Паскевич же прислал данные о содержании пленных персиян 12 сентября Дибичу и через месяц 12 октября продублировал их Чернышеву[16].

Желтухин, ожидавший турок в Киеве, обратился к Воронцову за разъяснениями по поводу назначенных им норм снабжения пленных, на что новороссийский и бессарабский генерал-губернатор ответил, что во время содержания в карантине он велел довольствовать подданных султана наравне с неимущими пассажирами: пашам выплачивать по 1 руб. в сутки, офицерам по 50 коп., а простым туркам по 30 коп. Во время же препровождения до Киевской губернии Воронцов приказал довольствовать пленных «по общему положению с арестантами». Поэтому Желтухин, учитывая, что арестантам по указу 22 декабря 1821 г. во время пересылки полагалось по 12 коп. в сутки, решил отпускать из земского сбора такую же сумму и на продовольствие пленных во время нахождения их в Киеве[17].

Вопросами организации транспортировки турок наряду с Воронцовым с лета 1828 г. занимался также командир резервных войск гр. И. О. Витт. Одной из важнейших проблем, которые возникали при движении пленных во внутренние губернии России, была необходимость оперативно снабдить их одеждой и обувью. Однако имевшимися у Витта силами решить задачу было невозможно. 20 июля он сообщил Дибичу о недостатке в одежде и обуви, которые испытывают пленные, находившиеся в Бендерской крепости. В ответ на это в августе начальник Главного штаба прямо предписал Витту, что тот должен требовать из Балтской комиссариатской комиссии для этих пленных бракованные, но годные к употреблению вещи, и 13 августа просил Чернышева дать комиссии соответствующую санкцию[18].

Одновременно в августе Чернышев получил отношение Желтухина, где говорилось, что прибывшие в Киев в нескольких партиях пленные почти не имеют обуви, а их одежда совершенно не соответствует наступающему осеннему времени. Отсутствие немедленной реакции, по мнению, киевского военного губернатора, неминуемо грозило распространением среди турок болезней и увеличению смертности. Напомнив, что в предыдущую Русско-турецкую войну недостаток одежды и обуви у плен-

[15] Там же. Д. 6907. Л. 176.

[16] Там же. Л. 164–165.

[17] Там же. Л. 62–63.

[18] Там же. Л. 87, 177; Там же. Д. 7019. Л. 139.

ных восполнялся за казенный счет, Желтухин просил разрешения на постройку для подданных султана «нужной обуви и верхнего платья в том виде, как они приготовляются для пересыльных арестантов, и на отпуск для сего в его или кого другого распоряжение денег»[19].

Оба эти случая Чернышев сообщил «для соображения» управляющему комиссариатским департаментом генерал-майору А. Е. Линдену. Тот донес, что в Балтской комиссии находится забракованных сукон, холста и полотна на 4000 чел., и Чернышев немедленно дал комиссии, как того и просил Дибич, разрешение отпускать необходимые материалы по требованиям Витта. В Киевской же комиссариатской комиссии бракованных холстов почти не было.

В связи с этим 12 сентября 1828 г. Чернышев, минуя для ускорения дела находившегося в армии Дибича, составил адресованный на высочайшее имя доклад, в котором, изложив ситуацию и напомнив о существовавшей ранее практике, испрашивал соизволение отпустить Желтухину деньги из Государственного казначейства на одежду из расчета 12–15 руб. на чел. При этом он предлагал снабжать турок не по арестантской норме (в таком случае в указанную сумму уложиться было нельзя), а сэкономить и выдавать пленным только шинель, куртку и брюки из простого белого сукна «малороссийского изделия». Общая же сумма, которую Чернышев полагал возможным потратить на обмундирование пленных, не превышала 50 тыс. руб. Если бы эта мера, принимаемая до «воспоследования общего о содержании пленных в России повеления», была позднее заменена другой, то по мнению Чернышева, расходы все равно бы упали на Государственное казначейство[20].

Об этом своем докладе в тот же день, 12 сентября, управляющий Военным министерством проинформировал и Дибича[21]. На докладе стоит резолюция, датированная 13 сентября: «Высочайше повелено исполнить по заключению»[22]. Однако это решение принадлежало не самому императору (который, как и Дибич, находился в действующей армии), а было принято особой комиссией, оставленной императором в столице на случай возникновения во время его отсутствия каких-либо неотложных вопросов, и лишь объявлено от высочайшего имени[23]. Сообщив

[19] Там же. Д. 7019. Л. 126–127.

[20] Там же. Л. 127–129.

[21] Там же. Л. 139.

[22] Там же. Л. 126.

[23] Там же. Л. 178

«высочайшее повеление» киевскому военному губернатору, Чернышев направил ему и истребованные из Министерства финансов 50 тыс. руб.[24]

С реализацией этого решения возникли проблемы. Киевский гражданский губернатор представил Желтухину расчет, согласно которому снабжение каждого пленного турка одеждой из белого малороссийского сукна и обувью из обыкновенного сапожного товара оценивалось в 20 руб. 95 коп., а из фабричного серого солдатского сукна, «коего случайно приискано до 1500 аршин», в 19 руб. 75 коп. Все это сильно превышало определенные Чернышевым 12–15 руб.[25]

4 октября 1828 г. Желтухин приказал киевскому гражданскому губернатору при содействии коменданта приступить немедленно к пошиву шинелей для наиболее нуждающихся в одежде турок, а также «обувь немедленно сделать всем туркам вообще». Киевскому коменданту полковнику Г. И. Гебелю предписывалось осмотреть турок и составить ведомость необходимых вещей[26]. Одновременно киевский военный губернатор попросил Чернышева санкционировать это разрешение. Управляющий Военным министерством подготовил на высочайшее имя доклад, в котором предлагалось одобрить распоряжение Желтухина «как сообразное с местными обстоятельствами». И 18 октября представление киевского военного губернатора о нормах снабжения пленных одеждой было утверждено возвратившимся в столицу царем[27]. Согласно этим нормам стоимость одежды и обуви для турок в Киеве определялась в 20 руб. 95 коп. на человека[28]. Пленным полагалась шинель из белого крестьянского сукна малороссийского изделия с подкладкой (8 руб. 73 коп.), того же сукна брюки (4 руб. 53½ коп.) и куртка (4 руб. 68½ коп.), а также полусапожки черной юфти (3 руб.)[29].

Осенью 1828 г. возник вопрос и об имуществе пленных. 5 сентября Желтухин сообщил Чернышеву о полученном от конторы симферопольского госпиталя донесении, в котором говорилось о смерти трех подданных султана из назначенных к отправке в Киев (они следовали из Керчи). Контора спрашивала о том, как поступить с оставшимися после покойных вещами и деньгами. Вопрос этот Желтухин и переадресовал Военному

[24] Там же. Л. 178 об.

[25] Там же. Л. 179.

[26] РГВИА. Ф. 405. Оп. 2. Д. 1944. Л. 9–10.

[27] РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7019. Л. 178–179.

[28] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 4515. Л. 11.

[29] РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6907. Л. 27.

министерству[30], которое 23 сентября 1828 г. обратилось в Министерство внутренних дел. Военные надеялись, что данная проблема была как-то отрегулирована во время предшествующих войн[31]. О том, как поступали с вещами умерших турецких пленных, А. А. Закревский запросил управляющего III Отделением Собственной его императорского величества канцелярии М. Я. фон Фока, который ранее был управляющим Особенной канцелярией Министерства полиции, занимавшейся проблемами пленных в эпоху 1812 г. Документы этой канцелярии хранились в архиве III Отделения, однако среди полученных от Фока дел не оказалось ни одного, «которое заключало бы в себе положительные правила по сему предмету»[32]. Не в последнюю очередь это объяснялось тем, что дела о турецких пленных войны 1806–1812 гг. велись в Военном министерстве, в то время как Министерство полиции было создано только в 1811 г. Тем не менее Закревскому удалось обнаружить представление тамбовского губернатора от 13 февраля 1813 г. о доставленных от каменец-подольского коменданта 844 червонных, белье и письмах на имя умершего в плену турецкого чиновника Сулейман-аги. Министр полиции А. Д. Балашов доложил тогда вопрос императору и получил высочайшее повеление передать имущество Сулеймана-аги двум находившимся в российском плену его сыновьям. О том, как поступать с имуществом умерших пленных впредь, Закревский 22 декабря 1828 г. предложил Чернышеву также испросить высочайшее повеление[33]. Однако дальнейшего развития этот сюжет, насколько нам известно, в законодательстве не получил.

Вопрос об употреблении пленных турок на казенные работы возник сразу после начала войны, и организация их в значительной степени определяла всю политику властей в отношении подданных султана, не по своей воле оказавшихся в России. Генерал-инспектор по инженерной части великий князь Михаил Павлович, получив от Дибича упомянутое выше высочайшее повеление от 8 июня, направил ему 28 июня мнение К. И. Оппермана по этому вопросу[34], который, впрочем, прорабатывался заранее.

Великий князь еще 14 мая приказал подготовить предложения по использованию турок на работах в Киеве, и они были направлены ему

[30] Там же. Л. 139.

[31] РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6691. Л. 21–23.

[32] Там же. Д. 6907. Л. 137.

[33] Там же. Л. 138.

[34] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 4515. Л. 2–3.

Оппермaном 6 июня. Инженер-генерал считал, что турок можно употребить для заготовки материалов и постройки некоторых из вновь проектируемых укреплений, а в связи с тем, что общий план работ еще оставался неутвержденным, он предложил усилить дополнительными казармами и казематами лишь Звериницкое укрепление, находящееся на местности, командующей Печерской крепостью. В частности, Опперман выдвинул идею использовать турок для сооружения кирпичного завода, выделки кирпича и неквалифицированных работ во время строительства самих укреплений.

Вместе с тем инженер-генерал указал и на ряд проблем, которые предстояло решить в связи с прибытием в Киев пленных. Во-первых, требовалось помещение, поскольку в то время казармы инженерного ведомства были заняты кантонистами. (Опперман предложил перевести их в освободившиеся после выступления в поход 3-го пехотного корпуса помещения киевского госпиталя, а в казармы поселить турок). Во-вторых, необходимо было место для завода, а единственная подходящая территория принадлежала Киево-Печерской лавре. В-третьих, на планируемые работы в 1828 г. нужно было 50 тыс. руб. В-четвертых, требовалось назначить для турок «достаточное содержание одеждой и пищей», чтобы они «с успехом могли быть употребляемы на работу»[35].

Отношение от 8 июня с изложением высочайшего повеления, как уже говорилось, Дибич направил и Желтухину. А вслед за этим киевский военный губернатор получил отношение дежурного генерала 2-й армии, где говорилось, что на Киев направляются по приказанию главнокомандующего, сверх упомянутых выше 906 чел., и прочие турки; причем вскоре стало известно, что только из Анапы прибудет более 3000 чел. В связи с этим Желтухин 7 июля направил к управляющему Военным министерством Чернышеву рапорт. Он обратил внимание центральных властей на «чрезмерное отягощение города всегдашним воинским постоем» вообще и сообщил в частности, что затрудняется в приготовлении квартир и содержании ожидавшихся пленных, поскольку в Киеве не имелось свободных казенных и общественных зданий, а обывательские дома неподалеку от крепости уже заняты на постой. Впрочем, по мнению военного губернатора, первую партию турок (906 чел.) можно было разместить до зимы в холодных помещениях самой крепости, но остальных он предлагал отправить в другие места Киевской губернии. Желтухин указал также, что до прибытия 11-й дивизии учредить

[35] РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6907. Л. 6.

для присмотра за пленными особые караулы невозможно, ибо в городе находились лишь 4 батальона, в т. ч. один учебный, из которых ежедневно назначалось большое количество людей в караулы, для чистки ружей в арсенал и для шитья одежды. Последнее обстоятельство, приводимое военным губернатором, входит, правда, в некоторое противоречие с его жалобами на отягощенность города постоем. Кроме того, Желтухин писал Чернышеву, что не имеет никаких сведений ни о размере содержания пленных, ни о характере работ, которые они должны будут исполнять[36].

В Петербурге к этому времени тоже еще до конца не определились с объемом и характером работ, для исполнения которых в Киев двигались пленные. 12 июля Дибич сообщил великому князю, что император запросил последний проект киевских укреплений и выразил желание, чтобы Михаил Павлович предписал отложить работы на Зверинецком укреплении («ибо едва ли можно с достоверностью заключить, что пленные турки способны были к употреблению к каменщицким работам») и использовать турок лишь на земляных работах, которые возможно производить в рамках утвержденного плана[37].

Получив рапорт Желтухина от 7 июля, Чернышев вспомнил о разговоре с Оппермaном, в ходе которого инженер-генерал высказал идею об употреблении пленных для работ в Бобруйске по случаю вывода оттуда 5-й пехотной дивизии, и запросил 17 июля по этому поводу его официальное заключение[38]. Следует заметить, что в 1812–1813 гг. на работах в Бобруйске использовали еще пленных французов, о чем инженер-генерал Опперман по всей вероятности знал, поскольку сам накануне войны руководил сооружением там крепостных укреплений[39]. Уже 18 июля Чернышев, проинформировал Дибича о донесении Желтухина, и сообщил ему о предложении использовать часть турок на работах в Бобруйске, сославшись на Оппермана, полагавшего возможным отправить туда до 1000 чел. и употреблять их «с пользою и без стеснения даже в зимнее время»[40]. Тогда же Опперман предложил вывести всех кантонистов из казарм в Киеве, куда, однако, могло поместиться не более 1898 чел. пленных[41].

[36] Там же. Л. 2–3.

[37] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 4515. Л. 4.

[38] РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6907. Л. 4, 7.

[39] Там же. Д. 2993. Л. 1–8.

[40] Там же. Д. 6907. Л. 7.

[41] Там же. Л. 5.

15 августа Чернышев вновь обратился к Дибичу. Поводом стал еще один рапорт Желтухина, от 4 августа, в котором он предсказывал проблемы с надзором за пленными, поскольку в Киев и в губернию оказались назначены войска, которые должны были укомплектовываться рекрутами, «не могущими в скорости прибыть». В связи с этим киевский военный губернатор спрашивал, не может ли часть турок быть размещена по другим губерниям[42]. Тогда же, 15 августа, Чернышев сообщил Желтухину, что до сих пор не получил от Дибича никакого ответа по поводу изменения мест назначения пленных и их содержания, хотя он направил начальнику Главного штаба как запрошенные им еще в июне сведения о нормах содержания пленных в прошедшие Русско-турецкую и Русско-персидскую войны, так и предложения Оппермана о переводе части турок в Бобруйск[43].

31 августа Михаил Павлович направил Дибичу присланный от Оппермана план киевских укреплений, напомнив при этом, что он еще окончательно не утвержден, нуждается в доработке, и, по мнению инженер-генерала, к строительству можно приступить только на участке между Печерской крепостью и Звериницким укреплением. Он также передал содержание рапорта Желтухина к Чернышеву от 7 июля и предложения Оппермана об отправке 1000 турок в Бобруйск, уточнявшего при этом, что если часть гарнизона переселить в форштадт, то число пленных может быть увеличено. Опперман, отвечая на упрек императора, пояснил также, что он предполагал использовать турок в Киеве только «к деланию кирпича и в подносчики к каменщикам, а не к самому производству сих работ»[44]. Эта информация предназначалась явно для царя, но высочайшая реакция последовала лишь через месяц.

4 октября 1828 г. Дибич сообщил Чернышеву, что император повелел отправить в Бобруйск 1000 чел., которые первые прибудут в Киев, остальных же пленных употребить на инженерные работы, а в случае, если Опперман не найдет в них надобности, то использовать на других общественных работах по назначению Желтухина. Проинформировал Дибич об этом и самого Желтухина[45]. О получении царского повеления, равно как и об отданных им распоряжениях, Желтухин сообщил Чернышеву 15 октября. Киевский военный губернатор приказал отправ-

[42] Там же. Л. 9.

[43] Там же. Л. 10.

[44] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 4515. Л. 5–8.

[45] РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6907. Л. 11.

лять в Бобруйск только «людей самых здоровых и нестарых лет», а кроме того, учитывая наступившие холода, предписал снабдить их подходящей одеждой и обувью и дать знать об отправке бобруйскому коменданту[46]. На следующий день, 16 октября, он напомнил управляющему Военным министерством, что никакого распоряжения о назначении пленным содержания в Киеве так и не получено, а также просил предписать позаимствованные из земских сборов деньги компенсировать из казенных палат и впредь выделять на пленных средства из сумм военного ведомства по требованиям гражданского губернатора[47].

Содержание высочайшего повеления 4 октября Чернышев сообщил Опперману только 19-го[48]. А 20 октября инженер-генерал ответил управляющему Военным министерством, что еще во время своей недавней поездки в Бобруйск (т. е. до получения высочайшего повеления) он распорядился насчет помещения там в казармах 1000 пленных турок, а теперь предписал употреблять их на земляных и других валовых работах. С организацией работ в Киеве было сложнее, поскольку разрешение на строительство по новому проекту укреплений, которые могли быть возведены без срытия обывательских домов, так и не было получено[49].

Ответа на отношение Михаила Павловича к Дибичу от 31 августа по данному вопросу не последовало, в начале декабря план укреплений был возвращен из канцелярии начальника Главного штаба без всякой резолюции, и великий князь вынужден был 11 декабря обратиться по этому поводу к Чернышеву. Лишь 16 декабря резолюцией на докладе управляющего Военным министерством царь утвердил предложения Михаила Павловича и Оппермана об использовании турок на строительстве укреплений именно между Печерской крепостью и Звериницким укреплением[50].

В упомянутом ответе Чернышеву от 20 октября Опперман также спрашивал его, сколько денег можно употребить из сумм инженерного ведомства на содержание пленных турок, поскольку пленные французы в свое время получали только провиант и по 5 коп. в день, при этом сильно нуждались в одежде и «имели не слишком питательную пищу»[51].

[46] Там же. Л. 64.

[47] Там же. Л. 63.

[48] Там же. Л. 12.

[49] Там же. Л. 13.

[50] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 4515. Л. 16–17.

[51] РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6907. Л. 13.

К этому времени число пленных резко увеличилось за счет сдавшегося в сентябре 1828 г. гарнизона Варны. 11 октября Дибич сообщил Николаю I, что 5 октября он отправил в Дубоссары 6000 чел. из варненского гарнизона под прикрытием 3-й бригады 7-й пехотной дивизии (13-го и 14-го егерских полков) во главе с генерал-майором Прозоровским. Пленных должен был принять командир резервных войск гр. И. О. Витт и отправить далее до Махновки, где им и следовало ожидать высочайшего повеления относительно следования в Киев или в Бобруйск[52]. 12 октября Дибич сообщил Чернышеву отношением из Варны об отданном приказе Витту и о запрошенном высочайшем повелении. Витту было предписано также позаботиться во время пути о продовольствии пленных, а также об одежде и обуви, в которых те крайне нуждались. Деньги и материалы из числа негодных для снабжения войск следовало требовать из Балтской комиссариатской комиссии[53].

Получив этот документ, 23 октября Чернышев запросил Оппермана, можно ли всех 6000 турок из Варны использовать на работах в Бобруйске, а если нет, то сколько из них и куда отправить остальных.[54] В тот же день инженер-генерал ответил, что размещение такого количества пленных в Киеве и Бобруйске затруднительно. Напомнив об отсутствии свободных казарм в Киеве, он сообщил, что и в Бобруйске из-за формирования там резервного пионерного батальона на 1250 чел. для расквартирования ранее назначенных 1000 пленных придется вывести часть гарнизона в форштадт «в противность дарованной жителям форштадтов свободы от постоя». Причем для 6000 подданных султана требовалось еще немалое число конвойных. Ситуация осложнялась тем, что в Бобруйске было свыше 1500 арестантов, а турки не знали русского языка, были непривычны «к рабочим орудиям нашим» и их можно было использовать только для земляных и других простых работ при теплой погоде. В итоге Опперман предложил отправить в Киев 1000, а в Бобруйск 2000 чел., употребляя их на работы с 15 апреля по 1 октября и приняв меры к размещению пленников на зиму, а также ассигновать на работы в Киеве не менее 30 тыс. руб.[55] Отношение Дибича и мнение Оппермана были доложены Чернышевым императору, на основании чего последовало

[52] Там же. Л. 19–20.

[53] Там же. Л. 15.

[54] Там же. Л. 16.

[55] Там же. Л. 17–18.

высочайшее повеление[56], в рамках которого была предпринята попытка некоторой систематизации уже принятых норм. Но и это повеление, как следует из его же текста, имело временный характер.

25 октября Чернышев сообщил Дибичу его содержание. Император приказал из 6000 турок 1000 отправить в Киев, 2000 в Бобруйск, а остальных 3000 — на работы по сооружению Виндавского канала в распоряжение главноуправляющего путями сообщения герцога А. Вюртембергского. Пленных, предназначенных для строительства канала, следовало отправлять прямо из Дубоссар по 1000 чел. в Волынскую, Гродненскую и Виленскую губернии с тем, чтобы тамошние губернаторы разместили их по своему усмотрению до тех пор, пока получат от Главного управления путей сообщения требование о высылке турок к работам. Отправление всех варнских пленных возлагалось на гр. Витта, который должен был принять их в Дубоссарах от генерал-майора Прозоровского.

Содержание пленным во время пути и на местах до общего положения, которое должно было вскоре последовать, предписывалось производить на основании прежних примеров: пашам по 1 руб., офицерам по 50 коп., а нижним чинам по 12 коп. в сутки. При необходимости пленных надо было снабжать одеждой и обувью в соответствии с расчетами, произведенными Желтухиным и, как уже говорилось, утвержденными повелением 18 октября. В случае крайней необходимости в снабжении пленных одеждой при отправлении из Дубоссар Витту предоставлялось право взять материалы из вещей, забракованных Балтской комиссариатской комиссией. Необходимые суммы для препровождения и содержания пленных император повелел отпускать по назначению министра финансов Е. Ф. Канкрина из казенных палат. Содержание данного высочайшего повеления было сообщено Чернышевым также главнокомандующему Отдельным Литовским корпусом великому князю Константину Павловичу, главноуправляющему путями сообщения, министру финансов, литовскому и киевскому военным губернаторам, гр. Витту, а также соответствующим гражданским губернаторам[57].

Получив отношение Чернышева с изложением повеления 25 октября, Канкрин 31 октября предписал казенным палатам выделять деньги по требованиям гражданских губернаторов и киевского военного губернатора как на содержание, так и на одежду и обувь для пленных. Губернаторам же в свою очередь было предписано, чтобы деньги в пути

[56] Там же. Л. 48–51.

[57] Там же. Л. 21–22.

производились по назначениям Витта, во время пребывания в Волынской, Виленской и Гродненской губерниях по назначениям главноуправляющего путей сообщения, а в Бобруйской крепости по назначениям Оппермана. В Киеве же организация снабжения пленных была предоставлена Желтухину[58].

Причем препровождая повеление 25 октября Желтухину, Чернышев добавил, что средства для него будут выделяться из казенной палаты только после того, как военный губернатор израсходует уже отпущенные ему на пленных 50 тыс. руб.[59] В отношении же Опперману управляющий Военным министерством отдельно оговорил, что государь не разрешил выводить части войск из Бобруйска в освобожденные от постойной повинности форштадты и просил немедленно сделать распоряжения о размещении там и употреблении в работу пленных[60]. Главноуправляющего путями сообщения Чернышев просил заняться организацией работ для турок и сообщить губернаторам, куда и когда их направлять[61].

Однако император не учел всех соображений, высказанных Оппермaном 23 октября в отношении к Чернышеву, и инженер-генералу пришлось вновь обращаться к управляющему Военным министерством. 27 октября в своем отношении к нему он повторил, что в связи с формированием в Бобруйске резервного батальона поместить ни одного пленного в казармы невозможно и просил прислать их не ранее 15 апреля, когда войска можно было бы вывести в лагеря. Присмотр и попечение за пленными он просил возложить на комендантов, поскольку инженерные команды загружены строительными работами, и наконец еще раз высказал просьбу о выделении денег на работы в Киеве[62].

Чернышев вошел в тот же день с соответствующим докладом к Николаю I, императорская резолюция на котором датирована 1 ноября[63]. Однако вопрос был решен еще раньше, поскольку уже 29 октября в отношении к Константину Павловичу Чернышев изложил высочайшее повеление, сформулированное потом и в резолюции. Император приказал поселить 2000 пленных, предназначавшихся для строительства Бобруйской крепости, до 15 апреля в ее окрестностях на территории

[58] Там же. Л. 67–68.

[59] Там же. Л. 24.

[60] Там же. Л. 26.

[61] Там же. Л. 36.

[62] Там же. Л. 40.

[63] Там же. Л. 48–51.

Минской губернии. Это временное размещение турок и надзор за ними были возложены на великого князя. Текст повеления Чернышев направил также литовскому военному губернатору, гр. Витту, минскому гражданскому губернатору и министру финансов[64]. Согласно высочайшей воле Канкрин должен был выделить 30 тыс. руб. «на инструменты и припасы» для инженерных работ в Киеве, а также отпускать деньги на содержание пленных бобруйскому и киевкому комендантам, в ведение которых передавались турки, как того и просил Опперман[65]. Содержание высочайшего повеления 29 октября было сообщено и прочим заинтересованным чиновникам, в т. ч. Опперману, Михаилу Павловичу, литовскому военному губернатору, Желтухину[66]. Разница между решениями 29 октября и 1 ноября состояла лишь в том, что вопрос о том, кто именно должен заниматься вопросами размещения и содержания пленных, в резолюции 1 ноября не рассматривался. Любопытно также, что передавая высочайшее повеление от 29 октября, Чернышев о том, что турки передавались в ведение комендантов, великому князю почему-то не сообщил. Закревскому Чернышев направил повеление 29 октября, повторив при этом и содержание повеления от 25 октября[67].

Вместе с тем еще 28 октября 1828 г. старший член совета Главного управления путей сообщения генерал-майор И. С. Горголи известил Закревского и Чернышева, что работы на Виндавском канале начнутся 15 мая 1829 г., и просил министра предписать волынскому, виленскому и гродненскому губернаторам выслать пленных, которые будут к ним направлены, к этому сроку в распоряжение чиновников путей сообщения, ответственных за организацию работ. Одновременно Горголи извещал руководителей обоих министерств, что управляющему работами по сооружению канала полковнику Рокасовскому предписано доставить подробные соображения о привлечении пленных к работам, рассчитав, сколько войск нужно будет дополнительно привлечь к строительству[68].

8 ноября Закревский дал соответствующие предписания трем упомянутым губернаторам[69]. 17 ноября волынский гражданский губернатор сообщил в ответ, что 1000 назначенных в его губернию турок он предполагает разместить в Овручском повете, который был ближе по пути в Курляндию, куда пленных предстояло отправить для работ на Виндавском канале[70]. А гродненский гражданский губернатор 23 ноября сообщил министру внутренних дел, что даже направил Витту запрос о времени прибытия пленных, маршруте их следования, количестве и составе партий и необходимости подготовить зимнюю одежду для пленных; просил он заблаговременно предупредить о движении турок и волынского губернатора[71].

Однако препровождение турок к местам работ в зимних условиях оказалось практически сорванным. Причинами этого стали не только большое количество пленных, зимние холода и стремление различных военных и административных структур переложить друг на друга ответственность за снабжение одеждой несчастных подданных султана, но и проблемы собственно законодательства — в частности, неопределенность правовой базы относительно «постройки» для турок зимней одежды и об ограничении их передислокации в холодное время.

О тяжелом положении взятых в плен под Варной турок, встреченных им под Каварной на пути в Россию, писал в рапорте от 22 октября 1828 г. Николаю I Дибич: «Они находятся в жалостном положении и несколько уже померли. Многие отданы в гошпитали, прочие большей частью истощены и нуждаются в одёже; беглых вовсе нет». Дибич поручил ответственному за препровождение пленных генерал-майору Прозоровскому «принять возможное о них попечение и не допустить их до крайности»[72].

Уже 23 октября 1828 г. Балтская комиссия получила от Витта требование заготовить одежду для всех варнских пленных, которые должны были прибыть в Дубоссары 7 ноября и оттуда специально для удобства снабжения отправлялись на г. Балту Подольской губернии. Ибо силами резервных войск одеть такое множество захваченных русскими войсками противников было невозможно. Витт запросил у комиссии, имеется ли у нее необходимое количество вещей, и если нет, то какие меры принимаются для их приобретения. Комиссия ответила, что готовые вещи в ее распоряжении отсутствуют, экстренно она их заготовить также не может, нет и мастеровых для пошива, однако готовые материалы имеются. При этом комиссия обратила внимание Витта, что Дибич воз-

64 Там же. Л. 41–42.

65 Там же. Л. 44–45

66 Там же. Л. 52–61.

67 Там же. Л. 46–47.

68 РГИА. Ф. 1284. Оп. 14. 1-е отделение, 1-й стол. Д. 9. Л. 12; РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6907. Л. 65.

69 РГИА. Ф. 1284. Оп. 14. 1-е отделение, 1-й стол. Д. 9. Л. 13–14.

70 Там же. Л. 15 об.

71 Там же. 9. Л. 16.

72 РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3783. Л. 75.

ложил на нее лишь отпуск материалов и денег, а отнюдь не организацию снабжения в целом.

Как ясно из полученного комиссией 27 октября отношения и. д. начальника штаба резервных войск 2-й армии генерал-майора П. Н. Фролова, Витт донес Дибичу через адъютанта, что организация снабжения турок одеждой целиком возложена на Балтскую комиссию в связи с отсутствием в окрестностях Балты подчиненных ему войск. Фролов подтвердил приказ Дибича, согласно которому комиссия должна была «непременно принимать все меры, зависящие от нее к приготовлению вещей и обуви <…> и чтоб не ограничивалась никакими затруднениями от исполнения сего». Всякое промедление в этом деле, по мнению Фролова, «останется на ответственности самой комиссии», ибо задержать несколько тысяч пленных означало стеснить не только сам город, но и близлежащие селения. Да и пленные в холодное время без одежды «могут подвергаться неминуемой болезни и делаться жертвою смерти».

По словам Фролова, Витт считал целесообразным, чтобы Балтская комиссия запросила о наличии заготовленных для арестантов зимних вещей в Кременчугской комиссии и в Херсонской крепости. В ответ Балтская комиссия сообщила, что командировала чиновника в Кременчуг, но вновь отметила, что сама с постройкой вещей не справится, поскольку не имеет в своем распоряжении достаточного количества портных, да и вообще не знает по каким образцам нужно шить одежду для пленных. Впрочем, по аналогии с тем, какие вещи приобретались для пленных в Бендерской крепости, комиссия предполагала, что пленных придется снабжать полушубками, шапками и рукавицами с варегами и котами, а все эти вещи можно было приобрести только в крупных городах.

В итоге комиссия донесла Дибичу и Фролову 29 октября, что готова отпустить деньги и материалы специально назначенным офицерам резервных войск. Однако в тот же день в комиссию прибыл назначенный для препровождения пленных и наблюдения за их обмундированием полковник Фохт, который имел повеление требовать вещи, «кои на основании разрешения начальства к сбережению людей признает необходимым». На следующий день Фохт заявил, что поскольку бендерский комендант потребовал для обмундирования пленных рубахи, сапоги, шерстяные портянки, суконные брюки, рукавицы и полушубки, то и он признает необходимыми эти вещи, а кроме того еще и шапки. Фохт предложил немедленно начать постройку котов, рубах, портянок, суконных брюк и рукавиц силами вольнонаемных портных, не дожидаясь согласия Фролова, а шинели и фуражки начать шить уже после получения его

разрешения. В распоряжении же комиссии кроме 600 бракованных котов никаких вещей не было, и она разрешила через полицию объявить о наборе вольнонаемных сапожников и портных и приступить к пошиву некоторых вещей. Обо всем этом комиссия донесла в Комиссариатский департамент в тот же день, 30 октября[73].

Применявшиеся, как видим, в Бендерах и Балте нормы снабжения одеждой имели мало отношения к тому, что предложил Желтухин и утвердил царь.

В защиту комиссии выступил глава Комиссариатского департамента генерал-майор Линден. Представив 20 ноября ее рапорт Чернышеву, он обвинил Витта, в том, что тот умышлено направил пленных на Балту, «дабы вынудить у комиссии удовлетворение, которое выходит из пределов естественной возможности» (по сути, так дело и обстояло), что грозило дезорганизацией ее работы. Управляющий департаментом подтвердил, что отсутствие соответствующих повелений и недостаток «местных способов» вынуждают комиссию ограничиваться лишь ассигнованием денег и выдачей материалов на одежду пленных. По мнению Линдена, комиссия даже если бы получила на то разрешение своего начальства, смогла бы удовлетворить пленных одеждой «только сложным и медленным распоряжением, послав закупать вещи и шить таковые же в других местах». В целом же Линден полагал, что снабжение пленных посредством комиссариата весьма неудобно и местное военное, а тем более гражданское начальство может справиться с этой задачей гораздо успешнее[74]. Ознакомившись с мнением главы комиссариатского ведомства, Чернышев разъяснил Витту, что Балтская комиссия должна отпускать только материалы из числа забракованных и деньги на шитье, заниматься же постройкой вещей возможностей у нее нет[75].

Пока продолжалась вся эта переписка, турки неспешно двигались из Варны по направлению к Балте. Однако численность их стремительно уменьшалась. Как сообщал 25 ноября главнокомандующий 2-й армией П. Х. Витгенштейн императору, под Каварной состояло 5162 пленных турка, из которых там же умерло 212 чел. Многие по дороге остались в госпиталях: 716 в каварнском, 275 в мангальском, 289 в кюстенджинском, 362 в бабадагском и 496 в Исакче, расположенной на правом берегу Дуная. В ходе движения от Коварны до Исакчи от холода и метели

[73] Там же. Д. 6907. Л. 83–86.

[74] Там же. Л. 81–82.

[75] Там же. Л. 87.

23–25 октября умерли 810 чел. и еще 217 были оставлены на станциях, поскольку «за трудными болезнями» не могли передвигаться. Один пленник был отдан командиру лейб-гвардии Измайловского полка. Перешло же Дунай только 1784 турка и 20 болгар, т. е. чуть менее 35% вышедших из Каварны[76].

Ответственный за транспортировку пленных Прозоровский в ведомости, приложенной к рапорту, отправленному 4 ноября, приводит несколько иные, но сходные цифры: в Бабадаге пленных оказалось уже не 6000, а всего 2707 (2682 турка и 25 болгар). В бабадагском госпитале было оставлено из них 345 чел., в пути до Исакчи умерло 118 чел, в т. ч. 5 болгар. В Исакче к пленным прибавилось еще 21 турок и 6 болгар, но зато в госпитале осталось 508 чел. (в т. ч. 6 болгар), преимущественно больных желтухой. По дороге от Исакчи до Болграда умерли еще 18 пленных и прибыло туда в итоге 1725 турок и 20 болгар[77]. Витгенштейн уточняет, что от Дуная до Болграда по пути оставлено 59 больных турок[78].

В упомянутом рапорте от 4 ноября 1828 г. Прозоровский сообщал начальнику Главного штаба, что находясь еще в Исакче, он получил от Воронцова предписание выдержать пленных турок 21 день в карантине в Сатуново. Однако вслед за этим пришло повеление «высшего начальства» пропускать турок и конвой «с одною окуркою». Исходя из этого, генерал дал предписание обоим полковым медикам (13-го и 14-го егерских полков) раздеть пленных и осмотреть каждого на предмет признаков «прилипчивой болезни». Тех, которые вызывали «сумнение» (всего 110 чел.), оставили в госпитале в Исакче, а остальных переправили через Дунай и поместили на двухдневный карантин в Сатуново, разместив их в 100 турецких палатках, заимствованных у коменданта Исакчи. Во время карантина пленных два раза в присутствии Прозоровского окуривали «по всей строгости правил карантинного положения» и лишь затем отправили в Болград. При этом с главным попечителем об иностранных колонистах на юге России генералом И. Н. Инзовым была достигнута договоренность о размещении пленных по пути в домах болгарских колонистов и производстве туркам «от жителей» приварка[79].

В следующем рапорте, направленном Дибичу 14 ноября, Прозоровский коснулся вопроса о снабжении турок продовольствием. Он руководствовался упомянутым выше предписанием, данным генерал-адъютантом Шеншиным, согласно которому подданные султана получали такую же дачу, как и солдаты российского императора, в том числе и мясо. Однако после переправы через Дунай заграничное положение о продовольствии прекратило свое действие и в дальнейшем пленные могли рассчитывать лишь на приварок от местных жителей, имея с собой только хлеб и сухари[80]. Эти нормы, которые продолжали действовать уже на территории дунайских княжеств и, очевидно, до привода турок в Балту, не корреспондировались с предписанием Воронцова о снабжении пленных в пути как арестантов.

Тем временем, получив от Витта приказание, не останавливаясь в Дубоссарах прямо следовать с турками на Балту, Прозоровский выразил командиру резервных войск опасение, что движение 90 верст по голой степи «при босоте и наготе пленных» в случае метели или мороза приведет к их массовой гибели (такой случай, как уже упоминалось имел место). Во избежание такого развития событий, Прозоровский со своей стороны принял ряд мер. Так по прибытии в Кишинев он договорился с гражданскими властями о размещении пленных по ближайшим селениям и просил полицмейстера Я. Н. Радича организовать там торговлю сапогами и башмаками, чтобы подданные султана могли за свой счет приобрести обувь. Многие из них купили и теплую одежду. Все это Прозоровский изложил в очередном рапорте Дибичу 18 ноября[81].

Надо сказать, что потери пленных от Болграда до Кишинева существенно снизились. В Болграде было оставлено только 9 больных, а по дороге до Кишинева еще 39 чел. В Кишинев прибыли 1677 турок и 20 болгар. Уменьшение заболеваемости и смертности Прозоровский объяснял тем, что пленные, перейдя Дунай, хотя и лишились мясного пайка, но ночевали на теплых обывательских квартирах, где получали и дополнительный приварок[82].

Напомним, что отправка пленных происходила и по распоряжениям Воронцова (в Киев и Полтаву согласно с высочайшим повелением от 8 июня). Как видно из донесения Воронцова царю от 3 декабря 1828 г., на эти цели было потрачено им 200 тыс. руб. (150 тыс. из земских сборов Таврической губернии и еще 50 тыс. из Феодосийского и Керчь-Еникальского градоначальств). Новороссийский и бессараб-

[76] Там же. Л. 106, 108

[77] Там же. Л. 95.

[78] Там же. Л. 108.

[79] Там же. Л. 94.

[80] Там же. Л. 93.

[81] Там же. Л. 96.

[82] Там же. Л. 97.

ский генерал-губернатор просил Николая I возместить понесенные затраты, поскольку, вопреки повелению, главнокомандующий 2-й армией компенсировал лишь незначительную часть этих расходов, в результате чего в казначействе Таврической губернии возник значительный дефицит средств[83]. Однако император не спешил с выделением денег, затребовав через Чернышева подробный отчет о тратах[84]. 31 декабря 1828 г. Закревский сообщил Чернышеву, что малороссийский генерал-губернатор Н. Г. Репнин проинформировал его о прибытии в Полтаву 4 пленных турок «почти без всякого одеяния» и спрашивал, на какие деньги их следует одеть и содержать[85]. Поскольку пленные эти прибыли от Воронцова, 3 января управляющий Военным министерством запросил новороссийского и бессарабского генерал-губернатора о том, каким образом они оказались в Полтаве[86]. А 12 января Чернышев потребовал от Воронцова отчет, сколько всего поступило в его распоряжение пленных турок и куда они отправлены[87]. 18 января 1829 г. последовал ответ графа, в котором тот излагал содержание высочайшего повеления, сообщенного ему Дибичем 8 июня. Воронцов пояснил, что пленные отправлялись им из керчинского и феодосийского карантинов, где получали содержание из имеющихся в его распоряжении сумм, впоследствии пополняемых частично деньгами из 2-й армии. Таким же точно образом они снабжались одеждой и обувью, пока эта обязанность высочайшим повелением не была возложена на Витта[88]. А 1 марта Воронцов представил и ведомость о движении пленных, бывших в ведомстве феодосийского и керчь-еникальского градоначальников, обещав вскоре прислать аналогичные сведения и по Одессе[89]. Таким образом очевидно, что Чернышев плохо представлял себе нормы повеления 8 июня или не знал о них вовсе.

Что же касается практики снабжения пленных зимней одеждой, то Воронцов еще 13 декабря сообщил Витту о донесении херсонского гражданского губернатора, который выдал нуждающимся туркам из партии в 152 чел., проходившей из Таврической губернии, 15 полушубков и 20 пар котов с чулками. Коты были куплены за 33 руб. и губернатор

[83] Там же. Л. 121.
[84] Там же. Л. 127.
[85] Там же. Л. 144.
[86] Там же. Л. 145.
[87] Там же. Л. 151.
[88] Там же. Л. 160–161.
[89] Там же. Л. 224.

требовал компенсации. Воронцов предписал ему снабжать турок теплой одеждой и впредь — до распоряжения Чернышева, но возврата денег требовал от Витта. Витт возражал, заявляя, что ему поручено снабжение одеждой только турок варнского гарнизона, и платить «совершенно отказался», о чем и сообщил Чернышеву 21 января 1829 г.[90]

А между тем команды, препровождавшие пленных, сталкивались со значительными трудностями не только в Молдавии. Витт донес 29 ноября Чернышеву, что согласно рапорту начальника елизаветградского среднего этапа майора Воинова 2-го от 26 ноября двигавшаяся в Киев партия пленных турок в 220 чел. не имела зимней одежды и совершенно была лишена обуви. Лично убедившийся в этом начальник штаба 3-го резервного поселенного кавалерийского корпуса генерал-майор Элькин препроводил к Воинову 300 руб. ассигнациями, чтобы на них, естественно, «с сохранением казенного интереса» тот построил для пленных одежду. Нужные вещи были куплены и розданы пленным, и Витт просил Военное министерство компенсировать сделанный расход[91]. В результате 31 декабря Чернышев, сославшись на высочайшее повеление (очевидно, от 25 октября), обратился к Канкрину с просьбой вернуть 300 руб. и в дальнейшем разрешить истребование на эти цели денег из казенных палат[92].

В донесении Чернышеву от 13 декабря Витт вновь коснулся проблемы транспортировки пленных. Повторив содержание рапорта Воинова, он сообщил также, что крайнюю нужду в одежде претерпевали и 90 пленных, проходивших через дубоссарский этап. Этих турок Витт приказал принять в Балте в свое ведение дежурному штаб-офицеру резервных войск полковнику Фохту. Кроме того, Витт отметил, что множество не имеющих одежды пленных, оставлены по разным госпиталям. Командир резервных войск сообщил также, что просил позаботиться о снабжении одеждой этих турок Воронцова и предписал до решения данного вопроса далее их не отправлять[93].

Сокращение численности пленных из-за их высокой заболеваемости и смертности вынудило власти внести изменения в свои предписания, касавшиеся распределения подданных султана по территории Российской империи. До Гродненской и Виленской губерний пленные зимой 1828–

[90] Там же. Л. 184.
[91] Там же. Л. 128.
[92] Там же. Л. 130.
[93] Там же. Л. 141.

1829 гг. так и не добрались. Еще 21 ноября волынский гражданский губернатор получил от и. д. начальника штаба резервных войск генерал-майора Фролова отношение, которым тот уведомил о сделанном упомянутому Фохту поручении о приеме в Балте пленных турок, снабжении их одеждой и отправлении к местам назначения. В связи с этим Фролов требовал от губернатора выслать в Балту специального чиновника, который бы сопровождал пленных через Волынскую губернию, и просил принять турок, назначенных в ней для жительства и вообще помочь в организации движения партий. В тот же день губернатор послал в Балту к Фохту жандармского офицера с просьбой сообщить подробности о предстоящем следовании турок. Однако в ответ 28 ноября в Житомире было получено от Фохта уведомление о том, что 25 ноября в Балту прибыли под начальством Прозоровского только 1700 пленных. Все почти турки не имели одежды, и пока она строилась, было решено расквартировать их у Балты в окрестных селениях. Одновременно Фохт послал своему начальству запрос, куда в дальнейшем направлять этих пленных. Обо всем этом в тот же день, 28 ноября, волынский гражданский губернатор сообщил министру внутренних дел Закревскому[94]. По ведомости Прозоровского, датированной 29 ноября, он сдал Фохту 1550 чел.[95] Уменьшение численности прибывших, вероятно, было связано с уточнением списков, смертностью и передачей части пленных в госпитали. В тот же день, 29 ноября, Фролов из Тирасполя направил виленскому, гродненскому и волынскому губернатором сообщение (оно получено было в Житомире 11 декабря), что в Балту прибыли 1500 пленных (очевидно, результат округления) и что Витт приказал их отправить в Бобруйск (т. е. в Минскую губернию)[96]. Об этом своем решении Витт сообщил 13 декабря и Чернышеву, пояснив, что именно в Бобруйске острее всего ощущалась потребность в рабочих руках, и добавив, что кроме предписанной одежды он приказал снабдить пленных рубашками, фуражками с наушниками, рукавицами и суконными портянками[97]. Отметим, что проблему упущенных в повелении 25 октября рубашек потом отдельно, как будет сказано ниже, пришлось решать и в Киеве, и в Бобруйске.

Волынский губернатор, получив сообщение от Фролова о перемене движения пленных на Бобруйск, донес об этом 12 декабря Закревскому,

94 РГИА. Ф. 1284. Оп. 14. 1-е отделение, 1-й стол. Д. 9. Л. 17.

95 РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6907. Л. 140.

96 РГИА. Ф. 1284. Оп. 14. 1-е отделение, 1-й стол. Д. 9. Л. 21, 28.

97 РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6907. Л. 140.

который получил этот рапорт, судя по входящим датам, 21–22 декабря[98]. 9 февраля 1829 г. волынский губернатор сообщил министру внутренних дел, что варнские пленные в количестве 1554 чел. 1 февраля вышли из Балты в направлении Бобруйска. Турки двигались тремя партиями с интервалами не более перехода и на каждой станции должны были получать под квитанции одну пароконную подводу на медицинского чиновника и по 20 одноконных подвод для конвоя каждой партии. Конвой состоял из 200 чел. 6-го Черноморского конно-казачьего полка под командованием полковника Украинского пехотного полка Готовицкого[99]. А 12 марта волынский губернатор донес Закревскому, что турки (12 бим-башей, 64 юс-башей и 1289 рядовых) с конвоем (6 обер-офицеров и 199 казаков) до 5 марта в трех партиях благополучно прошли через губернию на Бобруйск. Для медицинской помощи при пленных находились 1 лекарь и 1 цирюльник. Во время движения на территории губернии умерли 9 турок и 1 казак, в житомирском госпитале осталось 44 турка и 2 казака, а в овручской городской больнице 9 пленных и 2 казака[100]. Турки эти прибыли в Бобруйск тремя партиями 17, 19 и 21 марта в числе 12 бим-башей, 59 юс-башей и 1186 рядовых, и до начала крепостных работ их отправили в местечко Глуск Бобруйского повета «для квартирного расположения»[101]. А 13 марта Закревский запросил, не проходили ли пленные через Виленскую и Гродненскую губернии[102], на что 29 марта гродненский, а 2 апреля виленский губернаторы ответили отрицательно[103].

Ожидание прибытия турок в западные губернии, где продукты были достаточно дороги, повлекло за собой изменения в законодательстве, касавшиеся норм довольствия пленных. Опыт 1806–1812 гг. показал, что их положение во многим зависело от конъюнктуры цен. Действуя на упреждение, 25 ноября 1828 г. цесаревич Константин Павлович сообщил Чернышеву, что по донесению гродненского губернатора положенных на продовольствие пленных нижних чинов 12 коп. медью (3 коп. серебром) будет недостаточно. Лишь на покупку 3 фунтов хлеба уходило 2 коп. серебром, и еще столько же на соль и приварок. Следовательно

98 РГИА. Ф. 1284. Оп. 14. 1-е отделение, 1-й стол. Д. 9. Л. 21.

99 Там же. Л. 2.

100 Там же. Л. 26.

101 РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6907. Л. 291.

102 РГИА. Ф. 1284. Оп. 14. 1-е отделение, 1-й стол. Д. 9. Л. 24–25.

103 Там же. Л. 27, 28.

на продовольствие одного человека нужно было 4 коп. серебром или 16 медью. К тому же весной ожидалось увеличение цен на продовольствие. В связи с этим губернатор и соглашавшийся с ним цесаревич предлагали выдавать пленным если не полный солдатский паек, то хотя бы две трети его, с тем, чтобы каждый мог иметь кроме 12 коп. медью еще и по 2 фунта хлеба[104].

Аргументируя свою позицию в докладе 6 декабря, управляющий Военным министерством отмечал, что хотя по расписанию 13 марта 1807 г. пленным нижним чинам и полагались в сутки по 5 коп. и солдатский провиант, но по табели, утвержденной императором 4 февраля 1821 г., за продовольствие проходящих по Гродненской губернии рекрут следовало платить по 20 коп. в сутки, в то время как 12 коп. отпускается по указу 22 декабря 1821 г. лишь на содержание проводимых арестантов[105]. 8 декабря в резолюции царя на доклад Чернышева было сформулировано высочайшее повеление о внесении дела в Комитет министров[106]. Сообщая об императорской воле министру внутренних дел, Чернышев 16 декабря 1828 г. запросил его, не нужно ли изменить нормы снабжения турецких пленных и в других губерниях — Виленской, Волынской и Митавской (Курляндской)[107]. Закревский в ответе 21 декабря сообщил управляющему Военным министерством, что считает нужным распространить такую же прибавку на Виленскую, Волынскую и Курляндскую губернии, если в них также будут высокие цены[108]. Очевидно, информация о направлении варненских пленных в Бобруйск в МВД получена еще не была, поскольку Минская губерния в этом списке не появилась. Не знал об этом, очевидно ко времени отправлении запроса и Чернышев, поскольку Витт известил его о своем решении, как уже говорилось, только 13 декабря.

2 января 1829 г. Чернышев запросил об увеличении содержания пленных в Гродненской и других губерниях также мнение Канкрина[109]. В своем ответе от 11 января министр финансов заявил, что полагает целесообразным возобновить практику, имевшую место в предыдущую русско-турецкую войну, когда пленным сверх кормовых денег производился и провиант[110].

17 января 1829 г. Чернышев внес в Комитет министров записку, в которой, ссылаясь на согласие министров финансов и внутренних дел, предложил утвердить прибавку содержания для пленных Гродненской губернии и распространить ее в случае надобности на Минскую (!), Виленскую и Волынскую губернии. Комитет, рассмотрев ее на заседании 22 января, согласился с изложенными доводами, и принял соответствующее положение. А 5 февраля Комитету министров было объявлено, что это его положение утверждено и царем[111]. 14 февраля Чернышев сделал необходимое предписание Провиантскому департаменту и сообщил о принятых решениях министру финансов, Константину Павловичу и Закревскому[112].

В упомянутой записке Чернышева на высочайшее имя от 6 декабря были изложены и еще два вопроса относительно пленных, поставленные Желтухиным. 27 ноября киевский военный губернатор донес управляющему Военным министерством, что в связи с переводом пленных из Киева в окрестности из-за прекращения работ и отсутствия места для размещения их в городе, исчезла и возможность определять больных в военный госпиталь. В сложившихся условиях их удобнее помещать в градские больницы, которым, однако, придется производить оплату. Но возникал вопрос о размере и источниках финансирования[113]. Управляющий Военным министерством пояснил в докладе, что за пользование больных воинских чинов в градских больницах по утвержденному 5 ноября 1827 г. положению Комитета министров вместо прежде назначенных 50 коп. следует платить приказам общественного презрения ту сумму, в которую реально обходится содержание больных[114].

Другой вопрос касался пошива рубах для пленных. Дело в том, что согласно донесению Желтухина от 26 октября из 1327 чел., прибывших к тому времени в Киев, не более 50 имели перемену рубах, а прочие имели лишь по одной ветхой рубахе либо не имели ее вовсе. Происходящая от этого «нечистота» угрожала ростом заболеваемости и развитием эпи-

---

104 РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6907. Л. 101–102.

105 Там же. Л. 117.

106 Там же. Л. 115.

107 РГИА. Ф. 1284. Оп. 14. 1-е отделение, 1-й стол. Д. 9. Л. 18; РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6907. Л. 103–104.

108 РГИА. Ф. 1284. Оп. 14. 1-е отделение, 1-й стол. Д. 9. Л. 19 об.; РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6907 Л. 131.

109 РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6907 Л. 132–133.

110 Там же. Л. 152.

111 Там же. Л. 154–159, 201.

112 Там же. Л. 202–204; РГИА. Ф. 1284. Оп. 14. 1-е отделение, 1-й стол. Д. 9. Л. 1.

113 РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6907 Л. 91.

114 Там же. Л. 117; Там же. Д. 7019. Л. 309.

демии. А это было тем более опасно, что турки были размещены на зиму по селениям в местах расположения полковых штабов сводной дивизии 4-го пехотного корпуса[115]. В результате 8 декабря император повелел оплачивать пребывание в градских больницах турецких пленных на таких же условиях, как российских нижних чинов. Положительно решил царь и вопрос о рубахах, позволив киевскому военному губернатору тратить деньги и на них. В обоих случаях оплата должна была производиться из общих сумм, определенных на содержание пленных[116].

Однако это решение о рубахах не касалось турок, находившихся в Бобруйске. Между тем бобруйский комендант генерал-майор К. И. Берг обратил внимание на то, что в доставленном к нему «примерном расчислении об одежде» для пленных рубахи не упомянуты, в то время как прибывшие в его распоряжение из Киева 1000 пленников их не имели. Берг донес об этом дежурному генералу Главного штаба, который 3 февраля переадресовал вопрос Чернышеву[117]. Управляющий Военным министерством в поданном императору докладе предложил разрешить «строить» рубахи и пленным в Бобруйске с тем, чтобы общая смета расходов на обмундирование одного человека не превышала установленных согласно расчетам Желтухина 20 руб. 95 коп. Это предложение было утверждено царем 14 февраля 1829 г.[118] Отметим, что ст. 45 Положения 1829 г. закрепила и прибавку в 2 руб. 40 коп. на пару рубах, равно как и 1 р. 20 коп. на дополнительные 2 аршина сукна для брюк, которые по турецкой моде должны были быть широкими[119].

Законодательной новацией весны 1829 г. стало назначение пунктом пребывания пленных Брест-Литовска, в который следовало отправлять турок «в излишестве противу назначения» присланных в Киев и Бобруйск. Это предложение встречается уже в отношении директора канцелярии начальника Главного штаба от 18 марта директору канцелярии Военного министерства и затем вошло в положение о пленных[120].

В целом система законодательных норм, регулировавших положение турецких пленных на протяжении почти всей войны 1828–1829 гг., была довольно хаотичной. Как ни парадоксально, одной из причин такого положения стало стремление к исчерпывающей кодификации этих норм. Появление общего положения ожидалось, о нем все время упоминалось. Но расчет на то, что оно разрешит все проблемы разом, привел к тому, что все реально действовавшие нормы рассматривались как временные. В основе повелений и предписаний властей не было единого взгляда на проблему, они были вызваны конкретными местными обстоятельствами и трудностями. Последовательно верховной властью выражалось лишь желание использовать пленных на государственных работах. Заметим, что в царствование Александра I эта идея также присутствовала в законодательстве, но не была приоритетной.

Повеление 8 июня 1828 г. никаких конкретных норм снабжения не устанавливало, передавая это на усмотрение графа М. С. Воронцова, на решения которого должен был ориентироваться П. Ф. Желтухин. Кроме Воронцова вопросами препровождения пленных от границ империи и снабжения их одеждой занимался также командир резервных войск граф И. О. Витт, в ведении которого, судя по документам, были в основном пленные, захваченные на сухопутном дунайском театре (прежде всего пленные, варненского гарнизона, и Витт на этом настаивал в полемике с Воронцовым). Сентябрьское повеление о номенклатуре и стоимости одежды пленных, появившееся в результате рапортов Витта и Желтухина Чернышеву, не было должным образом подготовлено, и стоимость «постройки» одежды пришлось 18 октября корректировать. При этом не вполне понятно, следовало ли этими повелениями руководствоваться Витту либо они относилось лишь к пленным, находившимся в ведении Желтухина. Распределение турок к местам работ производилось властями без четкого представления об объеме этих работ и возможностях размещения пленных; места работ для каждой крупной партии назначались в итоге особыми высочайшими повелениями. Высочайшее повеление, изданное 25 октября 1828 г., хотя и представляло собой попытку систематизации уже принятых и действовавших норм (через полгода после начала войны!), но также имело ограниченный характер, в частности в нем ничего не говорилось ни о турках, находившихся в ведении Воронцова в Новороссийском крае, ни о движении пленных до границ империи, ни о порядке прохождения карантина, ни о подданных султана, захваченных на кавказском театре военных действий, ни о пленных т. н. второго разряда, ни о турецком «генералитете».

Отсутствие специальных норм о снабжении турок зимней одеждой и об ограничении их транспортировки в холодное время также можно отнести к числу законодательных пробелов. Этих норм не было

---

115 Там же. Д. 6907. Л. 69; Там же. Д. 7019. Л. 308.

116 Там же. Л. 115; Там же. Д. 7019. Л. 307.

117 Там же. Д. 6907. Л. 189.

118 Там же. Л. 206.

119 ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. V. № 2977.

120 РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6907. Л. 234.

и в Положении 9 июля 1829 г., хотя в эпоху Отечественной войны 1812 г. они действовали (опыт этого законодательства не был учтен при составлении Положения). В таких условиях как местные военные власти в Бендерах и Балте, так и гражданские чиновники, подчиненные Воронцову, устанавливали свои нормы и принципы снабжения турок одеждой, и они не корреспондировались с нормами, предложенными Желтухиным и утвержденными царем. Решения о приостановке отправления, а иногда и изменении маршрутов тех или партий пленных также принимались не централизованно, а по усмотрению властей на месте. Противоречивыми были и предписания относительно карантинных сроков. А снабжение продовольствием пленных, по всей видимости, осуществлялось по армейским нормам вплоть до привода их в Балту. Более того, о некоторых правовых нормах, например, о повелении 8 июня управляющий Военным министерством Чернышев не был проинформирован. Смертность и болезни среди пленных, невозможность их доставки в зимних условиях во внутренние губернии привели к срыву широкой программы казенных работ с их участием. Эта программа в значительной степени осталась лишь на бумаге — в пунктах Положения 1829 г. Уже после предписания 25 октября и до выхода Положения властям пришлось отказаться от направления пленных на сооружение Виндавского канала и их размещения в Волынской, Гродненской и Виленской губерниях, ограничившись Киевом и Бобруйском. Вместе с тем еще весной 1829 г. в документах появился новый пункт назначения турок — Брест-Литовск. Тем не менее, предположение о размещении пленных в упомянутых западных губерниях повлекло за собой корректировку и норм их денежного довольствии, поскольку этот вопрос не был продуман заранее. Наглядным проявлением фрагментарности, лоскутности законодательства стало то, что властям несколько раз (относительно разных регионов) пришлось обращаться к проблеме снабжения пленных рубахами.

Все это говорит о невысокой оперативности и эффективности законодательства о пленных 1828 — начала 1829 г., формировавшегося как временное до утверждения ожидавшегося Положения. Высочайшее повеление 25 октября 1828 г., абсорбировавшее предшествующие отдельные повеления, лишь отчасти компенсировало эти недостатки.

Положение же 1829 г. фактически действовало лишь на этапе репатриации пленных. Кстати, подобная ситуация отставания кодифицированного права от быстро менявшихся обстоятельств повторилась и в годы Крымской войны. Положение о пленных, разработанное специальным комитетом с учетом мнения различных ведомств и утвержденное императором 16 марта 1854 г., было рассчитано на турок[121]. Однако в конфликт включились европейские державы, и российским властям пришлось принимать отдельные нормы, регулировавшие положение пленных англичан, французов и сардинцев. Целиком же положение приспособить под новые обстоятельства и утвердить его новый вариант до конца войны так и не успели, хотя работа над ним велась.

Список литературы

Журналы Комитета министров. Царствование императора Александра I. 1802–1826. Т. 1. СПб., 1888.

Бессонов В. А. Военнопленные в России в 1812 г. // Военнопленные армии Наполеона в России. 1806–1814. Мемуары. Исследования. СПб., 2012.

Boris Pavlovich MILOVIDOV

Editor, *Kriga* publishing (St. Petersburg, Russia)

E-mail: milbp@yandex.ru

Between a codification ideal and administrative legal chaos: to the history of legislation on Turkish prisoners in Russia in 1828–1829

The article is devoted to Turkish prisoners of war, who were in Russia during the Russian-Turkish war in 1828–1829. The issue of a general document regulating their situation, to which the government was aiming, was delayed. The Regulations on the prisoners of war was approved only towards the end of the war, on July 9, 1829. In fact, the status and order of the prisoners' stay was determined by numerous, often contradictory legal acts issued on private occasions. At the same time, the main task that the government sought to solve was the use of prisoners in state jobs.

Keywords: Russian-Turkish war of 1828–1829, prisoners of war, legislation on prisoners of war.

References

Zhurnaly Komiteta ministrov. Tsarstvovanie imperatora Alexandra I. 1802–1826, vol. 1, St. Petersburg 1888.

Bessonov V. A., *Voennoplennye v Rossii v 1812 godu,* in: Voennoplennye armii Napoleona v Rossii. 1806–1814. Memuary. Issledovanja, St. Petersburg 2012.

[121] ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. XX1X. № 28038.

УДК 94 (47).073.2
ББК 63.3 (2) 47

Сергей Сергеевич МИГУНОВ

младший научный сотрудник Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, аспирант института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: sergejusmigunov@gmail.com

ВИЛЕНСКИЙ АРСЕНАЛ В СИСТЕМЕ ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ УКРЕПЛЕНИЙ ЗАПАДНЫХ ГУБЕРНИЙ ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX В.

В статье рассмотрена роль арсенала Виленской крепости в вопросах обороны западных губерний Российской империи во второй четверти XIX в., а также место крепости в событиях Польского восстания 1830–1831 г. в литовских губерниях. Была предпринята попытка перенести арсенал из Вильны в Динабургскую крепость, но полностью задуманное осуществить не удалось.

Ключевые слова: западные губернии Российской империи, Польское восстание 1830–1831 годов, Арсенал, Материальная часть артиллерии.

Виленский арсенал сыграл важную роль в процессах, происходивших в губерниях бывшего Великого княжества Литовского в ходе Польского восстания 1830–1831 гг. и сразу же после него. Вопрос о необходимости функционирования арсенала в Виленской крепости был пересмотрен после подавления восстания. Если до этого он функционировал в качестве составной части Виленской крепости, то по итогам произошедших событий стали очевидны его опасная приближенность к нестабильному региону и необходимость изменения его положения в ряду оборонительных укреплений в Западном крае. Во второй половине 1831 г. в связи с боевыми действиями в ходе подавления восстания было принято решение о переводе материальной части артиллерии из стен Виленского арсенала в Динабургскую крепость, где для этой цели было построено специальное здание.

Арсенал играл заметную роль в укреплении обороны западных губерний Российской империи в период, непосредственно предшествовавший восстанию. В эти годы акцент был сделан именно на губерниях Западного края, что кардинально отличалось от взгляда, характерного для предыдущих царствований. На протяжении всего XVIII столетия укрепление

западных рубежей было важнейшей стратегической задачей России в европейской части империи. С присоединением после трех разделов Речи Посполитой территорий нынешних Литвы, Белоруссии и Латвии вопрос укрепления обороны стал актуален для значительной части сухопутной территории империи, особенно на границах с европейскими государствами.

До этого вооружались и перестраивались крепости в Прибалтике (Ревель, Рига, Пернов). В XIX в. стало очевидно, что необходимо пересмотреть систему сухопутных укреплений на западе страны. Это понимание отразилось в строительстве крепостей в Динабурге (ныне Даугавпилс, Латвия), а также на территории нынешней Белоруссии (Бобруйск и Брест-Литовск).

Вильна занимала особое место в этом ряду не только в связи с географическим положением и близостью к взрывоопасному польскому региону. Дело было не только в многочисленных пропольских симпатиях большинства населения, убежденных в необходимости возрождения Речи Посполитой. Сама по себе Вильна была важным местом с точки зрения исторической памяти польского народа. Не говорим здесь о литовском народе, ибо должно было пройти еще около трех десятилетий, пока не начало оформляться литовское национальное движение. В царствование императора Николая I актуальной была роль Вильны как центра именно польского национального движения.

Виленская крепость сохраняла свое военное значение до 1860-х гг., и решение о переводе вооружения из Вильны в Динабург давалось мучительно и трудно. Так, например, в 1836 г. в ходе обсуждения этого вопроса было принято решение об оставлении вооружения в укреплениях Виленской цитадели. В документах из архива ВИМАИВиВС, посвященных этому вопросу, указано, что в 1831 г. Виленская цитадель вооружена в соответствии с особым мнением, направленным директору артиллерийского департамента, и изменить существующее вооружение невозможно (*илл. 1, 2*). Во избежание нарушения высочайшей воли и связанных с этим затрат материального характера, а также для соблюдения моральной стороны вопроса (нарушение воли императора) было рекомендовано оставить всю артиллерию на прежнем месте. Власти понимали необходимость держать в Вильне гарнизон в связи со стратегическим значением этого места и во избежание дальнейших выступлений польских националистов. Тем не менее, содержать арсенал в непосредственной близости от восставших масс в дни восстания было признано нецелесообразным.

К тому моменту в Динабургской крепости было построено здание артиллерийского арсенала и он стал заполняться присылаемым из Вильны

Илл. 1. Чертеж Виленского замка с показанием старых строений. Бумага, тушь, акварель. Первая треть XIX в. ВИМАИВиВС

оружием[1]. Полностью переезд так и не состоялся вплоть до сворачивания деятельности арсенала в 1860-х годах. О количестве содержавшегося в 1837 г. в Виленской крепости оружия свидетельствует ведомость о числе орудий, лафетов и прочего (см. *Приложение*).

Виленский комендант безуспешно попытался способствовать перенесению зарядов на близкое к вооружению место и хранению их в деревянных ящиках. Сомнения, как поступить с наличным вооружением, отражают общую неуверенность командования в вопросе о целесообразности сохранения арсенала в прежнем виде. Осмотревший вооружение Виленской цитадели генерал от артиллерии А. Х. Эйлер нашел неудобным прежний вариант хранения пороха и снарядов в пороховых погребах в двух верстах от укреплений и предложил хранить снаряды в непосредственной близости от орудий на валгангах укреплений <верхней части крепостного вала, защищенной бруствером — С. М.> и устроить в каждом укреплении свой собственный пороховой погреб в зависимости от необходимого здесь количества пороха. Ранее существовавшие два пороховых погреба также было решено сохранить. В лучшем из них разместили порох, во втором — артиллерийское имущество, не относящееся к вооружению укреплений. Сарай при большем по площади арсенальном здании был передан инженерному ведомству[2].

[1] ВИМАИВиВС. Ф. 5 Оп. 4. Д. 11. Л. 8 и об.

Илл. 2. План Виленского арсенала. Первая треть XIX века. Ф. 27. Д. 62. ВИМАИВиВС

В 1837 г. был отложен вопрос о постройке новых лафетов под пушки, оставшиеся в распоряжении Виленской крепости[3]. Сделано это было по причине слишком высоких цен, предложенных виленскими мастерами. Предлагалось построить деревянные части в Динабурге и произвести оковку в Риге. В казне не было денег на работы в этих крепостях.

Таким образом, мы видим желание командования Виленского гарнизона оставить крепость в боеспособном состоянии и не переносить полностью в другое место имевшуюся здесь материальную часть артиллерии. Но ситуация с недостаточным финансированием содержания крепости диктовала свои условия и перенос, хотя и частично, был осуществлен.

Очевидно, что не только политические мотивы стояли за подобными решениями командования Лифляндского округа, к которому относилась

[2] Там же. Л. 38–39.

[3] Там же. Л. 15 и об.

Виленская крепость. Подобная ситуация с переносом материальной части была характерна в это время для крепостей, прекращавших существование в Лифляндском округе. В середине 1830-х годов были запланированы работы по перевооружению Южного и Дунайского округов, а также крепостей на Балтийском море в Эстляндии и Финляндии. О ремонтах в Риге, Дюнамюнде, Вильне и Бобруйске речи не шло. Вряд ли можно связать это с недостаточным пониманием геополитической ситуации в стране. Мы видим достаточно активное выделение средств на модернизацию крепостей в Ревеле.

Во вновь отстраиваемые крепости на территории современной Белоруссии были перенесены годные боеприпасы из крепостей Аренсбурга и Пернова. Негодные продавались как лом. Очевидно, что идея укрепления Западного края находила свое отражение на практике, хотя и не всегда быстро решался вопрос финансирования. В условиях жизни региона после подавления Польского восстания не всегда было возможно моментально принять решение о дальнейшем существовании крепостей в том или ином виде. Работа по вооружению и приспособлению крепостей для дальнейшего использования велась кропотливо.

Более того, данные о числе орудий в Виленском арсенале за период Крымской войны попали в переписку об укреплении обороноспособности берегов Балтийского моря[4]. Речь шла не просто о количестве наличного оружия крепостей. Рассматривались различные варианты использования материальной части артиллерии, сконцентрированной в арсеналах на территории Западных и Прибалтийских губерний в ходе боевых действий.

Дело не ограничивалось вооружением ближайших к Петербургу крепостей в Кронштадте и Свеаборге. Судя по переписке штаба генерал-фельдцейхмейстера и комитета по защите берегов Балтийского моря, власти намеревались в равной степени поддерживать в боевом состоянии также крепости Нарвы, Ревеля и Вильны. В случае с первыми двумя речь шла в большей степени именно о защите западных подступов к Петербургу. Вильна же продолжала рассматриваться как важнейший форпост в Западном крае в целом и на польском направлении в частности.

После подавления второго Польского восстания (1863–1864 гг.) роль Виленской крепости сошла на нет. Тогда же произошло переосмысление необходимости содержания крепостей Ревеля и Нарвы, которые были упразднены в 1860-х гг. С этого момента акцент в крепостном строительстве окончательно сместился вглубь сухопутной территории Западного края, где были построены или модернизированы крепости в Брест-Литовске, Динабурге и Ковне.

[4] Там же. Д. 172. Л. 810–815.

Приложение.

Ведомость о числе орудий, лафет и прочего, состоящего на Виленской цитадели[5]

Мортир 1/2 пудовых со станками и прочею принадлежностью — 10.
Пушек 12-ти фунтовых медных — 4.
К ним лафет — 5.
Пушек 6-ти фунтовых медных — 6.
К ним лафет — 7.
Единорогов 1/2 пудовых чугунных — 8.
К ним лафет хоботовых — 2.
[Лафет] на четырех колесах — 7.
Корронад 24-х фунтовых — 8.
К ним станков — 8.
Снарядов:
Ядер 24-х фунтовых к 1/2 пудовым единорогам — 80.
Ядер 24-х фунтовых к корронадам — 800.
Ядер 12-ти фунтовых к пушкам — 400.
Ядер 6-ти фунтовых к пушкам — 600.
Гранат 1/2 пудовых — 800.
Брандскугелей 1/2 пудовых — 80.
Картечь 24-х фунтовая к корронадам — 400.
Картечь 12-ти фунтовая к пушкам — 200.
Картечь 6-ти фунтовая к пушкам — 300.
Единорожных 1/2 пудовых — 400.
Принадлежность
Банников с прибойниками:
Корронадных 24-х фунтовых — 6.
Пушечных 12-ти фунтовых — 5.
Пушечных 6-ти фунтовых — 7.
Единорожных 1/2 пудовых — 9.
Пальников фитилевых — 39.
Ночников — 17.
Ледунок трубочных — 26.
Протравников — 52.
Сум для ношения зарядов — 52.
Трещеток с пыжовниками — 9.
Скребок — 4.
Фитиля — 3510 саженей.
Трубок скорострельных — 2787.
Свечь пашетельных <так в источнике — С. М.> — 542.

[5] Там же. Д. 11. Л. 6 и об.

Sergei Sergeievich MIGUNOV
Senior Researcher of the Military Historical Museum of artillery,
engineer and signal corps (St. Petersburg, Russia)
E-mail: sergejusmigunov@gmail.com

Vilna's Arsenal in the system of defensive fortifications of the Western provinces in the second quarter of the 19th century

The article examines the role of the arsenal of the fortress of Vilna in the defense of the Western provinces of the Russian Empire in the second quarter of the 19th century, as well as the place of the fortress in the events of the Polish Uprising of 1830–1831 in the Lithuanian provinces. An attempt was made to transfer the arsenal from Vilna to the fortress of Dinaburg, but it was not possible to fully conceive it.

Keywords: Western provinces of Russian Empire, Polish-Russian War 1830–1831, Arsenal, Ordnance.

УДК 94 (439).06
ББК 63.3 (4Венг)

Иван ХОРВАТ
независимый исследователь (Будапешт, Венгрия)
E-mail: horvath.ivan43@gmail.com

ОТ ВИЛАГОША ДО КРЫМА

Статья представляет собой обзор той части творчества русского писателя А. М. Фатеева, которая была посвящена его участию в Венгерском походе 1849 г. Фатеев зафиксировал в своих очерках военный быт, обычаи и язык местного населения, проявляя симпатии не только к своим товарищам по оружию, но и к противнику.

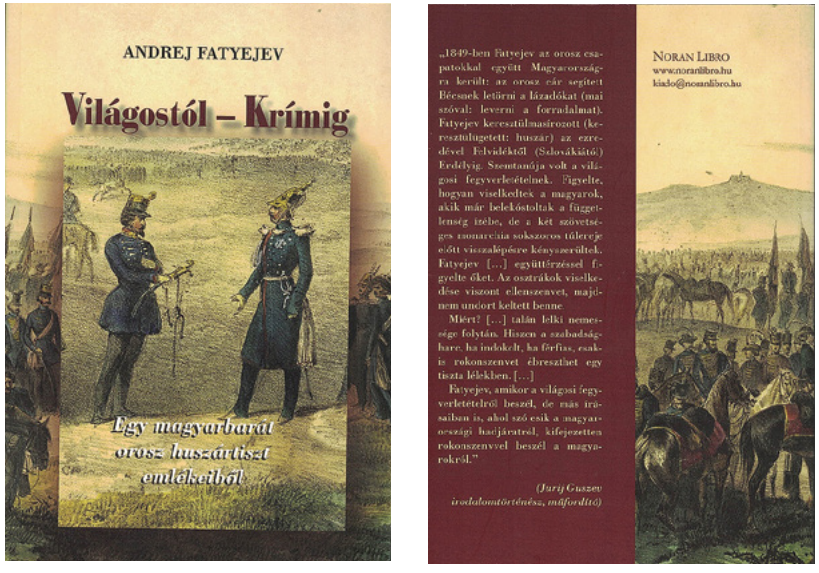
Ключевые слова: А. М. Фатеев, Венгерский поход 1849 г., русская армия, повседневная жизнь в Венгрии, русская литература.

Творчество самобытного русского писателя А. М. Фатеева (1814–1866), незаслуженно забытого на родине, в полном объеме было представлено венгерскому читателю книгой «Andrej Fatejev. Világostól Krímig» (А. М. Фатеев. «От Вилагоша до Крыма. Из воспоминаний одного гусарского офицера, русского друга венгров». Пер. И. Хорват, К. Жаткович. Будапешт, 2011, *илл. 1*)[1]. Этому событию предшествовали более чем полувековая кропотливая работа по выявлению текстов, в чем неоценима заслуга библиографов Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург), сбор по крохам сведений о жизни писателя, предварительная публикация переводов в журналах, аналитическая работа.

Андрей Михайлович Фатеев происходил из небогатого дворянского рода, получил хорошее образование, однако гражданской службе предпочел военную. Участвовал в Венгерском походе (1849 г.) и Крымской войне (1853–1856 гг.). Превратности боевой службы составили основу его творчества. В изданной книге представлены четыре раздела: 1. Венгерский поход 1849 г.; 2. Мелочи военного быта; 3. Любовь — карта; 4. Русско-турецкая война. Далее следуют приложения.

Кратко охарактеризуем близкую теме конференции часть творческого наследия Фатеева, связанного с венгерским походом. Как сообщалось в одном из источников, 29 апреля 1849 г. Фатеев вступил в пределы Австрийской империи в составе армии под командованием генерала

[1] *Andrej Fatyejev.* Vilagostól — Krímig (Egy magyarbarát orosz huszártiszt emlékeiből). Ford. Horváth Iván, Zsatkovics Kálmán (51–72). Budapest, 2011.



Илл. 1. Обложка изданной в 2011 г. в Будапеште книги А. М. Фатеева «От Вилагоша до Крыма. Из воспоминаний одного гусарского офицера, русского друга венгров» в переводе И. Хорвата и К. Жатковича. Будапешт, 2011

от кавалерии, генерал-адъютанта графа Ф. В. Ридигера. Он участвовал в ряде столкновений с венгерскими повстанцами и 13 августа 1849 г. при Вилагоше стал очевидцем сдачи оружия венграми перед русскими войсками. Писатель в прямом смысле слова прошагал весь путь до Вилагоша, испытав на себе все тяготы похода и сражений, многое замечая и откладывая в памяти с тем, чтобы позднее выразить свои впечатления в художественной форме.

Рассказ «День сдачи венгров» (из воспоминаний о походе в Венгрию в 1849 г.)» был опубликован на страницах литературного журнала «Русская беседа» в 1859 г. Фатеев рассказал здесь о скорбном для Венгрии дне 13 августа 1849 г., когда венгерская армия под предводительством генерала А. Гёргея сложила оружие перед русскими войсками генерала Ф. В. Ридигера. Живо и красочно описывая события этого черного для венгерского народа дня, писатель, однако, выражал не только типичные эмоции победителя, но и чувство понимания, сожаления и симпатии к побежденным повстанцам, пытавшимся отстоять независимость своей страны.

«Рассказ отставного солдата» был написан в том же 1859 г. и вышел в свет в журнале «Русская беседа». Здесь венгерскому походу посвящена лишь последняя часть, при этом действия русских войск получили далеко не положительные характеристики: «Венгерщина долго будет помнить поход этот. Что виноградников разорено! Что погребов с вином разбито! Что хлеба на корню потоптано! Что гусей, овец у жителей потаскано!» — с горечью восклицал Фатеев.

«Рассказ отставного солдата о венгерском походе» опубликовала в 1860 г. «Русская беседа». Повествование велось здесь в жанре сказа, характерного для той эпохи литературного приёма, своеобразной художественной имитации монологической речи. Собеседником Фатеева выступил некий Петров из Орловской губернии, которого писатель расспрашивал о важнейших моментах венгерского похода.

«Из воспоминаний о Венгерском походе 1849» — произведение, дающее наиболее подробную картину событий от вступления русских войск в Венгрию через Польшу и Словакию минуя Пешт, вступления в который, впрочем, усталые солдаты очень ждали. Затем марш-бросок на города Вац, Мишкольц и Дебрецен (перечисляем лишь крупные населённые пункты), чтобы в конце концов оказаться на равнине Вилагош, где произошла сдача оружия венграми. Произведение опубликовано в журнале «Русская беседа» в 1864 г.

Серьезный филологический подход и изучение наследия Фатеева еще впереди, да это и не входило в нашу задачу. Однако отметим, что Фатеев был очень чутким наблюдателем. Его интересовало всё: военный быт, обычаи и язык местного населения, окружающая природа. В его произведениях симпатия и дружелюбие проявляются не только к своим товарищам по оружию, но и к противнику, в данном случае простым венграм. Описание природы, пейзажа свидетельствуют о тонкой душе. Рисуя характеры персонажей, автор мастерски использует приемы речевой характеристики, язык насыщен мадьяризмами, просторечием, поговорками и пословицами, отрывками из народных песен и стихов русских поэтов.

Андрея Фатеева мы вряд ли рискнем поставить в один ряд с такими титанами «золотого века» русской литературы, как Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский, И. С. Тургенев. Но если можно говорить о «распределении ролей», то во втором ряду он занимает место далеко не последнее: его произведения печатал Ф. М. Достоевский, что само по себе является своего рода признанием заслуг Фатеева перед русской литературой. И мы уверены, что на книгу, вышедшую в свет на венгерском языке, а также на творчество Фатеева обратят внимание российские издатели, исследователи и читатели.

Приложение.

Сочинения Александра Михайловича Фатеева

1. День сдачи венгров (из воспоминаний о походе в Венгрию в 1849 г.). // Русская беседа. 1859. № 4. С. 99–106.
2. Рассказ отставного солдата // Русская беседа. 1859. № 6. С. 39–58.
3. Рассказ отставного солдата о венгерском походе // Русская беседа. 1860. II. Кн. 20. С. 21–70.
4. Мелочи военного быта // Современник. 1860. № 2. С. 679–698.
5. Мелочи военного быта // Современник. 1860. № 12. С. 319–338.
6. Письмо Андрея Михайловича Фатеева Н. Г. Чернышевскому <9 июня 1860 г.> // РГАЛИ. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 489.
7. Кавалерийская конюшня (посвящается Н. А. Чаеву) // Библиотека для чтения. 1861. С. 1–40.
8. Мелочи военного быта // Время. 1862. № 9. С. 180–269.
9. Переселенец (ново-фракийская идиллия, посвящается С. А. Юрьеву) // Время. 1862. № 3. С. 5–41.
10. Из воспоминаний о венгерском походе 1849 // Русская беседа. 1864. С. 24–29.
11. Ералаш (очерк) // Эпоха. 1864. № 7. С. 1–28.

Список литературы

Andrej Fatyejev. Vilagostól — Krímig (Egy magyarbarát orosz huszártiszt emlékeiből). Ford. Horváth Iván, Zsatkovics Kálmán (51–72). Budapest, 2011.

HORVÁTH Iván

Independent scholar (Budapdest, Hungary)

E-mail: horvath.ivan43@gmail.com

From Világos till the Crimea

The article is a review of a part of the work of the Russian writer A. M. Fateev which was dedicated to his participation in the Hungarian campaign of 1849. In his sketches the writer described military life and customs and language of the local population, showing sympathy not only to his comrades in arms, but also to the enemy.

Keywords: A. M. Fateev, Hungarian campaign of 1849, Russian army, everyday life in Hungary, Russian literature.

Reference

Andrej Fatyejev, *Vilagostól — Krímig (Egy magyarbarát orosz huszártiszt emlékeiből)*, Transl. Iván Horváth, Kálmán Zsatkovics (51–72), Budapest 2011.

УДК 94 (470+571) «1853/1974»
ББК 63.3 (2) 6–8Меншиков

Ксения Владимировна ДОНИК

аспирант Санкт-Петербургского института истории (дом Н. П. Лихачева) Российской Академии наук (Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: extale@mail.ru

«ГЕРОЙ ПРОИГРАННЫХ СРАЖЕНИЙ»: ФИГУРА КНЯЗЯ А. С. МЕНШИКОВА (1787–1869) В ИСТОРИОГРАФИИ И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

В статье представлена попытка проанализировать некоторые самые известные в историографии работы, касающиеся описания и изучения Крымской войны (1853–1856) и отраженную в них репрезентацию образа князя А. С. Меншикова — главнокомандующего русской армии в Крыму (до февраля 1855 г.). Работы историков XIX и XX столетий рассматриваются в проблемно-хронологическом ключе, что позволяет изучить формирование коллективных представлений об одной из самых противоречивых фигур николаевского царствования.

Ключевые слова: Меншиков, Крымская война, Николай I, историческая память

Фигура князя А. С. Меншикова — адмирала, главы российского флота во время царствования Николая I, генерал-губернатора Финляндии, главнокомандующего морскими и сухопутными силами в годы Крымской войны (1853–1856) — являет собой интересный пример для изучения метаморфоз коллективной памяти и официального исторического нарратива. Личность, без сомнения, блестящая и неоднозначная, А. С. Меншиков был более чем популярен в свое время: о наличии известности среди разных социальных слоев говорит не только ряд важных постов и громкое имя, унаследованное от прадеда А. Д. Меншикова, но и большое количество анекдотов, которые он сочинял сам и которые приписывались ему современниками, заполнявшими ими свои записные книжки. А. С. Меншиков был умен и умел острословить.

Крымская война, в которой он принимал участие уже в довольно преклонном возрасте, словно бы перечеркнула многие его прежние заслуги. Три проигранных сражения, ропот в армии и, наконец, отставка, подписанная умирающим императором. Со временем А. С. Меншикову пришлось испытать на себе «пренебрежение памяти». Такое выраже-

ние использует А. Г. Тартаковский, изучавший жизнь М. Б. Барклая-де-Толли — героя войны 1812 года. Их посмертные судьбы очень похожи: в памяти современников остались их военные неудачи, которые можно оценивать двояко, отставки, кончина в забвении и мифологизация имени в бесчисленном количестве воспоминаний и исторических работ.

О М. Б. Барклае-де-Толли А. Г. Тартаковский писал: «Вероятно, ни один другой крупный русский полководец нового времени не был окружен таким плотным туманом пристрастных слухов и документально неподтвержденных суждений, иногда чисто легендарного свойства, не изжитых в общественном сознании по сию пору <…> Его имя было, в сущности, мифологизировано не только в массовых исторических представлениях, но даже в воспоминаниях самих участников событий»[1].

Сказанное в полной мере можно отнести к А. С. Меншикову, однако если М. Б. Барклай-де-Толли все же присутствует в любом учебном параграфе о войне 1812 года, то имя главнокомандующего А. С. Меншикова можно встретить не всегда. советский писатель-историк Ю. В. Давыдов в 1970 г. в небольшой книге серии ЖЗЛ о П. С. Нахимове дал точную характеристику «случаю» А. С. Меншикова: «Любимчик фортуны, обласканный Николаем, князь Александр Сергеевич заслужил немало злых упреков. Он справедливо сделался пасынком истории. Случай нередкий. Истории плевать на чины и вензеля, ордена и высочайшие рескрипты»[2].

Историография Крымской войны насчитывает десятки томов. Исторические описания военных действий начали создаваться практически сразу после завершения войны. Первые масштабные работы принадлежали не историкам, а военным, которые старались задокументировать, описать и разобраться в каждой детали. Это общая тенденция, определяющая жанр военной истории второй половины XIX — нач. XX в. Как правило, в работах военных историков все события рассматриваются исключительно в хронологической последовательности, каждое сражение или столкновение анализируется с точки зрения тактики и стратегии. Детальному описанию количества войск, вооружения, провианта сопутствует подробный географический анализ местности с описанием уровня и готовности оборонительных сооружений.

С. М. Середонин отмечал следующие особенности создания текстов об истории войн: «Писатели этого направления остались вне воздействия общеисторических школ и направлений. Располагая обыкновенно

[1] *Тартаковский А. Г.* Неразгаданный Барклай. Легенды и быль 1812 года. М., 1996. С. 15.

[2] *Давыдов Ю. В.* Нахимов. М., 1970. С. 115.

огромным количеством документов в виде реляций, донесений, рапортов, ведомостей, журналов и т. п., военные историки критическую работу над источниками могли сводить до минимума, они подвергали своей критике действия и события сообразно требованиям военного искусства, но самые источники они оставляли без критики; в то же время обилие официальных источников позволяло им обходиться без исследования тех или других сторон или вопросов, связанных с известным событием. Главное требование, которое могло быть предъявляемо к такому историку, это искусство описания, воссоздания картины действий, которая должна быть ясной, вполне отвечающей действительности и до известной степени художественной».[3]

Создатели таких исторических работ о войне стремились к объективному и взвешенному анализу военных операций и решений, принятых командующим составом. У всех работ, которые мы будем рассматривать ниже, есть одна характерная общая черта — отсутствие критики в адрес правительства и самого императора Николая I — она не проявлялась до советской историографии. В объяснении причин поражения русской армии в таком тексте акцент смещался либо на объективные «безличные» трудности (нехватка войск, плохое вооружение и т. д.), либо оказывалось, что это вина главнокомандующего.

Поэтому декларируемая беспристрастность этих объемных сочинений — лишь дань принципам создания исторического текста, написанного в духе позитивистской истории. Между строк этих работ также читаются оценки, которые предпосылаются умалчиванием ряда фактов или, наоборот, заметным оправданием с отсылками к беспристрастной военной тактике и стратегии. Иначе и не могло быть: дореволюционная историография Крымской войны писалась профессиональными военными, находящимися на текущей военной службе. Е. П. Ковалевский, М. И. Богданович, Н. Ф. Дубровин, А. М. Зайончковский дослужились до генеральских чинов[4].

Мы разберем лишь некоторые работы, которые появились первыми и которые оказывали большое влияние на формирование общественных представлений о войне и ее основных действующих лицах.

[3] *Середонин С. М.* Отзыв о сочинении А. М. Зайончковского «Восточная война 1853–1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой. Т. 1. СПб., 1908 и приложения Т. 1. СПб., 1908». СПб., 1911. С. 93.

[4] *Багдасарян В. Э., Толстой С. Г.* Русская война: столетний историографический опыт осмысления Крымской кампании. М., 2002. С. 43.

Поражение в Крымской войне заставило проанализировать и взвесить все стороны военного дела в России. Уже в 1863 г. вышло трехтомное исследование «Описание обороны Севастополя» Э. И. Тотлебена. Э. И. Тотлебен стал героем еще во время войны. Инженер-фортификатор был откомандирован генералом Карлом Шильдером к князю А. С. Меншикову и тут же приступил к сооружению дополнительных линий обороны осажденного города. После войны утвердился слух, что гений обороны был очень недоброжелательно встречен князем А. С. Меншиковым. Корни этого много раз повторявшегося мифа неизвестны. Ряд источников говорит об обратном — между князем и инженером сложились хорошие отношения, не в последнюю очередь потому, что сам А. С. Меншиков был сведущ в фортификационном деле, успешно применяя свои инженерные знания в пору Русско-турецкой войны 1828–1829 гг.

Из предисловия к объемному труду Э. И. Тотлебена следует, что эта работа — не только его частная инициатива по созданию письменного памятника оборонявшим Севастополь. Личное участие помощь в работе оказывал великий князь Николай Николаевич, который не только предоставил доступ к необходимым официальным архивам, но и разрешил задействовать ряд военных специалистов для работы над будущим описанием, в частности, сбором материалов к нему.

Поскольку основное обвинение, которое было предъявлено князю А. С. Меншикову, заключалось в том, что он не смог организовать оборону города, возведение редутов и люнетов, расстановку артиллерии и т. д., то действия Э. И. Тотлебена также могли быть интерпретированы негативно. Поэтому на протяжении десятков страниц мы можем усмотреть явную тенденцию к защите действий князя А. С. Меншикова.

Так, например, «бездействие главнокомандующего», не воспрепятствовавшего высадке десанта, объясняется нехваткой живой силы у гарнизона крепости (с. 148). Тотлебен одобряет решение князя Меншикова затопить старую часть флота (с. 205). Оправдывается фланговый маневр А. С. Меншикова: «Несмотря на весьма невыгодное впечатление, которое должно было произвести на севастопольский гарнизон его удаление, <он> решился оставить город и перейти к Бахчисараю» (с. 229). Из сочинения Тотлебена следует, что он также не был оптимистом относительно обороны Севастополя: «Из сделанного уже описания хода обороны Севастополя видно, что, несмотря на все усилия обороняющегося, в случае неприятельского штурма невозможно было ожидать благоприятного для нас исхода»[5].

[5] *Тотлебен Э. И.* Описание обороны Севастополя. СПб., 1863. Т. 1. С. 410.

Поскольку описание обороны носило официальный характер, Тотлебен подвел итог деятельности А. С. Меншикова на посту главнокомандующего в стиле официальных рескриптов на его имя и отчетов в официальном издании — «Русском инвалиде»: «Князю Меншикову выпала в Крыму трудная доля. Будучи с самого начала крымской кампании поставлен в крайне затруднительное положение превосходством сил и вооружения неприятеля, он со свойственной ему проницательностью умел пользоваться нерешительностью союзных главнокомандующих и неоднократно вырывал у них инициативу действий. Князь Меншиков покидал Севастополь в самый блистательный период обороны, когда обороняющийся, остановив атаку союзников на правом фланге оборонительной линии, начал действовать наступательно на левом фланге и тем поставил неприятеля в весьма невыгодное положение»[6].

Таким образом, «Описание обороны Севастополя» содержало более чем нейтральную оценку деятельности А. С. Меншикова на посту главнокомандующего. Э. И. Тотлебен был признанным героем обороны Севастополя, возглавлял проведение юбилейных Севастопольских обедов. Поэтому его авторитет как автора также был высок. В своей работе он, по сути, представлял официальный дискурс освещения и интерпретации событий Крымской войны. Его нельзя отнести к так называемым «военным историкам», в работах которых уже встречается оценки личностям — в этом смысле работа Тотлебена не изобиловала материалом.

И, тем не менее, книга стала первой подробной работой по истории обороны Севастополя. На нее ссылались в первую очередь как на полный и относительно беспристрастный справочник по истории военных действий. Она стала отправной точкой всех последующих историографических работ разной направленности. В работах военных историков по-разному оценивались различные эпизоды военного времени, и отличала их от проофициальных нарративов о войне в первую очередь критика генералитета и оценка действий А. С. Меншикова и М. Д. Горчакова. Если второй главнокомандующий пытался защитить свое имя, поручив Е. П. Ковалевскому на основе материалов своей канцелярии создать описание военных действий на Дунае, то А. С. Меншиков таких попыток не предпринимал.

Активное изучение сражений Крымской войны было спровоцировано и большим количеством зарубежной исторической литературы, которая читалась в обществе, фрагментами переводилась и перепечатывалась

[6] Там же. Т. 2. СПб., 1868. С. 40.

в периодике тех лет. Появлявшаяся детальная военная история вступала в дискуссию с военной мемуаристкой и зарубежной историографией. С другой стороны, появление новых историографических работ в дальнейшем было связано с возникающими новыми внешнеполитическими проблемами — Русско-турецкой войной (1877–1878 гг.) и Русско-японской войной, в ходе которой было найдено много параллелей с поражением России от Османской империи[7].

Создание полномасштабных картин дипломатии и военных действий осложнялось весьма ограниченным доступом к официальным документам, хранившимся в архивах Министерства иностранных дел и Военного ведомства. Из всех создателей истории Крымской войны наиболее полный доступ к документам имел М. И. Богданович, который неуклонно следовал своей манере построения исторического изложения исключительно на основе официальных отчетов и реляций. Благодаря этому «История Восточной войны 1853–1856 гг.» М. И Богдановича необычайно репрезентативна по количеству источников, представленных в ней.

Автор скрупулезно, иногда дословно цитируя официальные источники, воссоздал подробнейшее описание хода боевых действий — аналогичное ему по масштабам описание войны сделал лишь Н. Ф. Дубровин в своей «Истории Восточной войны 1853–1856 гг.». Работы этих двух историков заложили фундамент изучения Крымской войны и последующие поколения историков не могли не обращаться к этим двум трудам, служившим своеобразной энциклопедией военных действий. Поэтому важны оценки, выносившиеся авторами этих текстов военачальникам и главнокомандующим. Аргументация этих оценок вытекала из стратегических выкладок и казалась безусловно выверенной.

Впервые издание истории войны М. И. Богдановича увидело свет в 1876 г. и стало, очевидно, настолько своевременным и актуальным в свете грядущего столкновения с Османской империей, что через год было предпринято переиздание этого грандиозного труда. Основные положения работы М. И. Богдановича озвучивались в литературе по историографии Крымской войны, и нет надобности излагать их еще раз[8].

Важным является то, что критика военного командования у М. И. Богдановича носила сдержанный характер, хотя именно нерешительность главнокомандования приводилась им в качестве одной из причин того, что русская армия проиграла Крымскую войну: «Главной

[7] *Багдасарян В. Э., Толстой С. Г.* Русская война. С. 33.

[8] Там же. С. 44–45.

причиной неудовлетворительного результата наших усилий было то, что мы не успевали пользоваться благоприятными случаями для поражения неприятеля, неоднократно встречавшимися в условиях войны»[9].

Впрочем, за нерешительность упрекали не только А. С. Меншикова, но и И. Ф. Паскевича, и М. Д. Горчакова, поспешивших свернуть основные боевые действия на Дунае и не дав возможности стянуть основные силы в Крым. М. И. Богданович высоко оценивал миссию А. С. Меншикова в Константинополь — его обстоятельный разбор этого дела, помимо книги, был напечатан отдельно в журнале «Вестник Европы» за 1873 г.

Главной причиной, приведшей к поражению русской армии, по мнению М. И. Богдановича, было плохое вооружение, недостаток снабжения провиантом и порохом, при том что основные характеристики армии им оценивались очень высоко — организация, моральный дух и стойкость. Таким образом, критика военачальников была представлена в общих чертах, без упреков в непрофессионализме или военной близорукости.

Несмотря на это, в рецензии, которая вышла на второе издание «Восточной войны 1853–1856 гг.», Н. Ф. Дубровин даже нашел исчисление заслуг А. С. Меншикова неполным — в вопросе подготовке крепостных сооружений для обороны города он считал важным прописать то, что А. С. Меншиков сделал все возможное, более того, используя подручные средства[10].

«История Крымской войны и обороны Севастополя» вышла четырехтомником в 1900 г. Здесь, несмотря на следование правилам канона написания войны и стремление к беспристрастности и констатации фактов, Н. Ф. Дубровин поставил отрицательные оценки действиям А. С. Меншикова, который своими ошибками и специфическими моральными качествами трижды привел армию к большим поражениям, не считая мелких стычек. В частности, именно в работе Н. Ф. Дубровина был сформулирован историографический тезис о недопустимости отсутствия у главнокомандующего штаба — без советников и компетентных лиц положение главы войск почти безысходное: в критический момент становится не кому делегировать полномочия или принять более рациональное решение[11].

[9] *Богданович М. И.* Восточная война 1853–1856 гг.: В 4 т. Т. 1. СПб., 1877. С. 1.

[10] *Дубровин Н. Ф.* Восточная война 1853–1856 гг. Обзор событий по поводу сочинения М. И. Богдановича. СПб., 1878. С. 47.

[11] *Дубровин Н. Ф.* История Крымской войны и обороны Севастополя. Т. 1. СПб., 1900. С. 205.

Впервые автор частично описал личные взаимоотношения во время Крымской кампании. Так, А. С. Меншикова автор порицал за то, что отдавал личное предпочтение В. А. Корнилову, а не П. С. Нахимову, что выразилось в том, что князь не дозволил синопскому победителю принять триумфальный парад по случаю победы в бою — П. С. Нахимов вместе со своими матросами был отправлен на карантин, в то время как В. А. Корнилова оставили «на воле»[12].

В вину А. С. Меншикову вменялись стратегические просчеты в битве на Альме, упреки в снижении боевого духа солдат, фактическое оставление театра боевых действий без введения в курс дела своего преемника — М. Д. Горчакова. Таким образом, основная вина за все неудачи в сражениях впервые была полностью возложена на А. С. Меншикова, что позволило обойти стороной неловкие моменты относительно роли и места Николая I как императора, стратега и тактика в большой кровопролитной войне пятидесятилетней давности. Работа Н. Ф. Дубровина стала своего рода итогом всего накопления материала и его первого историографического осмысления за полвека.

Ситуация с книгой Н. Ф. Дубровина ставит немало вопросов. Заказ на написание исследования он якобы получил от Д. А. Милютина (негативно оценивавшего личность А. С. Меншикова) в 1872 г.[13] Но свет книга увидела только спустя 25 лет — по цензурным соображениям она не печаталась четверть века. В новой литературе указывается причина такой задержки — автор, несмотря на свои промонархические взгляды, «был весьма резок в оценке деятельности генералитета»[14]. Что бы ни стояло за решениями цензуры — это вопрос отдельного архивного поиска — книга вышла из печати и стала второй фундаментальной работой, более политизированной и экспрессивной по тону, чем труд М. И. Богдановича.

Безусловно, работа повлияла на популяризацию знания о Крымской войне — ссылки на труд Н. Ф. Дубровина в научно-популярных книжках, издававшихся для широких читательских кругов, можно встретить чаще, чем уже на подзабытую к тому времени работу М. И. Богдановича. Отсюда персонализация неудач на полях сражений, возложение ответственности исключительно на высшее военное командование перешли на страницы популярных изданий.

[12] Там же. С. 19.

[13] *Багдасарян В. Э., Толстой С. Г.* Русская война. С. 46.

[14] Там же.

В начале XX в. эти обвинения постепенно приобрели «право исторических истин». Осада Севастополя стала литературной темой, которая воплощалась в популярной публицистике в отличие от периода 60–70-х гг. XIX в., когда текст воспоминаний или очерков о войне представлял собой настоящее продолжения поля боя. Повторяемость тем и сюжетов, о которых писали, дает наглядное представление о том, что из всей войны только Крымская кампания осталась и закрепилась в письменных знаках, а посредством их и в памяти. Героизм и его поддержка населением, патриотический порыв остались чем-то вроде священного предания, из которого постепенно отсеивалось все ненужное и оставалось то, что пригодилось бы для последующих военных мобилизаций памяти.

Нарративы художественной литературы влияют на процессы меморизации событий и их составляющих — во время интерпретации прочитанного решается, что важно, а что нет — «неизбежная примитивизация построений и краткость изложения ведут к сужению круга действующих лиц»,[15] что в равной мере можно отнести не только к научно-популярной, но и к художественной литературе.

Последним крупным дореволюционным исследованием о Крымской войне стала работа А. М. Зайончковского, вышедшая пятитомником в 1908–1913 гг. В названии работы отразилась внешнеполитическая ситуация времени ее создания и публикации: «Восточная война 1853–1856 гг. в связи с современной ей внешнеполитической обстановкой». Работа создавалась накануне и в период очередного балканского кризиса 1911 г., накануне Первой мировой войны. В отношении новых оценок действующих лиц войны эта работа не принесла ничего нового по сравнению с трудом Н. Ф. Дубровина. Акцент делался на противопоставлении образа «мудрого» императора и его «бездарных» нерешительных полководцев. Николаю I, его описанию жизни, человеческих качеств посвящен весь первый том; это создает эффект несоразмерности, притом что биография императора, написанная А. М. Зайончковским, не привносила ничего нового и не шла ни в какое сравнение с работой Н. К. Шильдера; на этот счет не преминула высказаться и историческая критика.

С. М. Середонин упрекал А. М. Зайончковского в бесполезном создания еще одного апологетического очерка жизни императора, в компилятивности описания посольства А. С. Меншикова в Константинополь,

[15] *Лапин В. В.* Адмирал П. С. Нахимов в коллективной памяти россиян // Труды кафедры истории России с древнейших времен до XX века. Т. III. Кафедра истории России и современная отечественная историческая наука. СПб., 2012. С. 334.

«голословной характеристике» главнокомандующего: «А руках его [А. М. Зайончковского] был собственноручный дневник этого государственного деятеля. Отношение автора к Меншикову вполне отрицательное; личность эта не внушает никому симпатий, кроме лиц, так или иначе обязанных Меншикову (автор указывает Панаева, бывшего адъютанта князя; прибавим еще автора недавно вышедших записок — сенатора Фишера), но жаль, что автор не воспользовался дневником Меншикова для сколько-нибудь обстоятельной, не столь голословной характеристики его <…> Миссия Меншикова не могла иметь другого исхода, и Меншиков здесь ни при чем. Автора заботит опять та же цель — выставить императора Николая I в возможно лучшем свете, и у случайного читателя труда г. Зайончковского может даже сложиться убеждение, что будь у императора Николая другой канцлер, пади его выбор чрезвычайного посла на другое лицо, не было бы и войны 1853–1855 гг.»[16]. Из приведенного отрывка следует, что, по крайней мере, историки-современники улавливали неявные идеологические послания, которые пытались донести в своих работах коллеги по перу.

Дореволюционная историография погрязла в неясности публицистики послевоенных лет. Основные историографические работы, вышедшие из-под руки военных, носили отпечаток самоцензуры, сдержанных оценок происходившим событиям и главным действующим лицам военного конфликта. Стремясь оправдать память времени Николая I, историки вслед за спорами в журналах середины века невольно заимствовали «обвинения», которые к 1870-м гг. уже представляли собой сложившийся перечень — дебатировались одни и те же просчеты военачальников. Центр тяжести невольно смещался на фигуру А. С. Меншикова — как основную, противоречивую, непонятную, осуждаемую. Его довоенная репутация сделала его уязвимым — она не оставляла права на ошибки.

Этот же тезис о «бездарном» начальнике, препятствующем «героям», по сути, пронизывает всю советскую историографию Крымской войны, дипломатического развития конфликта и военных действий. В данном случае я не хочу сказать, что между текстами о войне духовных писателей начала века и, например, работой Е. В. Тарле много общего. Поменялись на резко противоположные оценки самого Николая I, а это уже само по себе усиливало негативные образы его полководцев. Усиливалась критика социально-экономической составляющей конфликта, дипломатия накануне войны была объяснена только лицемерием, в основе которого

[16] *Середонин С. М.* Отзыв о сочинении А. М. Зайончковского. С. 124.

якобы лежали экономические интересы. Однако как бы не менялся фон и составляющие военного конфликта, освещавшиеся с позиций марксизма, герои и злодеи остались теми же. Им приписывались те же заслуги и предъявлялись те же обвинения.

В историографии известны примеры обращения внимания исследователей на советскую политику изменения культурной памяти — в данном случае, книга Ф. Б. Шенка «Александр Невский в российской культурной памяти». Изучая образную жизнь своего героя в период 1917–1937 гг., Ф. Б. Шенк отметил ряд важных общих закономерностей, присущих борьбе новой власти со старым культурным наследием, в том числе и с историческими фигурами, которые «не вписывались в новую знаковую систему власти».[17]

Как отмечал автор, Александру Невскому удалось не исчезнуть из образов культурной памяти благодаря его присутствию не только в официальном монархическом дискурсе до революции, но и в церковном, который пережил время репрессий; особое место он занимал в текстовом и визуальном производстве памяти в среде русской эмиграции, став своеобразным символом единения[18]. В идеологической борьбе с образом Александра Невского, олицетворявшем все «основания ненавистного имперского порядка», большевики использовали по преимуществу методы «клеветы и вытеснения»[19].

Если случай с фигурой Александра Невского в русской культурной памяти взят в качестве примера, относительно которого можно изучать судьбу исторического образа князя Меншикова, то можно отметить, что главнокомандующему повезло в гораздо меньшей степени. В отличие от Александра Невского, у А. С. Меншикова не было «мемориального убежища» за исключением военной истории, в которой не выработалось единой оценки ему как военачальнику. Эта ситуация продолжалась до середины 1930-х гг.

В 1920 — нач. 1930-х гг. новых работ, посвященных Крымской войне, не было. Она упоминалась лишь как часть внешнеполитической истории царской России сугубо с в критическом контексте. Тем не менее и в это время давались оценки ее участникам и главным фигурам. В работе М. Н. Покровского «Дипломатия и войны царской России», вы-

[17] *Шенк Ф. Б.* Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой. М., 2007. С. 236.

[18] Там же. С. 237.

[19] Там же. С. 236.

шедшей в свет в 1924 г., была представлена сдержанная оценка не только главнокомандующим, офицерскому составу, оружию русской стороны, но и «народу» — рядовому составу, «солдату», чей собирательный образ обычно являлся осью, вокруг которой выстраивался героический нарратив. Пожалуй, самая экстравагантная оценка была дана представителям устоявшегося «пантеона» во главе с П. С. Нахимовым, здесь уже нет места патетике и даже слову «подвиг», а победа в Синопском сражении объясняется большим количеством оружия на русских кораблях.

И, тем не менее, несмотря на столь отрицательный дискурс о «царской» войне, для работы М. Н. Покровского хотя и фрагментарно, но все же характерны стремящиеся к правдоподобию описания. Так, на главный спор мемуаристов и историков о том, знал ли главнокомандующий о готовящемся десанте союзников, М. Н. Покровский дает однозначный ответ: «О возможности и даже очень большой вероятности высадки союзников в Крыму с целью овладения Севастополем догадывался и главнокомандующий Черноморским флотом князь Меншиков. “В настоящее время Крым — существенный пункт, на котором должен решиться вопрос о нашем влиянии на дела Востока”, — писал он Военному министру (от 29 июня 1854 года — за два слишком месяца до высадки), хлопоча об усилении находившихся под его командой сухопутных войск. Но император Николай имел на это свой взгляд»[20].

Не только А. С. Меншиков, но и другие имена исторического прошлого упоминались вскользь, мимолетно проходя на фоне масштабных процессов смены формаций развития человеческого общества. Концепция истории М. Н. Покровского не давала возможности отдельно взятой личности сколько-нибудь значимо влиять на ход исторического процесса — события обуславливались материалистическими закономерностями. К тому же у М. Н. Покровского фигура А. С. Меншикова принадлежала к антагонистическому «классу эксплуататоров». Тем не менее, в его интерпретации нет жестких обвинений или резких эпитетов в его адрес — для него он виноват в равной степени со всеми остальными; вскользь М. Н. Покровский все же показывает Меншикова как хотя и второстепенного, но умного и дальновидного военачальника.

Отрывок из работы М. Н. Покровского является единственным концептуальным крупным нарративом, посвященным войне и созданным в это время. Таким образом, между работами А. М. Зайончковского и Е. В. Тарле, которые посвящены Крымской войне и в которых характеристики А. С. Меншикова занимают целые страницы, прошло около 30 лет. За эти годы произошел большой коммеморативный разрыв, постепенно сформировалась новая традиция описания прошлого, резко сменились оценки исторических эпох. Как нам представляется, именно в это время «выпали» из исторической памяти и исторических нарративов не только «отрицательные» главнокомандующие, но и другие участники событий середины XIX века. В этом временном промежутке потомки тех, кто являлся очевидцем событий, были либо рассеяны в эмиграции, либо погибли в ходе репрессий, либо были вынуждены замалчивать свое происхождение и все, что с ним связано. Более молодые поколения, получавшие школьное образование по первым изданиям советских учебников, вряд ли помнили большое количество имен «свинцовой эпохи».

Показательны в этом отношении статьи первого издания Большой Советской энциклопедии 1920–1930-х гг.: из них мы не узнаем о том, кто такой светлейший князь адмирал А. С. Меншиков. В то же время там можно прочесть о его знаменитом прадеде А. Д. Меншикове, сподвижнике «реабилитированного» к моменту издания соответствующего тома (1938 г.) Петра Великого. Почему А. Д. Меншиков оказался «лучше» своего правнука?

Статья в энциклопедии акцентировала внимание на двух составляющих «идеальной» новой биографии — низком происхождении и близости к фигуре прогрессивного реформатора: «Талантливый выходец из народных низов, сын придворного конюха, в детстве торговавший пирогами на улицах. Был денщиком Петра I. Приближенный Петром, Меншиков проявил большие административные и военные способности»[21]. Проигравший несколько сражений А. С. Меншиков соседства рядом с именами Петра Великого и своего прадеда не удостоился.

На формирование историографического осмысления эпохи Николая I, как нам представляется, сильно повлиял очерк А. Е. Преснякова, где не только были прописаны основные суждения с точки зрения марксистской исторической науки, но и в какой-то степени оформились язык и исходная точка профессиональных оценок личности и времени Николая I[22]. Его негативный образ, созданный с такой монументальностью в исторической науке 1920–1940-х гг., затмил всех деятелей его эпохи. За редкими исключениями все они были отражением «солдафона», а он «отражался» в них.

---

[20] *Покровский М. Н.* Дипломатия и войны царской России. М., 1924. С. 151.

[21] Большая Советская энциклопедия. Т. 38. М., 1938. Стлб. 811.

[22] *Пресняков А. Е.* Николай I // Российские самодержцы. М., 1990. С. 261–322.

Масштабный труд Е. В. Тарле одновременно и создал новую схему интерпретации военного конфликта, и повлиял на все последующее историописание Крымской войны. Появление нового большого исследования о Крымской войне стало следствием наступления новой историографической ситуации. От идеи мировой революции произошел поворот к доктрине «построения социализма в одной стране». Такая страна должна была иметь свою собственную историю: ее моделью стали старые имперские патриотические нарративы. В них нельзя было обойтись без признания субъективного влияния на совершающиеся факты жизни государства и общества. Именно поэтому с новой силой зазвучали имена целого ряда старых героев.

В новой двухтомной истории Крымской войны Е. В. Тарле наделены патриотической риторикой имена трех адмиралов Черноморского флота, выстроен собирательный образ солдата и матроса, которые, ведомые своими командующими, служили своей Родине. Создание картины «народной войны» (второй том вышел в канун Второй мировой войны) должно было подчиняться тезису о классовой борьбе. Но кто же антагонист? На его роль отлично подходил родовитый генералитет, потомственная аристократия, которая из-за своих стратегических провалов заслужила противоречивые отзывы современников. Здесь, по сути, сыграл свою роль огромный опубликованный в периодике в 50–60-е гг. XIX в. массив воспоминаний о войне, из которого было удобно выбирать только те тексты, которые соответствовали заданной концепции, устраняя оценочные колебания авторов.

В работе Е. В. Тарле, с одной стороны, своеобразная методология автора, сочетающая марксистский взгляд и тщательную критику источников, позволила осветить социально-экономический и политический фон войны в ином виде; с другой — в работе была проведена демаркационная линия: там были реакционеры во главе с Николаем I и его военачальниками, приведшие страну к краху, и только заявляющие о себе в лице своих самых ярких представителей «народные силы» во главе с П. С. Нахимовым. То, что книга вызывала большой интерес и была написана в удачное время, отмечал еще в рецензии на труд Тарле Н. М. Дружинин: «Двухтомное исследование Е. В. Тарле о Крымской войне 1853–1856 гг. было задумано автором в 30-х гг, когда над Европой нависла опасность нападения со стороны фашистской Германии. Первый том монографии вышел в свет в 1941 году — в это время гитлеровские войска, вторгшиеся на советскую землю, отчаянно рвались к Москве и Ленинграду. Вторая часть книги получила широкое распространение после битвы под Сталинградом <…>

Условия возникновения и создания “Крымской войны” определили политический тон этого крупного произведения Е. В. Тарле»[23].

Естественно, что при чтении книги происходила проекция на современную политическую действительность. Некоторые работы даже указывают на то, что политические портреты главных фигур списаны с современной Е. В. Тарле политической элиты (Николай I — И. В. Сталин)[24].

В ярком, насыщенном экспрессивными оценками тексте «Крымской войны» А. С. Меншиков вернулся из почти 40-летнего забвения настоящим антигероем — холодным, расчетливым, умным, хитрым и жестоким. В отличие даже от самой последней дореволюционной работы А. М. Зайончковского, которая впервые в историографии делала акцент на непрофессионализме А. С. Меншикова, Е. В. Тарле показывает «злого гения» всей кровавой драмы войны: «Меншиков был взыскан всеми милостями, пользовался неизменным благоволением Николая, обладал колоссальным богатством и занимал в придворной и государственной жизни совсем особое место. Он был очень образованным человеком, и не только по сравнению с придворными и сановниками Николая, но и безотносительно. Читал он книги на разных языках, обладал громадной библиотекой в 3000 томов на всех европейских языках. Он был умен и злоречив. По своему положению он примерно с сорокалетнего возраста ни в ком не нуждался, кроме, конечно, самого царя. Метил он в своих карьеристских помыслах так далеко, что, когда ему однажды предложили быть русским посланником в Саксонии, он возмутился таким, по его мнению, унизительным для него предложением и вышел временно в отставку. Личной храбростью он, бесспорно, обладал и на войне 1828–1829 гг. был тяжко ранен <…> В 1853 г. своим вызывающим поведением в качестве чрезвычайного посла в Константинополе он сыграл, не ведая и не желая того, в руку Пальмерстону и Стрэтфорду-Рэдклифу и ускорил взрыв войны с Турцией. А вернувшись из Константинополя, был назначен главнокомандующим Крымской армией и Черноморским флотом с оставлением во всех прежних должностях, вплоть до финляндского генерал-губернатора. Он без колебаний и сомнений проходил свой блестящий жизненный путь, принимая все должности, которые ему предлагались, — конечно, если эти должности принадлежали к числу наивысших и почетнейших в государстве <…> Он был циник и скеп-

[23] *Дружинин Н. М.* От редактора // Тарле Е. В. Собр. соч. Т. 8. М., 1959. С. 5.

[24] *Багдасарян В. Э., Толстой С. Г.* Русская война. С. 63.

тик, откровенно презирал своих коллег по правительству и не давал себе никакого труда скрывать это»[25].

В новейших работах, посвященных исследованию творчества крупнейшего советского историка, отмечается, что свои исторические портреты он выполнял почти в духе «плутарховых биографий»[26].

Е. В. Тарле также был основоположником ряда положений, не имевших отношения к действительности. Так, фланговый маневр А. С. Меншикова у Бахчисарая, который был столь спорен и обсуждаем в периодической печати, впервые именно в работе Е. В. Тарле был интерпретирован как фактическая измена. Уже в следующей рецензии на текст Е. В. Тарле Н. М. Дружинин указывал: «Когда крымская армия потерпела поражение на Альме и Меншиков *бросил Севастополь на произвол судьбы*, негодованию Корнилова не было границ» (курсив наш — К. Д.)[27]. То, что в дореволюционной историографии было «фланговым маневром», у Е. В. Тарле стало почти предательством — в тексте не содержалось объяснения, с какой целью маневр был предпринят А. С. Меншиковым и какую пользу он принес армии.

А. С. Меншиков в этой книге характеризовался как некомпетентный и бездарный полководец,[28] виновник технической отсталости военно-морского флота,[29] главнокомандующий, который не подготовил укрепления к защите города во время осады.[30] Достаточно сказать, что книга переиздавалась трижды за короткий период времени, была переведена на английский язык, опубликована в США и Великобритании, чтобы понять, почему князь Меншиков превратился в «Изменщикова» на страницах официальной истории войны.

Обратимся ко второму и третьему изданиям Большой Советской энциклопедии. Во втором издании за статьей о А. Д. Меншикове появилась биографическая статья о его правнуке. При этом не упоминается их родство — после «выходца из низов», приближенного к царю-реформатору, было нецелесообразно помещать биографию главного виновника пора-

[25] *Тарле Е. В.* Крымская война. Т. 2. СПб., 2011. С. 82–83.

[26] *Каганович Б. Н.* Евгений Викторович Тарле. Историк и время. СПб., 2014. С. 243; *Бодров А. В.* Евгений Викторович Тарле — историк Крымской войны / Вступит. статья // Тарле Е. В. Крымская война. Т. 1. С. 13.

[27] *Дружинин Н. М.* Рецензия на книгу академика Е. В. Тарле «Крымская война» (М., 1943 г. Т. 2) // Избранные труды. М., 1988. С. 43.

[28] *Тарле Е. В.* Крымская война. Т. 1. С. 144–145, 308–309.

[29] Там же. Т. 2. С. 82–83.

[30] Там же. С. 105.

жения в Крыму, каким А. С. Меншиков стал после курса советской исторической науки на возвращение к нарративам, в которых присутствуют действующие лица — герои и их противники. Примечательно, что в этих биографиях (2-е и 3-е издание энциклопедии) не упоминается ни участие А. С. Меншикова в войне 1812 года, ни в заграничных походах русской армии, Русско-турецкой войне 1828–1829 гг., которая увенчала его военную карьеру: «Меншиков оказал отрицательное влияние на развитие русского военно-морского флота, тормозил его научно-технический прогресс, не уделял внимание его боевой подготовке. Лишь напряженная деятельность русских патриотов — флотоводцев М. П. Лазарева, П. С. Нахимова, В. А. Корнилова и других привела к подъему боевой мощи Черноморского флота <…> С началом Крымской войны был назначен главнокомандующим всеми русскими сухопутными и морскими силами в Крыму. В этой должности Меншиков проявил себя бездарным полководцем: отказался от борьбы за господство на Черном море и обрек русский флот на пассивную роль, допустил беспрепятственную высадку союзных войск противника в Крыму, не принял мер к укреплению Севастополя».[31]

По сути, это все те заключения об исторической роли А. С. Меншикова, которые логично проистекали из текста Е. В. Тарле о войне. Видимо, такой сжатый и отрицательный очерк о князе А. С. Меншикове переносил его в разряд малозначительных фигур советского исторического мифа, нового коллективного предания о войне. Он не заслуживал внимания ни как человек, ни как военачальник. Однако его фигуру было удобно использовать в качестве антагониста в напряженной драме классовой борьбы и выхода на историческую сцену народных масс под эгидой «народных героев». В третьем издании энциклопедии мало что можно узнать об А. С. Меншикове, за исключением дат жизни и обвинения в бездарности как полководца[32].

1940–1950-е гг. ознаменовались публикаций исторических источников. Это было обусловлено годовщинами со дней смерти П. С. Нахимова и В. А. Корнилова — памятными датами событий Крымской войны. В 1940-е гг. издательство «Военгиз» выпускало серию «Русские флотоводцы». Изящно оформленные книги с золотыми медальонами профилей героев могли украсить любую библиотеку. Конечно, материалы, опубликованные в этой серии, были рассчитаны на подготовленного

[31] Большая Советская энциклопедия. Т. 27. М., 1954. С. 159.

[32] Там же. Т. 16. М., 1974. С. 81.

читателя или профессионала. Поэтому археографический уровень этих изданий был очень высок[33].

Том, посвященный В. А. Корнилову, содержал выборку материалов, касающихся его жизни. Они систематизированы по хронологическому принципу и совпадают с тем или иным этапом его биографии. Зачем потребовалась еще одна публикация материалов о В. А. Корнилове, если вся дореволюционная и советская историческая наука могла опираться на существовавшее издание А. П. Жандра, которое содержало обширнейший архив документов о его деятельности? Издатели нового сборника документов объясняли это, во-первых, низким уровнем археографического оформления, а во-вторых, отредактированной передачей источников, «особенно документов, принадлежащих лично Корнилову, в которых он давал откровенные и резкие характеристики Меншикову, Берху, Моллеру, описывал свое тягостное и двусмысленное положение на посту начальника штаба Черноморского флота»[34].

К текстам, которые были отретушированы цензурой, по словам издателей, относятся следующие утаенные Жандром фрагменты: «Слава будет, если отстоим, если же нет, то князя Меншикова можно назвать изменником и подлецом; впрочем, я не верю, что он продал»[35]; «князь должен дать отчет России в отдаче города. Если бы он не ушел Бог весть куда, то мы бы отстояли. Если бы я знал, что он способен на такой изменнический поступок, то, конечно, никогда бы не согласился затопить корабли, а лучше бы вышел дать сражение двойному числом врагу»[36]. В новом издании документы с критикой главнокомандующего воспроизводились без купюр.

Данный пример демонстрирует механизмы и цели политики памяти: если до революции фигура А. С. Меншикова служила своеобразным «громоотводом» имперского нарратива о войне, какой ее сделала дореволюционная историография, то в советском историческом мифе

[33] К слову, мой экземпляр книги, который достался мне из букинистического магазина, как я выяснила, принадлежал Льву Андреевичу Поленову — капитану I ранга, командиру «Авроры» в 1922–1928 гг., двоюродному племяннику художника В. Д. Поленова. Он являлся не только участником Второй мировой войны и многих морских экспедиций, но и преподавал в высших морских учебных заведениях.

[34] Русские флотоводцы. Вице-адмирал Корнилов. М.,1947. С. 8–9.

[35] Там же. С. 9. Документ не указывается.

[36] Там же. Скорее всего, речь идет об отрывках документов, в которых говорится о фланговом маневре князя Меншикова, незадолго до которого были затоплены несколько кораблей для защиты города.

А. С. Меншиков на время обрел образ настоящего виновника поражения. И если дореволюционные историки были вынуждены придерживаться тонкой грани между критикой главнокомандующего и императора, в советской исторической науке они оба оказались в стане «некомпетентных» виновников.

Из огромного массива публикаций о главнокомандующих можно было выбирать документы, которые подтверждали самые тяжелые обвинения. Тогда-то «архив памяти» 1860 — начала 1880-х гг. (публикации исторических журналов, в т.ч. «Русский архив» и «Русская старина») сыграл свою роль — из него выбирались «обличающие» тексты. В работе М. Н. Покровского это заметки о войне князя Васильчикова (журнал «Русский архив»), Е. В. Тарле обратился к тексту М. М. Попова «Южная армия при князе А. С. Меншикове» (журнал «Русская старина»). Подбирая близкие к тому или иному заданному концепту тексты в качестве свидетельств современников, два больших государства в разное время формировали нужные им истории конфликта, расколовшего XIX век.

Список литературы

Багдасарян В. Э. Толстой С. Г. Русская война: столетний историографический опыт осмысления Крымской кампании. М., 2002.

Богданович М. И. Восточная война 1853–1856 гг.: В 4 т. Т. 1. СПб., 1877.

Большая Советская энциклопедия. Т. 16. М., 1974.

Большая Советская энциклопедия. Т. 38. М., 1938.

Большая Советская энциклопедия. Т. 27. М., 1954.

Брандербергер Д. Л. Национал-большевизм: Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931–1956). СПб., 2009.

Давыдов Ю. В. Нахимов. М., 1970.

Дубровин Н. Ф. Восточная война 1853–1856 гг. Обзор событий по поводу сочинения М. И. Богдановича. СПб., 1878.

Дубровин Н. Ф. История Крымской войны и обороны Севастополя. Т. 1. СПб., 1900.

Каганович Б. Н. Евгений Викторович Тарле. Историк и время. СПб., 2014.

Лапин В. В. Адмирал П. С. Нахимов в коллективной памяти россиян // Труды кафедры истории России с древнейших времен до XX века. Т. III. Кафедра истории России и современная отечественная историческая наука. СПб., 2012. С. 333–352.

Покровский М. Н. Дипломатия и войны царской России. М., 1924.

Пресняков А. Е. Николай I // Российские самодержцы. М., 1990. С. 261–322.

Дружинин Н. М. Рецензия на книгу академика Е. В. Тарле «Крымская война» (М., 1943. Т. 2) / Избранные труды. М., 1988. С. 43–50.

Русские флотоводцы. Вице-адмирал Корнилов. М., 1947.

Середонин С. М. Отзыв о сочинении А. М. Зайончковского «Восточная война 1853–1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой. Т. 1. СПб., 1908 и приложения Т. 1. СПб., 1908». СПб., 1911.

Тарле Е. В. Крымская война: В 2-х томах. СПб., 2011.

Тартаковский А. Г. Неразгаданный Барклай. Легенды и быль 1812 года. М., 1996.

Тотлебен Э. И. Описание обороны Севастополя. СПб., 1863. Т. 1; 1868. Т. 2.
Шенк Ф. Б. Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой. М., 2007.

Ksenia Vladimirovna DONIK
Postgraduate Student, St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia)
E-mail: extale@mail.ru

"Hero of the lost battles": figure of Prince A. S. Menshikov (1787–1869) in historiography and the problems of historical memory

The article presents an attempt to analyze some of the most famous researches in historiography concerning the description and study of the Crimean War (1853–1856) and the representation of the image of Prince A. S. Menshikov, the commander-in-chief of the Russian army in the Crimea (until February 1855). The author examines the works of historians of the XIX and XX centuries in a problem-chronological method, which allows to study the formation of collective ideas about one of the most controversial figures of the reign of Nicholas I.

Keywords: Menshikov, Crimean War, Nicholas I, historical memory.

References

Bagdasaryan V. E. Tolstoi S. G. *Russkaya voina: stoletnii istoriograficheskii opyt osmysleniya Krymskoi kampanii [The Russian War: a Centenary Historiographic Experience of Understanding the Crimean Campaign],* Moscow 2002.
Bogdanovich M. I. *Vostochnaya voina 1853–1856 gg. [The Eastern War 1853–1856]*, vol. 1. St. Petersburg 1877.
Branderberger D. L. *Natsional-bol'shevizm: Stalinskaya massovaya kul'tura i formirovanie russkogo natsional'nogo samosoznaniya (1931–1956) [National Bolshevism. Stalinist Mass Culture and Formation of Modern Russian National Identity, 1931–1956.],* St. Petersburg 2009.
Davydov Yu. V. *Nakhimov [Nakhimov*], Moscow 1970.
Dubrovin N. F. *Vostochnaya voina 1853–1856 gg. Obzor sobytii po povodu sochineniya M. I. Bogdanovicha [The Eastern War 1853–1856. Review of the composition of M. Bogdanovich],* St.Petersburg 1878.
Dubrovin N. F. *Istoriya Krymskoi voiny i oborony Sevastopolya [History of the Crimean War and defense of Sevastopol],* vol. 1, St.Petersburg 1900.
Kaganovich B. N. *Evgenii Viktorovich Tarle. Istorik i vremya [Evgenii Tarle. Historian and time],* St. Petersburg 2014.
Lapin V. V. *Admiral P. S. Nakhimov v kollektivnoi pamyati rossiyan [Admiral P. Nakhimov in the collective memory of Russians],* in: Research of the Department of History of Russia from the earliest times to the twentieth century, vol. 3, St. Petersburg 2012, 333–352.
Pokrovskii M. N. *Diplomatiya i voiny tsarskoi Rossii [Diplomacy and War in Tsarist Russia],* Moscow 1924.
Presnyakov A. E. *Nikolai I [Nicolas I],* in: Russian autocrats, Moscow 1990, 261–322.
N. M. Druzhinin. *Retsenziya na knigu akademika E. V. Tarle «Krymskaya voina» (M., 1943g. T. 2) [Review of Academician Tarle's book «The Eastern War»],* in: Selected Works, Moscow 1988, 43–50.
Russkie flotovodtsy. Vitse-admiral Kornilov [Russian naval commanders. vice-admiral Kornilov], Moscow 1947.
Seredonin S. M. *Otzyv o sochinenii A. M. Zaionchkovskogo «Vostochnaya voina 1853–1856 gg. V svyazi s sovremennoi ei politicheskoi obstanovkoi. T. 1. SPb., 1908 i prilozheniya T. 1. SPb., 1908» [A review of the work of F. Zayonchkovsky The Eastern War of 1853–1856 relating to the contemporary political situation], St. Petersburg 1911.*
Tarle E. V. *Krymskaya voina: V 2-kh tomakh [The Eastern War, 2 volumes],* St.Petersburg 2011.
Tartakovskii A. G. *Nerazgadannyi Barklai. Legendy i byl' 1812 goda [Uncovered Barclay. Legends and the truth of 1812],* Moscow 1996.
Totleben E. I. *Opisanie oborony Sevastopolya [Description of the defense of Sevastopol],* St. Petersburg 1863, vol. 1. 1868. vol. 2.
Shenk F. B. *Aleksandr Nevskii v russkoi kul'turnoi pamyati: svyatoi, pravitel', natsional'nyi geroi (1263–2000) [Alexander Nevsky in Russian cultural memory: saint, ruler, national hero (1263–2000)],* Moscow 2007.

УДК 623.946
ББК 68.54

Владимир Игоревич ХОЗИКОВ

независимый исследователь, директор общества «Деловая информация»
(Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: vkhozikov@mail.ru

«РАКЕТО-ТОРПЕДЫ» ИММАНУИЛА НОБЕЛЯ

В 1841 г. изобретатель и предприниматель Иммануил Нобель предложил российскому правительству проект морского оружия, позднее названного им самим «движущимися минами». Дальнейшие работы Нобеля, проведённые им в период Крымской войны, показали, что его идея заключалось в соединении разработанных им пиротехнических боевых частей морских мин с реактивными движителями, созданными на основе стоявших к тому времени на вооружении российской армии боевых ракет. Таким образом, Иммануил Нобель осуществил первую из известных на сегодня попыток создания ракето-торпеды.

Ключевые слова: Иммануил Нобель, морское оружие, морская мина, Крымская война, Комитет о подводных опытах, ракето-торпеды.

История работ шведского изобретателя и предпринимателя Иммануила (Эммануила) Нобеля[1] в области морского минного оружия, выполненных им в России, хорошо изучена как отечественными, так и зарубежными исследователями и освещена во многих работах, выходивших с начала XX в. Нобель приехал в Санкт-Петербург из Або (Турку) в конце 1838 г. и благодаря заведённым ранее знакомствам сумел представить свои проекты ряду руководителей Военного ведомства. Через некоторое время он получил государственное финансирование, и в течение ряда лет занимался усовершенствованием предложенных им моделей морских мин и подводных минных заграждений. Во время Крымской войны мины Нобеля были установлены на подходах к Кронштадту и Свеаборгу, сыграв важную роль в защите побережья от вражеского флота. Эти факты с разной степенью глубины, точности и детализации освещены практически во всех трудах, касающихся истории как морского оружия России, так и нобелевской семьи[2].

[1] В отечественной литературе основателя предпринимательской династии Нобелей традиционно называют «Эммануилом», несмотря на то, что на шведском его имя пишется Immanuel, в отличие от внука, Emanuel'a, в России также именуемого «Эммануил»; ради точности мы будем называть Нобеля-старшего на шведский лад Иммануилом.

[2] См. напр.: Двадцатипятилетие товарищества нефтяного производства Бр. Нобель. 1879–1904. СПб.: Товарищество Р. Голике и А. Вильборг, 1904, С. 12–13; *Тимченко-Рубан Г.* Очерк деятельности Великого Князя и Императора Николая Павловича как руководителя военно-инженерной частью // Инженерный журнал. 1911. № 11. Приложение. С. 349–352; *Nobel-Oleinikoff M.* Ludvig Nobel och hans verk. Helsingfors: Frenekellska Tryckeri Aktiebolaget, 1952. S. 57, 62, 64–66; *Tolf Robert T.* The Russian Rockefellers. Stanford: Hoover Institution Press, 1976. С. 8–18; *Прошкин С. Г., Антонов В. Н., Григорьев В. Н., Коник Г. Б.* К истории создания минного оружия в России // Наука Санкт-Петербурга и морская мощь России. Т. 2. СПб.: Наука, 2002. С. 570–572, 575–580; *Дьяконов Ю. П.* История возникновения и развития подводного минного оружия в России. СПб.: Военно-морская академия имени Адмирала Флота Советского Союза Н. Г. Кузнецова, 2005. С. 62–89.

За рамками внимания исследователей, однако, осталось ещё одно направление работ Иммануила Нобеля в области морского оружия — попытка создать революционные для своего времени «самодвижущиеся мины». Наиболее раннее упоминание об этом проекте относится к апрелю 1841 г., когда Иммануил Нобель представил в управление генерал-инспектора по инженерной части записку на французском языке, в которой тезисно перечислил направления работ в области минного оружия, которыми он намерен заняться в том случае, если его услуги будут востребованы российскими военными. Программа была построена в виде одиннадцати вопросов, ответы на которые Нобель предполагал дать. Первые восемь из них касались различных аспектов конструкции и применения контактных морских мин, последние же три были сформулированы весьма туманно, поэтому, во избежание путаницы, их стоит воспроизвести дословно, воспользовавшись русским переводом записки, который был разослан на рассмотрение членам комитета о подводных опытах (КОПО) — межведомственной организации, отвечавшей за разработку новых видов морского вооружения:

«9) Можно ли без лодки и без людей приладить и зажечь мину к кораблю, который стоит в штиль в расстоянии двух вёрст?

10) Можно ли ночью с миною на маленькой лодке атаковать и взорвать неприятельский корабль без опасения и самому быть взорвану?

11) Как должны быть устроены мины для сих двух последних пунктов, с какою композициею? Можно ли употребить обыкновенный порох? Величина будет ли ровная?»[3]

Большинство членов КОПО ограничилось устными комментариями, однако по меньшей мере трое дали письменные ответы, сохранившиеся до нашего времени. Так, генерал-майор П. А. Витовтов отметил, что девятый вопрос «чрезвычайно любопытен и важен», относительно десято-

[3] РГАВМФ. Ф. 1351. Оп. 1. Д. 27. Л. 5 об.

го указал, что «при разрешении сего вопроса надобно также придумать средство приблизиться к неприятельскому кораблю, не быв им замечену», а насчёт одиннадцатого ограничился замечанием, что «последнее выражение сего вопроса неясно»[4].

Контр-адмирал П. Е. Чистяков 2-й был более категоричен — относительно девятого и десятого вопросов он полагал, что без лодки и людей подойти к неприятелю невозможно, «хотя бы то было и к неохраняемому кораблю»; насчёт одиннадцатого ограничился общим указанием, что поиск ответа и есть предмет занятий комитета[5].

В принципе солидарен в оценке с Чистяковым был и командир Петербургского ракетного заведения полковник В. М. Внуков, составивший наиболее пространный отзыв на нобелевские предложения. Он писал: «На выполнение 9-го вопроса г. Нобеля, чтобы к кораблю, в двух верстах стоящему от места, с которого должно действовать, приладить мину и зажечь её без пособия людей и лодки, кажется мне вещью совершенно невозможною; по крайней мере, в настоящее время я не имею в виду к тому средств; а также и полный успех атаки корабля на маленькой лодке, о чём г. Нобель говорит в 10-м из своих вопросов, я не считаю возможным, полагая в неприятеле необходимую осторожность. После этого 11-й вопрос в рассуждении устройства мин для действия против неприятеля означенными в 9-м и 10-м вопросах способами, разумея их в прямом смысле, уже не требуют ответа». Далее, правда, Внуков добавлял: «Впрочем, если г. Нобель имя мины придаст другому снаряду, равному ей в действии, в таком случае представляется возможность достигнуть той цели, какая заключается в его 9-м и 10-м вопросах, посредством устройства нового снаряда, и употребления особенного для действия вещества»[6].

Таким образом, если резюмировать отклики членов КОПО, полученные Иммануилом Нобелем на предложение сконструировать морское оружие для поражения кораблей на расстоянии, то их можно охарактеризовать как сдержанно недоверчивые. Вместе с тем другие инициативы изобретателя встретили гораздо больше поддержки и понимания, да и сам он производил впечатление человека скорее знающего, нежели некомпетентного авантюриста из числа регулярно предлагавших российским властям проекты самого невероятного «чудо-оружия». Это обстоятельство, скорее всего, объясняет то, что идея не была сразу отклонена и осталась в рабочей повестке.

[4] Там же. Л. 7.

[5] Там же. Л. 8 об.

[6] Там же. Л. 10 и об.

В итоге обсуждение казавшегося фантастическим предложения Нобеля затянулось на много месяцев — члены КОПО хотели получить от изобретателя максимум подробностей о его проекте, а он, ссылаясь на желание не расставаться со своим замыслом без вознаграждения, всячески старался не вдаваться в детальные объяснения. Наконец, в январе 1842 г. швед представил максимально подробную из известных на сегодня записку о подводном оружии. Относительно движущихся мин в ней говорилось следующее:

«Движущиеся по поверхности воды мины суть такого устройства, что ими можно с берега, или с больших или малых кораблей потопить неприятельские корабли на расстоянии одной или двух верст. Выгоды, происходящие от сего изобретения, суть следующие:

1) При обороне порта можно на расстоянии 2-х верст с берега разрушить неприятельский корабль, какой бы ни был он величины, не подвергаясь никакой потере.

2) Пароход в 50 лошадиных сил, вооруженный лишь способом для атаки и обороны, может истребить целой флот в открытом море, если оный не успеет заблаговременно скрыться.

3) Сим способом можно наивернейше защитить обыкновенный купеческий корабль, не увеличивая числа его прислуги.

4) Никакие предостерегательные меры со стороны неприятеля не могут быть приняты против сих движущихся по поверхности воды мин.

5) Каждый старый военный корабль или пароход можно удобно устроить к упомянутому действию.

6) Простая лодка может атаковать с сим средством большие корабли, блокирующие гавань или стоящие перед оным в неприятельском намерении <так в оригинале — *В. Х.*>.

7) Корабли, которые атакуются на мелких водах или как <так в оригинале — *В. Х.*> называемых якорных местах, могут без затруднения быть подняты и вооружены в пользу правительства.

8) Предположенный нанести неприятельскому кораблю вред можно по желанию уменьшить.

9) Должно на верно полагать, что если только осьмая часть нынешнего флота будет вооружена сим средством для защищения, то может лучше противостоять величайшим морским силам Европы, нежели ныне весь флот противостоит меньшей силе, потому что здесь входят в употребление совершенно новые военные методы и, следовательно, до сего испытанные опытности остаются без всякой пользы.

10) Следовательно, $^{7}/_{8}$ нынешнего флота и все расходы на устроение оных будут лишни, и правительство выиграет чрез то ежегодно несколько миллионов рублей.

11) Сии старые корабли могут тогда быть употреблены как транспортные судна, но к сему можно еще выгоднее взять купеческие корабли, которые будучи вооружены моим способом, будут также безопасны к употреблению.

12) Выгоды для торговли во время войны чрез сие устройство неисчислимы, ибо купеческий корабль может тогда плыть безопаснее, нежели ныне корабль военный»[7].

В этой же записке Нобель заявил о готовности провести демонстрационные опыты над предлагавшимися им минами разных типов с оговоркой, «чтобы опыты над движущимися по поверхности воды минами не производились бы прежде, нежели когда дело касательно до лежачих мин, которые можно опускать и подымать, решено будет в мою пользу или невыгоду»[8].

Комитет о подводных опытах приступил к подготовке демонстрации нобелевских экспериментов, причём, как следует из имеющихся материалов, до начала лета 1842 г. речь шла о параллельных опытах как со стационарными, так и с подвижными минами, однако затем даже разговоры о последних без какого-либо объяснения причин были прекращены, притом что активные работы Иммануила Нобеля в области минного оружия продолжались ещё не менее пяти лет.

После 1847 г. Нобель полностью прекратил разработку морских мин, по всей видимости, сосредоточившись на развитии управлявшейся им механической и металлообрабатывающей фабрики в Санкт-Петербурге, совладельцем которой он стал в следующем, 1848 г.[9] После этого то, что предлагал в 1842 г. Иммануил Нобель под наименованием «движущихся мин», возможно, было бы забыто и так бы и осталось загадкой. Единственным косвенным свидетельством того, что изобретатель намеревался применить реактивный движитель в сочетании с придуманной им боевой частью, был факт его знакомства с реактивной силой и боевыми ракетами. Это обстоятельство известно доподлинно — 12 октября 1840 г. Нобель присутствовал при опытах КОПО, когда производились ракетные стрельбы в акватории Финского залива между Крестовским и Петровским островами[10].

[7] Там же. Д. 30. Л. 15–16.

[8] Там же. Л. 17.

[9] РГИА. Ф. 583. Оп. 4. Д. 243. Л. 559 об.

[10] РГАВМФ. Ф. 1351. Оп. 1. Д. 6. Л. 63 и об.; Д. 19. Л. 12 и об.

Однако начавшаяся в следующем десятилетии Крымская война вновь вызвала к жизни прежний нобелевский проект, и сохранившиеся с той поры документы уже чётко свидетельствуют о попытке Нобеля на практике создать оружие, отдалённо напоминающее современные ракето-торпеды.

В семейной истории, написанной внучкой Иммануила Нобеля М. Л. Нобель-Олейниковой, сообщается, что 18 января 1854 г. её дед представил властям записку «О летающих (подвижных) минах», в которой предложил изготовить особые снаряды, которые «должны в заданном направлении лететь над поверхностью воды и при встрече с бортом корабля опуститься ниже ватерлинии, взорваться и разрушить обшивку корабля, так что он затонет». «Каким образом нобелевская идея в дальнейшем получила развитие, и были ли его движущиеся мины использованы в войне 1854–1855 гг., — добавляет М. Л. Нобель-Олейникова, — неизвестно»[11].

Оригинала или копий этой записки до сих пор обнаружить не удалось, однако известно, что 15 апреля 1854 г. Иммануил Нобель подписал секретный контракт с военным министерством, в соответствии с которым принял на себя «устройство и употребление в дело изобретенных мною <Нобелем — *В. Х.*> мин для истребления и потопления больших неприятельских кораблей в Финском заливе». Согласно второй статье контракта число боевых снарядов, которые обязался изготовить Нобель, определялось «числом четырехсот при ста конгревовых ракетах», при этом ракеты следовало «отпустить в С.-Петербурге, также по мере надобности, и в первый месяц половину всего количества, из коих двадцать пять готовых, а на остальные двадцать пять дозволить изготовить гильзы мне <Нобелю — *В. Х.*> самому, и только набивку произвести в ракетном заведении»[12].

Несколько позднее редакция этого пункта была изменена и оформлена дополнением к контракту, так что в окончательном варианте он выглядел так: «Относительно отпуска мне готовых ракет и дозволения изготовить гильзы, с набивкою в ракетном заведении ограничиться только приемом из этого заведения трех с половиною дюймовых ракет без снарядов с хвостами с тем, чтобы пятьдесят отпущены были мне, Нобеллю, в первый месяц по заключении контракта, а пятьдесят во второй месяц,

[11] *Nobel-Oleinikoff M.* Ludvig Nobel och hans verk. Helsingfors: Frenekellska Tryckeri Aktiebolaget, 1952. S. 66.

[12] РГАВМФ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 272. Л. 11.

и при том чтобы первые двадцать пять отпущены были в конце первых двух недель по заключении контракта, а там по мере надобности»[13].

Тот факт, что Нобель оговорил в контракте как предоставление ему готовых ракет одного из состоявших на вооружении калибров, так и возможность самостоятельно изготовить ракетные гильзы собственной конструкции, лишний раз указывает на то, что к моменту заключения договора изобретатель не имел окончательной конструкции движущейся мины и явно нуждался в предварительных экспериментах для завершения своего проекта.

17 апреля 1854 г. под грифом «весьма секретно» из штаба инспектора всей артиллерии (далее — ШИВА) вице-директору артиллерийского департамента Военного министерства (далее — АДВМ) было направлено отношение, в котором сообщалось о контракте, заключённом с Нобелем на изготовление морских мин и указывалось, что во исполнение договора Нобелю следует «отпустить из С.-Петербургского ракетного заведения сто ракет трёх с половиною дюймовых без снарядов и с хвостами с тем, чтобы пятьдесят отпущены были в первый месяц по заключении контракта, а пятьдесят во второй месяц, и при том, чтобы первые двадцать пять отпущены были в конце первых двух недель по заключении контракта, а там по мере надобности»[14].

В тот же день под тем же грифом АДВМ направил командиру Петербургского ракетного заведения указание «немедленно распорядиться о приготовлении для помянутой надобности ракет, таких, какие иностранец Нобель найдёт нужным, имея в виду способы заведения, употребив для сего материалы из состоящих во вверенном Вам заведении, и исполнении этого уведомить Департамент с надлежащим отчётом»[15].

Несмотря на срочные требования, оговоренные контрактом, только разрешение вопроса о том, где взять деньги на изготовление необходимых Нобелю ракет заняло почти месяц[16]. О том, какие именно работы производил Нобель с ракетами, сведений обнаружить не удалось. Известно лишь то, что ракеты действительно были отпущены, о чем говорит годовая отчётность Петербургского ракетного заведения[17].

[13] Там же. Л. 14.

[14] Архив ВИМАИВиВС. Ф. 3. Оп. 24/3. Д. 419. Л. 1 об.

[15] Там же. Л. 4 и об.

[16] Там же. Л. 9, 14–15 об., 21 и об.

[17] Архив ВИМАИВиВС. Ф. 5. Оп. 12. Д. 154. Л. 126.

Также очевидно, что расчёт Нобеля на типовые ракеты, состоящие на вооружении, не оправдался, и он предпринял ещё одну попытку — на этот раз уже с ракетами собственной конструкции. 17 октября 1854 г. военный министр уведомил инспектора всей артиллерии, что «размер» (под этим словом, надо полагать, подразумевалась мощность) отпущенных Нобелю 3,5-дюймовых ракет «оказался слишком слабым для предположенной цели» и по этой причине теперь следует набить ракетным составом «приготовленные Нобеллем гильзы большего размера»[18].

19 октября из ШИВА на имя вице-директора артиллерийского департамента генерал-майора М. А. Майкова было направлено приказание инспектора всей артиллерии о немедленной набивке в Петербургском ракетном заведении составом, «приготовленным шведским подданным Нобелем», ракетных гильз[19]. О «немедленном» исполнении приказа, правда, и в этот раз говорить едва ли возможно — только 28 ноября 1854 г. управление инспектора пороховых заводов направило командиру Охтинского порохового завода предписание отпустить по запросу командира Петербургского ракетного заведения полковника К. И. Константинова «безденежно потребные для набивки ракетных гильз иностранца Нобеля огнестрельные материалы, а именно мякоти пороховой 5 пуд. и угля ольхового мелко просеянного 20 фун.»[20].

Причину промедления, впрочем, можно предположить — краткое указание о набивке нобелевских гильз породило новую обширную переписку, целью которой было выяснить, за чей счёт и где следует изготовить необходимые приспособления для набивки нобелевских гильз. Очевидно, что они были нестандартного калибра, и подходящего оборудования в Петербургском ракетном заведении не было. Выяснение этого вопроса, над которым ни Нобель, ни причастные к делу чины заранее не подумали, заняло примерно месяц и, как водилось в то время, в окончательном варианте потребовало решения лично императора, так как требовало дополнительных сверхсметных расходов.

В итоге Николай I повелел «набить ракетные гильзы иностранца Нобеля, и на расходы при этом, на заведение новых набойников и галтелей с подшипниками отпустить из особого военного капитала С.-Петербургскому ракетному заведению примерную сумму тысячу ру-

[18] Архив ВИМАИВиВС. Ф. 3. Оп. 24/3. Д. 419. Л. 23 и об.

[19] Там же. Л. 22.

[20] ЦГИА СПб. Ф. 1285. Оп. 1. Д. 357. Л. 93.

блей серебром»[21]. Необходимое оборудование было оперативно заказано и изготовлено Петербургским гальванопластическим заведением и далее, как можно предположить, Иммануил Нобель в течение нескольких месяцев усиленно трудился над усовершенствованием своих «ракето-торпед». По косвенным данным выходит, что к марту 1855 г. он изготовил устройство, которое казалось ему наилучшим и подходящим для решения задачи — именно к этому времени относятся сведения о начинении нобелевских снарядов ракетным составом.

5 марта 1855 г. в артиллерийский департамент было отправлено предписание военного министра «немедленно распорядиться об отпуске шведскому подданному с.-петербургскому 1-й гильдии купцу Эмануелю Нобелю из С.-Петербургской лаборатории бесплатно пяти пудов мелкого ружейного пороха для набивки аппаратов к подводным минам, устраиваемым Нобелем по заключённому с ним контракту»[22]. Три дня спустя управляющий департаментом генерал-адъютант А. П. Безак 1-й направил соответствующий секретный приказ заведующему Петербургской лабораторией. Сам порох, как следует из документов, был получен под расписку одним из сыновей изобретателя, Робертом Нобелем, 15 марта 1855 г.[23]

После этого о минно-ракетных работах Нобеля ничего не было слышно в течение почти двух лет, из чего нетрудно понять, что и вторая попытка изготовить «движущиеся мины» не дала желаемого результата. Скорее всего, в заботах и тревогах военного времени о не оправдавшем себя проекте сразу забыли.

Завершающий, формальный акт этой истории, состоялся по инициативе военных финансистов. Когда настало время проверки отчётности прошлых лет, выяснилось, что ракетные эксперименты Нобеля были настолько засекречены, что расходы по ним никак не объяснялись в открытой документации. С целью прояснить картину счётное отделение артиллерийского департамента в сентябре 1857 г. обратилось к сослуживцам из порохового и паркового отделения с просьбой уточнить, когда и в каком количестве были затребованы деньги на изготовление ракет для Нобеля, были ли они вообще изготовлены, кем получены и каким образом в этом случае оприходованы[24].

---

21 Архив ВИМАИВиВС. Ф. 3. Оп. 24/3. Д. 419. Л. 24 и об.

22 Там же. Л. 26.

23 Там же. Л. 31–32

24 Там же. Л. 33 и об.

24 июня 1858 г., не получив ответа на этот запрос, начальник счётного отделения артиллерийского департамента повторно обратился в пороховое и парковое отделение «о скорейшем доставлении требуемого сведения». Однако, прошёл ещё месяц, прежде чем нужная информация была предоставлена. По документам из изготовленных для Нобеля 100 ракет 25 передали ему под расписку одного из сыновей, а оставшиеся 75 направили для опытов в Ревель. Общая сумма казённых расходов, считая стоимость полученных и, видимо, реально ушедших на опыты изобретателя ракет, а также бесплатно отпущенных Охтинским пороховым заводом материалов, составила 242 руб. 75 коп. серебром[25].

После этого артиллерийский департамент направил Нобелю предписание погасить сумму, потраченную на его эксперименты. Нобель, предприятие которого находилось к тому времени в предбанкротном состоянии, на требование даже не отозвался и лишь после повторного указания откликнулся краткой запиской, в которой, сославшись на условия заключённого им в своё время контракта, напомнил, что всё необходимое для изготовления «движущихся мин», включая ракеты, казна обязалась предоставлять ему бесплатно. Оригинал контракта в итоге был обнаружен через канцелярию военного министерства в инженерном департаменте, куда несколькими годами ранее было передано всё делопроизводство «по устройству заводчиком Нобелем подводных мин в Кронштадте и других крепостях», и вопрос, хотя и не быстро, но разрешился в соответствии с его условиями — спорный расход был покрыт за счёт государственных средств[26].

К сожалению, каких-либо сведений о том, как выглядели «движущиеся мины» Нобеля — возможно, первый реальный прототип ракето-торпед — не сохранилось. Скорее всего, изобретатель, лично производивший конструкторские и опытные работы и ревниво охранявший свои проекты от посторонних, вообще не предоставлял Военному ведомству каких-либо отчётов о проделанных работах. Значительная же часть семейного архива российской ветви семьи Нобель, где могли храниться эти материалы, погибла в феврале 1940 г. при уничтожении отступавшими финскими войсками нобелевской усадьбы Кирьола неподалёку от Выборга[27].

---

25 Там же. Л. 36 и об., 39 и об.

26 Там же. Л. 40–44, 56–58.

27 *Nobel-Oleinikoff M.* Op cit. S. 606, 608.

Список литературы

Двадцатипятилетие товарищества нефтяного производства Бр. Нобель. 1879–1904. СПб.: Товарищество Р. Голике и А. Вильборг, 1904.

Дьяконов Ю. П. История возникновения и развития подводного минного оружия в России. СПб.: Военно-морская академия имени Адмирала Флота Советского Союза Н. Г. Кузнецова, 2005.

Прошкин С. Г., Антонов В. Н., Григорьев В. Н., Коник Г. Б. К истории создания минного оружия в России // Наука Санкт-Петербурга и морская мощь России. Т. 2. СПб.: Наука, 2002.

Тимченко-Рубан Г. Очерк деятельности Великого Князя и Императора Николая Павловича как руководителя военно-инженерной частью // Инженерный журнал. 1911. № 11.

Nobel-Oleinikoff M. Ludvig Nobel och hans verk. Helsingfors: Frenekellska Tryckeri Aktiebolaget, 1952.

Tolf Robert T. The Russian Rockefellers. Stanford: Hoover Institution Press, 1976.

Vladimir Igorevich KHOZIKOV

Independent Scholar, Director of the company *Delovaya informatsia*
(St. Petersburg, Russia).

E-mail: vkhozikov@mail.ru

Rocket-torpedoes of Immanuel Nobel

In 1841, inventor and entrepreneur Immanuel Nobel offered the Russian government a draft of naval weapons, which later he named “moving mines”. Further work of Nobel, conducted in the period of the Crimean war, show that his idea was to combine the pyrotechnic warheads of sea mines with jet propulsion, created on the basis of the Russian army missiles. Thus Immanuel Nobel carried out the first known attempts at creating a rocket-torpedoes.

Keywords: Immanuel Nobel, naval weapons, naval mine, the Crimean war, the Committee on underwater experiments, rocket-torpedoes.

References

Dvadtsatipyatiletie tovarishestva neftyanogo proizvodstva Br. Nobel. 1879–1904*,* St. Petersburg 1904.

Dyakonov Y. P., *Istoriya vozniknoveniya i razvitiya podvodnogo minnogo orujiya v Rossii,* St. Petersburg 2005.

Nobel-Oleinikoff M., *Ludvig Nobel och hans verk*, Helsingfors 1952.

Proshkin S. G., Antonov V. N., Grigoriev V. N., Kinik G. B., *K istorii sozdaniya minnogo orujiya v Rossii*. in: Nauka Sankt-Peterburga i morskaya mosh Rossii, vol. 2, St. Petersburg 2002.

Timchenko-Ruban G., *Ocherk deyatelnosti Velikogo Knyazya i Imperatora Nikolaya Pavlovitcha kak rukovoditel’ voenno-injenernoy chastiu*, in: Inzhenernyi zhurnal, 1911, #11, appendix, 349–352.

Tolf Robert T., *The Russian Rockefellers,* Stanford 1976.

УДК 94 (47) 08
ББК 63.3 (2) 51

Николай Равильевич СЛАВНИТСКИЙ

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Государственного музея истории Санкт-Петербурга
(Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: slavnitski@bk.ru

ИЗ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ ГАРНИЗОНА САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ КРЕПОСТИ: ПОПЫТКИ ЗАКЛЮЧЕННЫХ НАЛАДИТЬ СВЯЗИ С ТОВАРИЩАМИ ПО ВОЛЕ (1870-е и 1880-е гг.)

В статье рассматриваются эпизоды повседневной жизни гарнизона Санкт-Петербургской крепости, связанные с наблюдением за политическими заключенными. В конце 1870-х и начале 1880-х годов народовольцам удавалось с помощью солдат и унтер-офицеров наладить связь с товарищами, а в одном случае их деятельным помощником стал сын заведующего арестантскими помещениями подполковника Н. Богородского.

Ключевые слова: Санкт-Петербургская крепость, «Народная воля», С. Г. Нечаев.

Тюрьма Трубецкого бастиона в Санкт-Петербургской крепости являлась наиболее закрытой из всех существовавших во второй половине XIX в. тюрем в России. Тем не менее, и в ней заключенным удавалось наладить связи с товарищами на воле.

Первая попытка относится к концу 1870-х гг., к периоду «процесса 193-х», и она оказалась неудачной. Летом 1876 г. унтер-офицер наблюдательной команды Казаков встречался с К. П. Блавдзевич, которая в то время находилась под следствием по делу «о преступной пропаганде в империи», была арестована в Саратове летом 1874 г. и с февраля по декабрь 1875 г. находилась в заключении в тюрьме Трубецкого бастиона[1].

Именно тогда она и познакомилась с Казаковым (хотя общаться с узниками категорически запрещалось, видимо, он это правило нарушил). Вскоре после того, как К. П. Блавдзевич была выпущена на поруки, она стала встречаться с Казаковым и в один прекрасный день попросила передать С. Ф. Ковалику (которого называла своим женихом) две записки. Кроме того, человек, которого она представила в качестве своего двоюродного брата (им

[1] РГИА. Ф. 1280. Оп. 1. Д. 439. Л. 7 об.–51.

оказался австрийский подданный и студент Новороссийского университета О. М. Габель, который незадолго до того организовал побег упомянутых узников из дома предварительного заключения, но их задержали на Захарьевской улице по чистой случайности) пообещал унтер-офицеру деньги в том случае, если он поможет наладить регулярную переписку. Казаков на посулы не поддался и доложил обо всем коменданту, передав ему те записки, что были адресованы С. Ф. Ковалику, и К. П. Блавдзевич с О. А. Габелем были задержаны и вскоре оказались в камерах тюрьмы Трубецкого бастиона[2].

Чуть позже С. Г. Нечаеву удалось наладить связи с членами исполнительного комитета партии «Народная воля» через солдат наблюдательной команды, которые его караулили. Этот случай хорошо изучен и подробно разобран в работах П. Е. Щеголева и Ф. М Лурье[3], поэтому мы на нем остановимся кратко, хотя ниже необходимо будет вернуться к нему. С. Г. Нечаев, приговоренный к каторжным работам, был отправлен в Алексеевский равелин Санкт-Петербургской крепости, но там смог распропагандировать всех рядовых солдат из числа караульных. Произошло это в первую очередь вследствие того, что офицеры халатно относились к своим обязанностям и практически не следили ни за вверенной им командой, ни за заключенным. Вскрылось же все, как считают исследователи, благодаря доносу другого заключенного, оказавшегося в том же равелине.

Отметим только один любопытный момент — в феврале 1880 г. в столице появились слухи «о предполагаемом вторжении в крепость злоумышленников с преступной целью», и комендант крепости приказал начальнику инженерного управления:

«1) Безотлагательно осмотреть совместно с плац-майором все без исключения помещения, представляющие малейшую возможность к достижению преступной цели путем насилия или ухищрения и соответственному принятию мер и устройству прочных запоров и проч.

2) Обратить внимание на недопустимое к проживанию в крепости в помещениях Инженерного ведомства посторонних лиц.

3) Вольнонаемных людей принимать на должности в крепостное и инженерное управление не иначе как по официальной справке в полиции в благонадежности вида и иметь наблюдение за образом их жизни»[4].

[2] РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 395. Л. 116–117.

[3] *Лурье Ф. М.* Нечаев. М., 2001; *Щеголев П. Е.* Нечаев в равелине. 1873–1882 // Алексеевский равелин: Секретная государственная тюрьма России в XIX веке. Л., 1990. Кн. 2. С. 128–304.

[4] РГИА. Ф. 1280. Оп. 1. Д. 490. Л. 1.

Было ли это как-то связано с содержанием С. Г. Нечаева, точно сказать нельзя, но чины гарнизона в тот момент были вне подозрений.

Теперь подробнее о других, менее известных случаях. В конце 1880 г. в столице образовался нелегальный кружок, состоявший из фейерверкеров Пороховых заводов[5]. В состав этой группы входили бывшие ученики Пиротехнической артиллерийской школы — А. А. Филиппов, А. В. Иванов, Н. Н. Богородский. Последний из них был сыном подполковника Богородского, являвшегося заведующим арестантскими помещениями Санкт-Петербургской крепости, в просторечии — смотрителем тюрьмы Трубецкого бастиона. Его квартира находилась непосредственно в здании тюрьмы.

Кружок этот был раскрыт после того, как полиция установила место встреч народовольцев, готовивших покушение на императора Александра II — квартиру отставного прапорщика Ф. О. Люстига. Выяснилось, что его квартиру посещали также упомянутые выше А. А. Филиппов, А. В. Иванов и Н. Н. Богородский[6].

Они были привлечены к дознанию, в ходе которого Н. Н. Богородский был обвинен (помимо сношений с «Народной волей») в том, что «при его посредничестве содержавшиеся в крепости политические арестанты вели переписку с находившимися на свободе членами революционной партии». Сам он на допросах откровенно рассказал: «Познакомившись летом 1880 г. с Люстигом, встречал в квартире его Тригони, Колодкевича, Кибальчича, Исаева и какую-то женщину — Елизавету Александровну. Сначала лица эти снабжали его запрещенными изданиями, а затем Елизавета Александровна предложила ему быть посредником в переписке членов революционной партии с содержавшимися в крепости политическими арестантами, и он согласился на это предложение. Переписка происходила таким образом: по указанию Елизаветы Александровны он брал книги из крепостной библиотеки, которой пользуются и арестанты. Книги эти он передавал или самой Елизавете Александровне или кому-либо другому из членов партии, в книгах делались какие-то отметки над буквами, после чего он снова возвращал их в библиотеку»[7].

Кто скрывался под именем Елизаветы Александровны, судя по всему, осталось неизвестным, да это и не столь принципиально. Отметим лишь,

[5] К истории народнического движения среди военных в начале 80-х годов // Былое. 1906. № 8. С. 173.

[6] РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 407. Л. 206 об.

[7] Там же. Л. 207 об. — 208 об.

что в начале 1880-х народовольцам удалось наладить связь с заключенными с помощью сына офицера гарнизона. Об этом случае упоминали сами народники в 1920-е годы, в частности А. В. Якимова, писавшая, что «через Богородского, отец которого был смотрителем в Трубецком бастионе Петропавловской крепости, поддерживались сношения посредством книг крепостной библиотеки с заключенными в Трубецком бастионе»[8].

Н. Н. Богородский в итоге был «изобличен» в том, что, «состоя в непосредственных сношениях с выдающимися руководителями революционных партий, заведомо содействовал их преступным намерениям», и был выслан в административном порядке «в распоряжение генерал-губернатора Восточной Сибири для водворения на жительство под надзор полиции в местностях вверенного ему края на пять лет» (в суд дело решили не передавать)[9].

В связи с этим интересна судьба А. А. Филиппова. В декабре 1881 г., когда было утверждено дело о нем и его товарищах, министр юстиции посчитал, что в отношении него «не обнаружено достаточных данных к изобличению в каком-либо государственном преступлении», поэтому предложил ограничиться подчинением его гласному надзору полиции «в избранном им месте жительства», при этом А. А. Филиппову запрещалось жить в столичных губерниях[10].

Однако весной следующего года он был привлечен по «нечаевскому» делу «о сношениях с заключенными Алексеевского равелина». Дело в том, что С. Г. Нечаев после того, как члены исполкома «Народной воли» были арестованы, отправил одного из солдат к А. А. Филиппову, а тот свел посланных от С. Г. Нечаева с «Антоном Ивановичем» (это был отставной мичман А. П. Буланов). Непосредственно с С. Г. Нечаевым до того времени поддерживал отношения Савелий Златопольский, но в октябре 1881 г. он уехал в Москву и связь прервалась[11]. Поэтому С. Г. Нечаеву пришлось обращаться к А. А. Филиппову, а когда это вскрылось, тот в марте 1882 г. снова был арестован и оказался в заключении в тюрьме Трубецкого бастиона[12].

Жандармское дознание по «нечаевскому» делу к тому времени было закончено, и 10 марта 1882 г. министр внутренних дел граф Н. П. Игнатьев

[8] *Якимова А. В.* Группа «Свобода или смерть» // Каторга и ссылка. 1926. № 3. С. 16.

[9] РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 407. Л. 215, 219.

[10] Там же. Л. 217 об., 220.

[11] *Щеголев П. Е.* Нечаев в равелине. С. 222.

[12] РГИА. Ф. 1280. Оп. 1. Д. 568. Л. 5, 10, 15.

представил Александру III доклад об этом деле, приложил к нему составленную жандармским майором Головиным «Записку из дознания о беспорядках, бывших в Алексеевском равелине». Картина распада дисциплины была в ней нарисована яркими штрихами. Александр III прочел записку и выразил свое впечатление в следующей надписи: «Более постыдного дела для военной команды и ее начальства, я думаю, не бывало до сих пор». Дознание разбило привлеченных на две группы. Одна группа должна была пройти перед военным судом по обвинению в воинских преступлениях — в несоблюдении особых обязанностей караульной службы. Это были жандармские унтер-офицеры Карл Леппинг, Александр Александров, Николай Исаков и Захар Федоров; запасные рядовые Е. Тихонов, Попков и рядовые Березин, Ульянов, Мыркин, И. Тихонов, Леонов, В. Иванов, Степанов, Андреев, Ильин, Чернышев, Яковлев, Кузьмин, Сергеев, Д. Иванов, Шарков, Ермолин, Никифоров. К ним было присоединено и их начальство — подполковник Филимонов и поручик Андреев, обвиняемые в противозаконном бездействии власти, имевшем особенно важные последствия.

Вторая группа должна была предстать перед судом по обвинению в государственном преступлении. Это процесс студента Евгения Александровича Дубровина и запасных обер-фейерверкеров Охтинского порохового завода Александра Филиппова и Алексея Иванова; из солдат сюда были пристегнуты запасные рядовые Орехов, Колыбин, Бызов, Кузнецов, Терентьев, Юшманов, Штырлов, ефрейтор Колодкин и рядовые Дементьев, Г. Петров, Тонышев, Борисов, Архипов, Вишняков, Губкин и Самойлов. В конечном счете через суд прошло 4 жандармских унтер-офицера и 35 солдат из команды равелина[13]. Некоторые из них были признаны невиновными.

Приговором военно-окружного суда «состоящие в запасе обер-фейерверкеров Охтенского порохового завода Александр Андреев Филиппов 25 лет, Алексей Васильев Иванов 25 лет, Санкт-Петербургской местной команды, отчисленные в запас рядовые Андрей Иванович Орехов 27 лет, Егор Иванович Колыбин 28 лет. Кир Бызов 27 лет, Тимофей Ефимов Кузнецов 28 лет, Василий Иванов Терентьев 27 лет, Григорий Архипов Юшманов 28 лет, Иван Ильин Штырлов 28 лет, ефрейтор Яков Михайлов Колодкин 26 лет, и состоящие на службе рядовые Андрей Иванов Дементьев 26 лет, Иван Федорович Тонышев 28 лет, Григорий Ефимович Петров 26 лет, Емельян Борисов Борисов 24 лет, Платон

[13] *Щеголев П. Е.* Нечаев в равелине. С. 240–241.

Прокофий Вишняков 25 лет и 38-го пехотного Тобольского его императорского высочества великого князя Сергея Александровича полка Прокофий Григорий Самойлов» были приговорены к ссылке в различные области Сибири (как «отдаленные», так и «не столь отдаленные»)[14]. Остальные были переведены в дисциплинарные батальоны или в другие части.

Еще один случай произошел в 1883 г. 2 мая 1883 г. при обычном осмотре арестантских камер Трубецкого бастиона Санкт-Петербургской крепости «в камере ссыльно-каторжного государственного преступника Льва Златопольского найдены были спрятанными письменные принадлежности и шифрованные записки»[15]. Лев Соломонович Златопольский принимал участие подготовке покушений на императора Александра II в 1879–1880 гг., был арестован в Санкт-Петербурге 29 января 1881 г. и в феврале 1882 г. по обвинению в принадлежности к партии «Народная воля» и участии в подготовке покушения на императора в Одессе приговорен к лишению всех прав состояния ссылке на каторжные работы сроком на 20 лет. При этом его решили не отправлять в Сибирь и оставить в Санкт-Петербургской крепости на положении осужденного, поэтому он оставался в тюрьме Трубецкого бастиона[16].

Его младший брат Савелий Соломонович занимал в партии более значительное положение и, как отмечалось выше, через него проходила переписка С. Г. Нечаева с руководством партии. Кроме того, он также принимал участие в подготовке покушений на императора. Весной 1881 г. С. С. Златопольский избежал ареста, уехал в Москву, занялся организацией покушения на подполковника корпуса жандармов Г. П. Судейкина (неудавшегося), там в апреле 1882 г. был арестован и привлечен к дознанию по делу «о террористической фракции социально-революционной партии». Во время предварительного следствия содержался в тюрьме Трубецкого бастиона. В марте 1883 г. Особым присутствием Сената был приговорен к смертной казни, которая по милости императора Александра III была заменена бессрочными (то есть пожизненными) каторжными работами, и с 28 апреля по 17 июня 1883 г. он находился в заключении в тюрьме Трубецкого бастиона Петропавловской крепости на положении осужденного[17].

[14] РГИА. Ф. 1280. Оп. 1. Д. 520. Л. 62.

[15] РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 416. Л. 23–37.

[16] РГИА. Ф. 1280. Оп 1. Д. 513. Л. 18 об., 32 об., 47 об., 52, 57; РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 407. Л. 230; Д. 408. Л. 290.

[17] РГИА. Ф. 1280. Оп. 1. Д. 567. Л. 13–14; Д. 568. Л. 4–63; Д. 622. Л. 5, 10, 15; Д. 610. Л. 9–49 об.; Ф. 1405. Оп. 521. Д. 411. Л. 39 и об.; Д. 412. Л. 123.

Началось расследование, в ходе которого тщательной проверке подверглись все унтер-офицеры и нижние чины. И один из них, 35-летний унтер-офицер Санкт-Петербургского губернского жандармского управления Ефим Проваторов, сознался, что братья Златопольские переписываются друг с другом при его помощи[18]. Первоначально он объяснял, что «решился на такой поступок с целью разузнать о находящихся на свободе сообщниках государственных преступников и донести об этом правительству». В ходе дальнейших допросов (а унтер-офицер в результате сам оказался в одной из камер тюрьмы Трубецкого бастиона[19]) выяснилось, что в 1882 г. Е. Проваторов был посредником при переписке арестантов, а в феврале 1883 г. принял от Савелия Златопольского первое поручение «на волю», состоявшее в передаче записки содержательнице табачной лавки на Забалканском проспекте, близ строительного училища, вдове титулярного советника Екатерине Михайловне Артемьевой или одной из ее дочерей и в получении от нее ответа[20].

Это подтвердили на допросах и Златопольские. Савелий уточнил, что записки Е. Проваторов должен был передать не Екатерине Артемьевой, а ее дочери Ольге, являвшейся слушательницей Бестужевских курсов[21]. Следом за ними задержали еще несколько человек, однако ни один из них (как и Артемьевы) не был тесно связан с партией «Народная воля». Не будем подробно останавливаться на их судьбах, отметим лишь, что партия в то время была по сути дела разгромлена, и на свободе действительно оставались лишь те, кто ей сочувствовал, но не принимал активного участия в ее работе.

Объяснения Е. Проваторова не были приняты во внимание, министры внутренних дел и юстиции, обсудив ситуацию, пришли к выводу, что его преступная деятельность «осложняется целым рядом сознательно допущенных им нарушений законов дисциплины и военной службы» и решили передать дело рассмотрению военно-окружного суда.

Подводя итоги, отметим, что слабым звеном в строгом тюремном режиме Санкт-Петербургской крепости оказывались рядовые и унтер-офицеры, причем не только гарнизона, но и жандармского управления. Несколько особняком стоит дело Н. Н. Богородского — здесь напрямую не был задействован никто из гарнизона, однако человек, живший в крепости, оказался одним из народовольцев.

[18] РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 416. Л. 23.

[19] РГИА. Ф. 1280. Оп. 1. Д. 622. Л. 4.

[20] РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 416. Л. 24–25.

[21] Там же. Л. 26–27.

Список литературы

Лурье Ф. М. Нечаев: созидатель разрушения. М., 2001.
Щеголев П. Е. Нечаев в равелине. 1873–1882 // Алексеевский равелин: секретная государственная тюрьма России в XIX веке. Л., 1990. Кн. 2. С. 128–304.
Якимова А. В. Группа «Свобода или смерть» // Каторга и ссылка. 1926. № 3. С. 14–20.

Nikolay Ravilyevich SLAVNITSKIY

Ph. D. in History (*kandidat istoricheskikh nauk*), Senior Research
Fellow of State Museum of History of St. Petersburg (St. Petersburg, Russia)

E-mail: slavnitski@bk.ru

From the daily life of the garrison of the St. Petersburg fortress: prisoners' attempts to establish relations with their comrades (1870s and 1880s)

The article examines the episodes of daily life of the garrison of the St. Petersburg fortress in connection with the fate of political prisoners who were held there. At the end of the 1870s and the beginning of the 1880s, soldiers and non-commissioned officers helped the Narodnaya Volya to establish contacts with prisoners, and in one case the son of the head of the prison helpes them.

Keywords: St. Petersburg Fortress, Narodnaya Volya, S. G. Nechaev.

References

Lurie F. M., *Nechaev: sozidatel' razrusheniya*, Moscow 2001.
Shchegolev P. E., *Nechaev v raveline. 1873–1882,* in: Alekseevskij ravelin: Sekretnaya gosudarstvennaya tyur'ma Rossii v XIX veke, book 2, Leningrad 1990, 128–304.
Yakimova A. V., *Gruppa Svoboda ili Smert',* in: Katorga i ssylka, 1926, #3, 14–20.

УДК 94 (47).08
ББК 63.3 (2) 5

Михаил Борисович БАШМАКОВ

соискатель (диссертант) Московского государственного
областного университета (Москва, Россия)

Электронная почта: mikhailbashmakov@mail.ru

МОСКОВСКАЯ ВОЕННО-ФЕЛЬДШЕРСКАЯ ШКОЛА (КОНЕЦ XIX — НАЧАЛО XX В.)

Статья посвящена истории Московской военно-фельдшерской школы как среднего специализированного образовательного учреждения Главного военно-медицинского управления Военного министерства Российской империи с момента ее создания до расформирования. Рассматривается история строительства комплекса зданий школы, анализируются учебный процесс, суточный распорядок учеников школы, компоненты программы обучения и воспитания, описывается хозяйственно-бытовое обеспечение и пищевое довольствие, а также материально-техническая база школы. Приводится статистика численности штатного преподавательского, учебно-воспитательного состава и обслуживающего персонала школы. Дается оценка деятельности школы.

Ключевые слова: Российская империя; Главное военно-медицинское управление Военного министерства; окружное военно-санитарное и интендантское управление; Москва; Лефортово; Красные казармы; школа; фельдшер.

Цель исследования — провести комплексное изучение рассматриваемой темы, которое сможет выявить исторические предпосылки создания и обстоятельства формирования Московской военно-фельдшерской школы с момента ее отделения от Московского генерального императора Петра I военного госпиталя (1871 г.) и до ее закрытия (1918 г.), проанализировать организацию ее учебно-воспитательного и образовательного процессов, уточнить социальный состав преподавателей, учащихся и хозяйственного персонала, рассмотреть основные и промежуточные этапы строительства основного здания, административных, технических и хозяйственных корпусов, а также введение в эксплуатацию сети инженерно-технического обеспечения — проведение электрификации и водной коммуникации. Описать планировку ее учебных кабинетов и специализированных помещений для организации питания и отдыха.

Источниками работы явились документы, ранее не вводившиеся в научный оборот, из фондов РГВИА, ЦХД до 1917 г., а также ЦАНТДМ

и ЦГАМО[1]. В этих архивах сохранились документы о Московской военно-фельдшерской школе как об учреждении, подчинявшемся Главному военно-медицинскому управлению Военного министерства Российской империи за период ее функционирования с 1871 по 1918 г., с момента, когда она стала территориально и экономически независимой от Московского генерального военного госпиталя, а именно: указы, предписания инспекторских осмотров состояния школы, циркуляры, инструкции, директивы и распоряжения, переписка по административно-техническим проблемам, журналы, протоколы заседаний и отчеты по организационно-финансовым и учебным вопросам, сведения о количестве учащихся, личные дела воспитанников, преподавательского состава и технического персонала и т. д. Следует отметить важность неопубликованного научного исследования Г. И. Науменко и А. А. Приходько, в котором был использован архивный материал, который очень помог при написании данной работы[2]. В качестве исследовательской литературы в работе использованы историко-краеведческие, военно-исторические, биографические и энциклопедические издания.

В соответствии с энциклопедическим толкованием, термин «фельдшер» происходит от немецких слов Feldscher, Feldscherer, первоначально — полевой цирюльник, хирург, от Feld — поле (боя) и Scherer — цирюльник. Так в средние века в Германии называли военного врача, который лечил раненых во время военных походов. На бывшей территории Российской империи с кон. XIX и до 20-х гг. XX вв. были открыты и функционировали восемь военно-фельдшерских школ[3], а именно: военно-морская фельдшерская школа в Кронштадте — Петербургская (1869–1894 гг.), Киевская (1898 г.), Иркутская (1879–1921 гг.), Тифлисская (1895–1919 гг.), Херсонская (1905–1922 гг.) и Московская (1871–1918 гг.).

[1] ЦАНТДМ. Ф. 1. Лефортовская часть, ед. хр. 1155–1156/915; ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 18.

[2] *Науменко Г. И., Приходько А. А.* Историко-архитектурные исследования домовладения. Объект: «Сторожка 1-го Московского кадетского корпуса, нач. XX в.». Адрес: Красноказарменная ул., д. 3–3А. Квартал № 1860. ЮВА ТУ «Лефортово», Москва, 2005.

[3] Во всех военно-фельдшерских школах каждый год единовременно обучалось около 1500 воспитанников, которые имели возможность получать специализированное, начальное военно-медицинское образование за счет государственных средств. Целью их деятельности была подготовка специалистов со средним медицинским образованием — ротных (эскадронных, батарейных) фельдшеров-вольноопределяющихся для военных госпиталей, лазаретов и войсковых частей Российской императорской армии и флота, которые после выпуска по своему статусу и общественному положению согласно «Табели о рангах» приравнивались к нестроевым нижним чинам старшего разряда.

Наряду с этими школами для подготовки военных фельдшеров к службе в казачьих войсках для юношей войсковых сословий были созданы две школы: Новочеркасская (1873–1919 гг.) на 75 человек, проходящих подготовку для Войска Донского[4], и Екатеринодарская (1879–1919 гг.) на такое же число для Кубанского и Терского войск. Впоследствии ввиду недостаточности вышеназванных военно-фельдшерских школ разрабатывался вопрос об открытии еще двух — в Оренбурге и Ташкенте.

В июле 1871 г. был издан именной указ, разрешавший назначать в фельдшерские ученики полевых и резервных частей войск солдат, окончивших шестимесячное строевое образование. Согласно этому положению, в 1871 г. в Москве была учреждена военно-фельдшерская школа. Вследствие этого было назначено новое частичное приспособление и реконструкция зданий двух Московских кадетских корпусов, которые были расквартированы в здании Екатерининских казарм. Два освободившихся каменных флигеля 1-го Московского императрицы Екатерины II кадетского корпуса были переданы под помещения вновь учрежденной Московской военно-фельдшерской школы. Это были двухтажные казармы музыкантов, ранее перестроенные из большой померанцевой оранжереи у Госпитальной площади, и 3-этажный жилой флигель по 1-му Краснокурсантскому проезду, д. 7[5]. Вместе с флигелями для новой школы, первоначально подчинявшейся Московскому военному госпиталю, отдали для пользования часть территории парка севернее Екатерининского дворца, вплоть до церковной земли храма св. первоверховных апостолов Петра и Павла и Госпитальной площади, что отражено на Генеральном плане общего расположения зданий Московского военного госпиталя 1867 г.[6]

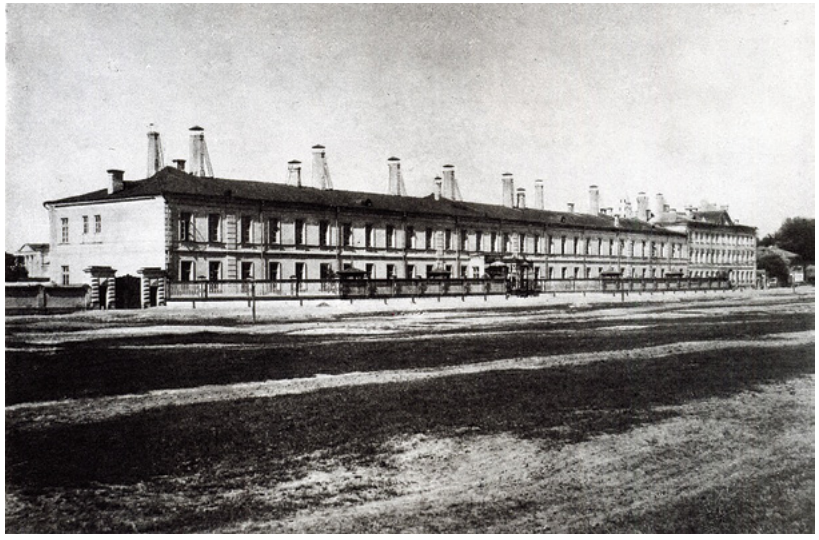
Оба флигеля, переданные школе, в 1865 г. реконструировали и адаптировали, разместив классы только на верхнем этаже 3-этажного флигеля, 1-й и 2-й этажи которого занимали служащие школы, так как основные занятия проходили в Военном госпитале. Ученики жили в 2-этажном флигеле. В особое владение первоначально школа не была выделена, сохраняя свою связь с кадетским садом (*илл. 1*)[7].

[4] ПСЗРИ. Собрание 1825–1881. Том 19, часть 1. СПб., 1844. С. 272.

[5] *Лалаев М. С.* Исторический очерк военно-учебных заведений. Т. 1–2, СПб., 1892 г. С. 130–131.

[6] РГВИА. Ф. 349. Оп. 19 (Генеральный план общего расположения зданий Московского военного госпиталя, 1867 г.). Д. 3109. Л. 1.

[7] Там же.



Илл. 1. Здание Московской военно-фельдшерской школы. Retro view of mankind's habitat <Электронный ресурс>. Режим доступа: https://pastvu.com/p/61897 <дата обращения: 23.10.2017 г.>

При создании Московской военно-фельдшерской школы в 1871 г. прорабатывался вопрос о покупке для нее владения у наследников купца А. Н. Матвеева с домом, построенным Д. И. Жилярди на углу Солдатской улицы и Госпитальной площади (Госпитальная пл., 2). Но от покупки отказались, и его в 1872 г. приобрела княгиня Н. Б. Шаховская[8].

В 1871 г. к 2-этажному каменному зданию пристроили 3-этажный флигель, который расположился вдоль красной линии Кадетской улицы (ныне 1-й Краснокурсантский проезд) с тем, чтобы в нем полностью разместить классы, рекреации и спальни учеников. Московская военно-фельдшерская школы была открыта для приема 27 октября 1871 г., тогда же началась подготовка первых учеников — воспитанников школы, а с 1874 г. они уже стали поступать в войска.

По предложению директора школы в феврале 1872 г. было решено устроить «забор с воротами от внутреннего левого угла 3-этажного

[8] *Науменко Г. И., Приходько А. А.* Указ. соч. С. 95.

здания, двор на 10 сажен внизу и под углом, потом параллельно с фасадом здания до соединения с церковным забором»[9]. Работы по перестройке существовавших зданий школы и возведению нового строения начались весной 1872 г. и были окончены к 1 августа 1873 г. «На время строительства школа размещалась в Лефортовском дворце»[10].

Вновь построенное по проекту военного инженера И. С. Козлова[11] здание с ярко выраженной горизонтальной композицией фасадов было чрезвычайно характерно для периода эклектики и визуально соединило Екатерининский дворец с церковью Св. Первоверховных Апостолов Петра и Павла и ее причтовым домом начала XIX в. В 1886–1889 гг. в здании школы была устроена домовая церковь[12].

На «Генеральном плане общего расположения зданий Московского военного госпиталя», составленном в 1882 г., помимо госпитальных зданий, западных кварталов Солдатской слободы, рек Яузы и Синички, зафиксированы границы земельного участка владения Московской военно-фельдшерской школы и два ее здания: директорский 2-этажный флигель и собственно школа, пристроенная к 3-этажному жилому корпусу[13].

В оценочной описи владения Московской военно-фельдшерской школы за № 1678 от 1900 г. указаны следующие строения: «По Кадетскому плацу двухэтажный корпус с нежилым подвалом и тремя ризалитами во двор, занятый церковью и школой; в связи с ним трехэтажный каменный корпус с выступом во двор; во дворе каменный двухэтажный дом с каменной одноэтажной пристройкой для се-

[9] РГВИА. Ф. 1631. Оп. 1. Д. 750 (1871 г.). Л. 5 и об., 16–18 об., л. 42, л. 67 и об.; Там же. Д. 751 (1871 г.). Л. 5 и об.

[10] РГВИА. Ф. 1631. Оп. 1. Д. 750 (1871 г.). Л. 42, 67 и об., 135.

[11] Родился в 1800 г., дворовый человек шталмейстера князя М. П. Голицына. В апреле 1820 г. отпущен на волю. Занимался приватно в архитектурной школе ЭКС. С 1817 г. по сентябрь 1820 г. — помощник у архитектора Д. И. Жилярди. В сентябре 1820 г. подал прошение об определении его в архитектурную школу ЭКС, приложив аттестаты, данные ему архитекторами И. Л. Мироновским, И. Т. Таманским и Д. И. Жилярди. В январе 1821 г. принят на службу в ЭКС архитекторским помощником 3-го класса с чином канцеляриста. В сентябре 1823 г. у архитектора О. И. Бове получил аттестат в том, что «в теории, прожектах, экзаменах и практике он имел отличные успехи». В апреле 1824 г. переведен в архитекторские помощники 2-го класса. В 1825 г. командирован в Петербург для занятия по архитектурной части в военных поселениях. В 1831 г. служил в Одессе городским архитектором.

[12] РГВИА. Ф. 1631. Оп. 1. Д. 765.

[13] РГВИА. Ф. 1631. Оп. 1. Д. 750. Л. 5 и об.

ней»[14]. В первом этаже, как и раньше, в двух комнатах располагалась канцелярия, остальные помещения были заняты квартирами служителей, воспитателей, начальника школы и инспектора.

В главном здании на верхнем этаже находились спальни воспитанников и околодок[15], который состоял из пяти комнат: небольшой амбулатории (она же и столовая), аптеки, ванной, комнаты служителя, а на другой стороне коридора находилось основное помещение околодка в 3 окна на 6 коек и изоляционная комната на 3 койки. В коридоре стояли шкафы для белья и посуды. В околодке не было собственной печи, а для поддержания оптимальной температуры для всего помещения околодка, столовой и запасного цейхгауза было устроено коридорное отопление[16], которое производилось с 1 октября по 1 мая. Таким образом средняя суточная температура воздуха в околодке составляла +14°С. Так как система отопления была централизованной, рассчитанной единовременно на три разных помещения по объему и по типу материалов, использованных при постройке, это вызывало существенные осложнения для здоровья больных, находящихся на лечении в околодке. Например, при установлении в сентябре сырой и холодной погоды, в помещении для больных температура и влажность воздуха не соответствовали требованиям, предъявляемым к воздушной среде стационарных помещений. Поэтому администрации школы рекомендовалось устроить в околодке для амбулаторных больных голландскую печь. Рядом с околодком размещался цейхгауз для одежды, обуви и постельных принадлежностей воспитанников, четыре карцера, аптека, читальная комната и умывальня. Из помещения воспитанников в коридор выходила дверь, которая отделяла эти помещения от квартир воспитателей и семейной прислуги, занимавшей частично второй и третий этажи. В нижнем этаже располагались церковь, классы, помещения фундаментальной и ротной библиотек для учебных пособий, учительская и инспекторская комнаты, столовый зал и рядом с последним кухня, кладовая, помещения для холостой прислуги и закройщика[17].

[14] ЦХД до 1917 г. Ф. 179. Оп. 62. Д. 3671. Л. 1.

[15] Околодок — врачебный пункт воинской части в русской армии XIX — начала XX вв.

[16] В дополнение к центральному отоплению имелись утермарковская и чугунные печи, топливом для которых служили смешанные дрова (большинство осиновые) или каменный угль, поставляемые поставщиком с торгов за умеренную плату.

[17] РГВИА. Ф. 1631. Оп. 1. Д. 785. Л. 7 об.

Рядом с территорией школы была построена баня, которая предназначалась только для воспитанников. Она состояла из двух отделений, одним из которых была парильня. Лавки и шатки были деревянные, окрашенные масляной краской. Рядом с баней в отдельном каменном бараке размещалась прачечная. Одну комнату при входе в прачечную занимал архив, в котором хранились книги, дела и отчетность. Забор холодной воды для бани производился непосредственно из городского водопровода. Котельная для бани и прачечной была общая.

Рядом с главным зданием школы были устроены два сквера, один с внешней, а другой внутренней стороны главного корпуса. Благодаря неформальному отношению и усердной работе технического персонала школы здесь были высажены плодовые деревья и кустарники, а по сторонам и внутри огородного пространства были устроены цветочные клумбы для однолетних растений. Другой сквер был устроен в глубине школьного двора. Он предназначался для культивации лекарственных растений, которые служили медицинским материалом для практических занятий по рецептуре.

На период становления и развития школы был обнаружен ряд существенных фактов по истории развития инженерно-технической и строительной коммуникаций района Лефортова, которые важны для понимания условий жизнедеятельности школы в нач. XX века. Главным образом, они имеют отношение к переходу от освещения здания керосином на использование для этих целей электричества. Это влекло за собой неоспоримые преимущества, как в экономическом плане, так и в повседневном использовании.

В рапорте заведующего хозяйством школы от 24 сентября 1915 г. за № 352 была изложена просьба «О скорейшем устройстве электрического освещения в здании школы и о постройке каменного флигеля для семейной и холостой прислуги»[18].

Вследствие того, что в 1915 г. «школа в Лефортове была единственным казенным учреждением, оставшимся без электричества, и поэтому постановили ходатайствовать в [Главное военно-медицинское управление] о проведении в школу электрического освещения в 1915 году»[19]. В результате ходатайства внимание комитета было обращено и на край-

[18] Там же. Д. 815. Л. 109.

[19] Там же. Л. 109 об.

нюю необходимость постройки флигеля для прислуги[20] и швальни[21], а освободившееся свободное помещение переделать в квартиры для воспитателей. Так как «настоящее помещение для прислуги и швальни крайне тесное — вся холостая прислуга помещается в комнате площадью 11,48 кв. сажень, а в зимнее время в эту комнату приходится включать до 22 человек»[22].

Семейный кандидат имел очень небольшие жилые помещения, которые, в свою очередь, были разгорожены легкими деревянными перегородками, не доходящими до потолка. Вследствие этого «во избежание же тесноты и скученности приходится помещать некоторую прислугу даже внутри главного здания на кухне и швейцарской, а затем при перестройке дымоходов и балок в 3-х этажном здании, в котором размещена вся прислуга и швальня, некуда будет выселить прислугу, так как флигель для прислуги и швальни необходимо построить раньше и не позднее 1915 года, о чем и постановлено ходатайствовать <…> Ко всему изложенному Комитет находит нужным доложить, что в школе не все служащие пользуются казенной квартирой — казенных квартир не имеют 2 учителя, священник и псаломщик в звании диакон»[23].

Первоочередная потребность заключалась еще в том, что у школы отсутствовал барак для летнего сезона на время проведения практических занятий и дальнейшего распределения и отправления на службу. Ситуация осложнялась еще тем, что в назначенный период времени, в соответствии с внутренним распоряжением директора был запланирован косметический ремонт зимних помещений школы[24].

В дополнение к теме о материально-пространственной среде жилой застройки и ландшафтной системы расселения, касающийся капитального ремонта, реконструкции объектов строительства, а также эксплуатации зданий и сооружений, расположенных в районе Лефортово, можно привести следующий факт. 16 июня 1904 г. над центральной частью Русской платформы прошел циклон, который, двигаясь с северо-восточного направления, разрушил большую часть жилых и административных строений. Была сорвана крыша с недавно отреставрированного Петровского дворца. Массивная металлическая узорная решетка на каменных столбах была вырвана и скручена, словно мягкий серпантин. Кадетский корпус не досчитался не только крыши, но и верхнего этажа. То же самое произошло и в Московском военном госпитале, и Московской военно-фельдшерской школе. Больше того, в школе вслед за крышей воронка смерча втянула в себя и все внутренние стены верхнего этажа вместе с мебелью и оборудованием. Больше всего пострадал директорский корпус школы: его крыша была снесена ураганом, повреждена стропильная система, выбиты оконные рамы и стекла. Дымовые трубы обвалились, из-за чего в здании случился сильный пожар, в результате чего часть межкабинетных перегородок сгорела. Массивная металлическая решетка, закрепленная на каменных столбах, была опрокинута. Громадный сад уничтожен, было вырвано 5 сосен, 2 березы, 16 лип, 9 кленов, 4 тополя, 120 кустарников, 145 акаций. Барак, где жили воспитанники, разрушен. «Хорошо, что там не было людей. А вот в бараке, где жили воспитанники Кадетского корпуса, началась паника. Кадеты, заслышав треск разрушения, выскакивали голы и босы. Но успели не все — один был убит, а с десяток ранены. Воспитанник Хвостенко вообще совершил “летание на воздусях”. Он был перенесен в сад на расстояние 80 метров, но упал на траву и потому отделался только ушибами» (*илл. 2*)[25].

Обратимся к организации административного и учебного процессов. Школа подчинялись главному военно-медицинскому инспектору через окружного военно-медицинского инспектора. В 1870 г. Военное министерство, с подачи Главного военно-медицинского управления, ввело правила для специального образования фельдшеров в войсках и военно-врачебных заведениях: «Для приготовления фельдшеров на пополнение штатного фельдшерского состава в военном ведомстве содержатся в нестроевом составе полков, крепостных и резервных ча-

---

[20] «На 20 мая 1913 г. списочный состав вольнонаемной прислуги Московской военно-фельдшерской школы состоял из одного вахтера, двух каптенармусов, одного паспортиста, старшего истопника, семи ротных служителей, одного швейцара, служителя при околотке, служителя при канцелярии, одного писаря, рассыльного, ламповщика, повара, кухонного надзирателя и служителя, судомойки, дворника и столяра, одного водокача и кучера водовоза» (РГВИА. Ф. 1631. Оп. 1. Д. 814. Л. 4).

[21] Швальня — устаревшее название швейной мастерской; обычно это была просторная светлая изба с окнами на четыре стороны. Все швецы работали сидя на скамьях обязательно лицом к окну.

[22] РГВИА. Ф. 1631. Оп. 1. Д. 815. Л. 109 об.

[23] Там же. Л. 110.

[24] На плановый ремонт зданий школы из Инженерного ведомства в год отпускалось в среднем ок. 1000 руб.

[25] *Наливкин Д. В.* Ураганы, бури и смерчи. Географические особенности и геологическая деятельность. Л., 1969. С. 285.

Илл. 2. Последствия урагана 16 июня 1904 г. в Москве. Здание Московской военно-фельдшерской школы. Retro view of mankind's habitat [Электронный ресурс]: URL: https://pastvu.com/p/5705 <дата обращения: 23.10.2017 г.>

стей войск фельдшерские ученики в определенном по штату каждой части числе»[26].

В документе даются уточняющие рекомендации и характеристики для выбора кандидата и обучения будущей профессии. Автор документа поясняет, что в фельдшерские ученики выбирались люди из строевого состава части, прослужившие от одного года до двух лет, грамотные и способные овладеть профессией, недурного поведения и не старше 25 лет и преимущественно из числа желающих посвятить себя этому делу. Существовало два способа для получения фельдшерской профессии. «Первые фельдшерские ученики были приписаны к определенной войсковой части, где согласно штата наличествовал лазарет или госпиталь, и они были обязаны именно там проходить теоретический и практический курс подготовки под назидательным наблюдением врачей. В случае отсутствия научной и врачебной базы или стационарного медицинского

[26] *Семенов А. К.* К вопросу об улучшении состава фармацевтических чинов военно-медицинского ведомства // Санитарное дело (Санкт-Петербург). 1889. 4 июня.

пункта они были обязаны поступать для обучения в ближайшие лазареты полевых или местных войск»[27].

В школу в основном поступали сыновья офицеров, классных и нижних чинов Военного ведомства в возрасте от 13 до 17 лет. Поступающие разделялись по правам на прием на 8 разрядов. В каждом разряде преимущественное право на поступление предоставлялось сыновьям чинов Военно-медицинского ведомства. На остающиеся вакансии принимались юноши остальных сословий. Обучение фельдшерских учеников продолжалось четыре года.

Штат Московской военно-фельдшерской школы состоял из 300 воспитанников-интернов, которые подразделялись на два возраста (младший и старший), четыре класса и восемь классных отделений, начальника школы[28], инспектора классов (доктор медицины)[29], заведующего хозяйством, эконома, бухгалтера-письмоводителя, двух старших и двух младших писарей, старшего фельдшера, 12 воспитателей и 3 учителей (гражданские чины Военного ведомства), священника и псаломщика в чине диакона.

При поступлении, как в школы прежнего устройства, так и в новые военно-фельдшерские школы необходимо было предъявить прошение о приеме, послужной список отца, свидетельство о рождении и о крещении; медицинское свидетельство о прививках «и о том, что малолетний не имеет никаких физических недостатков, препятствующих успешному выполнению фельдшерских обязанностей; увольнительное свидетельство от того общества, к которому был приписан»[30]. Все воспитанники

[27] Медицинский вестник (Санкт-Петербург). 1861–1885. № 25.

[28] Первым начальником школы был полковник И. А. Коломнин (1871–1878 гг.), вторым — полковник Н. Ф. Абдулов (4.12.1878–21.8.1894), третьим — полковник Н. И. Сергеевич (1894–1901 гг.). Начальник школы избирался из штаб-офицеров, обративших на себя внимание полезной педагогической службой. Ему были присвоены права полкового командира по дисциплинарной и военно-судебной частям. Он избирал всех чинов заведения, кроме инспектора классов, он же в случае настоятельной надобности отстранял временно от исполнения служебных обязанностей всех служащих в заведении без исключения, донося о том высшему начальству.

[29] Вторым лицом, заменяющим начальника школы во время болезни или временного отсутствия, был инспектор классов, который избирался из военных врачей, одновременно являясь врачом учебного заведения.

[30] Санкт-Петербургская военно-фельдшерская школа: Исторический очерк жизни школы за 25 лет ее существования (1869–1884 гг.). СПб., 1894.

находились на казенном иждивении[31]. Поступающие проходили медицинскую комиссию и сдавали экзамены, после чего «все те, которые окажутся вполне здоровыми и выдержат экзамен[32], будут разделены на разряды, соответственно сиротства и заслугами отцов их, и из них примут лишь столько, сколько есть свободных вакансий»[33].

Разряды эти перечислены в приказе военного министра Д. А. Милютина от 16 (28) мая 1869 г.: «1. Круглые сироты; 2. Сироты убитых на войне или умерших от ран, полученных в сражениях, а также и от увечья на службе в мирное время; 3. Сироты вообще; 4. Сыновья состоящих под покровительством Комитета о раненых; 5. Сыновья имеющих знак отличия Военного ордена; 6. Сыновья имеющих знак отличия ордена Св. Анны; 7. Сыновья унтер-офицеров; 8. Сыновья рядовых. В каждом разряде преимущественное право на поступление в школы предоставляется сыновьям нижних чинов Военно-медицинского ведомства».

Учебные программы и требования к поступающим со временем видоизменялись. К примеру, на экзамене по чистописанию для поступления в первый класс требовалось переписать с книги в присутствии преподавателей чистописания небольшую статью «по-крупному и по-мелкому четко, без клякс и помарок и грамматически правильно»[34].

На первоочередном этапе своего формирования Московская военно-фельдшерская школа приобрела статус военной прогимназии с достаточно широким кругом предметов, изучаемых на протяжении четырех лет. В среднем учебный курс состоял из 22 предметов.

Приведенная ниже таблица наглядно демонстрирует еженедельное распределение предметной и часовой нагрузки по всем курсам обучения[35].

№	предметы	Классы, количество часов в неделю				
		1	2	3	4	итого
1	Закон Божий	2	2	2	1	7
2	Русский язык	6	4	3	2	15
3	Арифметика	4	3			7
4	Геометрия		2			2
5	История (см. приложение 1)	4				4
6	География	4				4
7	Латинский язык	4	1			5
8	Зоология	1				1
9	Чистописание	4				4
10	Ботаника	1				1
11	Анатомия (остеология)		2	4	1	7
12	Физика		3			3
13	Химия (общая и фармацевтическая)		4			4
14	Фармакогнозия		2			2
15	Физиология		3			3
16	Уход за больными			2		2
17	Рецептура			2	2	4
18	Учение о повязках		4		1	5
19	Патология общая и частная			3		3
20	Гигиена				3	3
21	Хирургия				3	3
22	Фармакология			2		2
23	Дисциплинарный и служебный устав				2	2
24	Подаяние пособий				2	2
25	Массаж				1	1
	Итого:	30	30	18	18	96
26	Гимнастика[1]			2		
27	Ротные чтения			2		
28	Фронт			2		
	Практические уроки в госпитале и аптеке (см. приложение 3)			3		
	В продолжение года			12		

		4	3	итого
1	Хирургические болезни	49		49
2	Венерические	24	24	48
3	Систематические	25		25
4	Грудные	18	18	36
5	Брюшные	18	18	36
6	Головные		24	24
7	Массаж	18	18	36
8	Аптека	18	18	36
	Всего	118	138	326
	Теоретический урок преподается 50 минут Практический — 1 час 40 минут			

В 1893 г. при посещении школы медицинским инспектором полковником Абдуловым руководству школы было предложено повысить тре-

[31] В среднем каждый подготовленный фельдшер обходился Военному министерству Российской империи в 1100–1200 руб.

[32] Поступающие были обязаны читать, писать и считать (РГВИА. Ф. 1631. Оп. 1. Д. 751. Л. 9).

[33] *Абдулов Н. Ф.* Памятная книжка воспитанников Московской военно-фельдшерской школы. М., 1884. С. 18–19.

[34] РГВИА. Ф. 1631. Оп. 1. Д. 546. Л. 24.

[35] Там же. Л. 17.

[36] «Гимнастикой воспитанники занимались под руководством офицера-воспитателя 2-го Московского кадетского корпуса. Фронт проходили под руководством двух

бования учебных руководств по специальным медицинским предметам и приемной программе, а также пересмотреть общий план распределения предметов по классам и количество еженедельных уроков. Это предложение было высказано вследствие того, что за последние годы значительно повысился уровень знаний учеников, поступающих в Московскую военно-фельдшерскую школу из других учебных заведений. Важно отметить и то, что «в пересмотре программ и плана обучения воспитанников должны были принять участие все преподаватели школы, каждый по своей специальности и по сродным ей отдельным наукам»[37].

В соответствии со сделанным заключением инспектор направил ходатайство в Главное военно-медицинское управление «об учреждении конкурса на составление для военно-фельдшерских школ учебников по специальным предметам и назначении за это премии»[38].

В том же отчетном документе была написана рекомендация в адрес педагогов, «что дело преподавания состоит не в бесполезном задавании урока “от сих до сих”, но в преподавании осмысленного понимания воспитанниками заданного урока и толковых ответов на вопросы преподавателя»[39] Благодаря этому «воспитанники хотя еще и новички, но отвечали вполне удовлетворительно на заданные преподавателем вопросы <…> на уроке рецептуры в четвертом классе был вызван воспитанник для написания рецептов, каковые и были написаны грамотно и правильно»[40].

В положении о военно-фельдшерских школах говорится только о годичных испытаниях, но начальство школы проявило разумную инициативу и ввело в практику преподавания учебного курса репетиции. Во время поверки знаний заданного урока преподавателю предлагалось акцентировать особое внимание на пройденном материале за двухнедельный период времени и по возможности заниматься преимущественно со слабыми воспитанниками[41].

В воспоминаниях Анатолия Железнякова, воспитанника Московской военно-фельдшерской школы, содержатся интересные факты, дополняющие информацию по содержанию учебной программы и образовательного процесса. Мы узнаем, что предстояло изучать будущим фельдшерам и какие организационные требования предъявлялись к преподавателям и ученикам школы: «Начиная с 1-го курса: хирургия, фармакология, полицейская медицина, в курсе школы она называется еще и полицейской гигиеной»[42].

Относительно общих правил поведения на классных занятиях в помещениях школы воспитуемым давались нравоучительные инструкции. «Воспитанники входят в класс и в ожидании преподавателя занимают назначенные места, поменять которые могут только по требованию воспитателя или преподавателя»[43]. При входе учителя в класс воспитанники обязаны были вставать и ожидать разрешения от учителя им сесть. В это время дежурный воспитанник рапортовал и докладывал преподавателю о состоянии класса о наличии или причине отсутствии воспитанников. Перед началом первого и по окончании последнего уроков дежурный воспитанник читал молитву. Выходить из классов во время урока строго воспрещалось, за исключением особенных случаев (болезни и т. п.), и то только с дозволения преподавателя. «Каждый воспитанник обязан держать в порядке и надлежащей исправности все выданные ему учебные пособия и принадлежности, а в классе должно было сидеть прямо, быть внимательным, отнюдь не заниматься посторонним делом»[44].

Будущих фельдшеров, как и воспитанников всех военно-учебных заведениях императосркой России, воспитывали в духе преданности самодержавию. «Новички сразу попадали под строгое и неослабное наблюдение взводного фельдфебеля и ротного командира. На уроках словесности учащихся начиняли сведениями из уставов гарнизонной и караульной служб, учили отдавать честь. Приходилось вызубривать такие премудрости: к кому обращаться «ваше благородие», к кому «ваше высокоблагородие», к кому «ваше превосходительство» <…> Требовалось без запинки называть имена и отчества царя, царицы, их многочисленных дочерей, наследника»[45].

учителей-офицеров. Кроме того, для этой же цели по распоряжению командующего войсками [Московского военного округа] три раза в неделю по 10 ч. и до 2¼ ч. командируется офицер из Астраханского полка» (РГВИА. Ф. 1631. Оп. 1. Д. 816. Л. 5).

37 РГВИА. Ф. 1631. Оп. 1. Д. 546. Л. 5.

38 Там же.

39 Там же. Д. 785. Л. 9 об.

40 Там же.

41 Там же. Д. 751. Л. 10.

42 *Амурский И. Е.* Матрос Железняков // Военная литература <Электронный ресурс>. Режим доступа: http://militera.lib.ru/bio/amurski/index.html <дата обращения: 23.10.2017 г.>.

43 *Абдулов Н. Ф.* Указ. соч. С. 70.

44 Там же.

45 *Амурский И. Е.* Указ. соч.

В соответствии с военным законодательством и дисциплинарным уставом Российской империи на 1913 г. и внутренними правилами учреждения данного типа, относительно классных товарищей и школьной прислуги имелись четко прописанные правила поведения. «К прислуге должно относиться благодушно. Воспитанник не может относиться к служителю с приказанием или требовать от нее выполнения какой-либо работы»[46].

В случае каких-либо обид или недоразумений между воспитанниками потерпевшие должны обращаться к содействию воспитателей, самоуправство же наказывалось строгим наказанием. Удары по лицу и вообще злоупотребление силой против новичков запрещались. Воспитанники с первого года в школе приучались отличать дружеские отношения от служебных (по отношению к дежурным, по возрасту, по отделению, по лазарету, «старшему» в возрасте или звании). В случае предосудительного, неодобрительного поведения кого-либо из воспитанников другие воспитанники были обязаны употребить все свое доброе товарищеское влияние для удержания товарища от такого поведения. «Воспитанники должны оказывать друг другу взаимное уважение и сохранять дружелюбные и доброжелательные отношения, избегая всяких ссор, пререканий, кличек, бранных слов, толчков, доносов и клеветы друга на друга, всего того, что влечет за собою разлад в мирной школьной семье»[47].

Категорически запрещалось принимать участие в азартных играх на деньги, продавать либо менять какие-либо вещи. В школе имелось четыре карцера, которые, не были оснащены койками вследствие того, что на ночь воспитанники арестовывались только в исключительных случаях. Предпочтение отдавалось выговору либо частичному лишению пищи, чем взятием под стражу[48].

Выше было сказано, что в здании школы была домовая церковь в честь св. Великомученика и Победоносца Георгия, которую устроили в зале младшего возраста и освятили в 1883 г., но окончательно устроена в 1886–1889 гг. Освящал ее андреевский кавалер — митрополит Киевский и Галицкий Иоанникий (Руднев). Первым настоятелем ее стал священник Алексей Васильевич Любимов[49], а вторым священником назначили И. Д. Можарова, который вплоть до расформирования школы 1918 г. исполнял в обязанности настоятеля и духовника.

В Российской империи религиозные основы воспитания и обучения по предмету Закону Божьему в повседневном и учебном процессе считались морально-нравственным фундаментом в деле формирования и становления личности молодого человека, и в этом важном и основополагающем деле Московская военно-фельдшерская школа не была исключением[50].

Архивные документы позволяют частично описать церковное обустройство и эпизоды богослужебной жизни школьного прихода. Программа по Закону Божьему для поступающих юношей и учащихся воспитанников школы наглядно показывает, насколько была важна историческая перспектива изучаемой дисциплины для формирования будущего профессионального мастерства. Существовала практика совместного посещения воспитанниками богослужений в выходные, праздничные дни и по особым случаям. Были прописаны специальные условия присутствия в церкви во время службы как для воспитанников, так и для офицеров-преподавателей. Входя в церковь строем, воспитанники не должны были стучать или шаркать ногами независимо от того, началась или не началась служба. В церкви они были обязаны стоять прилично, не расставлять ноги, не складывать руки на груди, не спускать их в карманы, не закидывать назад. Не дозволялось разговаривать между собой, а на старших, дежурных по возрасту и отделениям возлагалась обязанность наблюдать, чтобы прочие воспитанники держали себя благопристойно; все эти воспитанники становятся на наружных флангах. «Вообще всякий должен стараться содействовать, насколько возможно благоговению богослужения в назначенном для посещения храме и строго выполнять требования религии и церкви, а также благочестивых обычаев»[51].

Воспитанники становились активными участниками церковных служб, они привлекались в качестве певчих, пономарей или псаломщиков. В школьной церкви пел хор из числа воспитанников под управлением наемного регента — отставного артиста Большого театра. При непосредственном деятельном участии руководства школы и усердном отношении церковного старосты церковь была отремонтирована и украшена.

---

[46] *Абдулов Н. Ф.* Указ. соч. С. 23.

[47] Там же. С. 20–21.

[48] РГВИА. Ф. 1631. Оп. 1. Д. 785. Л. 7.

[49] До 1885 г. воспитанники школы ходили в ближайшую приходскую церковь Св. Первоверховных Апостолов Петра и Павла (РГВИА. Ф. 1631. Оп. 1. Д. 814. Л. 2).

[50] На первоначальном этапе формирования учебного компонента и преподавательского персонала школьным законоучителем был священник Невский.

[51] *Абдулов Н. Ф.* Указ. соч. С. 66–67.

Штатный персонал школы принимал активное и практическое участие в деле воспитания учащихся, устраивая на личные средства массовые выездные мероприятия — поездки в театр, посещение панорамы, а также устраивал концерты[52].

Программа учебы включала в себя дополнительные занятия по сводному хоровому пению для слаженного исполнения строевых песен (при маршевом передвижении строем) и русских народных песен для выступления на публике (для юбилейных торжеств и высокопоставленных парадов). В памятной книжке воспитанников школы давались не только нравственные, но и организационные указания относительно хорового пения. «Пение увеличивает неутомимость, веселье, силу легких, крепость голосовых органов, оно действует как кровоочистительное средство, а потому особенно полезно детям золотушным и вообще худосочным людям. Кто много поет, тот делается добродушнее, менее капризным <…> всякий участвующий в хоре певчих обязан аккуратно посещать певческий класс, а также, бережно относиться к нотам и церковным книгам и вообще, всем следует руководствоваться общими правилами, поставленными для сбережения казенного имущества». В памятной книжке приводились основополагающие истины, такие как, «спокон века песня — спутник русского человека как в труде, так и в отдыхе. Военная же песня согревает любовью к царю, неувядаемой славе родного воинства, окрыляет дух русский, пробуждает светлое и бодрое настроение. Военная песня, напоминая славное прошлое, представляет собою как бы страницы военной истории, она переносит к славным дням великих побед, чудесных походов, храбрых витязей-предводителей, дивных воинов — красу государства, она воспламеняет любовь»[53].

Из отчетной документации ежегодных смотров учебного процесса видно, что воспитанники преуспевали не только в пении, но также в игре на духовых и струнных инструментах — трубах и балалайках. Инспектирующие лица подчеркивали, что воспитанники играли вполне удовлетворительно несмотря на короткое время обучения. Для развития творческих способностей учащихся в школе была введена практика постановки театральных сцен и представлений по литературным памятникам античной и средневековой истории Западной Европы и Российского государства. Например, в воспоминаниях одного из учеников школы говорится, что «на нашей сцене предложено разыграть пьесу «Русский человек добро помнит»; в антрактах будут предоставлены «басни в лицах», сверх того хор певчих исполнит островки из оперы «Жизнь за царя»»[54].

В отношении столового помещения и повседневного рациона имеется ряд описательных документов, характеризующих условия жизни воспитанников школы с положительной стороны. Столовая состояла из двух больших и светлых помещений. В одном помещении располагался зал со столами и лавками, в другом были поставлены еще и гимнастические приборы. К ним примыкали отдельные комнаты для резки хлеба, буфетной, кухни и судомойни, в которой имелся водопровод, куда вода поступала из водонапорного бака. Здесь же были дополнительно установлены отдельные чаны с водой и другими приспособлениями для мытья посуды. Рядом с входом в столовую были устроены вешалки для форменной одежды.

В отчетно-докладной записке директора школы И. А. Коломнина на имя начальника главного окружного военно-медицинского управления приводятся средние показатели состава и количества продуктов питания на одного воспитанника, например, «утром кружка чая по 1/10 золотника на каждого человека, и сахарному песку по 3 золотника, с черным хлебом по ½ фунта на человека, а в праздники такое же количество чая и сахара с заменой на черный хлеб из первого сорта по 36 золотников каждому»[55].

В течение учебного года утром на завтрак давали пироги с мясным фаршем из мяса, вынутого из супа, а в каникулярное время по одной кружке цельного молока с черным хлебом в количестве ½ фунта. В канун праздников воспитанникам разрешалось покидать школу, а перед отпуском всем выдавали по куску хлеба весом в половину фунта. На обед первое блюдо чередовалось: попеременно борщ либо щи из свежей или квашеной капусты и суп картофельный или из крупы, с мясом по ¾ фунта на каждого воспитанника. На второе блюдо подавалось мясо с соусом. Однако в праздничные дни на второе блюдо приготовлялись мясные в ¼ фунта котлеты, а в суп клали по ½ фунта мяса. «В Великий пост каждонедельно по средам и пятницам, а также всю первую и последнюю неделю поста, в каникулы праздников Богоявления и Рождества Христова и в Воздвижение Животворящего Креста в школе готовилась постная пища»[56]. Однако пища для больных и слабосильных воспитанников по назначению врача школы улучшалась сообразно их болезням

[52] РГВИА. Ф. 1631. Оп. 1. Д. 785. Л. 8 об.

[53] *Абдулов Н. Ф.* Указ. соч. С. 24–25.

[54] Там же. С. 20.

[55] РГВИА. Ф. 1631. Оп. 1. Д. 378. Л. 170.

[56] Там же. Л. 171.

и финансовым возможностям школы. Кроме того, больным находящимся на лечении в Московском военном госпитале, дополнительно отпускался чай и сахар.

В организационных наставлениях имеются четкие указания относительно поведения воспитанников и их приема пищи при пребывании в столовой. Так, например, «в столовой воспитанники поют молитву, садясь за стол и вставая после принятия пищи по команде воспитателя по установленному сигналу», а также «до сигнала “садиться” никто не трогает ни хлеба, ни кваса, ни приборов»[57]. В столовой запрещалось громкого разговаривать, оставлять место без особого разрешения, нарушать тишину, а для заявления какой-либо претензии или просьбы воспитанник обязан был тихо встать и поднять слегка правую руку, ожидая приближения воспитателя. За обедом все завешивали грудь салфеткой, при этом осторожно передавали тарелки с кружками, аккуратно сливали остатки и собирали крошки в специальные тарелки.

В источниках встречаются критические высказывания по поводу учебно-воспитательного и образовательного процессов в школе. Например, командующий войсками Киевского военного округа генерал-от-инфантерии Ф. Ф. Радецкий во всеподданнейшем отчете за 1897 г. заявил о необходимости изменить жизненную обстановку воспитанников военно-фельдшерских школ, которая далеко не соответствует их дальнейшему положению: «Воспитанников содержат в школах как кадет, предоставляя прислугу, мягкую постель, улучшенный стол, почему за время пребывания в школе они отвыкают от физического труда, приобретают нерасположение к черной работе и привыкают к франтовству и удобной обстановке; между тем по выпуске из школы на службу фельдшерами они попадают в казарму на трехрублевое жалование и должны не только делать все сами для себя, но по своему назначению как фельдшера нередко выполнять черную работу для других»[58].

Мнение о необходимости упростить воспитание и обучение учеников военно-фельдшерских школ было высказано небезосновательно в связи с тем того, что большинство воспитанников до поступления в школу жили в скромной обстановке, а в будущем, особенно в военной обстановке, им предстояло испытывать немалые тяготы и лишения. Вследствие этого 15 марта 1891 г. Главным военно-медицинским управлением были высочайше утверждены «Положения Военного совета для обучения воспитанников названных школ фронту для службы в военном ведомстве». В этих положениях были выработаны новые условия, «которые должны были их воспитывать в духе воинской дисциплины и строевых порядков, обучать их фронту, насколько это требуется от нестроевых нижних чинов в войсках», а также включали в себя требования содержания воспитанников военно-фельдшерских школ[59].

Главное Военно-медицинское управление акцентировало свое внимание на том, «что по выслуге обязательного срока за образование они [фельдшера] стремятся оставить военно-медицинскую службу и перейти на классные должности по Военному министерству или же уходят вовсе в другие ведомства. Это последнее обстоятельство способствует нарастанию постоянного некомплекта фельдшеров в Военном ведомстве, которое затрачивает значительные суммы на подготовку фельдшеров в военно-фельдшерских школах, а вместе с тем теряет их как фельдшеров по выслуге ими обязательных сроков как в мирное время, так особенно на военное время. Ибо они, во-первых, в случае оставления службы по другим ведомствам перечисляются в запас чиновников Главного штаба, артиллерийского или инженерного ведомства, а, сверх того, исполняя нефельдшерские обязанности, забывают фельдшерское дело»[60].

В этом же документе выявляется причинно-следственная связь между теоретическими занятиями и практическими навыками воспитанников военно-фельдшерских школ. Здесь небезосновательно подчеркивается, что будучи деятельными участниками и неформально являясь составной частью низшего медицинского персонала Московского военного госпиталя, воспитанники уделяют мало времени уходу за больными. «Практическая подготовка выпускаемых неудовлетворительна, и военно-медицинский учебный комитет признал необходимым изменить саму систему практических занятий означенных воспитанников с тем, чтобы последний год обучения их был посвящен исключительно практическим занятиям, для чего воспитанников 3-го класса по выдержании экзаменов по всем теоретическим предметам распределять по госпиталям и лазаретам»[61].

Рассматривая тему преподавания в школе, следует упомянуть о некоторых негативных обстоятельствах, которые нарушали систему образовательного и воспитательного процессов. Сюда относится продолжи-

[57] *Абдулов Н. Ф.* Указ. соч. С. 43.

[58] РГВИА. Ф. 1631. Оп. 1. Д. 546. Л. 105.

[59] Там же.

[60] Там же.

[61] Там же.

тельные заболевания преподавателей и их частые отлучки из Москвы. Так, например, «в начале текущего учебного года преподаватель русского языка во 2-м отделении 2-го класса Филиппов долго находился (около 2-х месяцев) в госпитале на лечении: это отразилось на успехах учеников в русском языке, которые отразились на экзамене, ученики были слабее чем в двух других параллельных отделениях того же класса»[62]. Аналогичные затруднения встречались в преподавании других дисциплин.

В 1900 г. инспектирующим чиновником в адрес учебно-вспомогательного и материального обеспечения было отмечено, что в школе имелась преподавательская фундаментальная библиотека[63], которая размещалась в отдельной светлой комнате, а также ученическая или ротная библиотека для воспитанников, с учебными пособиями[64] по медицинским предметам и естествознанию[65]. Здесь же имелся склад письменных принадлежностей, столярных и переплетных инструментов, игры для воспитанников и принадлежности для занятия гимнастикой, а также музыкальные инструменты: медные, деревянные или струнные.

В рапорте об инспекторском смотре военно-санитарного инспектора действительного статского советника Миртова, посетившего школу в феврале 1914 г., имеются сведения о школьной библиотеке: «Ротная библиотека размещается в нижнем этаже в большой комнате. Книги лежат в 13 фундаментальных дубовых шкафах отличной работы, большинство из них русские классики. Книги ежегодно пополняются и обновляются. Каталог ведется правильно. Здесь же имеются и еще несколько застекленных дубовых шкафов с отличными анатомическими препаратами, физическими приборами по оптике, динамике, гидростатике, по электричеству, с хирургическими инструментами, аппаратами для гигиенических исследований по зоологии, ботанике и пр., все это содержится в отличном порядке»[66].

В школе имелась отдельная комната с различными приборами, дистилляторами, выпаривателями, холодильниками и пр. необходимых для занятий рецептурой и т. п. В целом школа снабжена необходимыми учебными пособиями и была укомплектована соответствующей материальной базой для занятий. Технические помещения (кладовые, цейхгаузы, прачечные и коридоры) даже при надлежащем и взыскательном осмотре были «обнаружены в весьма удовлетворительном состоянии». При школе имелась противопожарная машина, рукава, лестница и необходимый шанцевый инструмент. Однако в школе не было достаточного объема многофункциональных классных кабинетов и специализированных технических комнат для профильного обучения, где воспитанники имели бы возможность практиковаться в игре на музыкальных инструментах или физической подготовке.

Инвентарная документация велась с должной ответственностью, форменная одежда (обмундирование, сапоги, суконная одежда и нательное белье) содержалась в соответствии с требованиями, что способствовало длительному сохранению вещей и увеличению срока их службы. Для воспитанников были установлены следующие формы одежды: «Городская суконная рубаха, шаровары, летняя или зимняя шапка, кожаный пояс с бляхой, серое пальто с башлыком или без, домашняя суконная или гимнастическая рубаха, шаровары по времени года, а также суконные рукавицы, шапка, пояс при рубахах». При морозе свыше 5 градусов надевались наушники[67]. При смотрах «одежда на воспитанниках так называемая домашняя была чистая, опрятная и нерваная, рубашки, подштанники и портянки найдены также чистыми, ногти на ногах обрезаны, грязных ног замечено не было, сапоги также исправны». Из этого следует, что начальник школы заботился об аккуратном содержании воспитанников.

К самим воспитанникам предъявлялись определенные требования в отношении сохранности казенного имущества: «Все платье и белье, учебные пособия и книги, мебель и игрушки, рабочие инструменты и материалы, деревья и кустарники и т.п. казенные вещи должны быть сберегаемы в целости и сохранности, а утрата и порча казенных вещей

---

62 Там же. Д. 378. Л. 176.

63 «Среди большого количества книг справочного и литературного содержания (например, энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона) в учительской библиотеке имелись и труды по всем основным отраслям преподавания. Также выписывались повременные издания — главнейшие журналы и газеты. Всего на учебные пособия, бумагу, перья и чернила в год из казны отпускалось 1500 р.» (РГВИА. Ф. 1631. Оп. 1. Д. 816. Л. 5).

64 Особое внимание уделялось аналитическому препарату разреза височной части.

65 В соответствии закупочным планом комплектования школьной библиотеки, а также вследствие усредненного распределения учебных материалов, выходило так, что на двух воспитанников одного класса выдавалась одна книга по изучаемой дисциплине (большинство учебников были казенные и выдавались во временное пользование на весь срок обучения из ротной библиотеки, но были и лично приобретенные).

66 РГВИА. Ф. 1631. Оп. 1. Д. 816. Л. 2.

67 *Абдулов Н. Ф.* Указ. соч. С. 91.

подвергает виновного взысканию»[68]. В течение дня воспитанники были обязаны выглядеть опрятно одетыми, при галстуках и подтяжках, с застегнутыми пуговицами и крючками. Курение табака в помещениях школы и во дворе не допускалось[69].

При возникновении опасных или заразных заболеваний в школе предпринимались серьезные меры по недопущению их распространения. Так, в телефонограмме из Московского военного госпиталя на имя начальника школы содержится опись казенных вещей (4 одеяла, 8 простыни, 4 наволочки, 4 мешки постельные, 2 суконные блузы, 1 гимнастерка, 1 рубашка, 2 утиральника и 2 портянки), которые были прописаны в регламенте и нормативных документах на время препровождения казенного имущества воспитанника для проведения дезинфекции. Этот документ наглядно демонстрирует то, как были четко выработаны уставные меры, вводимые в учреждении в случае опасности возникновения эпидемии. Например, «18 февраля 1912 года у прибывшего в госпиталь 13 февраля воспитанника Виктора Гюльцгоф оказалась скарлатина. Необходимо принять соответствующие меры дезинфекции»[70]. Аналогичные меры медицинской и санитарной безопасности относились к школьной прислуге. Так, в докладной записке, поданной от инспектора классов на имя директора школы прописано следующие: «Ввиду вашего личного доклада о заболевании детей повара скарлатиной предписываю вам сделать распоряжение, чтобы сегодня была произведена дезинфекция всего помещения семейных служителей, кроме того, принять и другие меры к прекращению заболевания и распространения заразы. Сегодня же к шести часам вечера холостая прислуга будет переведена в баню, а семейная прислуга в помещение холостой прислуги, причем вещи семейной прислуги приказано оставить в своих комнатах» для дезинфекции[71].

Для внутреннего пользования и ежемесячной отчетности в Главное военно-медицинское управление велась санитарная ведомость, в которой прописывались все статистические и фактические данные по среднесписочному личному составу школы, количеству заболевших офицеров-преподавателей и воспитанников, а также краткие сведениям о болезнях.

При поступлении каждый ученик проходил обязательное медицинское освидетельствование, но не всегда этим меры могли «отличить в поступающих мальчиках какую либо скрытую наследственную болезнь, которая обнаруживается только впоследствии, но такие исключения очень редки и можно сказать с уверенностью, что школа сама по себе не вызывала ни одного мальчика какой бы то ни было хронической болезни в течение описываемого года»[72].

Заботясь о здоровье воспитанников, администрация выдавала им только хорошую обувь, соблюдала строгий и неизменный порядок уличных прогулок и гимнастических занятий. Таким образом, «кроме благотворного влияния прекрасно вентилируемого здания <…> все условия жизни в школе были направлены, на то, чтобы предохранять от заболевания, развивать до возможной степени их физические силы»[73]. Строго соблюдались нормы гигиены: «При ежедневном умывании утром <воспитанникам> следует водою обтирать шею, уши, грудь, полоскать рот и чистить непременно зубы. Руки следует мыть несколько раз в день. Ногти на руках должны содержать в опрятности. В бане следует тщательно вымыть голову и все тело. После бани остерегаться простуды, избегать холодного питья, сквозного ветра и всего, что способствует охлаждению тела. При сильной испарине не следует рано снимать верхнего платья и сапог, а необходимо предварительно немного остыть. Не должно умываться после продолжительной ходьбы, в разгоряченном состоянии, в особенности в летнее время, для избегания глазных и других болезней. Спать в подштанниках и закрывать голову одеялом и простыней запрещается. Не следует скрывать никаких болезней, в особенности прилипчивых. Следует быть умеренным в количестве пищи, остерегаться несвежих колбас, ветчины, прогорклого масла, незрелых ягод и фруктов. После принятия пищи при обремененном желудке не употреблять холодного питья. Воды из лужи, болот и канав пить не следует из опасения весьма вредных последствий для здоровья организма»[74].

Учебный год начинался 16 (28) августа и заканчивался экзаменами 5 (17) июня. Выпускные экзамены для фельдшерских учеников проводились в полевых условиях во время лагерных или других сборов комиссиями из младших врачей под председательством старших врачей и в присутствии командиров частей; в местных лазаретах — комиссиями из младших ординаторов под председательством старших врачей;

---

68 Там же. С. 43.

69 Там же. С. 45.

70 РГВИА. Ф. 1631. Оп. 1. Д. 700. Л. 32.

71 Там же. Л. 45.

72 Там же. Д. 378. Л. 172.

73 Там же.

74 *Абдулов Н. Ф.* Указ. соч. С. 38–39.

в госпиталях — комиссиями из ординаторов под председательством главных врачей.

Во время учебы воспитанники, «исходя из их поведения и успехов в науках», имели право воспользоваться неоднократным увольнением из школы для возможности навестить своих родителей или родственников. Для этого со стороны родителей предварительно поступало письменное заявление на имя начальника школы о желании взять сына в отпуск или разрешить ему посетить родственников. Отпуска для воспитанников были двух типов — городские или загородные. «В городской отпуск воспитанники увольняют с билетом из картона, на котором означается: № воспитанника по порядку, название школы, возраст, класс и фамилия воспитанника. На билете находится подпись отдельного воспитателя и печать школы. Билет выдается на целый год и хранится в учебное время в конторке в дежурной комнате»[75]. Срок увольнения в отпуск назначался только до 5 часов вечера, и воспитанники были обязаны являться из отпуска в назначенный срок. Для прогулок по городу увольнялись только старшие, которые заслужили особое к себе доверие. Оправляясь в отпуск, воспитанники надевали отпускную форму.

Окончившие полный курс обучения выпускались на службу младшими медицинскими и аптечными фельдшерами в унтер-офицерском звании. Учеба засчитывалась им в положенные сроки выслуги для производства в первый классный чин и для получения всех прав и преимуществ, присвоенных по службе в нижнем звании. А местом службы для них определялись военные госпитали, лазареты при полках и учебные заведения Военного ведомства. Должностной оклад по сравнению с предыдущими штатами был повышен, а срок для получения первого классного чина — коллежского регистратора — вдвое снижен. Все это значительно способствовало желанию учиться.

В учебнике воинских уставов для выпускных классов военно-фельдшерских школ подполковника Возницына говорилось, что «воспитанники, выпускаемые из военно-фельдшерских школ, распределяются на службу по указанию Главного медицинского управления окружным военно-медицинским инспектором, которым и утверждаются в фельдшерском звании»[76]. После сдачи выпускных экзаменов и при выпуске

[75] Там же. С. 82.

[76] Московская военно-фельдшерская школа — «Учебник воинских уставов выпускных классов военно-фельдшерских школ с приложением статьи о фельдшерах, вольноопределяющихся и кандидатах на классную должность» составил офицер-воспитатель

из школы воспитанников обмундировывали в соответствии с установленными правилами ношения форменной одежды для учреждений данного типа. Фельдшерам-вольноопределяющимся было присвоено наружное отличие, состоящее из трехцветного шнура вокруг плечевых погонов мундира и шинели.

Местом службы для них определялись военные госпитали, лазареты при полках и учебные заведения Военного министерства. «Отправляемые на службу фельдшера получают на все время следования в пути кормовые деньги по 25 копеек в сутки», а также «карманный набор хирургических инструментов в полную собственность. <…> Отправляемые на службу фельдшера при следовании их к месту служения по железным дорогам или водяным путем получают предложения для перевозки за казенный счет; если же следуют по направлениям, где не существует ни железных дорог, не водяных сообщений, то удовлетворяются прогонными деньгами»[77].

За полученное в школе образование воспитанники обязаны были «прослужить в звании фельдшера за каждый год обучения в школе по полтора года, причем время это им заслуживается в положенные сроки выслуги для производства в первый классный чин, а равно и для получения всех присвоенных по службе в нижнем звании прав преимуществ»[78].

Относительно внутренней службы и внутреннего порядка фельдшера и вольноопределяющиеся подчинялись: 1) надзирателю больных, который исполнял в команде фельдшеров обязанности взводного; 2) фельдфебелю нестроевой роты, который пользуется властью фельдфебеля по отношению ко всем фельдшерам, кроме кандидатов на классную должность. 3) командиру нестроевой роты (заведующему нестроевой команды) на правах ротного командира; 4) заведующему хозяйством (в кавалерии — помощнику командира полка), который пользовался по отношению к фельдшерам правами батальонного командира; 5) командиру части и т.п. Характерной особенностью субординационных форм обращения, т. е. — по уставу офицеров-преподавателей, воспитателей либо вольноопределяющимся к воспитанникам школы, в отличие от кадетских корпусов или военно-юнкерских училищ, было использование обращения не «вы», а «ты».

2-го московского кадетского корпуса полковник Возницын. Преподаватель воинских уставов московской военно-фельдшерской школы. СПб., 1909. С. 116.

[77] Там же.

[78] Там же. С. 120.

Фельдшера-вольноопределяющиеся, окончившие полный курс военно-фельдшерских школ, выпускались на службу младшим медицинскими или аптечными фельдшерами в унтер-офицерском звании, а также пользовались на службе правами вольноопределяющихся 2-го разряда и считались нестроевыми старшего разряда независимо от существующих подразделений по окладам. Нарушившие воинский закон не могли быть лишены своего звания в дисциплинарном порядке, а только лишь по приговору военно-окружного или полкового и равного ему суда. Однако дисциплинарные взыскания накладывались на фельдшеров-вольноопределяющихся те же самые, что и на остальных нестроевых нижних и чинов старшего разряда (унтер-офицеров). Смещение на младшие ступени и понижение денежного оклада, равно как и повышение из младших медицинских или аптечных фельдшеров в старшие было возложено на окружного военно-медицинского инспектора по предоставлению ближайшего военно-медицинского начальства.

Выпускники Московской военно-фельдшерской школы, которые получали бесплатное государственное начальное военно-медицинское образование, в будущем имели определенное и достойное положение. Среди выпускников школы были выходцы из различных социальных слоев. Это были люди, воспитанные в русле одной национальной культуры и идеологии, однако впоследствии лишь немногие остались верны своей профессии и сформированной воспитанием в школе жизненной позиции[79].

Представляется возможным заключить исследование словами из рапорта инспекторского осмотра действительным тайным советником Якубовым, поданным на имя начальника окружного Военно-медицинского управления: «Школа, за исключением всех недочетов, которые не зависят от администрации, в общем представляет собою вполне благоустроенное и, можно даже сказать, прекрасное и по наружному виду, и по внутреннему устройству заведение. Нельзя не видеть в этом отеческой заботливости и должного попечения начальника школы и его помощников, трудящихся в правильном направлении и стремящихся к одной общей цели — доставить всевозможные средства для физического и умственного развития воспитанников и религиозно-нравственного на них воздействия»[80].

[79] Например, Виктор Алексеевич Кузнецов, закончивший школу в 1915 г. и участвовавший в Первой мировой войне, после 1917 г. служил советской власти и до конца Гражданской войны служил в передовых перевязочных отрядах различных частей Красной Армии. В 1921 г. он поступил во 2-й Московский государственный университет и в 1924 г. окончил учебу на медицинском факультете. Впоследствии его жизнь была связана с военной медициной, он стал автором многих научных и методических трудов.

Судьба Московской военно-фельдшерской школы была непосредственно связана с событиями 1905 и 1917 г. Когда по военно-учебным заведениям Российской империи, готовящим многочисленных кадровых военных чиновников и специалистов и средний командный состав армии и флота, прокатилась волна антиправительственных выступлений, охватив также практически все военно-фельдшерские, военно-ремесленные и оружейные школы, воспитанники Московской военно-фельдшерской и Ижевской оружейной школ приняли участие в вооруженных восстаниях. Эти первые революционные события негативно сказались на внутренней атмосфере и дисциплине воспитанников Московской военно-фельдшерской школы, а также косвенно, но в меньшей степени, они отразились на частных настроениях некоторых воспитанников трех Московских кадетских корпусов.

В РГВИА сохранились сведения, описанные в циркуляре Главного штаба от 11 мая 1906 г. и адресованные на имя начальника штаба Виленского военного округа генерала-лейтенанта Литвинова, об исключении из Московской военно-фельдшерской школы учеников 4-го класса Александра Мусатова, Георгия Фесенко, Василия Нарышкина и других за участие в антиправительственных выступлениях[81]. Из рапорта начальника Московской военно-фельдшерской школы от 20 июля 1906 г. на имя начальника Московского жандармского управления следует, что у воспитанника И. Курчева была найдена нелегальная литература[82]. Сохранилась также переписка о воспитаннике школы К. Ельцове, который оказал содействие революционным массам и принял участие в волнениях в школе, а также посещал митинги, организованные в земледельческой школе, в качестве представителя школы[83].

Причастны к антигосударственным выступлениям в это время были также учащиеся соседних с Московской военно-фельдшерской школой трех кадетских корпусов и Алексеевского военного училища. Такое поведение отдельных воспитанников, скорее всего, было исключением из правил, так как в общей массе оно не находило сочувствия. Все же в документах этих учреждений встречаются свидетельства того, что внутренняя обстановка в них тогда была неспокойной.

[80] РГВИА. Ф. 1631. Оп. 1. Д. 785. Л. 10 об.

[81] РГВИА. Ф. 2183. Оп. 1. Д. 786. Л. 100–101.

[82] Там же и д. 42. Л. 91 и об.

[83] Там же. Д. 47. Л. 142 и об.

После 1917 г. в соответствии с новой государственной идеологией в деле подготовки военно-медицинских специалистов для советского государства, а также вследствие производственно-селитебных факторов[84] Московская военно-фельдшерская школа была закрыта, а личный состав воспитанников, штатный коллектив преподавателей, воспитателей и технический персонал были расформированы. В период закрытия домовых храмов многие бедные приходы обращались к властям с просьбой о бесплатном выделении им богослужебного имущества из ликвидируемых церквей, и такие просьбы часто удовлетворялись. В ноябре 1920 г. церковную утварь, а также престол и жертвенник из упраздненной церкви св. Георгия Победоносца при военно-фельдшерской школе отошли одному из московских приходов[85].

В главном корпусе Московской военно-фельдшерской школы по 1-му Красноурсантскому пр., д. 7 разместились казармы различных воинских частей и военно-учебных заведений. Совместным постановлением ВЦИК и Совета Народных Комиссаров от 30 ноября 1925 г. эти здания были национализированы. За годы советской власти на бывшей территории владения Московской военно-фельдшерской школы расположилась хозяйственная часть, а затем коммунальные квартиры служащих военного госпиталя. В помещениях были установлены новые перегородки, пробиты новые дверные и оконные проемы (например, вместо четырех окон в северном ризалите было устроено шесть), при устройстве парового отопления разобраны все печи, а также были построены дополнительные типовые технические и хозяйственные корпуса, лишенные архитектурной ценности. В результате традиционная композиционно-строительная целостность и местоположение исторических границ внутреннего и внешнего контуров Московской военно-фельдшерской школы были частично искажены, а территория исторического владения была разделена на четыре неравномерных участка.

Сейчас комплекс зданий бывшей Московской военно-фельдшерской школы состоит из двух разрозненных объектов культурно-исторического наследия регионального значения. Первый, который располагается на улице Госпитальная площадь, имеет глубокую и богатую историю и в разные годы служил большой померанцевой оранжереей Екатерининского

[84] Принцип планировочной организации, обеспечивающий трудовой баланс и обслуживание в пределах данного района.

[85] *Иванов Ю. В., Мазницына О. А.* История одного экспоната (храм в Люблино) // Москва: события, люди, проблемы. Краеведческий сборник. М., 1997. С. 174–183.

дворца, казармой 1-го Московского императрицы Екатерины II кадетского корпуса, а впоследствии жилым домом учеников Московской военно-фельдшерской школы. Современное здание, построенное в 1789–1792 гг., перестраивалось в 1847–1849 гг. и в 1860-е гг., сохранив благородные черты классической архитектуры. В 80-х гг. XX века в связи с реконструкционными проектами города и строительными планами прокладки Третьего транспортного кольца через район Лефортово рассматривался вопрос о разрушении здания школы, связанный с невозможностью его дальнейшего использования по градостроительным обстоятельствам. Благодаря усилиям общественности проект о сносе здания и выселении жильцов не был осуществлен, а трассу проложили в подземном тоннеле.

В 2000 г. объект был передан региональному политическому общественному движению «Христианский немецкий союз» в долгосрочную аренду для размещения в нем «Общественного, культурно-образовательного центра немцев г. Москвы» в соответствии с постановлением Правительства Москвы от 26 сентября 2000 г. № 767-ПП «О дальнейшем использовании памятника архитектуры по Госпитальной площади, 1/10»[86]. В соответствии с постановлением пользователю надлежало произвести в памятнике полный комплекс ремонтно-реставрационных работ в течение двух лет. В ходе начавшихся работ был произведен монтаж обветшавших железобетонных и металлических несущих конструкций и перекрытий, откопан подвал. Однако вскоре работы по частичной разборке и слому сооружений были приостановлены из-за имущественных споров. В 2004 г. рассматриваемое здание было отнесено к числу объектов культурно-исторического наследия регионального значения и принято под государственную охрану согласно распоряжения Правительства Москвы 20 декабря 2004 № 2535 — РП «О принятии под государственную охрану выявленных объектов культурного наследия города Москвы»[87].

В другой части школы, которая расположена по улице 1-й Краснокурсантский проезд, размещаются учреждения Министерства

[86] О дальнейшем использовании памятника архитектуры по Госпитальной площади, 1/10 // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации <Электронный ресурс>. Режим доступа: http://docs.cntd.ru/document/3621531 <дата обращения: 23.10.2017 г.>.

[87] О принятии под государственную охрану выявленных объектов культурного наследия города Москвы // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации <Электронный ресурс>. Режим доступа: http://docs.cntd.ru/document/3656624 <дата обращения: 23.10.2017 г.>.

здравоохранения — Государственный научно-исследовательский испытательный институт военной медицины Министерства Обороны РФ и Государственный санитарно-эпидемиологический главный центр надзора Министерства Обороны РФ.

Список литературы

Абдулов Н. Ф. Памятная книжка воспитанников Московской военно-фельдшерской школы: (По экз. 1880 г., с дополнениями и изменениями): (Кн. XV С. В. П., изд. 1869 г.) и «Инструкции по воспитательной части» для военно-учебных заведений (утв. 10 ноября 1881 г.)] / [Сост. начальником школы полковником Абдуловым, на основаниях Положения о военно-фельдшерских школах. М.: тип. И. П. Байкова, 1884. 111 с.

Иванов Ю. В., Мазницына О. А. История одного экспоната (храм в Люблино) // Москва: события, люди, проблемы. Краеведческий сборник. М., 1997. С. 174–183.

Лалаев М. С. Исторический очерк военно-учебных заведений, подведомственных главному их управлению: от основания в России военных школ до исхода первого двадцатипятилетия благополучного царствования государя имп. Александра Николаевича. 1700–1880 / Сост. ген. майор Лалаев. Ч. [1] –3. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1880–1892. Т. 2. 465 с.

Московская военно-фельдшерская школа. Учебник воинских уставов выпускных классов военно-фельдшерских школ с приложением статьи о фельдшерах, вольноопределяющихся и кандидатах на классную должность, составил офицер-воспитатель 2-го Московского кадетского корпуса полковник Возницын, преподаватель воинских уставов Московской военно-фельдшерской школы. СПб., 1909.

Наливкин Д. В. Ураганы, бури и смерчи. Географические особенности и геологическая деятельность. Л.: Наука, 1969. 487 с.

Семенов А. К. К вопросу об улучшении состава фармацевтических чинов военно-медицинского ведомства // Санитарное дело (Санкт-Петербург): Еженедельная газета для врачей и офицеров, посвященная всем вопросам военной гигиены, войсковых болезней и организации военно-санитарного дела. 1889. 4 июня.

Mikhail Borisovich BASHMAKOV

Postgraduate Student, Moscow Region State University (Moscow, Russia)

E-mail: mikhailbashmakov@mail.ru

Moscow military medical school (late XIX — early XX)

The article is devoted to the history of the Moscow military-medical school as secondary specialized educational institutions of the Main military medical Department of the War ministry of the Russian Empire from its inception to disbandment. Discusses the history of the construction of the complex of buildings school, analyzed the learning process, the daily routines of students at the school, the program features training and education, describes how household welfare and food rations, as well as the material-technical base of schools. Statistics on the number of full-time teaching, the educational structure and staff of the school is provided. The performance of the school is assessed.

Keywords: Russian Empire; Main military medical administration of the War ministry; District hospital and Quartermaster department; Moscow; Lefortovo; Red barracks; school; paramedics.

References

Abdulov N. F., *Pamyatnaya knizhka vospitannikov Moskovskoi voenno-fel'dsherskoi shkoly [Memorable book of the pupils of the Moscow military paramedics school],* Moscow 1884.

Ivanov Yu. V., Maznitsyna O. A., *Istoriia odnogo eksponata (khram v Lublino)*, in: Moskva: sobytiya, lyudi, problemy. Kraevedcheskii sbornik. Moscow 1997, 174–183.

Lalaev M. S., *Istoricheskii ocherk voenno-uchebnykh zavedenii, podvedomstvennykh Glavnomu ikh upravleniyu, 1700–1880 (Historical outline of the military educational institutions subordinated to their main administration, 1700–1880),* vol. 2, St. Petersburg 1892.

Nalivkin D. V., *Uragany, buri i smerchi. Geograficheskie osobennosti i geologicheskaya deyatel'nost' [Hurricanes, storms and tornadoes. Geographical features and geological activity]*, Leningrad 1969.

Semenov A. K., *K voprosu ob uluchshenii sostava farmatsevticheskikh chinov voenno-meditsinskogo vedomstva*, in: Sanitarnoe Delo (St. Petersburg), 1889, July 4.

Uchebnik voinskikh ustavov vypusknykh klassov voenno-fel'dsherskikh shkol s prilozheniem stat'i o fel'dsherakh, vol'noopredelyayushchikhsya i kandidatakh na klassnuyu dolzhnost' [Textbook of military charters of graduating classes of military nursing schools with an article on feldshers, volunteers and candidates for a class position], St. Petersburg 1909.

УДК 94 (47).08
ББК 63.3 (2) 51

Владимир Викентьевич ЛАПИН

доктор исторических наук, профессор факультета истории Европейского университета в Санкт-Петербурге (Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: lapin.ww@yandex.ru

ПАМЯТНИК БРОНЕНОСЦУ «РУСАЛКА» В ТАЛЛИНЕ. КОРАБЛЬ. МОНУМЕНТ. ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

Гибель броненосца «Русалка» 7 (19) сентября 1893 г. в Финском заливе во время шторма породила ряд вымыслов, обусловленных обстоятельствами катастрофы. Свидетелей не оказалось, корабль был обнаружен только 110 лет спустя. Это привело к бытованию ряда домыслов, рожденных различными социокультурными реальностями.

Ключевые слова: Военно-морской флот России. Катастрофы на море. XIX век.

К 1917 году на территории Российской империи было установлено более 300 различных монументальных сооружений, являвшихся зримыми знаками событий отечественной истории, ключевых в общегосударственном, региональном или корпоративном понимании. Они в своем подавляющем большинстве отмечали успехи русского оружия, и каждый из них был высшей точкой огромного и разнохарактерного по своей природе комплекса культурной памяти1. Рассмотрение исторических и социокультурных «корней» монумента, посвященного экипажу броненосца «Русалка», позволяет оценить отношение общества к вооруженным силам в различных политических обстоятельствах, изучить особенности формирования военно-исторических мифов.

Броненосец береговой обороны «Русалка», построенный в 1868 г., безнадежно устаревший и утративший после 25 лет службы всякое боевое значение, использовался для подготовки артиллеристов-новобранцев Балтийского флота. Закончив учебные стрельбы, рано утром 7 сентября 1893 г. «Русалка» и канонерская лодка «Туча» по приказу контр-адмирала Павла Степановича Бурачека отправилась из Ревеля в Кронштадт. Во время внезапно налетевшего шторма корабли потеряли друг друга из вида. Днем 9 сентября рыбаки нашли на побережье недалеко от Свеаборга разбитую шлюпку с телом матроса Ивана Прунского, а затем море выбросило множество предметов, свидетельствовавших о гибели броненосца. Поиски ничего не дали, корабль и остальные 176 человек его экипажа исчезли бесследно. Только в 2003 г. «Русалка» была найдена в 25 км к югу от Хельсинки экспедицией Морского музея Эстонии под руководством известного подводного археолога Велло Мясса. Корпус стоит вертикально на 40-метровой глубине, на треть погрузившись в илистое дно.

Тщательно проведенное следствие и суд, состоявшийся в январе 1894 г., не определили причину катастрофы и не нашли в случившемся чьей-либо вины. Наиболее правдоподобным признали «заливание» корабля волнами. Предпринимались попытки выставить виновным командира «Тучи» капитана 2-го ранга Николая Михайловича Лушкова, якобы бросившего «Русалку» в беде, но никаких веских свидетельств в пользу этой версии не оказалось. Бурачек и Лушков были подвергнуты дисциплинарному наказанию за «упущения» по службе (выговор первому и отрешение от должности второго), причем их проступки не связывались с гибелью корабля[2].

В 1902 г. на берегу Ревельской бухты по инициативе моряков на средства, собранные по всероссийской подписке, был поставлен монумент. Он уцелел в «войнах с памятниками», которые неоднократно прокатывались по территории теперь уже бывшей Российской империи, и стал одной из достопримечательностей Таллина. На гранитном постаменте возвышается бронзовая фигура ангела с расправленными крыльями, указывающая золоченым крестом на море. На памятнике выбиты имена погибших офицеров, а также лиц, причастных к его созданию. На тыльной стороне постамента помещен бронзовый барельеф с изображением гибнущего корабля, а на левой — надпись «Россияне не забывают своих героев-мучеников». На тумбах, соединенных цепями и установленных вокруг памятника, указаны имена всех нижних чинов.

Слово «броненосец» рождает образ внушительного по своим размерам и очертаниям стального острова, нагромождения орудийных башен, мачт, труб и надстроек. Однако внешний вид «Русалки» был совсем не таким. Корабль более всего напоминал речное судно для перевозки нефтепродуктов: борт, возвышающийся над водой менее чем на метр, две круглые башни с закрытыми амбразурами, похожие на емкости для горючих жидкостей. Такие корабли, названные мониторами по имени первого судна такого типа, появились тогда, когда «корабельная архи-

[1] См.: *Сокол К. Г.* Монументальные памятники Российской империи. М., 2006.

[2] РГАВМФ. Ф. 412. Оп. 1. Д. 388, 389, 390, 391, 392, 393 (следственное дело о гибели броненосца береговой обороны «Русалка» в 1893 г.).

тектура была поколеблена в самых существенных своих основах»[3]. Едва видимая над поверхностью воды бронированная палуба с торчащей из нее трубой, единственной башней и крошечной рубкой вгоняла в ступор тогдашних моряков. Тем не менее «Монитор», построенный в годы Гражданской войны в США северянами, 9 марта 1862 г. победил «Вирджинию» — казематный броненосец южан, вчетверо превосходивший своего противника по размерам и в шесть раз — по числу орудий. Это был бой Давида и Голиафа. Подобный сюжет является одним из самых распространенных в мифах, сказках и авторских литературных произведениях, он вдохновлял многих художников и скульпторов.

В 1868 г., когда «Русалка» вошла в состав Российского флота, она был оригинальной новинкой, воплощением *победоносного* технического прогресса. В 1893 г. «Русалка» смотрелась уже курьезно, как немолодая отчаянная модница, появившаяся на людях в наряде, который четверть века назад вызывал всеобщий восторг и жгучую зависть.

Не очаровывая своим внешним видом, «Русалка» огорчала и своими мореходными качествами, а, правильнее сказать — полным отсутствием таковых. Внутри было сыро, тесно, душно и смрадно. Корабль плохо слушался руля, при малейшем волнении вода свободно гуляла по палубе, и путь наверх шел через единственный люк на мостике. Таким образом, конструкция «Русалки» имела самое непосредственное отношение к трагедии, поскольку корабль иного типа вряд ли бы стал жертвой шторма в Финском заливе. Кроме того, команда оказалась фактически запертой внутри и не смогла выбраться в минуту опасности.

Героизация предъявляет повышенные эстетические требования. Формально ничего не искажая, скульптору удалось сделать так, чтобы откровенно нетрадиционная корабельная архитектура «Русалки» не смущала зрителей. Массивный гранитный форштевень с характерным для кораблей той эпохи «таранным» профилем окружен превышающими его по высоте нагромождениями гранитных скал, символизирующих водную стихию. Напомним, что для достижения такого превосходства балтийским ветрам было достаточно поднять всего лишь метровые волны. А эта деталь монумента возвышается почти на четыре метра, создавая впечатление «солидности» погибшего корабля. Указанной цели служит и бронзовый барельеф: «Русалка» на нем изображена с сильным креном, направленным в сторону от зрителей, из-за чего не выглядит низкобортной. Самую же главную роль здесь играют мачты. Их на броненосце было три, они имели вспомогательное значение, поскольку под парусами монитор практически никогда не ходил. Но именно такое число мачт создавало образ «покорителя морей», так как именно три вертикальные конструкции из дерева, канатов и парусины являлись верным признаком неограниченной мореходности и большого тоннажа. Примечательно, что мачты этого корабля на барельефе гораздо заметнее, чем на сохранившихся фотографиях.

Неизвестно когда и кто связал катастрофу с именем монитора, но писатели-маринисты не раз указывали на то, что несчастье будто было предначертано его «бесовским» названием, будто бы представители Церкви отказались от его освящения при спуске на воду. Никаких документальных свидетельств о таком чрезвычайном происшествии не имеется, а отказ священнослужителя от участия в официальной церемонии, которой в России придавалось большое значение, несомненно, не мог не быть отмеченным черными чернилами на белой бумаге.

Если следовать этой версии, то без освящения должны были остаться десятки военных кораблей, названных в честь представителей нечистой силы и языческих богов. Под Андреевским флагом в море выходили «Перун», «Вещун», «Колдун», «Аврора», «Аполлон» и т. д. «Русалкой» назвали одну из 50-ти однотипных канонерок, построенных в Петербурге в 1855–1856 гг. В той же флотилии за православного царя Николая I в бой были готовы отправиться «Домовой», «Оборотень», «Ведьма», «Леший» и «Баба-Яга». Все они благополучно отслужили свой срок (некоторые числились в строю более 20 лет!) и были разобраны на дрова[4].

Если название корабля без увлечения мистикой трудно связать с его гибелью 7 сентября 1893 г. в Финском заливе, то это резонно сделать в отношении развития дальнейших событий. Русалка — один из наиболее известных мифических и сказочных персонажей, причем в равной степени известных как образованным людям, так и простому народу. Русалка для всех была роковой соблазнительницей, увлекающей мужчин в холодную бездну. Она отличалась вечной молодостью, неотразимой красотой, волшебным голосом и коварством. Броненосец нельзя

[3] *Мордовин П. А.* Русское военное судостроение в течение последних 25-ти лет. 1855–1880. СПб., 1881. С. 9. Пар. 3-я.

[4] *Веселаго Ф. Ф.* Список русских военных судов с 1668 по 1860 год. СПб., 1872; *Vladimir Lapine.* Les noms des navires de guerre // Les sites de la memoire russe. T. 1. Geographie de la memoire russe. Sous la direction de Georges Nivat. Paris, 2007. P. 333–353; *Моисеев С. П.* Список кораблей русского парового и броненосного флота (с 1861 по 1917 г.). М., 1948.

было назвать шедевром корабельной архитектуры, он не служил примером оригинальной конструкции. Если бы в России существовал музей, в котором экспонировались подлинные суда, «Русалке» в нем вряд ли нашлось место. Корабль не был связан с эпохальными событиями в истории державы, чтобы сохраниться в форме их «символа», как это случилось с заурядным крейсером «Аврора», ставшим по счастливой для него случайности «кораблем революции». Корабль из состава Учебно-артиллерийского отряда удостоился памятника благодаря своей гибели, гибели загадочной, сопровождавшейся исчезновением 177 душ моряков. Загадочность этой трагедии значительно усиливалась из-за названия корабля, которое будоражило воображение как простолюдинов, так и представителей «образованных слоев» общества.

Коллективный «светлый образ» моряков-мучеников не предполагал какого-то особого внимания к людям, которых «Русалка» унесла с собой на дно Балтийского моря. Достойной для запечатления в граните и бронзе признавалась только их смерть, а вовсе не их жизнь, бронза и гранит посвящались *экипажу*, а не 177 отдельным людям. Это для Всевышнего и родных они — Иван, Али, Эрнест, а для памяти государства и общества — команда. В России дореволюционной (которой и жить то после установки монумента осталось всего-навсего полтора десятилетия) историки не задумывались о необходимости написания индивидуальных или коллективных биографий тех, кто не входил в категории «великих», «значительных» или хотя бы «заметных». Советское время с его пренебрежением к личности также не способствовало вниманию к «маленькому человеку» за исключением тех случаев, когда жизнеописание использовалось в пропаганде.

Тем не менее, памятник «Русалке» решительно ломал установившуюся традицию, согласно которой погибшие офицеры назывались на мемориальных объектах поименно, а нижние чины — безымянно, общим числом. Посетитель мемориала в Таллине может узнать фамилии всех 165 матросов с указанием званий и должностей. Дань вышеуказанной традиции — помещение фамилий погибших офицеров на более почетном месте — на гранитном постаменте с лицевой стороны. Смерть всех уравняла, а память сохранила представления о социальной иерархии.

Большинство команды «Русалки» составляли православные — великороссы, белорусы и малороссы. 7 сентября 1893 г/ на дно Балтики разом ушло девятнадцать Иванов. Надпись на пьедестале гласит: это памятник *русским морякам*, однако в данном случае необходимы оговорки — как понимать в данном случае само слово «русский».

Военный флот и практически все, что с ним связано, пришло в Россию из Европы на рубеже XVII и XVIII столетий. Все морское создавалось в Московии при Петре Великом «с чистого листа», путем перенесения из-за границы навыков кораблестроения, навигации и даже корпоративных предрассудков. Одним из последствий такого трансфера стало появление большой профессиональной группы, занимавшей довольно обособленное положение в отечественном социуме. Других мореходов, кроме военных моряков, в России практически не было. В русской деревне бытовало выражение «грамотный как солдат». Грамотным считался не просто способный читать и писать, а человек «бывалый» с широким кругозором, чему способствовали перемещения во время службы.

У моряков по определению было больше возможностей обогатить свой жизненный опыт прежде всего за счет заграничных плаваний. Да и внутри империи они сходили на берег в Кронштадте, Петербурге, Гельсингфорсе, Ревеле, Риге, Либаве, Одессе, Севастополе, в городах, которые заметно отличались от других губернских и уездных центров. Вооруженные силы в России, будучи аналогом европейских военных структур, уже по одной этой причине были наиболее вестернизированы, причем флот в силу ряда обстоятельств воспринимал элементы европейской цивилизации в максимально возможном объеме.

Экипаж «Русалки» по своему национальному составу представлял Российскую империю «в миниатюре»[5]. В офицерской кают-компании собирались люди, для которых родным был русский, немецкий и польский язык, среди матросов, кроме русских были украинцы, эстонцы, шведы, немцы, татары. В России мундир и присяга уравнивали всех военнослужащих вне зависимости от их племени или веры. Место человека в ратном сообществе официально определялось чином и должностью, неофициально — воинскими качествами. «Русалка» стала братской могилой для людей разных сословий и культур. В таких погребениях рядом упокоились говорившие на разных языках, исполнявшие разные религиозные обряды, объединенные общей присягой и единовременной кончиной. Такие места были знаками военной истории России, памятниками «имперской поступи». Во всем мире кладбища разделяются по вероисповеданиям. Последователи разных пророков лежат отдельно друг от друга. Только военные захоронения, в том числе и кенотафы, подобные памятнику в Таллине, безоговорочно ломали эту традицию.

---

[5] *Емелин Ю. А.* Офицеры, погибшие на «Русалке» 7 сентября 1893 г. // Кортик. 2008. № 7.

Памятник «Русалке» мог стать достопримечательностью Санкт-Петербурга, поскольку столицы всегда и везде являлись самой важной площадкой для демонстрации всех важных символов государственного достоинства, военных и прочих успехов. Не менее подходящим местом был Кронштадт, город-корабль, созданный одновременно с Балтийским флотом и для Балтийского флота. Однако самый значимый монумент в честь моряков-балтийцев, воздвигнутый до Русско-японской войны, появился в Ревеле. Одна из причин того — особое место Эстляндии на символической картине, изображающей стремление России царской и России советской войти в клуб великих морских держав.

Главной причиной втягивания России в гонку морских вооружений при Петре Великом и последующее участие в ней было то, что ранг великой державы в представлении большинства россиян — самое главное сокровище страны. Поддержание высокого международного статуса немыслимо без такого инструмента внешней политики как флот. Об этом ясно и откровенно говорил один из видных государственных деятелей дореволюционной России, премьер-министр П. А. Столыпин, икона сторонников сильной государственной власти: «Всякая мировая держава не может не участвовать в мировой политике, не может не участвовать в политических комбинациях и отказаться от права голоса в разрешении мировых событий. Флот есть рычаг для осуществления этого права, это атрибут великой державы»[6].

При оценке места военно-морских сил России в национальном историческом мифе следует помнить, что их создателем был Петр Великий, культ которого являлся и является светской религией России. Большинство изображений этого царя включает в себя корабли, якоря, прочие «флотские эмблемы», подобно тому, как образы античных богов содержат атрибуты их «профессий». Поэтому любые сомнения в морском величии державы выглядели святотатством в глазах поклонников этого действительно выдающегося монарха.

Столица Российской империи разными способами презентовала свое право именоваться великой морской державой. Золоченый фрегат на шпиле Главного Адмиралтейства — третья точка по высоте в дореволюционном Петербурге[7]. Ментальная карта «российской морской славы» откровенно свидетельствует об имперском характере героизации флотского прошлого. На ней — шесть основных пунктов: Гангут, Чесма, Наварин, Синоп, Петропавловск и Севастополь. Победа над шведами в 1714 г. при Гангуте имеет явную связь с превращением России в великую державу, Чесма и Наварин — подтверждение этого статуса, а Синоп, Севастополь и Петропавловск — символы стратегического противостояния Западу, покусившемуся на это величие. В списке «Дней воинской славы России», официально утвержденном Федеральным Законом РФ в 1995 г., победы флота (Чесма 26–28 июня 1770 г.; Гангут 27 июня 1714 г.; Тендра 28–29 августа 1790 г., Синоп 18 ноября 1853 г.) фактически уравнены с победами на Куликовом поле в 1380 г., при Полтаве в 1709 г,, при Бородино в 1812 г., под Сталинградом в 1942 г.

Образ военного корабля в России на протяжении последних трех столетий неразрывно связан с имперской идеей, с тезисом о военном величии отечества, с гордостью за наличие инструмента силового воздействия за пределами собственной территории.

Появление «военно-морского» памятника в Ревеле, на западном рубеже империи, имеет связь с военно-стратегическим положением Эстонии. Несмотря на активное продвижение России в восточном направлении, на присоединение Кавказа и Средней Азии, Европа оставалась в центре политического внимания империи Романовых. Военные ресурсы (воинские части, крепости, запасы разного рода) предназначались прежде всего для войны на западных границах. В связи с этим особое место в системе имперских вооруженных сил занимал Балтийский флот, главной базой которого со времен Петра Великого являлся Кронштадт. Однако замерзающий на полгода Финский залив затруднял наступательные действия кораблей под Андреевским флагом. Петр Великий сразу после занятия Ревеля в 1710 г. повелел создать здесь военный порт, который также имел массу недостатков. Царь лично осмотрел наиболее перспективные порты от Нарвы до Штеттина (Щецина) в устье Одера, и остановил свой выбор на глубокой и просторной бухте Рогервик в 40 километрах к югу от Ревеля. Были потрачены колоссальные усилия и денежные суммы, но в 1764 г., одновременно с переименованием Рогервика в Балтийский порт, от этой затеи отказались[8]. Строительство главной базы для Балтфлота возобновилось здесь в 1940 г. после присоединения

[6] Цит. по: *Шацилло К. Ф.* Русский империализм и развитие флота накануне первой мировой войны (1906–1914 гг.). М., 1968. С. 24.

[7] *Козырь В. В., Козырь И. В.* Флот в архитектуре и скульптуре Санкт-Петербурга // Флот России и культурные традиции Санкт-Петербурга. СПб., 2014.

[8] См.: *Марченко.* Петр Великий. Мысли государя о создании военного порта на Балтийском берегу (материалы). СПб., 1899. С. 65–66.

Эстонии к СССР[9]. Обретение в 1945 г. прекрасной базы в Балтийске (Пиллау) позволило отказаться от Палдиски (название Балтийского порта с 1922 г.). Но дух морского величия еще раз материализовался в этой бухте в 1964 г. в виде огромного учебного центра для подготовки подводников. Есть все основания полагать, что таким образом проявилась традиция, восходящая к легендарным петровским временам: одновременно с повышением градуса военно-морских амбиций России повышался интерес к Эстонии как месту базирования флота.

Авангардное положение Ревеля и Рогервика предопределило упоминание города в материалах о боевых действиях на Балтике во время войн со Швецией 1700–1721, 1741–1743, 1788–1790 и 1808–1809 гг. Эти пункты имели большое значение при всех дальних плаваниях российского флота XVIII — начала XX в. С Таллином связана одна из самых трагических страниц Великой Отечественной войны — переход кораблей в Кронштадт.

Накануне Первой мировой войны административный центр Эстляндии превратился в центр Морской крепости императора Петра Великого, которая к началу 1920-х гг. должна была стать поистине циклопическим комплексом военно-инженерных сооружений. Появление флота на рейде оживляло жизнь города, его присутствие оказывало благотворное влияние на развитие местной промышленности, торговли и ремесел. Здесь состоялись встречи Николая II с кайзером Вильгельмом II, с королем Великобритании Эдуардом VII, с французским президентом К. А. Фальером, причем все дипломатические события сопровождались приходом иностранных эскадр.

Континентальное положение России, особенности ее морских границ препятствовали формированию какого-то единого (главного) флотского центра. У российских моряков оказалось несколько «столиц», а столицу трудно представить без памятников, как символических знаков, указывающих на существовавшую (или насаждавшуюся) систему ценностей. История Таллина и Эстонии в XVIII–XX вв. исключает сомнения в уместности и даже необходимости «морского» памятника, особенно с учетом того, что в момент его создания Ревель был не просто административным центром одной из губерний империи, а городом, который являлся важным пунктом на военной карте России, на карте военной в буквальном смысле слова — и на карте ментальной.

[9] См.: *Петров П. В.* Краснознаменный Балтийский флот накануне Великой Отечественной войны: 1935 — весна 1941 г. СПб., 2015.

Смерть в борьбе с неумолимой стихией способствовала глорификации трагедии и одновременно позволяла минимизировать внимание к свидетельствам того, что в гибели корабля важнейшую роль сыграл пресловутый человеческий фактор. Командир «Русалки» капитан 2-го ранга В. И. Иениш был очень болен, и в день перехода сильнейшие головные боли лишили его возможности выполнять служебные обязанности. Однако он наотрез отказался сдать командование своему помощнику Протопопову, который, тем не менее, реально руководил действиями экипажа. Иениш при этом назначался старшим начальником над группой кораблей. Тем самым создавалась роковая путаница в субординации. Но в тот день суда уходили не в кругосветное и даже не в дальнее плавание. Предстояло «засветло» перейти из одной хорошо знакомой гавани в другую хорошо знакомую гавань по хорошо знакомому Финскому заливу. Истории катастроф свидетельствуют, что именно эта обыденность часто провоцирует отступление от соблюдения различных писаных и неписаных правил безопасности.

Принявший командование над броненосцем его старший офицер не мог отдавать распоряжения командиру «Тучи», поскольку тот формально был «выше». Но «старшим перехода» назначили Иениша, и Лушков, соблюдая субординацию, ждал команд с «Русалки», сообразовывался с действиями корабля, на мостике которого стоял человек, который не считал себя вправе приказы отдавать! Если бы не шторм, то монитор благополучно добрался бы до Кронштадта даже при выходе из строя всех офицеров. Если бы на мостике этого корабля стоял полноправный и решительный командир, то «Русалка», скорее всего, повернула бы обратно. Именно это трагическое совпадение — нештатная схема командования и шторм — стало главной причиной несчастья.

О пропаже броненосца писали едва ли не все российские газеты. Гибель корабля стала информационным поводом для критики морского начальства. Российское общество откликнулось на событие сбором огромной суммы в пользу вдов и сирот тех, кто погиб на «Русалке». На счет специально созданного комитета поступило более 210 тыс. рублей[10].

После прекращения поисков исчезнувшего броненосца осенью 1894 г., завершения следствия и суда катастрофа в Финском заливе стала вытесняться из внимания россиян другими событиями. Мемориальные действия свелись к ежегодной заупокойной литургии 7 сентября в ревельской

[10] *Ларионов Л. В.* Гибель «Русалки» и ее поиски // ЭПРОН. Сборник статей по судоподъему, водолазному и аварийно-спасательному делу. Вып. III–V. Л., 1934.

портовой церкви Св. Симеона и пророчицы Анны, которую посещали морские чины, служившие в Эстляндии. Участники такой традиционной панихиды в 1899 г. выдвинули идею установки памятника[11].

Инициатором был контр-адмирал Павел Николаевич Вульф, потомственный моряк, выросший в атмосфере культа памяти героев Севастопольской обороны 1854–1855 гг. Его отец Н. П. Вульф (1816–1858) в чине контр-адмирала служил во время Крымской войны вместе с П. С. Нахимовым. Таким образом, командира «Русалки» и командира Ревельского порта объединяло то, что их отцы принадлежали к когорте «севастопольцев», пользовавшейся особым почетом в пореформенной России. Кроме того, П. Н. Вульф был человеком с глубоким личным интересом к истории: его прадед по отцовской линии капитан-лейтенант Карл Вульф погиб 24 июня 1770 г. при взрыве линейного корабля «Евстафий» в ходе боя эскадры под командованием А. Г. Орлова в Хиосском проливе с турецким флотом. Когда в 1903 г. контр-адмирал с сыновьями добивался включения в списки потомственного дворянства, он заказал изображение родового герба, на котором был взрывающийся парусник.

Для Вульфа создание памятника «Русалке» стало коммеморативным проектом, в котором переплелись различные корпоративные и личные интересы. Когда он вышел в отставку, начальник Главного морского штаба А. Г. Нидермиллер обратился к министру финансов с просьбой увеличить пенсию адмиралу с 1145 до 1430 рублей, и то, что отставник «был главным инициатором и участником по проектированию и устройству памятника, установленного в Ревеле чинам погибшего в Финском заливе броненосца береговой обороны «Русалка», выглядело главным обоснованием этой просьбы.

В военной среде, где само понятие «отличие» неразрывно связано с признанием боевых заслуг, издавна культивировалось соперничество между родами и видами войск, между отдельными частями и даже подразделениями. Во второй половине XIX — начале XX в. все большее значение в таком соперничестве принимало «славное боевое прошлое», запечатленное в исторических публикациях, экспозициях музеев и монументах. На рубеже XIX–XX столетий Балтийский флот в таком «историческом» соревновании значительно уступал флоту Черноморскому. Все свои громкие победы (Гангут, Гренгам, Выборг, Роченсальм, Ревель)

[11] *Вульф П.* Памятник по морякам, погибшим на броненосце «Русалка» 7 сентября 1893 г. в Финском заливе. Ревель, 1902. С. 5.

балтийцы одержали во времена славные (петровские и екатерининские), но уже давно прошедшие.

К моменту зарождения идеи о создании памятника «Русалке» в Севастополе уже сформировался впечатляющий мемориальный комплекс, посвященный обороне города в 1854–1855 гг., включавший в себя специальный музей, два собора, памятники В. А. Корнилову и П. С. Нахимову[12]. Крымская война закончилась поражением, нанесшим самолюбию россиян глубокую рану, бальзамом для которой послужила конвертация военного поражения в нравственную победу. Мученическая гибель стала синонимом героизма. Это явилось едва ли не важнейшей основой «севастопольского культа», сыгравшего огромную роль в формировании отечественного военно-исторического мифа. Не случайно одним из главных героев Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. — «войны за освобождение славян» — стал не солдат, павший при штурме Плевны, а солдат, насмерть замерзший на Шипке. Смерть и подвиг — неразделимые понятия в нарративах с древнейших времен до наших дней, но в России второй половины XIX — начала XX в. эта связь занимала в умах особое место.

Таким образом, к 1899 г. появление этого памятника явилось своего рода актом справедливости по отношению ко всем, кто погиб под Андреевским флагом на Балтике, шагом к достижению «коммеморативного равновесия» с моряками-черноморцами. То обстоятельство, что экипаж «Русалки» закончил свой земной путь не в сражении с неприятелем, а стал жертвой стихии, имело второстепенное значение в условиях уже упрочившейся традиции считать мученичество не только подвигом нравственным, воздаяние за который получают на небесах. По мнению россиян, капитан В. И. Иениш и его подчиненные заслуживали вполне светского знака признания заслуг перед Отечеством, как если бы они одержали победу в морском бою.

Монумент в Ревеле, продолживший традицию светской героизации мученичества, стал своего рода связующим звеном между мемориальным комплексом Севастополя и памятниками морякам, погибшим в Русско-японской войне 1904–1905 гг. Здесь также не было победы, а была смерть в волнах Тихого океана, глорифицированная в памятниках миноносцу «Стерегущий» и броненосцу «Император Александр III» и в церкви «Спас-на-водах» в Петербурге, построенной в память о моряках, погибших при Цусиме.

[12] *Федотова М. С.* Севастопольская оборона (1854–1855 гг.) в культурной памяти дореволюционной России. Автореферат кандидатской диссертации. СПб., 2012.

К началу XX в. в России уже были «корабли-мученики» — черноморские суда, затопленные у входа в Севастопольскую бухту в 1854 г. в условиях неизбежной гибели при столкновении с англо-французской эскадрой. «Русалка» проиграла сражение со стихией. В первом случаев технически более совершенный, но морально ущербный Запад одержал верх на поле брани, однако не смог победить в духовной сфере. Команда «Русалки» погибла в волнах, но «не сдалась». Гибель моряков в борьбе со стихией большинством россиян воспринималась особо эмоционально потому, что море было неведомым и опасным миром для жителей Среднерусской равнины, полагавших, что именно по морям и горам проходила граница, отделявшее все православное и родное от инославного и зарубежного. Насильно привитая морская культура с трудом приживалась на российском имперском древе, и ее откровенно европейский дух так и не стал духом русским, подобно тому, как рыболовство и мореплавание так и не стали важными отраслями отечественной промышленности. Запад был враждебен и непонятен, море было непонятно и враждебно. Смерть в борьбе с ними объединяла погибших, делала их героями.

Монумент погибшему кораблю и его экипажу становился символическим связующим звеном между «памятью о царе-флотоводце» и Балтийским флотом, поскольку выбранная для него точка находилась на пересечении створа Екатеринентальских маяков и морской аллеи Кадриорга, основанного Петром Великим, героем битвы с западом и героем битвы с морем.

То, что именно Амандус Адамсон стал автором памятника «Русалке», имело сразу несколько причин. Эстляндия была родиной скульптора, и хотя он уже около четверти века жил в имперской столице и за границей, у него явно имелись связи с местной элитой, мнение которой в таком случае нельзя было не учитывать. Скульптура «Последний вздох корабля» имела огромный успех на выставке в 1899 г., неоднократно тиражировалась Императорским фарфоровым заводом[13].

При заполнении анкет, столь любимых новой большевистской властью, только одна графа (происхождение) давала автору памятника место под коммунистическим солнцем, поскольку в нее можно было записать: «Из беднейших крестьян». Все остальное — связи, выполненные работы, образ жизни и пр. выдавало в нем элемент, чуждый идеям пролетарской революции. Его работы «кровавый царь» дарил главам «империалистических государств». Он был вхож в дом великого князя Владимир

[13] РГАВМФ. Ф. 420. Оп. 1. Д. 144. Л. 5–7.

Александровича (дяди Николая II), изготовил статуи для фасада магазина братьев Елисеевых в Петербурге. Он также проектировал декор парадных помещений особняка богачей Брусницыных на Кожевенной линии. В его послужном списке — украшение здания фирмы «Зингер» (Дом книги) и обелиски на въезде на Троицкий мост. Скульптору позировали князья Белозерские-Белосельские, генерал-адъютант О. Б. Рихтер — командующий Императорской главной квартирой. Главной же дореволюционной провинностью Адамсона была работа над памятником в честь трехсотлетия дома Романовых в Костроме, монтаж которого начался в тот момент, когда монархия рухнула[14].

В 1918 г. Адамсон переехал в Эстонию, в места своего детства — город Палдиски, где жил и работал до своей смерти 26 июня 1929 г. Молодая Эстонская республика нуждалась в монументальном оформлении важнейших событий своей истории, и признанный мастер, создавший к тому времени несколько памятников, оказался востребован. В 1925–1928 гг. по проекту А. Адамсона в городах Раквере, Валга и Курессааре были установлены монументы (бронзовые солдаты на бетонных или гранитных пьедесталах) в честь героев войны 1918–1920 гг. между РСФСР и Эстонией, которую в последней называют Освободительной. Тогда же появились еще два бронзовых борца с большевизмом — монумент «Парни из Тонди» в честь юнкеров, подавивших коммунистическое восстание 1 декабря 1924 г.

Вскоре после ввода советских войск в Прибалтику по договору Молотова-Риббентропа все символы антикоммунистического характера стали враждебными объектами. Четыре памятника Адамсона были уничтожены и воссозданы уже в независимой Эстонии. История знает немало примеров «войны с памятниками», но в данном случае тот, кто руководил «стиранием памяти» о первой Эстонской республике, сталкивался раз за разом с одним и тем же именем автора «враждебных» монументов. Ангел в Кадриорге мог пострадать не только потому, что возносил над городом золоченый крест и на постаменте упоминался Николай II, но и потому, что изваявший его скульптор был автором не просто «классово чуждых», но политически откровенно враждебных памятников.

Не удалось обнаружить прямых свидетельств о том, что «реабилитации» памятника «Русалке» способствовало включение другого шедев-

[14] Каталог скульптурной выставки А. И. Адамсона, преподавателя скульптурного класса в рисовальной школе общества (Императорское общество поощрения художеств). СПб., 1887.

ра мастера в список символов советских героических символов, но такая версия выглядит не только заманчивой, но и правдоподобной. Речь идет о монументе «В память кораблей, затопленных в 1854 и 1855 гг. для заграждения входа на рейд» (такова надпись на нем), воздвигнутом в Севастополе в рамках подготовки празднования 50-летия обороны города во время Крымской войны. Эта колонна, установленная в море на искусственной гранитной скале в 1905 г., стала не только архитектурным символом Севастополя, но и одним из узнаваемых знаков российской военной доблести. В данном случае самое главное заключается в том, что оборона города-крепости одной из первых была включена в список исторических событий дореволюционной России, объединенных выражением «героическое прошлое советского народа». В 1936–1939 гг. писатель С. Н. Сергеев-Ценский создал роман «Севастопольская страда» — одно из самых читаемых произведений в СССР. Монумент в память о кораблях — жертвах — героях превратился в один из советских знаков. В этой атмосфере уничтожение памятника, созданного Адамсоном в Таллине, выглядело чрезмерной мерой.

Терпимости властей способствовали еще три фактора. Памятник, благодаря своему размещению в парке Кадриорг, легко «привязывался» к памяти о Петре I, единственном монархе, не просто заслужившим «прощение» большевиков, но и включенном ими в когорту «прогрессивных исторических деятелей». Ангел поднимал золоченый крест над кенотафом — символической могилой, разорение которой без особой надобности уже не было частью советского политического быта. Наконец, в условиях превращения Таллина в главную базу Краснознаменного Балтийского флота «морской памятник», хотя и не содержащий коммунистических атрибутов, был очень даже уместен.

Сохранению памятника «Русалке» в советский период способствовало и то, что тогда могилы павших «играли важную роль в ритуалах, которые должны были служить стабилизации режима. Культ павших борцов также имел четкую коммуникативную и стабилизирующую функцию»[15]. Разумеется, нельзя уравнять экипаж пропавшего броненосца и участников революционных событий, но в данном случае следует помнить о том, что к 1939 г. в СССР уже интенсивно эксплуатировался такой ресурс, как «исторические корни». 15 октября 1939 г. на рейде Таллина появилась эскадра в составе линкора «Октябрьская революция», крейсера «Киров», семи эсминцев и четырех сторожевых кораблей. Столицу Эстонии решили сделать главной военно-морской базой Краснознаменного Балтийского флота[16]. Начались работы по созданию системы береговой обороны, напоминавшей контуры Морской крепости императора Петра Великого. Это создавало условия для радикального изменения символического значения монумента. Он превращался в один из «корешков», дотянувшихся в «славное советское» из «славного русского дореволюционного» прошлого.

Само расположение памятника — на достаточном отдалении от Вышгорода, который является «эстонским» сердцем Таллина, является одним из факторов его культурной и символической пограничности. Памятник «Русалке» — своеобразный культурный фронтир, где взаимодействует национальное и имперское, эстонское и русское (российское) начала.

Памятник «Русалке» подобно прочим объектам на популярных туристических тропах оброс легендами, поражающими воображение сюжетами и деталями, стал русским местом памяти на метальной карте столицы Эстонии. Об этом можно говорить судя по невысокой частоте изображения этой достопримечательности в изданиях, рассчитанных на туристов (путеводители, фотоальбомы, наборы открыток). Он оказался в периферийных зонах ментального пространства как советского Таллина, так и Таллинна — столицы Эстонской республики. В первом случае это было трудно присваиваемое наследство «царского режима», во втором — такое же наследство не очень любимой империи.

Новая волна «преемственности», характерная для постсоветской России и особенно для времени активного внедрения символов православия в политическую и общественную жизнь, придали памятнику с золоченым восьмиконечным крестом в качестве навершия еще более «русское» звучание. Для человека, некогда присягавшего красному знамени с пятиконечной красной звездой и серпом и молотом, начинавшему службу под кормовым флагом с той же красной звездой и с тем же с серпом и молотом, в 2017 г. крест не выглядит чужим знаком. В настоящее время русскоязычные новобрачные возлагают цветы к памятнику и крепят замочки на цепях, окружающих пьедестал. В годовщины гибели броненосца и в День военно-морского флота моряки-ветераны также собираются у «Русалки». В эти дни возлагается венок от посольства Российской Федерации.

[15] *Малышева С.* Красный танатос: некросимволизм советской культуры // Смерть в СССР. Археология русской смерти. М., 2016. С. 31–32.

[16] См.: *Петров П. В.* Краснознаменный Балтийский флот накануне Великой Отечественной войны. 1935 — весна 1941 г. М., 2016. С. 211–212.

Список литературы

Веселаго Ф. Ф. Список русских военных судов с 1668 по 1860 год. СПб., 1872.

Вульф П. Памятник по морякам, погибшим на броненосце «Русалка» 7 сентября 1893 г. в Финском заливе. Ревель, 1902.

Емелин Ю. А. Офицеры, погибшие на «Русалке» 7 сентября 1893 г. // Кортик. 2008. № 7.

Каталог скульптурной выставки А. И. Адамсона, преподавателя скульптурного класса в рисовальной школе общества (Императорское общество поощрения художеств). СПб., 1887.

Козырь В. В., Козырь И. В. Флот в архитектуре и скульптуре Санкт-Петербурга // Флот России и культурные традиции Санкт-Петербурга. СПб., 2014.

Ларионов Л. В. Гибель «Русалки» и ее поиски // ЭПРОН. Сборник статей по судоподъему, водолазному и аварийно-спасательному делу. Вып. III–V. Л., 1934.

Малышева С. Красный танатос: некросимволизм советской культуры // Смерть в СССР. Археология русской смерти. М., 2016. С. 31–32.

Марченко. Петр Великий. Мысли государя о создании военного порта на Балтийском берегу (материалы). СПб., 1899.

Моисеев С. П. Список кораблей русского парового и броненосного флота (с 1861 по 1917 г.). М., 1948.

Мордовин П. А. Русское военное судостроение в течение последних 25-ти лет. 1855–1880. СПб., 1881.

Петров П. В. Краснознаменный Балтийский флот накануне Великой Отечественной войны. 1935 — весна 1941 г. М., 2016.

Сокол К. Г. Монументальные памятники Российской империи. М., 2006.

Шацилло К. Ф. Русский империализм и развитие флота накануне первой мировой войны (1906–1914 гг.). М., 1968.

Vladimir Lapine. Les noms des navires de guerre // Les sites de la memoire russe. T. 1. Geographie de la memoire russe. Sous la direction de Georges Nivat. Paris, 2007. P. 333–353.

Vladimir Vikentievich LAPIN

Doctor of History, Professor of the Department of History,
European University at St. Petersburg (St. Petersburg, Russia)

E-mail: lapin.ww@yandex.ru

The monument of the battleship Roussalka in Tallinn: Ship. Monument. Historical memory

The wreck of battleship Russalka on 1893, September 19 in the Gulf of Finland during a storm caused a large falsehood determined by the circumstances of the disaster. There turned out to by no eyewitnesses, the ship was found only 110 years later. It leads to a fiction and speculations, engendered by different socio-cultural relations.

Keywords: Russian navy, Sea accidents, 19th century.

References

Emelin U. A. Ofitsery, pogibshie na “Rusalke” 7 sentyabrya 1893 g. [Officers who died on the the *Russalka* on September 7, 1893]., in: Kortik. 2008, No. 7.

Katalog skulpturnoy vystavki A. I. Adamsona, prepodavatelya skulpturnogo klassa v risovalnoy shkole obshestva (Imperatorskoe obshestvo pooshreniya hudozestv), [Catalog of A. Adamson’s sculpture exhibition], St. Petersburg 1887.

Kozyr’ V. V., Kozyr’ I. V., *Flot v arhitekture i sculpture Sankt-Peterburga [Fleet in architecture and sculpture of St. Petersburg]*, in: Flot Rossii i kulturnye traditsii Sankt-Peterburga, St. Petersburg 2014.

Vladimir Lapine. *Les noms des navires de guerre,* en: Les sites de la memoire russe, vol. 1: Geographie de la memoire russe. Sous la direction de Georges Nivat. Paris 2007, 333–353.

Larionov L. V., *Gibel “Rusalki” i ee’poiski [The wreck of the Russalka and the search for her]*, in: EPRON. Sbornik statey po sudopodyemnomu, vodolaznomu i avariyno-spasatelnomu delu. vol. 3–5, Leningrad 1934.

Malysheva S., *Krasnyi Tanatos: nekrosimvolism sovetskoy kultury [The Red Thanathos: Necrosymbolism of Soviet culture]*, in: Smert’ v SSSR. Arheologiya russkoy smerti. Moscow 2016.

Marchenko, *Petr Veliky. Mysli gosudarya o sozdanii voennogo porta na Baltiyskom beregu (materialy) [Peter the Great. Thoughts of the sovereign about the creation of a military port on the Baltic coast],* St. Petersburg 1899.

Moiseev S. P., *Spisok korabley russkogo parovogo i bronenosnogo flota (s 1861 po 1917 g.) [List of ships of the Russian steam and armored fleet]*, Moscow 1948.

Mordovin P. A., *Russkoe voennoye sudostroenie v techenie poslednih 25 let. 1855–1880. [Russian military shipbuilding during the last 25 years]*, St. Petersburg 1881.

Petrov P. V., *Krasnoznamenny Baltiysky flot nakanune Velikoy Otechestvennoy voiny. 1935 — spring 1941. [The Red-Banner Baltic Fleet on the eve of the Great Patriotic War]*, Moscow 2016.

Shatsillo K. F., *Russky imperialism I razvitie flota nakanune pervoy mirovoy voiny (1906–1914 gg.). [Russian imperialism and fleet development on the eve of the First World War]*, Moscow 1968.

Sokol K. G., *Monumentalnye pamyatniki Rossiskoy imperii. [Monumental memorials of the Russian Empire]*, Moscow 2006.

Veselago F. F., *Spisok russkih voyennyh sudov s 1668 po 1860 god [List of Russian military courts from 1668 to 1860]*, St. Petersburg 1872.

Vulf P., *Pamyatnik po moryakam, pogibshim na bronenostse “Rusalka” 7 sentyabrya 1893 g. v Finskom zalive [Monument to the sailors who died on the battleship* Rusalka *on September 7, 1893 in the Finnish Gulf]*. Reval 1902.

УДК 929.5
ББК 63.3 (2) 5 + 63.3 (2) 6–8

Мария Владимировна МЕДВЕДЕВА

кандидат исторических наук, заведующая научным архивом
Института истории материальной культуры Российской Академии наук
(Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: marriyam@mail.ru

Владислав Юрьевич СОБОЛЕВ

старший научный сотрудник Лаборатории археологии, исторической
социологии и культурного наследия им. Г. С. Лебедева
Санкт-Петербургского государственного университета
(Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: vlad.sobolev@gmail.com

ЖИЗНЬ В. Н. ГЛАЗОВА — СУДЬБА РУССКОГО ОФИЦЕРА В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX В.

Биография В. Н. Глазова — офицера, чиновника, археолога, сотрудничавшего с ведущими археологическими организациями конца XIX — начала XX в., — характерный пример служения родине во всех сферах деятельности, где ему приходилось работать.

Ключевые слова: археология, персоналии, В. Н. Глазов, русские офицеры, Северо-Запад России.

На современном этапе развития отечественной исторической науки чрезвычайно важным компонентом исследования общих процессов становления гуманитарного знания становится изучение персональных биографий и вклада отдельных ученых. Научный и жизненный путь исследователей часто оставался вне пределов рассмотрения, вместе с тем семья, образование, процесс и форма обучения всегда играли важную роль в формировании их личности, сложении научных взглядов и интересов ученых, повлиявших впоследствии на эволюцию научных течений в целом.

В последние десятилетия многим историческим дисциплинам характерен антропологический подход[1]. Глобальные научные проблемы анализируются через призму биографических портретов деятелей науки, особое внимание уделяется архивным документам. Предметом пристального внимания становятся не только судьбы выдающихся и известнейших русских ученых, оставивших нам богатейшее научное наследие, но и биографии не столь заметных исследователей, тем не менее, немало сделавших для истории науки в России.

Владимир Нилович Глазов — военный, чиновник, археолог — один из представителей поколения, середина жизни которого пришлась на годы Первой мировой войны и Русской революции. Его судьба, в чем-то достаточно типичная для своего времени, а в чем-то весьма отличающаяся, кажется нам интересной и, безусловно, достойной подробного описания и детального исследования.

Владимир Нилович Глазов происходит из потомственных военных дворян Псковской губернии[2]. Он родился 27 июня 1862 г. в семье Нила Ивановича[3] и Марии Николаевны Глазовых[4]. Выявленные на сегодняшний момент источники не содержат сведений о семье и раннем детстве Владимира Ниловича. Судьба старшего сына[5] четы Глазовых была

---

1 *Тункина И. В.* История отечественной археологии на современном этапе: антропологический поворот // Труды объединенного научного совета по гуманитарным проблемам и историко-культурному наследию. Т. 2009. СПб., СПбцРАН, 2010. С. 62–72.

2 РГИА. Ф. 1291. Оп. 28 (1891 г.). Д. 142. Л. 46.

3 К сожалению, выявленные на сегодняшний момент источники практически не содержат сведений о семье. По сведениям из формулярного списка 1906 г. (РГВИА. Ф. 409. Оп. 2. Д. 27127. Л. 36 об.) отец, Н. И. Глазов, имеет чин коллежского советника, проживал в г. Осташков Тверской губ. Позднее он получил чин статского советника. Служил в Лесном департаменте Министерства государственных имуществ.

4 *Медведева М. В., Соболев В. Ю.* Археолог Владимир Нилович Глазов // Археологические вести. Вып. 20. СПб., 2014. С. 395; *Медведева М. В., Соболев В. Ю.* К биографии исследователя // Труды IV (XX) Всероссийского Археологического съезда в Казани / А. П. Деревянко, Н. А. Макаров, А. Г. Ситдиков (отв. ред.). Т. V. С. 177–179; *Соболев В. Ю.* Русские офицеры в археологии Северо-Запада Российской империи // Военная история России XIX–XX вв. Материалы IX Международной военно-исторической конференции / Д. Ю. Алексеев, А. В. Аранович (ред.). СПб., 2016. С. 106–107

5 Общее число детей в семье не известно, удалось найти сведения лишь о брате Николае, родившемся 4/17 февраля 1876 г. Большой разрыв между братьями дает возможность предполагать наличие и других детей в семье. Николай Нилович Глазов стал флотским офицером, служил на Балтике, проживал в столице, участвовал в Цусимском сражении в должности младшего флаг-офицера в составе 3-го броненосного отряда 2-й эскадры флота (http://www.libava.ru/270.html, http://militera.lib.ru/h/bykov_pd/05.html#, http://wap.kortic.borda.ru/?1-16-120-00000001-000-90-0). В 1915 г. «за отличн. ревн. службу и особ. труды, вызванные обст. войны» был произведен в чин полковника Корпуса гидрографии (http://www.petergen.com/publ/omsn204.shtml). После 1917 г. он жил в Тотьме, где и был арестован и осужден. Реабилитирован посмертно. На сайте Правительства Вологодской области были опубликованы списки лиц, преследовав-

решена родителями вполне традиционно для людей их круга и достатка: он должен был стать офицером. Его определили на учебу в Полоцкую военную гимназию — закрытое среднее военно-учебное заведение с богатой историей и солидными традициями, в котором обучались сыновья из небогатых дворянских родов. Выпускниками Полоцкого кадетского корпуса, преобразованного в 1865–1882 гг. в военную гимназию, были многие известные военачальники, ученые, политические деятели.

В Полоцкую военную гимназию В. Н. Глазов поступил в 1875 г. В архиве Национального исторического архива Белоруссии хранится фонд Полоцкого кадетского корпуса, однако упоминание фамилии Глазова удалось найти лишь одно — среди учеников, переводимых из IV класса в V «в разряде удовлетворительных»[67]. Из этого документа следует, что В. Н. Глазов успешно справлялся с положенной программой, включавшей как общеобразовательные, так и специальные предметы. Обучение в гимназии предполагало семилетний курс[8], однако в списках выпускников, опубликованных в приложении к очерку по истории кадетского корпуса[9], имя В. Н. Глазова отсутствует как среди успешно окончивших курс обучения, так и в числе отчисленных. Возможно, он держал экзамены в другом учебном заведении.

23 июня 1881 г. В. Н. Глазов согласно поданному на высочайшее имя прошению «вступил в службу» и приказом по 37-й пехотной дивизии определен в 145-й пехотный Новочеркасский полк рядовым на правах вольноопределяющегося 3-го разряда[10]. Полк был расквартирован в столице, на Малой Охте. Впрочем, прослужил он в этом полку недолго: уже в начале сентября 1881 г. он был командирован в Санкт-Петербургское юнкерское пехотное училище.

шихся по политическим мотивам в уголовном порядке, составленные по данным Управления ФСБ по Вологодской области. В них было имя и Н. Н. Глазова, однако в настоящее время данный ресурс неактивен и информация недоступна.

6 НИАБ. Ф. 2613. Оп. 1. Д. 43. Л. 3. Пользуясь случаем, хотим выразить благодарность Д. Матвейчику и Н. А Плавинскому за дружескую помощь.

7 Личное дело, заведенное во время поступления в Полоцкую военную гимназию, по всей вероятности было уничтожено при эвакуации Полоцкого кадетского корпуса в Симбирск и последующем отступлении кадетов с Русской армией через Одессу в Сербию.

8 *Поляков С. И.* Полоцкий кадетский корпус. История в лицах (Наследие Полоцкой земли. Вып. 12). Полоцк, 2010. С. 17.

9 *Викентьев В. П.* Полоцкий кадетский корпус. Исторический очерк 75-летия его существования. Полоцк, 1910.

10 РГИА. Ф. 1291. Оп. 28 (1891 г.). Д. 142. Л. 23.

Представляется важным обратить внимание, что училище было образовано 1 декабря 1869 г. из упразднённой в том же 1869 г. Военно-чертёжной школы, что, по всей вероятности, служило причиной сохранения сильных традиций преподавания топографии и связанных с ней наук и практических навыков, актуальных как в офицерской службе, так и в некоторых сферах гражданской жизни.

Как и во время обучения в Полоцкой военной гимназии, в юнкерском училище В. Н. Глазов успешно осваивал положенный курс наук и в середине второго года обучения, 21 декабря 1882 г., «по выдержании установленного экзамена приказом по училищу за № 355 произведен в унтер-офицеры»[11]. В августе следующего года он «по окончании курса наук по 2-му разряду приказом начальника штаба войск гвардии и Петербургского военного округа за № 1 произведен в подпрапорщики»[12] и откомандирован обратно в полк, где и прослужил до мая 1885 г.[13]

Дальнейшую службу подпрапорщик Владимир Глазов проходил в 92-м пехотном Печорском полку[14], квартировавшем в Нарве. Подробности армейской службы В. Н. Глазова нам не известны. Сохранившиеся в архивных документах послужные и формулярные списки позволяют констатировать ее «ровное» прохождение при отсутствии как проступков и наложенных взысканий, так внеочередных награждений и особых заслуг. Вероятно, летом в полку В. Н. Глазов держал экзамен и той же осенью был производен в офицеры[15].

Скорее всего, во время службы в Нарве В. Н. Глазов познакомился со своей будущей женой — Анной Федоровной Краватынской[16], проживавшей в Нарве, в Нарвском форштадте.

---

11 РГИА. Ф. 1291. Оп. 28 (1891 г.). Д. 142. Л. 24; *Медведева М. В., Соболев В. Ю.* Археолог Владимир Нилович Глазов… С. 397.

12 РГИА. Ф. 1291. Оп. 28 (1891 г.). Д. 142. Л. 24–25.

13 Причина, по которой В. Н. Глазов, успешно прошедший курс обучения, не сдал или — скорее — не держал экзамена на офицерский чин, нам не известна. В целом можно отметить, что в обучении и в начальный период прохождения службы В. Н. Глазова усматривается некая «система», направленная на получение максимального результата с минимально затрачиваемыми усилиями. В эту систему укладывается отсутствие сведений о сдаче выпускных экзаменов в военной гимназии, способ поступления и выпуск из юнкерского училища, получение офицерского чина и увольнение из армии.

14 РГИА. Ф. 1291. Оп. 28 (1891 г.). Д. 142. Л. 25.

15 РГИА. Ф. 1291. Оп. 28 (1891 г.). Д. 142. Л. 25; *Медведева М. В., Соболев В. Ю.* Археолог Владимир Нилович Глазов… С. 397–398; *Медведева М. В., Соболев В. Ю.* К биографии исследователя… С. 177–178; *Соболев В. Ю.* Русские офицеры… С. 106–107.

16 В архивных документах встречаются два вида написания фамилии: Краватынская и Кроватынская.

Складывается впечатление, что офицерский чин и армейская служба были для нашего героя не целью, но способом получения образования и начального общественного положения, «трамплином» к гражданской карьере.

Летом 1888 г. В. Н. Глазов подает рапорт на высочайшее имя об увольнении из армии, а осенью того же года поступает в службу в Лесной департамент канцелярским чиновником. Сменив армейский мундир на мундир гражданского чиновника, определением Правительствующего Сената он получил классный чин губернского секретаря, соответствовавший армейскому чину подпоручика, а спустя чуть больше года — в декабре 1889 г. — он получает чин коллежского секретаря со старшинством с 16 декабря 1888 г.[17]

В Лесном департаменте Владимир Нилович служил в течение трех лет. Документов, относящихся к этому периоду его жизни, найти пока не удалось, характер и род его занятий в это время остается не известны.

Весной 1891 г. он подал прошение о переводе на службу в Министерство внутренних дел, ходатайствуя о предоставлении ему должности уездного земского начальника[18]. Он хотел получить место в Санкт-Петербургской губернии, но вместе с тем хорошо осознавал, что скромный чин, отсутствие землевладения и протекции не позволяют претендовать ему на должность рядом со столицей, поэтому он просил знакомых похлопотать за него о месте хотя бы в Самарской губернии[19]. И все же благодаря удачному стечению обстоятельств и положительной характеристике с прежнего места службы[20] в июле 1891 г. В. Н. Глазов был назначен земским участковым начальником 3-го участка Гдовского уезда Санкт-Петербургской губернии. «Штаб-квартира» начальника 3 участка находилась в самом городе Гдове, а его обязанности территориально распространялись на Гдов, Гдовскую, Мошковскую и Добручинскую волости[21].

В первый же год своей службы земским начальником В. Н. Глазов женился на вдове выборгского 1-й гильдии купца А. Ф. Краватынской[22].

Гдовский уезд на 13 лет стал местом службы В. Н. Глазова, где он последовательно в разные годы занимал пост земского начальника 3-го, 6-го, 1-го, 2-го и снова 1-го участков[23]. Дольше всего, в течение в общей сложности 7 лет, он служил в 1-м участке и прожил на ст. Поля[24]. Причины его переводов из одного участка в другой в личном деле не отражены, но исполнение им должностных обязанностей оценено петербургским губернатором графом С. А. Толем положительно[25], а в сохранившейся официальной переписке земского отдела МВД отмечается, что Владимир Нилович «в своей служебной деятельности отличается большим усердием, а также благонамеренностью и добросовестностью»[26].

Должностные обязанности уездного начальника, связанные с решением широкого спектра административных (вопросы крестьянского землепользования, надзорные полномочия за деятельностью выборных крестьянского самоуправления и утверждение в должности волостных старшин, разбор жалоб на должностных лиц сельских и волостных управлений, проверка приговоров сельских и волостных сходов, надзор за мирскими капиталами, деятельностью сельских ссудно-сберегательных касс и подобных им учреждений мелкого кредита, надзор за опекунством, организация и обеспечение деятельности сельских школ и др.) и судебных функций (в юрисдикции уездного начальника находились мелкие уголовные дела) требовали не только хорошего знания местных реалий (многие вопросы общественного пользования угодьями и водными ресурсами подчинялись не писанному, но традиционному праву), но и постоянного личного присутствия в самых отдаленных уголках вверенного участка. Переводы из одного участка в другой и частые разъезды по территории участка по служебным делам («по казенной надобности») дали В. Н. Глазову возможность попутно собирать сведения об местных древностях и археологических памятниках, о находках кладов и отдельных

---

17 РГИА. Ф. 1291. Оп. 35 (1911 г.). Д. 199. Л. 9 об. — 10.

18 Там же. Оп. 28 (1891 г.). Д. 142. Л. 1.

19 РГИА. Ф. 1291. Оп. 28 (1891 г.). Д. 142. Л. 2.

20 Там же. Оп. 35 (1911 г.). Д. 199. Л. 1.

21 Памятная книжка С.-Петербургской губернии на 1898 год. СПб, 1898. С. 157.

22 РГИА. Ф. 1291. Оп. 35 (1911 г.). Д. 199. Л. 8 об. — 9.

23 Территория Гдовского уезда была разделена на семь земских участков (Памятная книжка С.-Петербургской губернии на 1898 год. СПб, 1898. С. 157; Памятная книжка С.-Петербургской губернии на 1900 год. СПб, 1900. С. 25; Памятная книжка С.-Петербургской губернии. Описание губернии с адресными и справочными сведениями. СПб, 1905. С. 80), т. е. В. Н. Глазов служил в бóльшей части из них и досконально знал практически весь уезд, возможно, за исключением его самой восточной — юго-восточной части, относившихся к 4-му и 5-му участкам.

24 Памятная книжка С.-Петербургской губернии на 1898 год. С. 157; Памятная книжка С.-Петербургской губернии на 1900 г. С. 25; Памятная книжка С.-Петербургской губернии. 1905. С. 80. Ст. Поля располагалась в д. Большие Поля, ныне западная окраина г. Сланцы Ленинградской обл.

25 РГИА. Ф. 1291. Оп. 28 (1891 г.). Д. 142. Л. 64, 78.

26 Там же. Л. 10.

предметов, информацию о последних он переправлял в Императорскую археологическую комиссию.

В 1894 г. В. Н. Глазов подал прошение о назначении его на более высокую должность председателя уездного съезда в Олонецкой губ. Кандидатура была одобрена в земском отделе МВД, но назначение не состоялось «по не зависящим от него обстоятельствам», и он продолжил свою службу в Петербургской губернии[27].

За время службы в Гдовском уезде В. Н. Глазов в 1903 г. был произведен в коллежские советники[28] и был награжден двумя медалями: в память царствования Александра III и «За труды по первой всеобщей переписи населения 1897 г.»[29]. За беспорочную службу его представили к ордену Св. Анны, но получил его лишь спустя полтора года — в феврале 1905 г.

Исполнение служебных обязанностей требовало, по всей видимости, не только знания законов и местных обычаев, аккуратности в ведении документации, но и навыков общения с крестьянами. Редкие крестьянские жалобы на земского начальника В. Н. Глазова признавались начальством не заслуживающими внимания[30], а проверка его делопроизводства, проведенная непременным членом губернаторского присутствия действительным статским советником Соколовым в 1899 г., выявила лишь мелкие недочеты, констатировала нехватку рабочих помещений и отсутствие у уездного начальника «камеры для разбора дел».

Именно во время службы в Гдовском уезде зародился и ярко проявился интерес В. Н. Глазова к истории и археологии. Его сотрудничество с Императорской археологической комиссией началось в 1894 г., когда земским начальником 6-го участка Гдовского уезда был прислан клад мелких серебряных русских монет XVII в., найденных крестьянами на острове Желачок. В последующие годы им было отправлено в ИАК

[27] Там же. Л. 63.

[28] Там же. Оп. 35. Д. 199. Л. 10 об. — 11; Оп. 28. Д. 142. Л. 51.

[29] РГИА. Ф. 1291. Оп. 35. Д. 199. Л. 10 об. — 11; *Медведева М. В., Соболев В. Ю.* Археолог Владимир Нилович Глазов… С. 398–399; *Медведева М. В., Соболев В. Ю.* К биографии исследователя… С. 177–178; *Соболев В. Ю.* История изучения археологических памятников Поплюсья во второй половине XIX — начале XX в. / Е. Н. Носов (отв. ред.) // Археологические вести. Т. 22. СПб., 2016. С. 238–245.

[30] РГИА. Ф. 1291. Оп. 28. Д. 142. Л. 42; ЦГИА. Ф. 258. Оп. 6. Д. 1139. Л. 1–2 об; *Медведева М. В., Соболев В. Ю.* Археолог Владимир Нилович Глазов… С. 398–399; *Медведева М. В., Соболев В. Ю.* К биографии исследователя… С. 177–178.

еще несколько находок, хранящихся сейчас в собраниях Государственного Эрмитажа[31].

Первые самостоятельные археологические раскопки памятников Гдовского уезда он произвел в 1898 г., а по итогам доклада об исследованиях 1899 г. единогласно избран членом-сотрудником Императорского русского археологического общества (ИРАО).

Исследования в Гдовском уезде продолжались до 1904 г. и являлись, судя по всему, частью задуманного плана изучения различных типов погребальных сооружений, охватывающих хронологический период с X по XIV в. За годы службы в Гдовском уезде В. Н. Глазов раскопал более 400 курганов и жальничных могил. Большая часть отчетов об этих работах вошла в подготовленную А. А. Спицыным монографическую публикацию «Гдовские курганы в раскопках В. Н. Глазова», изданную в 1903 г. почти без изменений первоначального глазовского текста. А. А. Спицын в предисловии к книге высоко оценил качество археологических изысканий В. Н. Глазова и его полевые отчеты. Стоит отметить, что природный талант и полученные в училище навыки весьма пригодились в археологии: снятые им глазомерные планы отличаются точностью и подробностью, показанные на них участки местности надежно локализуются и в настоящее время, позволяя установить места расположения многих ныне утраченных археологических памятников[32]. Литографии для иллюстраций, сопровождающих публикации результатов раскопок в части описания погребального обряда и типов погребальных сооружений, были сделаны с оригинальных рисунков В. Н. Глазова[33].

В тоже время полевые археологические работы В. Н. Глазова не ограничивалась пределами Гдовского уезда Санкт-Петербургской губернии. До 1904 г. он проводил по поручению и частью на средства ИРАО исследования в Псковской, Новгородской и Тверской губерниях. Кроме ИРАО, он сотрудничал с Императорской археологической комиссией, которая начиная с 1902 г., также неоднократно привлекала В. Н. Глазова к сво-

[31] *Медведева М. В.* Материалы по археологии Гдовского уезда Санкт-Петербургской губернии из собрания Императорской археологической комиссии. Случайные находки // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар имени академика В. В. Седова: Материалы 59-го заседания. Вып. 29. М., Псков, СПб., 2014. С. 424–435; *Медведева М. В.* Иван Федорович Чистяков. К 150-летию со дня рождения // Археологические вести. Вып. 21. СПб., 2015. С. 432–438.

[32] *Соболев В. Ю.* История изучения… С. 238–245.

[33] *Спицын А. А.* Гдовские курганы в раскопках В. Н. Глазова. Материалы по археологии России. Вып. 29. СПб, 1903.

им работам[34]. В эти же годы В. Н. Глазов был привлечен преподавателем Петербургского археологического института Н. К. Рерихом к составлению археологической карты Санкт-Петербургской губернии. В рамках этого проекта В. Н. Глазов подготовил подробную карту археологических памятников Гдовского уезда, сведения о которых он начал собирать еще с 1895 г.[35]

В 1903 г. В. Н. Глазов планировал поступить вольнослушателем в Санкт-Петербургский археологический институт, собирал необходимые для поступления документы[36]. Трудно сказать, каким образом он мог бы сочетать слушанье лекций в столице с исполнением служебных обязанностей, требовавших его постоянного присутствия в Гдовском уезде и личного участия в решении повседневных дел.

Война с Японией вызвала подъем патриотических настроений в русском обществе. В начале лета 1904 г. Владимир Нилович подал рапорта об отставке от должности земского начальника и о зачислении в действующую армию. Оба они были удовлетворены. 18 июня 1904 г. он «определен из отставки вновь на службу добровольцем в 147-й пехотный Самарский полк, куда и зачислен прежним чином подпоручика»[37], и через три недели прибыл в полк.

Личное офицерское дело, сохранившееся в РГВИА[38], не содержит никаких подробностей его армейской службы. Война закончилась для В. Н. Глазова 1 октября 1904 г., когда при отбитии японской атаки на русские позиции на Янтуньских высотах он получил пулевое ранение в левое колено и попал в лазарет. В. Н. Глазов перенес две операции[39], в результате которых потерял левую ногу до «верхней трети бедра»[40]. «Приказом по войскам 1-й Манчжурской армии от 28 ноября 1904 г. за № 24 за отличие в делах против японцев награжден орденом Св. Анны 4-й степени с надписью “за храбрость”»[41].

В феврале 1905 г. В. Н. Глазов вернулся в Россию. В Нарве он проживал с женой в доме Морозовой в Нарвском форштадте. В ноябре и декабре того же года он прошел медицинское освидетельствование в лазарете 92-го пехотного Печорского полка[42].

Конец 1905 и начало 1906 г. — хлопотное время для Владимира Ниловича. Он вел активную переписку с Главным штабом, устраивая свое увольнение из армии с производством в следующий чин поручика и мундиром и доказывая право на полную военную пенсию. Он обратился в Александровский комитет по приисканию места воинским чинам, пострадавшим на войне с Японией, и в МВД в поисках новой службы. Он претендовал на должность председателя уездного съезда в одной из западных (Витебской, Минской, Могилевской) губерний либо заведующего одним из загородных императорских дворцов или управляющего одним из имений Удельного ведомства[43].

Вероятно, знание законов, знакомство с бюрократической системой, тринадцатилетний опыт государственной службы и положительные отзывы как от бывшего Петербургского губернатора графа С. А. Толя, так и состоящего в этой должности в 1906 г. Д. А. Зиновьева помогли положительно решить все поставленные задачи. В марте 1906 г. он получил назначение на должность председателя Вельского уездного съезда в Вологодской губернии и убыл из Нарвы к новому месту службы. В это же время он ходатайствовал о несостоявшемся награждении за беспорочную службу по Гражданскому ведомству, и в начале февраля вышел высочайший приказ о присвоении ему ордена Св. Анны 3-й степени[44].

Должность председателя уездного съезда предполагала, помимо контроля деятельности уездных земских начальников, широкий спектр служебных дел административного и судебного характера: контроль и утверждение приговоров волостных сходов, увольнение от службы и предание суду должностных лиц сельского и волостного управлений, рассмотрение жалоб на действия земских начальников, решение земельных споров, утверждение выделений земельных участков в личную собственность крестьян и многое другое.

Подробностей о служебной деятельности В. Н. Глазова в Вельске в архивных собраниях найти не удалось. В нашем распоряжении оказались лишь

---

[34] *Медведева М. В., Соболев В. Ю.* Археолог Владимир Нилович Глазов… С. 402, 405–406.

[35] РО НА ИИМК РАН. Ф. 37. Д. 3, 4.

[36] РГИА. Ф. 1291. Оп. 28. Д. 142. Л. 66.

[37] РГИА. Ф. 1291. Оп. 35. Д. 199. Л. 11 об. — 12.

[38] Авторы выражают искреннюю благодарность А. В. Марыняку за дружескую помощь.

[39] Вероятно, из-за наступившей гангрены или ее угрозы.

[40] РГИА. Ф. 1291. Оп. 28. Д. 142. Л. 65; Оп. 35. Д. 199. Л. 1, 3; РГВИА. Ф. 409. Оп. 2. Д. 27127. Л. 28 и об.

[41] РГИА. Ф. 1291. Оп. 35. Д. 199. Л. 11об. — 12.

[42] В акте, хранящемся в РГВИА (Ф. 409. Оп. 2. Д. 27127. Л. 28 и об.), ранение ошибочно связано с битвой под Мукденом, тогда как во всех остальных случаях, в том числе в документах, составленных В. Н. Глазовым лично, указано, что он был ранен в сражении при р. Шахэ.

[43] *Медведева М. В., Соболев В. Ю.* Археолог Владимир Нилович Глазов… С. 400.

[44] РГИА. Ф. 1291. Оп. 35. Д. 199. Л. 11 об. — 12; *Медведева М. В., Соболев В. Ю.* Археолог Владимир Нилович Глазов… С. 400.

послужной и формулярный списки, скупо информирующие о присвоении очередного классного чина, наградах, назначениях на должности, отсутствии взысканий и использовании отпусков, из которых, что всегда отмечалось в формулярных списках, Владимир Нилович всегда возвращался точно в срок.

Начало службы на новом месте помимо служебных дел ознаменовалось и новыми внеслужебными хлопотами. Представленные из МВД в Вологодское губернское правление послужные документы и личные данные В. Н. Глазова были неполны: в них отсутствовали сведения о подошедшем времени получения следующего гражданского чина и о награждении орденом. В. Н. Глазов сообщил об этом губернатору, который в свою очередь запросил и получил в МВД его полный послужной список[45] и представил Владимира Ниловича к следующему чину.

В Вельске опыт и знания В. Н. Глазова были высоко оценены. Уже через год, в апреле 1907 г., к обязанностям председателя уездного съезда добавилась должность директора Вельского уездного тюремного отделения, в августе — председателя Вельской уездной землеустроительной комиссии, а постановлением очередного Вельского уездного земского собрания от 28 сентября 1907 г. он был единогласно избран на должность почетного мирового судьи[46]. Осенью 1908 г. В. Н. Глазов был утвержден на эту должность на три года указом Сената[47].

В 1907 г. он был произведен «за выслугу лет в статские советники со старшинством с 22 декабря 1906 года» и награжден орденом Св. Станислава 2-й степени[48], а весной 1910 г. — медалью в память 25-летия восстановления церковной школы[49].

Несмотря на полученное увечье и удаленность места службы, Владимир Нилович продолжил ежегодно проводить археологические исследования как по поручению и на средства различных учреждений, так и за свой счет. Уже в 1906 г. по поручению ИРАО В. Н. Глазов занимался раскопками могильников в Смоленской губ., в 1908 г. по поручению ИАК — в Нижегородской, а на свои средства — в Костромской губернии. В 1909 г., вновь по поручению ИАК — в Саратовской, в 1911 г. — в Вологодской губернии и в окрестностях Пятигорска[50].

[45] РГИА. Ф. 1291. Оп. 28. Д. 142. Л. 82–84, 92–97.

[46] Там же. Оп. 35. Д. 199. Л. 11 об. — 13.

[47] Там же. Л. 12 об. — 13.

[48] Там же.

[49] Там же.

[50] *Медведева М. В., Соболев В. Ю.* Археолог Владимир Нилович Глазов… С. 421–423.

Причины, побудившие В. Н. Глазова к увольнению от должности, не нашли своего отражения в сохранившихся документах. Можно предположить, что к подаче рапорта о выходе на пенсию осенью 1911 г. в возрасте 49 лет привел целый комплекс различных соображений — и общая усталость от службы, и нездоровье, выдвинутое как официальный повод к отставке, и невозможность служебного роста, требовавшая для производства в следующий чин 10 лет выслуги.

Летом 1911 г. Владимир Нилович получил двухмесячный отпуск, который провел в Пятигорске. Перед увольнением со службы в октябре В. Н. Глазов вновь просил об отпуске и о выдаче пособия на лечение, но не получил[51]. Он вновь прошел медицинское освидетельствование в совещательном присутствии врачебного отделения Вологодского губернского правления, подтвердившее его «тяжкое болезненное состояние» и невозможность обходиться без постороннего ухода. К рапорту, где он ходатайствовал об увольнении «с мундиром» и о назначении ему «усиленной» пенсии как участнику и инвалиду войны и чиновнику, прослужившему на гражданской службе 30 лет, он приложил также и справку из Пятигорской грязелечебницы. Вологодский губернатор поддержал его ходатайство перед МВД. Переписка о назначении пенсии и ее размерах затянулась до конца января 1912 г., по мере прохождения по инстанциям испрашиваемая сумма сократилась вдвое и в итоге составила 1200 руб. в год с прекращением выплаты пенсии по ранению[52].

Оставив службу, В. Н. Глазов переехал в столицу. В Санкт-Петербурге и окрестностях он проводил только зиму. Боли в суставах и страсть к археологии заставляли его проводить все лето на раскопках и в различных грязелечебницах Крыма и Кубанской области. Не имея в Санкт-Петербурге собственного жилья и, вероятно, возможностей и желания для его приобретения, он часто переезжал, снимая квартиры в разных недорогих районах столицы: в 1911–1912 гг. в Новом Петергофе, в даче № 8 на Казарменной ул. и в доме 3 по Ольгинской улице, недалеко от казарм Самарского полка, в котором он когда-то служил, весной 1912 г. — в кв. 5 дома 31 по Подольской улице, в 1913 гг. — в Подольской ул., в кв. 14 д. 17.

Летом он продолжал вести археологические работы — в 1912 г. руководил учебными раскопками слушателей Петербургского археологического института у ст. Войсковицы Санкт-Петербургской губернии, в 1913

[51] РГИА. Ф. 1291. Оп. 28. Д. 142. Л. 101–106.

[52] Там же. Оп. 35. Д. 199. Л. 19–22.

и 1915 г. снова по поручению ИРАО в Курской губ., а на свои средства ведет исследования на Тамани в окрестностях древней Фанагории[53].

Сохранившийся отчет об археологических раскопках катакомбы у ворот каменной ограды южного кордона пограничной стражи на Таманском полуострове близ Тузлянской грязелечебницы, датированный концом марта 1916 г.[54], дает основания предположить, что зимой 1915/1916 гг. В. Н. Глазов не возвращался в Петербург, а провел ее в Восточном Крыму или на Тамани, и, возможно, вновь устроился на службу.

Где и как провел В. Н. Глазов лихолетье Гражданской войны, неизвестно. По складу характера он вряд ли мог приветствовать перемены, происходившие в стране и в обществе, очевидно, тяжело переживал положение на фронте, маловероятно, что мог бы рассчитывать на сочувствие и снисхождение новой власти, но в силу возраста и увечья вряд ли мог принимать деятельное участи в борьбе с ней. По данным видного исследователя истории начала XX в. и Белого движения С. В. Волкова, В. Н. Глазов служил в ВСЮР по ведомству МВД. В конце января 1920 г. он был эвакуирован с женой[55] из Новороссийска, лето 1920 г. провел на Принцевых островах, а 16 октября выехал в Русскую армию в Крым.

В эмиграции В. Н. Глазов жил в Болгарии, в 1924 г. в Русском инвалидном доме в Нова-Загоре, не позднее конца ноября 1925 г. он жил в приюте для увечных воинов при храме-памятнике на Шипке, где и закончил свои дни от воспаления легких вечером 2 мая 1933 г. в возрасте 70 лет. Его судьба является одним из примеров беззаветного служения родине во всех сферах деятельности, где ему приходилось работать.

Список литературы

Викентьев В. П. Полоцкий кадетский корпус. Исторический очерк 75-летия его существования. Полоцк, 1910.

Медведева М. В. Материалы по археологии Гдовского уезда Санкт-Петербургской губернии из собрания Императорской археологической комиссии. Случайные находки // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар имени академика В. В. Седова: Материалы 59-го заседания. Вып. 29. М., Псков, СПб., 2014. С. 424–435.

[53] *Медведева М. В., Соболев В. Ю.* Археолог Владимир Нилович Глазов… С. 413; *Соболев В. Ю.* Русские офицеры… С. 107.

[54] РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1 (1913 г.). Д. 350. Л. 49.

[55] Следует отметить, что в краткой биографической справке С. В. Волкова приведено имя жены — Юлия Ивановна, также Юлия Ивановна Глазова указана в акте о смерти В. Н. Глазова. Время и обстоятельства вторичной женитьбы героя нашей статья, как и судьба А. Ф. Краватынской, к сожалению, нам не известны.

Медведева М. В. Иван Федорович Чистяков. К 150-летию со дня рождения // Археологические вести. Вып. 21. СПб., 2015. С. 432–438.

Медведева М. В., Соболев В. Ю. Археолог Владимир Нилович Глазов // Археологические вести. Вып. 20. СПб., 2014. С. 395–426.

Медведева М. В., Соболев В. Ю. К биографии исследователя // Труды IV (XX) Всероссийского Археологического съезда в Казани / А. П. Деревянко, Н. А. Макаров, А. Г. Ситдиков (отв. ред.). Т. V. С. 177–179.

Памятная книжка С.-Петербургской губернии на 1898 год. СПб, 1898.

Памятная книжка С.-Петербургской губернии на 1900 год. СПб, 1900.

Памятная книжка С.-Петербургской губернии. Описание губернии с адресными и справочными сведениями. СПб, 1905.

Поляков С. И. Полоцкий кадетский корпус. История в лицах (Наследие Полоцкой земли. Вып. 12). Полоцк, 2010.

Спицын А. А. Гдовские курганы в раскопках В. Н. Глазова. Материалы по археологии России. Вып. 29. СПб, 1903.

Соболев В. Ю. История изучения археологических памятников Поплюсья во второй половине XIX — начале XX в. / Е. Н. Носов (отв. ред.) // Археологические вести. Т. 22. СПб., 2016. С. 238–245.

Соболев В. Ю. Русские офицеры в археологии Северо-Запада Российской империи // Военная история России XIX–XX вв. Материалы IX Международной военно-исторической конференции / Д. Ю. Алексеев, А. В. Аранович (ред.). СПб., 2016. С. 99–114.

Тункина И. В. История отечественной археологии на современном этапе: антропологический поворот // Труды объединенного научного совета по гуманитарным проблемам и историко-культурному наследию. Т. 2009. СПб., СПбцРАН, 2010.

Maria Vladimirovna MEDVEDEVA

Ph. D. In History (*kandidat istoricheskikh nauk*), Head of Scientific Archive of the Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia)

E-mail: marriyam@mail.ru

Vladislav Yurievich SOBOLEV

G. S. Lebedev Laboratory of Archaeolgy, Historical Sociogy and Cutural Heritage, St. Peterburg State University (St. Petersburg, Russia)

E-mail: vlad.sobolev@gmail.com

Vladimir N. Glazov's Life: Fate of a Russian officer in the late XIX — early XX century

Biography of Vladimir N. Glazov — an officer, official, archaeologist, collaborated with leading archaeological institutions of the late XIX — early XX centuries, is a representative example of selfless service to the motherland in all spheres of activity where he had to work.

Keywords: Archaeology, personalities, Vladimir N. Glasov, Russian military officers, North-West Russia.

References

Medvedeva M. V. Materialy po arheologii Gdovskogo uezda Sankt-Peterburgskoj gubernii iz sobraniya Imperatorskoj Arheologicheskoj komissii. Sluchajnye nahodki // Arheologiya i istoriya Pskova i Pskovskoj zemli. Seminar imeni akademika V. V. Sedova: Materialy 59-go zasedaniya. Vyp. 29. Moscow, Pskov, St. Petersburg, 2014. S. 424–435.

Medvedeva M. V. Ivan Fedorovich Chistyakov. K 150 letiyu so dnya rozhdeniya // Arheologicheskie vesti. Vyp. 21. St. Petersburg, 2015. S. 432–438.

Medvedeva M. V., Sobolev V. Y. Arheolog Vladimir Nilovich Glazov // Arheologicheskie vesti. Vyp. 20. SPb., 2014. S. 395–426.

Medvedeva M. V., Sobolev V. Y. K biografii issledovatelya // Trudy IV (XX) Vserossijskogo Arheologicheskogo s»ezda v Kazani / A. P. Derevyanko, N. A. Makarov, A. G. Sitdikov (otv. red.). T. V. S. 177–179.

Pamyatnaya knizhka S.-Peterburgskoj gubernii na 1898 god. St. Petersburg 1898.

Pamyatnaya knizhka S.-Peterburgskoj gubernii na 1900 god. St. Petersburg 1900.

Pamyatnaya knizhka S.-Peterburgskoj gubernii. Opisanie gubernii s adresnymi i spravochnymi svedeniyami. St. Petersburg 1905.

Polyakov S. I. Polockij kadetskij korpus. Istoriya v licah. Polock, 2010 (Nasledie Polockoj zemli. Vyp. 12).

Spicyn A. A. Gdovskie kurgany v raskopkah V. N. Glazova. Materialy po arheologii Rossii. Vyp. 29. St. Petersburg 1903.

Sobolev V. Y. Istoriya izucheniya arheologicheskih pamyatnikov Poplyus'ya vo vtoroj polovine XIX — nachale XX vv. / E. N. Nosov (otv. red.). // Arheologicheskie Vesti. T. 22. St. Petersburg 2016. S. 238–245.

Sobolev V. Y. Russkie oficery v arheologii Severo-Zapada Rossijskoj imperii // Voennaya istoriya Rossii XIX–XX vv. Materialy IX Mezhdunarodnoj voenno-istoricheskoj konferencii / D. Y. Alekseev, A. V. Aranovich (red.). St. Petersburg 2016. S. 99–114.

Tunkina I. V. Istoriya otechestvennoj arheologii na sovremennom ehtape: antropologicheskij povorot // Trudy ob»edinennogo nauchnogo soveta po gumanitarnym problemam i istoriko-kul'turnomu naslediyu. T. 2009. St. Petersburg 2010. S. 62–72.

Vikent'ev V. P. Polockij kadetskij korpus. Istoricheskij ocherk 75-letiya ego sushchestvovaniya. Polock 1910.

УДК 94 (47) 084
ББК 63.3 (2) 6

Людмила Петровна РУДАКОВА

научный сотрудник Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: rudakova-1949@rambler.ru

ЛИНИЯ СУДЬБЫ: ГЕНЕРАЛ-МАЙОР КНЯЗЬ В. А. МИКЕЛАДЗЕ (1875–1951)

Генерал-майор Русской армии князь Вячеслав Артемьевич Микеладзе участвовал в Первой мировой войны, за действия во время Брусиловского прорыва награжден Георгиевским оружием. С 1918 г. находился в рядах Красной армии. Доктор военных наук профессор В. А. Микеладзе является автором более 135 научных работ, посвященных улучшению и развитию отечественной артиллерии.

Ключевые слова: В. А. Микеладзе, артиллерия, русская армия, Советская армия.

Один из блестящих офицеров русской, а затем и советской армии, Вячеслав Артемьевич Микеладзе родился 8 (12) марта 1875 г. в Тифлисе в семье штаб-офицера. Начальное образование, согласно семейной традиции, получил в Тифлисском кадетском корпусе. По окончании корпуса в 1892 г. по 1-му разряду продолжил учебу в Петербурге в Михайловском артиллерийском училище (*илл. 1*).

Закончив училище в 1895 г. по 1-му разряду, был произведен в подпоручики с зачислением по полевой пешей артиллерии лейб-гвардии в 3-ю артиллерийскую бригаду. В 1897 г. был награжден серебряной медалью в память коронования Николая II[1].

Проявив себя на службе грамотным и способным офицером, В. А. Микеладзе в августе 1898 г., был командирован, согласно предписанию начальника артиллерии Варшавского военного округа, в Санкт-Петербург для поступления слушателем в Михайловскую артиллерийскую академию. Учился он легко и с удовольствием. Помимо основных занятий, интересовался историей Михайловской академии и училища, изучал организацию учебного процесса академии и занимался составлением отчетов по этим вопросам[2]. Завершив учебу в академии в 1901 г., был награжден малой серебряной медалью и произведен в штабс-капи-

[1] Архив ВИМАИВиВС. Ф. 25. Оп. 102. Д. 133. Л. 150.

[2] Там же. Ф. 44. Оп. 1. Д. 4.

Илл. 1. В. А. Микеладзе в кадетской форме. 1895 г. Санкт-Петербург. Архив ВИМАИВиВС (Ф. 44. Оп. 1. Д. 34. Л. 1)

Илл. 2. В. А. Микеладзе в форме штабс-капитана артиллерии. 1905 г. Варшава. Архив ВИМАИВиВС (Ф. 44. Оп. 2. Д. 37. Л. 1)

таны. Его имя было выбито на мраморной Почетной доске выпускников академии (*илл. 2*).

По окончании академии штабс-капитан Микеладзе, получив назначение л.-гв. в 3-ю артиллерийскую бригаду под командованием генерал-майора В. И. Гиппиуса, отбыл в конце мая 1901 г. к месту службы, но уже в октябре вернулся в Санкт-Петербург в 1-ю батарею Михайловского артиллерийского училища на должность младшего офицера.

В 1902 г. был переведен в лейб-гвардии 1-ю артиллерийскую бригаду и награжден орденом Св. Станислава 3-й степени. Следующую награду — орден Св. Анны 3-й степени он получил в декабре 1905 г., а в следующем году был произведен в капитаны.

Находясь на службе, молодой офицер много времени уделял изучению технических характеристик различных систем орудий, стоявших на вооружении русской артиллерии, скрупулезно просматривал отчеты и журналы комиссии по испытанию полевых скорострельных пушек[3] и выработке требований для современных тому периоду береговых орудий[4].

[3] Там же. Оп. 1. Д. 6.

[4] Там же. Д. 9.

Илл. 3. В. А. Микеладзе с супругой Наталией Павловной, старшим сыном Павлом и няней. 1907 г. Санкт-Петербург. Архив ВИМАИВиВС (Ф. 44. Оп. 2. Д. 39. Л. 1)

В 1907 г. Вячеслав Артемьевич принял участие в конкурсных работах на соискание Михайловской премии и получил золотую медаль за разбор трудов подполковника барона Майделя[5]. В этом же году отдельным изданием вышла его первая научная работа «Теоретические основания пристрелки полевой артиллерии», за которую он получил в 1909 г. Малую Михайловскую премию в размере 500 рублей[6].

С 1908 г. служба Вячеслава Артемьевича была тесно связана с преподаванием в Пажеском корпусе. Этому роду деятельности он уделял много времени, пытаясь вызвать у пажей интерес к отечественной артиллерии. В конце года он был произведен в подполковники и награжден орденом Св. Станислава 2-й степени[7] (*илл. 3*).

Вскоре широко образованный офицер был замечен представителями Главного артиллерийского управления (ГАУ). В сентябре 1909 г. состоялось назначение подполковника Микеладзе на должность командира 1-й батареи Михайловского артиллерийского училища, а в конце года ему было присвоено звание полковника. За заслуги перед отечеством

[5] Там же. Ф. 25. Оп. 102. Д. 133. Л. 151.

[6] Там же. Д. 133. Л. 153.

[7] Там же. Л. 153 об.

Илл. 4. Полковник В. А. Микеладзе. 1913 г. Санкт-Петербург (Архив ВИМАИВиВС. Ф. 44. Оп. 2. Д. 41. Л. 2)

в 1910 г. был награжден орденом Св. Анны 2-й степени.

С 1910 г. Вячеслав Артемьевич начал тесно сотрудничать с книгоиздательским товариществом И. Д. Сытина, издававшем Военную энциклопедию под редакцией полковника Генерального штаба В. Ф. Новицкого, публикуя там разнообразные статьи по артиллерийской тематике, которые вызывали интерес у широкого круга читателей.

За разработку наставлений и правил стрельбы осадной, крепостной и береговой артиллерии и других работ Микеладзе как нестандартно мыслящий и широко эрудированный офицер был включен с 23 мая 1912 г. в состав Артиллерийского комитета и назначен постоянным членом 3-го отдела Главного артиллерийского управления (ГАУ)[8]. Среди убеленных сединами членов Артиллерийского комитета он был единственным полковником, которому едва исполнилось 38 лет (*илл. 4*).

Как представитель Арткома В. А. Микеладзе неоднократно посещал Сергиевский полигон под Лугой, наблюдая и анализируя артиллерийскую стрельбу горных и гаубичных батарей. Эти наблюдения отразились в ряде замечаний и предложений, зафиксированных в журналах комитета[9].

В 1913 г. Вячеслав Артемьевич был причислен к известному старинному грузинскому роду князей Микеладзе[10].

С вступлением России в Первую мировую войну в 1914 г. Микеладзе находился в распоряжении начальника ГАУ и неоднократно бывал в командировках на передовые линии фронтов. В его личном фонде хранятся снимки, привезенные из этих командировок. Например, фотографии

[8] Там же. Л. 154.

[9] Там же. Ф. 44. Оп. 1. Д. 10, 13.

[10] Там же. Ф. 25. Оп. 102. Д. 133. Л. 154 об.

Илл. 5. В. А. Микеладзе на артиллерийской батарее у деревни Ольшанка. Сентябрь 1914 г. Архив ВИМАИВиВС (Ф. 44. Оп. 2. д. 42)

артиллерийской батареи у деревни Ольшанка в сентябре 1914 г.[11] или зенитной установки генерал-майора Розенберга под Перемышлем в сентябре 1915 г.[12] (*илл. 5* и 6).

В начале 1915 г. в русской армии стали впервые формироваться стрелковые артиллерийские бригады, в состав которых входили стрелковые артиллерийские дивизионы. В сентябре 1915 г. полковник Микеладзе был назначен командиром 6-го стрелкового артиллерийского дивизиона, включенного в состав сформированной 2-й стрелковой артиллерийской бригады[13], получившей назначение в 8-ю армию на Юго-Западный фронт.

Все новейшие разработки Арткома при стрельбе из орудий различных систем Микеладзе с успехом применял в боевых действиях с противником и всегда добивался блестящих результатов. За личное мужество и отличие, проявленное во время командования 6-м стрелковым артиллерийским дивизионом в боях с противником, Вячеслав Артемьевич был награжден

[11] Там же. Ф. 44. Оп. 2. Д. 42. Л. 1.

[12] Там же. Ф. 44. Оп. 1. Д. 19. Л. 1.

[13] Приказ начальника штаба Верховного Главнокомандующего № 71 от 21 сентября 1915 г.

Илл. 6. Зенитная установка генерал-майора Розенберга под Перемышлем с чинами противоаэропланного взвода. 1915 г. Архив ВИМАИВиВС (Ф. 44. Оп. 1. Д. 19. Л. 1)

Георгиевским оружием. В феврале 1916 г. его как опытного, смелого и решительного офицера назначили командиром 2-й стрелковой артиллерийской бригады. В 1916 г. 2-я стрелковая артиллерийская бригада в составе Юго-Западного фронта под командованием генерала А. А. Брусилова участвовала в наиболее яркой и значимой стратегической операции всего периода Первой мировой. Успех этой операции предопределил вступление 28 августа 1916 г. Румынии в войну на стороне Антанты. В июле 1916 г. за ряд успешных боев с противником Микеладзе был произведен в генерал-майоры.

Весной 1917 г. Вячеслав Артемьевич был назначен на должность инспектора артиллерии 40-го армейского корпуса, входившего в состав 9-й армии, занимавшей позиции на правом фланге в гористой местности Карпат. В этот период 9-я армия вела в основном позиционные бои и находилась на этих рубежах до конца войны.

За участие в Первой мировой войне генерал-майор Микеладзе был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени (06.12.1914) и Св. Владимира 3-й степени (22.03.1915).

В начале 1918 г. В. А. Микеладзе находился в Петрограде. В этот период начала формироваться армия Советского государства. Создание Красной Армии происходило в основном за счет привлечения в ее состав офицерского корпуса русской армии. К сожалению, еще не вышло обобщающей исторической работы, в которой были бы полностью приведены данные об офицерах и генералах русской армии, принявших активное участие в строительстве Красной Армии и защите Республики Советов на фронтах гражданской войны[14]. В. А. Микеладзе как видный ученый в области артиллерии, имевший ряд научных работ и боевой опыт, был зачислен в 1918 г. в в Артиллерийский комитет в качестве военного эксперта (*илл. 7*).

Илл. 7. В. А. Микеладзе в начале службы в РККА. 1919 г. Петроград. Архив ВИМАИВиВС (Ф. 44. Оп. 2. Д. 43. Л. 1)

Продвигаясь по службе, он занимал ряд крупных военных должностей, вел большую работу в различных правительственных и научно-исследовательских учреждениях. Состоял в комиссии по использованию опыта Первой мировой войны. С этим периодом его деятельности связано множество научных публикаций, где были высказаны предложения по улучшению образцов отечественной артиллерии с использованием опыта ведения боевых действий с противником в период Первой мировой войны и соображения, касающиеся общих основ вооружения Красной Армии в 20-е годы.

В 1921 г. В. А. Микеладзе был назначен преподавателем в Артиллерийскую академию РККА (бывшая Михайловская военная артилле-

[14] *Кавтарадзе А. Г.* Военные специалисты на службе Республики Советов 1917–1920 гг. М.: Наука, 1988. С. 3.

Илл. 8. В. А. Микеладзе — преподаватель Артиллерийской академии РККА. 1925 г. Ленинград. Архив ВИМАИВиВС (Ф. 44. Оп. 2. Д. 45. Л. 1)

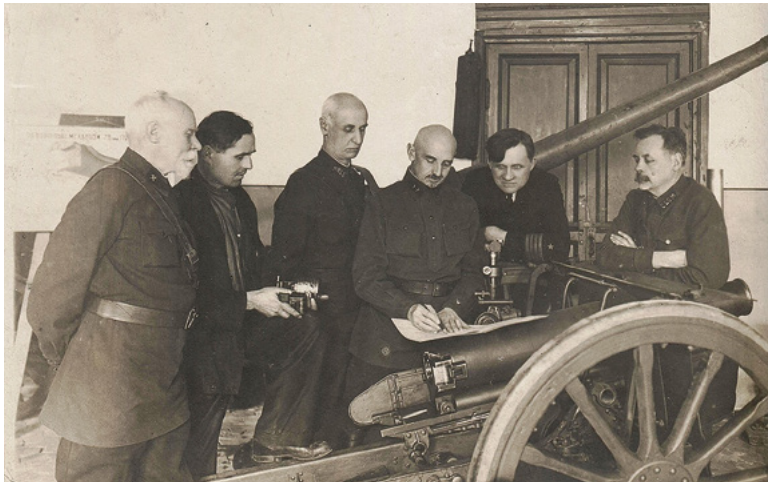
рийская академия) и готовил необходимые для Советской республики командные кадры. В это время выходят его новые работы, посвященные отечественной артиллерии, среди которых особо выделяется изданный Артиллерийской академией РККА учебник «Тактика артиллерии. Связь»[15]. Одновременно начиная с 1925 г. Вячеслав Артемьевич вел большую научную и административную работу в Комиссии особых артиллерийских опытов. По ходатайству Серго Орджоникидзе Микеладзе как один из крупнейших специалистов в области артиллерии был назначен в 1933 г. заведующим кафедрой Артиллерийской академии РККА. В следующем году ему было присвоено звание профессора и ученая степень доктора военных наук (*илл. 8*).

С учреждением в Ленинграде нового учебного заведения — Военно-механического института — В. А. Микеладзе был утвержден в 1935 г. в должности заместителя его директора. Находясь на этом посту он, наряду с видными деятелями науки и техники, такими, как М. В. Васильев и М. Я. Крупчатников, внес большой вклад в становление и развитие учебного заведения, готовившего научные кадры для военной промышленности, в которых остро нуждалась страна в предвоенное время (*илл. 9*).

В период Великой Отечественной войны, несмотря на возраст и слабое здоровье, расстроенное рядом ранений и контузий, полученных в боевых действиях на фронтах Первой мировой, добровольно ушел на фронт и служил в штабе Ленинградской армии народного ополчения.

С 20 марта 1945 г. Военно-механический институт Народного комиссариата тяжелой промышленности возобновил свою деятельность в Ленинграде, и профессор В. А. Микеладзе вернулся на преподавательскую работу. Сегодня это широко известный Балтийский государственный технический университет «Военмех» имени Д. Ф. Устинова, который готовит высококлассных специалистов для военной промышленности (*илл. 10*).

[15] Архив ВИМАИВиВС. Ф. 44. Оп. 2. Д. 27.



Илл. 9. Заместитель директора Ленинградского военно-механического института В. А. Микеладзе с преподавателями на кафедре артиллерии. 1938 г. Ленинград. Архив ВИМАИВиВС (Ф. 44. Оп. 2. Д. 47. Л. 1)

Илл. 10. Участники научно-технической конференции Ленинградского военно-технического института профессор В. А. Микеладзе и генерал-майор Оглоблин в перерыве между докладами. 1947 г. Ленинград. Архив ВИМАИВиВС (Ф. 44. Оп. 2. Д. 49. Л. 4)

Илл. 11. В. А. Микеладзе с супругой Наталией Павловной и старшим сыном Павлом. 1945 г. Ленинград. Архив ВИМАИВиВС (Ф. 44. Оп. 2. д. 50. Л. 1)

Полвека прослужив на благо русской военно-технической науки, В. А. Микеладзе опубликовал более 135 научных работ, внесших значимый вклад в развитие артиллерийской науки и совершенствование отечественной артиллерии. Его труды послужили основой для модернизации артиллерийских систем в 20–30-х гг. прошлого столетия, оказав большую практическую помощь известным конструкторам, военным инженерам и другим специалистам.

Деятельность В. А. Микеладзе затронула и Артиллерийский исторический музей[16]. В 1950 г. он был избран в совет музея и активно участвовал в его работе. Например, 15 марта 1951 г. на заседании совета музея при обсуждении проекта каталога музейных фондов Микеладзе выступил с важными предложениями по его структурной части[17]. В этом же году он был представлен к званию «Заслуженного деятеля науки и техники РСФСР».

[16] Там же. Ф. 3Р. Оп. 2. Д. 157. Л. 150.

[17] 17 Там же. Ф. 3Р. Оп. 2. Д. 162. Л. 10.

Илл. 12. Открытка с изображением мемориальной комнаты дома-музея Н. С. Лескова. Архив ВИМАИВиВС (Ф. 44. Оп. 2. Д. 54. Л. 1)

Вячеслав Артемьевич был женат на дочери генерал-лейтенанта Алексеева — Наталии Павловне, которая была внучкой Н. П. Алферовой-Константиновой, тетки писателя Н. С. Лескова (*илл. 11*). В 1981 г. потомки Наталии Павловны Микеладзе передали в дар в Дом-музей Н. С. Лескова несколько старинных предметов из семейного собрания, относящихся к роду Лесковых[18] (*илл. 12*). У них было двое сыновей — Павел Вячеславович и Вячеслав Вячеславович.

Скончался В. А. Микеладзе в 1951 г. в Ленинграде и похоронен на Серафимовском кладбище.

Список литературы

Кавтарадзе А. Г. Военные специалисты на службе Республики Советов 1917–1920 гг. М.: Наука, 1988.

[18] Там же Ф. 44. Оп. 2. Д. 54. Л. 1.

Liudmila Petrovna RUDAKOVA
Research Fellow, Military Historical Museum of Artillery, Engineers and Signal Corps (St. Petersburg, Russia)
E-mail: rudakova-1949@rambler.ru

Line of fortune: Major-General Prince V. A. Mikeladze (1875–1951).

Major-General of the Russian Army Prince Vyacheslav Artemyevich Mikeladze participated in the World War I. For participation in The Brusilov Offensive he was decorated by the Saint George Sword. Since 1918 had been in the ranks of the Red Army. Doctor of Military Sciences, Professor V. A. Mikeladze is the author of more than 135 scientific papers that served the development and improvement of Russian artillery.

Keywords: V. A. Mikeladze, artillery, Russian army, Soviet army.

Reference

Kavtaradze A. G., *Voiennyie specialisty na sluzhbe Respubliki Sovetov 1917–1920 gg.,* Moscow 1988.

УДК 94 (47).083
ББК 63.3 (2) 521

Сергей Николаевич ЕМЕЛЬЯНОВ
кандидат исторических наук, доцент Государственного университета морского и речного флота им. адмирала С. О. Макарова (Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: sergeje@mail.ru

УЧАСТИЕ ВОЕННОГО ДУХОВЕНСТВА В БОЛЬШИХ МАНЕВРАХ 1902 Г.

Большие маневры Русской армии в 1902 г. впервые прошли с участием военного духовенства, показав важность его привлечения к полевой жизни в мирное время.

Ключевые слова: Русская армия, военное духовенство, Большие маневры 1902 г., Курская губерния.

Институт военного духовенства был неотъемлемой частью Русской Императорской армии. Военные священники состояли в штатах практически всех родов оружия начиная с полкового уровня. Во главе всей структуры духовенства военного ведомства находился протопресвитер армии и флота с правами епископа.

Полковой священник был обязан находится со своей частью как в мирное время, так и на войне. Вот как писал о службе военного духовенства священник лейб-гвардии Конного полка Федор Ласкеев в «Исторической записке об управлении военным и морским духовенством за минувшее столетие (1800–1900 гг.)»: «Обязанность полкового священника во время сражений быть неотлучно при войске требует от него чрезвычайного самоотвержения. Стоя в пылу битвы, он должен не только всегда быть готовым положить живот свой на поле брани за веру, царя и отечество, но собственным примером мужества и гласом веры и утешения поддержать и в армии беззаветное самоотвержение, непоколебимую храбрость, бесстрашный героизм и надежду на помощь Божию. И полковые священники, понимая важность такого воодушевления, брали на себя эту святую обязанность. На поле брани военные священники всегда были достойными пастырями беззаветно храброго христолюбивого воинства, безропотно переносили тяжести походной жизни, бестрепетно ходили со своими частями на штурмы, безбоязненно напутствовали больных и умирающих под неприятель-

скими выстрелами, терпели раны, заключение в плену и самую смерть; много было духовных героев»[1].

Не отрицая вышесказанного в целом, стоит отметить, что далеко не все священники столь героически и самозабвенно выполняли свой долг. На поведение полкового духовенства, помимо личных качеств, влияло много сторонних факторов, в том числе элементарное отсутствие опыта поведения в боевых условиях. Были инструкции, наставления о месте военного священника на театре боевых действий, но отсутствовала практическая подготовка. Весь опыт приобреталась исключительно в ходе военных компаний. В мирное время участие военного духовенства не требовалось даже во время проведения учений.

Например показательно письмо будущего протопресвитера армии и флота Г. И. Шавельского, на тот момент священника 33-го Восточно-Сибирского стрелкового полка, оказавшегося на театре военных действий Русско-японской войны: «Но представьте, как все мы измучились, пробывши 12 дней в непрерывном напряжении, не раздеваясь, спавши на сырой земле, питаясь чем попало <…> Теперь только я могу сказать, что испытал все невзгоды военной поры»[2]. Письмо было написано после того как Г. И. Шавельский впервые стал участником боев. Ранее опыта службы в боевой обстановке автор письма не имел.

Вплоть до начала Великой (Первой Мировой) войны в мирное время служба военного духовенства протекала примерно следующим образом. Наиболее напряженный период выпадал на время Великого поста. Полковые священники были заняты совершением богослужений и приготовлением своей паствы к исполнению исповеди и причастия. В это время численность прихожан возрастало т. к. прикомандировывались части, не имевшие своего священника. С окончанием поста напряженность в работе ослабевала и деятельность военных священников входило в обыденные рамки: богослужения, проповеди и требоисполнения по мере надобности. При выступлении воинской части в лагеря, где священник мог получить полевой опыт, наступало время отдыха. С наступлением осени (окончание лагерных сборов) во всех частях начинались зимние занятия. Священник в это время вел уроки в учебных командах, ротных школах занятия по Закону Божию в школах подпрапорщиков и подхорунжих, общие внебогослужебные

[1] *Катков В. М.* Военное духовенство России: страницы истории. СПб., 2003. Т. 1. С. 212.

[2] Там же. С. 248.

беседы и отдельные с сектантами и староверами, религиозно-нравственные чтения[3].

Задачами священника в военное время определялись: 1) совершение Божественной литургии; 2) удовлетворение религиозных чувств и религиозных нужд воинов через совершение богослужений и треб; 3) напутствие солдат перед боем, влияние на свою паству личным примером, твердостью духа в сложнейших ситуациях, стойкостью в исполнении воинского долга («полковой священник принимает на себя особенную чрезвычайную миссию во время сражения русского воинства с неприятелем. Священник должен запастись самоотвержением, чтобы, стоя в пылу битвы, быть способным поддерживать в армии надежду на помощь Божию и свои собственные силы, вдохнуть в нее патриотический героизм к царю и отечеству», — писал Николай Невзоров[4]); 4) отпевание погибших[5].

Знаковым событием для части военного духовенства стали большие военные маневры 1902 г. в Курской губернии. Впервые для участия в маневрах были призваны и военные священники, правда не весь штатный состав, а по одному на дивизию, но и это уже был прорыв в подготовке военного духовенства. Большие маневры 1902 г. были самым крупным учением Русской армии начала XX в. В них были задействованы войска Киевского, Московского, Одесского и Виленского военных округов. Перевозка, участвовавших в маневрах войск осуществлялась по железным дорогам. Для этого потребовалось 229 воинских эшелонов. Наиболее напряженная работа выпала на долю Московско-Курской (от 14 до 18 воинских поездов в сутки), Курско-Харьково-Севастопольской и Московско-Киево-Воронежской (от 5 до 26 воинских поездов) железных дорог. Транспортировка войск была осуществлена в течение 9–10 дней до начала манёвров без крупных задержек и срывов.

29 августа 1902 г. большие курские маневры начались. Московской армией командовал великий князь Сергей Александрович, начальником штаба был генерал-лейтенант Соболев. Её состав: XIII и XVII армии; сводный корпус, Александровское и Московское военные учили-

[3] *Богуславский И., протоиерей.* Братское собрание военного духовенства в Санкт-Петербурге 17-го ноября 1908 года (продолжение) // Вестник военного духовенства. 1909. № 3. С. 85.

[4] *Невзоров Н.* Исторический очерк управления духовенством военного ведомства в России. СПб., 1875. С. 64.

[5] *Катков В. М.* Указ соч. С. 210.

ща, 5-я стрелковая бригада, 55-я и 56-я резервные бригады; армейская конница, 1-я кавалерийская дивизия, Тверское кавалерийское юнкерское училище; учебный воздухоплавательный парк; 2-й кадрированный обозный батальон. Всего 77 батальонов, 36 эскадронов и сотен, 198 орудий численным составом 43740 чел. и 10116 лошадей.

Южной армией командовал военный министр А. Н. Куропаткин, начальник штаба генерал-лейтенант В. А. Сухомлинов. Её состав: VIII и X армии; сводный корпус в составе сводного батальона из Киевского военного округа, Чугуевского и Одесского пехотных юнкерских училищ, 3-я, 4-я стрелковые и 15-я пехотная резервная бригады, 1-я бригада 2-й казачьей сводной дивизии, 1-я Оренбургская казачья батарея и 14-й саперный батальон; армейская конница, эскадрон Елисаветградского кавалерийского училища, 10-я кавалерийская дивизия; приданные части, 3-й полевой жандармский эскадрон; воздухоплавательное отделение учебного воздухоплавательного парка; 4-й и часть 5-го кадрированного обозного батальонов, летучие и местные артиллерийские парки; 4-я полевая военная хлебопекарня и др. Всего 88 батальонов, 49 эскадронов и сотен, 216 орудий численным составом 51459 чел. и 11292 лошадей.

Легенда манёвров предполагала следующее. Западная армия, переправившись через Днепр на участке Орша — Речица, наступает на Москву. Её правый фланг — Южная армия, переправившаяся через Днепр у Киева, кратчайшим путем двигается на Курск, захватывает этот ж.-д. узел, а затем по прибытию подкреплений, наступает на Москву с юга. Прикрывает Курск Московская армия, которой приказано остановить и отбросить Южную армию. Исходное положение главных сил Южной армии на линии р. Реут, в районе сёл Колпаково — Самсоновка, а главных сил Московской армии — на линии х. Полежаев — ж.-д. станция Рышково. Цель действий — раскрыть силы противника и затруднить переход через реку Сейм. Продолжительность маневров 6 дней.

Император Николай II внимательно наблюдал за учениями, выезжая в места их проведения. Недалеко от с. Мальцево был сооружен возвышенный пункт наблюдения, с которого можно было наблюдать за ходом маневров. Учения войск шли не только в дневное время, но и в ночное. Император, объезжая войска, не раз посещал сёла Дьяконово, Лозовское, Иванино, Колпаково.

4 сентября — днёвка (отдых). В этот день на станцию Рышково литерным поездом прибыл персидский шах Музаффар-Эддин-Хан со свитой.

5 сентября на поле в 6 верстах от окраины Казацкой слободы (ныне Северо-Западный р-н Курска) состоялся грандиозный парад войск

Русской Императорской армии. Перед императором Николаем II, персидским шахом Музаффаром-Эддин-Ханом и наследником великим князем Михаилом Александровичем церемониальным маршем прошли пехота и конница, артиллерия подивизионно. В параде приняли участие 4230 офицеров и 89 121 нижний чин[6].

На больших курских манёврах был опробован ряд технических и организационных новшеств, как, например, развёртывание полевой телефонной связи на протяженные расстояния с использованием частных телефонных линий. Для наблюдения за противником применялись воздушные шары. Впервые в русских войсках использовались автомобили. Опыт масштабной переброски войск по железным дорогам был использован во время Русско-японской войны 1904–1905 гг.

Не случайно было выбрано и место манёвров — стык Московского и Киевского военных округов. Легенду учений практически повторили события Гражданской войны при наступлении на Москву Добровольческой армии А. И. Деникина, а позднее и Курской битвы в 1943 г. Стоит отметить, что руководители Белого движения на Юге России принимали участие в больших курских манёврах 1902 г.

Один из полковых священников, непосредственный участник описываемых событий отметил: «Предполагаемые маневры должны были происходить в Высочайшем присутствии и иметь широкую постановку, т. е., насколько это возможно, должны быть похожи на настоящую войну. Возможно были, конечно, вследствие особенных трудов и лишения походной жизни, и заболевания, возможны были и серьезные увечья. Поэтому высшим военным начальством предусмотрительно были потребованы на маневры и военные священники — по одному на дивизию. Вместе с тем военные священники присутствием на маневрах знакомились с обстановкой походной жизни, что нелишнее и для каждого священника, посвятившего себя на всю жизнь службою в Военном ведомстве. <…> Много пришлось испытать походных лишений, но зато много удалось повидать интересного и познакомиться как следует с походной обстановкой»[7].

Стоит отметить, что лишь незначительная часть военных священников в ходе маневров получили реальный полевой опыт. Однако столь

---

[6] Описание маневром см.: *Коровин В. В.* К 110-летию организации войсковых учений под Курском // Военно-исторический журнал. 2012. № 10.

[7] Большие маневры под городом Курском в 1902 году (дневник священника с 21-го августа по 12-го сентября) // Вестник военного духовенства. 1903. № 10. С. 313–314.

крупные маневры позволили руководству военного духовенства более качественно планировать службу своих подчиненных в будущих войнах. События Русско-японской войны служат подтверждением данного вывода.

Обратимся еще раз к переписке Г. И. Шавельского: «Могу смело сказать, что с тех пор, как существует военное духовенство, оно впервые только теперь отправлялось на войну с совершенно определенным планом работы и с точным понятием обязанностей священника в разных положениях и случаях при военной обстановке: в бою и вне боя, в госпитале, в санитарном поезде и пр. Несомненно, этим объясняется то обстоятельство, что, по общему признанию, в эту войну духовенство работало как никогда раньше». В письме Екатерине Ивановне Мосоловой 18 ноября 1914 г. он отмечал: «Очень утешен я и работою священников на войне. Смело скажу: никогда еще духовенство на войне так не работало, как теперь. Потери в его составе огромные. Кто-нибудь обвинит меня за них»[8].

События Первой Мировой войны внесли свою лепту в условия службы военного духовенства, новая реальность перечеркнула многие стереотипы ведения боевых действий. Однако большие маневры 1902 г. показали важность привлечения военного духовенства к условиям полевой жизни в мирное время.

Список литературы

Богуславский И., протоиерей. Братское собрание военного духовенства в Санкт-Петербурге 17-го ноября 1908 года (продолжение) // Вестник военного духовенства. 1909. № 3. С. 85.

Большие маневры под городом Курском — в 1902 году (дневник священника с 21-го августа по 12-го сентября) // Вестник военного духовенства. 1903. № 10. С. 313–314.

Катков В. М. Военное духовенство России: страницы истории. СПб., 2003. Т. 1. С. 212.

Коровин В. В. К 110-летию организации войсковых учений под Курском // Военно-исторический журнал. 2012. № 10.

Невзоров Н. Исторический очерк управления духовенством военного ведомства в России. СПб., 1875.

Шавельский Г. И. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. Т. 1. М., 1996.

[8] *Шавельский Г. И.* Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. Т. 1. М., 1996. 1. С. 84.

Sergey Nikolaevich EMELYANOV

Ph. D. In History (*kandidat istoricheskikh nauk*), Associate Professor (*docent*), Admiral Makarov State University of Maritime and Inland Shipping (St. Petersburg, Russia)

E-mail: sergeje@mail.ru

The involvement of chaplains in large maneuvers 1902

Large maneuvers of the Russian army in 1902 were first held with the participation of chaplains, showing the importance of its involvement in the field of life in peacetime.

Keywords: Russian army, military clergy, Large maneuvers of 1902, Kursk province.

References

Boguslavsky I, *Bratskoye sobranie voennogo duhovenstva v Sankt-Peterburge 17 noyabrya 1908 goda. [Fraternal meeting of the military clergy in St. Petersburg on November 17, 1908]*, in: Vestnik voennogo duhovenstva. 1909. No. 3.

Bolshye manevry pod gorogom Kurskom v 1902 godu (dnevnik svyashennika s 21 avgusta po 12 sentyabrya). [Large maneuvers near the Kursk in 1902], in: Vestnik voennogo duhovenstva. 1903. No. 10.

Katkov V. M., *Voennoe duhovenstvo Rossii: stranitsy istorii. [Military clergy of Russia: Pages of history]*, vol. 1, St. Petersburg 2003.

Korovin V. V., *K 110-letiyu organizatsii ucheniy pod Kurskom [To the 110th anniversary of the organization of military exercises near Kursk]*, in: Voenno-Istorichesky zhurnal. 2012. No. 10.

Nevzorov N., *Istorichesky ocherk upravleniya duhovenstvom voennogo vedomstva v Rossii [Historical sketch of the management of the clergy of the military department in Russia]*, St. Petersburg 1875.

Shavelsky G. I., *Vospominaniya poslednego protopresvitora russkoy armii i flota [Memoirs of the last protopresbyter of the Russian army and navy]*, vol. 1, Moscow 1996.

УДК 94 (47).083
ББК 63.3 (2) 521

Алексей Владимирович АРАНОВИЧ

доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна, президент Санкт-Петербургского военно-исторического общества (Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: aaranovitch@yandex.ru

Владимир Александрович БЕЗРОДИН

аспирант Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна, старший научный сотрудник Государственного музея истории религии (Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: bezrodin@mail.ru

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ВОЕННОГО КОСТЮМА РУССКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ АРМИИ ВО ВРЕМЯ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ (1904–1905 гг.)

В статье раскрываются проблемы снабжения русской армии и неэффективности существующей системы обмундирования и снаряжения в годы Русско-японской войны 1904–1905 гг.

Ключевые слова: армия, униформа, мундир, обмундирование, гимнастическая рубаха, снаряжение.

Реалии Русско-японской войны предъявили несколько иные, нежели в мирное время, требования к обмундированию войск: единообразие, удобство, простота, маскировочные качества. В первые же месяцы стал актуальным вопрос о форме защитного цвета, хотя поднимался он еще после англо-бурской войны.

Русская армия в летний период переодевалась в белые холщёвые гимнастёрки, хорошо заметные на фоне гористо-лесного ландшафта. Это демаскировало крупные массы войск при перемещении и военнослужащих в бою, и приводило к большим потерям. С белым цветом гимнастических рубах приходилось бороться подручными способами. Сотрудник порт-артурской газеты «Новый край» П. Н. Ларенко в своих мемуарах

приводил распоряжение по гарнизону: «Часто рубахи и чехлы не мыть, они более подойдут под цвет местности»[1].

Системно решать проблему маскировки обмундирования приходилось на уровне местного командования. Так, 1 мая 1904 г. был издан приказ № 37 о введении защитного обмундирования в морских командах, действовавших на суше при обороне Порт-Артура[2].

Процесс переобмундирования во время Русско-японской войны проходил стихийно, многие солдаты и офицеры кустарно перекрашивали свою форменную одежду, что придавало ей «чрезвычайно жалкий вид»[3]. В своих письмах участник войны мичман Дараган писал: «Нигде нет больше серо-желтых шинелей. Я раздобыл материю неприличного цвета и хочу сшить полную форму и чехлы на фуражку, в 20 шагах местности не заметить»[4].

Интересные сведения можно найти в письме начальника 2-й гвардейской пехотной дивизии генерал-адъютанта Данилова: «После Мукденского боя интендантство снабдило нас рубахами желтыми и зелеными, и в моей дивизии производились наблюдения издали с гор на движение колонны. Ввиду разного оттенка окружающей зелени движение зеленых колон невольно бросалось в глаза как плавное движение кустов или даже леса. Движение желтых масс проектировалось в горах обыкновенно на земле и не было так заметно»[5].

Для сбережения живой силы пошли на введение для солдат защитного обмундирования в Порт-Артуре. Одежда перекрашивалась подручными средствами, единых образцов не было. Так, 6 января 1904 г. в 26-й Восточно-сибирский стрелковый полк поступил приказ красить рубахи и чехлы на фуражках в серо-желтый цвет. По мнению служившего в этом полку офицера Н. Побилевского, «эта домашняя окраска — грязь и больше ничего»[6].

Однополчанин Побилевского поручик Длусский выступил на страницах «Нового края» со своим проектом защитной формы. Он предлагал ввести обмундирование серо-кофейного цвета, головные уборы с двумя

---

1 Русско-японская война: Взгляд побежденных. М.: АСТ: Транзиткнига, 2005. С. 130–131.

2 РГАВМФ. Ф. 650 (Эскадры Тихого океана 1898–1905 гг.). Оп. 1. Д. 606. Л. 51. Пр. № 37.

3 РГАВМФ. Ф. 763 (Русско-японская война 1904–1905 гг. Коллекция). Оп. 1. Д. 201. Л. 54.

4 Там же.

5 РГВИА. Ф. 499. Оп. 13. Д. 773. Л. 73.

6 *Побилевский Н.* Дневник артурца. СПб., 1912. С. 19.

козырьками, парусиновые сапоги[7]. В этой же газете появились объявления о новой услуге в Порт-Артуре — дублении обмундирования (перекраске его в коричневый цвет)[8].

Первые бои на суше показали, что японцы старались выбить из строя русских офицеров, которые своей формой сильно выделялись среди нижних чинов. Поэтому уже к лету 1904 г. большинство офицеров порт-артурского гарнизона носило гимнастерки защитных цветов солдатского покроя и солдатские шинели[9]. Об этом идет речь в дневнике лейтенанта В. И. Лепко: «Так как японцы очень метко бьют по офицерам, вышел приказ, чтобы офицеры имели форму, мало отличающуюся от формы команды. Разрешено нам делать голубые или коричневые кителя и носить соломенные шляпы. Многие оригинальничают и одеваются весьма безобразно в английские грибообразные шлемы»[10]. На позициях применялись и другие способы маскировки. Так, солдаты выворачивали наизнанку свои сибирские папахи.

В зимнее время при Порт-Артуре обеими сторонами применялся прообраз маскхалатов: солдаты распарывали и надевали поверх обмундирования нижнее белье больших размеров. Получалось нечто вроде курток и штанов на завязках. Их активно использовали, когда позиции были припорошены снегом[11].

В действующей армии отмечалось массовое использование суконных рубах, зачастую изготавливаемых явочным порядком. «Офицеры её носят с серебряным шарфом и погонами, солдаты при кожаных поясах, в этом всё и различие. В результате получился лёгкий, красивый и удобный костюм»[12]. В качестве защитного цвета участниками войны, по опыту маньчжурских условий назывались несколько основных: бурый, буро-зелёный и тёмно-жёлтый. При этом отмечалось желание офицеров сохранить эту форму одежды и в мирное время. «Всё ненужное, всякое шитьё, галуны, эполеты, лядунки, барашковые шапки и пр. должно быть беспощадно уничтожено, только тогда наша армия будет одета, как то подобает боевому войску, да содержание её обойдётся дешевле казне»[13].

[7] Новый край. 1904. 28 апреля.

[8] Новый край. 1904. 27 апреля.

[9] РГАВМФ. Ф. 763. Оп. 1. Д. 181. Л. 80.

[10] РГАВМФ. Ф. 763. Оп. 1. Д. 194, Л. 81.

[11] *Норригараард Б. В.* Великая осада Порт-Артура и его падение. СПб., 1906. С. 128.

[12] *Огиевский М.* Обмундирование и содержание солдата в Маньчжурии // Разведчик. 1905. № 768. С. 554–555.

[13] *Блюмер.* Обмундирование // Разведчик. 1905. №781–782. С. 784.

Русско-японская война показала несовершенство российской системы пехотного снаряжения (см. приложение 1). Современники и очевидцы отмечали, в первую очередь, чрезмерную тяжесть вещей, которых должен переносить на себе солдат в процессе обычного дневного перехода в 25–30 км по пересечённой местности, не говоря уже о форсированных маршах. «Поразила нас также легкость снаряжения японского солдата, которое состоит из винтовки, патронов и маленькой корзиночки с дневной дачей риса — вот и все. Обмундирование — легкое хаки; на ногах — легонькие башмаки и краги; все способствует большой подвижности и облегчает до крайности быстроту движения по горам. Не угодно ли тут соперничать нашему солдату, на которого хомутом навьючена толстая шинель с палаткой и котелком, с одной стороны болтается мешок, набитый сухарями, с другой — мешок с вещами»[14].

Офицеры отмечали, что на переходах солдаты выбивались из сил и под конец марша не могли двигаться, не говоря уже о ведении боевых действий. Эти обстоятельства стали причиной продолжения начавшегося ещё во второй половине XIX в. спора о необходимости преобразования системы пехотного снаряжения и по возможности его облегчения.

Ещё в ходе Русско-японской войны высказывались предложения к облегчению вещевой нагрузки пехотинца (не изменяя существующей системы переноски грузов), которые можно свести к двум типам.

Во время марша часть солдатской ноши (шинельные скатки с ранцами) перекладывать на ротные подводы, оставляя солдату винтовку с патронами, а также небольшую сумочку для чашки, ложки, табака и других мелких вещей, вес которых вместе с сумкой не должен превышать 2–3 фунта (примерно 1 кг). При этом автор предложения ссылался на опыт последних манёвров французской армии, во время которых испытывались новые пехотный ранец и система распределения вещей. Вдали от неприятеля солдат вещи несёт на себе, а патроны возятся в ротных повозках. Перед боем пехотинец забирает из повозки патроны и складывает туда лишние в бою вещи[15].

Второе тип сводился к изменению номенклатуры предметов снаряжения, которые нижний чин носил на себе. Самым тяжёлыми, неудобными и малополезными на марше участниками войны назывались ши-

[14] *Грулев М.* В штабах и на полях Дальнего Востока. Воспоминания офицера Генерального штаба и командира полка о Русско-японской войне. СПб.: Изд. В. Березовского, 1908. С. 203–204.

[15] *Коченгин П.* Снаряжение и вооружение пехоты // Разведчик. 1907. № 839. С. 857–858.

нель и вторая пара сапог. Критике подвергались и основная пара сапог, да и сам армейский вещевой мешок. Причём указывалось, что достаточно часто для облегчения ноши солдаты сами избавлялись от «лишнего» снаряжения. Это, в частности, приводило к подрыву дисциплины в деле сохранения материальной части, поскольку офицеру на марше было довольно трудно пресечь попытки нижних чинов избавится от груза. Предлагалось из носимых вещей изъять шинель, при необходимости заменив её лёгкой непромокаемой накидкой от дождя и влажной погоды и спальным мешком. Запасную пару сапог предлагалось заменить более лёгкой обувью. Видимо, используя опыт Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., некоторые офицеры останавливались на опанках. Да и основную пару сапог, по мнению современников, также следовало бы облегчить и укрепить в швах[16].

Параллельно военнослужащие на местах изобретали новые способы носки штатного снаряжения. К примеру, чины Заамурского округа пограничной стражи изменили способ пригонки вещевого мешка. Во время решения пограничниками своих задач мешок при носке сбоку под рукой был неудобен и мешал при ходьбе. Солдаты команды, отправляясь в разведку или на охоту, приспосабливали свои мешки на спине и привязывали их веревочками. Положение мешка сзади в виде ранца освобождало руки, переносило тяжесть ноши с одного плеча на поясницу. Впоследствии, когда выяснилась необходимость в изменении пригонки мешка, было отдано распоряжение приспособить все вещевые мешки в команде для носки за плечами на спине. Для носки его на спине свободный конец тесьмы перекидывался через правое плечо и перешивалась левая пряжка вниз, к правому углу мешка; левую тесьму могла заменить холщевая полоса, подшитая армейским сукном и пришитая к месту, где была прежде пряжка, снизу можно было пришить такую же пряжку из проволоки. Спереди, чтобы тесьмы не сползали с плеч, они соединялись ремешком на высоте груди[17].

В действующей армии были и другие формы подгонки пехотного снаряжения. Поступали предложения поднять вещевой мешок на поясницу и тем приблизить его пригонку к пригонке ранца; устранить болтание около ног лопаты приторочкой её к шинели под чехлом с сапогами; скатывать полотнище походной палатки отдельно от шинели, чтобы уменьшить толщину скатки и иметь возможность пользоваться палаткой как дождевой накидкой, причём раскатывать её, не трогая скатанной шинели с притороченными к ней вещами, что было бы особенно применимо, если бы все нижние чины были снабжены полотнищами палаток с прорезью в середине и с колпаком, заменяющими дождевые накидки[18].

Другая система пригонки снаряжения, появившаяся ещё до войны, предусматривала значительные отклонения от приказной.

Во-первых, чехол с запасной парой сапог приторачивался к шинели палаточной веревкой в два креста, такая привязка считалась надежнее.

Во-вторых, чехол с сапогами поднимался на высоту плеч, так как на такой высоте носить сапоги легче.

В-третьих, носимая на поясе и бьющая головкой черенка по ноге шанцевая лопата (или топор) приторачивалась во время похода между шинелью и сапожным чехлом, под которым и находился ее лоток в кожаном чехле, по бокам лотка лопаты располагались приколыш и полустойка палатки, притороченные, как и лопата, в двух концах той же палаточной веревкой. Такой способ носки лопаты во время продолжительных походных движений не исключал возможности её носки во время боя на поясном ремне.

В-четвертых, тесемочные приспособления алюминиевой фляги снимались, и фляга пришивалась с её суконным чехлом на переднем боку вещевого мешка, подобно тому, как приторачивалась водоносная фляга на санитарной сумке, при этом она не болталась и свободно могла быть вынута из своего чехла.

В-пятых, запасная патронная сумка и поясной ремень не надевались, взамен этого патронташ делался вдвое толще, т. е. на 60 патронов вместо 30, и надевался вместо пояса, не стягивая туго талию. Впереди, на ремне патронташа, надевались две патронные сумки. Чтоб тяжесть патронов не давила исключительно на живот или бока, через правое плечо перебрасывалась тесьма от алюминиевой баклаги, а к её концам прикреплялись два крючка, при помощи которых подтягивались к плечу патроны с двух сторон. Тесьма эта имела спереди подвижную пряжку, для увеличения или уменьшения её длины. Патроны поворачивались свободно вокруг талии при удлинении этой тесьмы или при отстегивании её крючков. При таком способе носки патронов необходимо было ремень патронташа сделать шире, вроде драгунского, и не пришивать

---

[16] *Бутков.* Изменение и уменьшение веса солдатского снаряжения // Разведчик. 1904. № 724. С. 906–910; *Соловьёв Л. З.* Указания опыта текущей войны на боевые действия пехоты; впечатления ротного командира. СПб., 1905. С. 34–35.

[17] *Байков.* Маньчжурия // Разведчик. 1907. № 879. С. 504.

[18] *Н. А.* Пригонка снаряжения // Разведчик. 1905. № 789. С. 919.

его наглухо к патронташу или же уничтожить этот ремень, а подсумки и патронташ одевать на существующий поясной ремень. Такой способ носки патронов, практиковавшийся охотниками, признавался удобнее существовавшего. Принятый в войсках патронташ, находясь под скатанной шинелью, давил грудь, особенно в то время, когда на солдате надета летняя рубашка, а не мундир или шинель в рукава.

В-шестых, вещевой мешок поднимался, насколько возможно, к плечу, а клапан на оборотной его стороне снимался как не имеющий значения. Казалось практичным перевязь вещевого мешка в том месте, где она облегала правое плечо, делать вдвое шире, пропуская поверх её тесьму, подтягивающую к плечу патроны, через петлю.

Во время продолжительных походных движений считалось полезным требовать от нижних чинов обязательное ношение ружей на ремне, по-драгунски[19].

Несмотря на большое количество наработок в области изменения системы военного снаряжения, преобразования 1907–09 гг., введя, наконец, защитный цвет полевого обмундирования, практически ничего не изменили в номенклатуре и ношении походного снаряжения. Исключение составил вещмешок, который получил два способа ношения: через одно плечо и на спине (как ранец).

Приложение.

Пригонка мешочного снаряжения нижних чинов армейской пехоты и укладка полагающихся при нем предметов, установленная в 1889 г.

На поясной ремень надевались:

а) чехол с малой шанцевой лопатой или за этот ремень зацеплялся крючком топор в чехле, и б) две тридцатипатронные сумки (у унтер-офицеров одна сумка). Лопата или топор в чехле пригонялись с правой стороны, на боку (на ребре), а сумки — спереди, ближе к бляхе поясного ремня. Если сумка одна, то она носилась с правой стороны.

Через правое плечо надевались:

а) вещевой мешок с полной укладкой и б) деревянная водоносная баклага на тесемочном приспособлении. Мешок пригонялся так, чтобы верхний его край был несколько выше поясного ремня, за который мешок застегивался имеющимся при нем клапаном, причем мешок должен был лежать на левом боку и быть подвинутым настолько назад, чтобы не мешал движению левой руки.

[19] *Абрежо Ав.* Пехотное армейское снаряжение // Разведчик. 1902. № 622. С. 839–840.

Тесемочное приспособление баклаги пригонялась по перевязи вещевого мешка. Баклага помещается на мешке, один конец ее приспособления пропускался в тесемочную гайку на клапане мешка.

Примечание 1. Тесемочные приспособления для носки баклаг в войсках пригонялись по баклагам.

Примечание 2. В случае потери пробки к баклаге, разрешалось в войсках заменять ее простой деревянной или обыкновенной корковой пробкой.

Через левое плечо надевалась:

а) скатанная шинель;

б) полотнище походной палатки с одной или двумя веревками, одной полустойкой и одним или двумя приколышами;

в) сапожный чехол с сапогами и г) котелок.

Шинель стягивалась туго, по возможности плоско, по росту носящего, так, чтобы, будучи надета через плечо, не подпирала под подбородок и давала возможность делать свободно ружейные приемы, не стесняя в то же время груди. Затем она завертывалась в полотнище походной палатки и концы ее стягивались ремнем вместе с полотнищем палатки. Если шинель в скатанном виде получалась длиннее полотнища походной палатки, то концы шинели стягивались ремнем, а концы полотнища палатки закреплялись веревкой палатки. Поверх стягивающего ремня пропускалась дужка круглого котелка без крышки, запуская концы шинели внутрь котелка, причем дужка котелка сильно подтягивалась кверху, чтобы котелок не слезал вниз. При котелке с крышкой старого образца концы шинели опирались на крышку котелка, а дужка его подтягивалась туго кверху палаточной веревкой, чтоб котелок не болтался.

На заднюю часть скатанной шинели с полотнищем походной палатки пригонялись: полустойка, один или два приколыша палатки, так, чтобы один конец полустойки входил в котелок или помещался около его края. Они привязывались к шинели палаточной веревкой, плотно оборачивая ее по шинели снизу вверх, чтобы полустойка и приколыши не потерялись при носке. Запасная пара сапог с длинными голенищами укладывалась в сапожный чехол по возможности аккуратно, для чего сложенные вместе сапоги каблуками наружу в обратном направлении один к другому предварительно связывались шнурком. Чехол с сапогами специальным ремнём пригонялись к шинели, сзади, ближе к концам шинели, так, чтобы клапаны чехла приходились к шинели, а не наружу. Если шинель надета на человека, то котелок, полустойка, приколыши и чехол с сапогами пригонялись к полотнищу походной палатки, надеваемому через плечо в свернутом виде.

Примечание. Запасная пара сапог, с длинными голенищами, в военное время при походе летом и когда по обстоятельствам это признавалось полезным, — могла быть, с разрешения начальства, обращаема в укороченные сапоги, обрезая голенища на половину вышины и приспосабливая затяжные ремешки к укороченным голенищам, в которых могут быть делаемы разрезы, для удобства затягивания голенищ ремешками.

В *вещевой мешок* укладывались:

а) две рубахи,

б) одни исподние брюки,

в) две пары портянок,

г) одно полотенце,

д) одна пара рукавиц с варежками,

е) 2 кг сухарей в двух холщевых мешочках,

ж) 50 г соли в особом мешочке,

з) ружейные принадлежности в мешочке,

и) принадлежности для содержания чистоты и опрятности в мешочке[20],

к) медная луженая чарка и л) четыре пачки патронов, по 6 патронов в каждой.

Укладка этих вещей производилась в следующем порядке: вниз мешка клался один холщевый мешочек с 0,8 кг сухарей и на него: рубахи, исподние брюки, портянки, принадлежности для чистки оружия и для соблюдения чистоты и опрятности, рукавицы с варежками, соль, чарка и холщевый мешочек с 0,8 кг сухарей. В карманы мешка укладывались патроны.

Башлык носился на шинели, обвертывая его кругом внизу скатанной шинели спереди.

Список литературы

Абрежо Ав. Пехотное армейское снаряжение // Разведчик. 1902. № 622. С. 839–840.

Байков. Маньчжурия // Разведчик. 1907. № 879. С. 504.

Блюмер. Обмундирование // Разведчик. 1905. № 781–782. С. 784.

Бутков. Изменение и уменьшение веса солдатского снаряжения // Разведчик. 1904. № 724. С. 906–910.

Грулев М. В штабах и на полях Дальнего Востока. Воспоминания офицера Генерального штаба и командира полка о Русско-японской войне. СПб.: Изд. В. Березовского, 1908. 367 с.

Коченгин П. Снаряжение и вооружение пехоты // Разведчик, 1907. № 839. С. 857–858.

Н. А. Пригонка снаряжения // Разведчик. 1905. № 789. С. 919.

Норригараард Б. В. Великая осада Порт-Артура и его падение СПб., 1906. 216 с.

Огиевский М. Обмундирование и содержание солдата в Маньчжурии // Разведчик. 1905. № 768. С. 554–555.

Побилевский Н. Дневник артурца. СПб., 1912. 107 с.

Русско-японская война: взгляд побежденных. М.: АСТ; Транзиткнига, 2005. 764 с.

Соловьёв Л. З. Указания опыта текущей войны на боевые действия пехоты; впечатления ротного командира. СПб., 1905. 48 с.

[20] Ружейные принадлежности: отвертка, промывальник, шпилька, пузырек с маслом, сало, завернутое в тряпку, суконка, небольшой кусок тряпки, несколько заостренных палочек и перышек и дульная накладка. У унтер-офицеров — нажимы: большой и малый, там, где полагается. Принадлежности для содержания чистоты и опрятности: гребенка, мыло, иглы, нитки и платяная щетка, одна на 4 человек, размерами не более 13,3 см длиной и шириной 17,8 см.

Aleksei Vladimirovich ARANOVICH

Doctor of History, Professor, Department of History and Theory of Art, St. Petersburg State University of Industrial Technology and Design, President of St. Petersburg Society of Military History (St. Petersburg, Russia)

E-mail: aaranovitch@yandex.ru

Vladimir Aleksandrovich BEZRODIN

Senior Researcher, State Museum of History of Religion; Postgraduate Student, St. Petersburg State University of Industrial Technology and Design (St. Petersburg, Russia)

E-mail: bezrodin@mail.ru

To the question on peculiarities of military costume of the Imperial Russian army during the Russo-Japanese war (1904–1905)

The article reveals the problems of supply of the Russian army and the ineffectiveness of the existing system of clothing and equipment during the Russo-Japanese war 1904–1905

Keywords: army, uniform, tunic, outfit, gym shirt, gear.

References

Abrezho Av., *Pekhotnoe armejskoe snaryazhenie*, in: Razvedchik, 1902, #622, 839–840.

Bajkov, Man'chzhuriya, in: Razvedchik, 1907, # 879, 504.

Blyumer, *Obmundirovanie,* in: Razvedchik, 1905, #781–782, p. 784.

Butkov, *Izmenenie i umen'shenie vesa soldatskogo snaryazheniya,* in: Razvedchik, 1904, #724, 906–910.

Grulev M., *V shtabah i na polyah Dal'nego Vostoka. Vospominaniya oficera General'nogo shtaba i komandira polka o Russko-yaponskoj vojne*, St. Petersburg 1908.

Kochengin P., *Snaryazhenie i vooruzhenie pekhoty*, in: Razvedchik, 1907, #839, 857–858.

N. A., *Prigonka snaryazheniya*, in: Razvedchik, 1905. #789, 919.

Norrigaraard B. V., *Velikaya osada Port-Artura i ego padenie*, St. Petersburg 1906.

Ogievskij M., *Obmundirovanie i soderzhanie soldata v Man'chzhurii* in: Razvedchik, 1905, #768, 554–555.

Pobilevskij N., *Dnevnik arturca*, St. Petersburg 1912.

Russko-yaponskaya vojna: Vzglyad pobezhdennyh, Moscow 2005.

Solov'yov L. Z., *Ukazaniya opyta tekushchej vojny na boevye dejstviya pekhoty; vpechatleniya rotnogo komandira,* St. Petersburg 1905.

УДК 94 (47).083
ББК 63.3 (2) 522

Антон Юрьевич ФОМИН

магистр исторических наук, аспирант, Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук (Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: a.fomin1511@gmail.com

«РУССКИЙ ИНВАЛИД» И «ВОЕННЫЙ ГОЛОС»: К ИСТОРИИ ПОЛЕМИКИ

В статье рассматривается спровоцированная обсуждением причин поражения русской армии в войне с Японией полемика двух военных газет: официального «Русского инвалида» и независимого «Военного голоса». Правительственная точка зрения на причины военных неудач, проводившаяся на страницах «Русского инвалида», категорическими не совпадала с идеями публицистов «Военного голоса». По мере развития полемики чисто военные вопросы отходили на второй план, уступая политическим.

Ключевые слова: «Русский инвалид», «Военный голос», Русско-японская война, русская военная печать.

В 1905–1906 гг. в военной среде шел процесс осмысления печального для России опыта войны с Японией. Активная фаза конфликта закончилась задолго до заключения мира. По сути, финальным актом драмы стала гибель лучших сил российского флота в Цусимском проливе в середине мая 1905 г. Возможность подвести итог действиям сухопутных войск представилась еще раньше — проигрыш Мукденского сражения не оставлял надежд на то, что русской армии удастся разгромить противника.

Предположения «о причинах наших неудач на Дальнем Востоке» уже с весны стали появляться в «Русском инвалиде». Однако специфическое положение ведомственного издания не позволяло «Русскому инвалиду» стать приемлемой для всех площадкой обсуждения волновавших армию вопросов. До заключения мира «аналитики» официальной газеты, объясняя и оправдывая «временные» трудности, непременно находили причины для оптимизма и «веры» в конечный успех. Шаблонное воспевание «знаменитой» храбрости русского солдата подменяло на страницах официоза обстоятельную критику действий военачальников и подготовки армии к войне.

Так, например, по мнению В. Недзевецкого поражения русской армии были обусловлены численным превосходством, а главное — сильнейшим патриотическим воодушевлением японцев, которое, впрочем, наверняка сойдет на нет по мере продолжения кровопролитных столкновений: «Боевой успех всегда выдвигает на первый план положительные стороны данной армии и на них сосредотачивается преимущественное внимание наблюдателей. Так было во все войны, то же замечается и в нынешнюю войну. В блеске японских удач, нередко преувеличенных, раздутых ложным патриотизмом, ярким пламенем горит моральный элемент. Пока он почти сплошь лучезарен, но останется ли он таким, когда успех перейдет на нашу сторону, когда поражения обрушаться всей своей тяжестью на японские войска? <…> Под Ляоляном армия Куроки почти потеряла в последние дни боеспособность; по-видимому, та же причина заставила прекратить атаки на Шахэ, не достигнув цели; под Артуром победа была одержана лишь благодаря постоянно прибывавшим свежим войскам. Будущие бои, без сомнения, предъявят еще большие требования, и смогут ли японские войска ответить им — остается открытым вопросом»[1].

Помещенная в следующем номере «Инвалида» заметка прославленного генерала, участника обороны Севастополя М. И. Батьянова и вовсе по стилистике напоминала напутственное слово полководца перед боем: «Нас постиг ряд неудач на суше и на море. Не проявилось до сих пор талантов ни там, ни здесь, но зато весь свет убедился, что и за десять тысяч верст от родной земли наши войска умеют умирать героями. На сухом пути, можно сказать, мы как бы только начинаем войну, и простой подсчет нам покажет, что мы обладаем по сравнению с Японией большими средствами для продолжения войны. <…> Россия не желала войны и теперь не желает, а потому дело Японии просить мира, и да знает она мощь России, живущей заветами Петра Великого (лить пушки из колоколов) и Александра Благословенного (не вложим оружия, доколе враг останется непобежденным). К царю сомкнись же, наша матушка Россия!»[2].

---

[1] Русский инвалид. 1905. 15 февраля.

[2] Там же. 16 февраля. Тот же Батьянов в печати возлагал большие надежды на поход 2-й Тихоокеанской эскадры Рожественского, благодаря предполагаемому успеху которой японская армия в Манчжурии «не будет в состоянии обеспечить себя всем необходимым». С целью же объяснить и частично оправдать катастрофу, постигшую 2-ю Тихоокеанскую эскадру, «Русский инвалид» упорно настаивал на том, что японцами в бою были задействованы подводные лодки — оружие будущего по тем временам. Появлявшиеся в прессе нейтральных стран опровержения, подкреплявшиеся ссылками на японские официальные круги, «Инвалид» призывал считать «не заслуживающими доверия». См.: Русский инвалид 1905. 28 мая; 2 июня.

Пожалуй, из всех публикаций «Русского инвалида» наиболее четкая и авторитетная (хотя и достаточно прямолинейная) точка зрения на причины поражений русской армии была выражена в статьях полковника Генерального штаба М. Д. Бонч-Бруевича. С позиций знатока тактики Бонч-Бруевич уверял, что неудачи российских войск на театре войны с Японией объясняются элементарными ошибками командования, (по незнанию или неумению) игнорировавшего азы военного искусства, известные всякому образованному офицеру. Бонч-Бруевич писал в первой части серии заметок под заглавием «Итоги войны»: «Мы начали войну и провели минувший ее период среди многих явных нарушений теории военного дела. <…> Если бы пришлось нарушать теорию в зависимости от обстановки вообще или по той причине, что противник не допустил действовать так, как бы следовало, то в таком стечении обстоятельств представлялось бы возможным посылать укоры суровой судьбе или сожалеть о недостатке искусства у наших полководцев, но если теория нарушается только потому, что иные ее забыли, а другие привыкли с нею не считаться или просто вышучивать ее, то согласитесь, что это неладно»[3].

«И на театре военных действий, и на полях сражений со стороны русской армии были допущены многие явные нарушения теории военного дела. Это ничем не оправданное нарушение теории является важным недочетом в нашей армии. <…> Всякий устав, всякая теория имеют ввиду, что победа достижима только в том случае, если войска будут действовать в их духе», — доводил он свои рассуждения до логического конца во второй части «Итогов» [4].

Мысли, выраженные в «Итогах войны» Бонч-Бруевича, не могли не встретить сочувствия в военной среде. Версия об исполнительской ошибке как основной причине поражения разделялась очень многими. Главнокомандующий А. И. Куропаткин был полностью дискредитирован в глазах офицерства, немногим выше был и авторитет его приемника — Н. П. Линевича. Статьями Бонч-Бруевича обозначался предел критики, допустимой на страницах официоза. Правительство не могло пойти дальше обвинения и без того порицаемых всеми военачальников и признания некоторых недочетов в подготовке войск, которые непременно будут исправлены в самое ближайшее время усилиями военных властей.

Но подобная интерпретация событий прошедшей войны, конечно, устраивала не всех. Следует отметить, что гибель флота и обнаружившаяся общая несостоятельность империи перед лицом противника, «лишь недавно вставшего на путь цивилизованных народов», вызвали повышенный интерес к состоянию вооруженных сил со стороны гражданской, «общей» прессы[5]. Однако уровень дискуссии на страницах этих изданий не устраивал военных, традиционно по меньшей мере с недоверием относящихся к попыткам «штатских» выступать в качестве экспертов по военным вопросам[6].

Таким образом, после заключения Портсмутского мира часть офицерства испытывала потребность в свободном публичном обсуждении итогов минувшей войны, которая не могла быть удовлетворена на страницах существовавших органов военной печати, в той или иной мере зависевших от военной администрации. Не могла соответствовать предъявляемым требованиям и гражданская печать, хотя и менее зависимая, но для профессиональных военных имевшая слишком мало авторитета в том, что касалось вооруженных сил.

В этих условиях в конце 1905 г. с возвращением с театра войны на Дальнем Востоке участников боевых действий в установившейся атмосфере политической неопределенности и ожиданий основополагающих реформ в Петербурге группой офицеров была основана первая в России «частная, независимая военно-общественная газета “Военный голос”». Газета начала выходить с 1 января 1906 г. В первом же материале была сделано значимое политическое заявление. По мнению редакции «Военного голоса», успешные реформы в армии были возможны только при условии перестроения всей государственной жизни России на «новых <следует понимать конституционных — *А. Ф.*> началах»[7]. Аксиома либерального движения, согласно которой никакие современные и «прогрессивные» явления государственной жизни невозможны при сохранении бесконтрольного произвола власть предержащих, была воспринята и частью военной среды.

---

[3] Там же. 17 апреля.

[4] Там же. 22 мая.

[5] По военным вопросам в то время высказывались издания всех направлений: от представлявших наиболее левое крыло легальной печати «Двадцатого века» и «Нашей жизни» до консервативных «Слова» и «Нового времени». В особенности на страницах консервативных изданий экспертами иногда вступали отставные или даже находившиеся на действительной службе военные, но, обращаясь к широкому читателю, они зачастую допускали «легкость» в суждениях, казавшуюся недопустимой профессионалам.

[6] Критика и разоблачения «невежеств» подобных авторов стали популярным жанром на страницах военных изданий. См., напр.: Подполковник Заусницкий. Нечто о современных обличителях // Русский инвалид. 1905. 4 июня.

[7] Военный голос. 1906. 1 января.

Здесь «Военный голос» вставал на скользкую и опасную почву. Именно в этом его противникам справа виделась «политическая агитация» в войсках крайне нежелательного свойства. Ведь фактически «Военный голос» стремился заменить традиционную монархическую лояльность армии новой — конституционной. Легко представить, до какой степени эта программа была неприемлема для консерваторов.

Редактор «Русского инвалида» Макшеев и его помощник полковник Пруссак присутствовали на банкете в честь открытия редакции «Военного голоса», но отношения между двумя изданиями очень быстро испортились. Ожесточенная полемика между официозом Военного ведомства и «Военным голосом» началась с заметки маститого военного писателя, героя Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., давнего сотрудника «Русского инвалида» — почтенного генерала от инфантерии П. Д. Паренсова. С начала 1906 г. Паренсов являлся к тому же комендантом любимого Николаем II Петергофа. В очередном (124-м) из своих «Современных писем» генерал решил высказаться о различных появляющихся в печати предложениях реформ в армии: «Статьи об армии, появлявшиеся и появляющиеся в печати, можно разделить на две категории: “обнажающие”, “бичующие” просто и “обнажающие” и “бичующие”, но не просто, а с рецептом. Оставляя в стороне первые, поговорю о вторых. Пишут их преимущественно, если не исключительно, военные, и про них скажу тоже, что сказал выше: к ним надо относиться сочувственно за то, что они решаются высказываться про свое дело, что делом своим интересуются, им занимаются, а не относятся к нему безразлично, спустя рукава. Но относясь безусловно сочувственно к побуждениям, которыми руководствуются пишущие, “внести свою лепту на общее благое дело”, необходимо в то же время относиться к ним весьма осторожно, особенно к предлагаемым рецептам. <…> Не каждый рецепт, прописанный для “возрождения” армии, будет использован теми, от кого зависит самое дело, <…> некоторые из них <рецептов — А. Ф.>, соблазнительные при первом взгляде, оказываются несомненно неприемлемыми, если посмотреть ближе»[8].

«Военный голос» не упоминался прямо, но несложно было догадаться, что, говоря о военных, предлагавших «рецепты», Паренсов имел ввиду именно авторов этой газеты. В «Военном голосе» были задеты покровительственным отношением и снисходительным тоном генерала и потому отреагировали достаточно резко: «Мораль сей басни о рецептах такова: пускай себе балуются — писатель пописывает, а читатель почитывает, те же, “от кого зависит самое дело”, поступят по-своему, как им выгодно и нужно: нужды нет, что “печать — выразительница общественных нужд и воззрений”. Ведь те, от кого пока еще зависит самое дело, признают эту истину, как и многие простые евангельские истины только на словах, только в теории, только тогда, когда это им выгодно. Тогда они вспоминают и о печати и пытаются при помощи рептильных органов и органов официозных создать это общественное мнение — по крайне мере призрак, тень его»[9].

В последних словах в полной мере выразилось отношение «Военного голоса» к «Русскому инвалиду» — «рептильный» орган, обслуживающий интересы министерства и нисколько не отражающий мнение армии. Несколько позднее А. Н. Брянчанинов выступил в «Военном голосе» против помещенной в «Инвалиде» статьи графа А. Д. — будущего атамана Всевеликого Войска Донского П. Н. Краснова. Он писал, что причины поражения в войне могут крыться в недостатках офицерского корпуса русской армии (в частности, офицеры приобретали негодные для похода предметы обмундирования). В связи с этим Краснов в свойственной ему манере предлагал отправиться «в чистую и ясную лазурь небесного свода для отыскания идеального офицера, отрешившегося от мира и отдавшего жизнь родине»[10].

Брянчанинов парировал: «Итоги войны, кажется, достаточно ясно показали, что побеждает тот, у кого вся военная подготовка и в том числе хорошее обучение покоятся прежде всего на чувстве долга, уважении к законности, уважении прав и личности подчиненного, а у последнего, кроме того, на чувстве собственного достоинства и разумном самопочине. Вот этих-то качеств у нас часто очень и очень не доставало, и об этом-то и надо кричать от всего наболевшего сердца, а не о том, на какой кровати спать офицеру в мирное время или какие носить сапоги. Нам не нужны офицеры, отрешившиеся от мира (это удел монахов), а нужны офицеры, не только преданные своему делу, но и в совершенстве его знающие, не только умеющие кричать: “Все ляжем костьми”, но такие, которые понимали бы, что гораздо больше чести уметь заставить врага лечь костьми, а ведь нас до сих пор только и хватило на то, чтобы самим костьми ложиться»[11].

---

8 Русский инвалид. 1906. 24 февраля.

9 Военный голос. 1906. 26 февраля.

10 Русский инвалид. 1906. 18 февраля.

11 Военный голос. 1906. 1 марта.

Наивысшего накала полемика достигла позднее. Еще один генерал — участник Русско-японской войны и известный военный писатель, впоследствии автор нашумевших воспоминаний «Записки генерала-еврея» — М. В. Грулев под псевдонимом «Строевой» встал на защиту чести «Русского инвалида»[12]. В своей заметке он пытался доказать, что «Русский инвалид» всегда являлся выразителем наиболее «прогрессивной» военной мысли. В подтверждение этого тезиса выдвигался следующий аргумент: в «Русском инвалиде» помещали статьи крупнейшие знатоки военного искусства, чей авторитет признавался всеми: генералы Драгомиров, Пузыревский, Войде и др[13].

В «Военном голосе» Сандр — военный юрист А. В. Таваташерна — опубликовал «Ответ защитнику официальной печати»: «Он ("Русский инвалид" — А. Ф.) не хочет согласиться с нами, что официальный орган печати прогрессивным быть не может. Он спорит против очевидности вместо того, чтобы оглянуться на своих собратьев — "Прав. вестник", "Ведомости градонач.", на бесконечный ряд тощих "Губернских ведомостей". В лице петербургского г. Строевого он из сил надрывается доказать, что он не является синонимом отсталости, косности и рутины. <…> Нет, в отраженных лучах таких светил, как наши лучшие военные мыслители — М. И. Драгомиров, Пузыревский и др. не скрыть "Рус. Инвалиду" своего убожества, как не оправдать его и недостатком места для дельной мысли и равнодушием офицеров-читателей к "военным сочинениям"»[14].

Таваташерна и более развернуто высказывался о состоянии военной печати в России. В серии заметок по этому вопросу он развивал примерно те же мысли. Русская военная печать (до появления свободного и независимого «Военного голоса») находилась в удручающем состоянии. Казенные «Русский инвалид» и журнал «Военный сборник» отсутствием «живого слова» и «живой мысли», по мнению автора, начисто отбили у офицеров интерес к чтению литературы по военным вопросам: «До настоящего года военная печать имела почти исключительно официальный характер. Ряд специальных толстых журналов и сборников <…> выходили со станков главных управлений и вследствие обязательности подписки расходились по войсковым штабам и канцеляриям Военного и Морского министерств, во все концы нашего обширного отечества для того, чтобы быть там похороненными в шкафах, на общем кладбище наряду с сотнями таких же, как они, покойников. Неразрезанные листы этих сухих и неинтересных даже по одному своему внешнему виду томов могут служить эпитафией мертвой мысли, в них воплощенной. Военное общество за редким исключением не проявляло никакого к ним интереса, и не потому, чтобы оно не интересовалось военным делом, а потому, что оно изверилось в надежде услышать с канцелярских печатных станков живое слово, яркую мысль, согретый смелым и откровенным чувством ответ на жгучие запросы, волнующие армию и флот».

Если специальные военные журналы, по мнению Таваташерны, неразрезанными пылились в шкафах, то «Русский инвалид» не пользовался «ни влиянием, ни авторитетом в войсковой среде, вызывая, напротив того, отрицательное к себе отношение, выразившееся в нескончаемых насмешках», он «стал синонимом отсталости, косности, рутины и чисто приказного отношения к делу; читался он наряду с приказами по части и служил преимущественно для справок о чинопроизводстве»[15].

Грулев не мог оставить выпады Таваташерны без ответа: «Не понимаю, в силу каких соображений и на основании чьей авторитетной оценки "Военный голос" так самоуверенно выделяет себя из числа всех военных изданий. Не г-ну же Сандру, мало кому известному, чинить суд и расправу над военными изданиями лишь за то, что направление их не в духе "Военного голоса", может быть и достаточно крикливого, но едва ли авторитетного и справедливого. <…> Зная программы разных политических партий и их отношение к армии, можно безошибочно сказать, что среди правых, а не левых партий следует искать нравственной поддержки и сочувствия нашей армии»[16].

Постепенно столкновения «Русского инвалида» и «Военного голоса» стали носить постоянный характер. Редкий номер «Военного голоса» обходился без шпилек в адрес «Инвалида», и наоборот. Между газетами началась война. Обо всех эпизодах этого конфликта рассказать не-

---

[12] Грулев — любопытная фигура. Крещеный еврей, сделавший успешную военную карьеру, сам причислял себя к числу «прогрессивных» деятелей, всеми доступными силами боровшихся с «бюрократическим строем». Почему же в таком случае, вместо того, чтобы присоединиться к коллективу авторов «Военного голоса», Грулев критиковал эту газету с позиций убежденного консерватора? Вопрос скорее риторический. Видимо, свои настоящие убеждения он предпочитал хранить в тайне. Во всяком случае, Грулев кривил душой, когда заявлял в воспоминаниях, что «либерализм» сходил ему с рук на службе при Главном штабе в силу непоследовательности репрессивной машины «старого режима» // *Грулев М. В.* Записки генерала-еврея. М., 2007. С. 227–228.

[13] Русский инвалид. 1906. 29 апреля.

[14] Военный голос. 1906. 4 мая.

[15] Там же 1906. 12 апреля.

[16] Русский инвалид. 1906. 29 апреля.

возможно. Стоит лишь отметить, что «Русский инвалид» стал обращать к «Военному голосу» сентенции, в которых можно было расслышать довольно угрожающие ноты. «Преувеличивать свои силы и значение может быть и очень приятно для самолюбия, но ведет всегда к дурным последствиям» — такими словами заканчивалась первый выпуск учрежденной на страницах официоза рубрики «Печать о военных делах»[17].

Мотивировалось появление нового раздела «вполне естественным желанием у старейшего военно-литературного органа содействовать правильной постановке энергично производившейся популяризации военных знаний в читающей публике»[18]. «Русский инвалид» декларировал свой статус старейшей и, соответственно, наиболее авторитетной военной газеты — единственной, имеющей право давать экспертную оценку публикациям по военным вопросом во всех прочих изданиях. В этой системе заслуживало внимания только то, что получало одобрительную санкцию «Инвалида» — своего рода сертификат качества. Одним из факторов, спровоцировавших доселе вполне уверенно себя чувствующий официоз на шаги по укреплению своего авторитета, была конкуренция со стороны «Военного голоса».

Насколько беспокойство редакции «Инвалида» имело под собой основания? На первый взгляд, официозу военного ведомства было нечего опасаться — ежедневный тираж «Русского инвалида» составлял порядка 85 тыс. экземпляров[19], тогда как «Военного голоса» — лишь 5 тыс.[20] Однако если сравнить количество подписчиков, то мы увидим уже вполне сопоставимые числа. Как говорилось в первой главе, на «Русский инвалид» в 1906 г. было подписано 6604 человека[21], тогда как число подписчиков «Военного голоса» постоянно росло, достигнув в итоге 3000 человек[22]. Нельзя также забывать, что многие выписывали «Русский инвалид» по служебной необходимости, в то время как подписка на «Военный голос» была делом абсолютно добровольным.

[17] Там же. 5 мая.

[18] Там же

[19] *Зверев В. О., Полковников О. Г.* Публикации на военную и морскую темы в средствах периодической печати России как угроза ее внешней безопасности (1900–1912 гг.) // Научный вестник Омской академии МВД России. 2013. № 4 (51). С. 53.

[20] Военная энциклопедия под ред. В. Ф. Новицкого в 18-ти т. 1911–1915. Т. 6. М., 1912. С. 584.

[21] РГВИА Ф. 400 оп. 3 д. 2892. Доклад Комитета по образованию войск… Л. 9. Об.

[22] Там же.

Относительно скромный тираж не позволял, по примеру «Русского инвалида», буквально заполонить номерами «Военного голоса» офицерские собрания, казармы, штабы и военно-учебные заведения по всей России. При этом стремительное увеличение контингента преданных читателей «Военного голоса», очевидно, с сочувствием и интересом относившихся к высказывавшимся на страницах этой газеты идеям, не могло не беспокоить редакцию «Русского инвалида» и министерство. В сентябре 1906 г. петербургский градоначальник, исполняя просьбу военного министра, распорядился прекратить издание «Военного голоса».

Список литературы

Зверев В. О., Полковников О. Г. Публикации на военную и морскую темы в средствах периодической печати России как угроза ее внешней безопасности (1900–1912 гг.) // Научный вестник Омской академии МВД России. 2013. № 4 (51).

Anton Yurevich FOMIN

M. A. in History, Postgraduate Student, Saint Petersburg Institute of History of Russian Academy of Sciences (Saint-Petersburg, Russia)

E-mail: a.fomin1511@gmail.com

Russkiy invalid and Voenniy golos: history of the polemic

The article deals with the polemic between two military newspapers: official *Russkiy invalid* and independent *Voenniy golos*. Polemic developed over the topic of the Russo-Japanese War. Government's view on the causes of Russian army's military catastrophe during the war delivered to the public by *Russkiy invalid* was in a strong contradiction to the explanations of the Russia's defeat raised by *Voenniy golos* editorial staff and Russian liberal press. Polemic between two military titles actually took part in the political not military-professional dimension.

Keywords: *Russkiy invalid*, *Voenniy golos*, Russo-Japanese War, Russian military press.

Reference

Zverev V. O., Polkovnikov O. G., *Publikatsii na voennuyu i morskuyu temyi v sredstvah periodicheskoy pechati Rossii kak ugroza ee vneshney bezopasnosti (1900–1912 gg.) [Publications on military and navy subjects in the Russian periodical press as a threat to it's national security (1900–1912.),* in: Nauchnyiy vestnik omskoy akademii MVD Rossii. 2013 № 4 (51).

УДК 94 (47).083
ББК 63.3 (2) 53

Анатолий Евгеньевич САФАЕВ

библиотекарь, отдел газет Российской национальной библиотеки
(Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: safaev.ae@gmail.com

ВСЕРОССИЙСКИЙ ПРАЗДНИК ВОЗДУХОПЛАВАНИЯ 1910 Г. ПО МАТЕРИАЛАМ РОССИЙСКИХ ГАЗЕТ

Статья посвящена отражению Всероссийского праздника воздухоплавания в 1910 г. на страницах ведущих петербургских газет. На основе анализа публикаций в периодических изданиях удалось не только восстановить хронологию событий, собрать воедино фактический материал, но и показать, насколько разнообразные точки зрения современников предоставляет исследователям периодическая печать, которая, актуализируя общественный резонанс на конкретное событие, оказывала влияние на стратегический выбор страны на пороге военных событий XX в.

Ключевые слова: Всероссийский праздник воздухоплавания 1910 г., Комитет воздушного флота по усилению флота на добровольные пожертвования, Императорский всероссийский аэроклуб, полет П. А. Столыпина, Л. М. Мациевич, Г. В. Пиотровский.

Всероссийский праздник воздухоплавания проходил на Комендантском поле в Санкт-Петербурге с 8 сентября по 1 октября 1910 г. Наиболее полно освещала этот праздник газета «Новое время». В период проведения мероприятия ежедневно публиковались отчеты и материалы объемом от четверти до половины страницы. Публикации сопровождались фотографиями, что для газет того времени являлось показателем высокого статуса мероприятия.

Безусловно, этот праздник имел огромное значение. Развлечение публики было не главным. Правительство понимало важность авиации в будущем военном ее применении. Нужно было понять, какие модели аэропланов наиболее перспективны, решить вопросы о закупках и о собственном производстве. На эти вопросы и надеялись получить ответ устроители мероприятия. В то время Россия ориентировалась в вопросе военной авиации на Францию. Именно туда посылались на обучение наши военные авиаторы, именно за французскими военными маневрами с использованием авиации следили наблюдатели. Так, «Новое время» публикуя отчеты о таких маневрах, делает акцент на возможностях авиационной разведки[1].

[1] Новое время. 1910. 6 сентября; Новое время. 1910. 7 сентября.

Илл. 1. Подполковник Одинцов. Новое время. 1910. 14 сентября

Илл. 2. Лейтенант Пиотровский. Новое время. 1910. 11 сентября

Илл. 3. Капитан Мациевич. Новое время. 1910. 11 сентября

5 сентября «Новое время» опубликовало беседы с подполковником С. И. Одинцовым (см. *илл. 1*) и лейтенантом Г. В. Пиотровским (см. *илл. 2*). Одинцов: «Вопрос о применении воздухоплавания для военных целей поставлен у нас в России, на мой взгляд, вполне правильно. <…> Немцы отдают предпочтение дирижаблям, французы — воздушным кораблям и аэропланам: у нас собираются пользоваться и тем, и другим, стараясь извлечь из них возможную выгоду. <…> На него <воздухоплавание — А. С.> будет возложена стратегическая и тактическая разведки».

Пиотровский: «Наше военное министерство командировало во Францию нескольких офицеров генерального штаба, которые и должны привезти сюда результаты происходящих опытов с аэропланами во время маневров. Результаты эти будут играть важную роль и их учтут для будущего. <…> Капитан Мациевич (см. *илл. 3*) и я стремимся выработать тип морского аэроплана. Такой аэроплан должен обладать способностью спускаться на воду. <…> Согласно последним сведениям, во Франции уже имеется аппарат, могущий опуститься на воду и пригодный для Морского ведомства. <…> Предстоящий национальный праздник авиации покажет, что уже теперь у нас имеются смелые и опытные летуны. Пройдет немного времени и вы увидите, что и у нас аэропланы найдут должное место как в Военном, так и в Морском ведомствах»[2].

Похожие авиационные состязания проходили ранее во Франции. Они были организованы газетой «Matin» и имели огромный успех, показав

[2] *И. М.* Военное воздухоплавание в России // Новое время. 1910. 5 сентября.

развитие воздухоплавательного дела во Франции. «Наш аэроклуб <…> видимо задумал осуществить ту же задачу и показать степень развития воздухоплавания в России»[3].

В жюри всероссийского праздника воздухоплавания Императорским всероссийским аэроклубом были избраны следующие десять лиц: граф И. В. Стенбок-Фермор, граф А. Н. Ростовцов, В. В. Корн, полк. В. А. Семковский, П. А. Неклюдов, И. П. Шипов, ген.-м. А. М. Кованько, проф. Н. Н. Митинский, князь Б. Б. Голицын и полк. В. Ф. Найденов[4].

Организационный комитет выработал «Положение» об авиационном празднике и инструкции для должностных лиц. В состав этого комитета, по сведениям «Ведомостей Санкт-петербургского градоначальства», вошли следующие лица: председатель — Н. М. Раевский, члены А. К. Арно, К. Е. Вейгелин, Н. Н. Грушецкий, Д. В. Каврайский, В. В. Корн, П. П. Леонтьев, С. А. Немченко, С. П. Одинцов, А. Н. Срединский, А. П. Фортанов, В. Н. Фролов[5]. Газета «Современное слово» перечисляет в составе организационного комитета ещё полковника Ильенко и г. Усова[6]. Также «Современное слово» и «Новое время» в составе организационного комитета указывали вместо фамилии Фортанов — Фанталов[7]. 8 сентября «Новое время» опубликовало групповую фотографию организационного комитета Праздника воздухоплавания (*илл. 4*)[8].

Правила участия офицеров, вернувшихся из Франции с дипломами пилотов-авиаторов, во всероссийском празднике воздухоплавания были выработаны 3 сентября на заседании членов отдела «комитета воздушного флота по усилению флота на добровольные пожертвования». В заседании принимали участие князь Б. Б. Голицын и вернувшийся в этот же день из-за границы председатель приемной комиссии отдела корабельный инженер капитан Л. М. Мациевич. «Постановлено дать на время праздника те аппараты, которые уже получены из-за границы: три биплана Фармана и один биплан Соммера.

[3] *Н. А.* К всероссийскому празднику воздухоплавания // Новое время. 1910. 3 сентября.

[4] Ведомости Санкт-Петербургского градоначальства. 1910. 3 сентября.

[5] Ведомости Санкт-Петербургского градоначальства. 1910. 4 сентября.

[6] Всероссийский праздник воздухоплавания // Современное слово. 1910. 4 сентября.

[7] Всероссийский праздник воздухоплавания // Современное слово. 1910. 4 сентября; Новое время. 1910. 2 сентября.

[8] Новое время. 1910. 8 сентября.

Илл. 4. Организационный комитет праздника воздухоплавания. Новое время. 1910. 8 сентября

Остальные аппараты уже приняты комиссией кап. Мациевича, но еще не прибыли, их всего шесть: три “Блерио”, два “Антуаннет” и один “Теллье”». Также на этом заседании были отобраны шесть человек для обучения авиации в России в особой школе отдела и принято важное решение не прекращать обучение летному делу в зимнее время, используя Севастополь[9].

Накануне праздника авиации «некоторые петербургские страховые общества постановили включить в число страховых операций страхование по воздухоплаванию. Авиаторы страхуются по трем категориям: на случай смерти, на случай увечья и на случай временной неспособности к труду. Величина премий обусловлена обычной нормой в зависи-

[9] Новое время. 1910. 4 сентября.

Илл. 5. Летчик Ефимов. Новое время. 1910. 12 сентября

Илл. 6. А. А. Кузьминский, Макутин, Б. А. Суворин. Новое время. 1910. 18 сентября

мости от социального положения страхующихся с прибавлением от 20 до 40%»[10]. Первым из русских пилотов застраховался Лебедев[11].

Первоначально праздник российского воздухоплавания должен был начаться 5 сентября, но из-за неблагоприятного метеорологического прогноза начало перенесли на 8 сентября. «Начало праздника отложено исключительно потому, что организаторы желают дать в первый же день блестящую картину успехов, достигнутых русскими воздухоплавателями»[12].

Тем не менее, Михаил Никифорович Ефимов (*илл. 5*) совершил 5 сентября при ветре около 10 м/с два полета, причем один даже с пассажиром, на аппарате отдела воздушного флота «Фарман», только что полученном из-за границы. «Аппарат этот был приобретен за 28 тысяч франков (около 10 тысяч рублей) для военных целей»[13]. 6 сентября Ефимов на «Фармане» совершил три полета, проделывая в воздухе трудные упражнения. При попытке взлететь в четвертый раз попал в канаву, шасси и пропеллер оказались поврежденными. Сам Ефимов ушибся, но, к счастью, легко. 7 сентября ветер не позволил пробовать аэропланы.

На Комендантском поле всё было готово. В первом ангаре стоял аэроклубный «Фарман», но не мог летать, пока из-за границы не прислали

[10] Новое время. 1910. 7 сентября; Страхование авиаторов // Биржевые известия. 1910. 7 сентября.

[11] Ведомости Санкт-Петербургского градоначальства. 1910. 12 сентября.

[12] Новое время. 1910. 5 сентября.

[13] К празднику воздухоплавания // Новое время. 1910. 6 сентября.

Илл. 7. Летчик Уточкин. Новое время. 1910. 12 сентября

Илл. 8. Поручик Руднев. Новое время. 1910. 11 сентября

Илл. 9. Поручик Горшков. Новое время. 1910. 11 сентября

мотор «Гном». «В следующей клетке ангара находится “Россия-А”, гоночный аэроплан русского производства, который на днях будет официально принят аэроклубом от завода. Далее стоит “Фарман”, на котором будет летать пилот-авиатор аэроклуба Г. С. Сегно. Четвертым и пятым номером обозначены два аппарата г. Ефимова: биплан Фармана и моноплан Блерио со стосильным мотором “Гном”. Затем идет клетка авиатора А. А. Кузьминского» (*илл. 6*). Далее ангар «отдела воздушного флота»: два «Фармана» и один «Блерио» под № 7, 8, 9. Еще дальше ангар офицерской воздухоплавательной школы с тремя клетками № 10, 11, 12, но там стоял всего один «Фарман», другие на тот момент ещё не прибыли. Последний ангар оставался пустым, «но как раз 7 сентября приехал пилот-авиатор С. И. Уточкин (*илл. 7*), для аэроплана которого будет отведена клетка № 13. И самый аэроплан его очень интересный: это биплан “Авиатика” типа Фармана постройки варшавского воздухоплавательного общества “Авиатика”, основанного кн. Любомирским. Мотор на биплане — русской работы в 55 лошадиных сил, названный “Авиатой”»[14].

8 сентября, несмотря на моросивший с утра дождь, праздник был открыт. Было 10 полетов. Первый — Ефимов («Фарман») продолжительность 1 мин. 9 сек., неполный круг, полет не засчитан. Второй — поручик Руднев («Фарман», *илл. 8*), 13 мин. 31,2 сек. Третий — опять Ефимов («Фарман»), 11 мин. 18 сек. Полет № 4 — капитан Мациевич

[14] *А-ъ Ш-ъ.* На комендантском аэродроме // Новое время. 1910. 8 сентября.

(«Фарман»), 44 мин. 12,2 сек. Пятый — пор. Руднев («Фарман»), 42 мин. 29 сек. Шестой — снова Ефимов («Фарман»), 2 мин. 42 сек., опустился на линии старта в кругу. Полет № 7 — Кузьминский («Блерио»), из-за плохой работы двигателя опустился планирующим полетом с высоты около 150 м, полет в зачет не вошел. Полет № 8 — поручик Горшков («Фарман», *илл. 9*), 2 мин. 35 сек, вынужден был спуститься из-за перебоев в моторе, вследствие чего потерпел аварию (незначительная поломка шасси). Полеты № 9 и 10 поручика Матыевича-Мацеевича («Блерио») и Ефимова («Фарман») не были зачтены как начатые после 6 часов вечера. Первый приз за точность спуска присужден Ефимову, приз за продолжительность полета без спуска — капитану Мациевичу[15].

По отчету «Ведомостей Санкт-Петербургского градоначальства» есть расхождение с отчетом «Нового времени». Так «Ведомости», указав общее количество полетов 8, включили в это число полеты Уточкина на «Блерио» — 42 сек. и Сегно на «Фармане» — 38 сек.[16] Очевидно, все полеты Ефимова были объединены, а «Новое время» не включило попытки Уточкина и Сегно как фактически не состоявшиеся: «Авиаторами Сегно и Уточкиным были сделаны попытки совершить полеты на бипланах русской конструкции “Россия-А” и “Авиатик”, но вследствие спешности сборки этих аппаратов попытки все не удавались»[17].

9 сентября при полетах присутствовали великие князья Дмитрий Павлович и Александр Михайлович с сыновьями и князья Гавриил Константинович и Игорь Константинович[18]. Было совершено 6 полетов: Ефимов («Фарман») дважды, пор. Руднев («Фарман»), кап. Мациевич («Фарман»), пор. Матыевич-Мацеевич (*илл. 10*) на «Блерио XI-bis», лейтенант Пиотровский («Блерио XI-bis»). Приз за продолжительность полетов без спуска остался неразыгранным, приз за точность спуска достался поручику Рудневу[19].

10 сентября по погодным условиям полеты были отменены.[20]

[15] Праздник авиации. Среда // Новое время. 1910. 9 сентября.

[16] Ведомости Санкт-Петербургского градоначальства. 1910. 10 сентября.

[17] *А. М.* Всероссийский праздник воздухоплавания. Первый день // Свободное слово. 1910. 9 сентября.

[18] Ведомости Санкт-Петербургского градоначальства. 1910. 11 сентября; Биржевые известия. 1910. 11 сентября.

[19] *М. Р.* Результат второго дня // Новое время. 1910. 10 сентября.

[20] Ведомости Санкт-Петербургского градоначальства. 1910. 12 сентября.

Илл. 10. Поручик Матыевич-Мацеевич. Новое время. 1910. 14 сентября

По оценке журналиста «Ведомостей», «полеты русских летунов, зарегистрированные благоприятными итогами первых дней всероссийского авиационного праздника, дали большой толчок к развитию военного воздухоплавания. Военное ведомство по сему случаю решило обзавестись 10 аэропланами, тип каковых определится по окончании праздника, кроме того, предположено в самый непродолжительный срок открыть отдел аэропланов при офицерской воздухоплавательной школе. Затем комитет по усилению флота на последнем заседании постановил приобрести 20 аэропланов типа “Фарман” и “Блерио”. В настоящее время в упомянутый комитет поступило 4 летательных аппарата, пожертвованных частными лицами»[21]. Решено было пригласить инструктором в школу авиаторов М. Н. Ефимова[22].

11 сентября на празднике присутствовали великие князья Дмитрий Павлович и Александр Михайлович, а также много военных во главе с временно управляющим Военным министерством генерал-лейтенантом Поливановым[23]. Это был один из самых успешных дней, не считая первого несчастья, когда «авиатор Кузьминский, племянник графа Л. Н. Толстого, упал и сломал себе руку»[24]. Кузьминский на “Блерио XI” поднялся для полета на высоту, но из-за неисправности приземлился в чистом поле, где зацепил дерево. Всего же в этот день состоялось 18 полетов. Поручик Руднев на “Фармане”, продержавшись в воздухе 2 часа 24 минуты и 36,5 секунд, побил русский рекорд Попова (2 ч. 14 м.) и получил 200 рублей — первый приз за продолжительность полета без спуска. Летали также Ефимов (“Фарман”) девять раз (семь из них с пассажирами, среди которых были председатель Имп. Всеросс. аэроклуба гр. Стенбок-Фермор и барон Врангель), Мациевич (“Фарман”) дважды, Пиотровский (“Блерио XI-bis”), Сегно дважды на “России-А”, подполковник Ульянин (“Фарман”) и поручик Матыевич-Мацеевич

[21] Ведомости Санкт-Петербургского градоначальства. 1910. 12 сентября.

[22] Биржевые известия. 1910. 10 сентября.

[23] Ведомости Санкт-Петербургского градоначальства. 1910. 14 сентября.

[24] Биржевые известия. 1910. 13 сентября.

("Блерио XI-bis"). Первый приз за точность спуска (200 руб.) получил Ефимов, второй (100 руб.) — Сегно[25].

12 сентября на полетах вновь присутствовали великие князья Дмитрий Павлович и Александр Михайлович с детьми[26]. Состоялось 15 полетов: летали Мациевич («Фарман») четырежды (дважды с пассажиром, одним из которых был сотрудник газеты «Новое время» Кривенко), Уточкин («Фарман») также четырежды (один раз с пассажиром), Руднев («Фарман») трижды, Сегно («Россия-А»), Ульянин («Фарман»), Матыевич-Мацеевич («Блерио») и снова Ефимов, но уже на «Блерио». Призы взяли Ефимов, Сегно и Ульянин[27]. Первый полет Уточкина окончился аварией. Летя против солнца, он не заметил каната воздушного змея подполковника Ульянинова, в корзине которого было два пассажира, в том числе его сын, и задел его крылом. Аппарат боком сел на землю и получил незначительное повреждение. Никто не пострадал[28].

13 сентября, как обычно, на празднике присутствовали великие князья Дмитрий Павлович и Александр Михайлович[29]. Несмотря на сильный ветер, состоялось 6 полетов: Руднев на «Фармане», Мациевич на «Фармане», Ефимов на «Фармане» и Ульянин на «Фармане»; далее Сегно на «Россия А» и опять Ефимов на «Фармане» с пассажиром. Призы достались Ефимову, Сегно и Рудневу[30].

14 сентября на полетах русских авиаторов, помимо великих князей Дмитрия Павловича и Александра Михайловича с детьми, присутствовал министр финансов статс-секретарь Коковцев[31]. Всего запротоколировано было 14 полетов. По нескольку раз летали на «Фарманах» (*илл. 11*) Ефимов, Мациевич и Руднев и один полет совершил подполковник Ульянин. Приз за продолжительность полета получил Ефимов, а за точность спуска — кап. Мациевич[32]. «Состязания закончились полетом на "монгольфьере" аэронавта Древницкого; на высоте около 500 метров был совершен спуск на парашюте в середине расходящейся

[25] Новое время. 1910. 12 сентября.

[26] Ведомости Санкт-Петербургского градоначальства. 1910. 16 сентября.

[27] *М. Р.* Результат пятого дня // Новое время. 1910. 13 сентября.

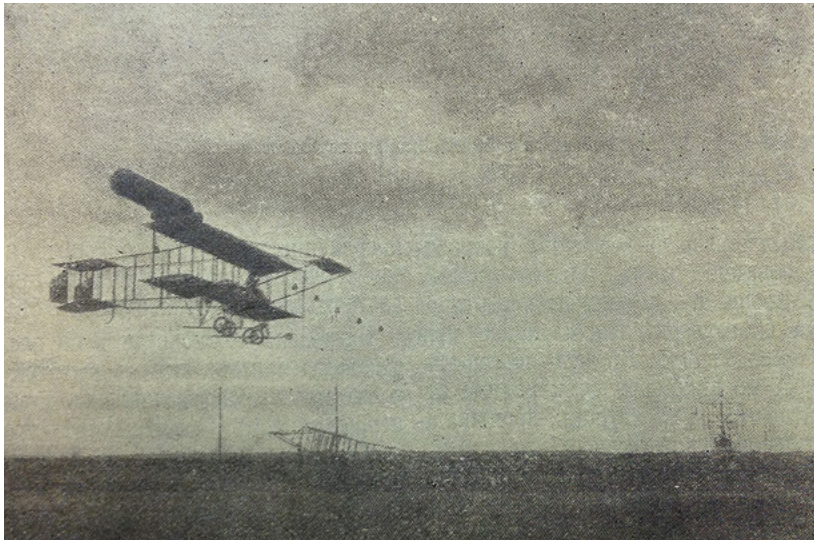
[28] Ведомости Санкт-Петербургского градоначальства. 1910. 14 сентября.

[29] Ведомости Санкт-Петербургского градоначальства. 1910. 16 сентября.

[30] *М. Р.* Результат шестого дня // Новое время. 1910. 14 сентября.

[31] Ведомости Санкт-Петербургского градоначальства. 1910. 17 сентября.

[32] *М. Р.* Результат седьмого дня // Новое время. 1910. 15 сентября.



Илл. 11. Капитан Мациевич на «Фармане». Новое время. 1910. 18 сентября

публики вблизи аэродрома»[33]. В этот день активно обсуждался полет шара «Треугольник» с пилотом подполковником Генерального штаба Одинцовым и пассажиром Кузнецовым, стартовавшего ещё 11 сентября с Комендантского поля, пролетевшего более 2000 вёрст за 40 часов 3 минуты и побившего всероссийский рекорд продолжительности и расстояния. Мировой же рекорд для неуправляемых воздушных шаров принадлежал французу графу де ля Во — 48 часов[34].

После удачных первых дней праздника председатель Комитета по усилению военного флота на добровольные пожертвования великий князь Александр Михайлович послал императору Николаю II телеграмму: «Счастлив сообщить, что офицеры, командированные комитетом, получившие звание пилотов: подполковник Ульянин, капитан Мациевич, лейтенант Пиотровский, поручик Матыевич, очень удачно летают, намного превзошли иностранцев, летавших весной. Также великолепно летает поручик воздухоплавательного парка Руднев. Смею выразить уверен-

[33] Ведомости Санкт-Петербургского градоначальства. 1910. 16 сентября.

[34] Ведомости Санкт-Петербургского градоначальства. 1910. 16 сентября; Биржевые известия. 1910. 15 сентября.

ность, что дело авиации в России стало на прочную почву. Находящийся под моим председательством комитет, а также новые летчики и ученики приложат все усилия, чтобы в деле авиации не отстать от наших соперников на славу дорогой родины и на радость вашего величества». В ответ была получена телеграмма следующего содержания: «Радуюсь удачным полетам наших офицеров. Передай им мое искреннее пожелание дальнейшего успеха в этой новой военной отрасли. Николай»[35].

«Биржевые известия» опубликовали призыв Александра Михайловича жертвовать на воздушный флот, указывая, что комитетом принято решение немедленно закупить 20 аэропланов и подготовить к лету 1911 г. 30 военных летчиков[36]. К 8 сентября в Императорский всероссийский аэроклуб поступило 37 868 руб. 14 коп. пожертвований на создание воздушного флота[37]. Успех праздника должен был увеличить эти поступления.

Седьмой день полетов (15 сентября) был не очень удачным. Сегно на аэроплане русской конструкции «Россия-А» потерпел аварию: от попавшей нечаянно в контакт перчатки аэроплан не было возможности остановить, и он врезался боком в размытый грунт, сломав шасси, стойки и пропеллер. Авиатор вылетел из сиденья и сильно поцарапал руки и лицо. Погода для полетов была сомнительной, тем не менее, Мациевичу удается «прокатить» 14 пассажиров[38].

Подводя итоги первой недели, «Новое время» писало, что полеты наших офицеров обратили на себя внимание не только русского общества, но и Запада. Германия, которая брала в расчет только французов, не ожидала, что так быстро в России появятся сильные пилоты, способные обучать новобранцев. «На вторую половину праздника авиации германские газеты командируют уже специальных корреспондентов, которые воочию должны убедиться, насколько русские летуны опасны»[39].

19 сентября порывы ветра достигали 12–18 м/сек. Утром решился взлететь только Уточкин на «Авиатике». В конце дня взлетел Руднев на «Фармане», но, не справившись с ветром, сразу сел. За ним поднялся на 4,8 минуты капитан Мациевич, выиграв приз на продолжительность

[35] Городская жизнь // Ведомости Санкт-Петербургского градоначальства. 1910. 16 сентября.

[36] От августейшего председателя высочайше учрежденного комитета по усилению военного флота на добровольные пожертвования // Биржевые известия. 1910. 16 сентября.

[37] Биржевые известия. 1910. 18 сентября.

[38] Ведомости Санкт-Петербургского градоначальства. 1910. 17 сентября.

[39] *Д-ръ С. А-въ.* Праздник авиации. Итоги недели // Новое время. 1910. 17 сентября.

полета[40]. При полётах присутствовал великий князь Дмитрий Павлович[41]. Русским авиаторам был дан обед в ресторане «Кюба», организованный Борисом Алексеевичем Сувориным (*илл. 6*) и директором товарищества «Крылья» С. Г. Райллэ. Помимо самих авиаторов и членов аэроклуба на обеде присутствовали бывший председатель Государственной думы А. И. Гучков, комендант Петропавловской крепости генерал-адъютант Комаров, генерал-лейтенант Величко, генерал-майор Кованько и др., а также представители русской и иностранной прессы. С речами выступали Суворин и Гучков. Суворин произнес тосты за здоровье императора и великого князя Александра Михайловича. Еще несколько тостов прозвучало в честь авиаторов от Корна, Райллэ, Гучкова и Лебедева[42].

На подъеме прошел 10-й день полетов 20 сентября в присутствии великого князя Дмитрия Павловича[43] и А. И. Гучкова. Было совершено 36 полетов. Поручику Матыевичу-Мацеевичу удалось подняться на «Блерио» на высоту 1250 м. Поручик Руднев совершил полет в сторону Петербурга и сделал несколько кругов над Исаакиевским собором. Подполковник Ульянин летал, имея в качестве пассажира Гучкова. В этот день также совершали полеты Уточкин, Ефимов, Мациевич, Лебедев на «Авиатике», Сегно и Горшков, а аэронавт Древницкий совершил прыжок с парашютом с «Монгольфьера» с высоты 3000 м[44].

Не менее удачным был и день 21 сентября. После полета Руднева над Петербургом публики было особенно много. Состоялось 35 полетов. Соревнования проходили по пяти видам программы. Призы за точность спуска взяли Уточкин и Сегно, за продолжительность полета — Горшков и Руднев, за скорость — Матыевич-Мацеевич, покрывший 3 круга за 5 мин. 34 сек. В соревновании на планирующий спуск Ефимов спустился с высоты 400 м с застопоренной машиной. А воздушный шар «Василий Корн» с пилотами подполковником генерального штаба Одинцовым и профессором Рыниным стартовал в направлении Стокгольма в соревновании за приз за высоту и точность спуска[45]. Прибывший на полет ве-

[40] Ведомости Санкт-Петербургского градоначальства. 1910. 21 сентября.

[41] Городская жизнь // Ведомости Санкт-Петербургского градоначальства. 1910. 22 сентября.

[42] *Н. Ш.* Обед в честь русских авиаторов // Новое время. 1910. 19 сентября.

[43] Городская жизнь // Ведомости Санкт-Петербургского градоначальства. 1910. 22 сентября.

[44] Новое время. 1910. 21 сентября; Ведомости Санкт-Петербургского градоначальства. 1910. 22 сентября.

[45] Ведомости Санкт-Петербургского градоначальства. 1910. 23 сентября.

ликий князь Дмитрий Павлович передал Одинцову письмо к сестре, великой княгине Марии Павловне, герцогине Зюдерманландской[46]. Позже стало известно, что рекорд высоты 6100 м Одинцов побил, поднявшись на 6350 м, а результат точности спуска неудачен, вместо Швеции сели в Финляндии[47]. Следует также отметить, что в этот день впервые в России поручик Руднев летал с двумя пассажирами[48].

22 сентября на полетах присутствовали великие князья Андрей Владимирович и Дмитрий Павлович, князь Иоанн Константинович[49], председатель Совета министров статс-секретарь П. А. Столыпин, возвратившийся 20 сентября из поездки по России[50], и главноуправляющий землеустройством и земледелием статс-секретарь Кривошеин. Столыпин поднялся на аэроплане с капитаном Мациевичем и сделал 2 круга[51]. «Новое время» писало: «В Петербурге много толков вызвал совершенный полет председателя Совета министров П. А. Столыпина. Председатель Совета министров своим полетом желал, как говорят, подчеркнуть то значение, которое придается высшим правительством русскому воздухоплаванию и особенно участию в этом важном государственном деле наших офицеров, проявивших столько чисто русской удали и знания этого специального дела»[52]. Сам же Столыпин после полета сказал, что до сих пор он только теоретически верил в воздухоплавание, теперь же на практике убедился, что этой отрасли предстоит великое будущее[53].

Вторым знаменательным событием этого дня явился перелет лейтенанта Пиотровского с пассажиром в Кронштадт. Пиотровский заранее не планировал туда лететь, так как полет проводился в зачет соревнования на высоту: «В Кронштадт я попал случайно; долетел до Сестрорецка, чувствую, что бензина не хватит на обратный полет, и хватил через море»[54]. В поисках аэроплана запрашивались по телефону полицейские участки, но безрезультатно. И только по окончании полетов было получено по телефону извещение о том, что Пиотровский благополучно спустился в Кронштадте.

[46] *И. Кр-ко.* Праздник авиации. Вторник // Новое время. 1910. 22 сентября.
[47] Праздник авиации. Среда // Новое время. 1910. 24 сентября.
[48] Биржевые известия. 1910. 22 сентября.
[49] Биржевые известия. 1910. 24 сентября.
[50] Ведомости Санкт-Петербургского градоначальства. 1910. 21 сентября.
[51] Ведомости Санкт-Петербургского градоначальства. 1910. 23 сентября.
[52] К полету П. А. Столыпина // Новое время. 1910. 24 сентября.
[53] Всероссийский праздник воздухоплавания // Современное слово. 1910. 23 сентября.
[54] Праздник авиации. Среда // Новое время. 1910. 24 сентября.

Всего состоялось 36 полетов. Очередной рекорд установил Руднев, достигнувший, согласно показанию барографа, высоты 1300 м[55]. В середине дня на аэродроме приземлился дирижабль «Голубь» (мотор системы Кертинга 75 л. с.)[56] постройки Ижорского завода под управлением капитана Голубова, сконструировавшего этот дирижабль. Сидевшие в гондоле 8 пассажиров благополучно сошли[57].

Совершивший перелет в Кронштадт лейтенант Пиотровский получил приглашение заведовать школой авиации при Лиге воздушного флота. На месте спуска его аэроплана на плацу Кронштадтского флотского экипажа решено было возвести обелиск-памятник[58].

Илл. 12. Капитан Мациевич в авиаторском костюме. Новое время. 1910. 26 сентября

Большую часть дня 23 сентября дул сильный ветер, поэтому полетов было всего 9: 7 раз взлетал Ефимов, 2 раза — Мациевич (*илл. 12*)[59].

24 сентября было омрачено трагической смертью капитана Мациевича. «Фарман» Мациевича развалился в воздухе, пилот выпал из него и камнем упал на землю. Найденный на поле барограф показал высоту подъема 387 м[60]. Незадолго до этого потерпел аварию Горшков. Вот как описывает события корреспондент «Современного слова» С. Любош: «Вот Горшков перед трехрублевыми трибунами хлопнулся о землю, раздается треск, шасси исковерканы, весь

[55] *М. Р.* Результат третьего дня второй недели // Новое время. 1910. 23 сентября.
[56] Новое время. 1910. 1 сентября.
[57] Ведомости Санкт-Петербургского градоначальства. 1910. 24 сентября.
[58] Ведомости Санкт-Петербургского градоначальства. 1910. 25 сентября.
[59] *М. Р.* Результат четвертого дня второй недели и присуждение призов за первую неделю // Новое время. 1910. 24 сентября.
[60] Ведомости Санкт-Петербургского градоначальства. 1910. 26 сентября.

аппарат валится на бок, но авиатор невредим, поломанный аэроплан солдаты уносят к ангарам. <…> Жду Мациевича. <…> Но Мациевич летает на своем “Фармане” очень долго и реет страшно высоко. <…> Раздается сигнальный выстрел. “Поздно, значит сегодня не дождусь Мациевича”, — решил я и направляюсь к выходу. Но там останавливаюсь, чтобы еще раз полюбоваться на реющий в вышине аэроплан. <…> Вдруг с аппаратом что-то случилось. Он заковылял, повернулся в воздухе на бок, что-то треснуло или показалось, что треснуло, темная человеческая фигура выпала из него, отделилась и человек и разломившийся в воздухе аппарат стали падать и кувыркаться с этой страшной высоты»[61]. Всего до трагедии успело состояться более полутора десятка полетов[62].

25 сентября в знак траура полетов не было[63].

26 сентября было дождливо, состоялось всего 7 полетов. Летали Ефимов, Лебедев и Сегно. В качестве пассажиров Ефимов катал Гучкова и генерала Каульбарса[64]. Газеты не расписывали результаты соревнований, они отошли на второй план.

27 сентября из-за порывистого ветра полеты отменили[65].

28 сентября вся столица хоронила первую жертву русского воздухоплавания — капитана корпуса корабельных инженеров Льва Макаровича Мациевича. Адмиралтейский собор Св. Спиридония едва вместил всех желающих попасть. Венки и морской флаг украшали гроб. Утром в собор со свитой заезжал военный министр Северо-Американских Соединенных Штатов Диккенсон и помолился у гроба[66]. По окончании отпевания гроб с телом покойного вынесли на руках военный министр генерал Сухомлинов, товарищ морского министра вице-адмирал Григорович, начальник Главного морского штаба вице-адмирал Яковлев, бывший председатель Государственной думы А. И. Гучков, проф. Боклевский, капитан 1-го ранга Зилоти, адъютант великого князя Александра Михайловича капитан 2-го ранга Фогель и члены аэроклуба. По пути следования процессии в Александро-Невскую лавру собралось более 30 тысяч человек, на колесницах лежало более 200 венков[67].

[61] *С. Любош.* Гибель капитана Мациевича // Современное слово. 1910. 25 сентября.

[62] Ведомости Санкт-Петербургского градоначальства. 1910. 26 сентября.

[63] Биржевые известия. 1910. 27 сентября.

[64] Ведомости Санкт-Петербургского градоначальства. 1910. 28 сентября.

[65] *И. Кр-ко* Праздник авиации. Понедельник // Новое время. 1910. 28 сентября.

[66] Ведомости Санкт-Петербургского градоначальства. 1910. 29 сентября.

[67] Похороны капитана Л. М. Мациевича // Ведомости Санкт-Петербургского градоначальства. 1910. 30 сентября.

29 сентября Всероссийский праздник авиации должен был завершиться. Дул сильный ветер, полеты были немногочисленны и малоудачны. В присутствии военного министра летали Ефимов, Матыевич-Мацеевич и Руднев. Ефимов опять возил Гучкова[68].

1 октября члены организационного комитета решили устроить дополнительные полеты. Несмотря на сильный ветер и холод, публики собралось очень много. Все ждали прилета лейтенанта Пиотровского из Кронштадта. В пятом часу члены жюри получили извещение по телефону, что Пиотровский вылетел из Кронштадта и чуть не погиб; «с аэропланом полное крушение, авиатор легко ранен». Когда ветер стал стихать, взлетел Ефимов и, сделав 3,5 круга, взял приз борьбы с ветром. Сегно, выйдя на старт, взлететь не решился. А поручику Матыевичу не разрешило лететь начальство. Состоялось окончательное распределение мест и выдача призов. Больше всех призов получил Ефимов — 17 390 рублей[69]. Н. М. Раевский сообщил, что следующие назначенные два дополнительных дня отменены. Отменено также запланированное путешествие из Петербурга в Петергоф и обратно. Таким образом, 1 октября было последним днем праздника русского воздухоплавания[70].

Гибель капитана Мациевича перечеркнула победный пафос праздника, но вызвала волну гордости и патриотизма. Редакция газеты «Новое время» стала местом сбора средств для помощи семье погибшего авиатора, на памятник герою и на сооружение аэроплана имени капитана Мациевича. Газета печатала полный список жертвователей с указанием сумм, указывая даже тех, кто внес 10 копеек[71]. Государь император «высочайше повелел производить из сумм государственного казначейства пенсии: вдове капитана корпуса корабельных инженеров Мациевича в размере 1800 рублей и дочери его — 600 рублей в год»[72].

Если до праздника главным героем российской авиации был Ефимов, то после окончания праздника и смерти капитана Мациевича, с ним сравнялся по популярности и стал любимцем и кумиром публики лейтенант Пиотровский. 5 октября «Новое время» опубликовало на полови-

[68] Праздник авиации. Среда // Новое время. 1910. 30 сентября.

[69] Ведомости Санкт-Петербургского градоначальства. 1910. 3 октября.

[70] Новое время. 1910. 2 октября.

[71] Новое время. 1910. 26 сентября; Новое время. 1910. 28 сентября; Новое время. 1910. 1 октября.

[72] Ведомости Санкт-Петербургского градоначальства. 1910. 28 сентября; Биржевые известия. 1910. 28 сентября.

ну страницы беседу с Пиотровским, где он подробно рассказал о своем полете в Кронштадт[73].

Подводя итоги праздника, директор товарищества «Крылья» сообщил, что мероприятие посетило 150 000 человек, призвал государство взять попечительство над авиацией и выразил надежду, что эти события дадут толчок увлечению авиацией: «В обществе праздником интересовались. Если многие не ездили, то с жадностью прочитывали отчеты — в ресторанах, клубах, театрах только и слышны были разговоры, что про авиацию. Многие стали мечтать летать и многие, конечно, приведут свое желание в исполнение»[74].

Список литературы

А. М. Всероссийский праздник воздухоплавания. Первый день // Свободное слово, 1910, 9 сентября.

А-ъ Ш-ъ. На комендантском аэродроме // Новое время, 1910, 8 сентября.

Д-ръ С. А-въ. Праздник авиации. Итоги недели // Новое время, 1910, 17 сентября.

И. Кр-ко. Итоги праздника // Новое время, 1910, 8 октября.

И. Кр-ко. Праздник авиации. Вторник // Новое время, 1910, 22 сентября.

И. Кр-ко. Праздник авиации. Понедельник // Новое время, 1910, 28 сентября.

И. М. К полетам лейт. Пиотровского // Новое время, 1910, 5 октября.

И. М. Военное воздухоплавание в России // Новое время, 1910, 5 сентября.

М. Р. Результат второго дня // Новое время, 1910, 10 сентября.

М. Р. Результат пятого дня // Новое время, 1910, 13 сентября.

М. Р. Результат седьмого дня // Новое время, 1910, 15 сентября.

М. Р. Результат третьего дня второй недели // Новое время, 1910, 23 сентября.

М. Р. Результат четвертого дня второй недели и присуждение призов за первую неделю // Новое время, 1910, 24 сентября.

М. Р. Результат шестого дня // Новое время, 1910, 14 сентября.

Н. А. К всероссийскому празднику воздухоплавания // Новое время, 1910, 3 сентября.

Н. Ш. Обед в честь русских авиаторов // Новое время, 1910, 19 сентября.

С. Любош. Гибель капитана Мациевича // Современное слово, 1910, 25 сентября.

Anatoly SAFAEV

Librarian, Department of Newspapers,
National Library of Russia (Saint-Petersburg, Russia)

E-mail: safaev.ae@gmail.com

All-Russia Festival of Aeronautics of 1910 on the basis of Russian newspapers

The article is devoted to the reflection of the All-Russia Festival of Aeronautics of 1910 on the pages of the leading St. Petersburg newspapers. Based on the analysis of publications in periodicals, it was possible to restore the chronology of events and collect the factual material. Also, it turned out to show how diverse the views of contemporaries provide researchers with periodicals. Newspapers actualizing the public resonance on a concrete event, influenced the country's strategic choice on the threshold of military events of the 20th century.

Keywords: All-Russia Festival of Aeronautics of 1910, Committee of the Air Force to strengthen the fleet on donations, Imperial All-Russian aero club, P. Stolypin's flight, L. Matsievich, G. Piotrovsky.

References

A. M., *Vserossiyski prazdnik vozduhoplavania. Pervy den [All-Russian holiday of aeronautics]*, in: Svobodnoye slovo, 1910. September 9.

A. Sh., *Na komendantskom aerodrome [At the Commandant's Airfield]*, in: Novoye vremya, 1910. September 8.

D-r S. A-v., *Prazdnik aviatsii. Itogi nedeli [Aviation festival. Summary of the week]*, in: Novoye vremya, 1910. September 17.

I. Kr-ko, *Itogi prazdnika [Results of the holiday]*, in: Novoye vremya, 1910. October 8.

I. Kr-ko, *Prazdnik aviatsii. Vtornik [Aviation festival. Tuesday]*, in: Novoye vremya, 1910. September 22.

I. Kr-ko, *Prazdnik aviatsii. Ponedelnik [Aviation festival. Monday]*, in: Novoye vremya, 1910. September 28.

I. M., *K poletam leitenanta Piotrovskogo [To the flights of Lieutenant Piotrovsky]*, in: Novoye vremya, 1910. October 5.

I. M., *Voennoe vozduhoplavanie v Rossii [Military aeronautics in Russia]*, in: Novoye vremya, 1910. September 5.

M. R., *Resultat vtorogo dnya [Second day results]*, in: Novoye vremya, 1910. September 10.

M. R., *Resultat pyatogo dnya [Fifth day results]*, in: Novoye vremya, 1910. September 13.

M. R., *Resultat sedmyogo dnya [Seventh day results]*, in: Novoye vremya, 1910. September 15.

M. R., *Resultat tretyego dnya vtoroy nedeli [The result of the third day of the second week]*, in: Novoye vremya, 1910. September 23.

M. R., *Resultat chetvertogo dnya vtoroy nedeli I prisuzdenie prizov za prevyu nedelu [The result of the fourth day of the second week and the award of prizes for the first week]*, in: Novoye vremya, 1910. September 24.

M. R., *Resultat shestogo dnya [Sixth day results]*, in: Novoye vremya, 1910. September 14.

N. A., *K vserossiskomu prazdniku vozduhoplavaniya [To the All-Russian holiday of aeronautics]*, in: Novoye vremya, 1910. September 3.

N. Sh., *Obed v chest russkih aviatorov [Lunch in honor of Russian aviators]*, in: Novoye vremya, 1910. September 19.

S. Lubosh, *Gibel kapitana Matsievicha [Captain Matsievich's death]*, in: Sovremennoe slovo, 1910. September 25.

[73] *И. М.* К полетам лейт. Пиотровского // Новое время. 1910. 5 октября.

[74] *И. Кр-ко.* Итоги праздника // Новое время. 1910. 8 октября.

УДК 94 (47).08
ББК 63.3 (2)

Татьяна Николаевна ИЛЬИНА

Заслуженный деятель культуры Российской Федерации, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник (хранитель фонда) Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: tat.i54@yandex.ru

«САМЫЕ ДОРОГИЕ ПИСЬМА, ДЕПЕШИ И ДОКУМЕНТЫ». ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ Б. В. АДАМОВИЧ

Статья посвящена выдающемуся русскому военному историку, храброму боевому офицеру, начальнику Первого русского великого князя Константина Константиновича кадетского корпуса в Югославии генералу Борису Викторовичу Адамовичу (1870–1936). Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи хранит серебряный бювар, принадлежавший Адамовичу. Этот великолепный объект был сделан известной ювелирной фирмой П. А. Овчинникова в 1899 г. Офицеры 3-го гренадерского Перновского полка преподнесли Адамовичу бювар в знак благодарности. Его архивные исследования позволили полку установить год старшинства — 1710. Принимая этот подарок, Адамович обещал хранить в нем «самые дорогие письма, депеши и документы». Сейчас в бюваре по-прежнему хранятся ценные документы: послужной список генерала Адамовича, письма из полков и наградные листы.

Ключевые слова: Русская императорская армия, Б. В. Адамович, 3-й гренадерский Перновский полк, лейб-гвардии Кексгольмский полк, старшинство, награды.

В декабре 1899 г. общество офицеров 3-го гренадерского Перновского короля Фридриха-Вильгельма IV полка[1] поднесло поручику лейб-гвардии Кексгольмского императора австрийского полка Б. В. Адамовичу

[1] Фридрих-Вильгельм IV (1795–1860), старший сын короля Пруссии Фридриха-Вильгельма III и его супруги-красавицы Луизы. Король Пруссии с 1840 г. Брат супруги Николая I Александры Федоровны (прусской принцессы Шарлотты). Шефом Перновского гренадерского полка назначен в 1818 г., с того же года полк назывался Перновский гренадерский наследного принца Прусского. В 1840 г. после кончины отца вступил на престол. Полк стал называться Гренадерским его величества короля Прусского. С 1857 г. название полка: Перновский гренадерский его величества короля Прусского. В 1860 г. шеф скончался, полк стали именовать Перновский гренадерский короля Фридриха-Вильгельма IV полк. С 1864 г. до 26 июля 1914 г. — 3-й гренадерский Перновский короля Фридриха-Вильгельма III полк.

Илл. 1. Бювар для бумаг. Серебро, кожа, муар, бумага. Фабрика П. А. Овчинникова. Москва. 1899 г. Дар общества офицеров 3-го гренадерского Перновского полка поручику Б. В. Адамовичу. ВИМАИВиВС

роскошный украшенный серебром бювар для бумаг в знак своей искренней и глубокой благодарности. Бювар оказался удивительно интересным, глубоким и многогранным историческим источником. Прежде всего, это произведение ювелирного искусства (*илл. 1*).

Бювар выполнен в Москве мастерами фирмы Павла Акимовича Овчинникова (1830–1888). Павел Овчинников, из крепостных князя Волконского, в детстве проявил способности к рисованию. Восемь лет он постигал профессию в мастерской золотых и серебряных дел, принадлежавшей его брату А. А. Овчинникову. Получив вольную, открыл в 1851 г. в Москве собственное предприятие по производству золотых и серебряных изделий. Со времени создания фирма заявила о себе высоким качеством изделий, быстро завоевала высокий авторитет и известность. С 1865 г. фирма «П. А. Овчинников» — поставщик двора наследника цесаревича Александра Александровича, с 1872 — поставщик императорского двора, с 1878 г. — великого князя Михаила Николаевича.

Понимая, что успех фирмы зависит от профессионального уровня ее работников, Павел Акимович открыл при фирме художественную школу для ювелиров, построив для этого специальное двухэтажное здание с мастерскими и общежитием, в котором одновременно проживало 130 учеников. Период обучения длился 5–6 лет. Школа готовила мастеров ювелирного, золотого и серебряного дела высокого класса. Их изделия получали медали на художественно-промышленных российских и всемирных выставках. П. А. Овчинникова считают создателем национального стиля и национальной школы в русском ювелирном искусстве. П. А. Овчинников с супругой похоронены на Калитниковском кладбище Москвы. Имя великого ювелира не забыло. Его имя носит Политехнический колледж № 13, в котором существует музей. В рамках проекта «180 лет великому ювелиру России» был установлен бюст знаменитого ювелира.

Бювар, изготовленный фирмой П. А. Овчинникова по заказу офицеров Перновского полка, представляет собой солидную кожаную папку для бумаг, украшенную серебром. Общая масса 2604 г. Пластина с накладными украшениями на ней, четыре круглые ножки — серебро 875 пробы. Масса серебра в лигатуре 550 г. Кожа, ткань, бумага — 2054 г.

Искусно выполненные с точным соблюдением малейших деталей оригиналов накладные украшения на серебряной пластине бювара имеют глубокий смысл. Слева вверху накладными серебряными буквами указан адресат: «Л.-гв. Кексгольмского полка поручику Б. В. Адамовичу». Ниже гравирован вензель основателя обоих полков, Кексгольмского и Перновского, Петра I в сиянии. На поле пластины слева вверх направо помещено накладное Георгиевское знамя с вензелем Александра I на полотнище, навершием с Георгиевским крестом, датой на банте «1818», вензелями Петра I и Александра I и надписями отличий на ленте: «Гейльсберг Фридландъ…». Древко знамени обвивает позолоченная лавровая ветвь, ленточка отличия «ЗА ОТЛИЧИЕ» и вензель шефа перновцев — короля Пруссии Фридриха-Вильгельма IV. Справа внизу в пять строк гравировано: «от Общества Офицеров 3го Гр. Перновскаго Короля Фридриха Вильгельма IV полка». Ниже две накладные Георгиевские трубы с лентами. На боковых гранях пластины гравированы названия мест сражений — боевых отличий полка: «ГЕЙЛЬСБЕРГЪ», «ФРИДЛАНДЪ», «ВЯЗЬМА», «КАРСЪ». Эти изображения повествуют об истории полка. Серебро бювара украшает дата старшинства полка, в честь которой и был заказан бювар — 1710 год. 29 июня 1910 г. полк торжественно и пышно праздновал свое 200-летие[2]. Но этого юбилея могло и не быть, если бы не вмешательство и помощь Бориса Викторовича Адамовича.

Борис Адамович родился 15 ноября 1870 г., происходил из дворянской семьи Полтавской губернии. В 1888 году окончил 3-й Московский кадетский корпус, в 1890-м — 2-е военное Константиновское[3] училище по первому разряду, из которого вышел подпоручиком (со старшинством с 10.08.1889) в Кексгольмский гренадерский императора австрийского полк (с 1894 г. лейб-гвардии).

Выполняя поручение общества офицеров, он изучил материалы в шести архивах. Офицеры, отпуская Б. Адамовича из полка, взваливали его обязанности по службе на себя, поскольку каждый раз убеждались в плодотворности его научных изысканий. С октября 1896 по май 1902 г. он был семь раз командирован «в Главный штаб для разработки истории л.-гв. Кексгольмского полка», и каждая командировка длилась около шести месяцев. За это время он не только написал несколько томов материалов по истории полка, но и создал музей полка, составив его

---

2 *Филянов А.* «Отец» перновцев Ф. П. Рерберг и 200-летний юбилей 3-го гренадерского Перновского полка // Старый цейхгауз. 2016. № 1; 200 лет 3-го Гренадерского Перновского короля Фридриха-Вильгельма IV полка 29 июня 1910 г. М., 1910.

3 В 1807 году создан Волонтерский корпус при 2-м кадетском корпусе, в 1808 г. переименован в Дворянский полк. В 1832 г. полк отделен от корпуса. 17.04.1855 переименован Константиновским кадетским корпусом в честь великого князя Константина Павловича. В 1857 г. переведен в здание бывшего Павловского кадетского корпуса (Московский пр., 17). По приказу военного министра № 112 от 14.05.1859 переименован в Константиновское военное училище, с 1863–2-е Константиновское военное училище. С 1864 г. шеф — великий князь Михаил Николаевич. Приказом по Военному ведомству № 140 1894 г. переформирован в Константиновское артиллерийское училище. В марте 1907 г. в честь 100-летия пожалованы серебряные трубы с надписью «18 07-1832-1855-1859-1894-1907».

Илл. 2. Капитаны лейб-гвардии Кексгольмского полка, вернувшиеся в родной полк с театра Русско-японской войны 1904–1905 гг. Они уходили на войну добровольцами, воевали в составе армейских полков. У каждого боевые ордена с мечами. Слева направо: крайний слева — капитан по Генеральному штабу, «коренной» кексгольмец, имя не установлено; Б. В. Адамович, Н. О. Пастухов, К. А. Цабель**. ВИМАИВиВС*

* Николай Орестович Пастухов (р. 5 декабря 1873). Окончил Киевский кадетский корпус, 2-е военное Константиновское училище, два класса Николаевской академии Генерального штаба (по 2-му разряду). В лейб-гвардии Кексгольмском полку служил в 1893–1907 гг. Командиром роты — два года восемь месяцев и 25 дней. Добровольцем отправился из гвардейского полка в армейский пехотный, чтобы принять участие в боях Русско-японской войны. С 1910 г. — полковник (за отличие), с 1 сентября 1910 г. — помощник инспектора классов Павловского военного училища. На 1913 год ордена: Святого Станислава 2-й степени (1906), Святой Анны 2-й степени (1909), Святого Владимира 4-й степени (1903) (Список полковникам по старшинству. СПб., 1914. С. 816).

** Константин Александрович Цабель (р. 4 августа 1873). Окончил Николаевский кадетский корпус, 1-е военное Павловское училище. В службу вступил в 1892 г. Ближайший друг Б. В. Адамовича. Вместе воевали в Русско-японскую войну. В лейб-гвардии Кексгольмский полк был переведен подпоручиком 21 октября 1898 г. из 151-го пехотного Пятигорского полка. 29 октября 1909 г. переведен во Владимирское военное училище. На 1911 г. — батальонный командир Владимирского военного училища. С 1912 г. — полковник (за отличие). Награды: ордена Святого Станислава 3-й степени с мечами и бантом и Святой Анны 3-й степени с мечами и бантом (1904), Святого Станислава 2-й степени с мечами, Святой Анны 2-й степени с мечами, Святого Владимира 4-й степени с мечами и бантом (1905) (Список полковникам по старшинству. СПб., 1914. С. 1011).

каталог[4]. Осенью 1893 г. поступил в Академию Генерального штаба, но уже весной 1894 г. «по домашним обстоятельствам» был отчислен и вернулся в полк. В 1904 г. с началом Русско-японской войны отправился добровольцем на театр войны. Согласно правилам, ему пришлось снять мундир родного гвардейского полка. Капитан Б. В. Адамович перевелся в 123-й пехотный Козловский полк, командиром 12-й роты этого пехотного полка принял участие в боевых действиях. После болезни служил в разведывательном отделении штаба тыла Маньчжурской армии и в генерал-квартирмейстерской части штаба 2-й Маньчжурской армии. После войны вернулся в свой полк в тяжелую пору революционных волнений, командовал 4-м батальоном (*илл. 2*).

С 1906 г. Б. В. Адамович — командир батальона в Киевском военном училище, с 1907 г. — полковник (за отличие). С 1909 г. — начальник Виленского пехотного юнкерского училища, в 1910 г. преобразованного в военное училище. С 1913 — генерал-майор (за отличие, *илл. 3*).

С 20 сентября 1914 г. генерал Б. В. Адамович — командир родного лейб-гвардии Кексгольмского

[4] *Адамович Б.* Опись музея л.-гв. Кексгольмского императора австрийского полка. Варшава, 1907.

Илл. 3. Генерал-майор Б. В. Адамович. 1913 г. (1914?). Вероятно, со второй женой отца Елизаветой Семеновной Вейнберг и дочерьми отца от второго брака. На груди генерала орден Св. Владимира 4 ст., жетоны л.-гв. Кексгольмского полка и Виленского военного училища, полковой и юбилейный знаки л.-гв. Кексгольмского полка и полковой знак 123-го пехотного Козловского полка. ВИМАИВиВС*

* Вторым браком отец, Виктор Михайлович Адамович (1839–1903), был женат на Елизавете Семеновне Вейнберг (Лиза). Во втором браке родилось четверо детей: Владимир (окончил Павловское училище), Ольга (Олюша), Татьяна, Георгий (1892–1972) — поэт русского зарубежья. После смерти отца Борис Викторович принял на себя заботы о семье отца. С 1922 г. Елизавета Семеновна Вейнберг с детьми оказалась в Париже.

полка. Он восстанавливал полк «в силе и духе» после страшных потерь в боях лета 1914 г. С августа 1915 г. Борис Викторович — командир 2-й бригады 3-й гвардейской пехотной дивизии. С января 1916 г. — генерал для поручений при военном министре по инспекции военных училищ и школ прапорщиков. Был награжден Георгиевским оружием (ВП 27.07.1916). С 13 октября 1917 г. по его прошению был уволен в отставку с мундиром, пенсией, производством в генерал-лейтенанты. С 1919 г. находился в Добровольческой армии в резерве чинов при штабе главнокомандующего ВСЮР. Эвакуировался из Новороссийска в Югославию, где с марта 1920 г. являлся строгим, но справедливым директором Сводного кадетского корпуса, в состав которого вошли преподаватели и кадеты Одесского, Киевского, Полоцкого кадетских корпусов, вывезенных в январе 1920 г. из Одессы. В августе 1920 г. корпус был наименован «Русский Киево-Одесский кадетский корпус в королевстве Сербов, Хорват, Словенцев». В сентябре 1929 г. корпус переехал в Белую Церковь, соединился с Крымским кадетским корпусом, получил наименование «Первый русский кадетский корпус». 5 декабря 1929 г., в день корпусного праздника, получил шефство и наименование «1-й Русский великого князя Константина Константиновича кадетский корпус». Корпус располагался в Белой Церкви до 1945 года[5] (*илл. 4*).

Илл. 4. Генерал-лейтенант Б. В. Адамович. 1931 г. Югославия. ВИМАИВиВС

Б. В. Адамович был председателем Общества офицеров лейб-гвардии Кексгольмского полка в Сараево. Скончался Борис Викторович 22 марта 1936 г.[6] Газеты писали в те дни: «После продолжительной болезни скончался в Сараево (Югославия) директор Русского вел. кн. Константина Константиновича кадетского корпуса генерал-лейтенант Борис Викторович Адамович, широко известный в военных кругах как выдающийся военный педагог и автор целого ряда научных и публицистических трудов. Ушел из жизни большой русский патриот, до последнего издыхания служивший России. Покинул нас выдающийся педагог, историк и офицер без страха и упрека. Имя его, безусловно, войдет в русскую военную историю, и память о нем будет нескончаемо жить в сердцах его соратников и бывших учеников».

Благодаря своим архивным изысканиям Б. В. Адамович помог 3-му гренадерскому Перновскому короля Фридриха-Вильгельма IV полку исправить ошибку 1884 г. и восстановить былое старшинство полка с 1710 г. Вопрос старшинства полков был сложным, часто запутанным и весьма болезненным, ведь в ходе реформирований новые полки создавались из частей существующих. О принципах старшинства полков писал Г. С. Габаев: первые указания о старшинстве были определены лишь в конце 1815 — начале 1816 г. Старшинство определялось по году учреждения. После реформ 1833–1835 гг., когда батальоны, дивизионы, роты и эскадроны упраздненных полков пехоты и кавалерии были влиты в другие полки, сохранив свое старшинство и отличия, вопрос старшинства усложнился. Император Николай I указом от 25 июня 1838 г. установил новые знаки отличия — юбилейные ленты на знамена и штандарты частей, существовавших 100 и более лет, скобы на древки знамен всех батальонов и штандарты всех дивизионов. Этот же указ предписывал правила исчисления старшинства. «При исчислении времени основания полков тем полкам, кои из разных частей сформированы, считать старшинство по сильнейшей части, в состав его поступившей, если часть сия **не менее полубатальона** или двух эскадронов. Если же полк составлен из других полков в меньшем составе частей, то старшинство или сформирование полка полагать со дня последовавшего о том указа»[7].

Приказ военного министра № 188 1860 г. отредактировал правила 1838 г. При исчислении времени основания полков тем полкам, кои из разных частей сформированы, считать старшинство по сильнейшей части, в состав их поступившей, если часть её **не менее батальона** или дивизиона, в отдельных же батальонах — двух рот. Перновский полк был сформирован 16 августа 1806 г., но старшинство его считалось с 1710 г. по Кексгольмскому полку, из части которого он был создан.

Новые правила объявляли приказы по Военному ведомству 1884 г. № 96 и № 252. Приказ № 96 гласил: старшинство сформирования полков

---

[5] Княжеконстантиновцы // Военная быль. № 59. 1963. Апрель. С. 21–28.

[6] В РГВИА хранятся документы, записные книжки 1906–1914 гг., выделенные в личный фонд Б. В. Адамовича: Ф. 297. Оп. 1. 442 ед. хр. (РГВИА. Путеводитель. Т. 3. М., 2008. С. 224–225). Фотоматериалы, рассказывающие о жизни и деятельности Б. В. Адамовича, хранятся в ГИМ, где ими глубоко и плодотворно занимается О. В. Алексеева. Небольшая часть документальных источников, фотоматериалов находится в архиве и фондах ВИМАИВиВС, в том числе несколько тетрадей-дневников Б. В. Адамовича, к сожалению, сохранившихся лишь фрагментарно.

[7] *Габаев Г. С.* О старшинстве войсковых частей и хрониках гренадерских и пехотных полков. СПб., 1914. С. 2.

определять впредь следующим образом: а) если полк составлен из двух полков и после того разделен не был, то старшинство его считать по старейшему из этих полков; б) старшинство полка, сформированного из **половины** другого, то есть **не менее как из шести рот его,** считать одинаково с этим полком; в) старшинство полка, сформированного из рот другого, если число рот их было менее шести или одного батальона, или, наконец, и из нескольких батальонов, но различных наименований, считать со времени указа о сформировании полка.

Старшинство полков определяли заново, при этом было допущено множество ошибок. Г. С. Габаев писал: «Правила старшинства 1884 года крайне неполны, охватывая лишь малую долю военно-генеалогических комбинаций, не систематичны, случайны, не согласованы с исторической действительностью и вообще крайне несовершенны»[8]. Старшинство многих полков изменилось, они стали моложе, против чего с обидой протестовали. Среди «пострадавших» оказался и 3-й гренадерский Перновский короля Фридриха-Вильгельма IV полк. По высочайше утвержденным 9 декабря 1884 г. правилам полк «сформирован 16 августа 1806 года под названием Перновский мушкетерский полк из равных частей (в том числе были 3 роты Кексгольмского мушкетерского полка). Старшинство считать со времени сформирования полка: 1806 — Перновский мушкетерский полк. Юбилей праздновать 16 августа 1906 года 100-летний»[9].

Печальное для полка предписание указа: «Юбилейные ленты знамен сдать в Петербургский окружной артиллерийский склад. Скобы на знаменах всех четырех батальонов заменить новыми согласно вновь установленному старшинству». Надпись на всех новых скобах знамен начинались: «AI. 1806. Перновский мушкетерский полк…». Так, вместо старшинства 1710 г. удрученные перновцы получили старшинство с 1806 г., роскошные юбилейные Александровские ленты, пребывая в великой печали, сдали на склад.

Но в дело вмешался поручик Б. В. Адамович. Работая в архивах, он доказал, что 3-й гренадерский Перновский полк имеет полное право отнести свое старшинство к 1710 году. Он подтвердил документами, что в 1806 г. для формирования Перновского мушкетерского полка отчислили половину (6 рот) Кексгольмского мушкетерского полка, добавив рекрут. Перновский полк ликовал, благодаря Б. В. Адамовичу вернувшись в число старейших петровских полков русской армии. Отныне старшинство полка, как и у «кровных» братьев — кексгольмцев, значилось с 29 июня 1710 г. В знак благодарности офицеры полка преподнесли поручику Адамовичу подарок.

Принимая подарок — роскошный серебряный бювар, Борис Викторович обещал хранить в нем самые дорогие письма, депеши и документы, связанные со службой и исторической работой. После же смерти завещал его музею офицерского собрания своего родного Кексгольмского полка как напоминание о добрых отношениях двух родных «петровских полков». С коллекциями полкового музея после долгих мытарств бювар в 1937 г. оказался в собрании Артиллерийского исторического музея.

Приводим документы, которые, следуя обещанию, бережно хранил в бюваре генерал Б. В. Адамович. Расположив по хронологии, в первую часть документов вынесены письма, во вторую — наградные документы, затем прочие не менее важные для владельца документы.

1. Письмо общества офицеров Перновского полка поручику Адамовичу (*илл. 5*). «Поручику л.-гв. Кексгольмского полка Б. В. Адамовичу.

Милостивый государь Борис Викторович!

Работая в архивах для составления истории л.-гв. Кексгольмского полка, Вы открыли дорогой для нас документ, указывающий, что в 1806 году Кексгольмский полк был разделен на две равные части и из них одна сохранила наименовние Кексгольмскаго полка, а другая получила имя Перновскаго.

Восстановив таким образом теснейшее родство наше со славными боевыми преданиями л.-гв. Кексгольмскаго полка, Вы вместе с сим дали нам возможность возвратить полку настоящий год его старшинства 1710-й и целое столетие верной и славной службы наших общих предков-кексгольмцев царю и Отечеству.

Осененные славным именем Великаго Петра наряду с древнейшими полками Русской армии и связанные кровными узами боевого прошлого с доблестными кексгольцами, мы надеемся, что и впредь Господь Бог поможет нам достойно нести службу великому государю и Отечеству.

Примите же от нас, глубокоуважаемый Борис Викторович, сердечную признательность нашу Вам за драгоценный дар и искренние наши пожелания дальнейшего преуспеяния в ученых трудах Ваших.

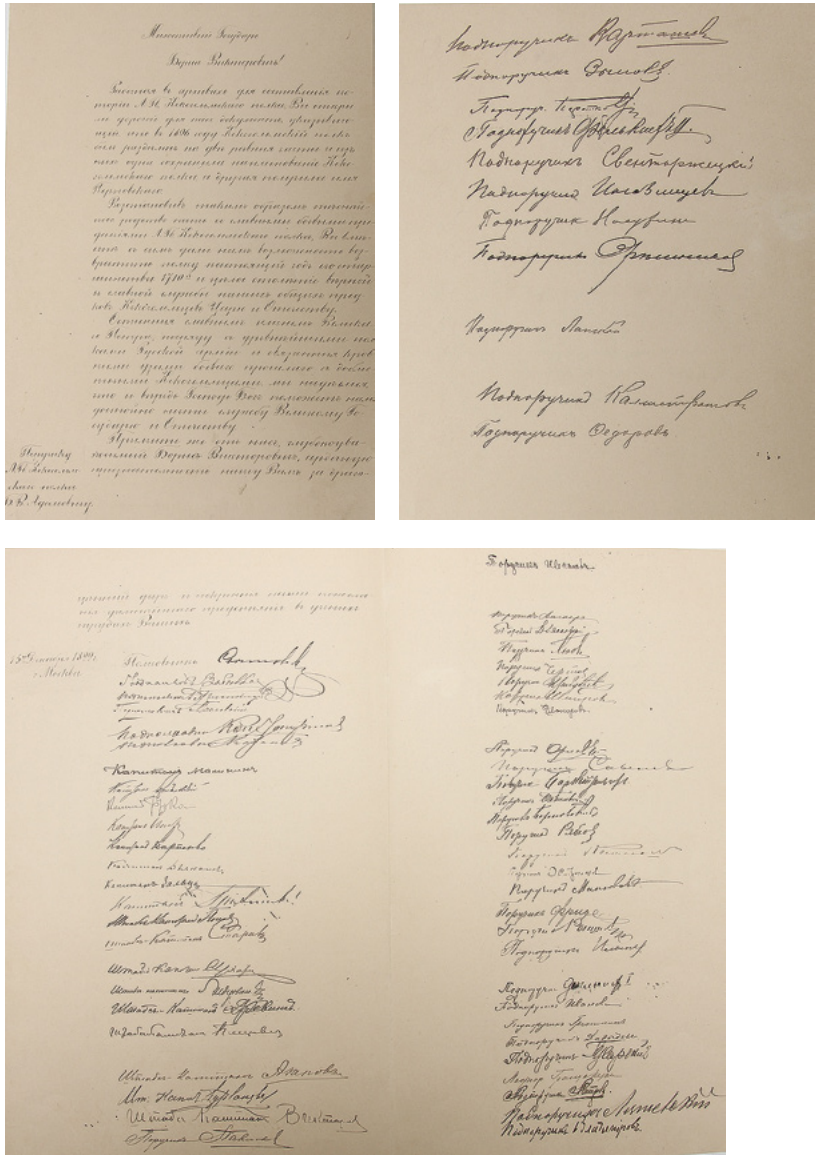
15-го декабря 1899 гг. Москва»[10].

---

[8] *Габаев Г. С.* Указ. соч. С. 5.

[9] Расписание гренадерских и драгунских полков с показанием старшинства и знаков отличия, которые должны быть им присвоены. 1884. СПб., 1884. С. 4.

[10] Инв. № 19/335. Л. 38–39.



Илл. 5. Письмо общества офицеров Перновского полка поручику Адамовичу. 15 декабря 1899 г. ВИМАИВиВС

Далее следуют подписи полковника Н. И. Светозаров[11], пяти подполковников, восьми капитанов, девяти штабс-капитанов, двадцати поручиков, двадцати одного подпоручика. Таким образом, письмо подписали все штаб- и обер-офицеры полка.

2. Ответ поручика Б. В. Адамовича командиру Перновского гренадерского полка. 26 февраля 1900 г.

«Москва. Хамовники. Командиру Перновского гренадерского полка.

Взволнованный до глубины души, тороплюсь сказать первое слово благодарности. Награда выше заслуги. Прошу Вас, господин полковник, заверить господ офицеров, что сознавая цену постановления их общества, я сумею достойно хранить и всегда буду гордиться Вашими дорогими словами и прекрасным подарком. Борис Адамович. 26 февраля 1900 г[12]».

3. Письмо Б. В. Адамовича бывшему командиру Перновского полка генерал-майору Николаю Ивановичу Светозарову с благодарностью за прекрасный подарок. СПб. 26 февраля 1900[13].

4. Письмо Б. В. Адамовича командиру 3-го гренадерского Перновского полка полковнику Ф. В. Неелову[14] (*илл. 6*).

«Милостивый Государь Федор Васильевич!

26 февраля я имел честь получить привет, письмо и прекрасный подарок господ офицеров Перновского полка.

Участие мое в восстановлении исторических прав этого доблестного полка, вызванное пониманием чувства обиды, которое смущало перновцев с 1884 года, было моею обязанностью как историка Кексгольмского

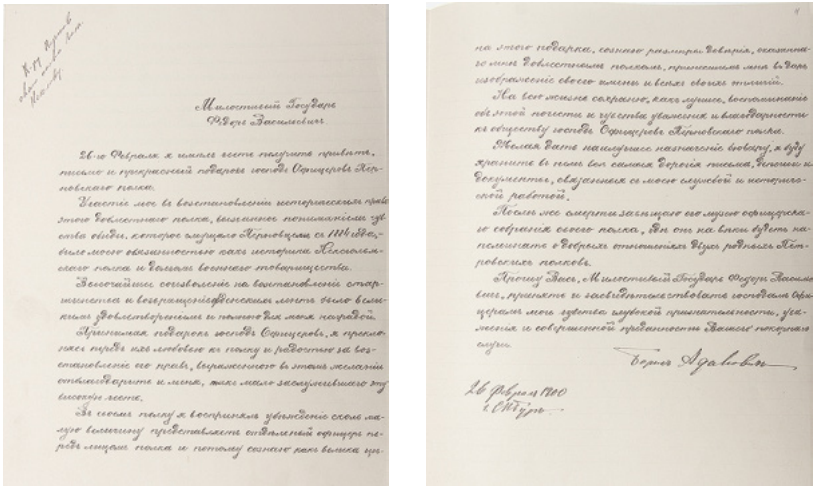
---

[11] Николай Иванович Светозаров (р. 15.09.1853). Окончил Варшавскую гимназию (1872), Константиновское военное училище (1874), Академию Генерального штаба (1880). С 1899 г. — генерал-майор. Участник Русско-турецкой войны (1877–1878), был ранен. С 1892 г. начальник штаба 3-й гренадерской дивизии, с 1898 г. — командир 3-го гренадерского Перновского полка, с 1899 г. — начальник штаба Гренадерского корпуса. В 1902–1906 гг. состоял в распоряжении командующего войсками Московского военного округа (*Волков С. В.* Генералитет Российской империи: энциклопедический словарь генералов и адмиралов от Петра I до Николая II. Т. 2. М., 2009. С. 462).

[12] Инв. № 19/335. Л. 36.

[13] Инв. № 19/335–7.

[14] Федор Васильевич Неелов (р. 25.07.1856). Окончил Воронежскую военную гимназию (1872), Николаевское инженерное училище (1875), Академию Генерального штаба (1882). С 1890 г. — полковник, с 1901 г. — генерал-майор. Участник Русско-турецкой войны (1877–1878 гг.). С 1892 г. начальник штаба 11-й пехотной дивизии, с 1895 г. — 1-й гренадерской дивизии. С 1899 г. командир 3-го гренадерского Перновского полка. В 1901–1905 г. — начальник штаба 2-го Туркестанского армейского корпуса (*Волков С. В.* Генералитет Российской империи… Т. 2. С. 200).



Илл. 6. Письмо Б. В. Адамовича командиру 3-го гренадерского Перновского полка полковнику Ф. В. Неелову. 26 февраля 1900 г ВИМАИВиВС

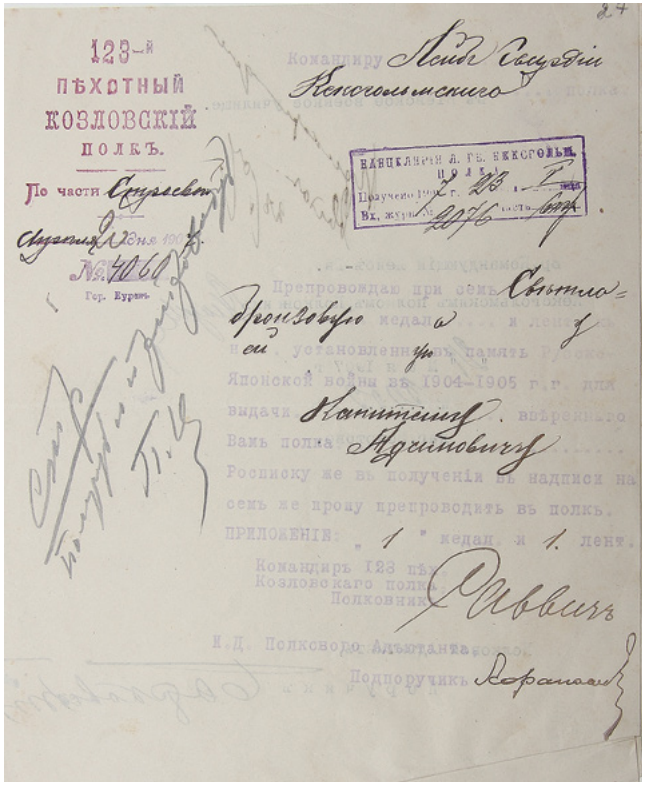
полка и долго военного товарищества. Высочайшее соизволение на восстановление старшинства и возвращение орденских лент было великим удовлетворением и полною для меня наградой.

Принимая подарок господ офицеров, я преклоняюсь перед их любовью к полку и радостью за восстановление его прав, выраженною в этом желании отблагодарить и меня, так мало заслужившего эту высокую честь.

В своем полку я воспринял убеждение, сколь малую величину представляет отдельный офицер перед лицом полка, и потому сознаю, как велика цена этого подарка, сознаю размеры доверия, оказанного мне доблестным полком, принесшим мне в дар изображение своего имени и всех своих отличий.

На всю жизнь сохраню как лучшее воспоминание об этой почести и чувства уважения и благодарности к обществу господ офицеров Перновского полка.

Желая дать наилучшее назначение бювару, я буду хранить в нем все самые дорогие письма, депеши и документы, связанные с моею службой и исторической работой. После же смерти я завещаю его музею офицерского собрания своего полка, где он вовеки будет напоминать о добрых отношениях двух родных петровских полков.

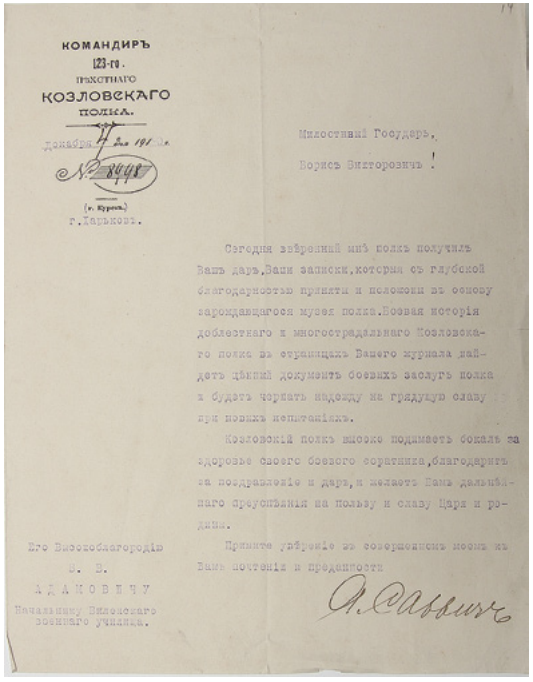


Илл. 7. Письмо из 123-го пехотного Козловского полка от 20 апреля 1907 г. ВИМАИВиВС

Прошу Вас, милостивый государь Федор Васильевич, принять и засвидетельствовать господам офицерам мои чувства глубокой признательности, уважения и совершенной преданности вашего покорного слуги. Борис Адамович. 26 февраля 1900 г. С.-Петербург»[15].

5. Письмо из 123-го пехотного Козловского полка от 20 апреля 1907 г. командиру л.-гв. Кексгольмского полка (*илл. 7*): препровождается светло-бронзовая медаль в память Русско-японской войны для выдачи капитану вверенного Вам полка Б. В. Адамовичу.

[15] Инв. №19/335–10.


КОМАНДИРЪ
123-го
ПѢХОТНАГО
КОЗЛОВСКАГО
ПОЛКА.

Декабря 4 дня 191 г.

№ 8448

(г. Курскъ)
г. Харьковъ.

Милостивый Государь,
Борисъ Викторовичъ !

Сегодня вѣренный мнѣ полкъ получилъ Вашъ даръ,Ваши записки,которыя съ глубокой благодарностью приняты и положены въ основу зарождающагося музея полка.Новая исторія доблестнаго и многострадальнаго Козловскаго полка на страницахъ Вашего журнала найдетъ цѣнный документъ боевыхъ заслугъ полка и будетъ чертить надежду на грядущую славу при новыхъ испытаніяхъ.

Козловскій полкъ высоко поднимаетъ бокалъ за здоровье своего боевого соратника,благодаритъ за поздравленіе и даръ,и желаетъ Вамъ дальнѣйшаго преуспѣянія на пользу и славу Царя и родины.

Примите увѣреніе въ совершенномъ моемъ къ Вамъ почтеніи и преданности

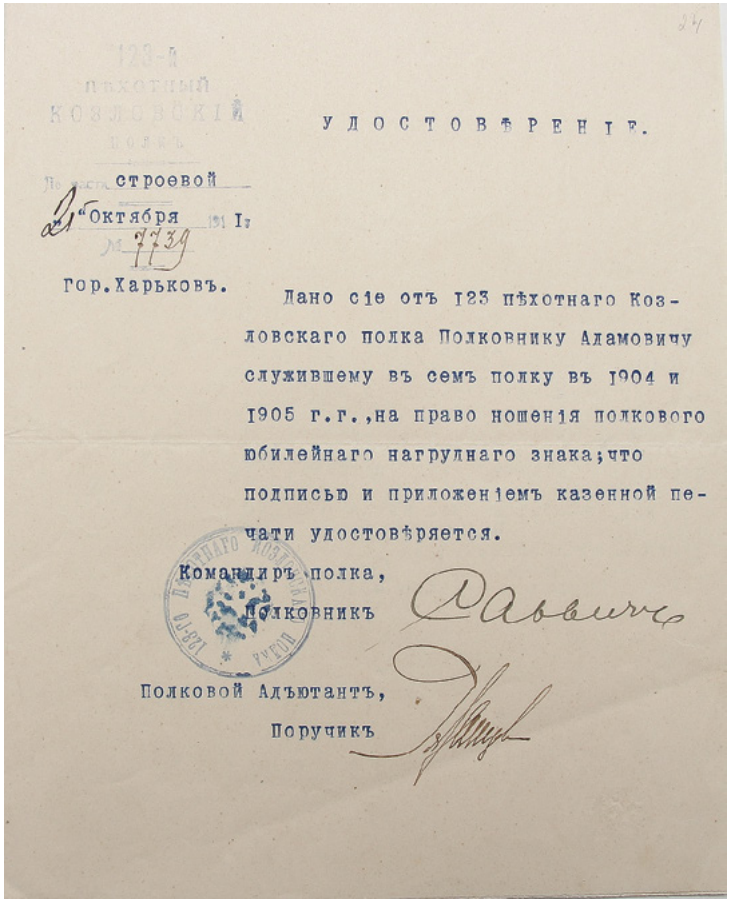
Его Высокоблагородію
Б. В.
АДАМОВИЧУ
Начальнику Виленскаго военнаго училища.

Илл. 8. Письмо командира 123-го пехотного Козловского полка полковника А. С. Савича начальнику Виленского военного училища полковнику Адамовичу. 4 декабря 1910 г. ВИМАИВиВС

6. Письмо командира 123-го пехотного Козловского полка полковника А. С. Саввича[16] начальнику Виленского военного училища полковнику Адамовичу (*илл. 8*). 4 декабря 1910 г. Харьков. Получили дар Б. В. Адамовича — записки по истории 123-го пехотного Козловского полка, которые лягут в основу полкового музея. Полк поднимает бокал за здоровье боевого соратника и благодарит за поздравления и дар[17].

[16] Александр Сергеевич Саввич (04.02.1864–10.01.1951, Каир). Окончил в 1884 г. Павловское военное училище («павлон»). С 1900 г. — подполковник, с 1904 г. — полковник, с 1914 г. — генерал-майор, с 1917 г. — генерал-лейтенант. В 1915–1917 гг. — начальник 81-й пехотной дивизии. Во время Гражданской войны в Добровольческой армии и ВСЮР. В 1918 г. эвакуирован из Новороссийска. В эмиграции в Египте (*Волков С. В.* Генералитет Российской империи… Т. 2. С. 441).

[17] Инв. № 19_335–14.


123-й
пѣхотный
КОЗЛОВСКІЙ
полкъ

УДОСТОВѢРЕНІЕ.

строевой

21 октября 191 1 г.

№ 7739

Гор. Харьковъ.

Дано сіе отъ 123 пѣхотнаго Козловскаго полка Полковнику Адамовичу служившему въ семъ полку въ 1904 и 1905 г.г.,на право ношенія полкового юбилейнаго нагрудnаго знака;что подписью и приложеніемъ казенной печати удостовѣряется.

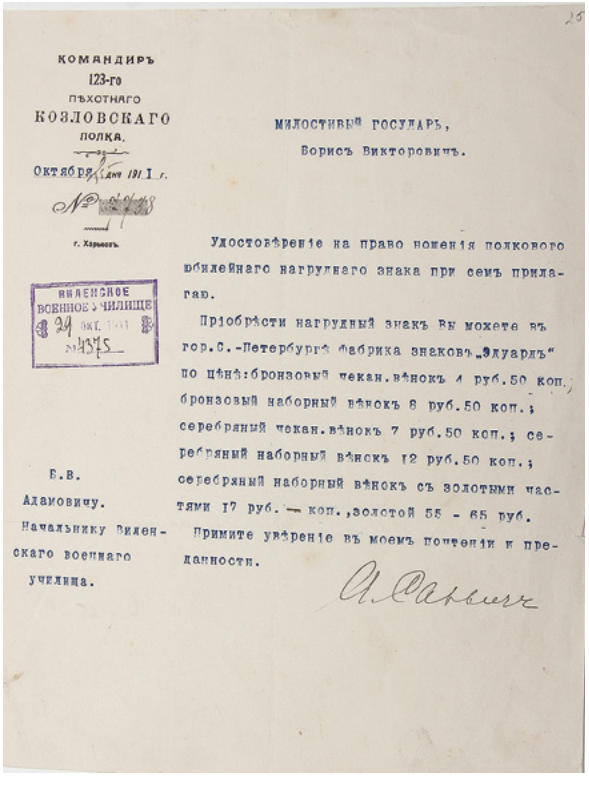
Командиръ полка,
Полковникъ

Полковой Адъютантъ,
Поручикъ

Илл. 9. Удостоверение от 123-го пехотного Козловского полка на право ношения полкового юбилейного знака. ВИМАИВиВС

7. Удостоверение от 123-го пехотного Козловского полка от 21 октября 1911 г. (*илл. 9*). Харьков. Дано от полка полковнику Б. Адамовичу, служившему в полку в 1904 и 1905 г., право ношения полкового юбилейного знака. Подписал командир полка полковник А. С. Саввич[18].

[18] Инв. № 19/335–24.



КОМАНДИРЪ
123-го
ПѢХОТНАГО
КОЗЛОВСКАГО
ПОЛКА.

Октября 25 дня 1911 г.

№ [illegible]

г. Харьковъ.

ВИЛЕНСКОЕ ВОЕННОЕ УЧИЛИЩЕ
29 ОКТ. 1911
№ 4375

МИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ,
Борисъ Викторовичъ.

Удостовѣреніе на право ношенія полкового юбилейнаго нагруднаго знака при семъ прилагаю.

Пріобрѣсти нагрудный знакъ Вы можете въ гор. С.-Петербургѣ фабрика знаковъ „Эдуардъ" по цѣнѣ: бронзовый чекан. вѣнокъ 4 руб. 50 коп.; бронзовый наборный вѣнокъ 8 руб. 50 коп.; серебряный чекан. вѣнокъ 7 руб. 50 коп.; серебряный наборный вѣнокъ 12 руб. 50 коп.; серебряный наборный вѣнокъ съ золотыми частями 17 руб. — коп., золотой 55 - 65 руб.

Примите увѣреніе въ моемъ почтеніи и преданности.

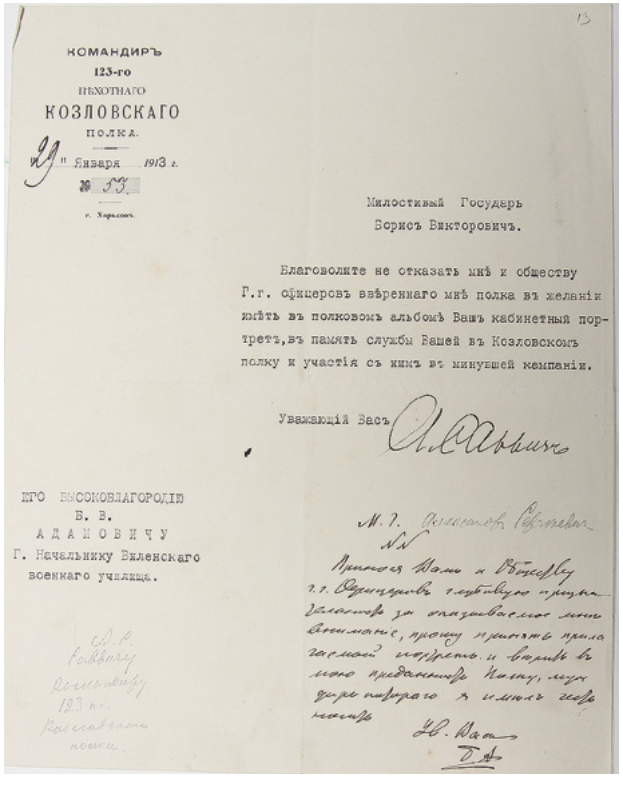
А. Саввичъ

Б. В.
Адамовичу.
Начальнику Виленскаго военнаго училища.

Илл. 10. Письмо командира 123-го пехотного Козловского полка с разъяснением, где и по какой цене Б. В. Адамович может заказать полковой знак. ВИМАИВиВС

8. Письмо командира 123-го пехотного Козловского полка (*илл. 10*) полковника А. С. Саввича начальнику Виленского военного училища полковнику Б. В. Адамовичу. 25 октября 1911 г. Препровождая удостоверение на право ношения полкового знака, командир разъясняет, где и по какой цене он может заказать знак. Фабрика Эдуард. Бронзовый с чеканным венком — по 4 р. 50 коп., бронзовый с наборным венком — 8р. 50 коп., серебряный с чеканным венком — по 7 р. 50 коп., серебряный с наборным венком — 12 р. 50 коп., серебряный с наборным венком с золотыми частями — 17 р., золотой — 55–65 р.[19]

[19] Инв. № 19/335–25.



КОМАНДИРЪ
123-го
ПѢХОТНАГО
КОЗЛОВСКАГО
ПОЛКА.

29 Января 1913 г.

№ 53.

г. Харьковъ.

Милостивый Государь
Борисъ Викторовичъ.

Благоволите не отказать мнѣ и обществу Г.г. офицеровъ ввѣреннаго мнѣ полка въ желаніи имѣть въ полковомъ альбомѣ Вашъ кабинетный портретъ, въ память службы Вашей въ Козловскомъ полку и участія съ нимъ въ минувшей кампаніи.

Уважающій Васъ А. Саввичъ

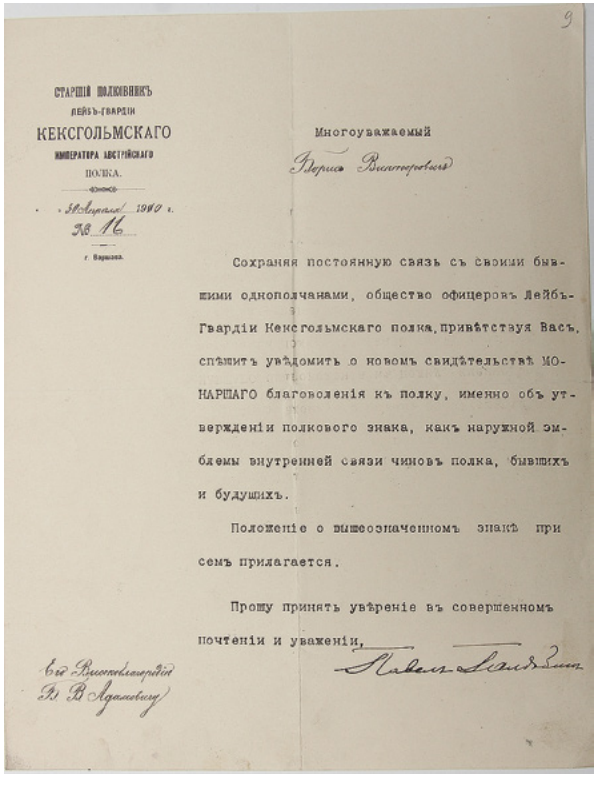
ЕГО ВЫСОКОБЛАГОРОДІЮ
Б. В.
АДАМОВИЧУ
Г. Начальнику Виленскаго военнаго училища.

М. Г. Александръ Сергеевичъ
№ 53
Принося Вамъ и Обществу г.г. Офицеровъ глубокую признательность за оказываемое мнѣ вниманіе, прошу принять прилагаемый портретъ и вѣрить въ мою преданность Полку, мундиръ котораго я имѣлъ честь носить
Ув. Васъ
Б. А.

Илл. 11. Письмо командира 123-го пехотного Козловского полка полковника А. С. Саввича начальнику Виленского военного училища генералу Б. В. Адамовичу с просьбой прислать фотопортрет. ВИМАИВиВС

9. Письмо командира 123-го пехотного Козловского полка полковника А. С. Саввича начальнику Виленского военного училища генералу Б. В. Адамовичу (*илл. 11*). 29 января 1913 г. Харьков. Просьба полка прислать свой «кабинетный портрет» в полковой альбом в память о службе в полку и участия в Русско-японской войне. Внизу рукой Б. В. Адамовича: «М. г. Александр Сергеевич. Принося вам и обществу гг. офицеров глубокую признательность за оказываемое мне глубокое внимание, прошу принять прилагаемый портрет и верить в мою преданность полку, мундир которого я имел честь носить. Уважающий Вас Б. А.»[20].

[20] Инв. № 19/335–13.



СТАРШІЙ ПОЛКОВНИКЪ
ЛЕЙБЪ-ГВАРДІИ
КЕКСГОЛЬМСКАГО
ИМПЕРАТОРА АВСТРІЙСКАГО
ПОЛКА.

30 Апреля 1910 г.
№ 16
г. Варшава.

Многоуважаемый
Борисъ Викторовичъ

Сохраняя постоянную связь съ своими бывшими однополчанами, общество офицеровъ Лейбъ-Гвардіи Кексгольмскаго полка, привѣтствуя Васъ, спѣшитъ увѣдомить о новомъ свидѣтельствѣ МОНАРШАГО благоволенія къ полку, именно объ утвержденіи полкового знака, какъ наружной эмблемы внутренней связи чиновъ полка, бывшихъ и будущихъ.

Положеніе о вышеозначенномъ знакѣ при семъ прилагается.

Прошу принять увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и уваженіи,

Павел Галдобин

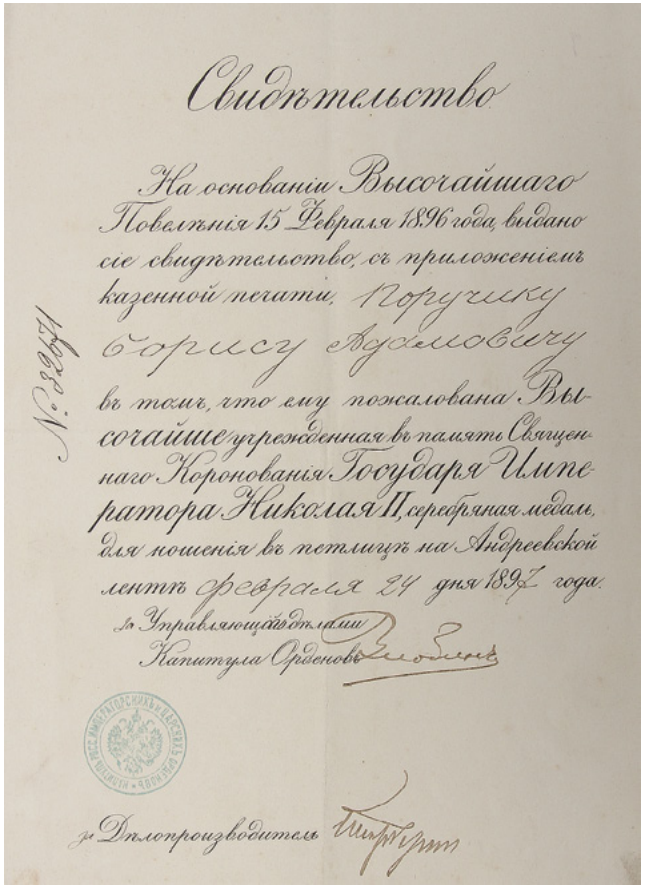
Его Высокоблагородію
Б. В. Адамовичу

Илл. 12. Письмо из л.-гв. Кексгольмского полка от 30 апреля 1910 г. Б. В. Адамовичу с уведомлением о свидетельстве на право ношения полкового знака. ВИМАИВиВС

10. Письмо от л.-гв. Кексгольмского полка (*илл. 12*). Варшава. 30 апреля 1910 г. «Сохраняя постоянную связь со своими бывшими однополчанами, общество офицеров лейб-гвардии Кексгольмского полка, приветствуя Вас, спешит уведомить о новом свидетельстве монаршего благоволения к полку, именно об утверждении полкового знака как наружной эмблемы внутренней связи чинов полка, бывших и будущих». Подпись «Павел Галдобин».

Высочайше утвержден полковой знак. Б. В. Адамовичу полк выслал положение о знаке, который он имел полное право носить[21].

[21] Инв. № 19/335–9.



Свидѣтельство

На основаніи Высочайшаго Повелѣнія 15 Февраля 1896 года, выдано сіе свидѣтельство, съ приложеніемъ казенной печати, Поручику Борису Адамовичу въ томъ, что ему пожалована Высочайше учрежденная въ память Священнаго Коронованія Государя Императора Николая II, серебряная медаль, для ношенія въ петлицѣ на Андреевской лентѣ Февраля 24 дня 1897 года.

№ 32671

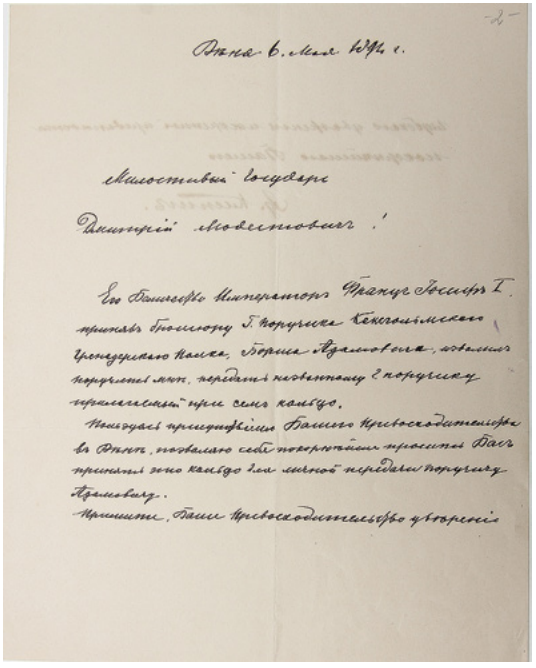
И. Управляющій отдѣломъ Капитула Орденовъ

И. Дѣлопроизводитель

Илл. 13. Свидетельство № 32671 к серебряной медали в память священного коронования императора Николая II. ВИМАИВиВС

11. Свидетельство № 32671 к медали в память священного коронования императора Николая II (*илл. 13*). Поручик Адамович удостоен серебряной медали в память священного коронования императора Николая II на андреевской ленте на основании указа от 15 февраля 1896 г. Дано 24 февраля 1897 г.[22]

[22] Инв. № 19/335–43.

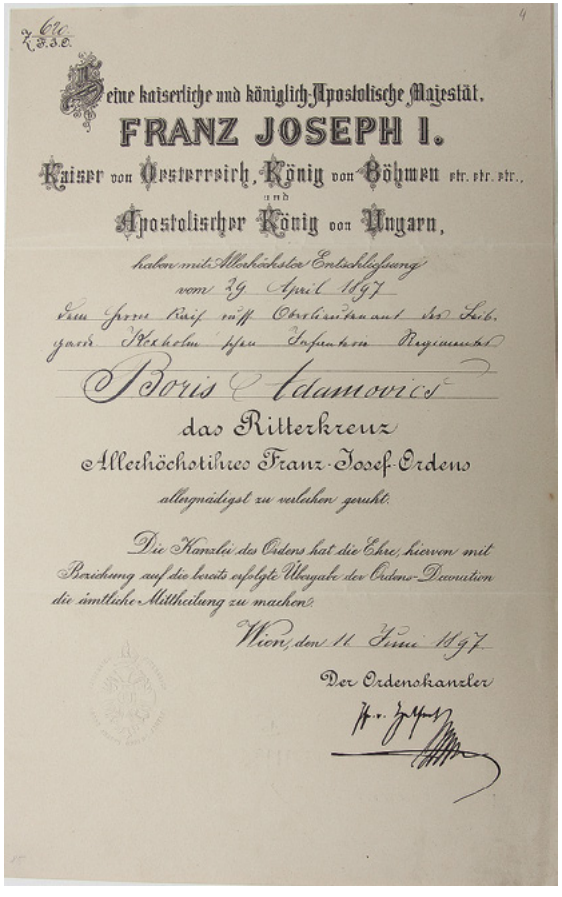


Илл. 14. Письмо командиру Кексгольмского гренадерского полка из Вены с уведомлением, что шеф полка — император австрийский Франц-Иосиф I пожаловал Б. В. Адамовичу золотой, украшенный бриллиантами перстень. ВИМАИВиВС

12. Письмо командиру Кексгольмского гренадерского полка генерал-майору Дмитрию Модестовичу Резвому[23]**.** Вена. 6 мая 1894 г. (*илл. 14*). Шеф полка — император австрийский Франц-Иосиф I принял брошюру Б. В. Адамовича (по истории полка и шефства) и поручил передать названному поручику прилагаемое при сем кольцо. Прошу принять для передачи. Подпись: Эд. Клепиг[24]. Это был украшенный бриллиантами перстень.

[23] Дмитрий Модестович Резвый (1843–1912). Окончил 1-й Кадетский корпус (1860), Николаевское инженерное училище (1863). Офицер Финляндского саперного батальона. С 1878 г. — полковник, с 1891 г. — генерал-майор, с 1899 г. — генерал-лейтенант, с 1907 г. — генерал от инфантерии. Участник кампаний 1873 и 1876 г. в Средней Азии, Русско-турецкой войны (1877–1878 гг.). Орден св. Георгия 4 ст. (1877). 4.02.1891–12.10.1895 — командир Кексгольмского гренадерского полка, с 1895 г. — 1-й бригады 3-й гвардейской пехотной дивизии. С 1899 г. — начальник 21-й пехотной дивизии, с 1904 г. — командир 19-го армейского корпуса. С 1905 г. — член Александровского комитета о раненых (*Волков С. В.* Генералитет Российской империи… Т. 2. С. 385).

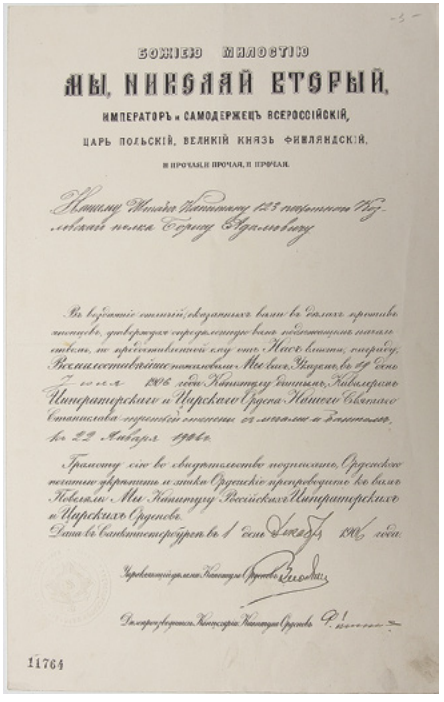
[24] Инв. № 19/335–2.



Илл. 15. Грамота на рыцарский крест ордена Франца-Иосифа. ВИМАИВиВС

13. Грамота на рыцарский крест Ордена Франца-Иосифа поручику Б. В. Адамовичу, награжденному указом императора австрийского Франца-Иосифа I от 29 апреля 1897 г. (*илл. 15*). Дана в Вене 11 июня 1897 г[25].

[25] Инв. № 19/335–4. Император австрийский Франц Иосиф (1830–1916). С 5 апреля 1848 г. управлял Богемией. 2 декабря 1848 г. восемнадцати лет вступил на австрийский престол. 28 декабря того же года император Николай I назначил его шефом гренадерского императора Франца I полка, который приказал именовать Гренадерским императора австрийского полком. В1894 г. полк получил права старой гвардии и стал наименоваться (до 1914 г.) лейб-гвардии Кексгольмским императора австрийского полком.



БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ и САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ,

ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ, ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКІЙ,

и прочая, и прочая, и прочая.

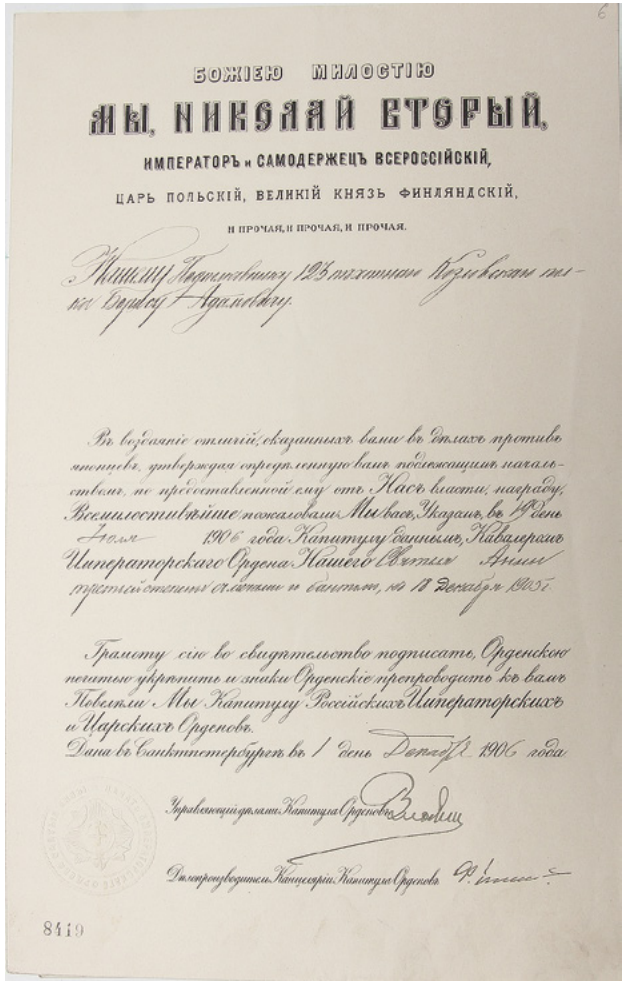
11764

Илл. 16. Грамота на орден святого Станислава 3-й степени с мечами и бантом штабс-капитану Б. В. Адамовичу в воздаяние боевых отличий в боях против японцев. ВИМАИВиВС

14. Грамота на орден Святого Станислава 3-й степени с мечами и бантом (*илл. 16*) штабс-капитану 123-го пехотного Козловского полка Б. В. Адамовичу, награжденному указом от 19 июля 1906 г. в воздаяние боевых отличий в боях против японцев. Дана в Петербурге 1 декабря 1906 г[26].

В 1849 г. император Франц Иосиф I учредил орден Франца Иосифа в честь годовщины восшествия на престол для награждения лиц всех сословий за военные и гражданские заслуги. Награждались также и иностранные подданные. Первоначально орден имел три степени: Большого креста, Командор и Рыцарь. Затем были добавлены еще две степени: в 1869 — Командор со звездой, в 1901 — Офицер. Знак ордена повторял форму государственного герба Австро-Венгрии и его девиз. Офицеров подшефного полка император награждал орденом своего имени (*Спасский И. Г.* Иностранные и русские ордена до 1917 г. СПб., 1993. С. 67; Vernon´s collectors Guide to Orders, Medals and Decorations by Sydney B. Vernon. USA, 2000. P. 35, 51; Orders and Decorations of all Nations. Ancient and modern, civil and military. Second edition by Robert Werlich. Washington, 2007. P. 50).

[26] Инв. № 19/335–3.



БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ и САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ,

ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ, ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКІЙ,

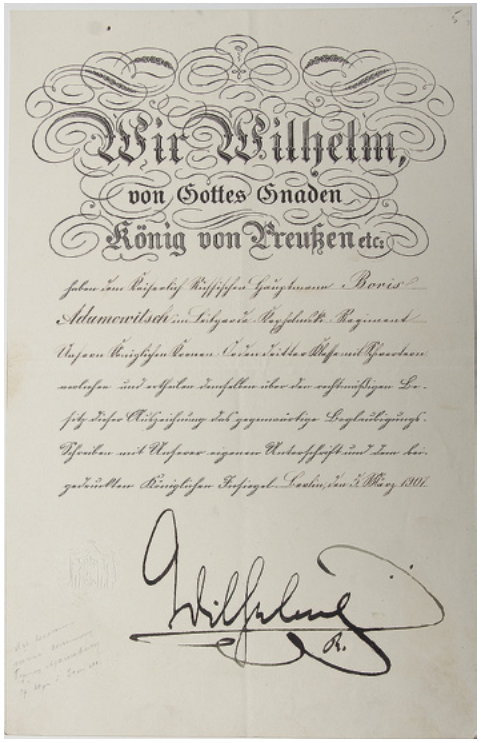
и прочая, и прочая, и прочая.

8419

Илл. 17. Грамота на орден святой Анны 3-й степени с мечами и бантом подполковнику Б. В. Адамовичу, награжденному за боевые отличия в боях против японцев. ВИМАИВиВС

15. Грамота на орден Святой Анны 3-й степени с мечами и бантом (*илл. 17*) подполковнику 123-го пехотного Козловского полка Б. В. Адамовичу, награжденному указом от 19 июля 1906 г. в воздаяние боевых отличий в боях против японцев. Дана в Петербурге 1 декабря 1906 г[27].

[27] Инв. № 19/335–6.

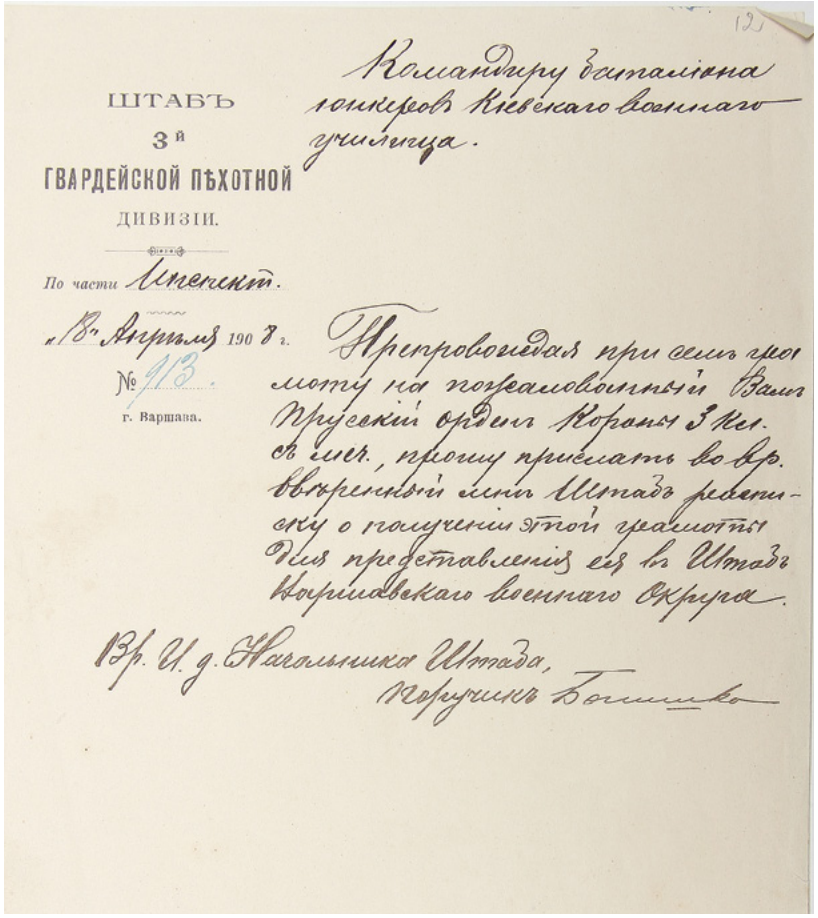


Илл. 18. Грамота на прусский Орден королевской короны 3-го класса с мечами. ВИМАИВиВС

16. Грамота на прусский орден Королевской Короны 3-го класса с мечами[28] (*илл. 18*). «Мы, Вильгельм, Божьей милостью король Пруссии…», указом своим жалуем русскому капитану (Hauptmann) Борису Адамовичу орден Королевской Короны 3-го класса (Königlichen Kronen Orden dritten Klasse) с мечами за боевые отличия. Берлин. 5 марта 1907 года[29].

[28] Орден Короны учрежден королем Вильгельмом I (1830–1888) 18 октября 1861 г. в память коронации. Четырех степеней: кавалеры Большого креста, Командоры 1 и 2 классов, кавалеры. Орденом награждали за военные и гражданские заслуги. За боевые отличия вручались ордена с мечами. Девиз ордена «Gott mit uns» (с нами Бог). После 1871 г. вошел в состав наград объединенной Германии. Имел значение, равное ордену Красного Орла. Существовал до 1918 г. (РГИА. Ф. 496. Оп. 2. Д. 2263. Л. 20 об.; *Гаврилова Л. М., Левин С. С.* Европейские ордена в России. М.: Арт-родник, 2007. С. 122.

[29] Инв. № 19/335–5.


ШТАБЪ
3й
ГВАРДЕЙСКОЙ ПѢХОТНОЙ
ДИВИЗІИ.

По части Инженерн.

№ 913.

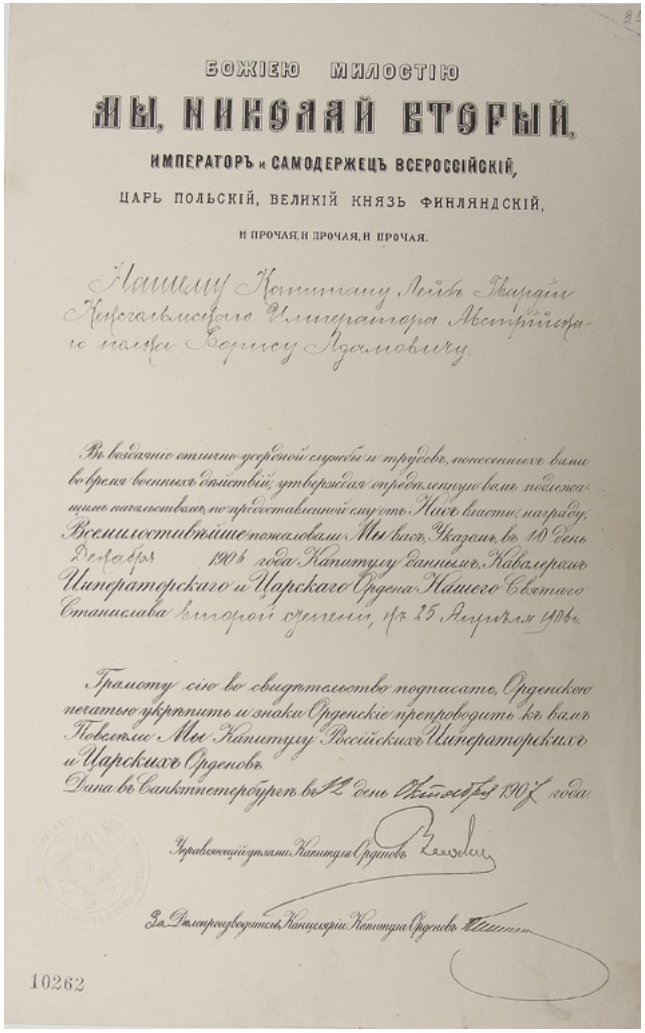
г. Варшава.

Командиру батальона юнкеров Киевского военного училища.

Илл. 19. Письмо из штаба 3-й гвардейской пехотной дивизии с препровождением грамоты на прусский Орден короны 3-го класса с мечами. ВИМАИВиВС

17. Письмо из штаба 3-й гвардейской пехотной дивизии командиру батальона юнкеров Киевского военного училища Б. В. Адамовичу (*илл. 19*). Препровождаю Вам грамоту на прусский орден Короны 3-го класса с мечами. Прошу прислать расписку в получении для предоставления её в штаб Варшавского военного округа[30].

[30] Инв. № 19/335–12.



БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ и САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ,

ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ, ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКІЙ,

и прочая, и прочая, и прочая.

Нашему Капитану лейбъ-гвардіи Кексгольмскаго Императора Австрійскаго полка Борису Адамовичу.

Въ воздаяніе отлично-доблестной службы и трудовъ, понесенныхъ вами во время военныхъ действій, утверждая определенную вамъ подлежащимъ начальствомъ, по представленной ему отъ Насъ власти, награду, Всемилостивѣйше пожаловали Мы васъ, Указомъ, въ 10 день Декабря 1906 года Капитулу данными, Кавалеромъ Императорскаго и Царскаго Ордена Нашего Святаго Станислава второй степени, отъ 25 Апреля 1906 г.

Грамоту сію во свидетельство подписать, Орденскою печатью укрепить и знаки Орденскіе препроводить къ вамъ Повелѣли Мы Капитулу Россійскихъ Императорскихъ и Царскихъ Орденовъ.

Дана въ Санктпетербурге въ 12 день Октября 1907 года.

Управляющій делами Капитула Орденовъ

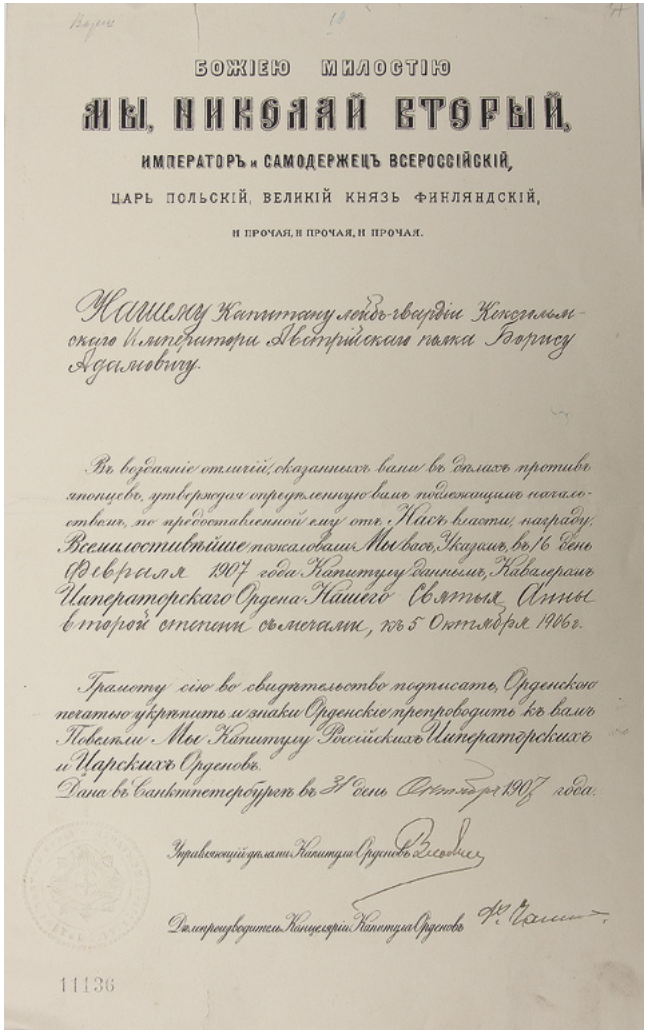
Дѣлопроизводитель Канцеляріи Капитула Орденовъ

10262

Илл. 20. Грамота на орден святого Станислава 2-й степени. ВИМАИВиВС

18. Грамота на орден святого Станислава 2-й степени капитану л.-гв. Кексгольмского полка Б. В. Адамовичу (*илл. 20*), награжденному указом от 10 декабря 1906 г.. Дана в Петербурге 12 октября 1907 г.[31]

[31] Инв. № 19/335–29.



БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ и САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ,

ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ, ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКІЙ,

и прочая, и прочая, и прочая.

Нашему Капитану лейбъ-гвардіи Кексгольмскаго Императора Австрійскаго полка Борису Адамовичу.

Въ воздаяніе отличій, оказанныхъ вами въ бояхъ противъ японцевъ, утверждая определенную вамъ подлежащимъ начальствомъ, по представленной ему отъ Насъ власти, награду, Всемилостивѣйше пожаловали Мы васъ, Указомъ, въ 16 день Февраля 1907 года Капитулу данными, Кавалеромъ Императорскаго Ордена Нашего Святыя Анны второй степени съ мечами, отъ 5 Октября 1906 г.

Грамоту сію во свидетельство подписать, Орденскою печатью укрепить и знаки Орденскіе препроводить къ вамъ Повелѣли Мы Капитулу Россійскихъ Императорскихъ и Царскихъ Орденовъ.

Дана въ Санктпетербурге въ 31 день Октября 1907 года.

Управляющій делами Капитула Орденовъ

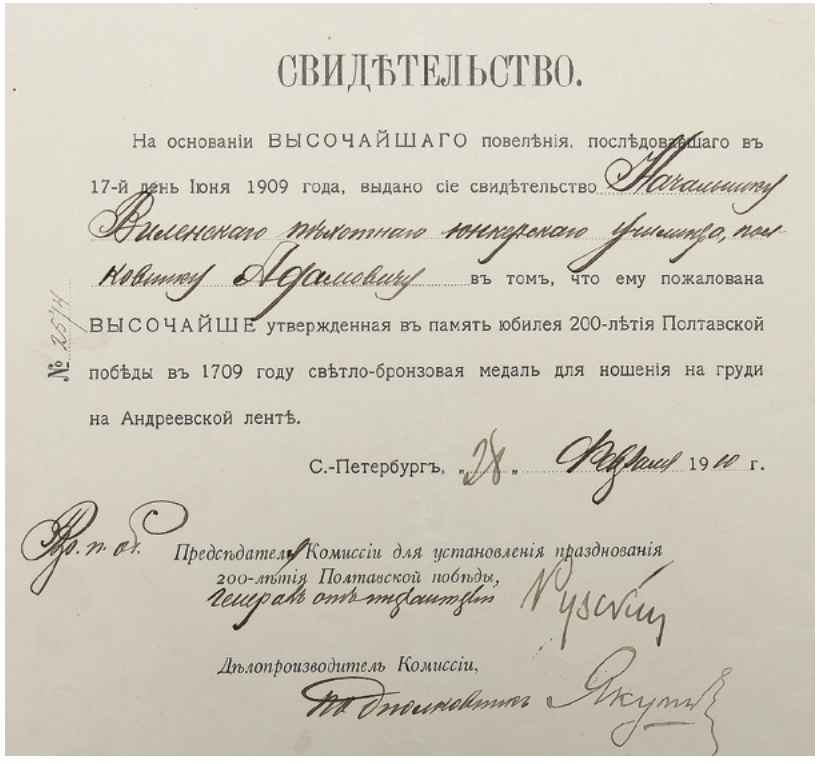
Дѣлопроизводитель Канцеляріи Капитула Орденовъ

11136

Илл. 21. Грамота на орден святой Анны 2-й степени с мечами. ВИМАИВиВС

19. Грамота на орден святой Анны 2-й степени с мечами (*илл. 21*) капитану л.-гв. Кексгольмского полка Б. В. Адамовичу, награжденному указом от 16 февраля 1907 г. Дана в Петербурге 31 октября 1907 г.[32]

[32] Инв. № 19/335–37.



СВИДѢТЕЛЬСТВО.

На основаніи ВЫСОЧАЙШАГО повелѣнія, послѣдовавшаго въ 17-й день Іюня 1909 года, выдано сіе свидѣтельство Начальнику Виленскаго военнаго училища, полковнику Борису Адамовичу въ томъ, что ему пожалована ВЫСОЧАЙШЕ утвержденная въ память юбилея 200-лѣтія Полтавской побѣды въ 1709 году свѣтло-бронзовая медаль для ношенія на груди на Андреевской лентѣ.

№ 2577

С.-Петербургъ, „28" Февраля 1910 г.

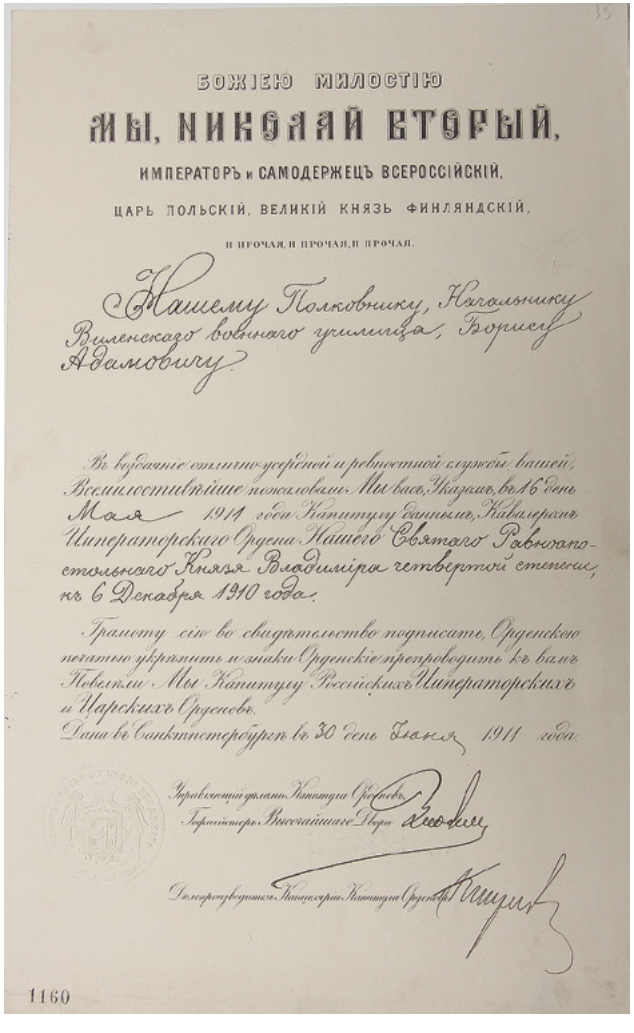
Председатель Комиссіи для установленія празднованія 200-лѣтія Полтавской побѣды, генералъ отъ инфантеріи Рузскій

Дѣлопроизводитель Комиссіи, Статскій совѣтникъ Якутъ

Илл. 22. Свидетельство № 2577 от 28 февраля 1909 г. к медали в память 200-летия Полтавской победы в 1709 г. ВИМАИВиВС

20. Свидетельство № 2577 от 28 февраля 1909 г. к медали в память 200-летия Полтавской победы в 1709 г. (*илл. 22*). Начальник Виленского военного училища полковник Б. В. Адамович удостоен светло-бронзовой медали на андреевской ленте в память 200-летия Полтавской победы в 1709 г. на основании высочайшего повеления от 17 июня 1909 г. Подпись исполняющего обязанности председателя комиссии для установления празднования 200-летия Полтавской победы генерала от инфантерии Рузского[33].

[33] Инв. №19/335–42.



БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ и САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ,

ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ, ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКІЙ,

и прочая, и прочая, и прочая.

Нашему Полковнику, Начальнику Виленскаго военнаго училища, Борису Адамовичу.

Въ воздаяніе отлично-усердной и ревностной службы вашей, Всемилостивѣйше пожаловали Мы васъ, Указомъ, въ 16 день Мая 1911 года Капитулу Нашихъ Кавалеровъ Императорскаго Ордена Нашего Святаго Равноапостольнаго Князя Владиміра четвертой степени, къ 6 Декабря 1910 года.

Грамоту сію во свидѣтельство подписати, Орденскою печатью укрѣпити и знаки Орденскіе препроводить къ вамъ. Повелѣли Мы Капитулу Россійскихъ Императорскихъ и Царскихъ Орденовъ.

Дана въ Санктпетербургѣ въ 30 день Іюня 1911 года.

Управляющій дѣлами Капитула Орденовъ Генералъ-Лейтенантъ Высочайшаго Двора

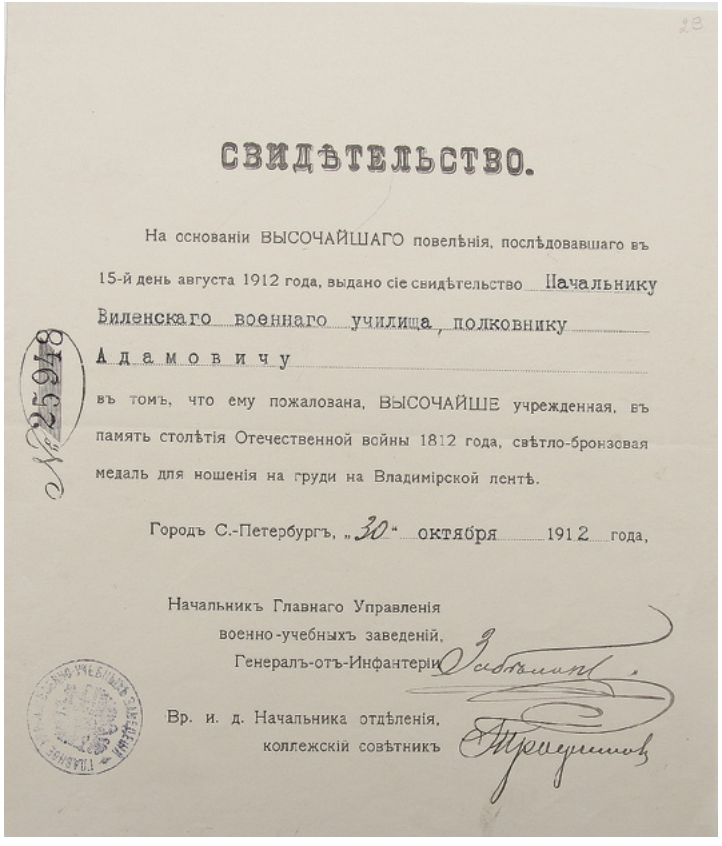
Дѣлопроизводитель Канцеляріи Капитула Орденовъ

1160

Илл. 23. Грамота на орден святого Владимира 4-й степени

21. Грамота на орден святого Владимира 4-й степени (*илл. 23*). Дана полковнику Б. В. Адамовичу, начальнику Виленского военного училища, удостоенному ордена по указу от 16 мая 1911 г. со старшинством награждения с 6 декабря 1910 г. 30 июня 1911 г.[34]

[34] Инв. №19/335–35.



СВИДѢТЕЛЬСТВО.

На основаніи ВЫСОЧАЙШАГО повелѣнія, послѣдовавшаго въ 15-й день августа 1912 года, выдано сіе свидѣтельство Начальнику Виленскаго военнаго училища, полковнику Адамовичу

№ 25948

въ томъ, что ему пожалована, ВЫСОЧАЙШЕ учрежденная, въ память столѣтія Отечественной войны 1812 года, свѣтло-бронзовая медаль для ношенія на груди на Владимірской лентѣ.

Городъ С.-Петербургъ, „30" октября 1912 года,

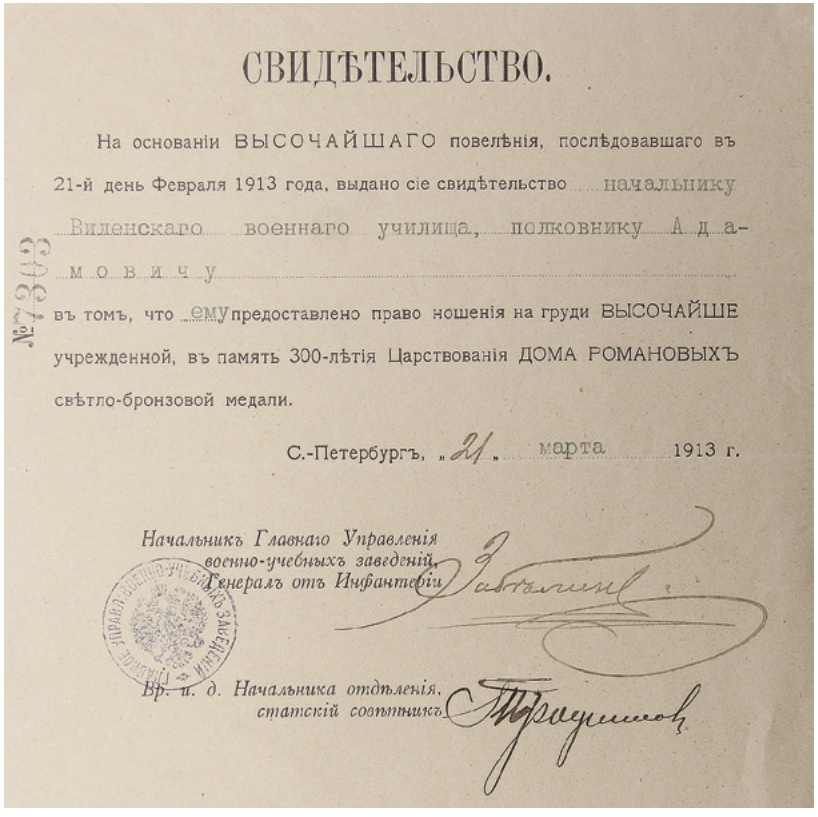
Начальникъ Главнаго Управленія военно-учебныхъ заведеній, Генералъ-отъ-Инфантеріи

Вр. и. д. Начальника отдѣленія, коллежскій совѣтникъ

Илл. 24. Свидетельство № 25948 от 30 октября 1912 г. к медали в память 100-летия Отечественной войны 1812 года. ВИМАИВиВС

22. Свидетельство № 25948 от 30 октября 1912 г. к медали в память 100-летия Отечественной войны 1812 года (*илл. 24*). От начальника Главного управления военно-учебных заведений. На основании высочайшего повеления от 15 августа 1912 г. Б. В. Адамович награжден светло-бронзовой медалью в память 100-летия Отечественной войны 1812 года. Подпись начальника Главного управления военно-учебных заведений (1910–1917) генерала от инфантерии А. Ф. Забелина (1856–1933)[35].

[35] Инв. № 19/335–23.



СВИДѢТЕЛЬСТВО.

На основаніи ВЫСОЧАЙШАГО повелѣнія, послѣдовавшаго въ 21-й день Февраля 1913 года, выдано сіе свидѣтельство начальнику Виленскаго военнаго училища, полковнику Адамовичу

№ 7303

въ томъ, что ему предоставлено право ношенія на груди ВЫСОЧАЙШЕ учрежденной, въ память 300-лѣтія Царствованія ДОМА РОМАНОВЫХЪ свѣтло-бронзовой медали.

С.-Петербургъ, „21" марта 1913 г.

Начальникъ Главнаго Управленія военно-учебныхъ заведеній, Генералъ отъ Инфантеріи

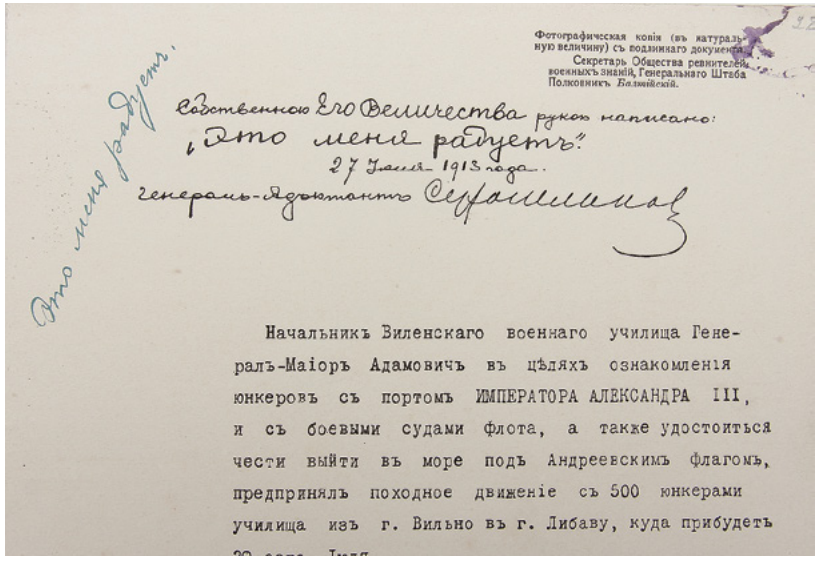
Вр. и. д. Начальника отдѣленія, статскій совѣтникъ

Илл. 25. Свидетельство № 7303 от 21 марта 1913 г. к медали в память 300-летия царствования дома Романовых. ВИМАИВиВС

23. Свидетельство № 7303 от 21 марта 1913 г. к медали в память 300-летия Царствования Дома Романовых (*илл. 25*). На основании указа от 21 февраля 1913 г. начальник Виленского военного училища Б. В. Адамович удостоен светло-бронзовой медали в память 300-летия царствования дома Романовых[36].

24. «Это меня радует — Николай. 27 июля 1913 года» (*илл. 26*). Копия донесения военного министра (1909–1915) генерал-адъютанта В. А. Сухомлинова (1848–1926) императору Николаю II об организации

[36] Инв. № 19/335–41.



Фотографическая копія (въ натуральную величину) съ подлиннаго документа.
Секретарь Общества ревнителей военныхъ знаній, Генеральнаго Штаба Полковникъ Балкашскій.

Это меня радуетъ.

Собственною Его Величества рукою написано:
„Это меня радуетъ."
27 Іюля 1913 года.
генералъ-адъютантъ Сухомлиновъ

Начальникъ Виленскаго военнаго училища Генералъ-Маіоръ Адамовичъ въ цѣляхъ ознакомленія юнкеровъ съ портомъ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III, и съ боевыми судами флота, а также удостоиться чести выйти въ море подъ Андреевскимъ флагомъ, предпринялъ походное движеніе съ 500 юнкерами училища изъ г. Вильно въ г. Либаву, куда прибудетъ

Илл. 26. Фрагмент донесения военного министра об организации начальником Виленского военного училища генерал-майором Адамовичем похода 500 юнкеров в порт в Либаву для знакомства юнкеров с военно-морской службой. С резолюцией императора «Это меня радует». ВИМАИВиВС

начальником Виленского военного училища генерал-майором Адамовичем похода 500 юнкеров в Либаву. Б. В. Адамович, задумав организовать практическое знакомство юнкеров с портом Александра III, с военными кораблями и военно-морской службой, обратился в Общество ревнителей военных знаний за помощью. Командующий морскими силами Балтийского моря адмирал Н. О. фон Эссен[37] и командующий учебным отрядом морского корпуса вице-адмирал А. И. Русин[38] отнеслись к идее с сочувствием.

[37] Николай Оттонович фон Эссен (1860–1915). С 1910 г. — вице-адмирал, с 1914 г. — адмирал. Участник Русско-японской и Первой мировой войн. С 1911 г. командующий Балтийским флотом. Награжден Золотым оружием, орденом св. Георгия 4-й ст. (*Волков С. В.* Генералитет Российской империи… Т. 2. С. 804).

[38] Александр Иванович Русин (1861–1956, Марокко). Окончил Морской корпус, Морскую академию. С 1899 г. — морской агент в Японии. С 1905 г. командир броненосца «Слава». С 1908 г. начальник Николаевской морской академии. С 1913 г. начальник Главного морского штаба. С 1912 г. вице-адмирал, с 1916 г. — адмирал. Участник Китайской кампании 1900–1901 гг., Русско-японской и Первой мировой войн. В отставке

Подарилъ С. В. Томилинъ. 17 Мар. 1901.

Гербъ рода
94 Адамовичевъ. 1 Отд.

Въ щитѣ, имѣющемъ голубое поле изображена золотая шестиугольная звѣзда и подъ оною золотая же луна, рогами вверхъ обращенная. Щитъ увѣнчанъ дворянскимъ шлемомъ съ дворянскою на немъ короною и съ страусовыми перьями, на которыхъ въ голубомъ эмаль-

Илл. 27. Герб рода Адамовичей. ВИМАИВиВС

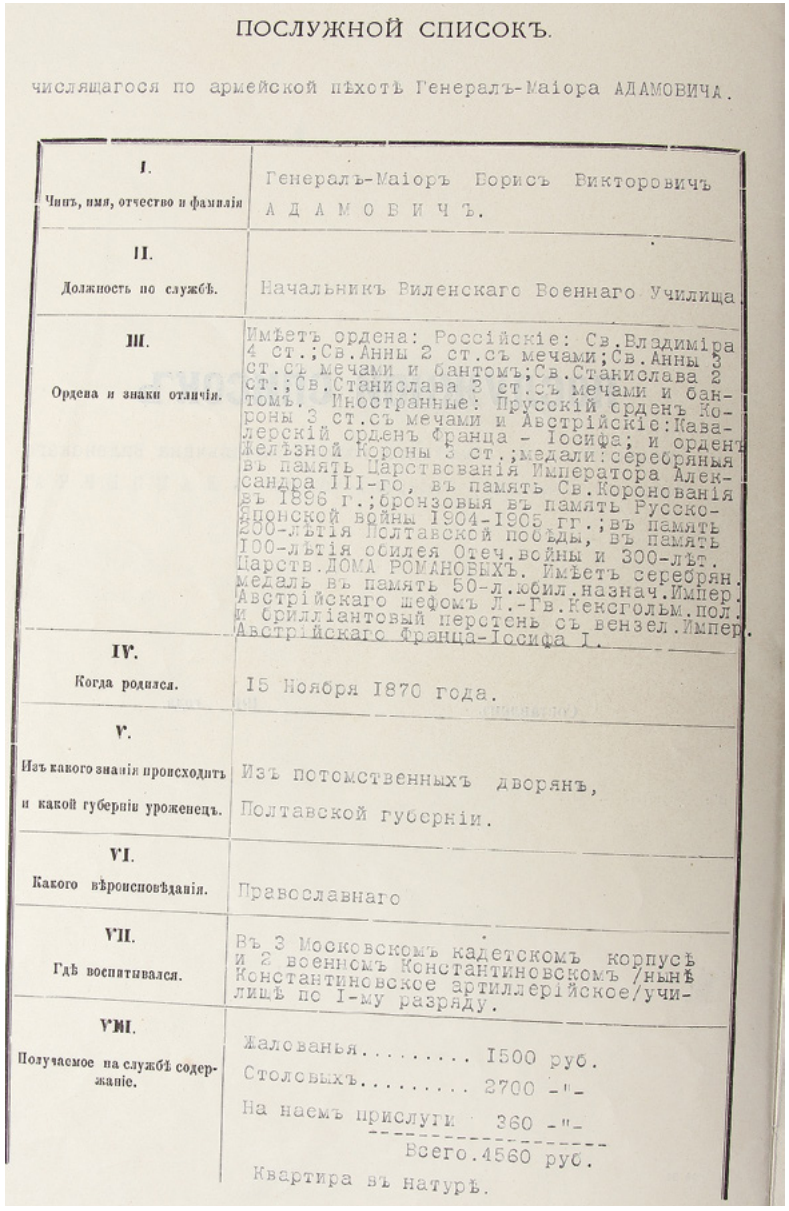
Был командирован крейсер «Олег» отряда Морского корпуса. Юнкеров разместили в казармах Морского ведомства. О содействии военно-морских чинов ознакомлению юнкеров с военным флотом В. А. Сухомлинов доложил императору. Николай II начертал: «Это меня радует»[39].

25. Герб рода Адамовичей (*илл. 27*). Лист из общего гербовника. Справа вверху: «Подарил С. В. Томилин 17 мрт. 1901»[40]. На щите, имею-

с 1.07.1917. В эмиграции во Франции, Америке (*Волков С. В.* Генералитет Российской империи… Т. 2. С. 432).

[39] Инв. № 19/335–28.

[40] Инв. № 19/355–44. Сергей Валерьевич Томилин (р. 1875). Окончил Павловское училище в 1894 г. («павлон»), в 1903 г. — Николаевскую академию по 1-му разряду. Служил в л.-гв. Павловском полку. С 1898 г. — поручик, с 1902 г. — штабс-капитан. Цензовое командование ротой отбывал в 108-м пехотном Саратовском полку (1903–1904). Участник Русско-японской и Первой мировой войн. Служил при управлении генерал-квартирмейстерской части 2-й Маньчжурской армии. В 1905–1908 гг. — в штабе Виленского военного округа. С 1908 г. — подполковник, с 1911 г. — полковник,



ПОСЛУЖНОЙ СПИСОКЪ.

числящагося по армейской пѣхотѣ Генералъ-Маіора АДАМОВИЧА.

I. Чинъ, имя, отчество и фамилія	Генералъ-Маіоръ Борисъ Викторовичъ А Д А М О В И Ч Ъ.
II. Должность по службѣ.	Начальникъ Виленскаго Военнаго Училища.
III. Ордена и знаки отличія.	Имѣетъ ордена: Россійскіе: Св.Владиміра 4 ст.;Св.Анны 2 ст.съ мечами;Св.Анны 3 ст.съ мечами и бантомъ;Св.Станислава 2 ст.;Св.Станислава 3 ст.съ мечами и бантомъ. Иностранные: Прусскій орденъ Короны 3 ст.съ мечами и Австрійскіе:Кавалерскій орденъ франца - Іосифа; и орденъ Желѣзной Короны 3 ст.;медали:серебряныя въ память Царствованія Императора Александра III-го, въ память Св.Коронованія въ 1896 г.;бронзовыя въ память Русско-японской войны 1904-1905 гг.;въ память 200-лѣтія Полтавской побѣды, въ память 100-лѣтія обилея Отеч.войны и 300-лѣт. Царств.ДОМА РОМАНОВЫХЪ. Имѣетъ серебрян. медаль въ память 50-л.юбил.назнач.Импер. Австрійскаго шефомъ Л.-Гв.Кексгольм.пол. и бриллiантовый перстень съ вензел.Импер. Австрійскаго франца-Іосифа I.
IV. Когда родился.	15 Ноября 1870 года.
V. Изъ какого званія происходитъ и какой губерніи уроженецъ.	Изъ потомственныхъ дворянъ, Полтавской губерніи.
VI. Какого вѣроисповѣданія.	Православнаго
VII. Гдѣ воспитывался.	Въ 3 Московскомъ кадетскомъ корпусѣ и 2 военномъ Константиновскомъ /нынѣ Константиновское артиллерійское/училищѣ по I-му разряду.
VIII. Получаемое на службѣ содержаніе.	Жалованья..... 1500 руб. Столовыхъ..... 2700 -"- На наемъ прислуги 360 -"- Всего.4560 руб. Квартира въ натурѣ.

Илл. 28. Послужной список генерал-майора Б. В. Адамовича. 1913 г. ВИМАИВиВС

щем голубое поле, изображена золотая шестиугольная звезда и под оною золотая же луна, рогами вверх обращенная. Щит увенчан дворянским шлемом с дворянскою на нем короною и с страусовыми перьями, на которых в голубом овальном щитке видны звезда и луна. Намет на щите голубой, подложен золотом. Фамилия Адамовичей начало свое восприяла, как показано в выписке из польского гербовника, от честна мужа Адама, дознанного в храбрости и мужестве противу татар, происшедшего от Спицимира, владевшего в Польше около 1802 года деревнями. Потомки сего рода Адамовичи, многие находясь в России, служили российскому престолу дворянские службы и жалованы были от Государей в 7172/1664 и других годах поместьями. Все сие доказывается выписями из польского гербовника и справкою Разрядного архива[41].

26. «Послужной список числящегося по армейской пехоте начальника Виленского военного училища генерал-майора Адамовича. 1913 год»[42] (*илл. 28*).

Мы познакомились с интереснейшим памятником русской военной истории. Бювар и хранящиеся в нем документы рассказывают о роде Адамовичей, об истории и традициях полков русской гвардии и армии, о проблеме их старшинства, о Русско-японской войне, о наградах России, Австро-Венгрии и Германии, полковых знаках. Но, прежде всего, бювар повествует о судьбе боевого офицера, военного историка, выдающегося педагога, патриота России — генерала Бориса Викторовича Адамовича.

Список литературы

Адамович Б. Опись музея л. — гв. Кексгольмского императора австрийского полка. Варшава, 1907.

Волков С. В. Генералитет Российской империи: энциклопедический словарь генералов и адмиралов от Петра I до Николая II. Т. 2. М., 2009.

с 1917 г. — генерал-майор. С 1910 г. преподаватель Виленского военного училища. Цензовое командование батальоном в 1913 г. проходил в л.-гв. Павловском полку. В 1914–1915 гг. — начальник штаба 24-й пехотной дивизии, затем начальник штаба 1-й стрелковой бригады. В 1915–1916 — командир 99-го пехотного Ивангородского полка. В 1918 г. — в РККА, в 1919–1920 гг. — в списках Генштаба РККА.

41 Общий Гербовник дворянских родов Всероссийской империи. Ч. XXX, № XXX. Несколько дворянских родов Адамовичей шляхетского происхождения записаны в родословные книги Виленской, Гродненской, Ковенской, Минской, Могилевской и Смоленской губерний. Малороссийский дворянский род Адамовичей происходит от Демьяна Адамовича (XVIII в.). Инв. №19/335–44.

42 Инв. №19/225, л. 40–48. Полный текст послужного списка опубликован в журнале «Бомбардир». 2017. № 27.

Габаев Г. С. О старшинстве войсковых частей и хрониках гренадерских и пехотных полков. СПб., 1914.
Гаврилова Л. М., Левин С. С. Европейские ордена в России. М.: Арт-родник, 2007.
200 лет 3-го Гренадерского Перновского короля Фридриха-Вильгельма IV полка 29 июня 1910 г. М., 1910.
Княжеконстантиновцы // Военная быль. № 59. 1963. Апрель. С. 21–28.
Расписание гренадерских и драгунских полков с показанием старшинства и знаков отличия, которые должны быть им присвоены. 1884. СПб., 1884.
РГВИА. Путеводитель. Т. 3. М., 2008.
Спасский И. Г. Иностранные и русские ордена до 1917 г. СПб., 1993.
Список полковникам по старшинству. СПб., 1914.
Филянов А. «Отец» перновцев Ф. П. Перберг и 200-летний юбилей 3-го гренадерского Перновского полка // Старый цейхгауз. 2016. № 1.
Orders and Decorations of all Nations. Ancient and modern, civil and military. Second edition by Robert Werlich. Washington, 2007.
Vernon´s collectors Guide to Orders, Medals and Decorations by Sydney B. Vernon. USA, 2000.

Tatiana Nikolaievna ILYINA

Honored Culture Worker, Ph. D. in History (*kandidat istoricheskikh nauk*), Senior Research Fellow (fund curator), Military Historical Museum of Artillery, Engineers and Signal Corps (St. Petersburg, Russia)

E-mail: tat.i54@yandex.ru

«The dearest letters, dispatches and documents»: Lieutenant-General Adamovich

The article is devoted to outstanding Russian military historian, brave battle officer, educated specialist, and the head of the Russian Military School in Yugoslavia — General Boris Viktorovich Adamovich (1870–1936). The Military-Historical Museum of Artillery, Engineer and Signal Corps keeps the silver decorated blotting-pad, which belonged to Adamovich. This splendid object was made in the well-known P. A. Ovchinnikov jewelry firm in 1899. Officers of the 3rd Grenadier Pernau Regiment presented the blotting-pad to Adamovich as an expression of their gratitude. His archival researches allowed the 3rd Grenadier Pernau Regiment to ascertain the year of its establishment — 1710. Taking this present, Adamovich promised to keep «the dearest letters, dispatches and documents» in the blotting-pad. Now the pad still holds valuable documents: General Adamovich's service record, letters from some regiments and his rewards patents.

Keywords: Imperial Russian army, Boris V. Adamovich, 3rd Pernovskii Grenadier regiment, Kexholmsky lifeguard regiment, seniority, military decorations.

References

Adamovich B., *Opis muzeya l.-gv. Keksgolmskogo imperatora avstiiskogo polka [The Museum of the Kexholm Emperor of the Austrian Regiment]*, Varshava 1907.
200 let 3-go Grenaderskogo Pernovskogo korolya Fridriha-Vilhelma IV polka [200 years of the 3rd Grenadier Pernish King Friedrich Wilhelm IV regiment], Moscow 1910.
Gabaev G. S., *O starshinstve voyskovyh chastey i hronikah grenaderskyh i pehotnyh polkov [About seniority of military units and chronicles of grenadier and infantry regiments]*, St. Petersburg 1914.
Gavrilova L. M., Levin S. S., *Evropeyskie ordena v Rossi [European Orders in Russia]*, Moscow 2007.
Filyanov A., *"Otets" pernovtsev F. P. Rerberg i 200-letnyi iubiley 3 grenaderskogo Pernovskogo polka [Father of Pernau grenadiers F. P. Rerberg and the 200th anniversary of the 3rd Grenadier Pernau Regiment]*, in: Staryi tseihgauz. 2016. No. 1.
Knyazhekonstantinovtsy, in: Voennaya byl. No. 59, 1963, April, p. 21–28.
Raspisanie grenaderskih i dragunskih polkov s pokazaniem starshinstva i znakov otlichia, kotorye dolzny byt im prosvoeny [List of grenadier and dragoon regiments with the indication of seniority and the insignia that must be assigned to them], St. Petersburg 1884.
RGVIA. Putevoditel [Guide to Russian State Military Historical Archive], vol. 3, Moscow 2008.
Spassky I. G., *Inostrannye i russkie ordena do 1917 [Foreign and Russian medals until 1917]*, St. Petersburg 1993.
Spisok polkovnikam po starshinstvu [List of Colonels by Seniority], St. Petersburg 1914.
Volkov S. V., *Generalitet Rossiiskoy imperii [Generals of the Russian Empire]*, vol. 2, Moscow 2009.

УДК 94 (47).08
ББК 63.3 (2) 51

Евгений Анатольевич БОЧКОВ

доктор исторических наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Военной академии материально-технического обеспечения имени генерала армии А. В. Хрулева (г. Санкт-Петербург)

E-mail: be57@yandex.ru

ОРГАНИЗАЦИЯ МАТЕРИАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ РУССКОЙ АРМИИ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В статье автор освещает военно-теоретические взгляды на организацию материально-технического обеспечения русской армии накануне Первой мировой войны (1914–1918 гг.), раскрывает изменения в структуре частей и учреждений тыла, анализирует ошибки и недостатки в подготовке органов тыла и снабжения к работе в условиях военного времени.

Ключевые слова: война, русская армия, тыл, материально-техническое обеспечение, боевое снабжение, продовольственное снабжение, вещевое снабжение, начальник тыла.

В начале XX столетия в военно-профессиональной лексике отсутствовало понятие «материально-техническое обеспечение армии». Это понятие было введено в оборот в начале XXI в. Но это вовсе не означает, что в армии (в широком понимании этого термина — вооружённые силы) отсутствовал комплекс мероприятий по обеспечению войск продовольствием, фуражом, вещевым имуществом, горючим, вооружением, боеприпасами и другими видами материальных средств. Все эти меры обозначались понятиями «тыл» и «снабжение». Понятие «организация тыла» включало в себя также и организацию воинских и снабженческих перевозок. В данной статье мы будем использовать термины и понятия, официально установленные в рассматриваемый период.

Общепризнано, что армия способна выполнять поставленные перед ней задачи только в том случае, если она вооружена, одета, обута, накормлена и обеспечена всем необходимым для жизни и боя. Поэтому органы государственной власти Российской империи и высшее военное командование уделяли большое внимание материально-техническому обеспечению вооружённых сил. Определённые уроки были извлечены из горьких событий Русско-японской войны (1904–1905 гг.). Однако до начала Первой мировой войны (1914–1918 гг.) не всё удалось сделать для повышения мобилизационной и боевой готовности армии, оснащения её вооружением и техникой. Не на должном уровне оказалась и военная теория.

Организация тыла и снабжения русской армии в случае войны должна была осуществляться в соответствии с мобилизационным расписанием № 19, принятым в 1910 г. 1 (14) мая 1912 г.[1] император Николай II утвердил разработанные Генеральным штабом (ГШ) директивные указания командующим войсками военных округов. Эти указания вносили изменения в схему и порядок развёртывания русской армии с началом войны. В зависимости от военно-политической обстановки были разработаны два варианта плана — план «А» и план «Г».

План «А» предусматривал создание на западных границах Российской империи группировки войск с целью перехода в наступление против вооруженных сил Германии и Австро-Венгрии и перенесения войны в их пределы[2].

По плану «Г» русская армия должна была перейти в наступление «против германских войск, угрожающих нам со стороны Восточной Пруссии, парализуя действия противников на остальных фронтах»[3].

Несмотря на некоторые отличия, оба плана имели общую принципиальную особенность — оборонительный характер действий русской армии в начале войны, исходивший «из соображений о меньшей нашей готовности к войне»[4]. Оценивая реально складывающуюся стратегическую обстановку, ГШ не исключал возможности захвата противником части западных районов страны.

В 1914 г. ГШ разрабатывал новое мобилизационное расписание № 20, но к началу Первой мировой войны (1914–1918 гг.) работа над ним не была завершена. Поэтому мобилизация и развёртывание русской армии, а также тыловое обеспечение войск осуществлялись на основе руководящих документов 1910 и 1912 г.

Порядок развёртывания русской армии в случае войны и характер её дальнейших действий определяли и размещение запасов материальных средств на театре войны (по современной терминологии — театре военных действий). Было признано необходимым в ближайшей к границе

---

1 В тексте все даты даны по старому и новому стилям. В скобках указаны даты по григорианскому календарю.

2 *Зайончковский А. М.* Подготовка России к мировой войне. Планы войны (1914–1918 гг.). 2-е изд. М.: ООО «ЛЕНАНД», 2017. С. 257.

3 Там же. С. 262.

4 Там же. С. 289.

полосе хранить только те запасы, которые «нужны войскам, квартирующим в этой полосе, и при этом исключительно на время мобилизации»[5]. В связи с этим было прекращено пополнение складов, расположенных в приграничной зоне. Все запасы материальных средств начали перемещать восточнее, вглубь территории страны.

В следующей полосе предполагалось хранить только запасы расходных магазинов (складов).

Что касается базисных магазинов (складов), то их отвели на линию Днепра. При этом часть запасов была передана в промежуточные магазины, которые были развёрнуты впереди базисных складов.

Количество запасов материальных средств, подлежащих хранению, рассчитывалось исходя из штатной численности формируемых армий. При этом не удалось избежать явных перекосов в размещении материальных средств; выяснилось, что 2/3 всех запасов должны храниться в складах, находящихся на территории севернее Полесья, и только 1/3 — в хранилищах, расположенных к югу от него. Такое размещение складов создавало серьёзные трудности для организации тылового обеспечения 5-й армии, которая должна была развёртываться в границах Варшавского военного округа.

Планами ГШ предусматривалась в случае необходимости передислокация 5-й армии ближе к границе. При этом два корпуса этой армии должны были выдвинуться вперёд в северном направлении, а два — в южном. На все просьбы командования 5-й армии разрешить размещение хотя бы части запасов в тех пунктах, куда эти корпуса могли быть направлены, Главное управление Генерального штаба (ГУГШ) отвечало категорическим отказом.

Оценивая ненормальность сложившейся ситуации, А. М. Зайончковский писал: «Теория, проводимая <Ю. Н.> Даниловым[6], совершенно не соответствовала ни новому, выдвинутому несколько вперёд развёртыванию <армии>, ни активным, в особенности в отношении Австрии, задачам, поставленным русским армиям. Оттянутые сильно к востоку тылы поставили бы в первый период кампании войска фактически в невозможность наступать, тем более, что надо было ожидать, что ближайшие железнодорожные линии могут быть заняты в начале военных действий перекидыванием войск, потребным по ходу операций»[7].

[5] Там же. С. 289.

[6] Данилов Юрий Никифорович (1866–1937 гг.), в 1909–1914 гг. генерал-квартирмейстер Главного управления Генерального штаба, генерал-лейтенант (1913 г.).

[7] *Зайончковский А. М.* Указ. соч. С. 290.

Отсутствие чёткого понимания схемы организации тылового обеспечения войск при разработке планирующих документов поставило 2-ю, 4-ю и 5-ю армии, которые развёртывались на территории Варшавского военного округа в диаметрально противоположных направлениях, в сложное положение. В этой ситуации тылы армейских объединений оказались в тесном соприкосновении друг с другом. В боевой обстановке это неизбежно привело бы к нарушению работы органов тылового обеспечения армий.

Для разработки предложений по организации тыла и снабжения развёртываемых армий в феврале 1912 года была создана комиссия под руководством генерал-квартирмейстера штаба Варшавского военного округа генерал-майора П. И. Постовского. Комиссия, изучив данный вопрос, представила свои соображения по распределению тыловой территории и учреждений тыла между 1-й, 2-й, 4-й и 5-й армиями, а также по размещению базисных магазинов (складов).

В связи с тем, что большинство базисных магазинов (складов), предусмотренных мобилизационным расписанием № 19, практически не было создано, а помещения для хранения материальных средств не были построены, комиссия предложила лишь районы размещения магазинов (складов) по группам армий.

Так, например, магазины (склады), довольствующие группы армий, предназначенных для действий против германских войск, предлагалось разместить в районе Двинска, Полоцка и Витебска; магазины (склады) группы армий, развёртываемых для действий против вооружённых сил Австро-Венгрии, предлагалось организовать в районе Минска, Смоленска и Гомеля; также было признано необходимым для этих армий иметь промежуточный магазин (склад) в Барановичах. Базисные магазины (склады) 3-й армии (Киевского военного округа) оставались без изменения[8].

Однако предложения комиссии генерал-майора П. И. Постовского были проигнорированы Военным министерством и Генеральным штабом. Распоряжением ГУГШ, который по-прежнему считал вероятным отход русской армии от границы, базисные магазины (склады) были отнесены в Бологое, Смоленск, Гомель, Киев, Кременчуг и Екатеринослав[9].

В соответствии с «Положением о полевом управлении войск в военное время», принятом 29 июля (11 августа) 1914 г., за несколько дней до вступления России в войну, центральным органом управления во-

[8] Там же. С. 291.

[9] Там же.

енными действиями сухопутных войск и морских сил являлась Ставка верховного главнокомандующего (Ставка ВГК). Её основным рабочим органом был штаб верховного главнокомандующего. Первоначально штаб состоял из четырёх управлений: 1) управления генерал-квартирмейстера при верховном главнокомандующем; 2) управления дежурного генерала при верховном главнокомандующем; 3) управления начальника военных сообщений (ВОСО) при верховном главнокомандующем; 4) военно-морского управления при верховном главнокомандующем. Кроме того в состав штаба входил чиновник для ведения переписки по дипломатической части[10].

В последующем по мере расширения боевых действий в ходе Первой мировой войны (1914–1918 гг.), увеличения количества войсковых объединений и соединений, частей родов войск и специальных войск, а также усложнения стратегических задач структура штаба верховного главнокомандующего непрерывно совершенствовалась. К лету 1917 г. в составе штаба было пятнадцать управлений, три канцелярии и два комитета (общая численность более 2 тыс. человек).

На штаб верховного главнокомандующего возлагались следующие задачи:

— сбор, содержание и обработка сведений, необходимых верховному главнокомандующему для руководства военными действиями;

— разработка его указаний по ведению военных операций;

— руководство эксплуатацией железнодорожной сети театра военных действий;

— передача по принадлежности его повелений и распоряжений[11].

Первоначально штаб Ставки ВГК рассматривался как орган только оперативного управления, который «не занимался вопросами материально-технического обеспечения войск»[12]. Сведения об обеспеченности фронтов и отдельных армий огнеприпасами (по современной терминологии — боеприпасами), продовольствием, фуражом, вещевым имуществом и другими материальными средствами собирали (каждый по своей службе) генерал-квартирмейстер и дежурный генерал штаба Ставки ВГК. Единственная задача штаба, связанная с тыловым

[10] Военное законодательство Российской империи (Кодекс русского военного права) // Российский военный сборник. Выпуск № 10. М.: Военный университет, 1996. С. 85.

[11] Там же. С. 85.

[12] *Чеботарёв А. В., Паршин В. В.* Система военного управления в России (XVIII — начало XX в.). М.: Военный университет, 2003. С. 202.

обеспечением войск, — это руководство военными сообщениями (руководство эксплуатацией железнодорожной сети) на театре военных действий (ТВД).

Вопросами материального обеспечения русской армии ведали главные управления Военного министерства и управления ГШ. В частности, на ГШ (наряду с другими задачами) возлагались дела по «размещению, снаряжению, вооружению и хозяйству войск, и наблюдению за всеми потребностями войск в материальном отношении и за безостановочным удовлетворением их»[13].

Отсутствие централизованной системы управления устройством тыла и снабжения войск в центре и на театре военных действий привело к тому, что основная тяжесть по организации тылового обеспечения войск в ходе Первой мировой войны (1914–1918 гг.) легла на фронты и отдельные армии.

В 1914 г. в России было двенадцать военных округов, на основе которых с началом войны должны были отмобилизовываться и развёртываться фронты и отдельные армии. Органы управления, осуществлявшие руководство деятельностью частей, учреждений и заведений тыла в округах, являлись неотъемлемой частью общей системы военного управления государства.

Возглавлял округ главный начальник военного округа — командующий войсками округа, которому подчинялись все соединения (части), учреждения и заведения военного ведомства, дислоцированные на территории округа.

Органами военно-окружного управления накануне войны были: Военно-окружной совет, окружной штаб, окружное интендантское управление, окружное артиллерийское управление, окружное инженерное управление (в 1912 г. окружные инженерные управления были переименованы в окружные управления по квартирному довольствию войск), окружное военно-медицинское управление (в 1910 г. окружные военно-медицинские управления были переименованы в окружные военно-санитарные управления), окружное военно-ветеринарное управление (в 1902 г. было выделено из состава окружного военно-медицинского управления в самостоятельное управление)[14].

[13] Военное законодательство Российской империи (Кодекс русского военного права) // Российский военный сборник. Выпуск № 10. М., 1996. С. 57.

[14] *Безугольный А. Ю., Ковалевский Н. Ф., Ковалёв В. Е.* История военно-окружной системы в России. 1862–1918. М.: Центрполиграф, 2012. С. 306.

Военно-окружной совет являлся высшим военно-административным органом в округе, решавшим все военно-административные и военно-хозяйственные вопросы.

Штаб округа ведал мобилизационным планированием, перевозками и сосредоточением войск в случае войны, составлением квартирных расписаний и дислокацией войск, строевой и боевой подготовкой частей и офицерского состава, сбором сведений о деятельности вероятного противника в приграничной полосе.

Штабы трёх приграничных округов (Варшавского, Виленского и Киевского) относились к органам военного управления первой категории, осуществляли свою деятельность в соответствии с «Положением о штабах пограничных военных округов», утверждённым приказом по военному ведомству 9 (21) августа 1892 г. № 219 и имели организационно-штатную структуру, отличную от штабов внутренних округов.

В составе окружного штаба было три управления: 1) управление окружного генерал-квартирмейстера (строевое, мобилизационное, отчётное отделения); 2) управление окружного дежурного генерала (инструкторское, хозяйственное, госпитальное отделения; канцелярия штаба, архив); 3) управление окружного начальника военных сообщений (военно-дорожное, этапное отделения)[15].

В 1912 г. эту структуру с некоторыми изменениями распространили на все военные округа. В 1914 г. в штаты штабов были введены ещё два отделения: военно-цензурное и гражданских дел[16].

Система военно-окружного управления являлась основой для формирования полевого управления фронта (отдельной армии) в случае войны. С объявлением мобилизации командующий войсками округа вступал в командование войсками фронта (отдельной армией), состоявшими из соединений и частей округа; начальник штаба округа вступал в должность начальника штаба фронта (отдельной армии); начальник окружного интендантского управления — в должность главного начальника снабжения армий фронта (интенданта отдельной армии); начальники других окружных управлений (артиллерийского, инженерного, военно-санитарного, военно-ветеринарного и др.) принимали руководство над соответствующими фронтовыми (армейскими) органами.

Во фронте непосредственное руководство тылом и снабжением осуществлял главный начальник снабжения армий фронта, подчиненный

[15] Там же. С. 307.

[16] Там же.

непосредственно главнокомандующему армиями фронта. Главный начальник снабжения армий фронта по существу являлся начальником тыла фронта. Кроме управления службами интендантского снабжения, он осуществлял руководство военными сообщениями, транспортом, санитарной и ветеринарной службами, казначейством.

На главного начальника снабжения армий фронта возлагались следующие задачи:

— устройство во всех отношениях общего тыла фронта,

— организация транспорта для подвоза и эвакуации,

— общее руководство производством заготовок из местных средств,

— истребование из тыла страны всех средств, которые не могут быть заготовлены на месте,

— дача общих указаний по гражданскому управлению во всём районе фронта,

— проведение общих и частных реквизиций[17].

В начале войны главному начальнику снабжения армий фронта подчинялись:

— канцелярия;

— управление начальника военных сообщений армий фронта;

— управление начальника артиллерийского снабжения армий фронта;

— управление начальника инженерного снабжения армий фронта;

— управление начальника санитарной части фронта;

— управление начальника ветеринарной части фронта;

— управление интенданта фронта;

— управление главного казначея фронта;

— управление главного контролёра фронта;

— управление главного уполномоченного Общества Красного креста.

Главному начальнику снабжения армий фронта подчинялись (по вопросам, касающимся материального обеспечения войск), начальники военно-окружных управлений (управлений военных округов), входивших в состав фронта[18].

В руках главного начальника снабжений армий фронта была сосредоточена и вся гражданская власть на территории тыла фронта, в его подчинении находились военные генерал-губернаторства (если они создавались на захваченной у противника территории).

[17] История тыла и снабжения русской армии / С. И. Вавилов, В. К. Высоцкий, И. М. Жерносек, В. И. Забрудский и др. Калинин: РИО Военной академии тыла и снабжения, 1955. С. 253–254.

[18] Там же. С. 254.

Начальники довольствующих служб фронта (артиллерийского снабжения, инженерного снабжения, интендантского снабжения) вели учёт материальных средств, осуществляли распределение предметов материального снабжения между армиями, организовывали ремонт имущества и его пополнение.

Главные начальники военных округов (командующие войсками округов), входивших в район ТВД, подчинялись непосредственно главному начальнику снабжений армий соответствующего фронта. Одновременно, выполняя свои должностные обязанности, установленные Сводом военных постановлений (Книга II. Военно-окружные управления. СПб., 1869 г.), они по-прежнему оставались в подчинении военного министра. Такая двойственность негативно отражалась на работе по материальному обеспечению войск.

Окружные довольствующие управления, входившие в состав фронта, являлись исполнительными органами соответствующих управлений снабжения армий фронта. Начальники фронтовых управлений материального снабжения давали соответствующим окружным управлениям задания, руководящие указания и распоряжения по материальному обеспечению соединений и частей фронта. Тыловые учреждения и содержащиеся в них запасы имущества находились в ведении окружных довольствующих управлений. Кроме того, на органы тыла военных округов возлагались задачи по заготовлению материальных средств (прежде всего, продовольствия и фуража) за счёт местной экономической базы.

Начальник санитарной части фронта руководил санитарной и эвакуационной службой во фронтовом районе.

Значительную помощь должностным лицам военного ведомства в эвакуации и лечении раненых и больных оказывало Общество Красного креста. Уполномоченный представитель Общества обязан был сообщать начальнику санитарной части фронта сведения об имеющихся в его распоряжении санитарных средствах. При этом начальник санитарной части не имел права вмешиваться в деятельность Общества Красного креста.

Начальник ветеринарной части фронта руководил ветеринарной службой.

Главный казначей ведал денежным довольствием военнослужащих.

Главный контролёр осуществлял контроль за расходованием финансовых средств соединениями и частями фронта.

В ведении начальника военных сообщений фронта находились все железнодорожные, шоссейные, грунтовые и водные пути, не входившие в состав этапных путей войсковых районов армий. Этапные пути

войсковых районов армий находились в подчинении начальников этапно-хозяйственных отделов штабов армий.

Основными задачами начальника военных сообщений армий фронта в годы войны были:

— организация подвоза и эвакуации во фронтовом районе;

— организация восстановления и постройки железных, шоссейных и грунтовых дорог;

— организация этапной и транспортной службы в тыловом районе фронта, а также дача руководящих указаний штабам армий для направления и общей связи этих служб в войсковом районе армий;

— усиление этапных и транспортных средств в армиях;

— организация эксплуатации почтово-телеграфной связи;

— организация охраны путей сообщения.

Работа всего аппарата тылового обеспечения фронта должна была согласовываться с деятельностью штаба фронта в целях всестороннего обеспечения боевых действий. Начальник штаба фронта обязан был информировать главного начальника снабжения армий фронта о ходе операций.

Руководство тылом и снабжением полевой армии находилось в ведении штаба армии. В отдельной и неотдельной армии (то есть входящей в состав фронта) организацией тыла и снабжения ведал начальник этапно-хозяйственного отдела штаба армии. В его обязанности входило:

— надлежащее устройство тыла и этапных линий;

— организация материального снабжения соединений (частей) и установление корпусам очерёдности подвоза и эвакуации.

В состав этапно-хозяйственного отдела штаба армии входили: артиллерийская часть, инженерная часть, интендантская часть, санитарная часть, ветеринарная часть, этапно-транспортная часть. Заведующие вышеназванных структурных подразделений подчинялись непосредственно начальнику этапно-хозяйственного отдела штаба армии. Также в его подчинении находились этапные войска и все транспортные части (автомобильные, гужевые) армии. Армия независимо от своего статуса своих органов военных сообщений не имела.

Это был единственный случай, когда в штабе сосредоточивались все функции управления тылом и снабжением. До этого штабы ведали транспортными средствами, санитарной службой, давали некоторые указания по работе тыла, но службы снабжения непосредственно штабам не подчинялись[19].

---

[19] Там же. С. 255.

В войсковом тылу система управления органами тыла имела свои особенности. В корпусе и дивизии начальники служб тыла подчинялись непосредственно командиру соединения, то есть они не входили в состав штаба и не были объединены в одном органе тыла. Но, как и во фронте, начальники служб корпуса и дивизии должны были увязывать свою работу с работой общевойсковых штабов[20].

Вопросами тыла и снабжения в корпусах и дивизиях ведали следующие должностные лица: в корпусе — корпусной интендант, инспектор артиллерии, корпусной инженер, санитарный врач, ветеринарный врач, казначей и контролер; в дивизии (бригаде) — дивизионный (бригадный) интендант и санитарный врач. Корпусной и дивизионный интенданты объединяли руководство снабжением продовольствием, вещевым, обозным и квартирным имуществом, а также обеспечение денежным довольствием.

В полку хозяйственную часть возглавлял заведующий хозяйством (штаб-офицер), которому подчинялись: полковой казначей, ведавший денежным и вещевым снабжением; полковой квартирмейстер, отвечавший за продовольственное, фуражное и квартирное довольствие; заведующий оружием; командир нестроевой роты, в ведении которого находились обоз и мастерские; старший врач полка; делопроизводитель.

Ротным хозяйством непосредственно ведал фельдфебель. Хранение имущества и продовольствия осуществлял каптенармус.

«Положение о полевом управлении войск в военное время» (1914 г.) несколько приблизило организацию управления тылом действующей армии к требованиям боевой практики. В частности, была ликвидирована существовавшая ранее двойственность в руководстве медицинской службой со стороны инспектора госпиталей и военно-медицинского инспектора. Была создана единая структура управления военно-медицинским делом во главе с санитарными врачами.

Если в области управления военно-медицинским делом был достигнут определённый прогресс, то система управления материально-техническим снабжением войск по-прежнему оставалась далекой от совершенства. В частности, при главнокомандующем на театре военных действий по-прежнему отсутствовал орган управления тыловым обеспечением действующей армии. Не был определен и порядок взаимоотношений между ГШ, центральными довольствующими управлениями и главным начальником снабжений фронта.

Совершенно бесправным оказался начальник этапно-хозяйственного отдела штаба армии и его подчиненные. По своему служебному положению они стояли ниже начальников корпусных служб тыла и не могли самостоятельно давать им распоряжения по служебным вопросам. Начальник этапно-хозяйственного отдела штаба армии получал право принимать самостоятельное решение лишь в особых случаях, когда усложнялась обстановка, то есть тогда, когда роль начальника штаба армии должна, наоборот, повышаться[21].

Недостатки системы управления тылом и снабжением действующей армии, выявились уже в ходе войны. В 1915–1917 гг. в систему управления тыловым обеспечением войск были внесены некоторые изменения, направленные на её совершенствование. При Ставке ВГК была учреждена должность главного начальника снабжения. Однако эта должность просуществовала всего несколько месяцев и вскоре была упразднена.

В 1916 г. при штабе верховного главнокомандующего была учреждена должность главного полевого интенданта. В соответствие с приказом начальника штаба от 8 (21) января 1916 г. № 34 на главного полевого интенданта возлагались обязанности по учёту и распределению заготовленных средств в тыловых районах фронтов[22]. Он подчинялся начальнику штаба Ставки ВГК и имел право требовать необходимые сведения от Интендантского управления Военного министерства и Министерства земледелия.

В штат штаба Ставки ВГК также были введены должности, начальника управления санитарной и эвакуационной части, полевого генерал-инспектора артиллерии, начальника авиации и воздухоплавания. Эти должностные лица подчинялись непосредственно начальнику штаба и отвечали за материально-техническое обеспечение всей действующей армии (по своей службе).

Для руководства эксплуатацией железных дорог на театре войны и осуществления единства управления с остальной сетью железных дорог страны при Ставке ВГК январе 1917 г. было создано Управление путей сообщения на театре военных действий во главе с товарищем (заместителем) министра путей сообщения. Приказом начальника штаба верховного главнокомандующего от 28 января (10 февраля) 1917 г. № 160 было введено «Положение об управлении путями сообщения на театре военных действий»[23].

---

[20] Там же.

[21] Там же. С. 260.

[22] *Бескровный Л. Г.* Армия и флот России в начале XX в. Очерки военно-экономического потенциала. М.: Наука, 1986. С. 152.

[23] История военных сообщений российской армии / А. В. Кириченко, И. В. Мартыненко, П. Ф. Махонько, Ю. А. Трусов, Н. А. Слободчиков. М.: Воентехиздат, 2008. С. 173.

В ходе войны был увеличен аппарат начальника военных сообщений Ставки ВГК; значительно расширены его права (за счёт полномочий начальников ВОСО фронтов) по руководству воинскими перевозками и восстановлением железных дорог. Начальники ВОСО фронтов, оставаясь в структуре штабов фронтов, были выведены из подчинения главного начальника снабжения армий фронта и подчинены начальнику ВОСО Ставки ВГК.

Начальники санитарной службы во фронтовом и армейском звене также были выведены из подчинения главного начальника снабжения армий фронта и начальника этапно-хозяйственного отдела штаба армии и подчинены: во фронте — главнокомандующему армиями фронта, в армии — начальнику штаба армии. В армиях были введены должности заведующих автомобильной частью, которые были подчинены начальникам этапно-хозяйственных отделов штабов армий.

Однако на протяжении всей Первой мировой войны в Ставке верховного главнокомандующего так и не было создано органа, который объединял и координировал бы деятельность всех служб материального обеспечения действующей армии. Не была преодолена и разобщённость систем управления тыловым обеспечением войск во фронтовом и армейском звене. Подчинение главного начальника снабжения армий фронта главнокомандующему армиями фронта, а начальника этапно-хозяйственного отдела — начальнику штаба армии негативно отражалось на организации материально-технического обеспечения войск, а в ряде случаев привело к неудачному исходу операций в ходе Первой мировой войны.

В качестве вывода следует сказать, что заблаговременная подготовка страны и вооружённых сил в тыловом отношении позволяет не только снизить материально-технические затраты государства в ходе войны, но и создать надёжную базу для будущей победы над противником. Как показал опыт Первой мировой войны, расчёт на «быструю победу» может привести к печальным последствиям: истощению ресурсов страны, социальному напряжению в обществе и в конечном счёте — поражению (явному или опосредованному).

Список литературы

Безугольный А. Ю., Ковалевский Н. Ф., Ковалёв В. Е. История военно-окружной системы в России. 1862–1918. М.: Центрполиграф, 2012.

Бескровный Л. Г. Армия и флот России в начале XX в. Очерки военно-экономического потенциала. М.: Наука, 1986.

Военное законодательство Российской империи (Кодекс русского военного права) // Российский военный сборник. Выпуск № 10. М.: Военный университет, 1996.

Зайончковский А. М. Подготовка России к мировой войне. Планы войны (1914–1918 гг.). 2-е изд. М.: ООО «ЛЕНАНД», 2017.

История военных сообщений российской армии / А. В. Кириченко, И. В. Мартыненко, П. Ф. Махонько, Ю. А. Трусов, Н. А. Слободчиков. М.: Воентехиздат, 2008.

История тыла и снабжения русской армии / С. И. Вавилов, В. К. Высоцкий, И. М. Жерносек, В. И. Забрудский и др. Калинин: РИО Военной академии тыла и снабжения, 1955.

Чеботарёв А. В., Паршин В. В. Система военного управления в России (XVIII — начало XX в.). М.: Военный университет, 2003.

Evgeny Anatolievich BOTCHKOV

Doctor of History, Professor, Department of the humanitarian and socio-economic sciences, Khruliov Military Academy of Logistics and Transport (St. Petersburg, Russia)

E-mail: be57@yandex.ru

Organization of the Russian Army's material and technical support on the eve of the World War I (1914–1918)

The article tells about military-theoretical views on the organization of the Russian Army's material and technical support on the eve of the World War I (1914–1918). The author reveals changes in the structure of the units and institutions of the rear, analyses errors and shortcomings in the preparation of logistics bodies for work in wartime conditions.

Keywords: war, Russian Army, rear, material and technical support, combat supply, food supply, ammunition supply, head of the rear.

References

Beskrovny L. G., *Armiya i flot Rossii v nachale XX veka. Ocherki voyenno-ekonomicheskogo potentsiala [The Russian Army and Navy in the beginning of the 20th century. Essays on military economic potential],* Moscow 1986.

Bezugolny A. Y., Kovalevsky N. F., Kovalyov V. E., *Istoriya voyenno-okruzhnoy sistemy v Rossii. 1862–1918 [History of the military circuit system in Russia. 1862–1918],* Moscow 2012.

Istoriya tyla i snabzheniya russkoy armii [History of military communications of the Russian Army], ed. S. I. Vavilov, V. K. Vysotsky, I. M. Zhernosek, V. I. Zabrudsky et cit, Kalinin 1955.

Istoriya voyennyh soobsheniy rossiyskoy armii [History of logistics of the Russian Arm], ed. A. V. Kiritchenko, I. V. Martynenko, P. F. Makhonko, Y. A. Trusov, N. A. Slobodchikov, Moscow 2008.

Tchebotaryov A. V., Parshin V. V., *Sistema voyennogo upravleniya v Rossii (XVIII-nachalo XX v.) [The military management system in Russia (XVIII-the beginning of the XX cent.)]*, Moscow 2003.

Voennoye zakonodatelstvo Rossiyskoy Imperii (Kodeks russkogo voyennogo prava) [The military legislation of the Russian Empire (Code of the Russian Military Law)], in: Rossiyskiy voyennyi sbornik [Russian military review], #10, Moscow 1996.

Zaiontchkovsky A. M., *Podgotovka Rossii k mirovoy voyne. Plany voyni (1914–1918) [Preparing of Russia for World War. War plans (1914–1918)]*, 2 ed., Moscow 2017.

УДК 94 (47) 083
ББК 63.3 (2) 523

Петр Юрьевич МАЖАРА

кандидат исторических наук, главный специалист Российского государственного архива военно-морского флота (Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: pmazhara@mail.ru

СОБЫТИЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И РЕВОЛЮЦИИ В МЕМУАРАХ КАПИТАНА 1-ГО РАНГА Д. И. ДАРАГАНА[1]

Статья посвящена мемуарам участника Белого движения капитана 1-го ранга Д. И. Дарагана, в которых отражен опыт участия их автора в Первой мировой войне и революционных событиях. Балтийский флот, где служил Дараган, оказался одним из самых революционно настроенных частей вооруженных сил Российской Империи. Рассматриваемый исторический источник представляет несомненный интерес для изучения этой эпохи, хотя это в первую очередь частная история, написанная мемуаристом для своей семьи.

Ключевые слова: Первая мировая война, Революция 1917 года, Балтийский флот, история семьи, Белое движение, конфликты между офицерами и матросами.

Дмитрий Иосифович (Осипович)[2] Дараган (1884–1978) не принадлежит к числу исторических и военных деятелей первого ряда, но в кругах историков имя его хорошо известно. Нельзя назвать неизвестным и текст его мемуаров[3], но поскольку они не были опубликованы и сведения из них известны относительно узкому кругу читателей, представляется вполне уместным рассмотреть специально их текст в настоящей статье.

Работая над воспоминаниями в эмиграции, Д. И. Дараган сделал несколько копий своего текста. Бóльшая часть их хранилась в семье, одна была отправлена в музей общества «Родина» (Лейквуд, США), а одна была передана в славянское отделение университетской библиотеки города Хельсинки[4]. Для написания настоящей статьи мы пользовались последней. Вопрос о соотношении текстов различных списков, полной или неполной их идентичности пока остается открытым и здесь нами не рассматривается[5].

Дмитрий Дараган родился в Санкт-Петербурге ночью на Рождество 1884 г. в семье инженера-путейца Осипа (Иосифа) Федоровича Дарагана и его супруги Иустины Николаевны (в девичестве Сущовой). Осип Федорович занимал должности директора частных Привислинских железных дорог (с 1890 г.), затем начальника государственной Рижско-Орловской железной дороги (с 1898 г.) и много сделал для строительства железнодорожных путей, проходящих по территории современной Белоруссии[6].

Детские годы Дмитрий Дараган провел в основном в Варшаве и Риге. Проучившись некоторое время в Рижском городском реальном училище, он поступил в Морской кадетский корпус, который успешно окончил в 1904 г. четвертым по успеваемости с награждением премией им. адмирала Нахимова. Выпуск 1904 г. принято называть «царским», так как его произвел лично Николай II, прибывший в Морской кадетский корпус на второй день Русско-японской войны, 28 января 1904 г.

Д. И. Дараган, как и многие другие его товарищи по учёбе, принадлежал к числу тех мичманов, которые сразу же по окончании обучения отправились на фронт. В годы Русско-японской войны 1904–1905 гг. он нес службу сначала вахтенным офицером на эскадренном броненосце «Цесаревич», затем младшим штурманским офицером, а с 5 мая по 16 сентября 1905 г. временно исполнял обязанности старшего штурманского офицера «Цесаревича». На борту корабля он принимал участие в обороне «Порт-Артура», участвовал в бою в Желтом море 28 июля 1904 г.,

[1] Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ (РФФИ) 15-31-01267.

[2] По официальным служебным документам он именовался Дмитрием Иосифовичем, но в семье отца звали именно Осипом.

[3] *Волков С. В.* Генералы и штаб-офицеры русской армии: Опыт мартиролога. Т. 1. М., 2012. С. 350; *Назаренко К. Б.* Балтийский флот в революции. 1917–1918 гг. М.; СПб., 2017. С. 414. Пользуясь случаем, приносим благодарность профессору СПбГУ К. Б. Назаренко за идею обратиться к изучению мемуарного наследия Д. И. Дарагана.

[4] Slaavilainen kirjasto: Рукописный отдел Славянского отделения Национальной библиотеке Финляндии. Sl. Ms. K — 83.

[5] Также неясно на сегодняшний день местонахождение копии, хранившейся в Лейквуде. В 1990-е гг. началась передача материалов музея общества «Родина» в Россию. Сохранить единство сложившихся архивной, библиотечной и музейной коллекций не удалось. Некогда единое собрание оказалось рассредоточено по нескольким учреждениям культуры. В РГАВМФ была передана сокращенная версия мемуаров, написанная на английском языке — «My happy life» («Моя счастливая жизнь»). Ф. Р-2246. Оп. 2. Д. 82.

[6] Сегодня в Осиповичском районном историко-краеведческом музее (Республика Беларусь) открыта специальная экспозиция, посвященная семье О. Ф. Дарагана. Подробнее см.: Музеи Могилевской области <электронный ресурс>. Режим доступа: http://mogilev-region.museum.by/node/36756 (дата обращения 28.11.2017 г.).

когда погиб командующий 1-й Тихоокеанской эскадры контр-адмирал Вильгельм Карлович Витгефт и был тяжело ранен командир «Цесаревича» капитан 1-го ранга Николай Михайлович Иванов. «Вижу как сейчас Пилкина, выскочившего из рубки с окровавленной головой и широко перекрестившегося; я в это время сбегал к нему с мостика. В командование вступил Ненюков, а управление кораблем велось из центрального поста; передача больше голосом»[7], — вспоминал мемуарист о событиях на флагманском корабле. Участие Дарагана в Русско-японской войне подробно отражено в его письмах родным с фронта, хранящихся в РГАВМФ и опубликованных А. Ю. Емелиным[8].

После службы на «Цесаревиче» Д. И. Дараган был назначен на минный крейсер «Казанец», затем служил на эсминцах — «Боевом» и «Инженер-механике Звереве» (Дараган в мае 1908 г. несколько дней исполнял обязанности командира «Инженер-механика Зверева»). Летом 1908 г. он был назначен старшим штурманским офицером в учебном плавании на судне «Рига». Затем он окончил гидрографическое отделение Николаевской морской академии и вновь, как и в Морском корпусе, проявил себя старательным учеником — по окончании обучения имя Дарагана занесли на почетную доску (1910). Штурманскому делу он учился в первую очередь в боевой обстановке Русско-японской войны, но также счел для себя необходимым и специально окончить штурманский офицерский класс (с 1910 г. он — штурманский офицер 1-го разряда). Перед началом Первой мировой войны Дараган последовательно занимал должности флагманского штурманского офицера штаба начальника бригады крейсеров эскадры Балтийского моря (1912–1913) и флагманского штурманского офицера штаба начальника бригады линейных кораблей эскадры Балтийского моря (1913). Новая война застала капитана 2-го ранга (с 1913 г.) Д. И. Дарагана старшим офицером линкора «Андрей Первозванный».

«Война подошла, но мы на “Андрее”, собственно, не воевали, а только держались готовыми, а это постоянно было нелегко поддерживать <…> Я был, говорят, очень строг, но, думаю, справедлив, т. е. занимал всех равно, и за это мне многое прощалось»[9]. К 1915 г. Дараган получил в полноправное командование эскадренный миноносец «Деятельный», с командой которого ему пришлось в полной мере поучаствовать в боевых действиях. «Из всех военных событий особенно вспоминается «Церельская побудка», когда нас, мирно стоявших на рейде, стало обсыпать на рассвете большими снарядами невидимых для нас немецких броненосцев. Затем вспоминаю конвоирование <линкора> «Славы» при защите Ирбенского пролива от наступающих больших немецких сил и постановку минного заграждения под берегом занятым неприятелем»[10]. За участие в боевых действиях в Ирбенском проливе и постановку минных заграждений 25 апреля 1916 г. Д. И. Дараган был награжден георгиевским оружием — из всех боевых наград эта была, пожалуй, ему наиболее дорогой. «У меня была старая шпага (соответствовала Золотому оружию) дедушки Фед[ора] Ив[ановича] с Георгиевским темляком. Этот темляк я перенес на свое Золотое оружие и в парадных случаях распускал палаш и “форсил” дедушкиным наследством»[11], — вспоминал в эмиграции бережно относившийся к семейным реликвиям мемуарист.

В мае 1916 г. Д. И. Дараган был назначен командиром более современного (типа «Новик» 2-й серии) эсминца «Автроил», который в то время достраивался в Ревеле, на судостроительном заводе Беккера. Мемуарист писал и о своем недолгом командовании эсминцем «Гром» в кампанию 1916 г.: «Однажды утром меня разбудили в 7 час. по телефону и спросили из штаба службы связи, могу ли я немедленно принять эсминец «Гром». На мой утвердительный ответ мне сказали: «Одевайтесь, высылаем автомобиль». Схвативши самое нужное, я отправился в Порт, а оттуда на катере на «Гром», бывший под командой Д. Д. Тыртова. Прием корабля был необычный. Мите Тыртову было некогда, катер ждал его и он только сказал мне «денежные средства в порядке — ревизор Вам все сдаст», и отвалил, а я снялся с якоря и благополучно догнал <1-й> дивизион под командой капитана 1 ранга <В. С.> Вечеслова (считался хорошим начальником), и мы пошли «воевать», т. е. потопить какие-то транспорты с рудой. Вместо этого мы налетели на сильный немецкий отряд

[7] Sl. Ms. K — 83. Л. 59. Раненым офицерам В. К. Пилкину и Д. В. Ненюкову удалось устранить повреждение рулевого управления и уйти из-под японского огня в немецкий нейтральный порт Циндао.

[8] Письма Д. И. Дарагана из Порт-Артура / Публикация и комментарии А. Ю. Емелина и В. В. Толкачева // Кортик. Флот. История. Люди. 2011. № 12. С. 54–77; 2011. № 13. С. 42–52.

[9] Sl. Ms. K — 83. Л. 69.

[10] Sl. Ms. K — 83. Л. 71–72.

[11] Там же. Л. 72. Дед мемуариста Федор Иванович Дараган был участником обороны Севастополя в 1855 г., за что был награжден Золотым оружием, а затем и орденом Св. Георгия IV ст.

и кончилось это для меня неважно: потек котел, я отстал от дивизиона, но как-то выбрался из каши и пошел прямо в Кронштадт на ремонт»[12].

События революции 1917 г. застали Д. И. Дарагана в Ревеле. «Начало революции прошло у нас в Ревеле много спокойнее, чем в Гельсингфорсе. Команды волновались, но дисциплина была сносная»[13]. «Главную массу морских команд в Ревеле составляла 1-я бригада крейсеров, где и дух, и дисциплина, как я уже упоминал раньше, были очень высоки. Команды дивизии подводных лодок, состоявшие сплошь из специалистов, получавших хорошее денежное вознаграждение, тоже были мало склонны к каким-либо революционным эксцессам <…> все обошлось благополучно. Причиной этого, прежде всего, были крайне разумные и своевременные действия наших двух старших начальников — Пилкина и Вердеревского. Оба эти адмирала нисколько не потерялись, очень быстро разобрались в событиях и умело взяли в свои руки дело осведомления команд о всем происходящем и разъяснения смысла событий», — вспоминал другой очевидец событий, командир крейсера «Баян» Сергей Николаевич Тимирев[14].

Командующий 1-й бригадой крейсеров Владимир Константинович Пилкин не стал выполнять приказ командующего флотом Андриана Ивановича Непенина, переданный поздно вечером 2 марта 1917 г., о запрете спускать команды на берег, чтобы предотвратить соприкосновения со «смутьянами»[15]. «Пар» был выпущен благодаря разумному решению, число жертв революционных событий было в разы меньше, чем в Кронштадте и в Гельсингфорсе. По современным оценкам, было убито 5 и арестовано 8 офицеров[16].

Возвращаясь к тексту мемуаров, отметим участие Д. И. Дарагана в Моонзундском сражении 1917 г., о чем он сам писал весьма скромно: «Воевать серьезно мне пришлось только один раз — 3 октября

[12] Sl. Ms. K — 83. Л. 73.

[13] Там же.

[14] *Тимирев С. Н., к.-адм.* Воспоминания морского офицера: Балтийский флот во время войны и революции (1914–1918 гг.). Нью-Йорк, 1961. С. 96–97.

[15] Великая Октябрьская социалистическая революция в Эстонии: Сб. документов и материалов. Таллин, 1958. С. 25.

[16] *Черняев В. Ю.* «Исключительно с точки зрения пользы или вреда России». Военно-политическая деятельность капитана 1 ранга П. В. Вилькена // Труды III Международных исторических чтений, посвященных памяти проф. Генерального штаба генерал-лейтенанта Николая Николаевича Головина. СПб., 18–20 октября 2012 г. Сб. статей и материалов. СПб., 2013. С. 204.

на Кассарском плёсе. “Автроил” получил несколько пробоин около ватерлинии и все обошлось, так сказать, хорошо»[17].

На зимовку 1917 г. «Автроил» должен был стать на Гельсингфорсский рейд, в охваченном революционными настроениями городе, где был убит адмирал А. И. Непенин. Д. И. Дараган вспоминал: «До этого времени на корабле был порядок и служба шла нормально. Но, попав в Гельсингфорс, бездействие, далеко от “войны” и в час революционного движения все стало разваливаться, и судовой комитет стал задирать. Видя, что мне ничего не поделать, я распустил в отпуск офицеров и подал заявление комитету, что я считаю, что я на корабле им больше не нужен и что я съезжаю с корабля»[18].

Попытка увольнения по собственному желанию со службы в конце 1917 г. вызвала его конфликт с Центробалтом (ЦКБФ) и даже привела к аресту. Следует отметить, что случай с капитаном 2-го ранга Дараганом, ветераном Русско-японской и Первой мировой войн, на момент конца 1917-го — начала 1918 г. был еще в числе единичных[19], а потому вызвал пристальное внимание ЦКБФ и породил интересную переписку[20]. После игнорирования первого заявления (от 7 декабря 1917 г.) об увольнении со службы командир «Автроила» подал повторное заявление 21 декабря 1917 г. с жесткими и категоричными формулировками: «Позор и предательство, нависшие над Родиной, и непонятное для меня отношение к этому демократических организаций и лиц, мнящих себя законной властью, заставляют меня, не ожидая ничего более, отстраниться от своей бывшей службы и сдать корабль следующему по старшинству офицеру»[21]. Эти же слова были повторены им в приказе по вверенному ему эсминцу «Автроил» от 22 декабря 1917 г. Следуя примеру своего начальника, аналогичный рапорт подал и служивший на «Автроиле» мичман Петр Николаевич Вейсенгоф (иногда встречается написание Вейстенгоф). Все это вызвало глубокое недовольство в ЦКБФ, т. к. действия Дарагана отражали настроение значительной части недовольного преобразованиями на флоте офицерства. В ответ на решения I Всероссийского съезда

[17] Sl. Ms. K — 83. Л. 73–74.

[18] Там же. Л. 74.

[19] *Назаренко К. Б.* Балтийский флот в революции… С. 134.

[20] «Мой частный отрицательный взгляд на государственные мероприятия…» Документы из личного архива Д. И. Дарагана об обстоятельствах его ухода со службы на флоте. Публикация, вступительная заметка и примечания Петра Мажары // Звезда. 2017. № 3. С. 99–106.

[21] РГАВМФ. Ф. Р-2246. Оп. 2. Д. 79.

военного флота (18–25 ноября 1917 г.) и распоряжения Верховной морской коллегии о полном переходе руководства флотами и флотилиями к центральным комитетам флотов и флотилий офицерство Балтийского флота 4 декабря 1917 г. приняло резолюцию о неприятии этих решений с угрозой отказа от званий и занимаемых должностей[22].

12 января 1918 г. находившийся на тот момент под стражей Д. И. Дараган был все же уволен без права на пенсию. 16 января 1918 г. председатель следственной секции Центробалта Василий Андреевич Гнедин доложил о ходатайстве об освобождении офицера для преподавательской работы в штурманских классах[23]. Предложение вызвало споры, но в итоге через некоторое время (по его воспоминаниям, через две недели[24]) Дараган был отпущен на свободу, после чего действительно устроился на службу по специальности. «Штаб флота стал налаживать какие-то курсы для офицеров, и меня устроили туда читать новый предмет, “тактическая навигация”, а, кроме того, я стал давать частные уроки просто навигации и девиации»[25].

Весной 1918 г. он решил попытаться съездить в Петроград «повидать родителей и вывести оттуда кое-какие ценности и бумаги»[26]. Он сумел приехать в свой родной город под видом командируемого штабом флота. «Выбраться обратно было труднее: в поезда не пускали, и я как-то добрался до Кронштадта, а оттуда на малом буксире вместе с Владимиром Николаевичем Бергштрессером ушли в Гельсингфорс. Шли ночью в очень свежую погоду, сидели на палубе на машинном люке и было “невесело”»[27].

Касаясь трагического сюжета межнациональных отношений в обретшей независимость от России Финляндии, мемуарист писал, что «после ухода флота, прихода с севера белых финских частей и немцев, и после, так сказать, “победы” над своими красными давление на русских усилилось»[28]. Семье Д. И. Дарагана пришлось переехать из Гельсингфорса в глушь, глава же ее остался в столице Финляндии для того, чтобы как-то зарабатывать на жизнь. Он участвовал также и в жизни русских организаций, обсуждавших возможности организации вооруженной борьбы с большевиками. «В это время Александр Васильевич Колчак добрался до Сибири и многие думали, что надо ехать к нему. Меня это смущало, т. к. я был далеко не уверен, что это действительно мой долг. С А. В. Колчаком я много встречался на дивизии и, несмотря на его смелость и честность, я не считал его государственным человеком, и его несдержанность и порывистость не влекли меня. Я пошел посоветоваться к В. К. Пилкину, умному, выдержанному и честному человеку, соплавателю на «Цесаревиче» в Японскую войну. Он мне определенно сказал: «Не предпринимайте никогда что-нибудь серьезное, если не убеждены в необходимости этого шага»[29].

Но все-таки остаться в стороне от Белого движения убежденный противник революции Д. И. Дараган не смог. Он был приглашен на пост старшего морского начальника в Мурманске генералом Е. К. Миллером, возглавившим белогвардейцев на Севере России. «Я знал Евг<ения> Карл<овича> Миллера (тогда командующего войсками Северной области) с моего раннего детства. Когда он был корнетом л<ейб>-гв<ардии> Гусарского полка, он часто бывал в доме родителей моей матери — Сущовых. Все его любили и звали «Бэбэ» за его маленький рост и за общее изящество. В течение его дальнейшей службы и семейной жизни он всегда поддерживал связь с семьей родителей и представлялся мне высокообразованным, честным, спокойным и аккуратным генералом — идеальным начальником штаба, но не полководцем. К сожалению, это сказалось и на Севере, где, мне кажется, у него не хватило «политической смелости», особенно перед последними решительными событиями»[30]. Именно генерал Е. К. Миллер произвел Д. И. Дарагана в капитаны 1-го ранга 2 октября 1919 г. (по новому стилю)[31].

Свою службу в рядах Белого движения на Севере, куда он пробрался через территорию Норвегии, Дараган характеризовал как не военную,

---

[22] Протоколы и постановления Центрального комитета Балтийского флота: 1917–1918 / Под ред. Д. А. Чугаева. М.; Л., 1963. С. 25.

[23] Там же. С. 368.

[24] Sl. Ms. K — 83. Л. 75.

[25] Там же. В дальнейшем Дараган зарабатывал на жизнь, проживая в Финляндии, именно своим превосходным знанием штурманского дела.

[26] О. Ф. Дараган скончался на своей петроградской квартире в 1918 г., его супруга пережила его и даже навестила семью Дмитрия Дарагана в Финляндии в 1924 г. (Sl. Ms. K — 83. Л. 81).

[27] Sl. Ms. K — 83. Л. 76. В. Н. Бергштрессер (1882–1972), капитан 2-го ранга (1917), участник Первой мировой войны на Балтике.

[28] Там же.

[29] Там же.

[30] Sl. Ms. K — 83. Л. 77.

[31] *Лобыцын В. В.* Мартиролог русской военно-морской эмиграции: По изданиям 1920–2000 гг. М.; Феодосия, 2001. С. 154.

а скорее организационно-политическую[32]. В мемуарах дается лестная характеристика начальнику Мурманского края и Олонецкой губернии Временного правительства Северной области Василию Васильевичу Ермолову, бывшему земскому деятелю, расстрелянному в 1920 г. большевиками. Дараган пишет о нем как о честном, смелом и умном человеке, в котором неизменно можно было найти поддержку. «Из него мог бы выработаться крупный государственный деятель»[33], — завершал свою характеристику мемуарист. О своем же собственном участии в Белом движении подробно он не писал, адресуя своих читателей (а это были, в первую очередь, его собственные дети) к письмам, написанным жене в 1919 г. Интересно отметить, что Ника Александровна навещала супруга в Мурманске вместе с двумя старшими сыновьями, Дмитрием и Александром[34].

В 1920 г., когда Белое движение на Севере потерпело окончательное поражение, Дараган возвращался в Финляндию вновь через территорию Норвегии. Как интернированное лицо он провел некоторое время в концентрационном лагере, имея при этом возможность переписываться с семьей, о которой в этом время заботился капитан 2-го ранга Георгий Александрович Вильсон, герой обороны Порт-Артура и участник Белого движения на Северо-Западе России. Вернувшись из Норвегии, Д. И. Дараган продолжал искать случайных работ штурмана и моряка в Гельсингфорсе, семья же его получила разрешение на жительство в столице Финляндии только в 1924 г.[35]

В. К. Пилкин, старший товарищ Дарагана по военно-морской службе, имевший репутацию одного из умнейших офицеров на Балтийском флоте, 21 ноября 1919 г. записал в своем дневнике: «Бедное, бедное офицерство, но ведь не совсем же даром так враждебны к тебе все. Юденич мне как-то говорил: “То, что сейчас происходит — расплата за крепостное право! Когда народ освободили, он был слишком обрадован, чтобы сейчас же начать мстить. Сейчас же он припоминает старое. Офицеры наши тоже расплачиваются, но не понимают, не поняли за что”»[36]. Д. И. Дарагану не были свойственны такие историософские обобщения. В документах коллекции музея общества «Родина», переданных в РГАВМФ, сохранилась машинописная копия его отзыва на роман советского писателя, бывшего военного моряка Леонида Сергеевича Соболева «Капитальный ремонт»[37]. Книга подводила читателя к мысли о том, что при всей своей грандиозности старая организация флота нуждалась в капитальной реконструкции, осуществить которую было возможно лишь при помощи революции. Прочитавший в Финляндии сочинение Соболева, Дараган принял его «в штыки», видя в нем советскую агитацию и пропаганду, клевету на императорский флот.

Мемуары Дмитрия Дарагана не содержат каких-либо общих рассуждений на тему российской истории, военной и политической; автор не ставил перед собой задач показать закономерность или случайность революционных процессов, спутавших все планы воевавших держав. Это именно частный взгляд на грозные и трагические события первой четверти XX века, семейная история офицера-моряка, чью судьбу и карьеру сломала революция. Тема семьи и возвращения к ней связующей нитью проходит через все повествование, что показывает систему ценностей этого смелого и принципиального человека. Текст мемуаров написан прекрасным русским литературным языком и, как нам представляется, в случае публикации мог бы заинтересовать не только специалиста-историка, но и более широкий круг читателей.

Список литературы

Великая Октябрьская социалистическая революция в Эстонии: Сб. документов и материалов. Таллин, 1958.

Волков С. В. Генералы и штаб-офицеры русской армии: Опыт мартиролога. Т. 1. М., 2012.

Лобыцын В. В. Мартиролог русской военно-морской эмиграции: По изданиям 1920–2000 гг. М.; Феодосия, 2001.

«Мой частный отрицательный взгляд на государственные мероприятия…» Документы из личного архива Д. И. Дарагана об обстоятельствах его ухода со службы на флоте. Публикация, вступительная заметка и примечания Петра Мажары // Звезда. 2017. № 3. С. 99–106.

Назаренко К. Б. Балтийский флот в революции. 1917–1918 гг. М.; СПб., 2017.

Пилкин В. К. В Белой борьбе на Северо-Западе: Дневник 1918–1920. М., 2005.

Письма Д. И. Дарагана из Порт-Артура / Публикация и комментарии А. Ю. Емелина и В. В. Толкачева // Кортик. Флот. История. Люди. 2011. № 12. С. 54–77; 2011. № 13. С. 42–52.

Протоколы и постановления Центрального комитета Балтийского флота: 1917–1918 / Под ред. Д. А. Чугаева. М.; Л., 1963.

Тимирев С. Н., к.-адм. Воспоминания морского офицера: Балтийский флот во время войны и революции (1914–1918 гг.). Нью-Йорк, 1961.

[32] Sl. Ms. K — 83. Л. 77.

[33] Там же.

[34] Там же.

[35] Sl. Ms. K — 83. Л. 81.

[36] *Пилкин В. К.* В Белой борьбе на Северо-Западе: Дневник 1918–1920. М., 2005. С. 221.

[37] У Дарагана ошибочно «Генеральный» (РГАВМФ. Ф. Р-2246. Оп. 2. Д. 80).

Черняев В. Ю. «Исключительно с точки зрения пользы или вреда России». Военно-политическая деятельность капитана 1 ранга П. В. Вилькена // Труды III Международных исторических чтений, посвященных памяти проф. Генерального штаба генерал-лейтенанта Николая Николаевича Головина. СПб., 18–20 октября 2012 г. Сб. статей и материалов. СПб., 2013. С. 201–223.

Piotr Yuryevich MAZHARA

Ph. D. in History (*kandidat istoricheskikh nauk*), Chief Expert (*glavnyi specialist*), Russian State Naval Archive (St. Petersburg, Russia)

E-mail: pmazhara@mail.ru

The events of the First World War and the Revolution in the memoirs of Captain 1st rank D. I. Daragan

The article is devoted to the memoirs of the participant of the White Movement, Captain 1st Rank D. I. Daragan. The experience of participation of their author in the First World War and revolutionary events is reflected in those memoirs. The Baltic Fleet, where Daragan had served, turned out to be one of the most revolutionary units of the armed forces of the Russian Empire. This historical source is, undoubtedly, interesting for the study of this period, although, first of all, this is a private story written by its author for his family.

Keywords: First World War, Revolution of 1917, Baltic Fleet, family history, White movement, conflicts between officers and sailors.

References

Chernyaev V. Yu. “Iskluchitel’no s tochki zreniya pol’sy ili vreda Rossii”. Voenno-politicheskaya deyatel’nost’ kapitana 1 ranga P. V. Vil’kena [“Solely in terms of benefit or harm for Russia”. Military & political activities of captain 1st rank P. Vil’ken] in Trudy III Mezhdunarodnykh istoricheskikh chtenii, posvyashennykh pamyati prof. General’nogo shtaba general-leytenanta Nikolaya Nikolayevicha Golovina. SPb, 18–20 oct. 2012. Sb. statei i materialov [Proceedings of the 3rd worldwide historical readings in memory of prof. General Staff Lieutenant-General Nikolay Nikolaevich Golovin in SPb. On 18–20 oct. 2012. A miscellany of papers & materials] St. Petersburg, 2017. P. 201–223.

Lobytsyn V. V. Martirolog russkoi voenno-morskoi emigratsii: Po izdaniyam 1920–2000 [Martyrology of Russian naval emigration: By publications of 1920–2000], Moscow Feodosiya, 2001.

“Moi chastnii otritsatel’nii vzglyad na gosudarstvennye meropriyatia…” Dokumenty iz lichnogo archiva D. I. Daragana ob obstoyatel’stvakh ego uhoda so sluzhby na flote [“My private negative attitude towards the Government Arrangements…” Documents from the private archives D. I. Daragan concerning the circumstances of his retirement from the naval service], publ. by P. Mazhara in Zvezda, 2017, № 3. P. 99–106.

Nazarenko K. B. Baltiiskii flot v revolutsii. 1917–1918 [The Baltic fleet in revolution. 1917–1918], Moscow St. Petersburg, 2017.

Pilkin V. K. V Beloy bor’be na Severo-Zapade: Dnevnik 1918–1920 [Struggling for the Whites in North-West: A Diary 1918–1920], Moscow, 2005.

Pis’ma D. I. Daragana iz Port-Artura [Letters written by D. Daragan from Port-Arthur], Published with commentary by A. Yu. Emelin & V. V. Tolkachyov, in Kortic. Flot. Istoriya. Ludi. [The dirk. Fleet. History. People], 2011, № 12, P. 54–77, 2011, № 13, P. 42–52.

Protokoly i postanovleniya Tsentral’nogo komiteta Baltiiskogo flota: 1917–1918 [Protocols & ordinances of the Central Committee of the Baltic Fleet: 1917–1918], Ed. D. A. Chugaev, Moscow Leningrad, 1963.

Timirev S. N. Vospominaniya morskogo ofitsera: Baltiiskii flot vo vremya voiny i revolutsii (1914–1918) [Memoirs of the naval officer: The Baltic fleet during the war & the revolution (1914–1918)], New-York, 1961.

Velikaya Oktyabr’skaya sotsialisticheskaya revolutsia v Estonii: Sbornik documentov i materialov [The Great October Socialistic Revolution in Estonia: A miscellany of documents & materials], Tallin, 1958.

Volkov S. V. Generaly i shtab-ofitsery russkoi armii: Opyt martirologa [Generals & field-officers of Russian army: An experience of a martyrology], Vol. 1. Moscow, 2012.

УДК 94 (47).083
ББК 63.3 (2) 524

Борис Григорьевич КИПНИС

старший преподаватель Санкт-Петербургского государственного института культуры (Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: nastya.rumyana@gmail.com

ГЕНЕРАЛЫ П. К. РЕННЕНКАМПФ И А. Е. ЭВЕРТ: ДВА СТИЛЯ УПРАВЛЕНИЯ АРМИЕЙ (1914 г.)

Статья посвящена одной из сторон управления полевой армией в условиях ведения боевых операций на фронте Первой мировой войны. На примере деятельности двух командующих армиями, П. К. фон Ренненкампфа и А. Е. Эверта, в ней демонстрируются два различных подхода к поддержанию среди командного состава должной высокой исполнительской дисциплины, без которой невозможен успех боевых действий, восстановленный на основе целого ряда приказов по 1-й и 4-й армиям за 1914 г.

Ключевые слова: Первая мировая война, П. К. фон Ренненкампф, А. Е. Эверт, дисциплина, командный состав, операции, дисциплинарное наказание.

Эта статья посвящена одной из сторон управления полевой армией в условиях ведения боевых операций на фронте Первой мировой войны. Само по себе управление армией в боевых условиях — процесс сложнейший и состоящий из многих, неразрывно между собою соединенных, взаимовлияющих на достижение успеха, либо приводящих к неудаче, составных частей. Ответственность как за правильное их функционирование, так и за ошибки, срыв и полный провал в осуществлении работы как составных частей, так и всего управления как процесса в целом, лежит на командующем армией. Он есть лицо, несущее полную ответственность как за успех, так и за неудачу в действиях армии и является ее единоличным руководителем. Он принимает окончательные решения, он же следит за их неукоснительным выполнением подчиненными ему командирами всех степеней.

Таким образом, от того, как командующий управляет, зависят равно и успех, и неудача, и поражение вверенных ему войск. В том, как войска управляются, находит, в конце концов, полное выражение сама человеческая и профессиональная личность командующего. Если удачу операции и сражения он может и должен разделить со своими подчиненными, которых он организует, направляет и вдохновляет на победу своим стилем управления, то в ошибках и неудачах в наибольшей степени виновен именно он, ибо Устав и Положение о полевом управлении войск в военное время давали в его руки достаточно прав и власти, чтобы всецело держать управление войсками на требуемой высоте.

В настоящей статье пойдет речь об одной из важнейших составляющих процесса управления армией в боевых условиях: о поддержании среди начальствующего и командующего состава армии должной высокой исполнительской дисциплины, без которой успех боевых действий невозможен. Мы увидим, какими средствами велась борьба за повышение и сохранение должного высокого качества ведения боевых действий, без которых невозможны ни успех боя и операции, ни сокращение потерь живой силы и вооружений на поле боя.

Живая ткань боевых событий предстанет перед нами, два совершенно разных характера командующих выявятся вполне. Ибо источниковой базой настоящего исследования стали приказы по I и IV русским армиям с августа по декабрь 1914 г. Тексты этих важнейших документов, живо реагировавших на проблемы управления войсками, создаваемые уровнем военно-научной и военно-технической подготовки отдельных лиц начальствующего и командного состава, а также, что особенно важно, их морального облика, позволяют наполнить изложение фактологическим содержанием. Особо нужно подчеркнуть, что большей частью приказы издавались на следующий день либо через день-два после отраженных в них событий и несли на себе живой отпечаток личности командующего армией и его реакции на произошедшее. Из этого, по мнению автора, и складывается стиль управления.

«Положение о полевом управлении войск в военное время», доработанное и переизданное накануне Первой мировой войны, весной 1914 г., предоставляло командующему армией обширные права для поддержания высокого профессионального уровня и исполнительской дисциплины среди начальствующего и командующего состава. В частности, пункт 3 статьи 415 шестого раздела гласил: «Командующий армией имеет право устранять от должностей всех должностных лиц всех достоинств, состоящих в армии, без различия чина и звания»[1]. Именно о применении этого пункта и о действиях начальствующих и командующих лиц, вынуждающих командующего армией обратиться к его применению и пойдет далее речь.

Все, кто изучают армию и военное искусство, отлично знают, что специфика службы в мирное время зачастую приводит на ответственные

[1] Положение о полевом управлении войск в военное время. СПб., 1914. С. 54.

командные посты не талантливых организаторов, а ловких карьеристов или послушных, лишенных собственной инициативы, а потому и неопасных в карьерном отношении для начальства исполнителей.

Но с началом собственно войны их столь «удобные» и даже «похвальные» для мирного времени качества обращаются в опаснейшие для успешного ведения боевой деятельности свойства, чаще всего грозящие прямой опасностью как для вверенных подобным лицам воинских частей и соединений, так и общему делу успешного выполнения дивизионных, корпусных и тем более армейских операций.

В условиях стремительно развивающейся боевой обстановки, в отличие от спокойной рутины мирного времени, тратить силы и время на «воспитание» подобных начальников и командиров некогда, да и просто опасно: пока они занимают свои должности, их образ действий начинает представлять опасность как для вверенных им войск, так и для их боевых соседей. Именно исходя из этого соображения и необходимо было применять п. 3, ст. 415 Положения.

Приказы командующего 1-й армии генерал-адъютанта, генерала от кавалерии П. К. фон Ренненкампфа, касающиеся отстранения от должности, обычно содержит описание допущенных нарушений обязанностей. По этой причине целый ряд их цитируется в настоящей статье достаточно пространно. Сами приказы приводятся в хронологическом порядке.

Первый случай смещения с должности относится к первым дням войны и был вызван проявлением вопиющей трусости: «Начальник гарнизона города Либавы контр-адмирал Кисель-Загорякский уехал из города Либавы в ночь после бомбардировки, бросив громадное имущество, даже не донеся мне об этом. Смещаю его с должности начальника гарнизона»[2].

Следующий приказ относится уже к первым дням после сражения при Гумбиннен — Гольдапе, произошедшего 7 августа 1914 г., и касается действий нашей кавалерии, едва не имевших роковые последствия для хода сражения: «Начальник 1-й отдельной кавалерийской бригады Свиты Его Императорского Величества генерал-майор Орановский прислал вечером 6 августа донесения. Затем в течение всего 7 августа не было никаких от него донесений, и только через посланного к нему на автомобиле капитана Генерального штаба Сологуба генерал-майор Орановский прислал донесение от 8 часов вечера 7 августа, совершенно не освещающее деятельности бригады за этот день. Бригада попала

[2] Приказ № 10 от 29 июля 1914 г.

под обстрел немецкой артиллерии, но об этом не доносится. Уклоняясь от действия этой артиллерии, бригада ушла на север, совершенно открыв дорогу противнику, направившегося в обход фланга; мало того, ничего не донесено соседней 28-й пехотной дивизии, не наблюдая даже движения противника, а ушла из сферы войск неприятельской армии на ночлег в Шиленен[3]. Оправдывается генерал-майор Орановский тем, что у него не было связи с 28-й пехотной дивизией, которую именно кавалерия должна была обеспечивать от обхода, а потому и поддерживать связь. Уход же в Шиленен, потеря соприкосновения с противником, отсутствие донесений о движении, наконец, оправдание, что задержать обходное движение противника он был не в силах, доказывают совершенную неподготовленность генерал-майора Орановского к начальствованию крупной самостоятельной частью, почему устраняю его от должности начальника 1-й отдельной кавалерийской бригады, но на основании п. 1 той же статьи допускаю его ко временному командованию 1-й бригадой 2-й кавалерийской дивизии. Командир означенной бригады генерал-майор Леонтович допускается к временному командованию 1-й отдельной кавалерийской бригадой»[4].

Чтобы понять, что натворил генерал-майор Орановский, надо отметить, что он не просто покинул со своей бригадой поле сражения и бросил на произвол судьбы 28-ю пехотную дивизию, но и позволил своими действиями 1-й германской пехотной дивизии прорвать фронт нашей 28-й пехотной дивизии и заставить отступить нашу пехоту, стремясь тем самым охватить правый фланг XX армейского корпуса, составлявшего, в свою очередь, правый фланг всей 1-й армии, ставя тем самым ее под угрозу проигрыша сражения. Лишь героическое сопротивление соседних 29-й и особенно 25-й пехотных дивизий не позволило этому произойти. Одновременно с этим уход Орановского позволил 1-й германской кавалерийской дивизии совершить глубокий рейд против всего нашего правого фланга и даже создать временную угрозу для штаба армии, находившегося в Шталлупенене[5].

Неудивительно, что после такого поведения командующий армией решился на меру, саму по себе, исключительную: устранить от должности генерал-майора Свиты Е. И. В. Однако совершенно убрать его из ар-

[3] То есть на 5–6 к северо-востоку от оконечности поля сражения, не дожидаясь развития схватки, а тем более ее завершения.

[4] Приказ № 29 от 10 августа. 1914. С. 1–2.

[5] Советская историческая энциклопедия. М., 1963. Т. 4. Стлб. 887.

мии и тем более отдать под суд было невозможно, учитывая положение Орановского как свитского генерала и его связи при императорском дворе. Этим и объясняется тот факт, что П. К. фон Ренненкампф лишь, по сути, понизил его в должности, назначив на подначальный пост, где Орановский не мог принести такого вреда, как на прежнем.

В 29-м приказе приводится еще один вопиющий факт небрежения обязанностями и трусости, проявленный в том же сражении в полосе той же 28-й пехотной дивизии: «Командир 29-й артиллерийской бригады генерал-майор Маллио прибыл на следующий день после боя, с частью своих артиллеристов на станцию Вержболово, доложив, что 28-я пехотная дивизия понесла тяжелые потери и держаться нельзя было. Штаб 28-й пехотной дивизии с 109-м пехотным Волжским полком остались и подались лишь немного назад; 4-я батарея той же бригады под командой подполковника Белоусова боролась до конца; командир батареи, все офицеры и буквально все нижние чины батареи легли, но не оставили своего места. То же самое следовало сделать и остальным батареям, но не уходить под командою бригадного командира в тыл корпусов. Устраняю поэтому на основании п. 3 ст. 415 положения об управлении войск генерал-майора Маллио от командования 29-й артиллерийской бригадой»[6].

Поведение этого генерала настолько потрясло Ренненкампфа, что он «посвятил» ему отдельный приказ: «Сегодня утром в Вержболово отошел командир 28-й артиллерийской бригады генерал-майор Маллио с частью своей бригады, бросив в бою свою пехоту, вместо того, чтобы до последнего выстрела поражать врага и умереть с честью»[7]. Резюмирующая часть этого приказа фактически является требованием к артиллеристам армии об исполнении до конца военного долга. Так как поведение генерала Маллио было вопиющим, а «сильными» связями он не обладал, то и командующий армией позволил себе с ним особенно не церемониться и не перевел его с понижением в должности, а прямо устранил от командования бригадой.

К сожалению, и командиры 110-го Камского и 112-го Уральского пехотных полков 28-й пехотной дивизии, полковники Евстафьев и Ваулин, 7 августа «позволили себе отлучиться от командуемых полков в Вержболово. За ними последовали, конечно, офицеры и нижние чины»[8]. П. К. фон

[6] Приказ № 29 от 10 августа 1914 г. С. 2.

[7] Приказ № 31 от 9 августа 1914. С. 1.

[8] Приказ № 31 от 9 августа 1914. № 3. С. 3.

Ренненкампф не стал «на первый раз» предавать их суду, но без сожалений устранил от командования. Точно также командующий утвердил представление командира XX армейского корпуса об устранении от должности командующего 113-м Старорусским пехотным полком полковника Калишевича на основании его проступка[9]. По донесению командира III армейского корпуса полковник Греков был удален от командования 34-м Донским казачьим полком «как недостаточно серьезно относящийся к даваемым полку задачам»[10].

Однако не от всех неисполнительных командиров можно было так легко избавиться. Гораздо большую проблему, чем генерал-майор Орановский, представлял собой в эти дни командир другого отдельного конного отряда, генерал-лейтенант Хан Нахичеванский. Глава некогда влиятельного азербайджанского дома был блестящим гвардейским генералом с обширными связями при дворе вплоть до самого императора Николая II, у которого он был хорошо принят[11]. По свидетельству современников, офицер исключительно храбрый, но законченный сибарит, со «своеобразным» представлением об исполнительской дисциплине, он был одним из главных виновников того, что 2-я кавалерийская дивизия, ему подчиненная, не участвовала в сражении 7 августа. Однако наказать, как должно, П. К. фон Ренненкампф его не смел, но раздражение копилось, пока, наконец, не нашло себе выход: «От конного отряда генерал-лейтенанта Хана Нахичеванского поступают крайне неаккуратные донесения о действиях и местах расположения. Последнее донесение от 14 августа из Ландберга получил 20-го утром, с тех пор до сегодняшнего полудня ничего. Такое отсутствие связи ставлю на вид начальнику конного отряда Хану Нахичеванскому, начальника же штаба 2-й кавалерийской дивизии генерального штаба полковника Чеснокова, на обязанности которого лежит поддержание связи, устраняю на основании п. 3, ст. 415 положения о полевом управлении войсками от занимаемой должности с временным назначением на основании п. 1 ст. 415 штаб-офицером во 2-й лейб-уланский Курляндский полк»[12].

Надо сказать, что обе меры, и постановка на вид, и отрешение от должности начальника штаба дивизии били в первую очередь по Хану Нахичеванскому как безалаберному командиру и предупреждали его

[9] Там же. № 2. С. 3.

[10] Там же.

[11] Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 486.

[12] Приказ № 56 от 22/8. 1914. С. 1.

о том, что терпение командующего не безгранично. Назначение же полковника Чеснокова смягчилось тем обстоятельством, что он, устраненный от должности, не был удален из армии, как генерал Маллио, лишь переведен с понижением должности в отличный армейский кавалерийский полк.

Гораздо более сурово было разбирательство 30 августа с начальником штаба XX армейского корпуса генерал-майором Шемякиным: за то, что в течение тяжелого дня 29 августа 1914 г. при отражении обхода левого фланга армии было прислано всего лишь одно сообщение, не дававшее ясной картины боя, оставляя командующего в неведении о ходе и исходе сражения, генерал-майор Шемякин был отрешен от должности на основании все того же п. 3 ст. 415[13]. Командиру же корпуса был объявлен выговор[14].

Гораздо большее небрежение обязанностями, находящееся, по сути, на грани воинского преступления, совершил 28–29 августа 1914 г. начальник 30-й пехотной дивизии генерал-лейтенант Э. А. Колянковский. Из-за него 28 августа в результате немецкого наступления был окружен 119-й пехотный Коломенский полк. Хотя связь с ним была потеряна, начальник дивизии не озаботился что-либо предпринять для его спасения. Более того, 29 августа, получив приказ об отходе на восток, он отвел свою дивизию, бросив 119-й полк на произвол судьбы и в течении семи дней скрывал эту тяжелую потерю в своем соединении. Этот генерал также был устранен от управления войсками[15].

Другая история закончилась в эти же дни устранением командира дивизии, и хотя и носит полуанекдотический характер, но также говорит о полном неумении командовать войсками: «72-я пехотная дивизия вышла из боя в конце августа в составе лишь двух тысяч с чем-то штыков, вся же остальная масса оказалась в далеком тылу, откуда только теперь возвращаются значительные команды. Командующий дивизией надеется таким путем довести дивизию до десятитысячного состава. Усматриваю в этом полнейшее отсутствие порядка в дивизии, отсутствие мер к скорейшему возвращению чинов к своим знаменам; у командующего дивизией генерал-лейтенанта Орлова нашлось достаточно смелости донести, что дивизия отлично дралась»[16].

[13] Приказ № 73 от 30 августа 1914 г. С. 1.

[14] Там же. С. 2.

[15] Приказ № 85 от 7 сентября 1914 г. С. 1–2.

[16] Приказ № 105 от 11 сентября 1914 г. № 2. С. 1–2.

Низкие командные качества продемонстрировал «другой дивизионный командир: «Во время последних боев замечалось, что командующий 56-й пехотной дивизией генерал-майор Болдырев слишком часто без достаточных причин отступает. Сегодня получил донесение командира III армейского корпуса за № 2546, что в то время, как другие начальники держатся, даже переходят в наступление, генерал-майор Болдырев отошел <…> верст за десять от общей боевой линии, за что командир корпуса его устранил от должности»[17].

Особняком в этом генеральском «звездопаде» стоит устранение от должности 30 августа 1914 г. начальника штаба армии генерал-лейтенанта Г. Г. Милеанта «как не отвечающего занимаемой должности»[18]. Оно произошло в самом конце Восточно-Прусской операции, когда войска 1-й армии, потрепанные, но избегшие охвата своего левого фланга и окружения, с боями отступили на территорию Литвы. Суть конфликта между командующим и начальником штаба армии так и остается пока не прояснённой.

Подводя итоги этой части применения п. 3 ст. 415 Положения, можно отметить, что за 32 дня П. К. фон Ренненкампф устранил от командования двух генерал-лейтенантов, пятерых генерал-майоров и одного контр-адмирала; среди них по должности начальник штаба армии, начальник штаба корпуса, три командира дивизии, командир артиллерийской бригады, начальник отдельной кавалерийской бригады, начальник гарнизона.

Одновременно происходило и очищение войск от неспособных командиров пехотных и кавалерийских полков. Выше уже приводились сведения об устранении полковников, командовавших 110-м пехотным Камским, 112-м пехотным Уральским, 34-м Донским казачьим полками. Однако, увы, этим дело не ограничилось. В следующие дни были устранены от командования 16-м Иркутским гусарским Е. И. В. великого князя Николая Николаевича полком полковник барон Врангель[19], 17 пехотным Ярославским полком полковник Рачук[20], 228-м пехотным полком полковник Ратьков[21], 255-м Аккерманского пехотного полка пол-

[17] Приказ № 149 от 28 сентября 1914 г.

[18] Приказ № 71 от 30 августа 1914 г.

[19] Приказ № 57 от 22 августа 1914 г.

[20] Приказ № 83 от 6 сентября 1914 г.

[21] Приказ № 105 от 11 сентября 1914 г.

ковник Милутинов[22], 19-м Донским казачьим полком войсковой старшина Мамонтов[23].

Далеко не всегда причины устранения от командования оставлялись без объяснений, в ряде приказов откровенно объявлялось о неприглядном поведении наказанных полковых командиров. Так, мы уже видели из приказа № 29 от 10 августа 1914 г. неприглядное поведение полковников Евстафьева и Ваулина. Однако были случаи и гораздо более серьезных нарушений: когда «в бою у деревни Бейхтейм к нашим войскам снизились четыре наших аэроплана с летчиками, несмотря на ясно обнаруженный спуск, <…> по распоряжению полковника Ратькова по ним был открыт огонь ружейный и пулеметный, не прекращенный даже после спуска на землю. Этим преступным огнем, свидетельствующим о панической боязни полковника Ратькова, наши летчики убиты и тяжело ранены»[24].

Полковник Милутинов был устранен от должности «за то, что 14 сентября, после боя, подобрав раненных и убитых, выступил с полком по новому назначения, после чего даже бросил полк, уехав вперед в экипаже, а на следующий день явился в штаб дивизии за приказаниями в совершенно нетрезвом виде»[25].

Войсковой старшина Мамонтов был устранен «за допущенные в полку беспорядки, выразившиеся в незаконном порядке произведенных захватов и забора у местного населения фуража и других продуктов без уплаты денег»[26].

Наконец, командир 169-го пехотного Ново-Троицкого полка полковник Якимовский был передан военному суду за то, что командуя отдельным отрядом в Восточной Пруссии, 26 сентября в бою под гор. Арисом, вопреки распоряжению начальника 43-й пехотной дивизии, вместо того, чтобы отступать «к гор. Видмене на соединение с 170-м пехотным полком, он самовольно без всякой к тому необходимости и вопреки вышеупомянутому распоряжению отступил со своим отрядом и к названному полку не присоединился. <…> Во время последующего отступления с боем его отряда, он <…> самовольно оставил командование своим отрядом на некоторое время <…> каковое оставление не вызывалось служебными обязанностями. <…> При дальнейшем отступлении своим отрядом, проходя через м. Березники, он на вопрос местных жителей, что им делать, по неосмотрительности говорил им в присутствии нижних чинов: “Спасайся, кто может!”, каковыми словами и мог вызвать робость и беспорядок в войсках»[27].

На фоне такого поведения проступки командира 3-го дивизиона 1-й тяжелой артиллерийской батареи полковника Дориана кажутся просто незначительными: он был устранен от должности всего лишь «в виду малой распорядительности, инертности во время последних боев, а равно слабым знакомством со своим специальным делом»[28], хотя последнее для артиллерийского офицера и кажется довольно странным. Справедливости ради отметим, что удален от службы полковник был командиром III армейского корпуса генералом Н. А. Епанчиным, а командующий лишь утвердил его решение.

Точно там же генерал Н. А. Епанчин утвердил устранение на основании п. 3 ст. 43 XXII Свода военных постановлений 1869 г. изд. 1913 г. начальником 5-й стрелковой бригады командира 5-го стрелкового артиллерийского дивизиона подполковника Курбатова[29]. Таким образом, уже не только командующий, но и другие старшие военные начальники по его примеру занялись удалением от службы негодных командиров среднего звена.

Последний всплеск устранений в деятельности ген. П. К. фон Ренненкампфа приходится на самую середину ноября месяца 1914 г. Из-за роковых ошибок главнокомандующего Северо-Западным фронтом генерала от инфантерии Н. В. Рузского и его генерал-квартирмейстера М. Д. Бонч-Бруевича 9-я германская армия ударила в стык наших 1-й и 2-й армий, прорвала фронт на левом берегу Вислы и стала прорываться к Лодзи. Три германских корпуса смяли 30 и 31 октября 5-й Сибирский корпус 1-й армии. «Ренненкампф немедленно распорядился двинуть с правого берега 6-й Сибирский корпус генерала Васильева, <…> но тут оказалось, что штаб Северо-Западного фронта упустил навести на Висле мосты. Трем корпусам Ренненкампфа пришлось смотреть, как бьют четвертый, не будучи в состоянии ему помочь. Ко моменту Лодзинского сражения 1-я армия вела довольно успешные операции на южной границе Восточной Пруссии»[30]. Таким образом в течение после-

---

22 Приказ № 157 от 30 сентября 1914 г.

23 Приказ № 187 от 18 сентября 1914 г.

24 Приказ № 105 от 11 сентября 1914 г. № 1. С. 1.

25 Приказ № 157 от 30 сентября 1914 г.

26 Приказ № 187 от 18 октября 1914 г.

27 Приказ № 133 от 23 сентября 1914 г.

28 Приказ № 115 от 17 сентября 1914 г. № 1, 2.

29 Там же.

30 *Керсновский А. А.* История Русской армии М., 1994. Т. 3. С. 236.

дующих дней Ренненкампф не мог лично командовать боями под Кутно и проч., отрезанный Вислой. С 1 по 8 ноября прорыв немцев усугублялся, враг приблизился к окраинам Лодзи, пытаясь взять в мешок наши 2-ю и 5-ю армии, это была группа прорыва — 25-й резервный корпус генерала Шеффера. Но яростное сопротивление 2-й армии и мужественный порыв 5-й армии переломили ход сражения, и 9 ноября обходящая группа фон Шеффера сама оказывалась в мешке.

Ее пленение зависело от быстроты наступления Ловичского отряда, собранного из никогда ранее вместе не действовавших частей. О дальнейшем свидетельствует приказ № 251 по 1-й армии от 14 ноября 1914 г., отданный П. К. фон Ренненкампфом: «Для содействия соседней армии распоряжением главнокомандующего сформирован был особый Ловичский отряд, начальником которого назначен был начальник 43-й пехотной дивизии генерал-лейтенант Слюсаренко. Успех выполнения поставленной задачи зависел всецело от энергии выполнения, необходимо было наступать со всей возможной быстротой для скорейшей подачи помощи Второй армии, на что я целым рядом предписаний указывал. Тем не менее, генерал-лейтенант Слюсаренко продвигался более чем медленно, оправдывал такое медленное продвижение вперед необходимостью поддержания тесной связи со Вторым корпусом, наступавшим правее со значительным уступом назад. Такое медленное наступление, как я постоянно указывал ему, могло привести к самым грустным результатам. Генерал-лейтенант Слюсаренко прошел 8 ноября лишь 8–9 верст и ограничился занятием города, где он, по его же донесению, встретил сопротивление одной лишь роты. Принимая во внимание, что в отряде было около 30 батальонов с соответствующей артиллерией, подобная задержка, когда все зависело от быстроты движения вперед, от постоянной поддержки связи со штабом армии, а также с соседними корпусами, указывает на недостаточную подготовленность генерал-лейтенанта Слюсаренко к командованию самостоятельным отрядом»[31].

Ошибки генерал-лейтенанта были слишком велики, чтобы его не постигло устранение от должности начальника 43-й пехотной дивизии. Равным образом был наказан и его начальник штаба[32]. Хотя медлительность Слюсаренко и имела в основании импровизационный способ создания Ловичского отряда, но, по нашему мнению, генерал П. К. фон Ренненкампф был прав, считая, что медлительность наступления

[31] Приказ № 252 от 14 ноября 1914 г. № 1.

[32] Там же.

проистекает не от состава войск, а от отсутствия «энергии выполнения» со стороны командования. Именно в этом и есть нравственное предназначение командующих — вливать свой порыв, свою энергию в войска и этим вести их через распутицу, через перебои снабжения и холод к победе, ибо без этого нет смысла в существовании командующих лиц.

Следующим, устраненным от должности этим же приказом, был начальник 6-й Сибирской стрелковой дивизии генерал-лейтенант Геннингс, который «недостаточно руководил в течении последних боевых дней действием своей дивизии, даже отбился от нее и очутился далеко позади»[33].

Такое горе-руководство привело к тому, что 9 ноября «части 6-й Сибирской дивизии захватили Брезины, не зная, что этим поймали немцев в мешок», т. е. отрезали группу от генерала О. фон Шеффера. Но из-за бездействия конных групп генерала Новикова окруженный противник подошел к Брезинам 11 ноября и, в ночном бою смяв два полка 6-й Сибирской дивизии, не осведомленных о подходе неприятеля, смог прорваться из окружения. Не удивительно, что генерал-лейтенант Геннингс был отстранен от командования[34].

Наконец, это же наказание постигло за некомпетентные действия в течение 11–14 ноября командующего 55-й пехотной дивизией генерал-майора Захарова. 11 ноября он совместно с бывшим начальником штаба 1-й армии генерал-лейтенантом Г. Г. Милеантом должен был нанести сходящийся удар по силам немцев, вклинившихся между нашими отрядами. «Войска генерал-лейтенанта Милеанта начали свое движение своевременно, войска же генерал-майора Захарова, вследствие недостаточного руководства с его стороны, значительно запоздали, вследствие чего немцам возможно было отступить без особых потерь»[35]. За эту оплошность командующий объявил генерал-майору Захарову выговор[36].

Но 14 ноября вечером генерал Захаров получил от штаба 1-й армии ориентировку о направлении движения 2-й Туркесканской стрелковой бригады и 6-го армейского корпуса, «создававшие для него благоприятную обстановку для перехода в наступление, с приказом не только обороняться, но перейти в наступление[37]. Вместо этого утром 15-го он донес, что по всему его фронту густой туман и одиночные ружейные выстрелы,

[33] Там же. № 2.

[34] *Керсновский А. А.* Указ. соч. С. 240.

[35] Приказ № 251 от 14 ноября 1914 г. № 3.

[36] Там же.

[37] Приказ № 252 от 15 ноября 1914 г.

и он ведет разведку, чтобы выяснить положение противника. Поняв, что его приказ не выполнен, что Захаров не использовал туман, чтобы «безнаказанно от немецкого огня вести энергичное наступление и ограничился лишь высылкой разведки»[38], П. К. фон Ренненкампф на основании п. 3 ст. 415 Положения устранил его от командования 55-й пехотной дивизией.

На этом служебная деятельность командующего 1-й армией была прервана: генерал Н. В. Рузский, чтобы не нести ответственности перед ставкой за свое неискусное руководство войсками фронта во время прорыва противника к Лодзи и неумение пленить его при отступлении, свалил всю вину на командующих 1-й и 2-й армиями. П. К. фон Ренненкампф был сменен генералом А. И. Литвиновым, а генерал от инфантерии С. М. Шейдеман генералом от инфантерии В. В. Смирновым.

Что характерно, уже в приказе от 26 ноября генерал от инфантерии Литвинов сообщил, что командующий Северо-Западным фронтом вернул генерал-лейтенанта Слюсаренко и генерал-майора Захарова в их должности[39]. Казалось бы, справедливость восстановлена и более удалений командующих не предвидится. Но уже через 12 дней генерал от инфантерии А. И. Литвинов вынужден был на основании все того же п. 3 устранить от командования 50-й пехотной дивизией ее начальника генерал-лейтенанта Бердяева[40], через неделю командира 22-го Сибирского стрелкового полка полковника Иванова[41], а на следующий день в очередном приказе генерал Литвинов сообщил об отстранении от командования 53-м Сибирским стрелковым полком полковника Свешникова «за уход от своей части с позиции и передачу командования своему заместителю»[42].

Трудно не согласиться, что бесконечные устранения от командования были вызваны не дурным характером П. К. фон Ренненкампфа, а необходимостью в напряженной боевой обстановке «больные члены стальным жезлом отсечь», и это был долг каждого настоящего командующего армией.

Однако же далеко не везде для улучшения управления войсками принимались подобные меры. Рассмотрим для сравнения положение дел в данном вопросе в 4-й армии Юго-Западного фронта в те же первые пять месяцев боев 1914 г.

[38] Там же.

[39] Приказ № 274 от 26 ноября 1914 г.

[40] Приказ № 304 от 8 декабря 1914 г.

[41] Приказ № 323 от 15 декабря 1914 г.

[42] Приказ № 324 от 16 декабря 1914 г.

Ее боевой дебют был неудачен: 10 августа армия столкнулась с перешедшей в наступление против нее вдвое сильнейшей 1-й австро-венгерской армией. В ходе трехдневных боев наши корпуса были разбиты и стали 12 августа откатываться к Люблину. В этот же день командующий 4-й армией генерал А. Е. Зальца был сменен на своем посту командующим Омским военным округом генералом от инфантерии А. Е. Эвертом.

В труднейшей обстановке отступления генерал Эверт в первые дни прибег к устранению от должности ряда начальников. Так, 16 августа, «ввиду выяснившейся в течении 13, 14 и 15 августа полной нераспорядительности начальника 45-й пехотной дивизии и бригадных командиров этой дивизии, удаляю названных генералов от командования вверенными им частями»[43]. Следующий приказ гласил, что из-за «полной нераспорядительности» командира XVI армейского корпуса генерала от инфантерии Гейсмана также удаляют от должности[44].

Надо было предполагать, что за таким началом последуют и дальнейшие энергичные меры по очищению командного состава. Но далее начало происходить нечто совсем другое. Стали появляться приказы, попрекающие низкое качество ведения боевых действий и приказывающие это исправить. Приказы, адресованные вообще и начальствующим, и командующим должностным лицам, которые никогда лично в этих приказах не называются, и никто не наказывается за непрекращающиеся нарушения. Процитируем некоторые образчики подобного приказотворчества: «По рассмотрении поступивших донесений и личного осмотра при объезде я убедился: соприкосновение с противником теряется, разведка проводится крайне не энергично; значительные кавалерийские отряды почти не дают никаких сведений о противнике, а в 45-й дивизии, расположенной на позиции, не было сведений, занят ли противником лес, перед фронтом в расстоянии всего около трех верст, а также где находятся части противника, которые вели с ней бой. Во всех корпусах стараются занять вверенный им участок сплошной линией без резервов; обращаю на это самое серьезное внимание командиров корпусов, на отведенном районе должны заниматься опорные пункты с полным взаимодействием <…> иначе управление боем уходит совсем из рук начальства. Высшие начальники ограничиваются распоряжением о занятии позиций по карте, не производя личной

[43] Приказ № 22 от 16 августа 1914 г.

[44] Приказ № 23 от 18 августа 1914 г.

рекогносцировки и не убедившись, так ли позиция занята, как ими предположено»[45].

Такое впечатление, что перед нами приказ, изданный по результатам маневров и имитации боевых действий против «обозначенного противника». Никто не наказан. Но, может быть, столь гуманный подход быстро даст благие результаты?

Через десять дней издается новый приказ: «Несмотря на неоднократно даваемые мною приказания, связь между частями армии и по фронту и в глубину поддерживается очень слабо. Особенно плоха связь по фронту. Если затруднительно поддерживать связь по телефону и телеграфу, то наряду с ними необходимо самым широким образом пользоваться офицерами для связи, с конными вестовыми или техническими средствами передвижения <…> На летучую почту также обратить серьезное внимание; был случай, что донесение, отправленное по этой почте в 10 часов вечера на расстояние 30–35 верст, пришло в штаб армии в 6 часов вечера следующего дня»[46]. Обращение к конным вестовым и летучей почте в 1914 г. — это или крик отчаяния, или наивность, ибо это способ доставки донесений середины XIX в.

Перечислять далее и цитировать хотя бы фрагменты из приказов генерала А. Е. Эверта не позволяют рамки публикации. Отсылаю желающих к его приказам по армии за № 124, 142, 201, 211, 298, 276, 279 за период от 29 сентября по 20 декабря 1914 г. Во всех перечислены вопиющие случаи низкого уровня управления войсками в ходе боев, и ни в одном из них никто из начальников и командиров не понес заслуженного наказания.

Подводя итог сравнения этих двух стилей управления армиями, хочется сказать, что если стиль генерала Ренненкампфа может кому-то представляться жестким и резким, а стиль генерала Эверта — гуманным и поучительным, то необходимо пояснить, что война — это не классная комната, и на поле сражения надо выполнять поставленные задачи, а не назидать тем, кто их постоянно проваливает. От таких командиров войска надо было избавлять, а не писать наставления о маневрировании, поддержании связи между частями, правильности ведения артиллерийского огня и выделении резерва, как будто уважаемые генералы не заканчивали академий, а полковники — юнкерских училищ. Давно уже окончилась Великая война, и генералы ее отошли в небытие, но опыт прошедшего необходимо знать и помнить для нашего будущего.

[45] Приказ № 13 от 13 августа 1914 г.

[46] Приказ № 45 от 23 августа 1914 г.

Список литературы

Дневники императора Николая II. М.,1991.
Керсновский А. А. История Русской армии М., 1994. Т. 3.
Положение о полевом управлении войск в военное время. СПб., 1914.

Boris Grigoryevich KIPNIS
Professor, Saint-Petersburg State University of Culture (Saint-Petersburg, Russia)
E-mail: nastya.rumyana@gmail.com

Generals P. K. Rennenkampf and A. E. Evert: two styles of management of the army (1914)

This article is devoted to one of the parties to the management of the field army in conditions of conducting combat operations on the front of the First World War. On the example of the activities of the two army commanders — P. K. von Rennenkampf and A. E. Evert, it demonstrates two different approaches to maintaining among the command staff a proper high performing discipline, without which the success of combat operations is impossible, restored on the basis of a number of orders for the 1st and 4th armies for 1914.

Keywords: First World War, P. K. Rennenkampf, A. E. Evert, discipline, command staff, operations, disciplinary punishment.

References

Dnevniki imperatora Nikolaya II, Moscow 1991.
Kersnovsky A. A., *Istoriya Russkoy armii*, vol. 3, Moscow 1994.
Polozeniye o polevom upravleniy voisk v voennoye vremya, St. Petersburg 1914.

УДК 94 (47) 083
ББК 63.3 (2) 524

Сергей Анатольевич ПИЩУЛИН

командир поискового отряда «Заслон-2», заведующий отделом патриотического воспитания СПб ГБУ ДМ «ФОРПОСТ», магистрант РГПУ им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: piterpatriot.pishulin@yandex.ru

КАЗАЧЬИ ПЛАСТУНСКИЕ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ НА ПОЛЯХ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ

В статье рассматривается роль пластунских казачьих соединений на полях Великой войны

Ключевые слова: казаки, пластуны, Первая Мировая война, Великая война, театры военных действий, Брусиловский прорыв.

Человек всегда мыслит образами. Какой же образ возникает при слове «казак»? Лихой рубака с чубом, выбивающимся из-под фуражки, в сапоге нагайка. Такой образ складывался годами. Но казачество не однородно, были и такие казачьи войска, представители которых никогда не сидели на конях, а шашка им была положена только от чина не ниже урядника (младшего унтер-офицера). Именно к вопросу использования таких частей, казачьих пластунских подразделений, мы хотим обратиться в нашей статье.

Кубанское казачье войско исторически подразделялось на черноморских и линейных казаков. Именно на линии появились такие подразделения, как пластуны. Изначально это были небольшие группы, выполняющие разведывательные функции на границе с народами Северного Кавказа. Постоянный контакт с горцами значительно изменил форму и вооружение пластунов (*илл. 1*).

Задачей пластунов являлась не только разведка, но и нанесение «точечных» ударов по горцам, готовившим набеги на русскую землю. Эта тактика, хорошо отточенная, часто применялась пластунами и на аренах других войн. В качестве примера можно привести такой эпизод: 13 сентября 1854 г., на четвертый день пребывания в осажденном Севастополе, 120 пластунов под Балаклавой уничтожили тактикой «прохождения сквозь конный строй» два французских полуэскадрона, рассеявшись по полю и спокойно перестреляв всех мчавшихся на них кавалеристов.

Илл. 1. Участники исторической реконструкции в форме 1-го Кубанского пластунского генерал-фельдмаршала великого князя Михаила Николаевича батальона. 2016 г. Из коллекции автора

После боя еще шутили: «На Кавказе не такие рубаки, как эти, и сабли там получше, но мы не помним такого, чтоб пластун со штуцером в руках был изрублен в бою»[1].

В ходе обороны Севастополя произошло практически первое применение пластунских частей против регулярных войск. О действиях пластунов хорошо отзывается и молодой офицер Лев Николаевич Толстой — участник Крымской войны. Опыт применения иррегулярных частей под Севастополем дал положительный результат, и пластунские части начали формироваться для использования на различных театрах военных действий. С 1842 г. пластуны являлись отдельной частью Черноморского (с 1860 г. Кубанского) казачьего войска. В начале XX в. пластунские батальоны Кубанского казачьего войска имели по штату до 5 сотен по 180 че-

[1] Пластуны: казачьи подразделения антитеррора // Церковь Успения Богородицы. Усадьба Демьяново. Г. Клин <электронный ресурс>. Режим доступа: http://klin-demianovo.ru/kazachja-obschina/plastunyi-kazachi-podrazdeleniya-antiterrora/ (дата обращения: 29.10.2017 г.).

Илл. 2. Император Николай II награждает пластунов. 1915 г. Частная коллекция

ловек в каждой при 22 офицерах в батальоне. В годы Русско-японской войны (1904–1905 гг.) в боевых действиях участвовало до шести пластунских батальонов, которые снискали себе громкую славу на полях сражений.

В начале Великой, или Первой мировой войны (1914–1918 гг.) количество пластунских батальонов не сильно изменилось до момента мобилизации. Будет верным остановиться на вопросе мобилизации в 1914 г. Если норма для неказачьего населения, подлежащего мобилизации, была около 4,2%, то у казачьего она достигала 12,5%, что позволило увеличить количество казачьих подразделений более чем втрое[2]. Только Кубанское войско выставило 22 батальона для участия в боевых действиях на фронтах Великой войны. В связи с вступлением в войну в октябре 1914 г. Османской империи Россия была вынуждена открыть Кавказский фронт, на который были направлены пластунские бригады Кубанского войска. В ходе боевых действий пластуны отлично проявили себя в битве под Сарыкамышем, за что многим частям были пожалованы вечные шефы из императорской семьи[3] (*илл. 2*).

[2] *Воскобойников Г. Л.* Казачество в Первой мировой войне 1914–1918 г. М.: Издательство Российской киновидеокомпании, 1994. С. 31.

[3] *Воскобойников Г. Л.* Ткачев Вячеслав Михайлович // Казачья сотня. Вып. 1-й. М.: Воениздат, 1996.

В ходе Эрзурумского сражения пластунские части оказали огромное влияние на ход событий, на завершающем этапе которого десант под руководством генерала Н. Н. Юденича, состоящий из 1-й и 2-й Кубанских пластунских бригад, высадился в тылу врага нанес ему сокрушительное поражение, результатом которого стало взятие без боя 5 апреля 1916 г. города-порта Трапезунд, имевшего ключевое логистическое значение[4].

В ходе Брусиловского прорыва в первые ряды наступающих действовали пластунские батальоны как наиболее подготовленные для нанесения «точечных» ударов и боевых действий в условиях замкнутого или стесненного пространства — траншей и иных фортификационных сооружений. После окончание активной фазы пластунские батальоны перевели на Кавказский фронт, где они и находились до событий 1917 г.

Илл. 3. Станица Архангельская. Именные списки казаков, получивших георгиевские награды. 2016 г. Из коллекции автора

Данные о точном количестве частей, сформированных Кубанским войском, разнятся, но примерное количество выглядит приблизительно так — 37 конных полков, 1 конный дивизион, 2,5 гвардейские сотни, 22 пластунских батальона, 6 батарей, 49 различных сотен и 6 полусотен, 12 команд[5]. Многие из казаков кубанских пластунов за беспримерную храбрость получали высокие награды. Георгиевскими крестами и медалями было награждено около 120 000 казаков из всех казачьих войск Российской империи[6], весомую долю занимали Георгиевские кавале-

[4] *Керсновский А. А.* История Русской армии. В 4 т. Т. 4. С. 226. М.: Голос, 1994.

[5] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 276.

[6] *Губин М. П.* Ответ на анкету // Казачество. Мысли современников… С. 137; *Вдовенко Г. А.* Ответ на анкету // Казачество. Мысли современников… С. 28, и др.

Илл. 4. Казаки и офицеры 9-й Краснодарской пластунской стрелковой дивизии. 1945 г. Частная коллекция

ры-кубанские пластуны. Казакам, совершившим побег из плена, после разбирательств всех обстоятельств пленения и побега вручалась специальная Георгиевская медаль с надписью «За смелый побег»[7]. На данный момент исследователями ведется сбор информации о награжденных для увековечивания памяти на памятных стелах в казачьих станицах (*илл. 3*).

В дальнейшем судьба пластунских подразделений выглядела аналогично судьбе всех казачьих частей после 1917 года. Впервые пластунская часть была возрождена в составе Красной армии в виде 9-й пластунской стрелковой Краснодарской Краснознамённой орденов Кутузова и Красной Звезды дивизии имени ЦИК ССР Грузии. Она состояла из пластунских батальонов и сотен вместо общевойсковых рот, а в форму одежды были введены элементы традиционной казачьей одежды. Данный опыт был единственным. Дивизия закончила боевые действия в мае 1945 г. под Прагой (*илл. 4*).

[7] См. напр.: *Брусилов А. А.* Мои воспоминания. М., 1983. С. 171: *Врангель П. Н.* Воспоминания генерала барона П. Н. Врангеля. В 2 т. Т. 1. М., 1992. С. 113–114.

Список литературы

Брусилов А. А. Мои воспоминания. М., 1983.
Вдовенко Г. А. Ответ на анкету // Казачество. Мысли современников о прошлом, настоящем и будущем казачества. Б. м., 1928.
Воскобойников Г. Л. Казачество в Первой мировой войне 1914–1918 г. М.: Издательство Российской киновидеокомпании, 1994.
Воскобойников Г. Л. Ткачев Вячеслав Михайлович // Казачья сотня. Вып. 1-й. М.: Воениздат, 1996.
Врангель П. Н. Воспоминания генерала барона П. Н. Врангеля. В 2 т. Т. 1. М., 1992.
Губин М. П. Ответ на анкету // Казачество. Мысли современников о прошлом, настоящем и будущем казачества. Б. м., 1928.
Керсновский А. А. История Русской армии. В 4 т. Т. 4. С. 226. М.: Голос, 1994.

Sergey PISHCHULIN
Commander of search group *Zaslon-2*,
Head of Department of Patriotic education of SPb GBU DM *FORPOST*,
Postgraduate Student, Herzen State Pedagogical University
E-mail: piterpatriot.pishulin@yandex.ru

Cossack plastun units on the battlefields of the Great War

In the article the participation of Cossack plastun units on the fields of the Great war is reviewed.

Keywords: Cossacks, plastuns, First World war, Great war, theatres of war, the Brusilov breakthrough.

References

Brusilov A. A., *Moi vospominaniya [My memories]*, Moscow 1983.
Gubin M. P., *Otvet na anketu [Answers to the questionnaire]*, in: Kazachestvo. Mysly sovremennikov o proshlom, nastoiashchem i budushchem kazachestva, s. l., 1928.
Kersnovsky A. A., *Istoriya Russkoy armii [History of the Russian Army]*, vol. 4, Moscow 1994.
Vdovenko G. A., *Otvet na anketu [Answers to the questionnaire]*, in: Kazachestvo. Mysly sovremennikov o proshlom, nastoiashchem i budeshchem kazachestva, s. l., 1928.
Voskoboynikov G. L., *Kazachestvo v Pervoy mirovoy voine 1914–1918 [Cossacks in the First World War 1914–1918]*, Moscow 1994.
Voskoboynikov G. L., *Tkachev Vyacheslav Mihailovich*, in: Kazachya sotnya. 1st Ed. Moscow 1996.
Vrangel P. N., *Vospominania generala barona P. N. Vrangelya [Memories of General Baron P. N. Wrangel]*, vol. 1, Moscow 1992.

УДК 94 (47) 083
ББК 63.3 (2) 524

Кирилл Борисович НАЗАРЕНКО

доктор исторических наук, профессор кафедры источниковедения истории России Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: k.nazarenko@spbu.ru

РУССКОЕ МОРСКОЕ ОФИЦЕРСТВО ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В ЗЕРКАЛЕ ЦИФР: АНАЛИЗ СОСЛОВНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ[1]

Русское флотское офицерство вплоть до 1917 г. сохраняло выраженный сословный характер. Наиболее привилегированная группа морских офицеров (строевые) состояла в основном из дворян. Чем менее привилегированной была группа офицеров, тем меньше было среди них дворян и тем больше выходцев из крестьян и мещан. Прапорщики по адмиралтейству представляли собой сравнительно привилегированную группу, что объяснялось их рекрутированием из столичного студенчества.

Ключевые слова: Русский флот, офицерский корпус, прапорщики по Адмиралтейству, сословия, дворянство, крестьянство, Санкт-Петербургский государственный университет, студенты.

Проблема социального происхождения офицерского корпуса русских предреволюционных вооруженных сил представляется весьма актуальной. С одной стороны, ответ на вопрос о происхождении офицеров может помочь решить проблему эволюции русского офицерского корпуса в период после отмены крепостного права, с другой стороны — осветить причины политического выбора офицеров во время Гражданской войны.

Заметим, что указание на сословное происхождение не всегда дает ключ к пониманию действительного социального положения того или иного лица в последние десятилетия существования Российской империи.

Нельзя забывать, что сословная структура русского общества времен Первой мировой войны уже в значительной степени подверглась эрозии. Далеко не всегда выходец из привилегированного сословия был состоятельней выходца из непривилегированного. Так, потомственные дворяне, родители инженер-механика мичмана М. К. Тверского, владели домом в г.

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект «Русский морской офицерский корпус Первой мировой и Гражданской войн: сплошное просопографическое исследование» № 15–31–01267.

Старая Русса стоимостью 2 тыс. руб., а мещане, родители инженер-механика мичмана А. П. Новикова — домом в г. Могилеве стоимостью 5 тыс. руб.[2] У капитана по адмиралтейству П. Ф. Фролова родители-крестьяне владели настоящим имением в 470 десятин в Петроградской губернии[3]. На такой площади могли разместиться по меньше мере 30 крестьянских наделов. Родителям другого крестьянина, прапорщика по морской части Р. П. Цепурита, принадлежало 100 десятин в Лифляндской губернии[4].

В документах как офицеров (послужные списки), так и нижних чинов (приемные формуляры, формулярные списки) обязательно должно было прописываться сословие в графе, обозначенной «из какого звания происходит и какой губернии уроженец». Такая формулировка была очень точной, поскольку предлог «из» указывал на стартовую сословную позицию военнослужащего, которая могла измениться за время службы. Например, капитан по адмиралтейству уже не был крестьянином (поскольку производство в первый офицерский чин в начале XX в. давало потомственное почетное гражданство), он был «из крестьян». Относительно дворян такая формулировка может показаться абсурдной, поскольку «из» дворян по сословной лестнице двигаться вверх было уже некуда. Но тут смысл заключается во второй половине фразы: «Какой губернии уроженец». В целом запись «из дворян Петербургской губернии» звучала вполне логично, поскольку дворянин мог быть переписан в родословные книги другой губернии. После революции эта формулировка была оправдана тем, что сословия отменили, но люди из них происходили. Сейчас использование этой формулировки (например, в справочниках) бессмысленно — то или иное лицо из прошлого уже или было дворянином, или им не было и его сословный статус уже не может быть изменен задним числом.

В приемных формулярах «настоящих» нижних чинов сословная принадлежность отмечалась аккуратно. Другое дело — вольноопределяющиеся, то есть молодые люди, которые вскоре должны были стать офицерами. В их приемных формулярах сословная принадлежность даже до Февральской революции прописывалась очень неаккуратно, иногда и вовсе не указывалась. Например, вместо правильной формулировки «мещанин» часто встречается «гражданин» такого-то города, особенно

[2] *Напалков А. В.* Офицерский корпус императорского флота Балтийского моря в годы 1-й мировой войны (август 1914 — февраль 1917 г.): Дисс. … канд. истор. наук / Санкт-Петербургский институт истории РАН. СПб., 2007. С. 91.

[3] Там же. С. 93.

[4] Там же. С. 94.

в отношении уроженцев Прибалтики. В офицерских послужных списках встречались и вовсе оригинальные указания на сословную принадлежность типа «сын артиста императорских театров» или «сын врача». Очевидно, что такие записи были призваны замаскировать низкое сословное положение родителей данного офицера.

К сожалению, в современной российской историографии крайне мало освещен вопрос об изменении сословного происхождения офицерства сухопутной армии во время Первой мировой войны. Тем не менее, благодаря работе Д. А. Кузнецова[5] оценить положение в этой сфере в определенной степени возможно.

При сравнении данных о происхождении флотского и сухопутного офицерства следует иметь ввиду, что в случае сухопутных офицеров происходит «обезличка» данных разных родов войск, а также кадровых офицеров и прапорщиков. Приводимые Д. А. Кузнецовым конкретные данные о доле дворян в различных родах сухопутных войск к октябрю 1916 г., на наш взгляд, противоречат сводным данным, приводимым им же. Так, «по данным Главного управления Генерального штаба на 16 октября 1916 г. в специальных родах войск процент дворян был следующим: в артиллерии — 72%; в кавалерии — 76%; в инженерных частях — 90%. Однако в наиболее массовом роде войск — пехоте они составляли 43%»[6]. Если в пехоте дворяне (допустим, потомственные и личные вместе) составляли в октябре 1916 г. 43% состава офицеров, то как эта доля могла упасть до 14% к началу 1917 г.? Мы полагаем, что сводные данные, приводимые Д. А. Кузнецовым, ближе к истине, и используем их в таблице 1.

Из таблицы 1 хорошо видно, что среди строевых офицеров почти 2/3 составляли потомственные дворяне, а если считать дворян вообще (вместе с личными), то удельный вес этой группы дойдет почти до 85%. Кроме дворян, более-менее заметное количество строевых офицеров было сыновьями чиновников и обер-офицеров. Выходцев из крестьян среди строевых офицеров не было.

Среди инженер-механиков наибольшей была группа сыновей чиновников и обер-офицеров (почти 1/3), также заметны были группы потомственных дворян, выходцев из купцов и почетных граждан и из городских податных сословий (примерно по 1/6). Доля потомственных и личных дворян среди инженер-механиков составляла всего ¼.

[5] *Кузнецов Д. А.* Офицерский корпус России (февраль — август 1917 г.): Дисс. … канд. истор. наук / Воронежский государственный педагогический университет. Воронеж, 2000.

[6] Там же. С. 42.

Табл. 1. **Сословное происхождение офицеров, %**[7]

Сословие	Флот					Сухопутная армия[8]	
	Кадровые офицеры			Прапорщики запаса	Прапорщики по адмиралтейству[9]	В начале 1915 г.	В начале 1917 г.
	Строевые	Инженер-механики	По адмиралтейству				
Из потомственных дворян	**62,2**	15,8	9,1	5,5	**35,1**	19	9
Из личных дворян	22,5	9,8	8,0	5,5		**23**	5
Из чиновников и обер-офицерских детей	9,0	**31,6**	13,7	4,1	9,9		
Из купцов и почетных граждан (потомственных и личных)	2,2	13,0	6,3	4,1	23,9	**27**	**32**
Из лиц свободных профессий и иностранных подданных	0,7	1,9	2,3	1,4			
Из духовенства	1,5	2,3	1,1		3,3	3	8
Из казаков	0,5	0,5	0,6			9	7
Из неклассных чиновников, нижних чинов и придворных служителей	0,3	1,9	5,7				
Из городских податных сословий (цеховых мастеров, ремесленников, мещан)	0,7	13,0	12,0	28,8	13,9	13	21
Из крестьян		9,3	**40,6**	**47,9**	13,9	16	**34**
Не указано	0,3	0,9	0,6	2,7			
% выборки от общего числа офицеров данной категории	24,9	32,3	33,5	11,9	26,4[10]		

[7] *Напалков А. В.* Офицерский корпус императорского флота... С. 56–57.

[8] *Кузнецов Д. А.* Офицерский корпус России. С. 42–43.

[9] Рассчитано нами по данным первого набора ШПА (РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 3. Д. 3802. Л. 99).

[10] От общего числа прапорщиков по адмиралтейству.

Наибольшей сословной группой среди кадровых офицеров по адмиралтейству были выходцы из крестьян (2/5), а доля дворян (потомственных и личных) была около 1/6.

Прапорщики запаса были самой демократичной по происхождению группой морских офицеров. Среди них почти половина была выходцами из крестьян, еще четверть — из городских податных сословий. Доля же потомственных и личных дворян составляла лишь около 1/10.

Прапорщики по адмиралтейству по своему сословному происхождению находятся между строевыми офицерами и инженер-механиками. Среди них свыше 1/3 были из дворян (меньше, чем среди строевых офицеров, но больше, чем среди инженер-механиков). Обращает на себя внимание значительная доля выходцев из купцов и почетных граждан — почти 1/4. Эта сословная группа представлена среди прапорщиков по адмиралтейству в наибольшей степени по сравнению с другими категориями морского офицерства.

Существует мнение, что «мощным фактором, способствующим расшатыванию социальной базы офицерского корпуса, явился призыв на военную службу студентов. Со студенческой скамьи в офицерские школы пришли не только выходцы различных слоев населения, но и будущие организаторы революционного движения»[11]. Несомненно, среди студентов процент политически ангажированных лиц был значительно больше, чем среди, скажем, выпускников кадетских корпусов. Однако не следует преувеличивать степень демократичности происхождения российского студенчества эпохи Первой мировой войны. Из таблицы 1 видно, что в Школе прапорщиков по адмиралтейству (далее ШПА), которая комплектовалась студентами высших учебных заведений и лицами, имевшими высшее образование, свыше 1/3 учащихся происходило из дворян, около ¼ из купцов и почетных граждан и лишь ¼ из мещан и крестьян. Также следует помнить, что крестьянская семья, которая могла послать своего сына в университет или институт, была зажиточной, как правило, принадлежавшей к крестьянству лишь формально. Фактически глава такой семьи скорее был лавочником или предпринимателем средней руки, а не хлебопашцем.

Доступные нам источники позволяют конкретизировать **служебное положение отцов прапорщиков по адмиралтейству**. Понятно, что разница в положении семьи коллежского регистратора и тайного советника

[11] *Кузнецов Д. А.* Офицерский корпус России. С. 43.

была чрезвычайно велика. Это позволяет проанализировать происхождения второго и третьего выпусков ШПА (см. таблицу 2).

Табл. 2. **Чины отцов прапорщиков по адмиралтейству, происходивших из семей чиновников (2-й и 3-й выпуски ШПА)**[12]

Чин отца к моменту поступления сына в ШПА (1916–1917 гг.)	Кол-во, чел.	%
Тайный советник	1	2,2
Действительный статский советник	3	6,7
Статский советник	16	**35,6**
Коллежский советник	7	15,6
Надворный советник	7	15,6
Коллежский асессор	2	4,4
Титулярный советник	2	4,4
Коллежский секретарь	4	8,9
Коллежский регистратор	1	2,2
Не указан	2	4,4
В том числе чиновников генеральского ранга (1–5 класс)	**20**	**44,4**
В том числе чиновников штаб-офицерского ранга (6–8 класс)	**16**	**35,6**
В том числе чиновников обер-офицерского ранга (9–14 класс)	**7**	**15,6**
Всего	**45**	**100**

Среди детей чиновников (среди учащихся в ШПА) преобладали выходцы из семей статских генералов (их доля — свыше 2/5), а выходцы из семей мелких чиновников (даже если включать в их число тех, чей чин не указан) составляли около 1/6. Такая ситуация вытекала из социального состава столичного студенчества.

Сухопутное офицерство начала 1915 г. (когда оно еще в не слишком большой степени было «разбавлено» прапорщиками) по своему происхождению стоит ближе всего к корпусу инженер-механиков флота. Это вполне логично, поскольку набор в большинство сухопутных военных училищ, так же, как и в МИУ, был бессословным. Заметное падение доли выходцев из потомственных и личных дворян, из детей чиновников и обер-офицерских детей среди сухопутных офицеров к началу 1917 г. указывает на физическое исчерпание того военно-бюрократическо-слу-

[12] Рассчитано нами по данным первого набора ШПА (РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 3. Д. 3802. Л. 99).

жилого слоя, из которого в значительной степени происходило довоенное офицерство (как армии, так и флота).

Более подробные данные о сословном происхождении строевых офицеров флота см. таблицу 3.

Табл. 3. **Сословное происхождение строевых офицеров флота, %**[13]

Сословие	капитаны 1-го ранга	капитаны 2-го ранга	старшие лейтенанты	лейтенанты	мичманы
Из потомственных дворян	33,8	**80,2**	**63,0**	**70,5**	**50,0**
Из личных дворян	**49,3**	12,9	25,9	15,3	24,3
Из чиновников и обер-офицерских детей	12,7	4,3	8,6	7,7	13,2
Из купцов и почетных граждан (потомственных и личных)	4,2		1,2	2,2	3,7
Из лиц свободных профессий и иностранных подданных				1,1	1,5
Из духовенства		0,9		1,1	4,4
Из казаков		0,9	1,2	0,5	
Из неклассных чиновников, нижних чинов и придворных служителей		0,9			0,7
Из городских податных сословий (цеховых мастеров, ремесленников, мещан)				1,6	0,7
Из крестьян					
Не указано					1,5
% выборки от общего числа офицеров данной категории	34,3	33,1	28,9	21,7	20,2

Очень высокий процент потомственных дворян среди строевых офицеров в чинах от лейтенанта до капитана 2-го ранга связан с существованием жестких сословных ограничений при приеме в Морской корпус до 1907 г. Несколько более демократичное происхождение мичманов связано со значительным понижением сословного барьера после этой даты. В определенной степени загадочным представляется заметное понижение процента выходцев из потомственных дворян среди капитанов 1-го ранга.

[13] *Напалков А. В.* Офицерский корпус императорского флота… С. 56–57.

Табл. 4. **Сословное происхождение офицеров инженер-механиков, %**[14]

	капитаны 1 ранга	капитаны 2 ранга	старшие лейтенанты	лейтенанты	мичманы
Из потомственных дворян	**25,8**	27,3	12,2	13,2	6,6
Из личных дворян	16,1	6,8	12,2	7,9	8,2
Из чиновников и обер-офицерских детей	22,6	**43,2**	**48,8**	**21,1**	**23,0**
Из купцов и почетных граждан (потомственных и личных)	12,9	9,1	22,0	10,5	11,5
Из лиц свободных профессий и иностранных подданных			2,4	2,6	3,3
Из духовенства	3,2	4,5	2,4		1,6
Из казаков					1,6
Из неклассных чиновников, нижних чинов и придворных служителей				5,3	3,3
Из городских податных сословий (цеховых мастеров, ремесленников, мещан)	12,9	6,8		23,7	19,7
Из крестьян	6,5			15,8	19,7
Не указано		2,3			1,6
% выборки от общего числа офицеров данной категории	37,3	30,8	37,2	27,0	32,4

Состав лейтенантов и мичманов инженер-механиков был более демократичным, чем у офицеров в штаб-офицерских чинах в связи с отменой сословных ограничений на прием в МИУ в 1907 г. (см. таблицу 4). Этот процесс успел затронуть лейтенантов инженер-механиков, поскольку срок обучения в МИУ был 4 года, тогда как в МКК — 6 лет. Кроме того, как было показано выше, офицеры инженер-механики в предвоенное время несколько быстрее производились в чины, чем строевые. Этим объясняется то, что процесс некоторой демократизации сословного состава успел затронуть у строевых офицеров лишь мичманов, тогда как среди инженер-механиков он «докатился» до лейтенантов. Заметная доля выходцев из податных сословий среди инженер-механиков капитанов 1-го ранга (почти пятая часть) объясняется тем, что многие из этих офицеров начинали свою службу в 80-е гг. XIX в., когда еще существовала возможность производства в инженер-механики через звание кондук-

[14] Там же. С. 64–65.

тора Корпуса инженер-механиков, а недостаточная престижность этого корпуса заставляла открывать в него доступ выходцам из простонародья. В середине 90-х гг. XIX в. были предприняты меры по ограничению доступа выходцев из податных сословий в Корпус инженер-механиков, что отразилось на сословной принадлежности офицеров в чинах капитана 2 ранга и старшего лейтенанта.

Табл. 5. **Сословное происхождение кадровых офицеров по адмиралтейству, %**[15]

	полковники	подполковники	капитаны	штабс-капитаны	поручики	подпоручики
Из потомственных дворян	12,5	13,3	17,4	4,0	9,4	6,3
Из личных дворян	**25,0**	26,7	4,3		12,5	1,6
Из чиновников и обер-офицерских детей	18,8	**40,0**	**26,1**	8,0	18,8	1,6
Из купцов и почетных граждан (потомственных и личных)	12,5			8,0	6,3	7,8
Из лиц свободных профессий и иностранных подданных	6,3	6,7				3,1
Из духовенства	6,3		4,3			
Из казаков					3,1	
Из неклассных чиновников, нижних чинов и придворных служителей	6,3		17,4	8,0	3,1	3,1
Из городских податных сословий (цеховых мастеров, ремесленников, мещан)	12,5		8,7	28,0	3,1	14,1
Из крестьян		13,3	**21,7**	**40,0**	**43,8**	**62,5**
Не указано				4,0		
% выборки от общего числа офицеров данной категории	34,8	26,7	30,0	26,0	33,7	24,3

Офицеры по адмиралтейству по своему сословному происхождению отчетливо делятся на две группы (см. таблицу 5). Среди штаб-офицеров и капитанов велика доля происходивших из привилегированных служилых сословий (дворяне, дети чиновников и обер-офицеров) — 50–80% их численности. Среди обер-офицеров (кроме капитанов) преобладают выходцы из податных сословий (47–77%).

[15] Рассчитано по: *Напалков А. В.* Офицерский корпус императорского флота… С. 71–72.

Мы не ставили задачу выяснить сословную принадлежность прапорщиков запаса по их послужным спискам в связи с большой трудоемкостью такой работы. Однако в нашем распоряжении есть данные о сословной принадлежности русских судоводителей, то есть того контингента, из которого и пополнялись прапорщики запаса флота (см. таблицы 6, 7). Следует заметить, что правом на сдачу экзаменов на чин прапорщиков запаса флота пользовались лишь носители высших судоводительских и механических званий, то есть капитаны дальнего и малого плавания, штурмана дальнего плавания, механики 1-го и 2-го разрядов. Носители низших званий (штурмана малого плавания и механики 3-го разряда) допускались к сдаче экзамена на звание кондуктора (промежуточное между офицерами и нижними чинами).

Табл. 6. Сословная принадлежность русских судоводителей в 1915 г., %[16]

	Капитаны дальнего плавания	Штурмана дальнего плавания	Капитаны малого плавания	Всего носители «высших судоводительских званий»	Штурмана малого плавания (с правом командования паровыми судами)	Всего
Из потомственных и личных дворян	11,0	11,5	6,9	10,6	5,4	10,0
Из купцов и почетных граждан (потомственных и личных)	11,0	5,2	4,4	8,0	4,4	7,5%
Из разночинцев[17]	3,3	6,5	4,8	4,7	4,2	4,4
Из духовенства	0,1	0,5	0,7	0,3	0,1	0,3
Из казаков	2,3	5,1	5,1	3,7	6,1	3,4
Из мещан	**28,1**	**40,9**	**47,6**	**35,3**	**37,0**	**33,6**
Из крестьян	**44,0**	**30,3**	**30,5**	**37,3**	**42,7**	**40,8**
Из финляндских уроженцев	0,2	0,1	0,0	0,1	0,1	0,1
Всего	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100,0**
Всего из дворян, купцов, почетных граждан	**22,0**	**16,7**	**11,3**	**18,6**	**9,8**	**17,5**
Всего из крестьян и мещан	**72,1**	**71,2**	**78,1**	**72,6**	**79,7**	**74,4**

[16] Рассчитано нами по: *Зуев А. В.* Капитаны морских торговых судов Российской империи (вторая половина XIX — начало XX вв.): подготовка, статус, повседневность: Дисс. … канд. истор. наук / РГПУ им. А. И. Герцена. СПб., 2010. С. 232. Выборка 100%.

[17] В таблице «Распределение механиков-практиков по сословиям» (с. 66) содержится разъяснение термина — «другие городские сословия», кроме почетных граждан и мещан.

Табл. 7. **Сословная принадлежность русских механиков торговых судов в 1915 г., %**[18]

Сословие	1-го разряда		2-го разряда		Всего «высших званий»	3-го разряда		Всего «низших званий»	Итого
	Дипломированные	Практики	Дипломированные	Практики		Дипломированные	Практики		
Из потомственных и личных дворян	2,7	2,4	4,3	1,1	1,8	4,2	1,2	3,2	2,1
Из купцов и почетных граждан (потомственных и личных)	**35,1**	8,5	25,7	3,1	6,5	4,6	2,0	3,7	5,8
Из разночинцев[19]	5,4	3,1	4,3	0,8	1,9	2,7		1,8	1,9
Из духовенства		0,1		0,5	0,3	0,4		0,3	0,3
Из казаков		0,8		1,2	1,0	2,1	0,8	1,6%	1,1
Из мещан	29,7	**53,9**	**34,3**	**49,0**	**50,4**	39,5	46,8	42,0	**48,5**
Из крестьян	27,0	30,1	31,4	43,6	37,3	**46,6**	**49,2**	**47,5**	39,6
Из финляндских уроженцев		1,2		0,8	0,9				0,7
Всего	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**
Всего из дворян, купцов, почетных граждан	**37,8**	**10,9**	**30,0**	**4,1**	**8,2**	**8,7**	**3,2**	**6,9**	**7,9**
Всего из мещан и крестьян	**56,8**	**84,0**	**65,7**	**92,6**	**87,6**	**86,1**	**96,0**	**89,4**	**88,1**

Из таблицы 7 видно, что основная масса судоводителей и механиков-практиков (а, следовательно, и прапорщиков запаса) происходила из крестьян и мещан (от 71 до 96% численности для каждой категории). Среди дипломированных механиков 1–2 разряда процент выходцев из податных сословий несколько меньше, но все равно высокий (56–65%). Однако симптоматично, что и в торговом флоте среди носителей высших судоводительских званий все же в два раза выше процент выходцев из дворян, купцов и почетных граждан, чем среди носителей низших званий. В то же время среди последних несколько больше выходцев

[18] Рассчитано нами по: Статистические данные о судоводителях и судовых механиках на мореходных судах русского торгового флота. К 1 января 1915 г. Пг., 1915. С. 61, 66. Выборка 100%.

[19] В таблице «Распределение механиков-практиков по сословиям» (с. 66) содержится разъяснение термина — «другие городские сословия», кроме почетных граждан и мещан.

из крестьян и мещан, чем среди носителей высших званий. У механиков картина еще характернее. Процент выходцев из дворян, купцов и почетных граждан среди дипломированных механиков 1–2 разрядов составлял 30–37%, а среди механиков-практиков и дипломированных механиков 3-го разряда их было всего 4–7%.

Табл. 8. **Сравнение сословного происхождения гражданских судоводителей и механиков с прапорщиками по морской и механической части, находившимися на службе во время Первой мировой войны, %**[20]

Сословие	Гражданских судоводителей	Механиков торговых судов	Всего гражданских судоводителей и механиков	Прапорщиков по морской и механической части[21]
Из потомственных и личных дворян	10,0	1,8	6,4	11,2
Из купцов и почетных граждан (потомственных и личных)	7,5	6,5	7,1	4,2
Из разночинцев	4,4	1,9	3,3	5,6[22]
Из духовенства	0,3	0,3	0,3	
Из казаков	3,4	1,0	2,4	
Из мещан	33,6	**50,4**	**40,8**	29,4
Из крестьян	**40,8**	37,3	39,3	49
Из финляндских уроженцев	0,1	0,9	0,5	Не призывались
Не указано				2,8
ВСЕГО	100,0	100,0	100,0	
Всего из дворян, купцов, почетных граждан	17,5	8,2	13,5	15,4
Всего из податных сословий	74,4	87,6	80,0	78,4
выборки от численности данной категории	100	100	100	11,9

При сравнении сословного происхождения судоводителей и механиков торгового флота с прапорщиками по морской и механической части, находившихся на службе во время Первой мировой войны (см.

[20] Рассчитано по: Статистические данные о судоводителях и судовых механиках…

[21] Рассчитано по: *Напалков А. В.* Офицерский корпус императорского флота… С. 71–72.

[22] В данном случае мы объединяем две сословные группы — «Из чиновников и обер-офицерских детей» и «из лиц свободных профессий и иностранных подданных».

таблицу 8) выясняется, что среди прапорщиков был несколько выше процент дворян и крестьян, но заметно ниже процент мещан, чем среди командного состава гражданского флота. Повышенный процент дворян среди прапорщиков может объясняться тем, что часть их была произведена из юнкеров флота. Отсутствие среди прапорщиков выходцев из духовенства и казаков объясняется погрешностью выборки исследования А. В. Напалкова. Понятно, что при небольшом проценте выходцев из казачества и особенно духовенства среди гражданских моряков они могли просто не попасть в выборку. Заметно, что в торговом флоте даже на фоне весьма демократического происхождения судоводителей механики выделялись повышенным процентом крестьян и мещан и совсем малым процентом выходцев из дворян, купцов и почетных граждан.

Подводя итоги, заметим, что флотское офицерство вплоть до 1917 г. сохраняло выраженный сословный характер. Наиболее привилегированная группа морских офицеров (строевые) состояла в основном из дворян и вовсе не включала в себя крестьян. Чем менее привилегированной была та или иная группа офицеров (по убыванию — строевые, инженер-механики, офицеры по адмиралтейству, прапорщики запаса), тем меньше было среди них дворян и тем больше выходцев из податных сословий (крестьян и мещан). Прапорщики по адмиралтейству представляли собой сравнительно привилегированную группу (на уровне инженер-механиков), что объяснялось их рекрутированием из столичного студенчества.

Список литературы

Статистические данные судоводителях и судовых механиках на мореходных судах русского торгового флота. К 1 января 1915 г. Пг., 1915.

Kirill Borisovich NAZARENKO

Doctor of History, Professor, Department of source study on history of Russia,
St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)

E-mail: k.nazarenko@spbu.ru

Russian naval officers of the First World war in the mirror of numbers: an analysis of social origin

Up to 1917, the Russian naval officers retained a pronounced class nature. The most privileged group of naval officers (executive) consisted mainly of noblemen. The less privileged was a group of officers, the less were among them nobles and the more immigrants from peasants and petty bourgeois. The ensigns in the Admiralty were a relatively privileged group, which was explained by their recruiting from the capital's students.

Keywords: Russian navy, officer corps, ensigns in the Admiralty, estates, nobility, peasantry, St. Petersburg State University, students.

Reference

Statisticheskie dannye o sudovoditelyah i sudovykh mekhanikakh na morehodnykh sudakh russkogo torgovogo flota. K 1 yanvarya 1915 [Statistics of boatmasters and ship mechanics on the ships of the Russian merchant fleet], Petrograd 1915.

УДК 94 (100) “1914/19”
ББК 63.3 (0) 53

Алексей Викторович ОРЛОВ

младший научный сотрудник Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: mobus@mail.ru

МЕЖДУ ВОЙНОЙ И МИРОМ: ГЕРМАНИЯ, АВСТРО-ВЕНГРИЯ И РОССИЯ НА ПУТИ К СЕПАРАТНОМУ МИРУ (МАРТ — МАЙ 1917 Г.)

В статье рассматривается проблема сепаратного мира между Россией и её противниками в 1917 г. Автор даёт оценку антивоенному аспекту русской революции и тому, как движение за мир отразилось на эволюции внешней политики Временного правительства. В статье рассматриваются возможности выхода России из войны и политика Германии и Австро-Венгрии в направлении сепаратного соглашения с революционной Россией и варианты достижения мира с противоположных точек зрения названных держав. Объясняется также спектр взглядов на достижение мира русских социалистов.

Ключевые слова: война, мир, сепаратный мир, Россия, революция, Германия, социалисты, Временное правительство, Петроградский совет, дипломатия.

Двойственность вопроса о сепаратном мире между Россией и её противниками в годы первой мировой войны заключается в том, что такой мир мог оказать заметное, если даже не решающее влияние на ход политической борьбы внутри самой России. Романовы не могли пойти на сепаратный мир, который, однако, мог бы отсрочить падение династии. Временное правительство не решалось встать на такой путь, так как не представляло своё существование без союзников по Антанте. Наконец, «революция» или «революционная демократия», под которой подразумевались левые социалисты и меньшевики, не желала сепаратного мира, который расценивался как предательство интернациональной революции и признание империализма со стороны пролетариата. Однако именно заключение немедленного, а, значит, сепаратного мира могло, возможно (но только возможно, не более того), преградить переход власти в руки ленинцев-большевиков.

Сама же проблема сепаратного мира, говоря академически, уходит корнями ещё в 1915 год, когда впервые появилась эта опасность — «мир или революция». Она понималась как «мир ради предотвращения революции». Однако не стоит забывать, что почти никто не ставил так вопрос

ни в 1915-м, ни в 1916 году. Отвести угрозу революции оппозиция самодержавию надеялась не путём немедленного мира с Германией, а с помощью давления на царя для уступок и либерализации режима именно в условиях войны и даже используя угрозу революции.

Британский министр финансов Д. Ллойд Джордж в феврале 1915 г. так говорил о России: «Я вообще не знаю, чтобы Россия когда-либо затевала наступательную войну против кого-нибудь из своих европейских соседей. И, во всяком случае, в теперешней войне не она была нападающей стороной. Она хотела мира, нуждалась в мире и жила бы в мире, если бы её оставили в покое. <…> Ни одна нация так не стремилась сохранить мир, как Россия»[1].

Сказанное британцем тогда не могло даже приблизительно подразумевать тех настроений, которые действительно обнаружат себя ровно через два года, но не в России вообще, а среди солдат, крестьян и рабочих. Вспоминая через многие годы те настроения, которые выражали солдаты на фронте, когда он объезжал разные части и разговаривал с офицерами, А. Ф. Керенский напишет: «После трёх с лишним лет жестоких страданий миллионы солдат, предельно уставших от войны, задавались вопросом: “За что мы умираем? Почему мы должны умереть?”»[2].

В сущности неважно, как называем мы теперь тот мир, который известен как Брестский мирный договор — «похабный мир», сепаратный мир, каким он представлялся тогда Антанте и многим в самой России. Ещё важнее, что путь к этому миру не был все лишь произволом чьей-то роковой воли: Ленина, германской агентуры или даже бессознательным стремлением русского народа. Скорее всего, этот мир был той необходимостью, которая двигала не только войну, но и саму революцию в России.

Мир сепаратный и мир до победы

Проблема сепаратного мира уже не раз была отмечена историками. При этом было признано, что сама эта проблема очень многогранна и вовсе не сводится к стремлению лишь одной из воюющих сторон добиться мира. Отмечались как трудность переговоров, так и выбор момента для какого-либо хотя бы предварительного соглашения на этот счёт. Германия и Россия, каждая по-своему, были весьма заинтересова-

---

1 *Ллойд Джорж Д.* Речи, произнесённые во время войны. Минск. 2003. С. 87–88.

2 *Керенский А. Ф.* Русская революция. 1917. М., 2005. С. 182.

ны в прекращении войны друг против друга. Но на пути к миру стояли серьёзные препятствия[3].

Стремление, определённое и последовательно настойчивое к заключению мира и прекращению войны, инициировалось дипломатией Германии. Германия преследовала «задачу мира», признавая её как часть собственной военной политики. Для победы на Западном фронте Германии требовался скорейший и прочный мир на Востоке с Россией. Ещё острее проблема мира стояла перед Австро-Венгрией, которая оказалась перед угрозой межнационального взрыва. Перспективы затяжной войны были равносильны политической катастрофе для Дунайской монархии, неспособной в тех условиях реформироваться. «Славянская угроза» была как раз одним из факторов возникновения мировой войны с точки зрения немецкого и венгерского меньшинства двуединой империи.

Для Берлина и Вены, внимательно следившими за развитием событий в России, необходимо было выяснить, на кого или на что можно сделать ставку в этой стране, чтобы достичь соглашения о мире на Востоке. При этом исключались варианты реставрации Романовых и военного разгрома России. Что же касается настроений русских солдат, то они менялись в отношении Германии и Австро-Венгрии от образа врага до нейтрального, поскольку немецкое поведение не угрожало «завоеваниям революции». Ожидания революции в Германии, однако, не оправдались. Несмотря на это, взаимная заинтересованность в скорейшем мире между тремя державами не уменьшалась, а росла.

«Мирное наступление» Германии, начатое открыто с ноября 1916 г., продолжалось. Немцы вели его всеми способами: через прессу, в окопах в виде листовок для солдат, наконец, финансируя антивоенные настроения среди рабочих и солдат в русском тылу. Активно эта пропаганда мира велась и среди военнопленных России. Солдатам действующей армии русского фронта предлагали добровольно сдаваться в плен, обещая за это не только сохранение жизни и здоровья, но и хорошее отношение. Братания со стороны немецких солдат имели тот же смысл. Наконец, германская пропаганда подчёркивала нежелание воевать с русскими и решимость командования не проводить наступательных

[3] *Дякин В. С.* Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны (1914–1917). Л., 1967. С. 278–288; *Ганелин Р. Ш.* Сторонники сепаратного мира с Германией в царской России // Проблемы истории международных отношений. Л., 1972. С. 151–155; *Васюков В. С.* Внешняя политика России накануне Февральской революции 1916 — февраль 1917 г. М., 1989. С. 253, 256–257, 263–270.

операций против русских, если и они откажутся от наступления против немцев и их союзников-австрийцев. И в ряде случаев эта пропаганда имела успех.

В стане Антанты рассуждали иначе. Отрезвить русскую анархию к миру и полное разложение дисциплины на фронте может только наступление, только военный успех. Как только наступление разовьётся, станет возможным и мир — мир в виде победы и мир в результате победы. Для союзников по Антанте важен был образ врага русской революции, того самого «прусского милитаризма», который деспотично угрожал свободе народов и в том числе русской демократии. Важно было вызвать к жизни русский патриотизм и национальное противостояние «тевтонской опасности». Самым большим разочарованием для союзников было то, что русский народ стремительно терял восприимчивость к национальному достоинству и самолюбию.

Неуловимость мира: мир социалистов и мир империалистический

Парадоксы мира для Первой мировой войны заключались во множестве вариантов, которые были возможны. 1917 год явился началом кульминации в достижении мира. Эти варианты не только обсуждались, но и практически искались. Главным вариантом представлялся итог в виде военного поражения одной из сторон. Однако он был лишь главный, но не единственный.

Другой вариант всё более заявлял о себе таким явлением, как пацифизм. За этим словом крылось стремление народных масс Европы к миру. От войны не просто устали, её бесперспективность и бесплодность становилась всё более очевидной в связи с огромными человеческими жертвами, которые она не только принесла, но и обещала в случае её продолжения. Мир захватов и территориальных компенсаций, мир контрибуций разыгрывался политическим руководством и военными стран Антанты и Центральных держав. Ради этого велась всё более напряжённая пропаганда войны «до победного конца». Она же порождала и пропаганду войны «до последней выдержки».

Кризис такой идеологии правящих групп и буржуазии был вполне очевиден. Национализм разделял Европу, но этот буржуазный национализм сталкивался с другой силой — социализмом и радикальной революционной демократией. Социалисты Германии, Франции, Австрии, России, Италии и нейтральных стран стали за время войны влиятельной

политической силой, за которой стояла демократия рабочих, а в России ещё и крестьянская демократия. Падение самодержавия в России усилило и общее влияние социалистов в Европе. Именно социалистические партии теперь искали мир, влияя на общественное мнение своих стран и вынуждая политиков ещё сильнее скрывать намерения в отношении послевоенного мира. Это влияние выразилось в том, что правительства воюющих стран должны были отказаться от завоевательных целей войны, подразумевая под ними среди прочего территориальный передел Европы.

19 марта 1917 г. германские социал-демократы обратились к датскому министру Стаунингу с посланием, где говорилось: «Просим переслать Чхеидзе следующую телеграмму: “Русские социалисты в Копенгагене переслали нам мирное предложение, в котором выражается надежда, что всякое вмешательство в дальнейшее развитие русской революции встретит сопротивление с их стороны. Германские социалисты вполне солидарны с этим выступлением, которое подтвердили в прениях, происходивших в последние дни в Рейхстаге. Другие партии, равно как и имперское правительство, самым энергичным образом высказались в Рейхстаге против вмешательства во внутренние дела России. Германская социал-демократия одновременно с этим приветствует русский пролетариат с достигнутыми им успехами на пути к политической свободе и горячо желает, чтобы политические успехи русского народа оказали содействие скорому восстановлению всеобщего мира, за что германская социал-демократия ведёт борьбу с самого начала войны”»[4]. 19 апреля расширенный комитет СДПГ принял резолюцию, составленную Шейдеманом. Немецкие социалисты приняли формулировку Петросовета о мире без аннексий и контрибуций. «Мы горячо приветствуем победу русской революции. Революция пробудила стремление к миру во всём мире. Мы выражаем согласие с решением Совета рабочих и солдатских депутатов проложить путь к всеобщему миру без аннексий и контрибуций на основе самоопределения народов»[5].

20 марта газета «Арбайтер цайтунг» передавала речь лидера австрийских социал-демократов Виктора Адлера в партийном собрании в Вене. Адлер заявил: «Мы сражались против царизма. По отношению же к народам России, которая перестала быть угрозою для Европы, мы чувствуем свою солидарность. Наступил момент заключить мир. Русский пролетариат является нашим лучшим союзником»[6]. Венгерский парламент высказался за мир с Россией и приветствовал русскую революцию, отказавшуюся от захватнических лозунгов царизма.

[4] Петроградский листок. 1917. 21 марта.

[5] *Земан З., Шарлау У.* Кредит на революцию. М., 2007. С. 245.

Русский фактор и интернационализм революции

Февральская революция 1917 года в корне меняла не только внутреннюю борьбу в России и расстановку политических сил, но и очень быстро отразилась во внешней политике. Рухнула империя, была дискредитирована монархическая идея и собственно самодержавие. Политическое и общественное развитие России с самого начала революции стало величиной со знаком вопроса. Загадочная и в то же время очевидная русская революция ставила под сомнение всю логичность и направление «мировой борьбы» на востоке Европы, если подразумевать под ним германо-австро-русскую военную и идейно-политическую борьбу. В тех условиях напряжённой и всё ожесточавшейся войны иностранные наблюдатели не были отстранёнными наблюдателями. От России зависел не просто ход войны, но и вероятный исход её. «Русский фактор» был по-прежнему велик и внушителен. Между тем вопрос о мире в самой России стремительно перерастал в раздел острой социальной борьбы, где политика и психология сталкивались в идеологии, усиливая опасность гражданской войны. В стране вызревал раскол по вопросу не столько собственно внешней политики, сколько раскол социально-партийный, ещё более опасный и «принципиальный», чем вопрос о необходимости продолжения войны или поиска мира.

За Россию развернулась дипломатическая борьба разных сторон, Антанты и Центральных держав — Германии и Австро-Венгрии. Союзники России ратовали за продолжение войны, Центральные державы — за скорейший сепаратный мир и прекращение войны. При этом и та, и другая стороны пытались воздействовать на различные круги и массы населения России. Объектом их воздействия и дискуссий стали в первую очередь народные массы России, солдаты и крестьяне, а также рабочие, за настроения которых и развернулась самая широкая пропагандистская борьба.

Одним из важнейших моментов в борьбе за мир стал апрельский кризис, ставший реакцией на так называемую ноту Милюкова. «По существу, — вспоминал один из лидеров Петросовета И. Г. Церетели, —

[6] Петроградская газета. 1917. 22 марта.

это были демонстрации за мир, мир во что бы то ни стало». Церетели признаёт, что в эти дни, 21–22 апреля 1917 г., влияние большевиков и В. И. Ленина на события было ещё весьма невелико. Солдатское движение носило стихийный протестный характер. Оно возникло спонтанно и не было результатом целенаправленной агитации за мир. «Солдаты, конечно, жаждали немедленного мира, и их озлобление против Милюкова объяснялось не “интернационализмом” <под ним автор имеет ввиду собственно большевиков сторонников Ленина — А. О.>, а тем, что он противился политике приближения мира»[7].

Не менее выразительно свидетельство самого П. Н. Милюкова за более чем месяц до событий, связанных с его нотой. Посол Франции в Петрограде М. Палеолог выразил Милюкову своё недовольство текстом воззвании Временного правительства от 6 марта 1917 г. «7 (20) марта Палеолог прибежал ко мне и набросился на меня с “негодованием” и жестокими укорами. “Германия вовсе не названа <в воззвании>! Ни малейшего намёка на прусский милитаризм! Ни малейшей ссылки на наши цели войны!”. Я не мог ответить Палеологу, что приведённые фразы были максимумом, какого я добился от правительства, которое не хотело вовсе упоминать о войне в своём манифесте. Я ответил только, что он предназначается для внутреннего употребления»[8].

Милюков не объясняет, по каким причинам и кто в правительстве не хотел «вовсе упоминать о войне». Но если это так, то стремление даже «не упоминать» о войне говорит о главном: солдаты ждали от революции мира. И, видимо, цена этого мира равнялась только терпению продолжать войну, но опять же ради мира, а не ради новых побед. Солдатские настроения оказывали давление не только на лидеров Петросовета, но и на Временное правительство, в котором в марте — апреле был лишь единственный социалист — А. Ф. Керенский. Именно Керенский более всего и протестовал против внешней политики кадетского состава. Но дело было далеко не в личности Керенского. «Естественно, возникал вопрос, — продолжает Милюков, — может ли Россия вообще продолжать войну. А если не может, то может ли она вообще продолжать прежнюю политику? Оба вопроса, военный и дипломатический, тесно связывались вместе. Но так обнажено они никогда

[7] *Церетели И. Г.* Кризис власти. Воспоминания лидера меньшевиков, депутата II Государственной думы. 1917–1918. М., 2007. С. 29.

[8] *Милюков П. Н.* Воспоминания. М., 1990. Том 2. С. 299.

не ставились. Поставить их так — значило бы выйти из войны посредством сепаратного мира»[9].

Другой лидер социалистов, В. М. Чернов, видел выход из войны единственным путём демократического мира, т. е. мира без побеждённых и победителей. При этом Чернов исходил не из формулировки мира «без аннексий и контрибуций» меньшевиков, формулировки антиимпериалистической. Чернов имел в виду именно отказ от перекройки границ в Европе в отношении «побеждённых» Германии и Австро-Венгрии. По Чернову получалось, что война могла окончиться без поражения немцев и австрийцев, а в результате крушения самих империй Габсбургов и Гогенцоллернов, но без вмешательства в их дела стран Антанты. «Центральный орган крупнейшей русской политической партии социалистов-революционеров “Дело народа”, — писал Чернов, вспоминая о себе самом, — опубликовал статью Чернова, призывавшую к немедленному и радикальному изменению внешней политики России за счёт максимального сближения с Соединёнными Штатами, основанного на сходстве целей. Эта идея вызвала отклик даже у профессиональных дипломатов старой школы. Бывший посол в Вашингтоне барон Розен лично явился в штаб-квартиру эсеров, чтобы выразить Чернову свою поддержку»[10]. Но демократический мир не был бы сепаратным миром, а только «сепаратной войной» России с Германией и Австро-Венгрией. Эту войну Чернов, не объясняя её сценарий, видел как войну во имя революционной демократии народов. Логически она могла закончиться только свержением военно-монархических режимов в Берлине и Вене.

Сепаратный мир с немцами в марте 1917 г. был ещё совершенно немыслим. Керенский так отреагировал на речь-призыв германского социал-демократа Давида в рейхстаге: «Прежде всего является вопрос, какие надежды возлагает на меня и на Н. С. Чхеидзе депутат Давид. Если он полагает, что мы будем способствовать заключению сепаратного мира, то он жестоко разочаруется. Если же он возлагает надежды на то, что германский народ последует нашему примеру и свергнет своего государя, то такую надежду мы можем только горячо приветствовать, ибо это, конечно, в большей степени развяжет руки и создаст возможность вступить в какие-нибудь переговоры. Я уверен, что народы, ведущие нынешнюю беспримерную войну, скорее сговорятся и достигнут общеудовлет-

[9] Там же. С. 291.

[10] *Чернов В. М.* Великая русская революция. Воспоминания председателя Учредительного собрания. 1905–1920. М., 2007. С. 275.

ворительных результатов, чем цари, затеявшие эту жестокую бойню»[11]. Почему? Потому что германские социал-демократы поддерживали своё империалистическое правительство, потому что они отказывались поднять свой голос против Вильгельма II и собственной военщины.

Германская и австрийская дипломатия продолжают «мирное наступление». Мир через окопы

Формула мира, предлагаемая дипломатией Германии и Австро-Венгрии, сводилась к так называемому «почётному миру», адресованному России. Этот мир, по сути, был военным миром. Он включал в себя скорейшее прекращение военных действий, перемирие и переговоры о заключении окончательного мира. Однако условия этого мира диктовались Центральными державами, а не встречными условиями сторон. Для России предлагался мир, в котором территориальные завоевания немецко-австрийских армий утверждались бы согласием России. В этом случае немецкая сторона не предъявляла бы российской таких условий, которые были несовместимы с её политическим достоинством: например, территориальных требований или одностороннего разоружения, требования военной контрибуции и прочего. При этом Россия должна была прекратить союзные отношения с Антантой и, естественно, не помогать ей в войне с немецкими державами. Германия и Австро-Венгрия подтверждали, что не будут вмешиваться во внутренние дела России и уважают «выбор русского народа». Выступая в рейхстаге 16 марта 1917 г. канцлер Бетман-Гольвег официально заявил: «Русский народ, который несомненно не желал этой войны, может не тревожиться относительно нашего намерения вмешаться в его дела. Мы не хотим ничего другого, как возможности скорейшего заключения мира с этим народом (возгласы одобрения) и восстановления мира на основах, одинаково почётных для всех сторон». Канцлер говорил о традиционной дружбе Германии и России, даже дружбе народов. Войну между ними он объяснял тем, что Николай II подпал под влияние Антанты, нарушив тем самым дружбу династий Гогенцоллернов и Романовых[12].

Милюков отреагировал на выступление Бетмана 22 марта таким комментарием столичной прессе: «Заявления Бетмана на этот раз поражают

[11] Петроградская газета. 1917. 25 марта.

[12] Биржевые ведомости. 1917. 18 (31) марта; Армейский вестник (издаваемый при штабе главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта). 1917. 19 марта.

своим легкомыслием и лживостью. Можно ли в самом деле серьёзно говорить о том, что царь “стал подпадать под влияние держав согласия?” Ведь это противоречит общеизвестным историческим фактам. Дружба России с Германией продолжалась вплоть до 1891 г. <…> Не мы отошли от Германии, а Германия сознательно отошла от нас. <…> Сама Германия толкала нас своей безумной жаждой превосходства и господства в объятия Франции и Англии. Что же касается дружбы царя с Вильгельмом, то она, вопреки утверждениям Бетмана-Гольвега, носила исключительно династический характер. <…> Уже и во время войны кн. Элленбург делал попытки возобновить эту династическую дружбу. Кто поэтому поверит, что император Вильгельм был чужд вожделениям русской реакции? Если рейхсканцлер решил отрицать неотрицаемое, то со скрытой целью овладеть симпатиями русских крайне левых элементов. Надо надеяться, что эта попытка ему не удастся»[13]. Милюков тем самым пытался свести выступление Бетмана к полемике с ним и опровергнуть уверения канцлера в дружеском отношении в Германии к революции в России.

Керенский вспоминал, как германский генеральный штаб вёл собственную политику мира, действуя прямо на русских солдат: «Демократические настроения и пополнение русской армии в первые недели революции произвели на германский Генеральный штаб сильное впечатление. Поэтому мы увидели, как он меняет стратегию на нашем фронте, причём просто с гениальной прозорливостью и быстротой. Вместо того, чтобы нацелить на Россию огонь батарей, дула пушек, он забросал её прокламациями, пропитанными гораздо более смертельным ядом, чем самые сильные отравляющие газы. Русская революция хочет мира? Тогда чего ждёт? Зачем хочет свергнуть Вильгельма, когда совсем рядом его императорское высочество принц Рупрехт Баварский собственной персоной, главнокомандующий Восточным фронтом? Он только и мечтает прийти на помощь переодетым в солдат русским рабочим и крестьянам, угнетаемым англо-французскими и собственными капиталистами, русским пролетариям, смести ненавистных международных банкиров, заложить прочные основы рабочей власти в России, заключить вечный мир между ней и Германией. Таков был подлинный смысл распространявшихся в русской армии германских прокламаций. Обращённые к русским войскам призывы его высочества служили далеко не единственным подтверждением обещания немцев не обстреливать больше русские позиции. Германская империя с дьявольским упорством продолжала играть

[13] Биржевые ведомости. 1917. 23 марта (5 апреля).

на примитивной наивности русских солдат. То тут, то там из германских окопов вылезали “мирные делегации”, направлялись к русским линиям, размахивая белым флагом. Их рассеивали артиллерийским огнём, что вызывало огромное недовольство в солдатских окопах; в новых немецких листовках выражалось добродетельное возмущение русскими генералами, которые остаются глухими к мольбам заключить мир с Германией. Наконец генерал Драгомиров отдал приказ, запрещающий допускать приближение подобных делегаций».

Однако подобная работа немцев дала верные плоды. «Заручившись могучим союзником в борьбе за “мир любой ценой”, — продолжает Керенский, — солдаты всё сильнее противились всяким попыткам командования побудить их к действиям. Русский фронт бездействовал. В наших окопах, растянувшихся на сотни километров, стояла мёртвая тишина. Русские солдаты встречались с немцами, всё чаще братались в ходе нескончаемых митингов. Уделяя этому всё время, они не желали даже чистить оружие»[14]. Сам Людендорф признавал чисто военный успех этой межокопной дипломатии: «Целесообразно было средствами пропаганды распространять в русской военной среде идею заключения мира с Германией»[15]. Воистину — «вода камень точит».

18 марта в австрийском официозе «Фремденблатт» было помещено интервью с министром иностранных дел графом О. Черниным по поводу настоящего политического положения. Заявление Чернина как раз предшествовало вступлению в войну на стороне Антанты США. В беседе министр заявил, что в созыве мирной конференции, составленной из представителей всех воюющих держав, он видит единственный способ прекратить войну. Созыв же конференции, по мнению министра, ничего не изменил бы в положении народов, желающих продолжать войну, так как борьба может продолжаться и во время конференции. На вопрос о том, может ли он сообщить, в общих чертах, условия возможного мира, министр заявил: «Условия эти уже были сообщены. Мы подчиняемся необходимости вести навязанную нам оборонительную войну, так как целью её является обеспечение свободного, ничем не стесняемого развития монархии. Нам должна быть гарантирована неприкосновенность наших территорий и обеспечена возможность дальнейшего существования. Противники же наши должны отказаться от несбыточных мечтаний

[14] *Керенский А. Ф.* Указ. соч. С. 162–163.

[15] *Людендорф Э.* Мои воспоминания о войне. Первая мировая война в записках германского полководца. 1914–1918. М., 2007. С. 189.

нас сокрушить. <…> Наши фронты прочные <…> Мы можем выдержать до конца и мы выдержим»[16].

Граф Чернин отличался в руководстве Австро-Венгрии глубоким пониманием той опасности, которую таит дальнейшее промедление в заключении мира. Он не утешал себя надеждами, что с революцией в России перелом в войне на Западе может наступить в пользу Центральных держав. Положение Австро-Венгрии только ухудшалось, и никакие победы Германии не могли изменить необходимости мира для Дунайской монархии. Чернин выступал против аннексий и контрибуций, к которым склонялось германское руководство во главе с Людендорфом[17].

Заявление Чернина было весьма близко, хотя и не идеально для ожиданий умеренных социалистов России, особенно эсеров во главе с Черновым. Оно было приемлемо, хотя и с оговорками, и для меньшевиков. Предложение Чернина вызвало беспокойство в Берлине и осуждение в пангерманских кругах и среди консерваторов Германии. Но в России было немало лиц, считавших международную конференцию необходимым и назревшим шагом к возможности достижения мира. Правда, в отличие от предложения Чернина для большинства русских социалистов, то есть эсеров и меньшевиков, речь могла идти о «мире социалистов». «Керенский говорил о своих надеждах на то, что русские социалисты окажут влияние на германских социал-демократов, утверждая при этом, что Россия ввела в войну новую силу, которая, воздействуя на внутреннюю ситуацию в Германии, может привести к устойчивому миру, — записал посол Англии в Петрограде Дж. Бьюкенен. — Однако он признал, что если эти надежды окажутся ложными, мы должны сражаться до тех пор, пока Германия не покорится воле Европы»[18].

Параллельные Германии действия австрийской дипломатии пугали итальянских союзников. В конце марта посол Карлотти сооб-

[16] Биржевые ведомости. 1917. 21 марта (3 апреля); о выступлении Бетман-Гольвега в рейхстаге 29 марта 1917 г. и меморандуме графа О. Чернина от 12 апреля с приветствием декларации Временного правительства от 27 марта и предложением начать переговоры о мирном соглашении с Россией (интервью газете «Фремденблатт») см.: *Игнатьев А. В.* Внешняя политика Временного правительства. М., 1974. С. 133–134; о неофициальном зондаже относительно возможности мира и условий соглашения о перемирии между Россией и Германией в апреле 1917 г. см.: *Игнатьев А. В.* Указ. соч. С. 193–196.

[17] *Самойло А. А.* Две жизни. М., 1958. С. 123, 193.

[18] *Бьюкенен Дж.* Моя миссия в России. Воспоминания английского дипломата 1910–1918. М., 2006. С. 283.

щал из Петрограда, что интервью министра иностранных дел Австро-Венгрии О. Чернина в «Фремденблатт» о возможности для России немедленного мира, наряду с выступлением Бетмана в Рейхстаге, произвели «большое впечатление на радикальные элементы в Совете» и что русские солдаты и рабочие «в сущности против продолжения войны». «Опасность тем более велика, что нет ни малейшей возможности рассчитывать на Временное правительство, авторитет которого в Петрограде чрезвычайно мал по сравнению с авторитетом Совета рабочих и солдат» и которое «может быть свергнуто»[19].

Германия была весьма заинтересована в той «анархии», которая всё больше охватывала не только тыл, но и русский фронт. Русской революции в Берлине не боялись. Нарастающий в стране хаос, наряду с ожиданием реформ, земельной, в первую очередь, приближал Россию к необходимости мира, мира сепаратного, поскольку иного не предвиделось. «Зачем мне земля, если меня убьют?» — спрашивал Керенского фронтовик-солдат. Этот вопрос оставался без ответа.

Ленин, Антанта и настроения в пользу мира

Известно, что «партией мира» в России были большевики. Однако они были в политическом меньшинстве и уступали влиянию других социалистических партий — эсеров и меньшевиков. После падения Романовых в политической структуре России произошли разительные перемены. Право-монархические партии потеряли поддержку, прежде исходившую от правительства и царя. Так называемый Прогрессивный блок в Государственной Думе, который составляли оппозиционные партии, перестал существовать. Его громкие лидеры теперь, когда внезапно исчез царизм, с которым они боролись, оказались перед совершенно новым фактом — революцией, которую они и сами желали избежать. Оказалось, что у революции «много родителей», но нет ни одного действительного вождя. Временное правительство первого состава имело ярко кадетское большинство, но ему сразу явился противовес в лице Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Временное правительство заявляло о войне для победы и только в единстве с союзниками по Антанте. Петроградский Совет требовал заключения скорейшего мира, хотя его лидеры, меньшевики и эсеры, и заявляли о недопустимости сепаратного мира. Общее стремление масс к миру, будет ли он

[19] *Кирова К. Э.* Русская революция и Италия. Март — октябрь 1917 г. М., 1968. С. 58–59.

сепаратным или под эгидой Антанты, однако, только возрастало и становилось всё более политизированным во внутренней борьбе. Уже 18 марта русский поверенный в делах в Лондоне К. Д. Набоков сообщил, что британский министр иностранных дел Бальфур очень встревожен известиями «об опасности возобладания крайних элементов, высказывающихся за окончание войны»[20].

Почему же приезд Ленина в начале апреля 1917 г. вызвал большое беспокойство как в русской буржуазной печати и социалистических кругах, так и среди союзных послов? Ведь тогда ещё всеми признавалось слабое влияние большевизма на события, и «работа» большевиков не давала подтверждений в пользу их возрастающего влияния. Ответ был, на мой взгляд, в другом. Ленин не был встречен солдатами как изменник и агент германской мирной пропаганды. Его апрельские тезисы, среди которых звучал и призыв к прекращению войны, вызывали опасения, что внутренняя анархия в России получит новый импульс. Критика Лениным и Временного правительства и Петросовета за его соглашательство в вопросе о продолжении войны грозили ещё большим расколом в тылу и дезорганизацией фронта. Влияние большевиков среди рабочих не вызывало сомнений, а в лице солдат большевики постепенно могли получить и авторитет именно своей антивоенной пропагандой. С прибытием Ленина в Россию пропаганда мира получала лидера, не искавшего компромиссов и готового продолжать борьбу в новых, более благоприятных для него, практически легальных условиях.

Как союзник Россия теряла своё значение для Антанты, но ещё опаснее было то, что в стране после революции развивалась гражданская война, пока в Петрограде, но именно здесь в столице и решалась судьба России. Посол Англии в Петрограде Дж. Бьюкенен подолгу беседовал с представителями Временного правительства и выносил самые противоречивые впечатления из разговоров с П. Н. Милюковым, А. Ф. Керенским и М. И. Терещенко. 21 мая 1917 г. он писал в Форин офис: «Сегодня российский солдат не понимает, за что или за кого он сражается. Раньше он готов был положить жизнь за царя, который в его глазах олицетворял Россию, а теперь, когда царя не стало, Россия для него не значит ничего, кроме его родной деревни»[21]. Этим впечатлением с послом делился Керенский перед своим отъездом на фронт.

[20] *Виноградов К. Б.* Дэвид Ллойд Джордж. М., 1970. С. 233.

[21] *Бьюкенен Дж.* Указ. соч. С. 295.

Ленин в выступлении 17 апреля в Петросовете отверг намерение, приписываемое ему прессой, заключить сепаратный мир с Германией. «Переходя к вопросу о войне, Ленин заявляет: “Утверждают, что я сторонник сепаратного мира. Заявляю, что это клевета. Я говорю только, что война, затеянная капиталистами всего мира и Николаем Романовым, ведётся нашим правительством, также состоящим сплошь из капиталистов. Рабочему классу война не нужна. Почему не опубликовываются тайные документы и дипломатические документы капиталистических правительств? А мне известно, что в этих документах находится план разделения Китая между Францией, Англией и Россией”»[22].

Бьюкенен с тоской отмечал рост социалистической агитации в армии, падение дисциплины и ненависть солдат к офицерам, отказ выполнять приказы и откровенное нежелание солдат выходить из окопов для наступления. Пассивность русской армии становилась непреодолимым фактором. Росло дезертирство. Вступление в войну США не могло заменить значения России. Посол Франции М. Палеолог записал 9 апреля: «Я настраиваю, как могу, Милюкова, указывая ему на то, что требования Совета равносильны отпадению России и что если бы дали этому произойти, это было бы вечным позором для русского народа. “У вас есть, — говорю я, — более десяти миллионов человек под ружьём; вы пользуетесь поддержкой восьми союзников, из которых большинство пострадало гораздо больше, чем вы, но более чем когда-либо полны решимости бороться до полной победы. К вам прибывает девятый союзник и какой? Америка! Эта ужасная война была начата за славянское дело. Франция полетела вам на помощь, ни на миг не торгуясь из-за своей поддержки… И вы первые оставите борьбу!”»[23]. По убеждению послов Антанты, России требовалась военная диктатура. «Я сказал ему, — пишет Бьюкенен 30 апреля о своём разговоре с Милюковым, — что правительству пора действовать, и что Россия никогда не выиграет войну, если Ленину будет позволено подстрекать солдат к дезертирству, захватам земли и убийствам»[24].

Англия играла монопольную роль в доставке в Россию необходимых фронту вооружений для наступления. «В нескольких местах на фронте немецкие солдаты братаются с русскими и стараются довершить работу, начатую социалистами, призывая их убивать офицеров. Но каким бы тревожным ни было состояние армии, мы <т. е. союзники, Англия и Франция — А. О.> не можем предпринять коллективное выступление или угрожать прекратить все военные поставки, если не будет немедленно прекращена подрывная пропаганда. Этим мы только сыграем на руку социалистам, которые станут утверждать, что союзники оставили Россию без боеприпасов и теперь нет другого выбора, кроме как заключить мир»[25].

Февральская революция в большой степени выражала ожидания мира среди солдат и крестьян. Эти настроения ни в коем случае не были только следствием падения царя и смены власти. Напротив, они зрели, по крайней мере, с мая 1915 г. Теперь же, в марте 1917-го, эти настроения вырвались наружу почти открыто, а во многих случаях стали звучать прямо на митингах и в разговорах. В этом смысле германо-австрийская пропаганда мира падала на благодатную почву и всё больше обезоруживала сторонников продолжения войны вообще, не говоря о тех, кто пропагандировал войну до победы и верность обязательствам, данным царём в адрес Франции и Англии. Но была ли германская и австрийская пропаганда лишь отголоском настроений масс в России в пользу мира? На мой взгляд, она велась достаточно систематически и целенаправленно. Можно говорить о том, что германский генеральный штаб старался способствовать усилению этих настроений и большое значение придавал работе, направленной к этой цели. Однако в Германии понимали, что многое будет зависеть от успеха наступления русских армий или, наоборот, военных неудач России. Ни немцы, ни австрийцы не могли предвидеть, как далеко зайдёт разложение русской армии и насколько, наконец, боеспособность её упадёт до невозможности даже держать оборону фронта. Очевидно было только то, что солдаты всё чаще отказывались выполнять свой долг, идти в наступление, в то время как в тылу настроения в пользу мира всё же росли.

Буржуазная пресса России представляла образованные слои населения и наиболее состоятельную городскую его часть, в то время как огромная масса солдат и рабочих была полуграмотной, а то и совсем неграмотной. Когда историки изучают прессу, они сталкиваются с тем, что массовые газеты «для низов» полны лозунгов и призывов, в то время как «культурная» пресса пытается анализировать обстановку и очень скептически воспринимает политику популизма левых органов.

Кадеты, по существу, единственная «буржуазная» партия, пытались сопротивляться социал-радикалам — эсерам и социал-демократам.

---

[22] Петроградский листок. 1917. 18 апреля (1 мая).

[23] *Палеолог М.* Царская Россия накануне революции. М., 1991. С. 421.

[24] *Бьюкенен Дж.* Указ. соч. С. 288–289.

[25] Там же. С. 286–287.

Но позиции так называемых соглашателей, понимая под ними готовых на компромисс представителей разных течений, были очень непрочны. Кадетский вариант означал безусловное продолжение войны, отвергал всякую возможность мирных переговоров с Германией и её союзниками без участия в них союзников Антанты. Мир эсеров и социал-демократов хотя и не предполагал сепаратных переговоров и сепаратного же мира, но допускал «мир народов», т. е. мир, заключённый при активном участии левых партий, иначе говоря, мир, заключённый под влиянием социалистов. Если кадеты расценивали сепаратный мир как предательство национальных интересов России и как бесчестное дело по отношению к союзникам, то эсеры и меньшевики считали сепаратный мир недопустимым по другой причине. Войну с Германией они изображали как войну с деспотизмом и военщиной, антидемократическими по своей сути. Русская революция, согласно таким рассуждениям левых, оставалась под угрозой со стороны германской военной монархии. Но были и чисто патриотические мотивы: угроза России в том, что Вильгельм II не будет повержен, а, значит, и в России не исключена возможность реставрации монархических порядков; необходимость защиты Отечества, правда, революционного Отечества.

Большевики же, «ленинцы», как их тогда называли, находились в полной изоляции со стороны других партий в России, так как выдвигали самую непримиримую и вообще сверхрадикальную программу. Сепаратный с Германией, или мир «любой ценой» приписывался именно большевикам и Ленину, которых называли германскими агентами в России. «На большевиках» можно было делать и собственную политику, где любой оппонент Ленину выглядел и патриотом, и нравственно здоровым политиком, тем более — «русским человеком».

Заключение

Путь России к сепаратному миру с Германией и Австро-Венгрией прошёл несколько ступеней.

Первая — февральская революция и падение Романовых; вопрос о войне «повис в воздухе». Солдаты и крестьяне ожидали мира как результата падения старого режима. Революционное оборончество стало первым сигналом на пути к миру.

Вторая — развитие двоевластия с первых же дней и недель революции. Воззвание Петросовета от 14 марта 1917 г. к свержению Вильгельма II и империалистов Германии и Австро-Венгрии для прекращения чуждой

немецкому и австрийскому пролетариату войны. Известным результатом двоевластия стала и декларация Временного правительства от 27 марта 1917 г. о целях войны, принятая под влиянием лидеров Петросовета. Германия и Австро-Венгрия реагировали на декларацию, заявив о приемлемости её для начала переговоров о мире с Россией. России был предложен «почётный мир».

Третья — кризис вокруг ноты Милюкова 20 апреля 1917 г., кризис внешней политики кадетов и курса Милюкова на продолжение войны и сохранение верности обязательствам России перед Антантой.

Четвёртая — развёртывание политической дискуссии о целях войны, отказ от завоевательной политики (лозунг «мира без аннексий и контрибуций», выдвинутый Петросоветом). Май 1917 г.

Пятая — отказ от наступления (наступательных операций) на фронте. Провал июльского наступления войск Юго-Западного фронта. Деморализация и разложение русской армии.

Теперь, когда история после 1917 г. уже давно оценена и известна, можно говорить и о том, насколько попытки Антанты или Германии были результативны. Для Германии Брестский мир был огромным успехом и итогом тайных и явных усилий её военной дипломатии и пропаганды. Для стран Антанты Россия и «русские» были напрочь потеряны. Все стремления продлить участие России в мировой войне, поддержать боевой дух, дисциплину и политические настроения в русской армии оказались совершенно неудачными. Прежние враги, готовые к немедленному миру, переставали быть для русских крестьян той опасностью и злом, против которого надо было жертвовать собой и воевать «до победного конца». Смысл войны и её прежние цели не казались более убедительными для большинства солдат и многих низших офицеров. Жажда мира не была преувеличением, а всего лишь долгожданным и почти фатальным фактом.

Последним ожиданием для народных масс России стала надежда на социалистическую международную конференцию в Стокгольме. Но эти ожидания оказались несостоятельными. Провал корниловского выступления усилил влияние большевиков.

Список литературы

Бьюкенен Дж. Моя миссия в России. Воспоминания английского дипломата 1910–1918. М., 2006.

Васюков В. С. Внешняя политика России накануне Февральской революции 1916 — февраль 1917 г. М., 1989.

Виноградов К. Б. Дэвид Ллойд Джорж. М., 1970.

Ганелин Р. Ш. Сторонники сепаратного мира с Германией в царской России // Проблемы истории международных отношений. Л., 1972.
Дякин В. С. Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны (1914–1917). Л., 1967.
Земан З., Шарлау У. Кредит на революцию. М., 2007.
Игнатьев А. В. Внешняя политика Временного правительства. М., 1974.
Керенский А. Ф. Русская революция. 1917. М., 2005.
Кирова К. Э. Русская революция и Италия. Март — октябрь 1917 г. М., 1968.
Ллойд Джордж Д. Речи, произнесённые во время войны. Минск. 2003.
Людендорф Э. Мои воспоминания о войне. Первая мировая война в записках германского полководца. 1914–1918. М., 2007.
Милюков П. Н. Воспоминания. М., 1990. Том 2.
Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М., 1991.
Самойло А. А. Две жизни. М., 1958.
Церетели И. Г. Кризис власти. Воспоминания лидера меньшевиков, депутата II Государственной думы. 1917–1918. М., 2007.
Чернов В. М. Великая русская революция. Воспоминания председателя Учредительного собрания. 1905–1920. М., 2007.

Aleksei Viktorovich ORLOV

Junior Research Fellow, Military Historical Museum of Artillery, Engineers and Signal Corps (St. Petersburg, Russia)

E-mail: mobus@mail.ru

Between war and peace: Germany, Autria-Hungary and Russia on their way towards separate peace. March-May 1917

The article of A. V. Orlov considers the problem of separate peace between Russia and its adversaries in 1917. The author reviews the anti-war aspect of the revolution and the way the peace movement has affected the evolution of external policy of the Russian Provisional Government. The article also evaluates the opportunities for Russia had to get out of the war as well as German and Austria-Hungarian policies of making separate arrangements with Russia. The author takes a look at some options of coming to a settlement from the perspectives of the above said countries.

Keywords: war, peace, separate peace, Russia, revolution, Germany, socialists, Russian Provisional Government, Petrograd Soviet, diplomacy.

References

Biukenen D., *Moya missiya v Rossii. Vospominaniya anglii skogo diplomata 1910–1918* [Buchanan, *My mission in Russia. Memoirs of an English diplomat 1910–1918*], Moscow 2006.
Chernov V. M., *Velikaya russkaya revolutsia. Vospominaniya predsedatelya uchreditelnogo sobraniya [The Great Russian Revolution. Memoirs of the Chairman of the Constituent Assembly]. 1905–1920,* Moscow 2007.
Dyakin V. S., *Russkaya burzuazia i zarizm v gody pervoy mirovoy voiny (1914–1917) [The Russian bourgeoisie and tsarism during the First World War (1914–1917)]*, Leningrad 1967.
Ganelin R. S., *Storonniki separatnogo mira s Germaniey v tsarskoy Rossii [Supporters of a separate peace with Germany in tsarist Russia]*, in: Problemy istorii mezdunarodnyh otnoshenii, Leningrad 1972.
Ignatyev A. V., *Vneshnya politika Vremennogo pravitelstva [The foreign policy of the Provisional Government]*, Moscow 1974.
Kerensky A. F., *Russkaya revolutsia. 1917 [Russian revolutin. 1917]*, Moscow 2005.
Kirova K. E., *Russkaya revolutsia i Italia. Mart-oktyabr 1917 [The Russian Revolution and Italy. March-October 1917]*, Moscow 1968.
Lloyd G. D., *Rechi, proiznesennye vo vremya voiny [Speeches spoken during the war]*, Minsk 2003.
Ludendorf E., *Moi vospominaniya o voine. Pervaya mirovaya voina v zapiskah germanskogo polkovodza [My memories of the war. The First World War in the notes of the German commander] 1914–1918*, Moscow 2007.
Milukov P. N., *Vospominaniya [Memories]*, vol. 2, Moscow 1990.
Paleolog M., *Tsarskaya Rossiya nakanune revolutsii [Tsarist Russia on the Eve of the Revolution]*, Moscow 1991.
Samoylo A. A., *Dve zhizni [Two lifes]*, Moscow 1958.
TseritelyiI. G., *Krizis vlasti. Vospominaniya lidera menshevikov, deputata Gosudarstvennoy dumy [Memoirs of the leader of the Mensheviks, a deputy of the State Duma]* 1917–1918, Moscow 2007.
Vasukov V. S., *Vneshnya politika Rossii nakanune Fevralskoi revoluziy 1916 — fevral 1917 g. [The foreign policy of Russia on the eve of the February Revolution of 1916 — February 1917]*, Moscow 1989.
Vinogradov K. B., *David Lloyd George*, Moscow 1970.
Zeman Z., Sharlau U., *Kredit na revolutsiyu [Loan for the Revolution]*, Moscow 2007.

УДК 94 (47).084
ББК 63.3 (2) 524
Вим КУДЕНИС
професссор, Лёвенский католический университет (Лёвен, Бельгия)
E-mail: wim.coudenys@kuleuven.be

ВОЕННЫЙ АГЕНТ В БЕЛЬГИИ А. К. ПРЕЖБЯНО В 1917 ГОДУ

Статья посвящена русскому военному агенту в Бельгии А. К. Прежбяно, занявшему этот пост в сентябре 1914 г., и демонстрирует его сложную биографию на фоне событий Первой мировой войны и революции в России. Деятельность военного агента зримо подчеркивает последовательное развитие ситуации на фронтах Первой мировой и взаимодействие военных агентов и дипломатов со своим петроградским начальством в период перемены власти и политических пертурбаций.
Ключевые слова: Первая мировая война, Бельгия, А. К. Прежбяно, военный агент, революция, Западный фронт, Восточный фронт, большевики, русская военная миссия в Бельгии.

В сентябре 1914 г., через месяц после начала Первой мировой войны, российский Генеральный штаб направил в качестве военного агента в Бельгию молодого штабс-ротмистра Андрея Константиновича Прежбяно (1886–1963). Многого от него не ожидали. Будучи сыном генерала К. П. Прежбяно и внуком генерала П. Д. Киселева, при Николае I занимавшего пост министра государственных имуществ, он мог бы похвастаться превосходным воспитанием (Пажеский корпус) и связями (был дружен с А. А. Игнатьевым, военным атташе России в Париже), но прежние поручения в Швеции и Швейцарии выполнил без особого успеха.

Назначение в Бельгию на бумаге выглядело престижным (именно нападение Германии на нейтральную Бельгию повлекло за собой войну), но в действительности его задвинули в штаб немногочисленной и незначительной армии, которую союзники — Франция, Великобритания и Россия — всерьез не принимали. Прежбяно в одиночку представлял там Российскую империю. В течение четырех лет он пытался выполнять свое задание надлежащим образом, постоянно — и непрошено — проявляя инициативу. Так, он стал ответственным за отправку бельгийского и британского экспедиционных корпусов на Восточный фронт, а также сыграл скромную роль во время переговоров между Францией и Россией об отправке русских войск на Западный фронт. Однако большую часть своего времени он тратил, ублажая как своих бельгийских

хозяев, так и русское начальство: он пытался информировать их о положении на фронтах (зачастую — по газетным сообщениям) и отмечался при множестве русских миссий, проходивших через бельгийскую штаб-квартиру. Но в 1917 г. эта рутина была нарушена…

Вплоть до 1916 г. западные союзники закрывали глаза на бедственное положение, в котором находилась Россия и ее армия. В значительной степени это можно списать на неуступчивость воюющих сторон и убежденность, что другие союзники, особенно русские, выполняют свои обязательства в минимальном объеме. Отсутствие координации военных усилий и недостаточный обмен информацией лишь способствовали взаимной подозрительности. В феврале 1916 г. бельгийский король Альберт цинично заметил, что Великобритания прилагает все усилия только к тому, чтобы натравить своих союзников друг на друга, в одиночку разбить Германию, а потом завладеть ее колониями[1].

Французское командование сомневалось, в состоянии ли будут русские успешно довести до конца брусиловское наступление 1916 г.[2]; обычно скептически настроенный Уинстон Черчилль видел в этом признак «важных событий на Восточном фронте»[3]. Русский командующий генерал В. И. Гурко позднее напишет, что западные союзники «плохо понимали различия <природных> условий, в которых вели борьбу мы и западные союзники, недостаточно учитывали обширность пространств, на которых проводились наши операции, а также разрыв между масштабами действий и скудными средствами, которыми мы располагали для их выполнения. Как раз для уменьшения этого разрыва союзники если вообще и делали что-либо, то чрезвычайно мало — если не в абсолютных величинах, то, во всяком случае, соразмерно значимости и размерам нашего театра войны»[4].

Западные союзники прониклись серьезностью положения только в феврале 1917 г. на межсоюзнической конференции в Петрограде. Представители британских, французских и итальянских высших поли-

---

1 *Galet E.* Journal de campagne 26 octobre 1914–11 novembre 1918: le commandement de l'armée belge (1915–1918) et la question de la paix. Bruxelles, 2012. P. 196; ср. *Thielemans M.-R.* Carnets et correspondance de guerre 1914–1918 d'Albert 1er. Louvain-La-Neuve, 1991. P. 255.

2 *Galet E.* Op. cit. P. 222; *Thielemans M.-R.* P. 243–244.

3 *Gilbert* M. The Churchill Documents. Vol. 7: «The Escaped Scapegoat,» May 1915 — December 1916. Hillsdale, 2008. P. 1474.

4 *Гурко В.* Война и революция в России. Мемуары командующего Западным фронтом. 1914–1917. Москва, 2007. С. 294.

тических и военных кругов впервые увидели собственными глазами, как Россия ослаблена войной[5]. Французский президент Р. Пуанкаре 4 января 1917 г. сказал бельгийскому королю Альберту, что его беспокоит ситуация в России, «бессилие царя, который ни о чем не осведомлен, партийные интриги, насилие националистов, примером которого является убийство Распутина»[6].

Бельгийский посланник в Петрограде Конрад Бёйссере 24 января написал, что в общественном мнении господствует убеждение, будто «желания народа и текущие нужды или совершенно непонятны верхам, или наталкиваются на незыблемое всемогущество монарха»[7]. Он же 6 марта написал, что, несмотря на многочисленные призывы к правительству и царю что-либо предпринять, повсюду господствует «покорность, следствие уныния и бессилия»[8]. В начале марта — в конце февраля по старому стилю, — когда революция действительно разразилась, показалось, что ожидаемо сбылось давнее пророчество. Более того, Февральская революция, т. е. народное восстание, отречение Николая II от престола и создание Временного правительства, была с ликованием встречена как в России, так и у ее союзников. Первыми, 22 марта, признали Временное правительство Соединенные Штаты; Франция, Великобритания и Италия последовали их примеру два дня спустя. А 25 марта бельгийское правительство направило новому русскому правительству послание, в котором — довольно неудачно — подчеркивалась непрерывная связь между царским и новым режимом, выражалась надежда, что вожди Февральской революции окажутся столь же благоразумны, как и вожди Бельгийской революции 1830 г., и, самое главное, что совместная борьба будет продолжена[9].

5 *Neilson K.* Strategy and Supply: The Anglo-Russian Alliance, 1914–17. London, 1984. P. 225–248.

6 *Thielemans* (1991), C. 296–297.

7 Бёйссере — Бейенсу от 11/24 января 1917 г. (Архив Министерства иностранных дел (Брюссель) (далее АМИД) Classement B, № 35, Russie). Цит. по: *De Spiegeleire S.* Diplomatie tussen traditie en revolutie. De Belgische diplomaten t.o.v. de Russische februari-revolutie (maart-november 1917). Leuven, 1984. P. 70.

8 Бёйссере — Бейенсу от 21 февраля/6 марта 1917 г. (АМИД, Classement B, № 35, Russie). Цит. по: *De Spiegeleire*… P. 70.

9 Де Броквиль — Г. Е. Львову от 25 марта 1917 г. (АМИД, Classement B, № 35, Russie). Ср. *De Spiegeleire*… C. 91; De Gebeurtenissen in Rusland // De Legerbode, 27 марта 1917 г. Ср. «Traduction. Extrait du *Novoe vremia* du 16/29 mars 1917» (Королевский музей армии и истории войны (Брюссель, далее КМА), фонд «ex-CDH/Moskou», 3548).

Бельгийские парламентарии оказывали давление на Думу[10], а бельгийские социалисты обрабатывали своего единомышленника А. Ф. Керенского, занимавшего пост товарища председателя исполкома Петроградского Совета[11]. Только после того как военный министр России А. И. Гучков подтвердил, что Россия будет продолжать свои военные усилия, 5 апреля бельгийское правительство признало новую власть[12]. Д. А. Нелидову, русскому посланнику в Гавре, где бельгийское правительство находилось во время войны, было разрешено просто оставаться на своем посту[13].

Король Альберт и его окружение в бельгийском штабе были настроены скептически. Майор Эмиль Галле, правая рука короля, анализировал трезво: «Новое правительство — это правительство войны, в то время как обиды, которые привели его к власти, вызваны войной и исчезнут только тогда, когда наступит мир»[14]. Король Альберт не верил, что русское население удовлетворится простой сменой власти: «Народ вошел во вкус и недоволен полумерами. Хочет этого сейчас кто-нибудь или не хочет, но чаша будет выпита до дна»[15]. Король мрачно писал своему секретарю Жюлю Ингенблеку: «Многие властители в ближайшем будущем лишатся своей власти или того хуже. У монархий будет мало шансов устоять. Русская революция — это первый признак более широкого

10 Бельгийский парламент — Государственной думе Российской империи от 25 марта 1917 г. (АМИД, Classement B, № 35, Russie). Ср. *De Spiegeleire* (1984), C. 91; Записные книжки ординарцев короля Альберта (далее: ЗКОКА). Записка от 25 марта 1917 г. (Архив Королевского дворца (Брюссель, далее: АКД), Кабинет Короля Альберта (далее: ККА), 530/5); De Gebeurtenissen in Rusland // De Legerbode, 27 марта 1917 г.

11 Relations de la Belgique avec la Russie. Aperçu fait par le Service des Archives, fasc. II, 1er août 1914 — novembre 1917. P. 57–58 (АМИД, Classement B, № 35, Russie). Ср. *De Spiegeleire* (1984). P. 88–89.

12 Де Рикель — в Министерство войны Бельгии от 18/31 марта 1917 г. (КМА, фонд «ex-CDH/Moskou», 3548); Relations de la Belgique… Aperçu. P. 63 (АМИД, Classement B, № 35, Russie). Ср. *De Spiegeleire*… P. 93. Де Рикель — в Министерство войны Бельгии от 3 апреля 1917 г. & «Réception des représentants diplomatiques alliés et de puissances amies par le gouvernement provisoire» <перевод из газеты «Новое время» от 22 марта/4 апреля 1917 г.> (КМА, фонд «ex-CDH/Moskou», 3548); Бюиссере — Бейенсу от 5 апреля 1917 г. (АМИД, Classement B, № 35, Russie).

13 Министерство иностранных дел Бельгии в Кабинет короля Альберта от 7 мая 1917 г.; Кабинет короля Альберта в Министерство иностранных дел Бельгии от 12 мая 1917 г. (АМИД, 13541/I. Russie, chefs de mission 1853–1950 / Légation de Russie en Belgique).

14 Записка от 15 марта 1917 г. *Galet*… P. 285.

15 Там же.

движения. А причиной этого движения отчасти стала слепота политиков, которые принудили людей к бесконечным жертвам во имя достижения недостижимых целей»[16].

В своих мемуарах, написанных более двадцати лет спустя, Прежбяно подчеркивал противоположность здравомыслящих бельгийцев и опьяненных революцией французов. По его мнению, бельгийцы — возможно, у него перед глазами был только король Альберт — понимали, что с исчезновением династии Романовых для России рухнула вся надежда. В Париже явно господствовали другие настроения. Там были убеждены, что Временное правительство восстановит спокойствие и продолжит войну. Прежбяно точно так же принимал желаемое за действительное. «Военный вестник», официальный орган бельгийской армии во время войны, преданно выражал политику бельгийского правительства. В перевороте он видел шанс придать военным усилиям России новый импульс и таким образом послужить интересам Бельгии[17].

На аудиенции 29 марта 1917 г. Прежбяно был принят королем Альбертом. Бельгийский главнокомандующий хотел получить актуальную информацию о положении в России. Как реагировала армия на события в Петрограде? Что думать о восьмичасовом рабочем дне, провозглашенном Петроградским Советом? Разве это не пагубно для военной промышленности? И сможет ли армия оказать сопротивление различным политическим интригам? Если верить отчету Прежбяно перед своим начальством об этом разговоре, ему удалось успокоить короля: Временное правительство собирается продолжать войну до победного конца, пацифисты не смогут ему в этом воспрепятствовать. По мнению Прежбяно, к политическим влияниям восприимчив только петроградский гарнизон; остальная армия не вмешивается в политику. Вооруженные силы признали Временное правительство, потому что оно решительно выступает за продолжение борьбы; прежний режим был готов от этого отказаться. Он посоветовал также послать в Россию делегацию социалистов; это произведет большее впечатление, чем телеграмма Керенскому[18].

[16] *Thielemans*… P. 402–403.

[17] De Troonsafstand van den Tsaar. Eene Nieuwe Regeering // De Legerbode, 20 марта 1917 г.; De Gebeurtenissen in Rusland. Eene Verklaring der nieuwe Regeering // там же, 22 марта 1917 г.; De Gebeurtenissen in Rusland // там же, 24 марта 1917 г.

[18] Прежбяно М. И. — Занкевичу от 21–23 марта (3–5 апреля) 1917 г. (РГВИА), Ф. 2000, оп. 1, ед. хр. 8247, л. 92). Ср. *Шляпников А. Г.* Семнадцатый год. М.-Л., 1923–1931. Т. 3. С. 279.

Двадцать лет спустя, в своих мемуарах, он расставлял акценты иначе. Король был подавлен, поскольку рассчитывал на Россию в восстановлении бельгийской независимости. И, в отличие от Прежбяно, он не верил, что монархия в России когда-нибудь будет восстановлена: «Une fois qu'on part, on ne revient plus <раз уйдешь — уже не вернешься>». В тот день что-то надломилось в отношениях между бельгийским королем и русским военным агентом, которые с самого начала войны были весьма сердечными: «Несмотря на то, что тон монарха оставался дружелюбным, в нем больше не было той теплоты, которую я так ценил. К сожалению, отныне я был представителем не императорской армии, а революционного войска, свергнувшего своего монарха»[19]. Воспоминания Прежбяно полностью сходятся с пессимистическими заметками, которые сделал король. Однако внезапное охлаждение отношений имело другую причину. Вскоре после того, как Прежбяно отправил свой отчет о приеме в Петроград, его полный текст появился в газете «Новое время». Дипломатическим скандалом стало не только «разоблачение короны», разглашению подвергся также стиль, в котором Прежбяно представлял в Петрограде свои контакты с бельгийскими властями. Для военного атташе этот эпизод стал предупреждением: от прежней, привычной политической культуры в России не осталось камня на камне[20].

Между тем бельгийское правительство, подобно британскому и французскому, послало в Россию делегацию социалистов[21]. Луи де Брукер, Эмиль Вандервельде и Хендрик де Ман должны были от имени правительства заставить Россию продолжать войну[22]. Еще одному социалисту, Жюлю Дестре, предстояло, кроме того, с лета 1917 г. сменить бельгийского посланника в Петрограде. Аристократа Конрада де Бёйссере сочли

[19] *Прежбяно А.* Накануне крушения. 1916 год // Возрождение, 24 июля 1935 г.

[20] Бельгийский король и русская революция // Новое время, 28 марта 1917 г.; «Le Roi des Belges au sujet de la Révolution en Russie» (КМА, фонд «ex-CDH/Moskou», 3548 & АКД, ККА, 315).

[21] *Winter J. M.* Arthur Henderson, the Russian Revolution, and the Reconstruction of the Labour Party // The historical journal, 1972, *15* (4), P. 753–773; *Sinanoglou I.* Journal de Russie d'Albert Thomas // Cahiers du monde russe et soviétique, 1973, *14* (1). P. 86–204; *Blaszkiewicz-Maison A.* Albert Thomas: le socialisme en guerre 1914–1918. Rennes, 2015. P. 118 и след.

[22] *Buchanan G.* My Mission to Russia and Other Diplomatic Memories. London-New York-Toronto-Melbourne, 1923. Vol. 2. P. 134–135, 163; *Vandervelde E.* Trois aspects de la Révolution russe, 7 mai — 25 juin 1917. Paris, 1918. P. 5–6; *Ibid.* Souvenirs d'un militant socialiste. Paris, 1939. P. 232–233, 236–241, 245.

неподходящей фигурой, чтобы отстаивать бельгийские интересы в новой России[23]. Казалось даже, что вернулась атмосфера 1914 года, когда весь мир возопил о судьбе Бельгии, принесенной в жертву[24]. Уже 18 мая 1917 г. «Биржевые ведомости» встали на защиту Бельгии и Сербии[25]. Не осталась незамеченной и поездка Вандервельде, председателя II Интернационала, на русский фронт[26]. Прежбяно также вставил словцо. Еще в марте 1917 г. по заданию Генерального штаба России он написал «Несколько слов о Бельгии, ее армии и народе». Большого смысла эта брошюра не имела: в ней объяснялось, где находится Бельгия, как она управляется, каковы отношения между бельгийским начальством и подчиненными, между армией и правительством и как рабочие относятся к военным усилиям (положительно!). Однако этот памфлетец был образцом политического оппортунизма и… патернализма: «Не осудите меня, дорогие товарищи, когда прочтете эти краткие строки, за слог и за сжатость изложения. Торопился, узнав о великом освобождении Руси, когда вновь рождается наше горячо любимое Отечество и предстоят упорные тяжелые бои с лютыми врагами России, побеседовать с Вами о нашей маленькой союзнице, приносящей свою посильную лепту на алтарь общего дела — о маленькой Бельгии, ставшей за эту войну великой и дорогой чуткому русскому сердцу»[27].

Наконец, Прежбяно выказал свое презрение к притязаниям на демократию и равноправие, в то же время понимая, что его собственное будущее зависит от новой власти. К счастью, еще оставались на своих постах некоторые из его старых знакомых, в частности, генерал Ю. Н. Данилов

[23] *Vandervelde…* P. 227; *De Man H.* Herinneringen van Hendrik de man. Antwerpen, 1941. P. 103; ср. *De Man H.* Rapport sur la mission accomplie en Russie, de mai à juillet 1917, par Monsieur le Ministre Vandervelde, M. Louis de Brouckère, et le lieutenant Henri de Man, s.a. (Международный институт социальной истории (Амстердам), Archief Hendrik de Man, p. 229); Б. де Лескай — де Рикелю от 27 июля 1917 г. (КМА, фонд «ex-CDH/Moskou», 3540). Ср. Moniteur belge, 16–22 сентября 1917 г.; *De Spiegeleire*… P. 159.

[24] Напр. *Десятовский В.* Бельгия под гнетом германцев. Нашествие германских войск, убийства, грабежи, насилия, нарушение дорог и деревень. Пг., 1917; *Маргулис М. О.* Бельгия. Киев, 1917; *Сно Е. Э.* Бельгия. Пг., 1917.

[25] Мольба Бельгии к русскому народу // Биржевые ведомости, 5 мая 1917 г.; Лига пропаганды. Мольбы Бельгии к русскому народу // Там же, 24 июня 1917 г.; Бёйссере — Бейенсу от 25 мая 1917 г. (АМИД, Classement B, № 35, Russie).

[26] *De Spiegeleire*… P. 195; Вандервельде Э. Русский солдат, брат мой, спаси Бельгию! Пг., 1917. С. 14; *Веселовская М. В.* Э. Вандервельде (вождь бельгийских социалистов). М., 1917. С. 40.

[27] *Прежбяно А. К.* Несколько слов о Бельгии, ее армии и народе. Пг., 1917. С. 16.

и полковник Игнатьев. Через них он пытался осуществить то, что не удалось при «старом режиме» — продвижение по службе. Очевидно, «старые правила игры» все еще оставались в силе: без настоящего фронтового опыта или подходящего послужного списка (включая диплом Академии Генерального штаба) его кандидатура даже не рассматривалась. Но в конце концов Прежбяно добился желаемого: в сентябре 1917 г. его задним числом произвели в гвардейские ротмистры, что на практике соответствовало рангу армейского подполковника. Повышение вступало в силу с 21 июля 1917 г., в день бельгийского национального праздника. Вполне символично для военного представителя России в Бельгии[28].

Тем временем события в России оказывали влияние на положение на Западном фронте. В начале мая 1917 г. после катастрофической «бойни Нивеля» во французской армии вспыхнул мятеж. Он был жестко подавлен, но волнения продолжались даже осенью. Французское командование и официальные историографы неоднократно намекали, что французы «заразились» от своих русских товарищей по оружию; в действительности нюансов было больше: русские бригады во Франции в самом деле обсуждали события на родине и в июне — июле были превентивно изолированы в военном лагере Ла-Куртин; когда русские войска взбунтовались там против бесчеловечного обращения и неопределенного будущего, их бунт был утоплен французами в крови с согласия Временного правительства[29]. В британской и германской армиях в 1917 г. также были восстания против бессмысленной бойни.

А генералы и министры удобства ради перекладывали вину на события в России. «Русская революция, — писал британский премьер-министр Ллойд Джордж, — и сознание того, что наши потери ужасны, а результаты не соответствуют жертвам, вызывали ощущение беспокойства, прежде всего в промышленных регионах. Рассказы об искалеченных солдатах, вернувшихся с фронта, были чистой антивоенной пропагандой. Если бы

[28] А. П. Архангельский — в Главное управление Генерального Штаба (далее: ГУГШ) от 10/23 марта 1917 г.; Генерал-квартирмейстер — в ГУГШ от 1/14 июня 1917 г.; Записка для ГУГШ от 17/30 августа 1917 г.; А. А. Игнатьев — в ГУГШ от 24 августа/6 сентября 1917 г.; Дежурный генерал 1-го делопроизводства — в ГУГШ от 19 сентября/2 октября 1917 г. (РГВИА, ф. 2000, оп. 1, ед. хр. 7521, л. 125, 128, 121, 76, 135, 75.

[29] *Adam R.* Histoire des soldats russes en France, 1915–1920. Les damnés de la guerre. Paris, 1996; *Ibid.* 1917, la révolte des soldats russes en France. Pantin, 2007; *Cockfield J. H.* With Snow on Their Boots. The Tragic Odyssey of the Russian Expeditionary Force in France during World War I. New York, 1998; *Deroo E.* & *Gorokhoff G.* Héros et mutins. Les soldats russes sur le front français 1916–1918. Paris, 2010.

еще по экономике ударил голод, последствия здесь были бы ужаснее, чем в то время в России и позднее в Германии»[30].

Полковник Эжен Жени, французский представитель при бельгийской Ставке, 24 мая написал подробный рапорт о влиянии русской революции на бельгийскую армию. «Подобное важное событие, несомненно, повсюду вызвало сенсацию. Но здесь оно попадает в среду, которую легко может сделать нездоровой. Демократические традиции Бельгии, особенно Фландрии, делают население этой страны особенно чувствительным к революционным впечатлениям; в Бельгии нет никого, кто не рассматривал бы русскую революцию как шаг вперед или, по меньшей мере, как радостное событие». От военного священника, с которым Эжен Жени был дружен, он узнал, что многие солдаты не остались равнодушны к достижениям русских рабочих и солдат; пока еще было спокойно, но достаточно одной искры — и вспыхнут беспорядки. А опасности подстерегали с разных сторон. Прежде всего, со стороны фламандского движения, которое в то время не пользовалось большой симпатией, поскольку пропагандировалось ненавистными немцами, но впоследствии могло бы стать важным фактором. Кроме того, было правительство, которое неоднократно пренебрегало своими обязанностями и, возможно, попыталось бы свалить всю вину за это на своевольного короля Альберта. Последний же, без сомнения, пользовался симпатией своих солдат, но верхушку армии — собрание слабо мотивированных командиров — солдаты не одобряли. Жени допускал, что его анализ носит «теоретический» характер, но все же ожидал проблем по окончании войны, когда монарх, правительство и армия вернутся в Бельгию[31].

Министр иностранных дел де Броквиль 4 августа 1917 г. вызвал Прежбяно и посланника Нелидова для совещания в Гавр. Он хотел представить их Эмилю Вандервельде, только что вернувшемуся из России. Русский военный атташе охарактеризовал бельгийского эмиссара в Россию и почитателя Керенского как простака, который верит, что несчастья русской армии — временное явление, и что солдатские советы необходимы, чтобы приучить старую армию к новой ситуации. «В России он говорил на бесчисленном количестве митингов, говорил, конечно, по-французски, никто его не понимал. Но все дружно кричали “Ура!”. Этот успех вполне его удовлетворил и закрыл ему глаза на все возрастающее влияние засевших в доме Кшесинской Ленина и Троцкого»[32]. Прежбяно молчал, но генерал де Кенинк, только что назначенный военным министром, был менее дипломатичен: «Elle est fichue, l’armée russe! [с ней покончено, с Российской армией!]». Де Броквиль, напротив, считал, что громкая победа на Западном фронте образумит распустившихся русских солдат и восстановит их патриотизм.

Двадцать лет спустя, когда Прежбяно редактировал свои мемуары, он писал, конечно, с мудростью, пришедшей задним числом. В начале августа 1917 г. ему приходилось справляться с хаосом текущего момента. На бельгийском фронте только что началась Третья битва при Ипре. Британцы хотели пробиться к бельгийскому побережью, но не продвинулись дальше деревеньки Пашеналь (*Пассендале*), отныне ставшей для них символом варварства Первой мировой войны. Сообщения из России — неудачное наступление Керенского, замена Брусилова на Корнилова, козни большевиков, рост уличного насилия — были столь же неутешительны.

В своих мемуарах Прежбяно писал, что яд «демократии» проник даже в армию и подрывал военные усилия. В его глазах «граждане» в любом случае были подозрительны. Так, он насмехался над русским эмигрантом, юристом и социал-революционером Е. И. Раппом, которого Керенский в конце июля назначил комиссаром Временного правительства при русских бригадах во Франции[33]. Керенский исходил из того, что мятежные солдаты будут считать Раппа своим единомышленником, а эти солдаты так презирали любую форму власти, что Рапп тоже не имел никакого влияния[34]. Но и русское командование Прежбяно тоже «подколол»: «Конечно, если бы местные военные власти менее считались с демагогическими новыми русскими уставами и, находясь во Франции, окруженные французской армией, опирались бы больше на французское командование, не только не допуская комитетов и революционной пропаганды, но поступая с зачинщиками со всей строгостью французских военных законов, не было бы позорной эпопеи в лагере Ла-Куртин, когда артиллерии пришлось усмирять

---

30 *Lloyd George D.* War Memoirs of David Lloyd George. 1933–1938. Vol. 3. P. 220.

31 Э. Жени — в Военное министерство Франции от 24 мая 1917 г. (Историческая служба [Министерства] обороны (Париж), GR 7 N 1160).

32 *Прежбяно А. К.* Крушение 1917–1918 гг. // Возрождение. 1935. 19 октября.

33 Степанов Е. & Устинов А. Николай Гумилев — встречи в Париже в 1917–1918. По материалам архивов Михаила Ларионова и Глеба Струве // Наше наследие. 100+101 <электронный ресурс>. Режим доступа: (http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/10015.php & http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/10115.php (дата доступа: 28.10.2017 г.)

34 *Палицын Ф. Ф.* Записки. Франция (1916–1921). Т. 2. М., 2014. С. 40; *Игнатьев А. А.* Пятьдесят лет в строю. Т. 2. М., 1955. С. 301.

взбунтовавшиеся войска, после чего они были разоружены и бригады расформированы»[35].

Еще более угрожающей Прежбяно считал миссию социалиста С. Г. Сватикова, который должен был обезвредить заграничную агентуру Департамента полиции в Париже, но хотел также получить представление о деятельности русской военной разведки и контрразведки в Западной Европе[36]. Прежбяно, который, в качестве военного атташе вообще-то заодно был и «официальным шпионом»[37], руками и ногами отбивался от подобного «просвечивания». В конце концов Генеральный штаб в Петрограде, где бывшие сослуживцы Прежбяно все еще имели кое-какое влияние, подтвердил, что Сватиков не имеет никаких полномочий. «Нечего и говорить, что Сватиков ко мне не появлялся и что его ревизионная деятельность прекратилась и в Париже, и он, подобно Хлестакову, предпочел бесследно испариться»[38].

Такая же недоверчивость в отношении гражданских, в данном случае Керенского, сквозит в том, как Прежбяно оценивал неудавшийся мятеж Корнилова сентября 1917 г. В своих воспоминаниях он не оставляет сомнений, на чьей стороне его симпатии: «Острый конфликт Керенского с Корниловым, на которого все здравомыслящие союзники смотрели как на возможного спасителя России, неудача Корнилова и его арест — окончательно подорвали последние надежды на возрождение русской армии»[39]. Здесь Прежбяно почти дословно повторяет слова британского посла Бьюкенена, который симпатизировал корниловцам[40].

Было бы неправильно думать, что в 1917 г. неуверенность в будущем полностью парализовала военные связи между Бельгией и Россией. Хотя Прежбяно все чаще находился во Франции, а о его ежедневных

35 *Прежбяно А. К.* Крушение 1917–1918 гг. // Возрождение. 1935. 19 октября.

36 *Маркедонов С. М.* С. Г. Сватиков — историк и общественный деятель. Ростов-на-Дону, 1999; *Сватиков С. Г.* Русский политический сыск за границей. М., 2002. Ср. *Poincaré R.* Au service de la France. Neuf années de souvenirs. Paris, 1926–1933. Vol. 9. P. 271; С. Г. Сватиков Л. А. — Майеру от 26 июня/9 июля 1917 г.; Майер — Сватикову от 29 июня/12 июля 1917 г.; Майер — в ГУГШ от 30 июня/13 июля 1917 г.; Майер в русское посольство в Гааге от 22 октября/4 ноября 1917 г. (РГВИА, ф. 2000, оп. 1, ед. хр. 7523, л. 8, 7, 1, 2); А. А. Игнатьев — Г. Д. Романовскому (ГУГШ) от 15/28 августа 1917 г. (РГВИА, ф. 2000, оп. 1, ед. хр 532, л. 15).

37 Игнатьев. Указ. соч. Т. 1. С. 427.

38 *Прежбяно А. К.* Крушение 1917–1918 гг. // Возрождение. 1935. 22 октября.

39 Там же.

40 *Buchanan G.* Op. cit. Vol. 2. P. 187. Ср. *Lloyd-George*. Op. cit. Vol. 5. P. 102.

контактах с королем Альбертом больше не было и речи, он продолжал блюсти интересы России в Бельгии. В первые недели и месяцы после Февральской революции некоторые русские военные на бельгийской службе просили его о переводе в армию новой России[41]. В конце концов, восемь добровольцев — все евреи — получили разрешение вернуться через Францию в Россию[42]. В следующие недели на это отважились еще несколько русских, но с переменным успехом. В мотивах некоторых из них были сомнения у Прежбяно, а другим пришлось ждать уведомления из Петрограда. В таком положении был младший лейтенант Александр (Саша) Петровский, один из пионеров бельгийских военно-воздушных сил[43]. В конце концов Петровский смог уехать, но через три месяца вернулся в Бельгию[44].

До особого распоряжения продолжали прибывать и русские военные делегации. Так, генерал С. К. Война-Панченко, командир лейб-гвардии Тяжелого артиллерийского дивизиона, 31 июля был принят королем и произведен им в командоры ордена Короны[45]. А 16 августа прибыл с визитом кавалерийский генерал В. П. Врангель. Он останавливался в Великобритании и желал посетить бельгийскую кавалерийскую часть. Бельгийский штаб не возражал, но дал знать, что бельгийские конные части «в настоящее время отведены с фронта» и что на фронте остались «некоторые подразделения, в частности артиллерия, велосипедисты и разведчики». Врангеля сопровождал доктор Казимир Караффа-Корбутт, полковник медицинской службы, который прибыл ознакомиться с санитарными условиями в Бельгии[46]. Затем, 19 октября, Прежбяно получил

41 Министерство войны Бельгии — генералу Рюкуа от 10 мая 1917 г.; Рюкуа — Прежбяно от 12 мая 1917 г. (КМА, фонд «ex-CDH/Moskou», 5748); ср. Авдеев В. А. & *Карпов В. Н.* Секретная миссия в Париже. Граф Игнатьев против немецкой разведки в 1915–1917 гг. М, 2009. С. 170. Прежбяно — Рюкуа от 17 июня 1917 г. (КМА, фонд «ex-CDH/Moskou», 5748); Ordre journalier de l'Armée (Приказ по армии) от 23 июня 1917 г. (КМА, фонд «ex-CDH/Moskou», 5748).

42 Прежбяно — Рюкуа от 18 июля 1917 г.; Liste des sujets russes servant dans l'Armée belge qui ont demandé leur raptriement (Список русских, служащих в бельгийской армии и попросивших о возвращении на родину, КМА, фонд «ex-CDH/Moskou», 5748).

43 Прежбяно — Рюкуа от 23 августа 1917 г. (КМА, фонд «ex-CDH/Moskou», 5748).

44 *Pieters W. M.* Above Flanders' Fields: A Complete Record of the Belgian Fighter Pilots and Their Units During the Great War, 1914–1918. London, 1998. P. 50–51.

45 ЗКОКА, записка от 31 июля 1917 г. (АКД, ККА, 530/1).

46 ЗКОКА, записка от 16 августа 1917 г. (АКД, ККА, 530/1); Бельгийский военный атташе в Лондоне — Рюкуа от 31 июля 1917 г.; Генерал Маглинс (заместитель начальника Генерального штаба) — бельгийскому военному атташе в Лондоне от 3 августа 1917 г.;

разрешение начальника штаба Рюкуа в течение трех дней возить своего парижского коллегу Н. Г. Мещеринова по бельгийскому фронту[47].

Наибольшее лицемерие было продемонстрировано, несомненно, 18 сентября 1917 г. В то время как все, затаив дыхание, следили за развитием корниловского мятежа, Прежбяно… раздавал награды своим коллегам в бельгийском штабе. «В этот особенно тяжелый час, переживаемый Россией, мое правительство продолжает укреплять свою непоколебимую симпатию к Бельгии и вручать некоторым офицерам награды в знак благодарности за услуги, оказанные ими русской армии. Господа, я счастлив и горд, что получил от моего правительства поручение передать вам эти национальные ордена и право еще раз заверить вас, что Россия, несмотря на все свои жертвы, будет до самого конца продолжать борьбу по договоренности со славными союзниками». Далее Прежбяно вспоминал действия бельгийского экспедиционного корпуса в Галиции и бельгийских рабочих в русской промышленности, за что мог похвалить самого себя[48]. В своих мемуарах он описывает менее праздничную встречу двумя днями позже с министром де Броквилем. Он вручил министру орден Белого Орла и имел с ним долгую беседу о критическом положении в России. Разговор шел обо всем; министр засыпал Прежбяно советами и вопросами, с которыми атташе не знал, что делать. «Броквиль видел единственное спасение в иностранной помощи и считал, что лишь американцы или в крайности японцы могут ее оказать, и подавал мысль о возможности посылки части американских войск на наш фронт, если бы инициатива исходила от русского правительства»[49]. Между тем в своих мемуарах Прежбяно удивлялся молчанию русского Генерального штаба, как будто ничего особенного не происходило и все просто шло своим чередом. При этом атташе, возможно, забыл, что он сам жил точно так же изо дня в день и с трудом следил за событиями на родине.

А 8 ноября и посланник в Петрограде Дестре, и генерал Луи де Рикель, представитель при русском штабе в Могилеве, сообщили о происшедшем накануне перевороте, но без подробностей[50]. Ординарцы короля Альберта записывали в своих тетрадях: «В России взяли верх максималисты. Ленин снял Керенского; тот бежал. Объявление немедленного мира»[51]. И 14 ноября Прежбяно был вызван генералом Алоисом Бибейком, флигель-адъютантом короля Альберта. Он зачитал ему отчет, посланный де Рикелем 10 ноября. Керенский с войсками на пути к освобождению Петрограда, армия остается верной Временному правительству, и жертв насчитывается немного. У де Рикеля были такие сомнения: по словам очевидца, большевики буквально поставили столицу на колени. «Вероятно, бои были сильными; корабли на Неве открыли огонь из пушек по Зимнему дворцу; женский батальон долго сражался с матросами и сдался только в два часа ночи»[52]. Прежбяно слушал молча. Его петроградское начальство только что позволило ему повысить жалование своему помощнику; что происходило на улицах Петрограда, он должен был узнавать, как все, из газет. Однако это давало ему надежду: «Мне казалось это хорошим признаком, так как думалось, что если бы действительно жизнь отечества ставилась на карту, то столь серьезное учреждение, как Главное управление Генерального штаба, не занималось бы столь маловажными вопросами»[53].

Наибольшим потрясением явилось, несомненно, то, что Ленин, несмотря на весь хаос и неуверенность, похоже, эффективно выполнил работу по своему обещанию мира и держал курс на переговоры с Центральными державами. Ординарец короля Альберта записал 29 ноября: «Русские во главе с Лениным пытаются втереться в доверие к немцам». И днем позже: «Видимо, у русских в Германии имеются посредники в мирных переговорах»[54]. «Военный вестник» высказался напрямик: «Предательство этих подлецов, которые воспользовались тотальной дезорганизацией в России, чтобы взять власть в свои руки, таким образом, исполнилось. Германия, конечно, незамедлительно приняла русских представителей, которые выдвинули свои предложения о перемирии. Что касается союзни-

---

Маглинс — в Министерство войны Бельгии от 6 августа 1917 г. (КМА, фонд «ex-CDH/Moskou», 5125); *Zembrzuski L.* Zmarli członkowie: Ś.p. Kazimierz Wacław Karaffa-Korbutt (1878-1935) // Rocznik Towarzystwa Naukowego Warszavskiego, 1935, *28*, s. 99–102.

47 Помощник Прежбяно — Рюкуа от 19 октября 1917 г. (КМА, фонд «ex-CDH/Moskou», 5125).

48 Les Belges en Russie // Informations Belges, 20 сентября 1917 г.; Rusland en België. Indrukwekkende Plechtigheid in het Belgisch Groot-Hoofdkwartier // De Legerbode. 1917. 22 сентября.

49 Прежбяно А. К. Крушение 1917–1918 гг. // Возрождение. 1935. 22 октября.

50 Ж. Дестре — де Броквилю от 8 ноября 1917 г. (АМИД, Classement B, № 35, Russie); де Рикель — в Министерство войны Бельгии от 8 ноября 1917 г. (КМА, фонд «ex-CDH/Moskou», 3548).

51 ЗКОКА, записка от 9 ноября 1917 г. (АКД, ККА, 530/1); ср. *Galet*… P. 332.

52 Де Рикель — в Министерство войны Бельгии от 10 ноября 1917 г. (КМА, фонд «ex-CDH/Moskou», 3548).

53 Прежбяно А. К. Крушение 1917–1918 гг. // Возрождение. 1935. 22 октября.

54 ЗКОКА, записки от 29 и 30 ноября 1917 г. (АКД, ККА, 530/1).

ков, излишне говорить, как будут восприняты интриги большевиков»[55]. Союзники были в бешенстве. Ведь новый русский режим подорвал франко-британско-российское соглашение сентября 1914 г. об отказе от поисков сепаратного мира[56]. Будто с целью подчеркнуть свой маргинальный статус, большевики немедленно начали публикацию секретных договоров, заключенных царским и Временным правительствами с «западными империалистами и капиталистами»[57]. Король Альберт реагировал, как всегда, более взвешенно: «Переговоры между немцами и русскими в Брест-Литовске продолжаются. Союзники полагают, что соглашение между большевиками и <Германской> империей невозможно; я полагаю, что они заблуждаются; необходимость мира прекрасно может преодолеть противоположные интересы; вообще-то именно Англия и Франция, которые под прикрытием демократии преследуют империалистические цели, стремятся к завоеваниям»[58].

В начале декабря 1917 г. в дверь дома священника в Лейселе, где Прежбяно квартировал с конца июля, позвонили. На пороге стоял курьер с двумя шифротелеграммами из Петрограда. Первая телеграмма пришла от Троцкого и не оставляла желать большей ясности: союзники приглашались на совместные мирные переговоры; если они откажутся, большевикам не останется ничего, кроме как заключить сепаратный мир; мяч, следовательно, лежал на стороне поля союзников[59]. Вторая телеграмма исходила из того, что военный атташе будет работать на новую власть. «По мере того, как разбирался медленно сложный шифр, которым были зашифрованы эти телеграммы, наши сердца сжимались невероятной тоской и гнетом. Вот когда наступила расплата за наше национальное “ничего”»[60].

Прежбяно представил эти телеграммы военному министру де Кенинку, который, как и его французский и британский коллеги, предложение отклонил. Сепаратный мир ничего не изменит в боеспособности Бельгии, а, кроме того, американское участие в войне с лихвой компенсирует потерю «русского парового катка». Де Кенинк, однако, сделал встречное предложение: если большевики откажутся от сепаратного мира, западные союзники придут на помощь русскому фронту. Но Прежбяно не строил никаких иллюзий. Такого фанатика, как Ленин, может остановить только прямое военное вмешательство и установление военной диктатуры во главе с великим князем Николаем Николаевичем или другим популярным генералом. Только после этого можно будет возобновить военные действия на Восточном фронте. «Вы можете быть и правы, — ответил мне генерал де Коненг <так — В. К.>, — но я думаю, что на подобный шаг союзные правительства никогда не пойдут. Это было бы вмешательством во внутренние дела России, а англичане этого не допустят. Во всяком случае, телеграфируйте вашему начальству, что война на западном фронте будет продолжаться и что, в частности, мы отдадим, если это будет нужно, последнего человека на защиту нашего отечества»[61].

Требуемую телеграмму в Генеральный штаб в Петрограде Прежбяно послал, хотя и совершенно против своей воли: всего за две недели до этого он клялся бельгийскому начальнику штаба Рюкуа, что ни он, ни его сотрудники не имеют и не хотят иметь дела с новой властью[62]. Еще в тот же день Прежбяно предложил перейти на бельгийскую службу[63]. Однако бельгийцы уклонились, ведь он должен был поддерживать каналы связи с Петроградом. Со своей стороны, Генеральный штаб в Петрограде исходил из того, что военные атташе за границей будут поддерживать каналы связи между союзниками и большевиками. Некоторые генералы, в том числе П. Ф. Рябиков и Н. М. Потапов, исходили из того, что переговоры в Брест-Литовске все-таки провалятся и что в таком случае прежний союз будет восстановлен. Даже такие стреляные воробьи, как генерал Н. С. Ермолов в Лондоне или его коллега Игнатьев в Париже, находили в этом какую-то логику. Однако у Прежбяно было принципиальное возражение против контактов с Петроградом: ведь они подразумевали признание нового режима[64]. Когда из Петрограда пришло заверение, что во время переговоров немцы не будут перебрасывать войска

---

55 In Rusland. Het Verraad der Maximalisten // De Legerbode. 1917. 4 декабря.

56 Les événements de Russie // Le Temps. 1917. 25 ноября. Ср. Документы внешней политики СССР. М., 1958. Т. 1. С. 31.

57 Документы внешней политики СССР. Т. 1, С. 21–22; ср. *Ирошников М. П., Чубарьян А. О.* Тайное становится явным. Об издании секретных договоров царского и Временного правительств. М., 1970.

58 *Thielemans*. Op. cit. P. 334.

59 Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 16–17.

60 Юдин (от имени Троцкого) — дипломатическим представителям от 20 ноября/3 декабря 1917 г. (Архив Гуверовского института (Стэнфорд, далее ГИА), Vrangel’ Papers, Box 83, Folder 12); *Прежбяно А.* Брест-Литовский мир и Бельгийцы // Возрождение. 1933. 5 июля.

61 Там же; *Прежбяно А. К.* Крушение 1917–1918 гг. // Возрождение. 1935. 22 октября.

62 Прежбяно — де Рикелю от 23 ноября/6 декабря 1917 г.; Прежбяно — Рюкуа от 24 ноября 1917 г. (ГИА, Vrangel’ Papers, Box 83, Folder 12).

63 Прежбяно — де Кенинку от 6 декабря 1917 г. (ГИА, Vrangel’ Papers, Box 83, Folder 12).

64 Прежбяно А. Брест-Литовский мир и бельгийцы // Возрождение. 1933. 7 июля.

на Западный фронт, Прежбяно воспользовался представившейся возможностью. По согласованию с бельгийским начальником штаба Рюкуа в канун нового года он послал список немецких соединений, которые недавно прибыли на Западный фронт из России. Образумятся ли легковерные генералы из русского генерального штаба? Прежбяно подстраховался: перед своими коллегами при союзных армиях он подчеркивал, что только выполняет просьбу бельгийцев; в его воспоминаниях это называлось более амбициозно: что он хотел «отлепить» русское армейское командование от большевистских узурпаторов[65].

В своих мемуарах, написанных в эмиграции почти через 20 лет после событий 1917 г., Прежбяно описал их в свете октябрьских событий и большевистской опасности. Так, он упомянул «коммунистическое» сборище в Лейселе: 16 декабря там состоялась демонстрация, на которой солдаты скандировали лозунги: «Мира! Долой короля, долой офицеров! Да здравствует Россия!»[66]. Военная разведка и контрразведка доносила, что «позиция русских воодушевила умы» и что солдаты стали задавать вопросы о необходимости войны: «За кого мы деремся? Почему нас дырявят за богачей, капиталистов и прочих дармоедов? Они наживаются на войне! А мы можем только потерять здоровье, благополучие и даже жизнь!»[67]. «В полной темноте видны были лишь мерцающие трубки и папиросы заполнивших кладбище солдат. Раздавались крики: «Да здравствует мир! Долой войну! Да здравствует Ленин, Россия, да здравствует русский атташе!» В своем неведении манифестирующие солдаты связывали имя Ленина с моим, и я явился объектом их приветствий как представитель страны, заключающей мир. Коменданту Лейзеле, майору Вилемсу, которому я позвонил по телефону, пришла счастливая мысль протрубить газовую тревогу. Солдаты разбежались за масками и по укрытиям. Немедленно отряд жандармов оцепил все кладбище. Так манифестация и кончилась, но я все же убрал на следующий день дощечку с надписью: «Русская военная миссия»»[68].

[65] Прежбяно — военным агентам от 20 декабря 1917 г./2 января 1918 г. (ГИА, Vrangel' Papers, Box 83, Folder 12); *Прежбяно А.* Брест-Литовский мир и бельгийцы // Возрождение. 1933. 7 июля.

[66] Extraits principaux des rapports fournis par la S. M. A. C. par les prévôtés divisionnaires et par les Commandants des Grandes Unités (отчет командиров бельгийской армии) [март 1918 г.] (КМА, фонд «ex-CDH/Moskou», 5554).

[67] Цит. по *Devindo B.* Des hommes en guerre. Les soldats belges entre ténacité et désillusion 1914–1918. Bruxelles, 2005. P. 73.

[68] Прежбяно А. К. Крушение 1917–1918 гг. // Возрождение. 1935. 24 октября.

Удаление таблички было почти символично. В начале декабря 1917 г. большевики сняли с занимаемых должностей и отозвали русских дипломатов, которые не встали определенно на сторону нового режима[69]. В начале 1918 г. пришла очередь военных атташе. В случае возникновения сомнений в их лояльности новому режиму их заменяли[70]. «Нечего и говорить, что назначенный большевиками мой заместитель никогда не появился, о чем я очень сожалел, так как, показав телеграмму о его приезде военному министру, я получил от генерала де Конинга категорическое обещание, что он будет немедленно арестован, как только появится в зоне бельгийской армии»[71]. Все же будущность Прежбяно выглядела мрачно: без родины и финансирования его миссия теряла смысл. Он снова просил о переходе в бельгийскую армию[72], бельгийцы снова задумались над ответом.

Судьбу Прежбяно решил Брест-Литовский мирный договор: 12 марта 1918 г. министр де Кенинк написал, что в сложившихся обстоятельствах русская военная миссия стала излишней. Зачисление русских офицеров в бельгийскую армию и финансирование миссии Военным министерством также были больше неактуальны, или, как элегантно сформулировал генерал: «К своему глубокому сожалению, бельгийское правительство решило более не принимать русских в армию. Это решение не должно удивить или огорчить вас. Оно принято, чтобы избавить тех, кто по убеждению встал на нашу сторону, от жестоких и несправедливых оскорблений, которым они, несомненно, подвергнутся вследствие заблуждений и ошибок части своих соотечественников». Де Кенинк предложил Прежбяно и его коллегам поступить на службу в Русский легион — добровольческий корпус, который возник в конце 1917 г. из остатков русских бригад во Франции, или в Иностранный легион[73].

В рапорте своему начальству Прежбяно заверял, что решение бельгийцев было чисто формальным и временным, пока не прогонят большевиков и русские снова обретут патриотизм[74]. В своих мемуарах ротмистр подчеркивал, что несмотря на все это, бельгийцы были к нему гораздо дружелюбнее, чем французы к Игнатьеву. Кроме того, после со-

[69] Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 43–44.

[70] Прежбяно А. Брест-Литовский мир и бельгийцы // Возрождение. 1933. 7 июля.

[71] Прежбяно А. К. Крушение 1917–1918 гг. // Возрождение. 1935. 22 октября.

[72] Прежбяно — де Кенинку от 1 февраля 1918 г. (ГИА, Vrangel' Papers, Box 83, Folder 12).

[73] Де Кенинк — Прежбяно от 12 марта 1918 г. (ГИА, Vrangel' Papers, Box 83, Folder 12).

[74] Отчет Прежбяно, без указания даты (ГИА, Vrangel' Papers, Box 83, Folder 12).

вещания с посланником Нелидовым и начальником штаба Рюкуа он бы и сам предложил закрыть миссию. «Три дня я делал прощальные визиты. Было бесконечно тяжело расставаться с бельгийской армией, с которой за три с лишним года я сжился и сроднился. Я никогда не забуду той сердечности, с которой меня провожали генералы Рюкуа, Жак, Бернгейм, Мишель и другие. За прощальными завтраками и обедами были все те же тосты, выражавшие уверенность, что Россия скоро воскреснет и отряхнет советское иго»[75].

И вот 18 марта 1918 г. Прежбяно оставил бельгийский фронт и поехал в Париж. По прибытии во французскую столицу ему пришлось также отказаться от последнего статусного символа — машины с шофером и табличкой «военный атташе России». Вскоре он сменил мундир на гражданский костюм. «Что будет завтра? Впереди один мрак. Страница жизни перевернулась»[76].

Перевод с нидерландского Ирины Бассиной

Список литературы

Авдеев В. А., Карпов В. Н. Секретная миссия в Париже. Граф Игнатьев против немецкой разведки в 1915–1917 гг. М, 2009.

Вандервельде Э. Русский солдат, брат мой, спаси Бельгию! Пг., 1917.

Веселовская М. В. Э. Вандервельде (вождь бельгийских социалистов). М., 1917.

Гурко В. Война и революция в России. Мемуары командующего Западным фронтом. 1914–1917. М., 2007.

Десятовский В. Бельгия под гнетом германцев. Нашествие германских войск, убийства, грабежи, насилия, нарушение дорог и деревень. Пг., 1917.

Документы внешней политики СССР. М., 1958.

Игнатьев А. А. Пятьдесят лет в строю. Т. 2. М., 1955.

Ирошников М. П., Чубарьян А. О. Тайное становится явным. Об издании секретных договоров царского и Временного правительств. М., 1970.

Маргулис М. О. Бельгия. Киев, 1917.

Маркедонов С. М. С. Г. Сватиков — историк и общественный деятель. Ростов-на-Дону, 1999.

Палицын Ф. Ф. Записки. Франция (1916–1921). Т. 2. М., 2014.

Прежбяно А. К. Несколько слов о Бельгии, ее армии и народе. Пг., 1917.

Сватиков С. Г. Русский политический сыск за границей. М., 2002.

Сно Е. Э. Бельгия. Пг., 1917.

Шляпников А. Г. Семнадцатый год. М.-Л., 1923–1931.

Adam R. Histoire des soldats russes en France, 1915–1920. Les damnés de la guerre. Paris, 1996.

Adam R. 1917, la révolte des soldats russes en France. Pantin, 2007.

Blaszkiewicz-Maison A. Albert Thomas: le socialisme en guerre 1914–1918. Rennes, 2015.

Buchanan G. My Mission to Russia and Other Diplomatic Memories. London-New York-Toronto-Melbourne, 1923.

[75] Прежбяно А. К. Крушение 1917–1918 гг. // Возрождение. 1935. 22 октября.

[76] Там же.

Cockfield J. H. With Snow on Their Boots. The Tragic Odyssey of the Russian Expeditionary Force in France during World War I. New York, 1998.

Deroo E. & *Gorokhoff G*. Héros et mutins. Les soldats russes sur le front français 1916–1918. Paris, 2010.

Galet E. Journal de campagne 26 octobre 1914–11 novembre 1918: le commandement de l'armée belge (1915–1918) et la question de la paix. Bruxelles, 2012.

Gilbert M. The Churchill Documents. Vol. 7: «The Escaped Scapegoat,» May 1915 — December 1916. Hillsdale, 2008.

Lloyd George D. War Memoirs of David Lloyd George. Vol. 3. 1933–1938.

De Man H. Herinneringen van Hendrik de man. Antwerpen, 1941.

Neilson K. Strategy and Supply: The Anglo-Russian Alliance, 1914–1917. London, 1984.

Pieters W. M. Above Flanders' Fields: A Complete Record of the Belgian Fighter Pilots and Their Units During the Great War, 1914–1918. London, 1998.

Poincaré R. Au service de la France. Neuf années de souvenirs. Paris, 1926–1933.

Sinanoglou I. Journal de Russie d'Albert Thomas // Cahiers du monde russe et soviétique, 1973, *14* (1). P. 86–204.

Thielemans M.-R. Carnets et correspondance de guerre 1914–1918 d'Albert 1er. Louvain-La-Neuve, 1991.

Vandervelde E. Trois aspects de la Révolution russe, 7 mai — 25 juin 1917. Paris, 1918.

Vandervelde E. Souvenirs d'un militant socialiste. Paris, 1939.

Winter J. M. Arthur Henderson, the Russian Revolution, and the Reconstruction of the Labour Party // The historical journal, 1972, *15* (4), P. 753–773.

Zembrzuski L. Zmarli członkowie: Ś.p. Kazimierz Wacław Karaffa-Korbutt (1878-1935) // Rocznik Towarzystwa Naukowego Warszavskiego, 1935, *28*, S. 99–102.

Wim COUDENYS

Professor, Katholieke Universiteit Leuven (Leuven, België)

E-mail: wim.coudenys@kuleuven.be

Russian military agent in Belgium A. K. Prezhbiano in 1917

The article is devoted to Russian military agent in Belgium A. K. Prezhbyano, who took up this post in September 1914, and demonstrates his complex professional biography, developed against the backdrop of the First World War and the revolution in Russia. The activities of the military agent illustratively emphasize the consistent development of situation on the fronts of the First World War and the interaction of military agents and diplomats with his Petrograd authorities during the period of power change and political troubles.

Keywords: World War I, Belgium, A. K. Prezhbyano, military agent, revolution, Western Front, Eastern Front, Bolsheviks, Russian military mission in Belgium

References

Andreev V. A., Karpov V. N., *Sekretnaya missia v Parizhe. Graf Ignatyev protiv nemetskoy razvedky v 1915–1917 [*Secret mission in Paris. Count Ignatiev against German intelligence in 1915–1917*],* Moscow 2009.

Blaszkiewicz-Maison A., *Albert Thomas: le socialisme en guerre 1914–1918*, Rennes 2015.

Cockfield J. H., *With Snow on Their Boots. The Tragic Odyssey of the Russian Expeditionary Force in France during World War I*, New York 1998.
Deroo E. & Gorokhoff G., *Héros et mutins. Les soldats russes sur le front français 1916–1918,* Paris 2010.
Gurko V. Voyna i revolutsia v Rossii. Memuary komanduyshego Zapadnym frontom. 1914–1917 [War and revolution in Russia. Memoirs of the Commander of the Western Front], Moscow 2007.
Desyatovsky V., *Belgia pod gnetom germantsev [*Belgium under the yoke of the Germans*],* Petrograd 1917.
*Dokumenty vneshney politiky SSSR [*Documents of USSR foreign policy*]*, Moscow 1958.
Galet E., *Journal de campagne 26 octobre 1914–11 novembre 1918: le commandement de l'armée belge (1915–1918) et la question de la paix,* Bruxelles 2012.
Gilbert M., *The Churchill Documents. Vol. 7: «The Escaped Scapegoat,» May 1915 — December 1916,* Hillsdale 2008.
Ignatyev A. A., *Pyatdesyat let v stroyu [*Fifty years in the ranks*],* vol. 2, Moscow 1955.
Iroshnikov M. P., Chubaryan A. O., *Taynoe stanovitsa yavnym. Ob izdanii sekretnyh dogovorov tsarskogo i Vremennogo pravitelstv [*The secret becomes explicit. On the publication of secret treaties of the Czarist and Provisional Governments*]*, Moscow 1970.
Lloyd George D., *War Memoirs of David Lloyd George*, vol. 3, 1933–1938.
De Man H., *Herinneringen van Hendrik de man,* Antwerpen 1941.
Margulis M. O., *Belgia [Belgium]*, Kiev 1917.
Markedonov S. M., *S. G. Svatikov — istorik i obshestvenny deyatel [*S. G. Svatikov — historian and public figure*],* Rostov-na-Donu 1999.
Neilson K., *Strategy and Supply: The Anglo-Russian Alliance, 1914–1917,* London 1984.
Paltsin F. F., *Zapiski. Frantsia (1916-1921) [*Notes. France (1916-1921)*]*, vol. 2, Moscow 2014.
Pieters W. M., *Above Flanders' Fields: A Complete Record of the Belgian Fighter Pilots and Their Units During the Great War, 1914–1918*, London 1998.
Poincaré R., *Au service de la France. Neuf années de souvenirs*, Paris 1926–1933.
Prezhbiano A. K., *Neskolko slov o Belgii, eyo armii i narode [*A few words about Belgium, its army and people*]*, Petrorad 1917.
Sinanoglou I., *Journal de Russie d'Albert Thomas*, in: Cahiers du monde russe et soviétique, 1973, *14* (1). P. 86–204.
Svatikov S. G., *Russkiy politichesky sysk za granitsey [*Russian political investigation abroad*],* Moscow 2002.
Sno E. E., *Belgia [Belgium],* Petrograd 1917.
Shlyapnikov A. G., *Semnadtsaty god [*Seventeenth year*]*, Moscow, Leningrad 1923–1931.
Thielemans M.-R., *Carnets et correspondance de guerre 1914–1918 d'Albert 1er*, Louvain-La-Neuve 1991.
Vandervelde E., *Trois aspects de la Révolution russe, 7 mai — 25 juin 1917*, Paris 1918.
Vandervelde E., *Souvenirs d'un militant socialiste,* Paris 1939.
Vandervelde E., *Russkii soldat, brat moi, spasi Belgiu! [*Russian soldier, my brother, save Belgium!*]*, Petrograd 1917.
Veselovskaya M. V., *E. Vandervelde (vozhd' belgiyskih socialistov) [*E. Vandervelde (leader of the Belgian socialists)*],* Moscow 1917.
Winter J. M., *Arthur Henderson, the Russian Revolution, and the Reconstruction of the Labour Party*, in: The historical journal, 1972, *15* (4), 753–773.
Zembrzuski L., *Zmarli członkowie: Ś.p. Kazimierz Wacław Karaffa-Korbutt (1878-1935)*, in: Rocznik Towarzystwa Naukowego Warszavskiego, 1935, *28*, S. 99–102.

УДК 94 (47).084.1
ББК 63.3 (2) 524

Любовь Николаевна ЛИСЕНКОВА

кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин и биоэтики Санкт-Петербургского государственного педиатрического медицинского университета (Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: lunili@yandex.ru

РУССКАЯ АРМИЯ В 1917 ГОДУ (ПО ВОСПОМИНАНИЯМ ПОЛКОВНИКА Л. Н. НОВОСИЛЬЦЕВА)

В ГАРФ хранятся записки члена кадетской партии, председателя главного комитета Союза офицеров армии и флота полковника Л. Н. Новосильцева. Воспоминания охватывают период с июля 1914 г. по ноябрь 1918 г. Работу над ними автор начал в Витебской тюрьме, куда был заключен после корниловского выступления в сентябре 1917 г., и завершил в Новороссийске в ноябре 1919 г. Наиболее интересные страницы рукописи отражают трагедию Русской армии в 1917 году. С искренней болью рассказывал Л. Н. Новосильцев о многочисленных случаях братания с врагом, насилии солдат над офицерами, самовольном оставлении боевых позиций, массовом дезертирстве. Спасение армии и России Л. Н. Новосильцев видел в установлении военной диктатуры. Он был одним из главных инициаторов военного переворота, и его записки содержат ценнейший материал по истории корниловского выступления.

Ключевые слова: Русская армия, 1917 год, революция, демократизация армии, дезертирство, братание, насилие солдат над офицерами, главный комитет Союза офицеров армии и флота, Государственное совещание, корниловское выступление, Л. Н. Новосильцев, Л. Г. Корнилов, А. В. Колчак, А. А. Брусилов, А. Ф. Керенский.

В фондах Русского заграничного исторического архива, ныне находящегося в составе ГАРФ, хранятся одиннадцать клеенчатых тетрадей, пожелтевшие страницы которых исписаны карандашом, трудно разбираемым почерком[1]. Эти записки принадлежат председателю главного комитета Союза офицеров армии и флота полковнику Леониду Николаевичу Новосильцеву[2].

---

1 ГАРФ. Ф. 6422. Оп. 1. Д. 2–12.

2 Л. Н. Новосильцев — потомственный дворянин Калужской губернии, окончил Нижегородский кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище и Александровскую военно-юридическую академию. За успехи в учебе имя Л. Н. Новосильцева было выбито на золотой доске академии. Служил во 2-й гренадерской и 3-й бригадах, Московском военно-окружном суде. Вышел в отставку в чине капитана. Жил в Ка-

На каждой тетради отметка о времени излагаемых событий и о времени записи. Воспоминания охватывают период с июля 1914 г. по ноябрь 1918 г., работу над ними автор начал в витебской тюрьме, куда был заключен после корниловского выступления в сентябре 1917 г., и завершил в Новороссийске в ноябре 1919 г. Записи сделаны близко по времени к описываемым событиям, по свежим впечатлениям, по свежей памяти.

Сотрудник Русского заграничного исторического архива в Праге Н. И. Астров в отзыве на воспоминания отмечал своеобразную манеру изложения автора: «Это запись фактов, впечатлений, встреч, которая развертывается как лента, без глав, без отделов, даже без красных строк. <…> Это повествование о том, как русский культурный и просвещенный человек, офицер, без позерства выполнил свой долг среди хаоса войны и революции»[3].

В своих записках Л. Н. Новосильцев подробно рассказал об участии в боевых действиях на Юго-Западном и Западном фронтах в 1914–1916 гг., о начале деморализации армии, падении авторитета царской власти. Автор — член кадетской партии, либерал, был убежден в том, что монархия сковывает развитие русской жизни, что монархия «антинациональна». Но известию об отречении Николая II от престола он не мог радоваться, тревожное предчувствие сжимало сердце: революция, произошедшая в разгар беспримерно тяжелой войны, не могла не принести величайшие беды Отечеству. Главное, считал Л. Н. Новосильцев, не допустить политику в армию, иначе армия погибнет, а вместе с ней погибнет и Россия.

О перевороте в Петрограде подполковник узнал, находясь в отпуске в Калуге. Здесь власть оказалась в руках прапорщиков запаса, «углублявших революцию». Начались обыски, обезоруживание и аресты офицеров, автор определял эти события как «террор прапорщиков», «господство невежества и глупости»[4].

Л. Н. Новосильцев направился на собрание прапорщиков, попросил слова и стал говорить «о необходимости подчинения начальнику гарнизона, о гибельности всякой власти от вмешательства комитетов, говорил, что они должны помнить, что их сможет сменить солдатский комитет — а тогда погибло все, ибо господство черни и солдатчины будет могилой русской свободы»[5]. Но речь успеха не имела, оратор хотел уже проститься и уехать, но был арестован, и, хотя менее чем через час освобожден, однако вскоре последовал новый арест. Через три дня Л. Н. Новосильцева освободили. Не дожидаясь конца отпуска, он уехал на фронт.

Дороги уже были расстроены, порядка не было, везде масса солдат. Все вагоны заполнили «товарищи», они ехали на крышах, тормозах, паровозах. «Ехала свобода. Бежали с фронта солдаты, предавали свою родину врагу», — вспоминал Л. Н. Новосильцев[6].

Развалу армии способствовало поспешное и непродуманное законодательство Временного правительства, которое, замечал автор с иронией, «черпало мудрость в военной секции Совета рабочих и солдатских депутатов»[7]. Печально знаменитый «Приказ № 1», солдатские комитеты и комиссары, воззвания и газетки крайне левого направления, митинги и резолюции продолжили разрушительную работу. Политика хлынула в армию, и яд неподчинения проник в солдатскую гущу. «Ничем не сдерживаемое чувство животного страха выплыло наверх, — писал Л. Н. Новосильцев. — Свобода — это освобождение от всяких обязанностей, от службы, от Родины — вот как понималась свобода. Уже раздавались слова — “зачем мне земля и воля, когда меня нет”, “не мил мне свет, если меня нет”. Шкурные интересы властно вылезали наверх во всей их отвратительной наготе»[8].

С горечью рассказывал Л. Н. Новосильцев о позорных для русской армии многочисленных случаях братания с врагом, насилии солдат над офицерами, самовольном оставлении боевых позиций, массовом дезертирстве. Дисциплина и порядок исчезли. Старые уставы были отменены, военные суды бездействовали, начальство было бессильно. Каждая новая уступка понималась солдатской массой как «завоевание революции», и всякая попытка к удержанию порядка считалась «контрреволюцией». Особое негодование у автора вызывали офицеры, которые старались сделать «карьеру на революции», подлаживались к солдатам. Началось заигрывание с солдатами, которое «здоровому офицерству»

луге, занимался юридической практикой. Леонид Николаевич избирался гласным и председателем калужской городской думы, почетным мировым судьей. Один из основателей и первый председатель калужского комитета кадетской партии, член I и IV Государственных дум. Участник I мировой войны и Гражданской войны. С 1915 г. подполковник, председатель главного комитета Союза офицеров армии и флота, в 1918 г. произведен в полковники.

3 ГАРФ. Ф. 5913. Оп. 1. Д. 59. Л. 166.

4 ГАРФ. Ф. 6422. Оп. 1. Д. 5. Л. 46.

5 Там же. Л. 49.

6 Там же. Л. 87.

7 Там же. Л. 68 об.

8 Там же. Л. 77 и об.

было противно, ведь это было «низкопоклонство перед хамством и невежеством»[9].

Мучительно переживая развал армии, автор был резок и категоричен в своих оценках: «Армии уже не существовало. Была своевольная, митингующая и политизирующая банда»[10]. Строевой офицер, человек долга и чести, Л. Н. Новосильцев не мог смириться с гибелью армии. «Грустно было на душе, — писал он, — неужели напрасны могилы, которые оставлены в Галиции, Польше и Литве, неужели тем, кому счастье улыбнулось сохранить жизнь в этой великой войне, не увидят лучших дней?»[11]

Несчастие России, настаивал автор, в роковом бессилии власти: «Сверху не было твердости. Анархия была неизбежным следствием того безвластия, которое наступило. Все во всех местах говорили и говорили, дела же не было видно. Невежество и глупость лезли наверх и готовили гибель России»[12]. Автор был убежден: «Единственный выход — военная диктатура»[13].

В мае 1917 г. в Могилеве проходил офицерский съезд, на который Л. Н. Новосильцев был делегирован от своей дивизии. В докладах с фронта предстала мрачная картина полного разрушения Армии. На позиции 151-го пехотного Пятигорского полка 38-й пехотной дивизии 5-й армии немцы прислали парламентеров, которых генерал А. М. Драгомиров не принял. В полку начались беспорядки, начальство вынуждено было уступить, генерал А. М. Драгомиров встретился с парламентерами в присутствии армейского комитета. Нелепость этой сцены была такова, что при прощании немецкие офицеры, движимые естественным чувством «профессионала к профессионалу», сказали, что в Русской армии служить офицером невозможно. «И это была правда; больно, до слез больно было слышать это из уст врага», — писал Л. Н. Новосильцев[14].

Братанию на фронте мешали артиллеристы, и вот на съезде почти в один голос артиллеристы говорили, как им запрещают стрелять, постоянно звучат угрозы со стороны пехоты. Случаи выдачи расположения своих батарей, корректирование стрельбы неприятеля по своей артиллерии — это стало обычным явлением на фронте. Затем пошли рассказы о насилии солдат над офицерами: тут были не только побои и издевательства — дело доходило и до убийств.

Не менее мрачной картина была и в довольствии войск. Автор был согласен с генералом М. В. Алексеевым, который говорил: «Люди недоедают, а конский состав и совсем голодает, <…> на этой почве распространяется цинга, недовольство росло все больше и больше, ну, а о дисциплине нечего было и говорить»[15].

Прослушав сообщения с мест, съезд вынес резолюцию: «Армия в том виде, как она есть, небоеспособна», и указал, какие меры немедленно надо принять, чтобы «хоть что-то спасти или исправить»[16]. Но кому были интересны эти постановления съезда? — задавал вопрос автор. А. Ф. Керенскому? Но военный министр «боялся хоть что либо сделать, ведь ему надо было являться и в партию с.-р. и в Совдеп, а ни партии, ни Совдепу армия была не нужна»[17].

После посещения Юго-Западного фронта в Могилев на офицерский съезд приехал А. Ф. Керенский. «Темный проходимец», «второстепенный адвокат», «кумир толпы», так называл его автор, в своей «крикливо-истерической манере» говорил, что не разделяет пессимистического взгляда офицеров, что он только что вернулся с фронта, «там отношения между офицерами и солдатами совершенно наладились и не оставляют желать ничего лучшего»[18]. Затем, демонстративно обернувшись к Л. Н. Новосильцеву, заявил: «Возврата к старому нет. <…> надо больше верить в разум и сознание долга массы, что в такой величайшей войне как эта, управлять мерами механического воздействия невозможно»[19]. У всех офицеров явилась одна и та же мысль — А. Ф. Керенский, этот «новый властитель дум России», в руках которого находится судьба армии, не понимал, что творится, и совершенно не подходил к занятию должности военного министра.

На съезде в Могилеве был создан Союз офицеров армии и флота, Л. Н. Новосильцев был избран его председателем. Союз объявил о своем решении быть вне политики и стремиться к восстановлению боеспособности армии. Но легальная деятельность была лишь ширмой, главные

---

9 ГАРФ. Ф. 6422. Оп. 1. Д. 6. Л. 16 об.

10 Там же. Д. 5. Л. 96.

11 Там же. Л. 87.

12 Там же. Л. 55.

13 ГАРФ. Ф. 6422. Оп. 1. Д. 8. Л. 23 об.

14 Там же. Д. 6. Л. 27 и об.

15 Там же. Л. 29 и об.

16 Там же. Л. 30.

17 Там же.

18 Там же. Л. 43 об.

19 Там же.

усилия Союз направил на подготовку военного переворота. Некоторые офицеры были удивлены, узнав, что кадет Л. Н. Новосильцев — один из главных инициаторов установления военной диктатуры. Подполковник не отрицал своих либеральных взглядов и принадлежности к кадетской партии, но в тот трагический момент, настаивал он, только вождь — диктатор мог спасти Россию от кровопролития и гибели.

Записи Л. Н. Новосильцева содержат богатый материал по предыстории корниловского выступления. Он рассказывал о поисках лица на роль диктатора, беседах с генералом М. В. Алексеевым, адмиралом А. В. Колчаком, генералом Л. Г. Корниловым.

Заслуживает внимания встреча в Петрограде членов Союза офицеров с адмиралом А. В. Колчаком. Командующий Черноморским флотом выбросил свой кортик в море, не желая отдавать его взбунтовавшимся матросам. Черноморский флот с уходом адмирала А. В. Колчака, констатировал автор, «уже кончил свое существование — он уже не был угрозой для Босфора и Константинополя, а был страшен только своим прибрежным городам»[20]. А. В. Колчаку был поднесен новый кортик с надписью — «рыцарю чести от Союза офицеров армии и флота». Позднее Л. Н. Новосильцев встретился с адмиралом для совершенно секретной беседы и познакомил с планами установления военной диктатуры. Адмирал сказал, что ему было предложено поступить в американский флот, но он счел это неудобным, и американцы предложили ему быть инструкторам флота. Он говорил, что военный министр А. Ф. Керенский торопился от него «отделаться», настаивал на отъезде чуть ли не в одни сутки, интересовался, что, «собственно, сделано», что «если надо, то он останется, но только если есть что-либо серьезное, а не легкомысленная авантюра», «соглашался даже перейти на нелегальное положение, если бы это было надо». Л. Н. Новосильцев должен был объяснить, что «серьезного пока еще ничего не готово, что скоро ничего ожидать нельзя» и советовал ехать в Америку, где адмирал А. В. Колчак мог принести больше пользы[21].

Подробно описывал Л. Н. Новосильцев нелегальную работу главного комитета Союза офицеров по подготовке отрядов, которые могли бы в нужное время покончить с Петроградским Советом, вспоминал о попытках найти единомышленников, установить контакты с ведущими общественными деятелями, прежде всего, лидерами кадетской партии.

[20] ГАРФ. Ф. 6422. Оп. 1. Д. 7. Л. 27

[21] Там же. Л. 29 об. — 30.

После беседы с П. Н. Милюковым Л. Н. Новосильцеву стало ясно, что «кадеты не станут рисковать своей головой, будут выжидать, и от них реальной помощи ожидать нельзя, если же что-либо удастся, то, конечно, они помогут своими знаниями для устройства Родины»[22]. Предстоящее выступление требовало значительных финансовых средств, но, сокрушался председатель офицерского Союза, буржуазия денег не дала. За все время было получено 10 тысяч от П. П. Рябушинского и 50 тысяч от А. И. Гучкова. «Заговора для захвата власти не было, — настаивал Л. Н. Новосильцев, — нет, мы хотели сделать власть сильной и могучей, а для этого надобно было одно — надо было освободить власть от владычества совдепов и комитетов всех наименований»[23].

С искренней болью рассказывал председатель офицерского Союза о провале июньского наступления 1917 года. «Русская армия бежала от слабейшего врага, — писал он. — Армия бежала, бросая артиллерию, обоз, грабя все на своем пути <…> Наступали две неприятельских дивизии, а наших бежало десять. В Ставку поступали самые ужасные сведения — там убит командир полка, там стреляли в офицеров, выбрасывали раненых из вагонов, занимая составы и приказывая машинисту ехать туда, куда желала обезумевшая толпа»[24]. Непродуманное и плохо подготовленное наступление закончилось крахом: «Опять гибли офицеры и солдаты, не потерявшие совесть и честь»[25].

Главнокомандующий Юго-Западным фронтом генерал Л. Г. Корнилов прислал в Ставку телеграмму, в которой писал о необходимости расстреливать дезертиров, и ждал санкции от верховного главнокомандующего. Но генерал А. А. Брусилов ответил странной телеграммой, в которой не было приказа, а лишь слова сочувствия. «Не сочувствие, конечно, надо было Корнилову, а или прямое приказание, или уже самое меньшее — разрешение», — писал Л. Н. Новосильцев[26]. Как удар грома в печати появилась телеграмма генерала Л. Г. Корнилова, где он сам решил применять смертную казнь. Главный комитет Союза офицеров счел важным поддержать генерала и послал телеграмму военному министру А. Ф. Керенскому, в которой указывал на необходимость введения смертной казни против трусов и предателей; необходимость

[22] Там же. Л. 31.

[23] ГАРФ. Ф. 6422. Оп. 1. Д. 9. Л. 11 об.

[24] ГАРФ. Ф. 6422. Оп. 1. Д. 8. Л. 2 об.

[25] Там же. Л. 7.

[26] Там же. Л. 3–3 об.

признать ошибку правительства перед офицерским корпусом, который с самого начала революции был взят под подозрение; необходимость вернуть дисциплинарную власть начальникам, то есть упразднить комитеты и комиссаров. «Иначе, пророчески заканчивалась наша телеграмма, — вспоминал Л. Н. Новосильцев, — ходом захлестнувших нас событий, ответственность падет на голову тех, кто ныне стоит у власти»[27].

Но А. Ф. Керенский не захотел услышать голос русского офицерства. Через несколько дней в Ставке была получена от него телеграмма, в которой указывалось, что военный министр «знает, что надо сделать, что он стремится к созданию сильной армии», а «нетактичной телеграммой» Союз офицеров вставляет ему «палки в колеса»[28]. Подполковники Л. Н. Новосильцев и В. М. Пронин получили приказ первым поездом ехать в Петроград.

Замечательны короткие зарисовки о жизни революционной столицы: «Солдаты, те торговали семечками, висли на трамваях, митинговали; учения не было — была банда. Петроград грязный, заплеванный семечками. Чести, конечно, не отдают и только юнкера, как будто бы особенно подчеркивая, лихо козыряют офицерам»[29].

Явившись в Зимний дворец, в «покои нового демократического владыки», с усмешкой замечал Л. Н. Новосильцев, они с В. М. Прониным заявили начальнику кабинета военного министра полковнику В. Л. Барановскому, что не допустят «нагоняя» со стороны А. Ф. Керенского. Они не хотели бы нарушать военную дисциплину, но во имя чести и достоинства офицеров не допустят ни выговора, ни «распекания». Вернувшись от А. Ф. Керенского, В. Л. Барановский передал, что приема не будет. «Струсил великий председатель Совета министров, военный и морской, — писал автор, — <…> не рискнул выслушать горькой правды в глаза»[30].

Неожиданным был приказ о смене верховного, да еще требование немедленно уехать из Ставки. Союз офицеров не испытывал симпатий к генералу А. А. Брусилову за «преклонение перед революционной демократией, заигрывание с комитетами», не решился Алексей Алексеевич принять необходимых мер, чтобы остановить развал армии, боялся обвинений в контрреволюции[31]. Но такая удивительная отставка заслуженного генерала заставила всех членов главного комитета Союза офицеров армии и флота явиться на вокзал и проводить А. А. Брусилова.

Новым верховным главнокомандующим был назначен генерал Л. Г. Корнилов. Л. Н. Новосильцев знал Лавра Георгиевича еще по Михайловскому артиллерийскому училищу, они были с одного отделения и одного года выпуска, и относился к «лучшему русскому генералу», как называл его автор, с уважением и преданностью. С приездом Л. Г. Корнилова стала меняться обстановка в Ставке и в армии: «Солдаты надели пояса, стали отдавать честь. Как-то все подтянулись, на фронте начались занятия. Вообще после Тарнопольского прорыва произошел какой-то, хотя может быть и неглубокий, перелом в настроении солдатской массы. Масса ждала дальнейших решительных мер к поднятию дисциплины и порядка»[32]. Их требовал и верховный главнокомандующий, а из Петрограда ему неслось — мы согласны, но эти меры пока несвоевременны, подождите. Л. Н. Новосильцев не сомневался, что А. Ф. Керенский занимался обманом генерала, как будто бы соглашался с ним, а «вместе с тем продолжал искать популярности в солдатских массах»[33].

Интересен рассказ об откровенной беседе с генералом Л. Г. Корниловым руководителей Союза офицеров. «Мы ему сказали, что армия гибнет, гибнет и Россия, — вспоминал Л. Н. Новосильцев, — не предрешая ничего, мы только не желаем реставрации Николая II, с одной стороны, и захвата власти большевиками, что было бы гибелью России <…> единственный выход — военная диктатура»[34]. Офицеры считали, что действовать необходимо как можно скорее, так как разложение уже коснулось и частей кавалерии, казаков и артиллерии. Л. Г. Корнилов, видимо, ждал этого разговора, был тоже откровенен. Он ответил: «Лично ему ничего, кроме хорошего, царская семья не сделала, но не только реставрации, но даже вообще появления у власти Романовых он бы не желал, так как семья эта уже выродилась, не имеет даровитых личностей»[35]. Генерал считал, что только диктатура и может спасти положение, и если придется взять власть, то избегать этого не будет. Он требовал от правительства введения смертной казни в тылу, милитаризации железных дорог. Настроен был генерал бодро и верил, что еще можно спасти армию, говорил, что

---

27 Там же. Л. 3об. — 4.

28 Там же. Л. 8.

29 Там же. Л. 13 об. — 14.

30 Там же. Л. 15.

31 ГАРФ. Ф. 6422. Оп. 1. Д. 7. Л. 4 об.

32 Там же. Д. 8. Л. 21 и об.

33 Там же. Л. 21 об.

34 Там же. Л. 23 об.

35 Там же. Л. 24.

правительство как будто идет ему навстречу, но только все оттягивает принятие необходимых решений. Верил он и управляющему Военным министерством Б. В. Савинкову.

Тем временем против генерала Л. Г. Корнилова на фронте и в тылу развернулась деятельная пропаганда. «Еще бы, ведь он применял смертную казнь к дезертирам, а о дезертирстве мечтала чуть ли не вся солдатская масса, — вспоминал Л. Н. Новосильцев. — Все хотели как можно скорее бежать домой, ведь немцы не наши враги, нет, наши враги буржуи, а немцы “товарищи”, которые не нынче — завтра тоже сделают у себя революцию»[36]. И хотя Л. Г. Корнилову при назначении на должность верховного обещали самостоятельность на фронте, но это не было выполнено. А. Ф. Керенский, Б. В. Савинков, М. М. Филоненко — все эти «жалкие людишки», как называл их автор, ничего не понимающие в военном деле, мешали генералу принять меры к оздоровлению армии. Вскоре фронт, было подтянувшийся, опять стал разлагаться.

Много и подробно рассказывал Л. Н. Новосильцев о московском Государственном совещании, создал точные, яркие, меткие характеристики выступающих и делегатов, сумел передать накаленную атмосферу его работы.

12 (25) августа 1917 г. в здании Большого театра состоялось открытие Государственного совещания. Подполковник Л. Н. Новосильцев сидел на местах членов Государственной думы. Некоторые делегаты при входе А. Ф. Керенского демонстративно не встали. Как признавался автор, он также «от всей души презирал этого человека, сделавшего так много зла и горя армии и Родине», но так как был в военной форме, не счел для себя возможным не встать[37].

Заседание открылось декларацией правительства, с которой выступил министр-председатель А. Ф. Керенский. И вот в один из тяжелейших периодов жизни страны, вспоминал автор, «мы услышали митинговую речь весьма посредственного оратора-политика с истерическими криками»[38]. Правда, в речи премьера иногда звучали нотки понимания момента, когда он говорил, что правительству предъявляют требования различные классы, оно не может пойти на удовлетворение требований одного какого-нибудь класса. «Но не он ли и его товарищи по кабинету, — задавал риторический вопрос Л. Н. Новосильцев, — во имя демократического принципа разрушали то, что создавалось веками, на чем создавалась русская жизнь и русская культура. Не они ли дали дорогу хаму, хам, лузгая подсолнухи, полез всюду, заявил, что никаких знаний, никакого образования не надо — а революционная демократия все может»[39]. Вслед за А. Ф. Керенским выступали другие министры, но их речи были настолько бесцветны и скучны, что автору и вспомнить было нечего, лишь строчки одной из газет, которая писала, «что и брюки на них сидят как на покойниках»[40].

На следующий день в Москву приехал генерал Л. Г. Корнилов, ему была организована торжественная встреча. Подошел поезд, грянула музыка, вышел верховный, поздоровался с почетным караулом, а потом пошел по депутациям, которые его встречали. «Я ему сказал небольшую речь от имени офицерского союза, — вспоминал Л. Н. Новосильцев, — приветствовали его георгиевские кавалеры, еще какая-то депутация <…> говорил речь Родичев. Он сказал одну неосторожную фразу: “Спасите Россию, и народ увенчает вас”. Морозова прямо чуть не упала на колени и сказала: “Спасите Россию!”»[41].

У вокзала собралась огромная толпа народа. Автомобиль Л. Г. Корнилова был весь убран цветами. Но не боевому генералу ехать в цветах. Он просил убрать цветы, и если хотят как-то отличить его автомобиль, то это может быть только георгиевский флаг. «Красивую картину представляла стройная вереница автомобилей, когда она двигалась по Тверской, — вспоминал автор записок. — Корнилов ехал с адъютантом и с несколькими текинцами в белоснежных папахах. Толпа народа приветствовала на улицах, а солдаты, поддаваясь общему впечатлению, отдавали честь».[42] Отслужили молебен у Иверской, Л. Г. Корнилов вернулся в свой вагон, сопровождаемый опять вереницей автомобилей.

А. Ф. Керенскому очень не хотелось, чтобы верховный выступал на Государственном Совещании. На вокзал был послан министр путей сообщения П. П. Юренев уговаривать Л. Г. Корнилова не выступать. Но генерал твердо стоял на том, что он должен сказать правду народу.

На другой день утром на Государственное совещание приехал генерал Л. Г. Корнилов. Его приветствовали офицеры и казаки, члены Думы; представители войсковых комитетов демонстративно сидели. Председатель

---

36 Там же. Л. 26.

37 Там же. Л. 40.

38 Там же. Л. 41 и об.

39 Там же. Л. 41 об. — 42.

40 Там же. Л. 42.

41 Там же. Л. 44 и об.

42 ГАРФ. Ф. 6422. Оп. 1. Д. 9. Л. 2.

Союза офицеров был возмущен: солдаты не пожелали встать, когда вошел верховный главнокомандующий! Наоборот, они шумно приветствовали появление «героя комитетов и уговоров» А. Ф. Керенского.

Наконец выступление генерала Л. Г. Корнилова. Опять шумные приветствия части собрания, демонстративно сидят с усмешкой члены советов и войсковых комитетов. «Наглые тупые физиономии зазнавшихся солдат, хама, вкусившего власть и забывшего, что власть налагает и обязанности, — не сдерживая эмоции и гнев, писал Л. Н. Новосильцев. — Эти люди решили, что вот именно в них заключается государственная мудрость, что именно они покажут всему миру новое, небывалое в истории — а, между тем, ведь по умственному уровню и образованию это были люди, которые, по образному выражению моего фельдфебеля, умного мужика Антонова, не умеют пять куч навоза поделить между пятью людьми»[43].

Л. Н. Новосильцев вспоминал, что Л. Г. Корнилов как оратор был средний, но речь его показала «человека твердой воли, дышала искренностью и любовью к родине и армии»[44]. Верховный предупреждал, что неприятель стучится в ворота Риги, затем будет угроза Москве и Петрограду — необходимы меры к упорядочению фронта и тыла. Он заявил, что не враг солдатских комитетов, работал с комитетом VIII армии, но деятельность их необходимо привести в порядок, точно установить их права и обязанности. Слова Л. Г. Корнилова о комитетах, вызвали замешательство у Л. Н. Новосильцева. Неужели генерал еще верит в возможность найти понимание с солдатскими организациями?

От имени казаков выступил атаман Войска Донского А. М. Каледин. Спокойным, но твердым голосом он заявил, что «пораженцам нет места в правительстве», потребовал уничтожения комитетов, оставив только в войсках не выше полковых исключительно с хозяйственными функциями[45].

В своих записках Л. Н. Новосильцев вспоминал выступления на московском Совещании от V армии подполковника Куропаткина, от XII армии капитана Кучина, от петроградского революционного офицерства штабс-капитана Бржозека, от московского Совета офицерских депутатов кн. Друцкого, а также Н. С. Чхеидзе, кн. П. А. Кропоткина, Г. В. Плеханова, Е. К. Брешко-Брешковской и др. Подполковник Л. Н. Новосильцев не выступал на Совещании, свое время он передал в распоряжение генерала М. В. Алексеева и лейтенанта Н. Д. Каллистова, который должен был сделать заявление от имени флотских офицеров.

Во время выступления есаула А. Г. Ногаева, который представлял казачью фракцию Петроградского Совета, произошел скандал. «Он говорил наглую речь в духе, угодном для Совдепа», вспоминал Л. Н. Новосильцев. В это время в ложе, где были офицеры, полковник К. В. Сахаров громко сказал: «Почем стоят германские марки?». Поднялся шум, и А. Ф. Керенский крикнул: «Кто сказал?». И К. В. Сахаров из ложи ответил: «Полковник Сахаров». Представитель союза георгиевских кавалеров Скаржинский также крикнул: «Хотя я и не говорил, но я повторяю эти слова». Может быть, из-за особенностей акустики Большого театра А. Ф. Керенский не слышал ответ К. В. Сахарова, возможно, что он «хотел сделать выпад по адресу столь ненавистного ему офицерства», замечал Л. Н. Новосильцев, но смотря на ложу, где были все офицеры и атаман казачьего войска А. М. Каледин, министр-председатель сказал: «Вы можете считать себя удовлетворенным, так как тот, кто сказал, не решился назвать себя — он трус». Поднялся невероятный шум, пришлось сделать перерыв. Полковник К. В. Сахаров подошел к А. Ф. Керенскому для объяснений. Когда заседание возобновилось, министр-председатель заявил: «Я рад засвидетельствовать, что русские офицеры не прячутся». В это время К. В. Сахаров громко крикнул: «Я готов дать удовлетворение есаулу Ногаеву». А. Ф. Керенский продолжал свои рассуждения о том, что А. М. Каледин имел право говорить от имени всех казаков, так как был уполномочен всеми казачьими организациями, представленными на Совещании, а А. Г. Ногаев есть истинный представитель «трудового казачества». Именно в это время появился этот термин — «трудовое казачество», чтобы разделить, посеять вражду в бывшем до того едином казачестве, был уверен Л. Н. Новосильцев.

Государственное совещание закончилось речью А. Ф. Керенского, которая оставила о себе тягостное впечатление. Опять здесь была угроза «невидимому врагу», обещание подавить «железом и кровью», затем речь потеряла связь, и он тихим голосом сказал: «Я растопчу цветы моего сердца, выну сердце и вложу камень, говорят, что я слишком много мечтаю, я перестану мечтать и буду мало верить», в это время какой-то истеричный женский голос закричал — «верьте». «Я думаю, что во всем театре промелькнула одна тревожная мысль — не сошел ли он с ума, не находится ли Россия в руках сумасшедшего человека», —

[43] Там же. Л. 6 об. — 7.

[44] Там же. Л. 6 об.

[45] Там же. Л. 8 об.

вспоминал Л. Н. Новосильцев[46]. Так закончилась очередная «говорильня» — московское Государственное совещание.

Потом была сдача Риги, отступление русской армии, новые факты насилия солдат над офицерами. В 5-й артиллерийской бригаде солдаты 5-й батареи избили офицеров. Они были переданы военно-революционному суду, который признал факт бунта и избиения, но виновных оправдал, признав их «действующими без сознания или не понимающими своих поступков». «Более нелепого приговора, да еще на войне, придумать было нельзя», — с негодованием писал Л. Н. Новосильцев[47].

По поручению генерала Л. Г. Корнилова подполковник отправился в Москву для поиска помещения для Союза офицеров. На вокзале к нему подошел Добрынский. Он сказал: «Вы не имеете права сейчас уезжать, я приехал с Владимиром Николаевичем Львовым с поручением от Керенского о составлении кабинета спасения России, и вас туда хотели пригласить». Л. Н. Новосильцев сказал, что не верит А. Ф. Керенскому, не считает себя подготовленным для принятия какого-либо министерского портфеля, да и вообще не считает для себя возможным пойти на какие-либо комбинации с А. Ф. Керенским. Зная князя В. Н. Львова как человека «весьма недалекого, как большого поклонника А. Ф. Керенского и величайшего путаника», он просил Голицына и кн. Г. Трубецкого предупредить об этом генерала Л. Г. Корнилова[48].

В Москве Л. Н. Новосильцев встречался с кн. Г. Е. Львовым, бывшим председателем Совета министров. Он сообщил подполковнику, что его фамилия вызывает у А. Ф. Керенского озлобление. Министр-председатель говорил князю, что не боится ни большевиков, ни фронды Москвы во главе с П. П. Рябушинским, угрозу он видит от Союза офицеров и его председателя, что генерал Л. Г. Корнилов стал игрушкой в их руках. «Какое непонимание момента и людей! — восклицал Л. Н. Новосильцев. Может быть, это для меня и было бы весьма лестно, но чтобы Корнилов стал игрушкой в руках кого-нибудь человека — ведь это абсурд, это глупость»[49]. Кн. Г. Е. Львов предупредил Л. Н. Новосильцева о возможных репрессиях со стороны А. Ф. Керенского.

В Москве автор получил телеграмму от Союза с требованием немедленно возвращаться. «Не ожидал я провокации со стороны Керенского, мне это не приходило в голову», — признавался Л. Н. Новосильцев[50]. Он ехал в Ставку, не ожидая больших событий. В Орше офицер рассказал ему о телеграмме А. Ф. Керенского и ответе на нее Л. Г. Корнилова. А. Ф. Керенский лгал перед всей Россией, что Л. Г. Корнилов прислал к нему В. Н. Львова с ультиматумом о передаче власти. Л. Г. Корнилов отказывался сдать должность верховного и указывал, что В. Н. Львов был прислан к нему А. Ф. Керенским. «У меня не было надежды на успех, ведь еще не были заняты узлы железных дорог ударными батальонами, да и их было мало; очень я боялся, что все провалится» — вспоминал Л. Н. Новосильцев [51].

К сожалению, лишь отдельными штрихами зарисована обстановка в Ставке в корниловские дни. Примечателен разговор, состоявшийся у Л. Н. Новосильцева с верховным главнокомандующим генералом Л. Г. Корниловым. На его вопрос, «приедут ли из Москвы общественные деятели», председатель офицерского Союза без колебаний ответил: «Конечно, нет, теперь будут ждать, кто победит в этом споре, за тем и пойдут»[52]. С самого начала Л. Н. Новосильцев понимал обреченность выступления Корнилова — «момент был упущен. Это выступление могло иметь успех только немедленно, только после Тарнопольского прорыва, когда был действительно некоторый поворот в массах»[53].

Как участник корниловского «заговора» Л. Н. Новосильцев был арестован. Дальнейшие его воспоминания рассказывают о витебской тюрьме и Быхове, зарождении Добровольческой армии, Кубанском походе, гибели генерала Л. Г. Корнилова, настроениях на Дону, поездке в Москву летом 1918 г. для встречи с союзниками и членами «Национального» и «Правого центров», смерти генерала М. В. Алексеева. На этом обрываются записки Новосильцева, простой и честный рассказ о тернистом пути русского офицера в годы войн и революций.

---

46 Там же. Л. 16.

47 Там же. Л. 20.

48 Там же. Л. 24 об.

49 Там же. Л. 26.

50 Там же. Л. 30–30 об.

51 Там же. 31.

52 Там же. Л. 31 об. — 32.

53 Там же. Л. 36 об.

Lyubov Nikolaevna LISENKOVA
Ph. D. In History (*kandidat istoricheskikh nauk*), Associate Professor (*dotsent*), Department of Humanities and Bioethics of Saint-Petersburg State Pediatric Medical University (Saint-Petersburg, Russia)
E-mail: lunili@yandex.ru

The Russian Army in 1917 (According to the memoirs of Colonel L. N. Novosiltsev)

The notes of a member of the Cadet Party, the chairman of the Main Committee of the Union of Officers of the Army and the Navy, Colonel L. N. Novosiltsev are keeping in the collections of GARF. Memories cover the period from July 1914 to November 1918, the author began working on them in the Vitebsk prison, where he was imprisoned after the Kornilov military action in September 1917, and completed in Novorossiysk in November 1919. The most interesting pages of the manuscript reflect the tragedy of the Russian Army in 1917. LN. Novosiltsev told numerous cases of fraternization with the enemy, the violence of soldiers over officers, the unauthorized abandonment of military positions, mass desertion. The collapse of the Army was facilitated by the legislation of the Provisional Government, the author noted with irony that the government «took wisdom in the military section of the Council of Worker's and Soldier's Deputies». «Order N 1», soldier's committees and commissars, newspapers of the extreme left direction continued destructive work. Politics poured into the Army, and the poison of insubordination penetrated the soldier's masses. The author was harsh and categorical in his assessments: «The army no longer existed. There was a self-willed, protesting and politicizing gang». Salvation of the Army and Russia Novosiltsev saw in the establishment of the military dictatorship, he was one of the main initiators of the military coup, and his notes contain valuable material on the history of the Kornilov action.

Keywords: Russian Army, 1917, revolution, democratization of the army, desertion, fraternisation, violence of soldiers over officers, Main Committee of the Union of Officers of the Army and the Navy, Moscow State Conference, Kornilov's action, L. N. Novosiltsev, L. G. Kornilov, A. V. Kolchak, A. A. Brusilov, A. F. Kerensky.

УДК 94 (47) 084.2
ББК 63.3 (2).612

Евгений Васильевич ЯКОВКИН
преподаватель, ГБПОУ Колледж олимпийского резерва Пермского края (Пермь, Россия)
E-mail: yakowkin.evgenij@yandex.ru

НА ЗАЩИТЕ «ЗИМНЕГО»: ПОСЛЕДНИЕ ЗАЩИТНИКИ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА. К ИСТОРИИ ОКТЯБРЬСКОГО ВООРУЖЕННОГО ПЕРЕВОРОТА 1917 г.

В статье рассматривается история участия воинских частей в защите Временного правительства во время беспорядков в Петрограде в конце октября 1917 г. Рассмотрена роль как руководителей обороны, так и роль рядовых участников событий: юнкеров, ударниц женского батальона смерти. Особое внимание обращено на события, происходившие 25 и 26 октября 1917 г. во время Октябрьского переворота.

Ключевые слова: Временное правительство, Октябрьский переворот, юнкера, ударники, женский батальон смерти, Зимний дворец, ВРК.

25–26 октября 1917 г. в Петрограде большевики захватили власть. Это событие получило название «Октябрьский переворот». В Советском Союзе это событие именовали «Великой Октябрьской социалистической революцией». За прошедшие 100 лет события, связанные с приходом большевиков во главе с В. И. Лениным обросли массой мифов и легенд. Особенно это касается захвата революционными солдатами Зимнего дворца — резиденции Временного правительства. Нашей задачей является как можно полная реконструкция тех событий, а именно рассмотрение тех сил, которые были последними защитниками власти Временного правительства в Петрограде.

В начале октября 1917 г. большевики во главе с В. И. Лениным взяли курс на вооруженное восстание. Главную роль в координации антиправительственных сил в Петрограде играл Военно-революционных комитет (ВРК), созданный 12 октября 1917 г., чтобы организовывать оборону столицы от возможного немецкого десанта, но стал центром подготовки вооруженных отрядов для захвата большевиками власти в столице. Штаб ВРК расположился в здании бывшего Смольного института. 22 октября 1917 г. ВРК заявил о вето на все приказы военного

командования Петрограда[1]. Председатель Временного правительства А. Ф. Керенский пытался противостоять действиям ВРК. Но начальник Петроградского военного округа полковник Г. П. Полковников пытался договориться с ВРК, проявляя нерешительность. Из-за этого премьер-министр отдал распоряжение начальнику штаба Петроградского военного округа генерал-майору Я. Г. Багратуни об отправке в Петроград военного отряда. Багратуни направил приказ в штаб Северного фронта о формировании и отправке в Петроград специального воинского отряда, в состав которого должны были войти одна бригада пехоты, кавалерийский полк и артиллерийская батарея. После этого Багратуни отдал приказ об отправке на Дворцовую площадь Петрограда юнкеров Павловского, Владимирского, Константиновского военного училищ, школ прапорщиков, батареи конной артиллерии и 1-го Петроградского женского батальона смерти под командованием штабс-капитана А. В. Лоскова[2]. Багратуни был уверен, что удастся переломить ситуацию, освободить Мариинский дворец, где заседал временный Совет Республики, вернуть под контроль телефонную станцию, а также арестовать весь состав ВРК[3].

Юнкерам было объявлено о том, что необходимо усмирить восставшие против правительства элементы и «выполнить свой долг перед родиной в момент наитягчайших напряжений, в дни, когда заседает народившийся Совет Республики»[4]. Важные для города объекты — вокзал, телеграф, телефонные станции — были уже заняты вооруженными отрядами, подчинявшимися ВРК. Единственным, еще не находившимся под их контролем, был Зимний дворец.

Временным правительством было сделано две попытки изменить положение. Первой попыткой был захват большевистской типографии. Для борьбы с большевистской пропагандой отряд юнкеров 24 октября 1917 г. занял типографию, в которой печатались газеты «Рабочий путь» и «Солдат». В ответ ВРК послал туда солдат лейб-гвардии запасного Литовского полка, которые прогнали юнкеров[5]. Второй попыткой стала попытка овладеть телефонной станцией. Это попытался сделать отряд юнкеров Николаевского инженерного училища под командованием поручика А. П. Синегуба и комиссара Временного правительства поручика В. Б. Станкевича. Все окончилось перестрелкой и пленением части юнкеров. Оставшиеся юнкера с офицерами отправились на Дворцовую площадь[6].

С 24 на 25 октября Керенский пытался вызвать подкрепления для защиты Зимнего дворца. Прежде всего, он добивался прибытия казаков. Незадолго до этого три донских казачьих полка отказались защищать Временное правительство, поэтому Керенский пытался вызвать 5-ю казачью дивизию из Финляндии. Все это не принесло пользы. Около 11 часов утра Керенский со своими адъютантами на автомобилях под американским флагом отбыл в Гатчину к подходившим недавно вызванным подкреплениям с Северного фронта[7]. Временное правительство провело заседание без Керенского под председательством его заместителя А. И. Коновалова, предоставив исключительные полномочия министру государственного призрения Н. М. Кишкину[8], который активно принялся их реализовывать.

К утру 25 октября на Дворцовую площадь явились юнкера из Петроградской, Ораниенбаумской, Петергофской школ прапорщиков и взвод от Константиновского артиллерийского училища[9]. Кроме того, прибыла 2-я рота 1-го Петроградского женского батальона смерти (137 человек). Недолго на Дворцовой площади была также сотня уральских казаков[10], которая утром 25 октября ушла, оставив юнкерам свои пулеметы[11]. Юнкера заняли внутренние помещения Зимнего дворца, где организовали караульную службу. Кроме того, в первой половине дня прибыли инвалиды-георгиевцы из отряда добровольцев-инвалидов, которые стали нести охрану на первом этаже. Всего Зимний защищали около 1500 человек: юнкера, солдаты-ударники, как женщины, так и мужчины. Противник — ВРК насчитывал более 200 тыс. хорошо вооруженных бойцов, а также корабли, присланные Центробалтом[12].

---

1 *Гагкуев Р. Г., Репников А. В.* Великая революция 1917 года: иллюстрированная летопись. М.: Эксмо, Яуза, 2017. С. 171.

2 *Аватесян Г. А.* Генерал Акоп Багратуни // Армянский вестник. 1999. № 1–2. С. 45.

3 *Станкевич В. Б.* Воспоминания. 1914–1919 гг. Берлин: издательство И. П. Ладыжникова, 1920. С. 261.

4 *Синегуб А.* Защита Зимнего дворца // Архив русской революции. Т. 4. Берлин, 1922. С. 129.

5 *Гейлеш де К.* Защита Зимнего дворца // Сопротивление большевизму. М.: Центрополиграф, 2001. С. 10.

6 *Станкевич В. Б.* указ. соч. С. 262–264.

7 *Гейлеш де К.* Указ. соч. С. 13.

8 *Гагкуев Р. Г., Репников А. В.* Указ. соч. С. 175.

9 *Синегуб А.* Указ. соч. С. 129.

10 *Гейлеш де К.* Указ. соч. С. 10.

11 *Бочарникова М. В.* В женском батальоне смерти (1917–1918) // Доброволицы. М.: Русский путь, 2001. С. 198.

12 *Гейлеш де К.* Указ. соч. С. 10.

В течение дня произошли назначения на командные должности, связанные с обороной Зимнего дворца и противодействию ВРК. Комендантом Зимнего дворца правительство назначило полковника Александра Георгиевича Ананьева, начальника Петроградской школы прапорщиков инженерных войск. Он деятельно начал готовить оборону дворца. По приказу Н. М. Кишкина на должность начальника Петроградского военного округа вместо бездеятельного полковника Г. П. Полковникова был назначен генерал-майор Я. Г. Багратуни[13]. Временное правительство выпустило воззвание к населению с призывом к населению «помешать безумцам, к которым присоединись все враги свободы и порядка»[14].

К семи вечера Багратуни был вручен ультиматум от ВРК, в котором говорилось о том, что вся власть переходит в руки Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, а Временное правительство и верные ему войска должны капитулировать. Временное правительство проигнорировало ультиматум. Багратуни связался по телефону с командующим Северным фронтом генералом В. А. Черемисовым, пытаясь добиться от него скорейшей отправки подкреплений. Переговоры ни к чему не привели. Во время переговоров Багратуни был вызван из штаба в Зимний, и когда он находился там, пришло известие о том, что его штаб сдался революционным солдатам. В связи с этим он подал в отставку и покинул дворец, при выходе из которого он был арестован революционными матросами Балтийского флотского экипажа[15] и позже отправлен в Петропавловскую крепость[16]. На защите Зимнего дворца остались только юнкера и ударницы женского батальона.

К вечеру 25 октября юнкера построили на Дворцовой площади баррикады из дров, которые находились у Зимнего дворца. У них залегли цепи как юнкеров, так и женщин-ударниц. После девяти часов вечера началась перестрелка между защитниками и солдатами, подчинявшимися ВРК[17]. Последние начали проникать во дворец через черные ходы, где не было поставлено охранения. Один из защитников Зимнего — начальник школы прапорщиков Северного фронта полковник О. фон Прюссинг приказал юнкерам из имеющейся мебели соорудить баррикады в проходах и на лестницах[18]. Несмотря на это, солдаты продолжали пробираться внутрь дворца и брать в плен юнкеров. Начались схватки с использованием винтовок и гранат. Было ранено два юнкера[19]. Что касается революционных солдат, которые брали Зимний дворец то среди них были чины запасных батальонов лейб-гвардии Павловского, Преображенского, Семеновского полков, а также матросы и солдаты запасных пехотных полков[20]. Согласно воспоминаниям защитников Зимнего, по дворцу было сделано несколько артиллерийских выстрелов со стороны крейсера «Авроры» и миноносца «Забияка»[21].

В ночь на 26 октября 1917 года последними защитниками Временного правительства оставались юнкера, руководимые Синегубом и Пальчинским — помощником Н. М. Кишкина[22]. Сил у защитников с каждой минутой становилось все меньше. Юнкера вначале арестовывали всех проходивших внутрь дворца и отбирали у них оружие. Но когда солдат и матросов стало больше, то уже они отбирали винтовки у юнкеров[23]. Руководивший взятием Зимнего В. А. Антонов-Овсеенко вспоминал о последней горстке юнкеров, собравшихся у зала, где заседало Временное правительство: «Но вот в обширном зале у порога — их неподвижный четкий ряд с ружьями наизготовку. Осаждавшие замялись в дверях… Подходим с Чудновским к этой горстке юнцов, последней гвардии Временного правительства. Они как бы окаменели. С трудом вырываем винтовки из их рук»[24].

К середине ночи большая часть дворца была занята революционными солдатами и матросами. Министр юстиции Временного правительства П. Н. Малянтович вспоминал о последних минутах защиты Зимнего: «Дверь распахнулась… Вскочил юнкер. Вытянулся во фронт, руки под козырек, лицо взволнованное, но решительное:

---

13 *Голостенев М. Е.* Кишкин Н. М. // Политические деятели России. 1917. Биографический словарь. М.: Большая российская энциклопедия, 1993. С. 152–153.

14 *Ливеровский А. В.* Последние часы Временного правительства // Исторический архив. 1960. № 6. С. 42–43; *Рид. Дж.* 10 дней, которые потрясли мир. М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. С. 287.

15 *Троцкий Л. Д.* История русской революции: в 2 т. Т. 2: Октябрьская революция. Ч. 2. М.: ТЕРРА; Республика, 1997. С. 232.

16 *Аватесян Г. А.* Указ. соч. С. 46.

17 *Бочарникова М. В.* Указ. соч. С. 198–200.

18 *Прюссинг фон Г.* Защита Зимнего Дворца // Сопротивление большевизму. М.: Центрполиграф, 2001. С. 20.

19 *Ливеровский А. В.* Указ. соч.

20 *Гейлеш де К.* Указ. соч. С. 15.

21 Там же. С. 14.

22 *Синегуб А.* Указ. соч. С. 185.

23 *Рид. Дж.* Указ. соч. С. 148.

24 *Антонов-Овсеенко В. А.* В семнадцатом году. М.: Гос. изд-во художеств. лит., 1933. С. 319.

— Как прикажет временное правительство! Защищаться до последнего человека? Мы готовы, если прикажет Временное правительство.

— Этого не надо! Это бесцельно! Это же ясно! Не надо крови! Надо сдаваться, — закричали мы все, не сговариваясь, а только переглядываясь и встречая друг у друга одно и то же чувство и решение в глазах».

После этого через юнкеров руководству ВРК было передано решение о сдаче Временного правительства в плен, и через некоторое время в помещение, где находились министры, вошли революционные солдаты во главе с В. А. Антоновым-Овсеенко, который объявил об их аресте[25]. После этого всем частям, защищавшим Временное правительство, было отдано приказание о прекращении сопротивления. Юнкера, ударники и ударницы женского батальона были арестованы, затем большая часть из них отпущена[26].

Через несколько дней началось юнкерское восстание в Петрограде, руководимое полковником Г. П. Полковниковым, окончившиеся поражением. В Москве бои против большевиков продолжались целую неделю. Как и в Петрограде, противниками большевиков выступили солдаты-ударники и юнкера. Но момент был упущен. Разрасталась гражданская война, а Временное правительство кануло в лету.

Список литературы

Аватесян Г. А. Генерал Акоп Багратуни // Армянский вестник. 1999. № 1–2.

Антонов-Овсеенко В. А. В семнадцатом году. М.: Гос. изд-во художеств. лит., 1933.

Бочарникова М. В. В женском батальоне смерти (1917–1918) // Доброволицы. М.: Русский путь, 2001.

Гагкуев Р. Г., Репников А. В. Великая Революция 1917 года: иллюстрированная летопись. М.: Эксмо, Яуза, 2017.

Голостенев М. Е. Кишкин Н. М. // Политические деятели России. 1917. Биографический словарь. М.: Большая российская энциклопедия, 1993.

Ливеровский А. В. Последние часы Временного правительства // Исторический архив. 1960. № 6.

Малянтович П. Н. В Зимнем дворце 25–26 октября 1917 года // Былое. 1918. № 12.

Рид Дж. 10 дней, которые потрясли мир. М.: Государственное издательство политической литературы, 1957.

Синегуб А. Защита Зимнего дворца // Архив русской революции. Т. 4. Берлин, 1922.

Сопротивление большевизму. М.: Центрполиграф, 2001.

Станкевич В. Б. Воспоминания: 1914–1919 гг. Берлин: Издательство И. П. Ладыжникова, 1920.

Троцкий Л. Д. История русской революции: в 2 т. Т. 2: Октябрьская революция. Ч. 2. М.: ТЕРРА; Республика, 1997.

[25] *Малянтович П. Н.* В Зимнем дворце 25–26 октября 1917 года // Былое. 1918. № 12. С. 140–141.

[26] *Гейлеш де К.* Указ. соч. С. 15.

Evgeniy Vasilievich YAKOVKIN

Teacher, College of Olympic Reserve of Perm region (Perm, Russia)

E-mail: yakowkin.evgenij@yandex.ru

Defending the Winter Palace: the last defenders of the Provisional Government. The history of the October Uprising in 1917

The article discusses the history of the participation of military units in the defense of the Provisional government during the riots in Petrograd in late October 1917. The role as the leaders of the defense, and the role of ordinary participants of the events: cadets, soldiers the women's battalion of death. Special attention is paid to events that took place on 25 and 26 October, 1917 during the October Uprising.

Keywords: Russian Provisional Government, October Uprising, Junker, shock troops, Women's Battalion, VRK.

References

Avatesyan G. A., *General Akop Bagratuni,* in: Armyanskiy vestnik, 1999. #1–2.

Antonov-Ovseenko V. A., *V semnadtsatom godu,* Moscow 1933.

Bocharnikova M. V., *V zhenskom batal'one smerti (1917–1918)*, in: Dobrovolitsy, Moscow 2001.

Gagkuyev R. G., Repnikov A. V., *Velikaya Revolyutsiya 1917 goda: illyustrirovannaya letopis',* Moscow 2017.

Golostenev M. E., *Kishkin N. M.*, in: Politicheskiye deyateli Rossii 1917. Biograficheskiy slovar'., Moscow 1993.

Liverovskiy A. V., *Posledniye chasy Vremennogo pravitel'stva*, in: Istoricheskiy arkhiv, 1960 #6.

Malyantovich P. N., *V Zimnem dvortse 25–26 oktyabrya 1917 goda*, in: Byloye, 1918 #12.

Rid Dj. <John Read>. *10 dney, kotoryye potryasli mir,* Moscow 1957.

Sinegub A., *Zashchita Zimnego dvortsa*, in: Arkhiv russkoy revolyutsii, vol. 4, Berlin 1922.

Soprotivleniye bol'shevizmu, Moscow 2001.

Stankevich V. B. *Vospominaniya: 1914–1919 gg.*, Berlin 1920.

Trotskiy L. D., *Istoriya russkoy revolyutsii,* vol 2: Oktyabr'skaya revolyutsiya, part 2, Moscow 1997.

УДК 94 (47).084.2
ББК 63.3 (2) 6

Василий Олегович БОЧАРОВ
независимый исследователь (Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: vasnad@mail.ru

«ТОТ САМЫЙ» БРОНЕВИК: ПОДЛИННАЯ ИСТОРИЯ ЗНАМЕНИТОГО ЭКСПОНАТА[1]

В статье говорится о бытовании броневика, который, как считается, послужил трибуной Владимиру Ленину 3 апреля 1917 г., как музейного экспоната, его поисках, обнаружении, реставрациях.

Ключевые слова: броневик, В. И. Ленин, Музей Ленина, Музей артиллерии, революция, 1917.

Броневик «Враг капитала» много лет украшал двор Ленинградского филиала Музея Ленина (Мраморный дворец), теперь машина экспонируется в Военно-историческом музее артиллерии, инженерных войск и войск связи (ВИМАИВиВС). Считалось, что именно она послужила трибуной лидеру РСДРП В. И. Ленину 3 (16) апреля 1917 г. на митинге по поводу возвращения видных деятелей российской социал-демократии на родину. Так броневик оказался одним из важнейших артефактов ленинского мифа вообще и краеугольным камнем сюжета о прибытии Ленина в Петроград в частности.

Вследствие этого в 1920–1930-х гг. были предприняты поиски «того самого» броневика. Некий броневик был в итоге найден и в 1940 г. установлен на постамент перед Мраморным дворцом. Рассуждения о роли этой конкретной бронемашины «Враг капитала» в истории, поиски артефакта, обнаружение, доказательство подлинности и бытование в качестве экспоната многократно описывались сотрудниками Музея Ленина в специальных брошюрах (последняя издана в 1986 г.)[2].

В последнее время такие сюжеты, как встреча Ленина, вообще проблематика 1917 г. и ранние этапы развития автобронетанковой техники

[1] Автор выражает искреннюю признательность Максиму Викторовичу Коломийцу за помощь советами и предоставленные фотоматериалы.

[2] *Куликовская Л. Л.* Броневик «Враг капитала». Л., 1986. Предыдущее издание: *Кущий Г. С.* «Враг капитала». Л., 1979.

Илл. 1. Броневик «Враг капитала», экспонат зала № 10 Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи

пополнились рядом серьёзных исследований, и во многих деталях новые работы принципиально не стыкуются с официальной советской версией истории броневика. Это требует пересмотра всей легенды о «ленинском броневике», каковую задачу и ставит перед собой автор, но с особым упором на подтверждаемые документально эпизоды бытования броневика как музейного экспоната (*илл. 1*)[3].

Фактическое начало всему сюжету положил приезд Владимира Ленина из эмиграции в Петроград на Финляндский вокзал 3 (16) апреля 1917 г. Тогда, после объявленной амнистии, на родину возвращались

[3] Вместе с броневиком в 1992 г. из бывшего Ленинградского филиала Центрального музея В. И. Ленина (на тот момент уже Мемориального музея В. И. Ленина) в ВИМАИВиВС был передан небольшой, но содержательный документальный фонд, включающий материалы о поисках бронемашины, доказательствах её подлинности, договоры, ведомости и акты, касающиеся реставраций экспоната, а также детальные обмерные чертежи. В Музее артиллерии это: Архив ВИМАИВиВС, Ф. 3р, Оп. 54, Д. 1–15.

многие политические эмигранты. Им устраивали официальные встречи с привлечением воинских команд, военного оркестра и торжественными митингами. Такой, судя по всему, была и встреча Ленина. Но в тот момент она не привлекла к себе всеобщего внимания: краткая заметка о событии появилась в «Правде» только спустя пару дней, чуть позже — несколько более многословное сообщение в «Известиях». И всё. Перед страной и людьми стояли суровые вызовы времени и было, в общем-то, не до рефлексии по поводу рядовых текущих событий. Потом были Октябрьская революция, Гражданская война, рождение Советского государства. И смерть Владимира Ленина в 1924 г. В это время и проявился широкий общественный интерес к тому апрельскому дню. Складывалась лениниана, формировался и увековечивался образ вождя, в официальной печати прозвучал призыв ко всем, имевшим отношение к Владимиру Ильичу, написать и поделиться воспоминаниями. Многие участники встречи Ленина составили свои мемуарные заметки. Однако очень часто событийная канва этих записок базировалась на упомянутых сообщениях 1917 г. «Правды» и «Известий», из-за чего использовать эту информацию нужно крайне осмотрительно.

Современный исследователь К. А. Тарасов, анализируя массив таких воспоминаний по сюжетике, времени появления, динамике трактовки, отметил: «Воспоминания о торжественной встрече на Финляндском вокзале являются элементом складывающегося с середины 20-х гг. культа Ленина в СССР. <…> Особенностями воспоминаний о Ленине было постепенное сближение мифа и реальности. <…> В случае со встречей Ленина мы практически не имеем синхронных источников. <…> Одни мемуары оказывали влияние на другие, корректировали их. Те и другие влияли на массовую культуру, а она, в свою очередь, создавала новые воспоминания. <…> На этом фоне борьба за установление исторической правды перерастает в идеологическое противостояние»[4].

История не оставила точного содержания выступления Ленина с броневика у Финляндского вокзала. Не сложилось у мемуаристов и единого мнения о количестве броневиков, выведенных большевиками на площадь перед вокзалом. По разным сообщениям, их могло быть до девяти штук[5]. Официальная версия Музея Ленина, обходя этот вопрос, фокусируется на частности — для встречи вождя из расположения мастерских

[4] *Тарасов К. А.* Встреча В. И. Ульянова (Ленина) 3 апреля 1917 г. на Финляндском вокзале в воспоминаниях // Петербургский исторический журнал. 2014. № 1. С. 152.

[5] Архив ВИМАИВиВС. Ф. 3р. Оп. 54. Д. 4. Л. 27.

Запасного бронедивизиона на Петроградской стороне были привлечены две машины[6], их поставили по сторонам от выхода из вокзала, и одна из них в итоге сыграла роль импровизированной ленинской трибуны. Это был бронеавтомобиль английского производства марки «Остин» (англ. Austin).

В 1924 г. в стране был объявлен конкурс на памятник Ленину, который предполагалось установить перед Финляндским вокзалом. В специальной брошюре с условиями для участников конкурса в качестве образца броневика было приведено изображение машины марки «Остин» т. н. 3-й серии с собственным именем «Спартак»[7]. Она же была использована 16 апреля 1924 г. при торжественной закладке памятника, созданного в итоге творческим коллективом С. А. Евсеева, В. А. Щуко и В. Г. Гельфрейха. В брошюре Музея Ленина этот эпизод описан следующим образом: «Ко дню закладки памятника В. И. Ленина организаторы митинга хотели использовать в качестве трибуны для выступлений исторический броневик, но не нашли его. Где он находился, никому из причастных к делу не было известно. Поиск его никто по-настоящему не организовал. На митинге использовали подобный броневой автомобиль “Остин” с именем “Спартак”»[8]. То есть подлинного ленинского броневика тогда не нашли, толком и не искали, хотя в те годы сделать это было ещё возможно.

Систематический поиск подлинной ленинской реликвии начался в 1927 г. и связан с именем Фёдора Антоновича Быкова, в 1917 г. командира авто-пулеметно-мотоциклетного бронеотряда при исполкоме Петросовета, участника встречи Ленина. Он сам так описывает побудительные мотивы к поискам: «В 1927 г. мне пришлось проводить беседу, посвящённую десятилетию возвращения В. И. Ленина из эмиграции в Петроград. Группа слушателей обратилась ко мне с вопросом в каком музее хранится исторический броневик, с которого выступал В. И. Ленин на площади у Финляндского вокзала 16 апреля 1917 г.? Выяснив, что в музеях этого исторического броневика нет, я решил попытаться разыскать броневик. О своём намерении я доложил горкому партии, где получил задание принять все меры к розыску исторического броневика»[9]. Быстро сложилась инициативная группа. Помимо самого

[6] *Куликовская Л. Л.* Указ. соч. С. 16.

[7] Архив ВИМАИВиВС. Ф. 3р. Оп. 54. Д. 2. Л. 53, 55.

[8] *Куликовская Л. Л.* Указ. соч. С. 39.

[9] Архив ВИМАИВиВС. Ф. 3р. Оп. 54. Д. 4. Л. 14.

Быкова, в неё входили Сергей Иванович Дегтярёв (в 1917 г. поручик, начальник мастерских Запасного бронедивизиона), Николай Николаевич Клепиков (главный механик тех же мастерских), Михаил Борисович Фабрикант (в революционный год старший инженер Петроградской городской управы и консультант Союза земств и городов по автотранспорту) и Людмила Сигизмундовна Лебель (красногвардеец, служила в бронеотряде по охране Смольного). Группа энтузиастов, заручившись поддержкой ленинградского горкома ВКП (б), стала по крупицам собирать информацию о событиях десятилетней давности, вести широкую переписку, осматривать попадавшие в поле зрения броневики. По свидетельству Ф. А. Быкова, им было осмотрено более тридцати машин марки «Остин», но ленинской среди них не было. Тем не менее, считать деятельность группы безуспешной ни в коем случае нельзя. За время работы она разрослась до нескольких десятков активистов и сотен корреспондентов; без документальных свидетельств, но судьба искомого броневика была прослежена от попадания в Россию в 1915 г. до конца 1930-х; также были сформулированы индивидуальные отличия именно ленинской бронемашины от прочих подобных.

По мнению Быкова и его помощников, ленинский броневик отличался следующими особенностями. Это была машина английской марки «Остин» 2-й серии (поставка 1915 г.), с двумя диагонально расположенными башнями, двумя (передним и кормовым) рулевыми постами, причём кормовое рулевое управление было смонтировано кустарно уже в России в мастерских Запасного бронедивизиона, оборудованная внешними фарами переднего света.

Наконец, в начале 1939 г. участникам поисков улыбнулась удача. По сообщению начальника фондового отдела штаба Ленинградского военного округа И. Ф. Андреева, некий броневик, подходящий под описание, был обнаружен в лагерях ОСОАВИАХИМа в Сосновке в окрестностях Ленинграда. 1 февраля 1939 г. актив поисковиков в составе Быкова, Дегтярёва, Клепикова и Фабриканта прибыл в Сосновку, осмотрел бронемашину и предварительно признал её искомой и подлинной[10].

История подлинного ленинского броневика представлялась исследователям тех лет следующим образом. Бронеавтомобиль английского производства был доставлен в Россию в 1915 г., поступил на склады Главного военно-технического управления на Гутуевском острове в Петрограде, оттуда передан в распоряжение Запасного бронедивизиона (в столице

[10] Там же. Д. 2. Л. 51.

располагал главным гаражом в Михайловском манеже, мастерскими на Петроградской стороне — Малая Дворянская, ныне Мичуринская, улица, 19 и рядом других помещений). Запасной бронедивизион готовил солдат и офицеров для службы на бронемашинах, осуществлял формирование бронечастей действующей армии, ведал ремонтом материальной части. Будущий ленинский броневик, оставленный в Петрограде для обучения команд, получил бортовой номер «6», несколько позже замененный на номер «2». В начале 1917 г. в мастерских на Малой Дворянской улице на нём смонтировали заднее рулевое управление по проекту инженера Л. Е. Земмеринга. В таком виде он принимал участие в событиях апреля 1917 г. Было выяснено, что 4–5 июля именно эта машина стояла у особняка Кшесинской, охраняя II общегородскую конференцию РСДРП (б)[11].

После июльских событий все бронемашины из мастерских на Малой Дворянской, 19 были переданы 6-му отделению запасной автомобильной роты на Гутуевском острове, а затем — в экспедицию ГВТУ, располагавшуюся на Петроградской стороне. В сентябре 1917 г. (Корниловское выступление) красногвардейцы завода Лангензипена захватили броневики, находившиеся в экспедиции ГВТУ, в их числе и машину с номером «2» на борту, ленинскую — так она оказалась в распоряжении Петроградского районного совета. В середине октября четыре броневика с Петроградской стороны, включая и ленинский, были переданы в отряд охраны Смольного, штаба большевиков. Эти бронемашины приняли самое активное участие в событиях октябрьского переворота в Петрограде, в том числе и в штурме Зимнего дворца. В 1922 г. после расформирования отряда охраны Смольного броневики оказались на хранении в Петропавловской крепости, откуда ленинский вскоре был передан в Высшую военную автомобильную и броневую школу, располагавшуюся на Выборгской стороне на территории Артиллерийской академии. В 1929 г. Ленинградский военный округ передал устаревший к тому времени броневик в ячейку ОСОАВИАХИМа Ленинградского металлического завода, откуда он к концу 1930-х гг. и переехал в Сосновку.

Прежде, чем переходить к истории броневика-экспоната, необходимо вкратце остановиться на броневиках марки «Остин», оказавшихся в годы Первой мировой войны в России. В те времена Россия обладала крайне незначительными возможностями производства автомобильной техники. Моторизация армии была низкой. Поэтому в августе 1914 г. была сформирована и отправилась в Англию специальная закупочная комис-

[11] Там же. Д. 4. Л. 35.

сия полковника, позже генерал-майора П. И. Секретёва. Среди прочей техники комиссия должна была разместить заказы на броневые автомобили, удовлетворяющие требованиям ГВТУ: машины должны были обладать не только вертикальным, но также горизонтальным бронированием и иметь два пулемёта в двух независимых башнях.

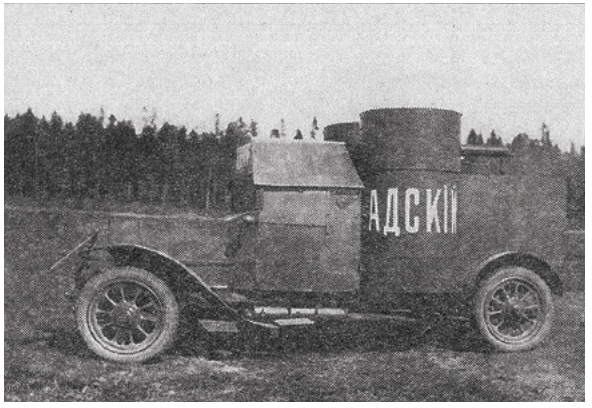
Выработать желаемый тип бронеавтомобиля вызвалась фирма «Остин» и справилась с задачей стремительно. 29 сентября 1914 г. был подписан контракт на 48 бронированных автомобилей «по русской схеме», к концу октября все машины были произведены и к 20 ноября поставлены в Россию[12]. «Остины» 1-й серии (первой заготовки) несли две пулемётные башни, но высокая крыша над шофером не позволяла вести огонь вперёд по курсу машины. Для входа-выхода экипажа машина имела водительскую дверь и двустворчатую дверь в корме. Недостатком оказалось слабое бронирование толщиной всего 4 мм, стальные листы легко пробивались винтовочной пулей калибра 7–8 мм, поэтому автомобили перебронировали листами толщиной 7 мм (*илл. 2, 3, 4*).

Эти «остины» хорошо зарекомендовали себя на фронте, поэтому 22 апреля 1915 г. последовал контракт ещё на 50 машин по несколько измененному проекту. На автомобилях требовалось нарастить толщину брони до 7 мм, усилить шасси и увеличить углы горизонтального обстрела пулемётов. Этот заказ был выполнен англичанами не так оперативно, но всё же к началу ноября все бронемашины оказались в России[13]. Характерной особенностью «остинов» 2-й серии (второй заготовки) являлась изменённая форма крыши над шофером — теперь она не мешала пулемётному огню на носовых курсовых углах. Для уменьшения перегрузки шасси проектировщики сократили длину бронированного корпуса относительно машин первой поставки, что вынудило отказаться от задней двери.

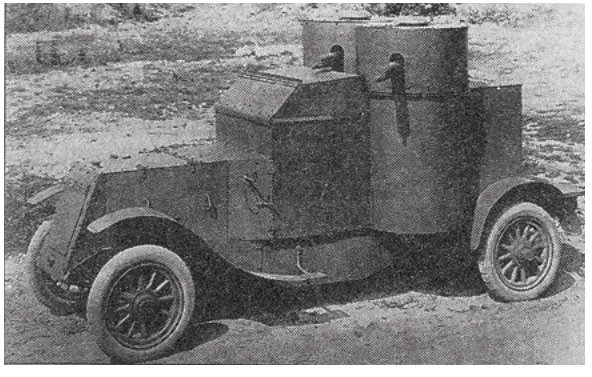
Опыт боевого применения бронеавтомобилей на фронте требовал устройства кормовых рулевых постов. Основным методом применения машин был следующий: броневики поодиночке подъезжали к вражеским траншеям и вели по ним продольный пулемётный огонь. После, для отхода, нужно было развернуться, но перегруженные машины далеко не всегда могли совершить такой маневр на пересеченной местности, движение же задним ходом осложнялось совершенно неудовлетво-

[12] *Коломиец М. В.* Броня русской армии. Бронеавтомобили и бронепоезда в Первой мировой войне. М., 2008. С. 108.

[13] Там же. С. 116.



Илл. 2. Бронеавтомобиль «Остин» 1-й серии



Илл. 3. Бронеавтомобиль «Остин» 2-й серии

Илл. 4. Бронеавтомобиль «Остин» 3-й серии «Спартак»

рительным обзором назад с водительского места. Для решения проблемы вырабатывались кустарные решения заднего рулевого управления: рулевые тяги тросами под днищем соединялись с механизмом задней рулевой колонки. Переоборудование «остинов» 2-й серии происходило на местах, в условиях фронтовых мастерских; на части машин централизованно в Петрограде внедрялся проект, разработанный инженером Л. Е. Земмерингом.

25 августа 1916 г. с фирмой «Остин» был заключён новый контракт на поставку очередных 60 бронеавтомобилей[14]. Машины 3-й серии отличались от предшествующих следующим: установлен заводского изготовления задний руль, использованы пуленепробиваемые стёкла, для укрытия кожухов пулемётов применены броневые щитки, в задней части предусмотрена вторая входная дверь. Эти машины были произведены и отправлены в Архангельск к июлю 1917 г., также известно, что в августе месяце в Запасной бронедивизион в Петрограде поступило как минимум 35 таких машин. Сведений об отправке броневиков на фронт в 1917 г. не имеется, хотя это не исключено. Тем не менее, в основном они шли на вооружение автобронеотрядов уже Красной армии в годы Гражданской войны.

Надо особо подчеркнуть: у «остинов» всех трёх серий пулемётные башни располагались рядом, перпендикулярно продольной оси автомобиля. Это не позволяло вести огонь из обоих пулемётов в одну сторону на всех курсовых углах, башни перекрывали друг другу значительные углы обстрела. Чтобы избавиться от этого недостатка, специалисты броневого отдела Военной автомобильной школы разработали эскизный проект бронекорпуса с диагональным расположением башен. Для осуществления проекта фирме «Остин», помимо готовых машин, в августе 1916 г. было заказано 60 шасси с двойным рулевым управлением. Производство броневиков на базе этих шасси поручили Путиловскому заводу, на основе указанного выше эскизного проекта были разработаны детальные чертежи. При своевременной поставке шасси завод обязывался произвести первые бронемашины к середине января 1917 г. Однако эти сроки не были выдержаны: первые шасси начали прибывать только в начале 1917 г., работы по броневикам на Путиловском заводе задерживались, а после Февральской революции и вовсе остановились. Дело сдвинулось с мёртвой точки только в августе, и к марту 1918 г. было забронировано два шасси, ещё три находились в полузаконченном виде. В 1919 г. бро-

[14] *Коломиец М. В.* Указ. соч. С. 127.

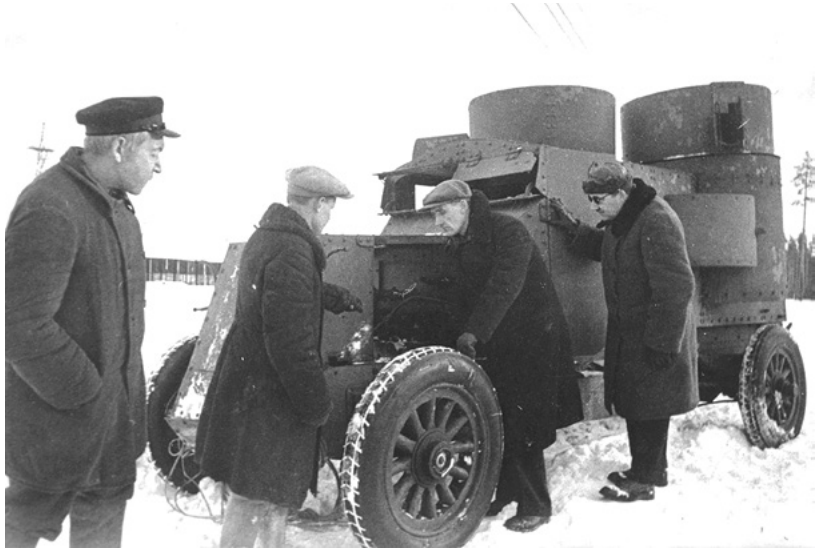
Илл. 5. Шасси «Остин» с кормовым постом управления перед отправкой в Россию. 1917 г. На их базе собирали «русские остины» с диагональным расположением башен. Фото из коллекции М. В. Коломийца

Илл. 6. «Остины» русской бронировки перед зданием заводоуправления Адмиралтейских Ижорских заводов. Колпино, весна 1919 г.

нировку «остинов» по путиловскому проекту передали Ижорскому заводу. Там, в Колпино, было изготовлено 45 «русских остинов» (*илл. 5, 6*)[15].

Применяя этот краткий обзор лучших крупносерийных броневиков русской армии времён Первой мировой войны к сюжету о машине, послужившей трибуной Ленину, легко выявить главное несоответствие.

[15] Там же. С. 264–266.



Илл. 8. «Ленинский» броневик — «Враг капитала», обнаруженный на базе ОСОАВИАХИМа в Сосновке под Ленинградом. Февраль 1939 г.

Владимиру Ильичу должно было быть крайне неудобно выступать в апреле 1917 г. с броневика с диагональным расположением башен, первый образец которого был произведён только в марте 1918 г. Или броневик был не «остин», или башни располагались не по диагонали. Но все причастные к вопросу утверждали, что броневик был именно «остин» (*илл. 8*).

3 февраля 1939 г. обнаруженный в Сосновке броневик доставили к Мраморному дворцу и официально передали на баланс Ленинградского филиала Музея Ленина[16]. Машину внимательно осмотрели, подтвердили, что она «та самая» и составили акт о комплектности. По результатам осмотра было засвидетельствовано отсутствие боковых панелей моторного отделения, свечей, проводов, аккумулятора, стартера, магнето, карбюратора, помпы, радиатора с вентилятором, трубок системы охлаждения, крышки коробки передач, фар, приборной панели и сидений шоферов и пулемётчиков[17]. После этого, судя по имеющимся документам, до конца года никакой особенной деятельности в связи с броневиком

[16] Архив ВИМАИВиВС. Ф. 3р. Оп. 54. Д. 2. Л. 44.

[17] Там же. Д. 4. Л. 49 об.

музей не предпринимал. Только 24 декабря 1939 г. состоялось совещание с участием директора музея по подготовке машины к реставрации[18].

Директор В. В. Бедин сомневался в подлинности машины. Обращаясь к участникам совещания, он заявил: «Вы знаете, какую ценность представляет этот броневик, если это тот, с которого выступал Владимир Ильич. <…> Но может получиться скандал, если мы выставим броневик, а он окажется не тем. Мы решили подобрать ряд документов к этому броневику, побеседовать с товарищами для того, чтобы установить тот это броневик или не тот»[19]. Директора музея, очевидно, смущал момент, что признание подлинности бронеавтомобиля базировалось исключительно на устных или письменных утверждениях частных лиц. Присутствовавшие на совещании участники поисков Быков, Дегтярёв и Фабрикант, тем не менее, убедили его в правильности своего мнения. Во время обсуждения вопроса о подлинности Ф. А. Быков сообщил одну интересную деталь. Занимаясь поисками броневика, он встречался с Н. И. Подвойским, в апреле 1917 г. организовывавшим встречу Ленина, и тот утверждал, что на базе в Сосновке в конце 1920-х гг. кроме ленинской была ещё одна бронемашина, причём тоже с двойным рулевым управлением; несколько позже одну из них списали и сдали в металлолом[20]. Выслушав мнения присутствующих (помимо ядра группы поисковиков на совещании присутствовал ещё ряд лиц, так или иначе причастных к обслуживанию и службе при броневиках в Петрограде в 1918–1919 гг.), В. В. Бедин согласился с подлинностью броневика. Реставрацию бронемашины было решено проводить только с внешней стороны на автобазе президиума Ленсовета. Наблюдение за реставрацией осуществляли упомянутые выше Быков, Дегтярёв и Фабрикант. Работы проводились в течение двух недель в начале января 1940 г. За это время были перебраны все четыре рессоры, проверены колеса, механизмы обоих рулевых управлений, вращение башен, заново изготовлены боковины моторного отделения, крышка коробки передач, колпачки на колеса, сиденья, буксирный крюк, установлены карбюратор и магнето, контрольные приборы и распределительный щиток. Акт о приёме броневика был подписан 19 января 1940 г.[21]

[18] Архив ВИМАИВиВС. Ф. 3р. Оп. 54. Д. 5. Л. 14.

[19] Там же. Л. 15.

[20] Там же. Л. 17 об. — 18.

[21] Там же. Д. 2. Л. 39.

Илл. 9. «Враг капитала» на постаменте перед входом в Мраморный дворец — Ленинградский филиал Центрального музея В. И. Ленина. 1957 г.

Тогда же Ф. А. Быков составил «паспорт исторического броневика», куда внёс все известные характеристики машины, её историю, состояние, а также указал «номер на оси» — 327/683 (*илл. 9*)[22].

22 января 1940 г. состоялось открытие броневика во дворе музея. На торжественном митинге, начавшемся в 13:00, выступили директор музея В. В. Бедин, инициатор поисков Ф. А. Быков, участник встречи Ленина в 1917 г. В. Н. Николаев, бригадир усиленных тыловых мастерских в Песочном Д. И. Черкашин и мастер бригады, реставрировавшей броневик, Герель[23]. Подготовка к открытию проходила в чрезвычайной спешке; об этом свидетельствует тот факт, что первоначально броневик был установлен на деревянный постамент, и только через три месяца конструкцию заменили на бетонную, облицованную гранитными панелями[24].

[22] Там же. Д. 4. Л. 8.

[23] Там же. Д. 5. Л. 3, 7, 10–13.

[24] Там же. Д. 2. Л. 14, 37.

Высота капитального постамента была определена в 125 см как достаточная для выделения броневика над окружающей обстановкой и не отвлекающая зрителей на рассматривание деталей под днищем машины.

В 1941 г. грянула Великая Отечественная война. Броневик был снят с постамента и помещён в гараж во внутреннем дворе Мраморного дворца. Всю блокаду за ним наблюдала работница музея Александра Фёдоровна Смирнова. Она лично закладывала вход в гараж кирпичной стенкой. В августе 1945 г. броневик был помещён обратно на постамент перед главным фасадом дворца[25].

В 1956[26] и 1961[27] г. музей проводил текущую реставрации экспоната: производилась расчистка отдельных мест машины от ржавчины, грунтовка и покраска проблемных мест. Также методом пескоструйной обработки очищался гранитный постамент. В 1964 г. силами Ленинградского шинного завода (входил в состав объединения «Красный треугольник») были отреставрированы две покрышки[28], а в 1965 г. там же были изготовлены несколько запасных на будущее.

В 1967 г. в связи с пятидесятилетием Октябрьской революции Ижорский завод произвёл обмеры исторического броневика, составил чертежи и изготовил по ним несколько реплик[29]. Один из этих копийных броневиков сейчас находится в Колпино на территории Ижорского завода, другой — в Танковом музее в подмосковной Кубинке.

Сырой ленинградский климат очень вредил сохранности броневика-экспоната. В 1971 г. Музей Ленина инициировал вопрос о возможности возведения над памятником защитного стеклянного павильона, однако Главное архитектурно-планировочное управление Ленгорисполкома отказалось дать разрешение на такие работы[30]. Тем временем состояние экспоната ухудшалось, уже требовалась серьёзная реставрация. Такая реставрация была назначена на 1972 г., и после неё броневик предполагалось установить внутри музея. В процессе подготовки к реставрации в Ленинградском филиале была получена телеграмма от директора головного — московского — Музея Ленина: в столице, видимо, сомневались

[25] *Куликовская Л. Л.* Указ. соч. С. 45–46.

[26] Архив ВИМАИВиВС. Ф. 3р. Оп. 54. Д. 7. Л. 1–4.

[27] Там же. Д. 2. Л. 10 и об.

[28] Там же. Л. 7.

[29] *Кирсанов А.* Почетное задание. Как создавался броневик-памятник // Ижорец. 1967. 11 ноября.

[30] Архив ВИМАИВиВС. Ф. 3р. Оп. 54. Д. 8. Л. 3.

Илл. 7. Бронеавтомобиль «Враг капитала» («остин» русской бронировки) из состава 1-го автобронеотряда Красной армии. Западный фронт, лето 1920 г.

в подлинности броневика. Текст телеграммы на имя директора филиала гласил: «В связи с известными Вам поисками в изучении истории броневика, с которого В. И. Ленин выступал у Финляндского вокзала в апреле 1917 г., просим срочно сообщить номер шасси имеющегося у Вас броневика, пригласив для определения номера специалистов. Необходимо иметь официальное письменное заключение»[31].

Реставрацию был определён проводить 57-й военный завод (авторемонтного профиля, существовал до недавнего времени по адресу ул. Уральская, 21). По документам, броневик был временно выдан из музея в феврале 1972 г.[32] В процессе работ требовалось удалить с броневика всю старую краску до металла, очистить от коррозии, загрунтовать и покрасить начисто, механизмы смазать, отдельно оговаривалось — произвести ремонт фар.

К марту месяцу броневик был полностью разобран. При совместном осмотре деталей машины представителями завода и музея была засви-

[31] Там же. Л. 4.

[32] Там же. Л. 5.

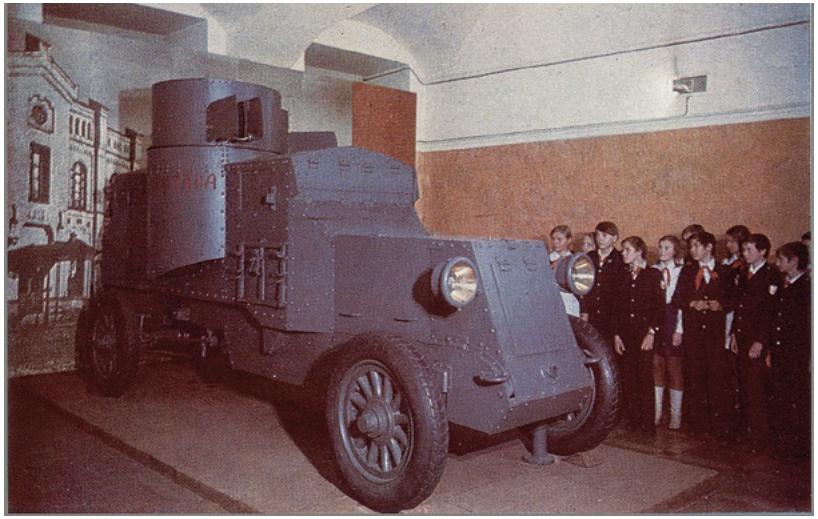
Илл. 11. Фрагмент фототаблицы из заключения криминалистической лаборатории. Пунктиром выделен контур букв надписи «Враг капитала», расположенной на нижнем из обнаруженных слоев краски. Судя по расположению на борту машины, это та же самая надпись, что и на предыдущей иллюстрации.

детельствована сильная коррозия элементов шасси и бронекорпуса, отсутствие генератора, стартера, радиатора и вентилятора.

Также мартом 1972 г. датируется заключение № 258 Ленинградской научно-исследовательской криминалистической лаборатории Минюста РСФСР (ул. Некрасова, 8). Специалисты, расчистив красочные слои корпуса броневика, обнаружили всего четыре слоя краски, самый нижний тёмно-салатного цвета, и на нём первую из нанесенных надписей «Враг капитала» (*илл. 7, 11*)[33].

В апреле на 57-м военном заводе был составлен акт, в котором работники завода, привлеченные к реставрации, перечислили все обнаруженные на деталях разобранной машины номера, отлитые в металле и выбитые. Первые, очевидно, являются каталожными номерами деталей, вторые — индивидуальные номера особо учитываемых механизмов. Составители акта отметили отсутствие шильды на заднем мосту

[33] Там же. Л. 15–17.



Илл. 10. Исторический броневик в вестибюле Музея Ленина

броневика, хотя место, где она находилась, угадывалось, и сохранились заклёпки её крепления. Номера «327/683», указанного в «паспорте» броневика в 1940 г., на осмотренных деталях не обнаружилось, однако трижды встретился номер «327» — на двигателе и картерах переднего и заднего рулевых управлений[34].

В апреле — мае 1972 г. 57-й завод передал части корпуса разобранного броневика (всего 25 шт.) на Канонерский судоремонтный завод для очистки, грунтовки и покраски, сам же производил работы по механизмам. Параллельно в Мраморном дворце велись подготовительные работы для приёма броневика. Местом экспонирования исторической машины был выбран бывший гардероб музея. Были проведены исследования о возможности установки тяжелого экспоната на старинных перекрытиях дворца. Паркетный пол заменили на терраццевый, устроили невысокий гранитный подиум, установили фон с фотографией Финляндского вокзала. 25 октября броневик был доставлен с завода в музей и в течение недели собран на подготовленном подиуме. 6 ноября броневик был открыт для посетителей на новом месте (*илл. 10*)[35].

[34] Там же. Л. 26.

[35] Там же. Л. 12.

К концу 1970-х гг. музей поднял перед партийными властями Ленинграда вопрос об установке броневика снова на улице перед фасадом Мраморного дворца. В обоснование приводилось утверждение о падении цифр посещаемости музея после переноса броневика внутрь и идеологической необходимости нахождения такой важной революционной реликвии в открытом городском пространстве. Решение этого вопроса заняло несколько лет. В это время шла переписка между Ленинградским филиалом и головным Музеем Ленина в Москве, музеем и различными отделами Ленгорисполкома; составлялись рекомендации для уличного экспонирования броневика. В итоге глава города первый секретарь Ленинградского обкома КПСС Г. В. Романов дал своё согласие.

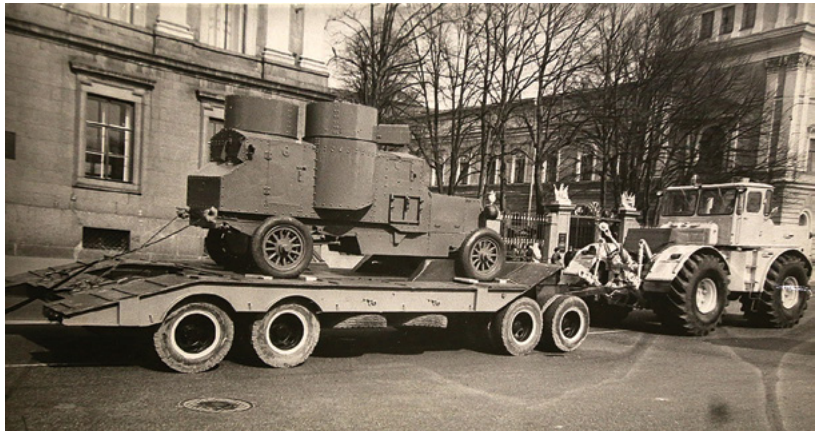
В марте 1983 г. броневик в разобранном виде передали для реставрации и консервации на Судостроительный завод им. Жданова (ныне «Северная верфь»)[36]. Детали корпуса машины снова освободили от краски, загрунтовали свинцовым суриком, покрыли специально подобранной краской. Механизмы очистили и заново смазали. Одновременно во дворе музея устроили новый постамент, подальше от входа во дворец, чем располагался постамент в 1940–1972 гг. К 15 апреля на заводе завершили консервацию ходовой части броневика, загерметизировали амбразуры и вентиляционные отверстия в крышках башен. К этому времени был разработан и утверждён путь следования платформы, на которой предстояло транспортировать ценный экспонат. В тот же день платформу прицепили к трактору «Кировец» и торжественно провезли по Ленинскому, Московскому, Лиговскому и Невскому проспектам, под арку Главного штаба, через Дворцовую площадь на улицу Халтурина (Миллионную) к Музею Ленина[37]. Здесь исторический броневик краном перенесли на постамент. 16 апреля 1983 г. рядом с памятником состоялся митинг, посвященный 66-й годовщине возвращения Ленина в Петроград (*илл. 12, 13*).

В дальнейшем каждый год броневик осматривали и при обнаружении повреждений красочного слоя локально подкрашивали. Такие работы, согласно документам, проводились в 1984, 1986, 1987, 1988, 1990 и 1991 г.

В марте — апреле 1988 г. реставрировали колеса броневика. Работы проводил завод ПО «Ленавторемонт» (Московский пр., 181): ставили покрышки, произведённые по специальному заказу ещё в 1965 г. При этом оба передних колеса и левое заднее снимали с машины и работы произ-

[36] Там же. Л. 47.

[37] Там же. Л. 65.



Илл. 12. Торжественная транспортировка исторического броневика с Судостроительного завода им. Жданова в музей. 15 апреля 1983 г.

Илл. 13. Митинг 16 апреля 1983 г. в честь 66-й годовщины возвращения В. И. Ленина из эмиграции в Петроград.

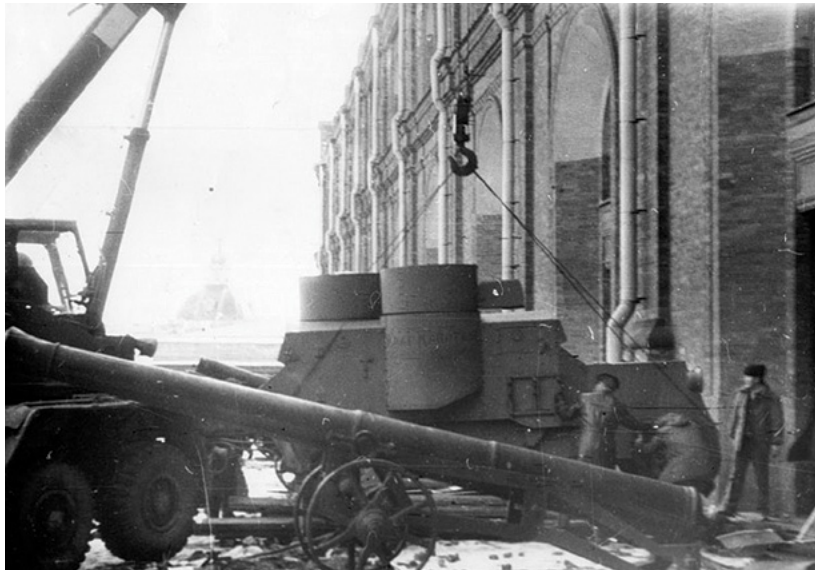
водили на заводе, а правое заднее снять не удалось из-за обнаруженной деформации втулки, и покрышку меняли прямо на экспонате (*илл. 14, 15*)[38].

[38] Архив ВИМАИВиВС. Ф. 3р. Оп. 54. Д. 8. Л. 70–73.

Илл. 14. Название английской фирмы «Остин», производителя шасси броневика «Враг капитала», отлитое на корпусе двигателя

Илл. 15. Место шофера в носовой части машины

Последнее документально зафиксированное событие из советской жизни броневика-экспоната случилось в начале января 1990 г. Тогда была обнаружена пропажа колпачка одного из колес машины. По результатам инцидента охране музея было особо предписано следить за броневиком



Илл. 16. Переезд исторического броневика в Артиллерийский музей. Март 1992 г.

на постаменте, а новый колпачок был заказан заводу им. Жданова, исполнителю работ по последней реставрации исторического броневика[39].

В 1991 г. многое в нашей стране изменилось, в том числе и для броневика. Столь лелеемый ранее партийными структурами Музей Ленина в одночасье перестал быть кому-либо нужным, Ленинградский филиал преобразовался в Мемориальный музей Ленина и организационно перебрался в Смольный. Экспонаты Мраморного дворца разобрали другие музеи Ленинграда — Петербурга, а броневик чуть было не пропал. По воспоминаниям сотрудников ВИМАИВиВС, его чуть было не купили американцы, затем финны. Но удача улыбнулась ценной бронемашине, и в марте 1992 г. она оказалась в зале № 10 Артиллерийского музея, где экспонируется и поныне (*илл. 16*).

Судьбу этого броневика в общих чертах проследил известный современный специалист по истории автобронетанковой техники М. В. Коломиец. Он обнаружил в документах РГВА номер «327/683» и выяснил, что машина, получившая имя собственное «Враг капитала», была произведена на Ижорском заводе и передана РККА в июне 1919 г.

[39] Там же. Л. 75.

Сразу с завода машина поступила в автобронеотряд комитета обороны Петрограда, оттуда в 28-й автобронеотряд, в составе которого в августе отбыла на фронт. Но в боях не участвовала — по халатности командира отряда бронеавтомобиль был повреждён и отправлен на ремонт обратно в Петроград. После восстановления в феврале 1920 г. «Враг капитала» поступил в 1-й автоброневой отряд, в составе которого участвовал в боях с поляками[40]. После 1923 г. следы броневика потерялись, но к концу 1930-х гг. он оказался в лагере ОСОАВИАХИМа в Сосновке.

Вспоминая сообщение Н. И. Подвойского, высказанное на одном из совещаний в музее Ф. А. Быковым, можно предположить, что какое-то время и ленинская машина, и «Враг капитала» хранились в Сосновке совместно. Однако либо к 1939 г. одна из машин, ленинская, была утилизирована, либо «Враг капитала» находился в несравненно лучшей сохранности и комплектности. И поисковикам пришлось довольствоваться тем, что обнаружилось. Для правдоподобия под найденную машину было подкорректировано описание особенностей ленинского броневика, и так «Враг капитала» попал в музей.

Как бы то ни было, благодаря этой преднамеренной ошибке[41] история сохранила для нас ценнейший памятник российской военно-технической мысли. Броневик из ВИМАИВиВС является одним из двух подлинных броневиков времен Первой мировой войны в России (второй — «Фиат Ижорский» из коллекции Центрального музея вооруженных сил в Москве) и одним из буквально двух десятков подобных машин в мире. Он создан по российскому проекту и знаменует собой начало, фундамент развития автобронетанковых войск российской армии.

Список литературы

Кирсанов А. Почетное задание. Как создавался броневик-памятник // Ижорец. 1967. 11 ноября.

Коломиец М. В. Броня русской армии. Бронеавтомобили и бронепоезда в Первой мировой войне. М., 2008.

[40] *Коломиец М.* Бронеавтомобили «Остин» в России 1914–1930 // Фронтовая иллюстрация. 2011. № 3. С. 70.

[41] Из участников поисков броневика как минимум трое (Быков, Дегтярёв и Фабрикант) не могли не знать конструктивных различий между «остинами» 2-й серии и т. н. «русскими остинами», а также особенностей устройства и внешнего вида второго рулевого управления кустарного и заводского изготовления. Поэтому те признаки именно ленинского броневика, которые они сформулировали, являются заведомой фальсификацией.

Коломиец М. Бронеавтомобили «Остин» в России 1914–1930 // Фронтовая иллюстрация. 2011. № 3.
Куликовская Л. Л. Броневик «Враг капитала». Л., 1986.
Тарасов К. А. Встреча В. И. Ульянова (Ленина) 3 апреля 1917 г. на Финляндском вокзале в воспоминаниях // Петербургский исторический журнал. 2014. № 1.

Vasiliy Olegovich BOCHAROV
Independent Scholar (St. Petersburg, Russia)
E-mail: vasnad@mail.ru

The "Same" Armored Car: The True Story Of The Famous Exhibit

The article talks about the existence of the armored car, which, it is believed, served as a tribune to Vladimir Lenin on April 3, 1917, as a museum exhibit, searches for it, detection and restorations.
Keywords: armored car, V. I. Lenin, revolution, Museum of Lenin, Artillery museum.

References

Kirsanov A., *Pochetnoe zadanie. Kak sozdavalsya bronevik-pamyatnik [The honorable assignment. How the armored car monument was created]*, in: Izhorets, 1967, #85.
Kolomiets M. V. *Broneavtomobili «Ostin» v Rossii 1914–1930 [Armored cars «Austin» in Russia 1914–1930]*, in: Frontovaya illustrazia, 2011, #3.
Kolomiets M. V., *Bronya russkoy armii/ Broneavtomobili i bronepoezda v Pervoy mirovoy voyne [The armor of the Russian army. Armored cars and armored trains in the First world war]*, Moscow 2008.
Kulikovskaya L. L., *Bronevik «Vrag kapitala» [Armored car «Enemy of capital»],* Leningrad 1986.
Tarasov K. A. *Vstrecha V. I. Ulyanova (Lenina) 3 aprelya 1917 g. na Finlandskom voksale v vospominaniyakh [The meeting of V. I. Ulianov (Lenin) on Finlandsky railway station on 3th of April 1917 in the memories],* in: Sankt-Peterburgskiy istoricheskiy zhurnal, 2014, #1.

УДК 94 (47).083
ББК 63.3 (2) 52

Денис Юрьевич АЛЕКСЕЕВ
кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, философии и культурологии Высшей школы технологии и энергетики Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна (Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: alexeyev-denis@yandex.ru

КАК УЧИЛСЯ БУДУЩИЙ БЕЛЫЙ ГЕНЕРАЛ Б. С. ПЕРМИКИН (1890–1971)

В статье описаны годы учебы белого генерала Б. С. Пермикина в реальном училище и Петербургском университете. Затрагивается вопрос о его службе добровольцем в болгарской армии во время I Балканской войны и в Русской армии в годы I Мировой войны.
Ключевые слова: Б. С. Пермикин, Санкт-Петербургский университет, реальное училище Карла Мая, белое движение, Северо-Западная армия, Талабский полк, I Балканская война, I Мировая война, Гражданская война.

Генерал Борис Сергеевич Пермикин — яркий деятель белого лагеря Гражданской войны в России. Он ушел добровольцем на Первую мировую войну и дослужился до чина штабс-ротмистра, в Гражданскую войну стал один из наиболее молодых белых генералов.

Борис Сергеевич Пермикин родился 4 апреля 1890 г. в Рождественском заводе Пермской губернии в семье потомственного дворянина города Санкт-Петербурга Сергея Григорьевича Пермикина и его супруги Пелагеи Ефимовны[1].

После смерти отца семья вернулась в столицу. Здесь в августе 1902 г. Борис поступил в одно из наиболее престижных учебных заведений России — Гимназию и реальное училище Карла Мая. Здесь учащихся разделяли согласно их наклонностям на «латинистов» и «нелатинистов». «Латинисты» изучали гуманитарные дисциплины и готовились к поступлению в университеты. «Нелатинисты» ориентировались на техническое образование. Пермикин оказался среди вторых. В реальном училище Карла Мая он при отличном поведении окончил полный курс по основному отделению. Учился он не очень успешно, но аттестат получил. На окончательном испытании в мае 1909 г. Пермикин получил следую-

[1] ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 61099 (Борис Сергеевич Пермикин). Л. 14.

щий оценки: Закон Божий — 3, русский язык — 3, немецкий язык — 3, французский язык — 3, арифметика — 3, алгебра — 4, геометрия — 4, тригонометрия — 4, история — 3, география — 3, естествоведение — 3, физика — 5, рисование и черчение — 3[2].

Затем Борис Пермикин в течение года посещал дополнительный класс при том же реальном училище, окончив его в мае 1910 г. Его оценки изменились мало: Закон Божий — 3, русский язык — 3, немецкий язык — 3, французский язык — 4, арифметика — 3, алгебра — 3, тригонометрия — 4, специальный курс (основания аналитической геометрии и анализ бесконечно малых) — 4, история — 4, естествоведение — 4, физика — 4, математическая география — 4, рисование — 3 и законоведение — 5. Окончание дополнительного класса давало возможность поступать в технические вузы: «Борис Сергеевич Пермикин может поступать в высшие учебные заведения с соблюдением правил, изложенных в уставах оных, по принадлежности»[3].

Возможно, именно здесь у Пермикина проявился интерес к юриспруденции: появившийся в дополнительном классе новый предмет «законоведение» стал единственным, за который он получил «пятерку». Однако на пути к изучению юридических наук стояла латынь. Это был обязательный предмет для поступления на любой факультет Университета, в том числе юридический, однако он как «нелатинист» его не изучал.

Несмотря на это, через два месяца после окончания реального училища Пермикин подал прошение о зачислении сторонним слушателем на юридический факультет Императорского Санкт-Петербургского университета. 12 октября 1910 г. он был зачислен. 18 октября датируется его расписка о том, что новоявленный вольнослушатель получил запись на лекции. Здесь он слушал историю римского права (Покровский), историю русского права (Дьяконов), политическую экономию (Георгиевский) энциклопедию права (Петражицкий), государственное право (Ивановский) и статистику (Кауфман)[4].

Параллельно Пермикин «репетировал латынь», то есть интенсивно готовился к сдаче экзамена. В марте 1911 г. будущий генерал получил удостоверение о том, что он является сторонним слушателем СПбГУ подал прошение о разрешении держать экзамен по латыни по курсу восьми классов при Введенской гимназии. Успешно сдать экзамен с первого раза Борису не удалось[5].

Осенью 1911 г. сторонний слушатель Борис Пермикин продолжил обучение на юрфаке. Он слушал догмы римского права (Гримм), историю русского права императорского периода (Латкин), историю философии права (Петражицкий), русское государственное право (Ивановский), полицейское право (Дерюжинский), теорию финансов (Ходский), историю политических учений нового Времени (Сперанский)[6].

Тогда же Пермикин решил вопрос о военной службе: он «явился при призыве 1911 г.» и был, как и большинство закончивших гимназии и реальные училища, зачислен в ратники ополчения 2-го разряда, то есть фактически освобожден от военной службы. Свидетельство о явке к исполнению воинской повинности он получил 19 ноября 1911 г.[7]

Одновременно Пермикин продолжал готовиться к сдаче латыни. В январе 1912 г. он подал прошение на имя ректора просьбу о разрешении держать экзамен по латыни при Рижском учебном округе. Очевидно, и здесь что-то пошло не так, так как уже в феврале он вновь подавал документы во Введенскую гимназию, а в конце марта обратился к ректору с просьбой выдать удостоверение для сдачи экзамена по латыни при Петербургском учебном округе. Во Введенской гимназии сдать латынь не удалось, тогда Пермикин решил попытать счастье в старейшей средней школе Петербурга — гимназии Александра I. Здесь-то, наконец, Пермикину удалось закончить свою латинскую эпопею: 7 мая 1912 г. он прошел испытания по латинскому языку в объеме курса мужских гимназий, получив свою обычную «тройку»[8].

Осенью Пермикину предстояло стать полноценным студентом Университета. После успешной сдачи экзамена по латыни он отправился за границу. Об этом известно благодаря телеграмме, которую он направил в ректорат из Гельсингфорса 17 июня 1912 г.: «Изволите телеграфировать разрешение ректора канцелярию генерал майора препятствии моему выезду заграницу нет. Борис Пермикин». В ответ он получил телеграмму, в которой говорилось, что на основании параграфа 13 правил сторонние слушатели не получают документа на выезд за границу. 28 июня 1912 г. Борис Пермикин выехал из России[9].

---

2 Там же. Л. 10 и об.

3 Там же. Л. 11, 17.

4 Там же. Л. 31, 40 и об., 64.

5 Там же. Л. 42, 44.

6 Там же. Л. 62–63.

7 Там же. Л. 15, 16.

8 Там же. Л. 13, 47, 48, 50–54.

9 Там же. Л. 57, 59.

Заманчиво было бы связать этот выезд за границу с участием Пермикина в I Балканской войне в составе болгарской армии, о чем Пермикин говорил в своих воспоминаниях[10]. Однако, судя по документам, к началу сентября Пермикин уже вернулся в Петербург и подал прошение о перечислении в действительные студенты с приложением долгожданного удостоверения о сдаче экзамена по латинскому языку. Штемпель о зачислении в студенты датирован 5 сентября 1912 г. (*илл. 1*)[11].

25 сентября (8 октября) 1912 г. переходом черногорских войск через границу Османской империи началась I Балканская война, 5 (18) октября в войну вступили Болгария и Сербия, на следующий день — Греция. Маневренный период войны пришелся на октябрь — декабрь 1912 г. В своих воспоминаниях Пермикин утверждал, что служил добровольцем в болгарской армии в 1-м конном полку, битольской дружине македонского ополчения и в 26-м пехотном Перникском полку. При этом, описывая пребывание в 1-м конном полку, Пермикин о его «малой активности» и даже «пассивности»[12]. Это свидетельствует о том, что если он и служил в Болгарии, его пребывание здесь пришлось на период позиционной войны, начавшийся на рубеже ноября — декабря 1912 г.

Документов, свидетельствующих о выезде Пермикина за границу в осенний или зимний период 1912/1913 г., нет. Однако при выезде он должен был получить разрешение от университетского начальства. С прошением о таком разрешении он обратился в канцелярию университета лишь 13 июня 1913 г., когда I Балканская война уже закончилась[13]. Можно было бы допустить, что Пермикин принял участие в боевых действиях скоротечной II Балканской войны, как раз пришедшейся на время каникул — с 16 (29) июня по 18 (31) июля 1913 г. Однако в своих воспоминаниях он указывает, что с началом II Балканской войны («когда балканские союзники решили между собой передраться»), он находился в Петербурге, где «вернул болгарскому военному агенту свои болгарские знаки различия» ордена «За храбрость»[14].

[10] *Пермикин Б. С.* Генерал, рожденный войной. Из записок 1912–1959 гг. Редактор-составитель С. Г. Зирин. М., 2011. С. 35–36.

[11] ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 61099. Л. 8.

[12] *Пермикин Б. С.* Указ. соч. С. 36.

[13] ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 61099. Л. 21.

[14] *Пермикин Б. С.* Указ. соч. С. 6, 36.

Если бы Пермикин выехал нелегально, его отсутствие в университете в течение хотя бы части одного из семестров неизбежно вызвало бы переписку, которая не могла бы не отложиться в его личном деле. Однако ничего подобного в нем нет. Более того, в справке об оплате учебы указано, что он внес деньги как за осенний семестр 1912 г., так и за весенний семестр 1913 г.[15]

Кроме того, сомнения вызывает и упомянутый факт возврата «знаков отличия». Известно, что, например, что русские добровольцы, отправившиеся в 1912 г. в Болгарию в составе отряда С. С. Щетинина, получили болгарские награды — знаки отличия Народного ордена «За военные заслуги» — только в начале 1914 г.[16] Если бы Пермикин получил награду в те же сроки, ему в силу обозначенной принципиальной позиции пришлось бы не возвращать их, а отказываться от получения.

Илл. 1. Фотография Б. С. Пермикина с его студенческого билета. 1912 г. ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 61099. Л. 12. Публикуется впервые

1913/1914 учебный год Пермикин проучился без ярких событий.

В первые дни Первой мировой войны он совершил два взаимоисключающих действия. 9 августа 1914 г. канцелярия Университета приняла его прошение о приеме вольнослушателем на восточный факультет, зафиксировав внесение платы за это в размере 25 руб. В эти же дни он отправился в действующую армию и с 10 августа состоял охотником (т. е. добровольцем) в 9-м уланском Бугском полку. Об этом командир полка полковник князь Гагарин 18 октября 1914 г. сообщил в Университет,

[15] ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 61099. Л. 2.

[16] *Алексеев Д. Ю.* Что привело отряд русских летчиков на I Балканскую войну? // Человек на войне. Сборник материалов научно-практической конференции. 12 декабря 2014 г. СПб., СПб ГБУ ДМ «Форпост», 2015. С. 108.

на что последовала резолюция «восстановить в списках»[17]. Очевидно, отсутствие Пермикина в первые недели учебы вызвало его отчисление. Официальное восстановление произошло 9 января 1915 г. по распоряжению ректора: «Восстановлен в список студентов юридического факультета согласно предложения господина попечителя»[18].

В первые полгода войны полковая канцелярия регулярно сообщал в Университет о боевых успехах Пермикина. 21 октября 1914 г. в Университет пошла информация о его награждении Георгиевским крестом 4-й степени и представлении к Георгиевскому кресту 3-й степени. 20 декабря 1914 г. в Университет сообщили, что Пермикин (уже младший унтер-офицер) был награжден Георгиевским крестом 3-й степени «за то, что будучи послан в разъезд, доставил важное о противнике сведение». Канцелярия Университета отреагировала на это резолюцией «занести в книжку и сообщить в канцелярию совета». 15 апреля 1915 г. на Университетскую набережную сообщили, что «доброволец студент Петроградского императорского университета Б. С. Пермикин за боевые отличия произведен в прапорщики и награжден Георгиевским крестом 2-й степени»[19].

27 декабря 1914 г. Пермикин обратился в канцелярию Университета с вопросом, обязаны ли ушедшие на войну студенты вносить плату в его пользу, при этом просил «не оглашать через печать получаемые от командира полка сообщения о награждении меня знаками отличия». Этот вопрос рассматривался на заседании правления 15 января 1915 г., причем было решено отдалить плату «ко окончанию войны». 19 января Пермикину отправили письмо, в котором ему сообщили, что «плата в пользу Университета за осень 1914 г. согласно постановлению правления от 15 января сего года отсрочена до возвращения Вашего с театра военных действий»[20].

Затягивание войны на долгие месяцы все же поставило вопрос об отчислении студентов, ушедших в армию. По постановлению правления Университета от 7 сентября 1916 г. Б. С. Пермикин был отчислен из числа студентов «как состоящий на военной службе». При этом подчеркивалось, что отчисление носит временный характер[21]. Однако в Университет Пермикин так никогда и не вернулся. Во время Гражданской войны он прославился как создатель и командир Талабского полка Северо-Западной армии, получил чин генерал-майора, осенью 1920 г. возглавил 3-ю Русскую армию в Польше. После ее интернирования Б. С. Пермикин находился за рубежом, в деятельности русской военной эмиграции видной роли не играл. Скончался в Зальцбурге (Австрия) в 1971 г.[22]

[17] ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 61099. Л. 4, 22.

[18] Там же. Л. 7.

[19] Там же. Л. 23, 24, 28.

[20] Там же. Л. 25, 26.

[21] Там же. Л. 1.

[22] *Пермикин Б. С.* Указ. соч. С. 24–32.

Список литературы

Алексеев Д. Ю. Что привело отряд русских летчиков на I Балканскую войну? // Человек на войне. Сборник материалов научно-практической конференции. 12 декабря 2014 г. СПб., СПб ГБУ ДМ «Форпост», 2015.

Пермикин Б. С. Генерал, рожденный войной. Из записок 1912–1959 гг. Редактор-составитель С. Г. Зирин. М., 2011.

Denis Yuryevich ALEKSEYEV

Ph. D. In History (*kandidat istoricheskikh nauk*), Associate Professor (*Dotsent*), St. Petersburg State University of Industrial Technology and Design (St. Petersburg, Russia)

E-mail: alexeyev-denis@yandex.ru

School and University years of White General B. S. Permikin (1890–1971)

The article describes the years of study of white General B. S. Permikin in real school and St. Petersburg University. His service as a volunteer in the Bulgarian army during the first Balkan war in the Russian army during the first World war is concerned.

Keywords: B. S. Permikin, St. Petersburg University, Real School of Karl May, White movement, North-Western army, Talabsky regiment, I Balkan war, World War I, Civil war in Russia.

References

Alexeev D. Y., *Chto privelo otriad russkikh liotchikov na I Balkanskuiu voinu [Why did Russian fliers come to the I Balkan War*], in: Chelovek na voine. Sbornik materialov nauchno-prakticheskoi konferencii. 12 dekabria 2014 g., Saint Petersburg 2015.

Permikin B. S., *General, rozhdennyi voinoi. Iz zapisok 1912–1959 gg. [General born by War. From the memoirs]*, ed. S. G. Zirin, Moscow 2011.

УДК 94 (47).084.3
ББК 63.3 (2) 611

Антон Викторович РЕШЕТОВ

ведущий библиотекарь, отдел газет Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург, Россия)

Елена Олеговна АЛЕКСЕЕВА

главный библиотекарь, отдел газет Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург, Россия)

ПЕРВЫЙ БЕСПОСАДОЧНЫЙ ПЕРЕЛЁТ ПЕТРОГРАД — МОСКВА В 1918 г. ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ

Статья посвящена обстановке, в которой весной 1918 г. лётчик Н. И. Петров совершил первый беспосадочный перелёт Петроград — Москва. После переезда советского правительства в новую столицу перед отечественными авиаторами была поставлена задача наладить авиасообщения между городами для оперативной доставка почтовой корреспонденции. В тяжелейших условиях хозяйственной разрухи, недостатке топлива и квалифицированных кадров, уже в конце марта состоялись первые рейсы. Перелёт Н. И. Петрова 2 апреля 1918 г. продемонстрировал реальность сокращения времени полета фактически в 2 раза (с 7–8 до 4 часов). Несмотря на тяжелые метеорологические условия, недостаток топлива, общую ситуацию в стране отечественные лётчики были готовы идти на рекорды, постигать новые вершины.

Ключевые слова: Н. И. Петров, авиапочта, история российской авиации, периодические издания.

Одной из проблем, с которой столкнулась советская власть после переноса столицы из Петрограда в Москву весной 1918 г., являлась оперативная доставка почты между городами. Впервые Петербург и Москва были соединены воздушным путём ещё в 1911 г., тогда лётчику А. А. Васильеву потребовалось чуть больше суток для осуществления этого перелёта[1]. В марте — апреле 1918 большевистское правительство начало уделять всё большее внимание организации сообщения между двумя столицами. В начале апреля Б. И. Россинский (товарищ председателя Московской окружной коллегии по управлению воздушным флотом) отмечал, что в сложившийся ситуации (разруха на железных дорогах, перегруженность почтово-телеграфного аппарата) именно воздушный флот может позволить максимально оперативно и надёжно организовать доставку корреспонденции.

Учитывая общую ситуацию в стране и армии, московский революционный штаб авиации (который занимался подготовкой к организации воздушной линии) вполне ожидаемо столкнулся с рядом проблем: демобилизация лётчиков, бессистемная ликвидация авиационных частей, недостаток топлива и масла. И если проблему с кадрами и техникой к началу апреля 1918 г. удалось в целом решить, то вопрос с поставками бензина стоял очень остро. Из-за этого порой происходили задержки, например, один из главных героев нашей истории, лётчик Петров, в одном из интервью поделился следующей типичной историей: в последних числах марта он получил телеграмму от авиатора Никольского с просьбой о помощи. Последний был вынужден совершить посадку в Твери из-за недостатка бензина[2]. На следующий день Петров прибыл на место, привёз все необходимые материалы и лётчики смогли продолжить свой путь[3]. На этом злоключения Никольского не закончились — в первых числах апреля он был вынужден совершить аварийную посадку своего «Фармана» в поле между Москвой и Тверью[4]. К нему на помощь вылетел лётчик Агафонов, но найти попавшего в беду товарища у него не получилось из-за плотного тумана[5].

30 марта около 11 часов дня с Комендантского аэродрома в Петрограде поднялись два аэроплана, одним из которых управлял лётчик Седов. Конечной точкой их маршрута был аэродром на Ходынском поле в Москве. На их борту находилась как служебная, так и частная корреспонденция[6]. Изначально планировалось, что в ближайшем будущем будет совершаться до четырех рейсов из каждого пункта, а число курсирующих между Москвой и Петроградом аэропланов будет доведено до 16[7].

Лётчики должны были совершить промежуточную посадку на аэродроме в Бологом, где корреспонденцию предполагалось перегрузить в другой самолёт[8]. Всего же к началу апреля были оборудованы три базы — в Твери, Бологом и Малой Вишере. Несмотря на сложное вре-

1 Воздушный путь Петроград — Москва // Вечерняя жизнь. 1918. 1 апреля.

2 Воздушная почта // Новый вечерний час. 1918. 1 апреля.

3 Там же.

4 Воздушный путь. На воздушном тракте // Вечерняя жизнь. 1918. 4 апреля.

5 Там же.

6 *Н.* Воздушная почта // Петроградский голос. 1918. 31 марта.

7 Там же.

8 Там же.

мя, на указанных площадках всё было подготовлено на весьма высоком уровне — лётчик Петров отмечал: «Базы организованы очень хорошо. <…> Места спусков обозначены большими кругами, обсажены ельником, в средине которых из ельника же сделаны начальные буквы базы, так что с большой высоты можно заметить то место, куда нужно спускаться»[9].

Что касается перспектив, то предполагалось довести количество самолётов на каждом аэродроме до восьми и разместить на постоянной основе такое же количество лётчиком и механиков. Также планировалось в перспективе открыть рейсы воздушной почты по другим направлениям — Москва — Курск, Москва — Нижний Новгород, Москва — Смоленск[10], а впоследствии и Петроград — Севастополь (продолжительность полёта 18–20 часов, с тремя остановками) и Москва — Харьков[11].

Средняя грузоподъемность одного аэроплана составляла 4–5 пудов (около 65–80 кг)[12]. Стоит отметить, что несмотря на достаточно высокую стоимость почтовых отправлений (два рубля за каждое письмо), особо подчеркивалось, что никаких коммерческих целей не преследуется[13]. Денежное довольствие летчиков составляло 600 рублей в месяц, кроме того, они получали по 25 рублей за каждый час в воздухе[14].

Кроме корреспонденции, авиаторы брали на борт пассажиров, которым было необходимо оперативно попасть из одной столицы в другую. Например, вечером 31 марта в Москву из Петрограда прилетел в качестве пассажира председатель Петроградского совета авиации Сергеев[15].

Продолжительность перелёта между двумя столицами обычно составляла 7–8 часов, учитывая 1–2 промежуточные остановки на аэродромах, а порой, как указывалось выше, пилотам вообще не удавалось достичь конечной точки маршрута.

В начале апреля 1918 г. произошло знаковое событие в истории отечественной авиации — первый беспосадочный перелёт Петроград — Москва, к сожалению, оставшийся в значительной мере не замеченным современниками. Несмотря на то, что авиационная тема достаточно активно освещалась на страницах газет в рассмотренный период, об этом

9 Воздушная почта. Беседа с летчиком Петровым // Новый вечерний час. 1918. 2 апреля.

10 Там же.

11 Воздушная почта // Новый вечерний час. 1918. 1 апреля.

12 Воздушная навигация // Вечерняя жизнь. 1918. 23 апреля.

13 Воздушная почта // Петроградский голос.1918. 2 апреля.

14 Воздушная почта. Беседа с летчиком Петровым // Новый вечерний час. 1918. 2 апреля.

15 Воздушная почта // Новый вечерний час. 1918. 1 апреля.

перелёте не упомянули ни большевистские издания («Петроградская правда», «Известия», «Красная газета»), ни крупные «старорежимные» газеты («Петроградский голос», «Новая петроградская газета», «Наш век»).

2 апреля 1918 г. с Комендантского аэродрома поднялся самолёт «Сопвич» под управлением военного лётчика Н. И. Петрова[16]. Расстояние в 560 вёрст авиатор преодолел за 4 часа 10 минут, средняя высота полёта составила 2500 метров[17]. Что касается самолёта, на котором был выполнен первый беспосадочный перелёт, то Петров охарактеризовал его весьма лестно — он отмечал, что «аппарат очень лёгкий и быстроходный»[18]. Сам полёт прошёл не без приключений — около станции Клин летчик попал в зону облачности, был вынужден опуститься до 30–50 метров и на этой высоте долетел до Москвы[19]. Когда Петров приблизился к аэродрому на Ходынке, уже стемнело, поэтому он был вынужден совершать посадку фактически на ощупь. Как отмечалось, «после осмотра аппарата оказалось, что в баках не осталось ни капли бензина»[20].

Через несколько дней авиасообщение между двумя столицами было временно приостановлено — началась весенняя распутица, препятствовавшая взлету и посадке[21]. Весенняя воздушная навигация была открыта 22 апреля 1918 г.[22] В этот же день в Народном комиссариате почт и телеграфов состоялось первое заседание совещания по вопросу об организации постоянной воздушной почты[23]. Московский почтамт подтвердил заинтересованность в организации регулярной воздушной линии между Петроградом и Москвой, а также по маршрутам Москва — Ярославль, Москва — Калуга, Москва — Нижний Новгород и Москва — Орёл. Стоимость почтовых отправлений (письмо до двух листов) планировалось снизить до 70–80 копеек[24]. Однако, разгорающаяся Гражданская война внесла свои коррективы в эти планы. Уже через несколько месяцев большинство лётчиков оказались на фронте, и об организации постоян-

16 Воздушный путь. На воздушном тракте // Вечерняя жизнь. 1918. 4 апреля.

17 Перелет Петроград — Москва // Вестник воздушного флота. 1918. № 1. С. 34.

18 Воздушная почта. Беседа с летчиком Петровым // Новый вечерний час. 1918. 2 апреля.

19 Перелет Петроград — Москва // Вестник воздушного флота. 1918. № 1. С. 34.

20 Там же.

21 На воздушном тракте // Вечерняя жизнь. 1918. 10 апреля.

22 Воздушная навигация // Вечерняя жизнь. 1918. 23 апреля

23 Там же.

24 Там же.

ной авиапочты между двумя главными городами страны забыли на несколько лет, а регулярное авиасообщение между Ленинградом и Москвой было налажено только в середине 30-х гг.

Anton Viktorovich RESHETOV

Leading Librarian, Department of Newspapers, National Library of Russia (St. Petersburg, Russia)

E-mail: reszetow@gmail.com

Elena Olegovna ALEKSEEVA

Chief Librarian, Department of Newspapers, National Library of Russia (St. Petersburg, Russia)

E-mail: e.alekseeva@yandex.ru

The first non-stop flight of Petrograd — Moscow in 1918 (based on periodicals)

The article is devoted to the first non-stop flight Petrograd-Moscow, piloted by N. Petrov in the spring of 1918. After the Soviet government moved to the new capital, domestic airmen were tasked to establish air communication between the cities for the prompt delivery of mail correspondence. In the worst conditions of military disruption, lack of fuel and qualified personnel, the first flights were already in the end of March. Petrovs flight April 2, 1918 demonstrated the reality of reducing the flight time in fact 2 times (from 7–8 to 4 hours). Despite the severe meteorological conditions, lack of fuel, the general situation in the country, Russian pilots were ready to go on records, to comprehend new peaks.

Keywords: N. Petrov, airmail, the history of Russian aviation, periodicals.

УДК 94 (47).084.3
ББК 63.3 (2) 612

Антон Викторович ПОСАДСКИЙ

доктор исторических наук, профессор Поволжского института управления им. П. А. Столыпина Российской академии народного хозяйства и государственной службы (Саратов, Россия)

E-mail: posad1968@mail.ru

НАЧАЛА И КОНЦЫ: ИЗ ИСТОРИИ ВОЗРОЖДЕНИЯ 42-ГО ЯКУТСКОГО ПЕХОТНОГО ПОЛКА В БЕЛЫХ РЯДАХ В 1918–1920 гг.[1]

Статья посвящена возрождению 42-го Якутского пехотного полка Русской императорской армии во время Гражданской войны 1918–1920 гг.

Ключевые слова: гражданская война, Белое движение, Якутский полк, военное строительство, регулярные полки.

История полков Русской императорской армии в Гражданской войне представляют собой интересный исследовательский сюжет. Офицеры многих полков стремились возродить свои части в белых армиях, особенно массово этот процесс шел на Белом Юге. Добровольчество и регулярство столкнулись здесь как принципы военного строительства. Офицеры могли пренебречь субординацией в новых вооруженных формациях во имя возрождения собственной части. Так, телеграмма начальника штаба Южной армии от 10 (23) декабря 1918 г. № 2636 объявляла о самовольном отъезде из Южной армии 28 офицеров Белозерского полка, коих предписывалось задержать как дезертиров[2]. В то же время и в РККА бытовали части, кадровым ядром, а на первых порах и названием связанные с прежними частями. Литовский, Кексгольмский, «Орденский» (Военного ордена), Заамурский полки, например, сражались на Южном фронте.

Одним из полков, который был восстановлен в белых рядах и прошел значительный боевой путь, является 42-й пехотный Якутский полк. Созданный в 1806 г., полк к 1917 г. имел уже более чем вековую исто-

[1] Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект №17-81-01028.

[2] РГВА. Ф. 40213. Оп. 1. Д. 2133. Л. 59. Объявлена в приказе Саратовскому корпусу № 63 от 16 (29) декабря 1918 г.

рию. В Великой войне 11-я пехотная дивизия, в которую входил полк, имела славные дела в карпатских боях и Буковине. Местом дислокации Якутского полка перед войной был город Кременец Волынской губернии.

Подполковник полка Чернопысский в 1974 г. опубликовал в парижской «Военной были» (№ 126) очерк истории полка в Гражданской войне. Очерк пореволюционной истории полка составил в феврале 1919 г. и его командир в Великой войне полковник Н. В. Антонович. В развернутом рапорте в январе 1920 г. на имя генерала Н. Э. Бредова вопросы формирования и боевых действий полка затронул его командир в 1919 г. полковник Т. П. Бернис. Происхождения Якутского полка во ВСЮР касается в своих мемуарах участник одесской эпопеи 1919 г. Е. Э. Месснер. Эти и иные источники позволяют обрисовать историю восстановления полка и его финала. Собственно боевой путь якутцев во ВСЮР летом 1919 — весной 1920 г. мы оставляем на периферии нашего рассмотрения.

Полковник Антонович весьма приподнято описывает бои Великой войны. Полк и после революции сохранял боеспособность. На переходе с Карпат в Станиславов якутцы преодолевали сопротивление других полков дивизии, противившихся выполнению приказа. В атаке 25 июня полк прорвал шесть укрепленных линий и взял огромные трофеи, однако резервный полк не сменил якутцев на позиции. От Л. Г. Корнилова поступила благодарность и красные ленточки к Георгиевским — для кавалеров[3].

При отступлении 9 июля полк задержался на позиции, чтобы спасти 52-ю артбригаду; вскоре вместе с камчатцами прикладами заставил бросившую позиции 52-ю пехотную дивизию перейти в наступление. «В сентябре полк получил революционное пополнение, и началась

[3] 28 июня 1917 г. полковник Антонович ходатайствовал перед комиссаром Временного правительства при III армии Анардовичем о поголовном награждении чинов полка за выдающийся успех в атаке 25 июня. «Я ходатайствую об испрошении у Временного правительства об особом отличии полку: о награждении за бой 25 июня всех вверенных мне строевых солдат в мере 100% и о присоединении к георгиевским лентам, пожалованных к георгиевским крестам и медалям, красной ленты по нижеследующему рисунку. Считаю долгом службы, лично-гражданским, предупредить Вас, что отказ в этом моем ходатайстве уронит мой престиж как командира, так как в момент убеждения полка о необходимости спасать Отечество переходом в наступление я обещал во что бы то ни стало испросить полку награды и ленты, о которых ходатайствую. Мое обаяние, которое скрывать по долгу совести не могу, может померкнуть, и Якутский полк перестанет верить мне, его командиру полка». Приведено в: Медали, нагрудные знаки, жетоны России конца XIX — начала XX века. Документы / Сост. Д. И. Петерс, А. М. Валькович. Труды РГВИА. Вып.1. М.: Археографический центр, 1997.

агония». Комполка постановили расстрелять, ему пришлось бежать[4]. Чернопысский пишет, что в октябре 1917 г. многие офицеры оставили полк, автор проживал у родителей на Волыни. Очевидно, «революционное пополнение» в считанные недели доконало прежде боеспособный полк.

Полковник Антонович сжато обрисовывает последующие события. «С 1 июня 1918 г. полк снова начинает свое формирование при Саратовском корпусе, куда была послана часть офицеров полка, но благодаря создавшемуся положению штаб полка и сформированная рота в гор. Балте не могли выехать. С выступлением петлюровцев роте пришлось иметь бой с восставшими, но благодаря численному перевесу петлюровцев рота вместе со мной при двух пулеметах отступила к ст. Балта, которую удерживала несколько дней». С занятием восставшими Бирзулы якутцы походным порядком пошли на Одессу для соединения с Добровольческой армией. В Одессу прибыли 20 ноября (3 декабря) и уже 5 (18) декабря участвовали в бою. Приказом военного губернатора А. Н. Гришина-Алмазова Н. В. Антонович назначался комендантом Одессы, а рота, продолжая формирование, добровольно несла караульную службу и добивалась зачисления в Добровольческую армию. «Цифра “42” наводит ужас на кутил, шантажистов и проч. утерявших нравственный облик военнослужащих». Последнее находит подтверждение в воспоминаниях В. В. Шульгина: «Слышался женский хохот и визг. Интервенты, взяв друг друга за руки, составили цепь, ловившую одесситок, проституток, конечно. Среди этого я услышал стук подошв роты, идущей в ногу. Я подумал:

— Не все развратились. Вот эти сейчас покончат с этим кабаком. И вдруг я услышал:

— Рота, стой! Это были наши неразвращенные люди Гришина-Алмазова»[5].

Очевидно, в этой сценке следует узнать роту якутцев.

Н. В. Антонович стремился побудить руководство собрать якутцев вместе. «Ввиду того, что часть полка находится на Дону, мною было возбуждено ходатайство на вызов этих офицеров и солдат сюда, на что была наложена резолюция: “Прибывающих людей 42 п. Якутского полка вливать в роту, а когда их будет достаточно, роту выделить. Желателен

[4] РГВА. Ф. 39699. Оп. 1. Д. 19. Л. 1–3.

[5] *Шульгин В. В.* Французская интервенция на Юге России в 1918–1919 годах (отрывочные воспоминания). Публ. Н. Н. Лисового // Военная быль (Москва). 1993. № 4 (133). С. 27.

вызов”». На ходатайство роту зачислить в Добровольческую армию, а на довольствие в Сводную бригаду, последовала резолюция: «Приказ», но приказа так и не последовало. Рота пополнялась преимущественно кадровыми офицерами, имела суд чести и насчитывала в феврале 1919 г. 4 штаб-офицера, 125 обер-офицеров, 7 чиновников военного времени, 125 солдат, 12 пулеметов и хор музыки. Командир стремился развернуть полк, присоединив пятым полком к 4-й стрелковой дивизии (полковник опережал события, пока речь шла лишь об Одесской бригаде с кадрами 15-й пехотной и 4-й стрелковой дивизий). Он просил наименования не комендантской, а 1-й ротой 42-го пехотного Якутского полка[6].

Отметим, что 1 июня 1918 г. никакого Саратовского корпуса и в помине не было, но факт отправки офицеров на Дон подтверждается. Чернопысский дает более развернутую картину. Встреча с командиром полка Н. В. Антоновичем в июне 1918-го сделала для него известными усилия старших офицеров по возрождению полка. Полковник Лошаков возглавлял «центр связи» Якутцев в Киеве. Вербовка и переправка выглядела так. Н. В. Антонович стал агентом по закупке скота для оккупационных войск в Херсонской губернии. Он мог набирать «представителей», каковыми становились бывшие офицеры для кадра возрождаемого полка. Чернопысский не указывает, были ли среди них кадровые Якутцы.

В это время гетманское правительство формировало кадры 11-й пехотной дивизии РИА в составе 1-го Волынского корпуса. Н. В. Антонович поручил Чернопысскому отправиться в Луцк, где формировались кадры Якутского полка. Там действительно нашлось 4–5 офицеров полка. «Кажется, в конце июля» (очевидно, ст. ст.) полковник Лошаков поручил автору узнать, кто из луцких офицеров согласен отправиться на Дон. Из пяти согласились трое. Возможно, дело было в национально-политических предпочтениях, возможно, согласились уехать офицеры военного времени, которых не брали в кадры гетманской армии. Фамилий Чернопысский не называет. «Приехав с ними в Киев, мы узнали от полковника Лошакова о том, что мы должны выехать на станцию Миллерово, в Южную армию, куда он уже отправил других офицеров. Мне было приказано явиться в штаб Южной армии и доложить там настоятельную просьбу полковника Антоновича о том, чтобы из прибывающих офицеров была бы сформирована рота 42-го пехотного Якутского полка». Начальник штаба Южной армии категорически отказал, но поездка в Новочеркасск принесла согласие Донского штарма. Формирование

[6] РГВА. Ф. 39699. Оп. 1. Д. 19. Л. 3–4.

должно было происходить при одном из полков Саратовского корпуса. В Белой Калитве Чернопысский показал предписание штарма командиру полка и заручился его согласием. Надо полагать, речь шла о Т. П. Бернисе, который осенью 1918 г. располагался на ст. Белая Калитва с небольшим офицерским кадром предполагаемого к разворачиванию полка, будущего 6-го Саратовского[7].

Вернувшись на станцию Миллерово, Чернопысский объявил оставшимся там офицерам, что они могут ехать в полк (речь идет о двух офицерах, насколько можно понять из предшествующего изложения), а сам с прапорщиком Бегловым возвратился в Киев для доклада полковнику Лошакову. Сколько офицеров и насколько успешно отправил ранее в Миллерово полковник Лошаков, неизвестно.

Штаб полковника Антоновича пребывал в это время в Балте Херсонской губернии, и, как уже было показано, сформированная там рота с боями двинулась на Одессу.

Все эти путешествия заняли весьма много времени, так что в Киев Чернопысский и Беглов прибыли, когда на дальних подступах шли бои с петлюровцами. Пережив падение гетмана, уже к весне 1919 г. Чернопысский и Беглов добрались до Одессы, оказавшись в распоряжении коменданта — полковника Антоновича.

«С этого дня начинается вторая фаза формирования Якутского полка», — пишет Чернопыский. Он указывает, что на командных должностях было несколько бывших курсовых офицеров Одесского училища, в том числе полковник Карпов. Н. В. Антонович смог добыть средства для формирования частным порядком у заводовладельцев. Как можно понять, были заложены основы офицерской и солдатской рот с пулеметным взводом, но вся эта конструкция существовала как комендантская рота. Рота оставалась на внутренней охране города и вошла в подчинение прибывшему из «Доброволии» генералу Н. С. Тимановскому. Во время эвакуации рота прикрывала центр города и затем отошла к Аккерману. Далее последовал перевоз в румынскую Тульчу и отправка оттуда в Новороссийск.

Выразительные события произошли в апреле — мае 1919 г., пока Якутцы находились в Тульче. Компполка-42 17 (30) апреля 1919 г. писал

[7] Приказом войскам Саратовского района № 161 (14) октября 1918 г. полковник Бернис назначен командиром 2-го стрелкового (впоследствии 6-го Саратовского) полка. См.: *Посадский А. В.* От Царицына до Сызрани: очерки Гражданской войны на Волге. М.: АИРО-XXI, ГПИБ, 2010. С. 188.

начальнику 11-й пехотной дивизии Генерального штаба генерал-лейтенанту М. Л. Бачинскому с просьбой выдать полку удостоверение, что Георгиевское знамя и серебряные трубы полка в сохранности и находятся у родственников генерала в Киеве, и что генерал Бачинский доверяет командиру полка при случае их получить. Просьба была связана с отправкой в Новороссийск и предполагавшимся развертыванием.

Рапорт командира батальона 42-го полка командиру полка обрисовывает характерную сцену. Командир батальона полковник Петров с командирами 1-й и 2-й рот капитанами Петровым и Чернышковым и начальником пулеметной команды штабс-капитаном Парадовским отправились к генерал-лейтенанту Бачинскому за регалиями полка согласно приказания командира полка. Однако Бачинский категорически отказался: в полку кадровых якутцев 2–3 человека, остальные — элемент случайный, могут в любой момент покинуть полк, чему уже и было несколько случаев. Так что все полковые регалии 11-й дивизии он передаст лично законному Русскому правительству. Чернышков осмелился возразить: а вот в Одессе при всей роте генерал сожалел, что нет сообщения с Киевом из-за петлюровцев, и нельзя передать полку знамя, которое там хранится в надежном месте. Бачинский ответил, что когда он это говорил, была другая обстановка. «Смысла этой фразы генерал нам не объяснил»[8].

Очевидно, М. Л. Бачинский находился тут же, в Тульче. Данный эпизод показывает, что в доблестной и сильной роте, столь хорошо себя зарекомендовавшей в Одессе и уже развернувшейся в батальон, якутский кадр был самый скромный. Начдив не решился признать часть за возрожденный полк.

Согласно Чернопысскому, «прибыв в Новороссийск, рота и пулеметная команда отдохнули, получили обмундирование и были направлены в Таганрог, где мы получили пополнение из ставропольцев (800 человек) и пулеметы. Рота развернулась в два батальона с пулеметной командой и значилась уже как 42-й пехотный Якутский полк, который был представлен генералу Май-Маевскому». Затем последовала переброска на станцию Иловайская, где полк смотрел генерал Кутепов. Первый бой был под Балаклеей на змиевском направлении, на подступах к Харькову. Чернопысский пишет, что только в Киеве был сформирован из пленных «малочисленный 3-й батальон», в основном полк воевал в своем первоначальном составе.

[8] РГВА. Ф. 39699. Оп. 1. Д. 19. Л. 5, 8–9 об.

Между тем, не позднее 18 июня (1 июля) командиром полка был назначен полковник Бернис, который «перед отъездом в полк получил секретное указание поднять полк в боевом отношении и сплотить чинов полка, чего, по-видимому, в полку не было. <…> Полк я принял малочисленного состава: 2 баталиона численностью каждый не более 150 человек», — указывал он в своем рапорте. Итак, на тот момент Якутский полк являл собою не очень внушительную часть для хорошего кадра и значительного укомплектования, полученного незадолго до того в Таганроге. Далее Т. П. Бернис описывает разворачивание полка своими стараниями в четырехбатальонный состав с запасным батальоном и офицерской ротой. Он пишет о пятимесячных боях «от Полтавы до Киева, от Киева до Чернигова и при вторичном освобождении Киева от большевиков» и о пристрастном отношении к своему полку генерала Бредова[9].

В истории полка был 130-верстный марш для спасения Киева в октябрьских боях 1919 г. При полку действовал захваченный у красных броневик — «Якутец». Затем последовало отступление, Бредовский поход, интернирование в Польше и переезд в Крым.

Касается одесской судьбы якутцев в своих воспоминаниях, написанных уже с большой временной дистанции, и Е. Э. Месснер. При отходе бригады Н. С. Тимановского от Одессы в апреле 1919 г. «из штаба Одесского района, кроме меня, только один офицер присоединился к бригаде. В награду генерал Тимановский при развертывании бригады в дивизию поручил этому полковнику формировать полк (этот полковник Карпов был кадровым офицером Якутского полка и таким образом в составе нашей дивизии — сводный полк 15-й пехотной дивизии, сводный полк 4-й стрелковой бригады — появилась экзотика: 42-й Якутский полк)». Далее, в примечаниях, он продолжил об этом сюжете: «В награду за самоотверженность Тимановский сделал меня старшим адъютантом оперативной части в дивизии, а подполковнику К. поручил восстановить его Якутский полк, благо в Ростове он нашел несколько якутцев. Подполковник был произведен в полковники и отлично командовал отличным Якутским полком, мало чем уступавшим сводным полкам 15-й пехотной и 4-й стрелковой дивизии». Полк, как и сводные полки, «тоже имел достаточно офицеров для замещения опытными ко-

[9] «Якутцы не привыкли в поражениям…» (К истории 42-го пехотного Якутского полка в Гражданскую войну. Публ. и пред. А. С. Кручинина // Военная быль (Москва). 1995. № 6 (135). С. 20–22.

мандирами должностей командиров вплоть до отделенных»[10]. Видимо, несколько месяцев боев «исправили» положение с офицерами: в числе претензий Т. П. Берниса к генералу Бредову был и отказ в офицерах, когда их в полку был большой некомплект, «а по Киеву гуляли офицеры без дела», — речь об осени 1919 г.[11]

Вероятно, коренных якутцев в полку в самом деле было мало. 42-й полк был «экзотикой» для двух сводных полков дивизий, имевших довоенную стоянку в Одессе — 15-й пехотной и 4-й стрелковой.

7-я пехотная дивизия в составе пехотного и стрелкового полков 1 (14) — 17 (30) июня участвовала в боях на царицынском направлении и взятии Царицына. После этого дивизия ушла на киевское направление. В Ростове стоял запасной батальон в составе около 900 «совершено босых и голых» бывших красноармейцев. Раздетые и босые чины были и при обоих действовавших немногочисленных полках[12]. Для якутцев же в полковом формате первые бои произошли под Змиевом. Трудно предполагать, что 42-й полк был экипирован лучше двух других полков дивизии. Вкупе с потерями это и привело полк, вероятно, в столь плачевное состояние уже к июлю 1919 г.

Вернемся к саратовской базе формирования Якутского полка. Итак, какое-то количество офицеров стремилось попасть в Южную армию, формирование было разрешено при 6-м Саратовском стрелковом полку. Этот полк начинал формироваться в Белой Калитве. Приказом корпусу 23 декабря 1918 г. (5 января 1919 г.) полк передислоцировался в хутор Фролов Усть-Медведицкого округа Области Войска Донского, ближе к фронту. Третий батальон полка приказывалось формировать из офицеров 42-го пехотного Якутского полка и молодых призывников 1918–1920 гг., рассматривая его как часть постоянной Русской армии. Организовывалась та же схема формирования вооруженной силы, как и на Дону. Унтер-офицеров разрешалось брать из мобилизованных или из штрафной роты, то есть военнопленных красноармейцев[13]. Последнее означает, что «якутский»

[10] Evgenii Eduardovich Messner Papers / Бахметевский архив русской и восточноевропейской истории и культуры Колумбийского университета (Нью-Йорк). BA#0265. Автор выражает признательность Ф. А. Гущину за возможность ознакомления с обширными воспоминаниями Е. Э. Месснера.

[11] «Якутцы не привыкли в поражениям…» С. 22.

[12] См.: *Цветков В. Ж.* Белые армии Юга России. 1917–1920 гг. (Комплектование, социальный состав Добровольческой армии, Вооруженных Сил Юга России, Русской армии). Кн. 1. М.: Посев, 2000. С. 106–109.

[13] *Посадский А. В.* Указ. соч. С. 188.

унтер-офицерский кадр отсутствовал. Один из трех стрелковых полков Саратовского корпуса, 6-й полк, выполнял роль депо, базы формирования, и в полном составе на фронт не выводился.

Приказы Саратовскому корпусу позволяют проследить судьбу «саратовских» якутцев.

Приказом корпусу № 577 (20) декабря подпоручик граф Сергей Сергеевич Девьер назначался в кадр 42-го пехотного Якутского полка, с 10 (23) октября с прикомандированием на все виды довольствия при 6-м стрелковом полку[14]. Вероятно, он был уроженцем Нижнего Новгорода — таковым являлся его старший брат Борис, 1888 г., расстрелянный в январе 1921 г. в Крыму. Таким образом, кадровая ячейка Якутского полка документально фиксируется.

Чрезвычайно интересным является выявленный нами документ — распоряжение подполковника Иванова, за начштаба войск Усть-Медведицкого района — комкору Саратовского корпуса полковнику Манакину. «Прибыли в Михайловку 14 офицеров и 3 добровольца 42-го пехотного Якутского полка. Офицеры не имеют денег и задолжали в Михайловке за еду. Прошу срочного распоряжения коринта <корпусного интенданта> выдать этим офицерам аванс в счет содержания. Копию этого распоряжения не откажите телеграфировать мне для объявления прибывшим офицерам»[15]. Документ не датирован, по датировкам соседних листов дела он составлен между 26 ноября и 16 декабря 1918 г. Данное распоряжение свидетельствует о единовременном прибытии весьма внушительной партии офицеров-якутцев.

В тяжелом отступлении при сильном разложении казачьих частей комкор сжал корпус. В. К. Манакин сформировал 21 января (3 февраля) из боеспособных частей отряд своего имени и сохранил целиком 7-й Саратовский стрелковый полк. 6-й стрелковый и конный Саратовские полки расформировывались. Начальнику хозяйственной части отряда подполковнику Момчеву предписывалось выделить из 6-го полка все, что нужно для формирования 42-го пехотного Якутского полка, который считался сформированным с 21 января (3 февраля) путем выделения Якутского батальона из 6-го полка. Временно командующим 42-м Якутским пехотным полком назначался полковник Бернис[16].

[14] РГВА. Ф. 40213. Оп. 1. Д. 2133. Л. 53.

[15] РГВА. Ф. 40148. Оп. 1. Д. 1. Л. 133.

[16] Приказ корпусу № 923 января (5 февраля) 1919 г., станица Ново-Григорьевская (РГВА. Ф. 40213. Оп. 1. Д. 2133. Л. 10).

При отступлении от хутора Фролова в январе 1919 г. свидетель запечатлел такую картину: «42 якутский полк, шедший рядом вдоль дороги, их было человек 300 — это все больше перебежчики из красных, все оборванный и босой народ! Ясно представляю себе курган, багряный закат солнца и на красном фоне эти оборванцы!»[17] Оставляя в стороне зловещий тон картины зимнего отступления, отметим, что часть в три сотни человек в обстоятельствах, когда слабые духом вполне могли «распылиться» или сдаться, говорит о том, что полк, очевидно, в однобатальонном составе, состоялся в действительности, а не только как продукт приказного творчества.

Согласно приказу № 21 от 25 февраля (10 марта) 1919 г., данному в Азове, корпус переформировывался в Отдельную Саратовскую бригаду. Ее основными частями становились 5-й Саратовский стрелковый полк и 187-й пехотный Аварский полк (бывший 7-й стрелковый Саратовский) с офицерской ротой. 5-й стрелковый Саратовский полк надлежало формировать из кадров 5-го стрелкового Саратовского полка и «остатков 42-го пехотного Якутского полка». Таким образом, Якутский полк прекращал свое самостоятельное существование в составе саратовского соединения. Освобождался и комполка Т. П. Бернис. Приказом Саратовскому корпусу № 20 23 февраля (8 марта) 1919 г. (Азов) назначались две комиссии для ревизии дел частей перед предстоявшим переформированием. Ревизия проводилась в три очереди, 42-й Якутский полк ревизовался в первую очередь, очевидно, как расформированная часть[18].

Видимо, азовская и таганрогская группы якутцев весной 1919 г. смогли, наконец, воссоединиться. На это прямо указывает Е. Э. Месснер, сообщая об обнаруженных полковником Карповым «нескольких якутцах» в Ростове. Однако остается вопрос о том, сколько в Одессе и в Саратовском корпусе оказалось кадровых якутцев или, по крайней мере, офицеров, проходивших службу в полку, был ли хоть какой-то неофицерский состав, связанный с полком.

Сам Т. П. Бернис в январском рапорте 1920 г. писал о том, что состоит в Добрармии «около двух лет»[19]. Странно, что он не упоминает своего командования Якутским полком в начале 1919 г. Очевидно, тягостная тень службы в «армии Южной — никому не нужной» заставляла не вспоминать той эпопеи и не апеллировать к ней.

17 *Посадский А. В.* Указ. соч. С. 189.

18 РГВА. Ф. 40213. Оп. 1. Д. 2133. Л. 22, 21.

19 «Якутцы не привыкли в поражениям…» С. 22.

Во время Бредовского похода якутцы вошли в состав наконец-то развернутой дивизии «железных стрелков». Приказ 4-й стрелковой дивизии 13 (26) марта 1920 г. № 29 гласил: согласно приказу по Отдельной Русской Добровольческой армии от 2 (15) марта в состав дивизии включаются: Якутский полк, сводный полк 15-й пехотной дивизии, 7-я артбригада с переименованием в 4-ю стрелковую артбригаду. Один из приказов показывает, что в марте 1920 г. в полку имелась команда конных разведчиков.

Далее последовало интернирование в Польше и перемещение войск в Крым. Приказ Отдельной Русской Добровольческой армии № 696 от 8 (21) июня 1920 г., данный в Варшаве, объявлял о приказе главкома приступить к перевозке армии в Крым через Сербию (телеграмма Лукомского № 2844)[20].

Эпопея с переброской заняла несколько недель. Приказ по Якутскому полку 23 июля (5 августа) 1920 г. № 163 сообщал, что полк находится на транспорте «Херсон» (Феодосия) в ожидании следующих эшелонов[21]. Приказом полку № 169 от 29 июля (11 августа) 1920 г. объявлялся список прибывших 25 июля (7 августа) на «Херсоне». В списке 311 номерных позиций, в том числе: полковники Семен Иваненко (командир), Иван Письменнов, Владимир Фененко, Даниил Чижов, Константин Бабинский, подполковники Палладий Ильчук, Михаил Кузьминский, а всего 81 офицер, 3 чиновника, доктор, 3 подпрапорщика и вахмистра, 1 мастер старшего разряда, 7 сестер милосердия, «жена старшего унтер-офицера Закутнева — Евдокия», 1 доброволец, 1 юнкер, 17 вольноопределяющихся, 1 полковой писарь, остальные — унтер-офицеры и рядовые[22].

Полк с хорошим офицерским кадром готовился к развертыванию. Приказ № 167 27 июля (9 августа) 1920 г. содержит список командиров рот — 11 заполненных позиций из 12-ти на случай приведения в трехбатальонный состав[23]. Однако новый главнокомандующий генерал П. Н. Врангель не поощрял «возрождения». Якутцев расформировали с влитием чинов в другие полки. Согласно приказу полку № 181 10 (23) августа 1920 г. (Чаплинка), в 49-й Брестский полк 13-й пехотной дивизии был направлен 161 чин, в 50-й Белостокский полк — 149 чинов, в 52-й Виленский полк — 6 рядовых[24]. Документ позволяет скоррек-

20 РГВА. Ф. 39699. Оп. 1. Д. 28. Л. 7, 9, 11.

21 Там же. Д. 84. Л. 1.

22 Там же. Л. 6 об. — 11 об.

23 Там же. Л. 4.

24 Там же. Л. 23–28 об.

тировать данные Чернопысского, который писал о передаче чинов только в Брестский полк.

Наконец, приказ № 1846 (19) сентября 1920 г., данный все в той же Феодосии, подводил итоги ликвидации. Командир полка полковник Иваненко обращался к однополчанам: «Славные якутцы! 11 августа сего года семья наша по воле начальства распылилась. Богат геройскими подвигами и победами Ваш боевой путь от ст. Изюм до Харькова, Богодухова, от Полтавы до Киева, взятие Козельца, Чернигова, двухдневный поход из Чернигова на выручку Киева, очищение гор. Киева от большевиков в первых числах октября п/г. Стойкость на позициях реки Ирпеня, о которую разбивались все попытки красных к наступлению. Ваш зимний поход от гор. Киева, начавшийся в первых числах декабря п/г., голодание и, наконец, сидение за проволокой свидетельствуют о высокой преданности идее нашей воссоздания Единой Неделимой Матушки России»[25]. Для полковника Иваненко, как видим, боевой путь полка начинается со станции Изюм. Очевидно, в полку уже не было тех, кто помнил иные сюжеты участия полка в Гражданской войне. Столь упорно боровшийся за воссоздание полка его командир Н. В. Антонович еще на ст. Иловайской передал командование полковнику Петрову, на север полк пошел без него.

Таким образом, можно уверенно утверждать, что 42-й пехотный Якутский полк был возрожден в рядах Саратовского корпуса в качестве полковой ячейки и существовал более месяца как самостоятельный полк. Параллельно происходило восстановление полковой ячейки усилиями офицеров-якутцев, сосредоточившееся на рубеже 1918–1919 гг. в Одессе. Сформированная здесь усиленная рота развернулась в полк за счет пополнения в Таганроге. Можно предполагать, что какое-то пополнение поступило и из саратовского кадра, оказавшегося весной 1919 г. в недалеком Азове. По крайней мере, полк вновь возглавил Т. П. Бернис. Наконец, не следует забывать, что в Луцке при УНР и гетмане офицеры-якутцы аккумулировались в составе 1-го Волынского корпуса. Судьба этих кадров остается нам неизвестной.

Интересно, что более раннее «возрождение» в составе Саратовского корпуса и, видимо, с участием более основательного якутского кадра, оказалось заслонено в мемуарах одесской эпопеей. Саратовский корпус, очевидно, не очень стремились вспоминать и его чины при дальнейшей службе во ВСЮР. Пример тому — полковник Бернис. Так или иначе, 42-й пехотный Якутский полк стал активным участником Белой борьбы на Юге.

[25] Там же. Л. 35–36.

Список литературы

Медали, нагрудные знаки, жетоны России конца XIX — начала XX века. Документы / Сост. Д. И. Петерс, А. М. Валькович. Труды РГВИА. Вып.1. М.: Археографический центр, 1997.

Посадский А. В. От Царицына до Сызрани: очерки Гражданской войны на Волге. М.: АИРО-XXI, ГПИБ, 2010.

Цветков В. Ж. Белые армии Юга России. 1917–1920 гг. (Комплектование, социальный состав Добровольческой армии, Вооруженных Сил Юга России, Русской армии). Кн. 1. М.: Посев, 2000.

Шульгин В. В. Французская интервенция на Юге России в 1918–1919 годах (отрывочные воспоминания). Публ. Н. Н. Лисового // Военная быль (Москва). 1993. № 4 (133).

«Якутцы не привыкли в поражениям…» (К истории 42-го пехотного Якутского полка в Гражданскую войну. Публ. и пред. А. С. Кручинина // Военная быль (Москва). 1995. № 6 (135).

Anton Viktorovich POSADSKY

Doctor of History, Professor of the Stolypin Volga
Institute of Management — branch of RANEPA (Saratov, Russia)

E-mail: posad1968@mail.ru

Beginnings and endings: from the history of the revival of 42nd Yakut infantry regiment in the ranks of the whites in 1918–1920.

The article is devoted to the revival of 42nd Yakut infantry regiment of the Imperial Russian army during the Russian Civil war of 1918–1920.

Keywords: Civil war in Russia, White movement, Yakutsk regiment, deployment, regular regiments.

References

Medali, nagrudnye znaki, zhetony Rossii kontsa XIX — nachala XX veka, ed. D. I. Peters, A. M. Val'kovich, in: Trudy RGVIA, #1, Moscow 1997.

Posadskii A. V., *Ot Tsaritsyna do Syzrani: ocherki Grazhdanskoi voiny na Volge [From Tsaritsyn to Szran: Essays on the Civil War in the Volga Region],* Moscow 2010.

Tsvetkov V. Z., *Belye armii Iuga Rossii. 1917–1920 gg. [Whire Armies in the South of Russia]*, book 1, Moscow 2000.

Shulgin V. V., *Frantsuzskaia interventciia na Iuge Rossii v 1918–1919 godakh [French intervention in the South of Russia]*, in: Voennaia byl (Moscow), 1993, #4 (133).

«Iakuttsy ne privykli v porazheniiam…» (K istorii 42-go pehotnogo Iakutsko*go polka v Grazhdanskuiu voi`nu [To the History of the 42nd Yakutsk Infantry Regiment in the Civil War]*, ed. A. S. Kruchinin, in: Voennaia byl (Moskva), 1995, #6 (135).

УДК 94 (47).084.3
ББК 63.3 (2) 612

Андрей Сергеевич КРУЧИНИН

заведующий отделом военно-исторического наследия Дома Русского Зарубежья им. А. Солженицына (Москва, Россия)

E-mail: milhist01@mail.ru

«АТАМАН АДСКИЙ» ГРИГОРИЙ КОТОВСКИЙ: МАХНОВЕЦ ИЛИ ДРОЗДОВЕЦ? «БЕЛОЕ ПЯТНО» В БИОГРАФИИ КРАСНОГО ВОЕНАЧАЛЬНИКА

В официальной биографии известного до революции грабителя Г. И. Котовского, ставшего столь же известным советским военачальником, имеются значительные пробелы. Сопоставление скудных источников и встречающихся в исторической литературе отрывочных сведений позволяют выдвинуть парадоксальную, но не противоречащую известным фактам версию не только о сотрудничестве Котовского с будущим руководителем анархистской Повстанческой армии Н. И. Махно, но даже о присутствии будущего «красного героя» в качестве добровольца в отряде полковника М. Г. Дроздовского весной 1918 г.

Ключевые слова: Г. И. Котовский, Н. И. Махно, М. Г. Дроздовский, Гражданская война в России, Белое движение.

Котовский был странным и интересным человеком…
Роман Гуль. «Красные маршалы»

История «смутных времен» слишком часто оказывается мифологизированной, и Гражданская война в России в этом отношении отнюдь не является исключением. Это утверждение справедливо до банальности и добавить к нему, наверное, можно лишь, что победившая сторона подчас намного активнее, чем проигравшая, усердствует в создании и поддержании мифов и в конце концов сама попадает к ним в настоящую кабалу, особенно если речь идет о человеке с неоднозначною репутацией и причудливою судьбой.

Так случилось и с одной из фигур большевистского «пантеона», Григорием Ивановичем Котовским, который, явно относясь к разряду dii minores (всего лишь командир бригады), был, однако, среди этих божков настолько видным, что в 1925 г. «заслужил» у Советской власти посмертное бальзамирование и персональный склеп. Вероятно, именно поэтому биография человека, бывшего до революции известным грабителем (в «расписках», выдаваемых жертвам нападений, именовал себя «атаман Адский», что, вероятно, казалось ему «адски» — модное в те годы словечко — шикарным) с претензией на роль «благородного разбойника» в духе то ли Робин Гуда или Дубровского, то ли графа Монте-Кристо (переодевания, смена образа, «благотворительность» и «широкая» — в понимании бессарабского и одесского налетчика — жизнь), — биография эта прямо-таки требовала усиленной лакировки или даже мумифицирования с непременным выбрасыванием и забвением всего неподходящего. Но не преподнесет ли она, несмотря ни на что, неожиданные сюрпризы?

Подозрения о возможности таких сюрпризов возникают хотя бы из-за крайнего дефицита информации о деятельности Котовского на одном из самых напряженных этапов междоусобицы, охватившей Россию. «Нельзя, просто невозможно не удивляться тому, что среди многочисленных документов, так или иначе касающихся биографии Котовского, существует довольно внушительный “провал” продолжительностью в год с лишним — с марта 1918 по апрель 1919 года», — справедливо отмечает современный автор[1]. В официальном жизнеописании эти месяцы представали заполненными работой в Одессе «под руководством подпольного областкома <большевистской> партии и его военно-революционного комитета»[2], что позже почти столь же голословно интерпретировалось как продолжение дореволюционных грабежей «атамана Адского»: «Интересно, что Котовский ничем себя не проявил в самые грозные месяцы гражданской: в мае — ноябре 1918 года (снова “белое пятно”). <…> В ноябре он появляется в родной для него Одессе (родной для него была все-таки Бессарабия. — *А. К.*) с паспортом херсонского помещика Золотарева. <…> Котовский в те времена организует террористическую, диверсионную дружину, которая, имея связи с большевистским, анархистским и левоэсеровским подпольем, фактически никому не подчинялась и действовала на свой страх и риск. <…> Дружина “прославилась” убийствами провокаторов, вымогательством денег у фабрикантов, хозяев гостиниц и ресторанов. Обычно Котовский присылал жертве письмо с требованием выдать деньги “Котовскому на революцию”. Примитивный рэкет чередовался с крупными ограблениями»[3]. Но хронология предшествовавших событий, как и маршруты передви-

[1] *Бурин С. Н.* Григорий Котовский: Легенда и быль. М.; Смоленск: Олимп; Русич, 1999. С. 195.

[2] *Ананьев Г. А.* Котовский. М.: Молодая гвардия, 1982. С. 78.

[3] *Савченко В. А.* Авантюристы гражданской войны. М.: АСТ; Фолио, 2000. С. 181–182.

жения Котовского до появления его в Одессе, в большинстве случаев оказываются окутанными непроницаемо густым туманом.

Вот один из вариантов, и не самый худший. Красный добровольческий отряд Котовского, отступая из Бессарабии под натиском германских и румынских войск, а далее по Малороссии — войск австро-германских и украинских, прикрывает переправу основных сил через Днепр у Екатеринослава, сражаясь под узловой станцией Пятихатка (около 60 верст западнее Екатеринослава, считая по прямой линии). После этого (ни одной даты! — последняя предыдущая — 9 марта, очевидно, нового стиля, и относится еще к действиям на Днестре, а не на Днепре) «неожиданно обрушилось еще одно бедствие — началась эпидемия испанки. Тяжело заболел и Котовский. Его положили в госпиталь в Екатеринославе, но лечение "прервали" деникинцы. Они захватили Екатеринослав, и Григорию Ивановичу едва удалось бежать из города»; «лечиться дальше он отказался и настоял, чтобы его направили в Одессу на подпольную работу» (и затем — о деятельности под началом большевистского «облисткома»)[4].

Внутренних противоречий здесь нет, и не к месту только «деникинцы», которые появятся в новороссийских губерниях еще более чем через полгода (в 1918-м Екатеринослав был сдан большевиками немцам 4 апреля нового стиля), а в самом Екатеринославе — и того позже. Но противоречия легко обнаруживаются в более подробной версии: «Положение советских частей на Украине (в том числе и отряда Котовского) вплоть до конца 1918 года оставалось тяжелейшим <с начала лета 1918-го советских войск на Украине попросту не было, а конец года, напротив, ознаменовался для них значительными и легкими успехами на развалинах гетманщины — *А. К.*>. Уже 17 марта командование советского Южного фронта приказало отвести Тираспольский отряд из района Одессы далеко на север, к Елизаветграду (позднее Кировоград). Котовский пытался протестовать, настаивал на том, чтобы во всяком случае его группе было разрешено продолжать борьбу. Ему ответили, что в армии следует беспрекословно исполнять приказы начальства, и тогда Котовский объявил о "самороспуске" своего разведывательного конного отряда. Котовского хотели было строго наказать за своеволие, но, учитывая былые заслуги и громкое имя, ограничились тем, что отправили в десятидневный отпуск — якобы "для лечения". Основываясь на данных об этом отпуске, советские исследователи писали, будто бы Котовский заболел блуждавшей тогда по всей Европе тяжелой формой гриппа (испанкой), но он был совершенно здоров <откуда это известно? — *А. К.*> и лишь для проформы заехал отметиться в военный госпиталь в Екатеринославе (позднее — Днепропетровск). С этого момента начинается один из самых туманных и противоречивых периодов в биографии Котовского. Выданное ему удостоверение об отпуске датировано 7 апреля <как мы помним, еще 4-го Екатеринослав заняли немцы, поэтому ехать туда — лечиться или "отметиться" — не было никакого резона — *А. К.*>, и после этого он на некоторое время как бы растворяется в воздухе. Принято считать, что из Екатеринослава Котовский пробрался сквозь тылы войск Деникина в Одессу, где и работал в местном подполье. Но основанием для такой версии служат лишь рассказы близких Котовскому лиц и тех, кто называл себя его боевыми товарищами» — с неожиданно-конкретным и ничем не подкрепленным продолжением: «Итак, не задержавшись в екатеринославском госпитале, Котовский к маю 1918 года оказался в Одессе»[5].

Снова эти «войска Деникина», хотя мы скоро поймем, откуда они столь упорно появляются в литературе о Котовском в столь хронологически несообразном контексте. Но теперь по крайней мере есть все-таки опорная дата, которая позволит внимательнее и критичнее взглянуть на одно промелькнувшее и забытое утверждение той же «котовианы».

Биография Котовского, опубликованная в 1931 г., утверждает, что после оставления советскими частями Одессы весною 1918-го (точные даты и даже месяцы не упоминаются), о чем он якобы узнал на станции Раздельная, примерно в 55 верстах от Одессы (все расстояния для простоты будем брать по прямой линии), или даже не доходя Раздельной, Котовский распустил состоявший под его командой отряд и «через Ананьев, Вознесенск и Николаев пробрался в Екатеринослав». Маршрут, вызывающий удивление: для того, чтобы его придерживаться, следовало сначала сделать около 90 верст до Ананьева, считая от Раздельной (причем прямой железнодорожной ветки туда не было), не удаляясь от наступающего противника, а двигаясь ему наперерез, если не навстречу; затем еще примерно столько же до Вознесенска (а по железной дороге — значительно дольше); затем, вместо того, чтобы направиться на Екатеринослав, сделать 80-верстный конец в сторону до Николаева (сплавившись по Южному Бугу?), опять-таки перпендикулярно к операционной линии противника; и только оттуда двинуться в Екатеринослав за 265 верст по прямой (снова по прямой!). Разумеется, сплошных фрон-

[4] *Ананьев Г. А.* Указ. соч. С. 74, 77–78.

[5] *Бурин С. Н.* Указ. соч. С. 191–192, 196.

тов тогда не существовало, свои и чужие силы перемещались в лучшем случае колоннами, а то и жестко привязываясь в эшелонах к железнодорожным линиям, а затеряться в степях Новороссии небольшой группке (Котовский якобы шел с пятью спутниками) было, наверное, не так уж и сложно… но очевидно, что попасть в Екатеринослав недавний красный командир мог только к моменту, когда город был прочно занят австро-германскими и украинскими войсками, и следовательно, заведомо ложно утверждение той же биографии: «Пробрался в Екатеринослав, где в это время стоял штаб одной из красногвардейских армий, отступавших под натиском немцев и войск гетмана Скоропадского» (упоминание П. П. Скоропадского — явный анахронизм, наступали еще войска Центральной Рады, но такие мелочи на общем причудливом фоне даже не заслуживают нашего внимания). А вот дальше начинается самое интересное…

«В Екатеринославе Котовский заболел брюшным тифом, — продолжает его биограф. — Время было тревожное, красные части могли эвакуироваться каждый день, немцы и гетманцы подступали со всех сторон. Котовский бредил. В полусознательном состоянии он умолял своих спутников не бросать его и доставить в Москву. В первый день, когда Котовскому стало немного лучше, к нему в гостиницу пришел атаман Махно. Этот знаменитый впоследствии бандит тогда еще выдавал себя за преданного красного партизана <неосознанный каламбур-проговорка — сколько раз Н. И. Махно был предан своими большевистскими союзниками! — *А. К.*>. Он свыше двух часов уговаривал Котовского остаться на Екатеринославщине и вместе с ним “раздувать кадило” против немцев и гетманцев.

— Ты анархист, и я анархист, — говорил Махно льстиво, — давай будем работать вместе.

Но Котовский не послушался Махно. Дав ему неопределенный ответ и назначив свидание через несколько дней, он в ту же ночь, еще с повышенной температурой, снялся из Екатеринослава. Вместе со своими спутниками, перенеся много лишений в полуразрушенных теплушках, простаивая целыми днями на запасных путях, добрался Котовский через три недели в Москву.

Котовский мечтал о Москве, как о земле обетованной. Он твердо верил, что там найдутся люди, которые сумеют объяснить ему создавшуюся политическую обстановку, рассеять все его сомнения и указать правильный жизненный путь. В Москве он разыскал старых товарищей по каторге, прочитал целый ворох агитационных брошюр, жадно впитывал в себя новый и сначала непонятный для него воздух красной столицы. Затем он взял явку в Одессу, выправил себе нелегальный паспорт <? — *А. К.*> и отправился на юг», — причем, в отличие от других биографов, этот автор отводит на пребывание своего героя вдали от Юга России намного больше времени: «Поздней осенью 1918 г. Котовский неожиданно появился в Одессе»[6].

Любопытно, что сам Котовский в послужном списке, который применительно к интересующему нас периоду составлялся с его собственных слов — документов-то нет — датирует начало своей работы «под руководством Одесского подпольного комитета большевиков в Одессе <так в первоисточнике — *А. К.*>» июнем 1918 г.[7], ни словом не упоминая о поездке в Москву, хотя она, казалось бы, очень подходила именно к ретушированной его биографии: разбойник-вольнодумец, просветившись «ворохом агитационных брошюр» в «красной столице», становится идейным большевиком-подпольщиком. С другой стороны, процитированный рассказ тоже вряд ли мог иметь источником что-либо, кроме свидетельства самого Котовского: выдумать несуществующее, конечно, мог бы любой биограф, но удивляют излишние для такой выдумки подробности (болезнь, трехнедельная дорога до Москвы, опасение «гетманцев», разговор — причем именно двухчасовой — с Махно…) — даже беллетризированная и мифологизированная биография «атамана Адского» других таких прецедентов как будто не знает. Непроверяемых или фантастических эпизодов в ней более чем достаточно, но они кочуют из одного сочинения в другое как единое целое, в то время как «екатеринославский эпизод», промелькнув в 1931 г. (а ведь не так уж и много времени прошло с 1918-го!), навсегда погружается в пучину забвения. Если принять его за выдумку от начала до конца, то и говорить дальше не о чем; если же предположить, что основания тут имеются, — стоит сделать несколько наблюдений и сопоставлений.

Как мы уже говорили, попасть в Екатеринослав раньше появления там немцев Котовский не мог, двигайся он тем маршрутом, который приписывает ему советский биограф. Можно, конечно, допустить, что маршрут этот фантастичен (и его «зигзагообразность» как будто свидетельствует в пользу такого предположения), и до Екатеринослава Котовский добрал-

---

6 *Сибиряков С., Николаев А.* Григорий Иванович Котовский. [М.]: ОГИЗ; Молодая гвардия, 1931. С. 59–63.

7 Послужной список Г. И. Котовского // Г. И. Котовский: [Сборник документов] Кишинев: Государственное издательство Молдавии, 1956. С. 23.

ся более прямым путем, еще успев застать там хвосты советских войск, отступавших на восток когда под натиском, а когда и без натиска — просто перед продвигающимися австро-германцами; однако в этом случае встреча с Махно все равно выглядит невозможной, поскольку Махно, в свою очередь, судя по всему, в Екатеринославе в те месяцы не бывал.

Воспоминания Махно — многословные, подчас путаные, вдобавок частично подвергшиеся посмертной редактуре и удивительно нудные — несмотря на все это остаются едва ли не единственным источником сведений о его жизни в конце 1917 — начале 1918 г., повторяемых и в исследованиях об анархистском и повстанческом вожаке. Восстановить по ним географию тогдашних перемещений Махно, сильнее всего привязанного к своему родному селу Гуляй-Поле, вряд ли возможно, но, по крайней мере, о поездках в Екатеринослав весною 1918-го мемуарист не упоминает ни разу. Бывал он в Александровске, но, по-видимому, тоже наездами и ненадолго, а в день занятия Александровска украинскими частями «Крымской группы» полковника П. Ф. Болбочана 16 апреля находился восточнее даже Гуляй-Поля, да к тому же пока отнюдь не претендовал на командные роли и не стремился к организации партизанской борьбы, предпочитая организационную работу в советах, профсоюзах и проч. Вместе с отступавшими советскими эшелонами он тихо и незаметно двигался на Таганрог, вовсе не будучи похожим не только на широко известного «батьку», но и на «партизана-агитатора», фигурирующего в рассказе о встрече с Котовским[8].

Кроме того, свидетельство самого Котовского решительно исключает возможность его пребывания в Екатеринославе до захвата города германцами: его версия о своем местонахождении и занятиях с 6 апреля по 25 мая (крайне любопытная, и мы к ней еще вернемся) просто не оставляет для этого времени. Пока же отметим, что темный период биографии Котовского начинается, по Котовскому же, с 25 мая 1918 г., и екатеринославская встреча могла произойти только после этой даты. Но мог ли тогда находиться в Екатеринославе Махно и если мог, то когда именно и при каких обстоятельствах?

Двинувшись в апреле с Екатеринославщины на восток, будущий командующий Повстанческой армией через Таганрог, Ростов-на-Дону и далее — поволжские города (в Саратове чуть не оказавшись участником боев местных анархистов с местными большевиками около 15 мая, но все-таки благоразумно уклонившись) в июне добрался до Москвы, где, вероятно, не хуже Котовского из цитированной выше биографии, «прочитал

[8] *Махно Н. И.* Воспоминания. М.: Республика, 1992. С. 63–71, 76–79.

целый ворох агитационных брошюр», ходил по митингам и, согласно посмертному изданию второго тома его мемуаров, зашел даже в оккупированный большевистской верхушкою Кремль, побеседовав сначала с Н. И. Бухариным («казавшимся мне Бухариным» — неуверенно пишет Махно), затем с Я. М. Свердловым и «самим» Лениным, лихо поставив двух последних на место своей анархистской идейностью и знанием реального положения дел на Юге России[9]. Правда, рассказ об этом относится как раз к главам воспоминаний, отредактированным (неизвестно, в какой степени) Волиным (В. М. Эйхенбаумом), о котором Махно объявлял в печати: «От известного времени после встречи с ним здесь, за границей, я его просто не считаю товарищем»[10], и который сам признавал свой «личный конфликт с Нестором Махно», но утверждал: «Незадолго до смерти Н. Махно мои личные отношения с ним несколько наладились»[11].

В данном случае и факт посмертной редактуры, и личная неприязнь бывших соратников, а теперь — потенциального редактора и умирающего мемуариста имеют значение, поскольку в прижизненном журнальном варианте своих воспоминаний Махно ни словом не упоминает о столь значительной встрече (со Свердловым и Лениным), в то же время подробно рассказывая, например, кого и на каких митингах и лекциях (в том числе Свердлова и Ленина) он слышал в Москве[12]. Поэтому при оценке достоверности «свердловско-ленинских» глав посмертной публикации, следует, на наш взгляд, исходить именно из этого обстоятельства: в 1923 г. у Махно не было таких стимулов и оснований скрывать «кремлевский» эпизод, которые исчезли бы к 1934-му, когда он дописывал второй и третий тома развернутых воспоминаний — а утверждение современного исследователя о «крестьянской кропотливости, с которой Махно в мемуарах фиксировал все, что произошло с ним замечательного»[13], свидетельствует как раз не в пользу посмертного издания. Слепое же доверие к печатному тексту вынуждает доверяющихся делать вялые оговорки вроде «однако ничего невероятного в такой встрече нет», «описание этого диалога в мемуарах Махно достаточно правдоподобно»[14], или осто-

[9] Там же. С. 158–170.

[10] *Голованов В. Я.* Нестор Махно. М.: Молодая гвардия, 2008. С. 454.

[11] *Волин В. М.* Предисловие // *Махно Н. И.* Воспоминания. С. 74.

[12] *Махно Н. И.* Записки // Анархический вестник. 1923. № 1. С. 28.

[13] *Голованов В. Я.* Указ. соч. С. 69.

[14] *Шубин А. В.* Махно и его время: О Великой революции и Гражданской войне 1917–1922 гг. в России и на Украине <так!>. М.: URSS, 2013. С. 89–90.

рожно ссылаться на недостаток документальных свидетельств: «В биографической хронике жизни Ленина этого события нет, — что, однако, не значит, что Махно врет. Во-первых, “хроника” страдает явными пробелами, а во-вторых, из того, что интересовало Ленина в двадцатых числах июня, когда Махно очутился в кремлевском кабинете <а он все-таки очутился? — *А. К.*> председателя Совета народных комиссаров, как раз и явствует, что встреча эта, встреча с товарищем с революционной Украины, была совершенно в русле тогдашних интересов Ленина»[15].

Впрочем, уличение анархистского вождя, а равно и его редактора во лжи, как и, напротив, доказательство его правоты не входят в нашу задачу, и затронута эта тема здесь мимоходом. Неоспоримо же, что «руслу тогдашних интересов» большевиков — самого ли высшего ранга или пониже — вполне соответствовало появление энергичного товарища, стремящегося вернуться на родную Екатеринославщину для разворачивания там восстания и партизанской борьбы. Поэтому, получив подложный паспорт на имя «И. Я. Шепеля, учителя, офицера» (непонятно, зачем Махно, ни дня не служившему в армии, понадобилась такая глупая и легко опровергаемая «легенда»), а возможно, еще и деньги или «явки», будущий повстанческий командир, по его собственному утверждению, 29 июня покинул Москву, отправившись через Орел — Курск — Белгород в пределы «Украинской державы» гетмана Скоропадского, на Харьков — Синельниково; первым днем пребывания в родных местах близ Гуляй-Поля он называет 4 июля, что не очень хорошо согласуется с расчетом продолжительности его путешествия[16]. Следующие несколько месяцев жизни Махно, связанные с подпольем, бандитскими налетами на усадьбы землевладельцев и партизанской борьбою против немцев и украинцев-«гетманцев», естественно, не документированы и описаны им «пунктирно» и практически без датировки событий, однако его нелегальное пребывание в Екатеринославе по дороге из Москвы или в подпольный период не только не исключено, но и выглядит достаточно вероятным.

Предполагая далее, что Котовский, в свою очередь, не мог оказаться в Екатеринославе ранее конца мая (основываясь на его собственном утверждении), получим почти неправдоподобно точное совпадение: брюшной тиф (которым он болел согласно уже известной нам версии его биографии) с возвратными явлениями может не отпускать человека около полутора месяцев (не ранее полутора месяцев смог оправиться от сыпняка, к примеру, генерал П. Н. Врангель в феврале — марте 1919 г.). По этим расчетам, застрявший в Екатеринославе Котовский начинает приходить в себя, «еще с повышенной температурой», в первой половине или середине июля 1918-го; боится он «немцев и гетманцев со всех сторон» (и ведь правда, именно гетманцев, а не каких-то других украинцев!) не потому, что те наступают, а потому что их власть уже несколько месяцев как установилась на Украине, и они действительно «со всех сторон»; правдоподобно ведет себя в этой версии и Махно (и он, и Котовский, каждый со своей стороны, могли быть связаны с местным революционным подпольем, поэтому встреча кажется вполне реальной), который в дни «отступавших под натиском немцев красногвардейских армий», как мы видели и как не скрывал он сам в мемуарах, отнюдь не рвался в бой и в первые ряды сопротивлявшихся, а вот к июлю в самом деле созрел для активных действий и нуждался в лихих соратниках — а кто лучше Котовского годился бы в такие соратники?!

Согласись тогда Котовский, мы бы, скорее всего, об этом узнали: спрятать такое шило в мешке вряд ли было бы возможно, и «атаман Адский» среди приближенных «батьки Махно», конечно, не мог бы затеряться. Но он вроде бы вместо этого отправляется в красную столицу, умолчав о такой важной поездке при составлении послужного списка и официальной автобиографии — почему же?

Как представляется, ответ может быть только один. В отличие от Махно, который весною ехал в Москву наудачу, зная, что там много анархистских теоретиков, начиная с П. А. Кропоткина, но не имея к ним ни поручений, ни рекомендательных писем — Котовский (чтобы позже у него был мощный стимул скрыть поездку) как раз должен был иметь по крайней мере явки, но явки эти были бы… анархистскими (максималистскими, лево-эсеровскими и т. п.) — и не от Махно ли полученными? А после того, как весной по Москве прокатилась волна разгрома большевиками анархистских кружков и клубов (интересно, что вывесками последних иногда маскировалось контрреволюционное подполье, связанное с Добровольческою армией), а в июле, после скоротечных боев, ликвидировались организации левых социалистов-революционеров, московские знакомцы Махно могли сами оказаться на нелегальном положении и уж конечно — в оппозиции большевистской диктатуре, поэтому уже несколько лет спустя о таких знакомствах и явках благоразумнее было помалкивать.

С другой стороны, оппозиция большевикам отнюдь не всегда исключала возможность совместной зафронтовой работы, тем более — на ок-

---

[15] *Голованов В. Я.* Указ. соч. С. 69.

[16] *Махно Н. И.* Воспоминания. С. 180–184, 191.

купированном австро-германцами и их украинскими марионетками Юге России. Так, мелькнул в одесском подполье бывший матрос и бывший нарком П. Е. Дыбенко, незадолго до этого весною 1918-го причастный к неудавшемуся анархистскому восстанию против большевиков в Самаре; от «Интернационального бюро анархистов» получил командировку в Одессу и другой матрос — А. Г. Железняков (в подполье «товарищ Викторс»), у которого перед этим также возникли нелады с большевиками на Южном фронте[17], и показательно, что советский политработник Е. А. Щаденко говорил о нем как-то невнятно: «Знаменитый матрос Железняк, очевидно, не случайно оказавшийся в Одессе и как анархист возглавлявший в первое время это движение, скоро должен был убедиться, что это — не анархисты»; «он долго не соглашался, но потом понял, что надо или защищать, или бороться против революции, и, поняв это, остался защитником революции до конца своих дней»[18].

В аналогичном положении вполне мог оказаться и Котовский, и, конечно, не случайно его попытки вывести свой коммунистический стаж с 1917 г. (в РКП (б) он вступил лишь в 1920 г.) были в 1924 г. отвергнуты партийной комиссией, имевшей документальные подтверждения его деятельности лишь с лета 1919-го[19]. Кое о чем, похоже, не следовало и вспоминать. И если воспринимать «екатеринославский эпизод» именно как устный рассказ Котовского, переданный кем-то его биографу (в противном случае придется заподозрить сплошной вымысел самого этого биографа, что, конечно, решает все возможные вопросы, кроме главного — зачем такое выдумывать?!), то можно признать его довольно ловким ходом: не тревожа лихо, пока оно спит, и не упоминая о поездке в Москву в официальных документах, «атаман Адский», ставший советским военачальником, излагает события осторожно, но и настолько достоверно, что с таким изложением вряд ли мог поспорить и сам Махно (он-то был жив и способен из-за границы напомнить о себе и о той встрече).

В самом деле, если отбросить эмоции вроде «знаменитый впоследствии бандит» (как будто Котовский не был «знаменитым в прошлом разбойником»!), перечисление фактов вполне правдоподобно: заболев тифом в гетманском Екатеринославе и естественно опасаясь окружающих «немцев и гетманцев», Котовский в дни выздоровления получает от только что вернувшегося из Москвы будущего «батьки» предложение перейти к активным партизанским действиям; быть может, желая получить подтверждение или помощь из более авторитетного анархистского (эсеровского) источника, а быть может, и просто чувствуя себя еще недостаточно поправившимся для военных действий, Котовский вместо сотрудничества направляется в Москву; то ли не получив желаемого, то ли, напротив, получив, но из небольшевистских кругов, — возвращается, но не к Махно, уже партизанящему на Екатеринославщине, а в хорошо знакомую ему Одессу, где и вливается в единое (о чем коммунисты предпочитали потом не вспоминать) большевистско-анархистско-уголовное подполье… и все вроде бы сходится. Но все-таки — почему мы столь уверенно говорили, что в Екатеринославе Котовский не мог оказаться ранее конца мая?

Основанием является, как уже не раз упоминалось, свидетельство самого Котовского, теперь — зафиксированное его послужным списком: «Был захвачен в плен конным отрядом Дроздова в Мариуполе во время отступления <красного> Тираспольского отряда на Дон» 6 апреля 1918 г., «бежал из плена» 25 мая[20]. Нельзя сказать, чтобы это утверждение было совсем уж забыто — еще в начале 1930-х гг. оно фигурировало в отлакированных биографиях красного военачальника, причем без каких-либо комментариев, просто как констатация факта: «При появлении Деникина Котовский со своим отрядом ведет с ним борьбу. 6-го апреля 1918 года Котовский попадает в плен к генералу Дроздову. В плену он находится 1½ месяца. Бежит в Одессу и работает в подполье»[21], — или «отважно пускается в смелые набеги на белогвардейцев. В апреле он был захвачен в плен белогвардейским конным отрядом генерала Дроздова, но ему удается бежать в Одессу»[22]; показательно, что в той же книге через несколько страниц излагается «екатеринославский эпизод», не оставляющий места «плену у белогвардейцев»: авторов, очевидно, это несоответствие не смущало.

Однако серьезному анализу даже в условиях, не требовавших следования коммунистическому канону, эти сведения не подвергались, да и пересказывались весьма неряшливо или с домысливанием обстоятельств: «Это было то время <а какое “то”, непонятно — *А. К.*>, когда

---

17 *Савченко В. А.* Указ. соч. С. 23–25, 145.

18 *Щаденко Е. А.* Григорьевщина // Гражданская война, 1918–1921. Т. 1. М.: Военный Вестник, 1928. С. 75.

19 *Бурин С. Н.* Указ. соч. С. 199–200.

20 Послужной список… С. 23.

21 *Межберг Н., Шпунт Р.* Боевой путь котовцев. Одесса, 1930. С. 20.

22 *Сибиряков С., Николаев А.* Указ. соч. С. 58.

Котовский уже вступил в борьбу с белыми, формировавшимися под командой генерала Щербачева. В первых же стычках Котовский попал к генералу Дроздовскому в плен, но счастье не изменило Котовскому — бежал» (домысливает достойный предшественник советского писателя В. С. Пикуля эмигрантский писатель Р. Б. Гуль, честно прошедший с Добровольческой армией Первый Кубанский поход и столь же честно покинувший ее ряды по причине закончившегося контракта)[23]. Другая версия немногим лучше: «В апреле он распускает свой отряд, и в это судьбоносное для революции время направляется в отпуск. С обозами отступающих он уезжал подальше от линии фронта. Это было новым дезертирством “героя с расшатанными нервами”»; «вскоре Котовский попадает в плен к белогвардейцам-“дроздовцам”, которые маршем по “красным тылам” прошли от Молдовы <так!! — *А. К.*> до Дона. И от белогвардейцев в Мариуполе Котовский бежал <из буквального прочтения этой фразы и сопоставления ее с послужным списком следует, что белогвардейцы вместо “марша” сидели на одном месте в Мариуполе, поскольку Котовский утверждал, что там попал в плен, а где бежал — не говорит; так пишется история — *А. К.*>, спасшись от очередного неминуемого расстрела»[24].

Да и попытки анализа оказываются довольно поверхностными: «Получается <в сопоставлении с удостоверением о болезни, датированным 7 апреля — *А. К.*>, что на следующий день после 6 апреля Котовский все еще пребывал в своем отряде и ни в какой плен к полковнику М. Г. Дроздовскому (очевидно, он имеется в виду под фамилией Дроздов) не попадал. Тут не помогает даже оговорка, что Котовский мог датировать свое пленение по старому стилю, тогда по новому стилю это 19 апреля. Но отряд М. Г. Дроздовского, направлявшийся с Румынского фронта на Дон, прибыл в Мариуполь только 27 апреля 1918 года. Очевидно, Григорию Ивановичу просто захотелось присочинить для своей биографии еще один подвиг — побег из белого плена, как потом в автобиографии он описал в героическом духе свой побег с сибирской каторги, безжалостно убив (к счастью, только на бумаге) двух стражников. В тот момент он заболел тифом, но после окончания отпуска в свой отряд не вернулся, а подался в Одессу. Чтобы как-то оправдать свое дезертирство, Котовский и придумал историю о том, как он оказался в плену у белых. Дескать, пробираться в тот момент к фронту сквозь боевые порядки белых было бы самоубийством»[25].

Замечания разумные, но полностью игнорирующие несколько немаловажных обстоятельств. Прежде всего, если Котовский в апреле действительно заболел тифом, находясь «в отделе» от отступающих красных частей, то по выздоровлении он, как мы уже знаем, оказывался бы на австро-германо-украинской территории, и вопрос, почему же он «в свой отряд не вернулся», не имел бы никакого смысла, а само невозвращение никак не могло бы быть поставлено Котовскому в вину. «Подвиг, присочиненный для биографии», отнюдь не кажется правдоподобным: Котовский, вероятно, врал действительно немало (при его образе жизни это было, пожалуй, и неизбежно), а со временем мог и начать верить в собственное вранье, но вряд ли когда-либо он врал бесцельно — сказал и забыл, с пленом же в «конном отряде Дроздова» именно так и произошло: героический подвиг, риск для жизни, дерзкий побег никак не нашли отражения в биографиях, подаваясь (в тех случаях, когда об этом вообще вспоминали) как бы сквозь зубы, мимоходом, — так стоило ли огород городить? Не очень понятна (в случае выдумки для красного словца) и относительная точность: именно конный отряд, именно отряд Дроздова, именно в Мариуполе, именно с такой-то по такую-то дату. В сумятице красного отступления можно было без большого напряжения фантазии и даже вполне правдоподобно «назначить» на роль противника кого угодно: немцев, австрийцев, гайдамаков, «гетманцев» (как мы видели, советская историография анахронизмов не пугалась), наконец, любой безымянный «белогвардейский отряд» или какую-нибудь «офицерскую банду» — так нет же, конный отряд Дроздова, и все тут!

Но ведь нам сейчас объяснили, что как раз точность-то кажущаяся (хотя опять-таки непонятно, зачем так точно «припоминать» — присочинять — то, что так легко опровергается?), — и правда, несообразности сразу выявляются, начиная с главной — «Дроздова», в котором эрудированный читатель сразу угадает полковника Михаила Гордеевича Дроздовского, командира бригады Русских Добровольцев, сформированной им на разваливавшемся Румынском фронте и с 11 марта по 8 мая (с 26 февраля по 25 апреля по старому стилю) 1918 г. совершившей поход на Дон, а затем присоединившейся к Добровольческой армии. Ошибка «Дроздов — Дроздовский» была, кажется, довольно распространенной у противника («доложите генералу Дроздову, доложите, я мобили-

[23] *Гуль Р. Б.* Красные маршалы: Тухачевский. Ворошилов. Блюхер. Котовский. М.: Молодая гвардия, 1990. С. 227.

[24] *Савченко В. А.* Указ. соч. С. 181.

[25] *Соколов Б. В.* Котовский. М.: Молодая гвардия, 2012. С. 114–115.

зованный…» — вспоминал крик пленного один из младших соратников Дроздовского[26]), но как мог ее допустить человек, сколько-нибудь продолжительное время находившийся в этих частях хотя бы в качестве военнопленного и уж наверное не раз слышавший, как правильно называли командира бригады?

Ответ на этот вопрос можно найти в обстоятельствах появления в послужном списке Котовского столь интересной записи. Послужной список, составлявшийся первоначально 28 июня 1921 г., был завершен уже после смерти красного полководца (последняя запись — «убит в совхозе Чебанка под Одессой» 6 августа 1925 г.) его бывшим подчиненным К. Ф. Юцевичем 11 августа того же 1925-го, и впоследствии публикаторы документа дважды вынуждены были сделать примечания: «Согласно устному заявлению бывшего начальника штаба отдельной кавалерийской бригады Котовского К. Ф. Юцевича эти сведения занесены в послужной список со слов самого Котовского. Документов, подтверждающих правильность этих сведений, пока не удалось обнаружить»; «эти сведения занесены в послужной список бывшим начальником штаба кавбригады Юцевичем. Документов, подтверждающих истинность этого факта, пока обнаружить не удалось» (последнее — как раз про «плен в отряде Дроздова»)[27].

Отсутствие «подтверждающих документов» здесь совершенно естественно (да и как они могли бы выглядеть? — «предъявитель сего Григорий Котовский состоял на довольствии при 1-й бригаде Русских Добровольцев в качестве военнопленного и удовлетворен довольствием по день побега исключительно, что подписью и приложением казенной печати удостоверяется»?), а вот устная фраза Котовского вроде «а еще запиши, я тогда-то угодил в плен к конным дроздовцам» в более официальной интерпретации аккуратного начальника штаба легко превращается в «был в плену у конного отряда Дроздова». Важно отметить, что части, бывшие под началом Котовского, вплоть до конца 1920 г. вообще не воевали на левобережьи Днепра, с Дроздовскою дивизией нигде не сталкивались, а подробности истории Добровольческой армии и Вооруженных сил Юга России скорее всего просто не были известны подчиненным Котовского и уж заведомо не были у них на слуху. Более того, для красных войск, весною 1918 г. стремительно покидавших Малороссию и Новороссию перед немецким наступлением, поход

[26] *Туркул А. В.* Дроздовцы в огне. 2-е изд. Мюнхен: Явь и Быль, 1948. С. 119.

[27] Послужной список… С. 20–24.

бригады Русских Добровольцев должен был пройти почти незамеченным — те отряды, с которыми доводилось по дороге на Дон сталкиваться Дроздовскому, вероятнее всего, прекращали существовать сразу или в недалеком будущем. А вот Котовский запомнил именно конных дроздовцев (при том, что основу отряда составляла пехота, пусть и передвигавшаяся часть пути на подводах).

Но как же быть с хронологическими и географическими несообразностями? Прежде всего следует обратить внимание на физическое состояние Котовского к концу жизни, когда он мог сообщать Юцевичу сведения, не имевшие документального подтверждения. «Котовского преследовали сердечные приступы, вдруг участились нервные припадки, о которых он уже начал было забывать. Появился и новый недуг — желудочно-кишечные боли, порой заставлявшие его стонать. <…> Язвы в “чистом” виде пока нет, но есть невроз кишечника, который необходимо лечить в санатории <в этом санатории Котовского и застрелили — *А. К.*>»[28]; «читать Григорию Ивановичу было трудно — сказывалась контузия. Котовский быстро утомлялся, у него начинались боли в глазах»; «писать сам не любил, не хватало терпения сидеть на одном месте, чаще всего он диктовал жене, шагая по комнате. Его деятельная натура требовала постоянного движения»[29].

Беспокойная нервозность, усугубленная последствиями нелегкой разбойничьей и каторжной жизни, ран и контузий, выглядит настолько серьезной, что вряд ли справедливо будет требовать от Котовского точного припоминания дат и согласования дня попадания в плен и дня выдачи удостоверения о болезни (более того, если уж непременно нужно обвинить красного командира в дезертирстве, гораздо проще предположить, что именно удостоверение было написано и «выдано» им самим или каким-нибудь его доброжелателем из штаба: в дни неоднократно упоминаемого нами всеобщего отступления можно было, конечно, заболеть, но вот отпуск — вместо пребывания в походном лазарете, санитарном поезде, да хоть и в одном из отступающих обозов или эшелонов, — выглядит довольно странно; а коль скоро документ был сфабрикован, он должен датироваться правдоподобно, но вовсе не обязательно с точностью до дня). Скорее Котовский мог примерно назвать даты «пленения» и «побега», или вернее — примерно представлять месяцы и недели, когда произошли эти события, и разделявший их временной интервал.

[28] *Бурин С. Н.* Указ. соч. С. 435, 436.

[29] *Ананьев Г. А.* Указ. соч. С. 195.

А Мариуполь… под этим городом ничего существенного не происходило, он и занят-то был не Дроздовским, а австрийцами, и бригада Русских Добровольцев просто прошмыгнула по его окраине. Почему он запомнился Котовскому (и не был ли перепутан, скажем, с Мелитополем, где 3/16 апреля действительно отличилась в бою дроздовская конница — после ее обходного движения и атаки пехота занимала город, подъезжая к нему на подводах[30]), в дальнейшем во время Гражданской войны не побывавшему в нем ни разу (по крайней мере, насколько это известно), понять уже нельзя. Более об этом нечего сказать, и пора обратиться к двум принципиальным вопросам, которые должны возникать при чтении этих строчек послужного списка, но почему-то не возникали.

Для начала — почему знаменитый грабитель, после Февраля 1917 г. усиленно создававший себе репутацию знаменитого революционера, не был никем опознан за сравнительно долгий срок своего «плена»? Понятно, что на походе заниматься дознаниями некогда, да наверное и некому, но неужели в отряде, шедшем с Румынского фронта, не было бессарабцев или одесситов или хотя бы ездивших в отпуск в Одессу, которая недавним летом 1917-го со свойственной этому городу экспансивностью гудела от рассказов о благородном разбойнике, гордо расхаживавшем по улицам и охотно появлявшемся в общественных местах? Неужели не нашлось (опять-таки напомним — не за один день!) никого из 34-й пехотной дивизии, куда после освобождения из тюрьмы был направлен добровольцем Котовский и где как революционная знаменитость он сразу стал членом полкового комитета? Наконец, в том же послужном списке советский военачальник указывал, что в ноябре 1917 г. он «был выбран в президиум армейского комитета VI армии Румфронта»[31], а в написанной после 1922 г. автобиографии вспоминал (эта часть текста выдержана в конспективном стиле): «Съезд 6-й армии румфронта 25 ноября 1917 г. в Галаце, в Румынии. Выделение фракции большевиков на этом съезде, к которой примыкаю и я. Избираюсь в состав армейского комитета. Делегируюсь президиумом комитета в Бессарабию, в кишиневский комитет советов для связи и представительства»[32], — и снова ни одного свидетеля?!

Правда, членство в армейском комитете сейчас также подвергают сомнению — документами оно как будто не подтверждается (заметим,

[30] Дроздовский и дроздовцы. 2-е изд. М.: Белые воины; Достоинство, 2012. С. 325.

[31] Послужной список… С. 21.

[32] *Котовский Г. И.* Моя краткая автобиография // *Сибиряков С., Николаев А.* Указ. соч. С. 128 (приложение).

что для этой-то выдумки у красного комкора Котовского, делавшего успешную карьеру, были серьезные мотивы), — но тут настораживает возможная путаница «президиум комитета» — «президиум съезда», а кроме того, даже не будучи членом комитета, Котовский вполне мог быть близок к нему или оказаться ярким участником армейского съезда: так, о направлении его от съезда командиром отряда для предотвращения погрома в городке Болград вспоминал «член армейского комитета Л. С. Дегтярев, который председательствовал на съезде, а позже стал командиром VI армии»[33]. Заметим, что именно в Болграде вскоре попытаются сформировать одну из трех добровольческих бригад (но из трех получится это только с 1-й бригадой — у Дроздовского в Яссах)[34], а в январе — феврале 1918-го здесь «ликвидировал свои дела штаб 6-й армии» и располагалось представительство Дроздовского во главе с подполковником В. А. Руммелем[35]. Там же в начале марта значительно пополнился отряд полковника М. А. Жебрака-Русановича, который свое формирование в Измаиле начал как раз по приказу командующего (еще законного) 6-й армией генерала А. О. Пержхайло. Двигаясь самостоятельно, Жебрак соединился с Дроздовским 8 апреля нового стиля (интересная дата, столь близкая показаниям Котовского!) близ переправы через Днепр, имея незначительное количество людей (около 70), зато большой табун заводных лошадей (150–200), полученных опять-таки по распоряжению штаба 6-й армии (по разным свидетельствам, от 7-го гусарского Белорусского или 6-го конного пограничного Таврического полка)[36]. «Жебраковцы» вскоре стали «дроздовцами», а обилие лошадей вполне могло создать впечатление о «конном отряде Дроздова», но сейчас дело даже не в этом: учитывая все перечисленное, не узнать «революционного героя» и усмирителя болградских погромщиков было крайне сложно, да и при первом же обыске пленного сложно было бы не обнаружить пресловутое свидетельство об отпуске по болезни — не в банковском же сейфе держал его Котовский, отделившись от своих недавних сотоварищей?!

Но пусть даже — вновь и вновь напомним, за полтора месяца — Котовского так никто и не опознал и не заподозрил; признаем, что Дроздовский действительно тащил за собою «илотов» — не то пленных,

[33] *Ананьев Г. А.* Указ. соч. С. 66.

[34] *Абинякин Р. М.* Генерал-майор М. Г. Дроздовский // Белое движение: Исторические портреты. М.: АСТ; Астрель, [2012]. С. 236.

[35] Дроздовский и дроздовцы. С. 431, 432.

[36] Там же. С. 305–307.

не то мобилизованных в качестве рабочей команды — численностью около трети отряда (!)[37] — и, не будучи узнанным сразу, красный партизан мог и замешаться в эдакую толпу. Но… те самые *полтора месяца*! — в течение которых он послушно плетется «пленным» в хвосте белогвардейской колонны (каждый новый день и с появлением каждого нового добровольца, кстати, снова рискуя разоблачением) … и это Котовский-то? Котовский, бежавший из башни Кишиневского тюремного замка, с каторги — из Горного Зерентуя и «с работ Амурской железной дороги», а угодив снова в тюрьму в Одессе, тут же написавший записку в соседнюю камеру: «Прошу вас и моего земляка на костылях приготовить мне из костылей лестницу. Костыли имеют длину около двух аршин, у вас есть швабры, которыми сметается пыль, есть ящики, как-нибудь можно достать две крепких палки по одной с четвертью аршина каждая, чтобы удлинить костыли, связать палки к костылям, а вместо ступенек привязать скрученные тряпки, вот так <следует рисунок>: и вот лестница готова. Спасите, а то погибну»[38] — и этот отчаянный и предприимчивый до фантазерства человек оказывается вдруг таким кротким? В ситуации, когда достаточно первой же ночью спрыгнуть с подводы — не в кандалах же его везли дроздовцы (да он бегал и в кандалах, и вскоре после тяжелого ранения) — и кубарем докатиться до ближайшей балки? Когда никто никакой облавы организовывать заведомо не будет, поскольку не до этого? Даже удостоверенная свидетельством болезнь Котовского не является объяснением, и не потому, что свидетельство — якобы несомненная фальсификация (может быть, да, а может быть, и нет), а потому что уж тяжело больного-то «илота» везти за собою нет точно никакого смысла: его или бросят на первой стоянке, чтобы не обременял обоз, или, если будут считать опасным врагом, — увы, просто пристрелят по упрощенности военно-походных нравов Гражданской войны…

Но тогда если считать, что Котовский в течение полутора месяцев спокойно находится среди дроздовцев и при высокой вероятности опознания не подвергался никаким репрессиям (самой правдоподобной из которых, согласно «каноническому» образу Котовского, был бы расстрел на месте), закрадывается крамольное подозрение: да неужели он… *служил там добровольцем*?!

Разумеется, все общепринятые стереотипы о Дроздовском и его подчиненных немедленно и решительно восстают против этого. Ненависть

[37] *Абинякин Р. М.* Указ. соч. С. 240.

[38] *Бурин С. Н.* Указ. соч. С. 151–152.

предводителя похода к революции и революционерам хорошо известна хотя бы из записей его дневника, ярких почти до декламации: «Нет, нет, да и сожмет тоской сердце, инстинкт культуры борется с мщением побежденному врагу, но, разум, ясный и логичный разум, торжествуй над несознательным движением сердца <…> Сердце, молчи, и закаляйся, воля, ибо этими дикими разнузданными хулиганами признается и уважается только один закон — “око за око”, а я скажу: “два ока, за око, все зубы за зуб”. “Подъявший меч…” <интересно, что Евангельскую цитату Дроздовский не закончил — *А. К.*>»; «жребий брошен, и в этом пути пойдем бесстрастно и упорно к заветной цели через потоки чужой и своей крови»; «внутри все заныло от желания мести и злобы. Уже рисовались в воображении пожары этих деревень <где жители жестоко расправлялись с офицерами — *А. К.*>, поголовные расстрелы и столбы на месте кары с надписями за что; потом немного улеглось, постараемся, конечно, разобраться, но расправа должна быть беспощадной: “два ока за око”! Пусть знают цену офицерской крови!»; «сердце мое мучится, но разум требует жестокости. Надо понять этих людей <дроздовцев, участвовавших в расправах — *А. К.*>, из них многие потеряли близких, родных, растерзанных чернью, семьи и жизнь которых разбиты, имущество уничтожено или разграблено, и среди которых нет ни одного, не подвергавшегося издевательствам и оскорблениям; надо всем царит теперь злоба и месть, и не пришло еще время мира и прощения»[39].

Не будем даже ссылаться на то, что в той же эмигрантской военной среде, где издавался и был хорошо известен дневник, существовало и мнение, будто он является «апокрифом»[40], по крайней мере предполагавшее посмертную редактуру. Ведь и генерал А. И. Деникин, вспоминая разговор 24 или 25 июня (старого стиля) 1918 г. (в связи с массовой расправой дроздовцев с пленными — местью за смерть многих соратников во главе с Жебраком, убитых или замученных красными после неудачной атаки), подтверждал, насколько глубоко переживал Дроздовский происходившее: «Он говорил о Жебраке, о замученных добровольцах, о том, что большевики убивают и мучат в с е х <разрядка первоисточника — *А. К.*> … Мертвенно бледный, дрожащим голосом он вспоминал о “вчерашнем” — весь во власти чувства гнева и печали. Я потребовал, чтобы подобные факты не повторялись. И знал, что Дроздовский, дру-

[39] *Дроздовский М. Г.* Дневник. Берлин: О. Кирхнер и Ко., 1923. С. 53, 54, 64, 71.

[40] *Геринг А. А.* Материалы к библиографии Русской военной печати за рубежом. Париж, 1968. С. 35.

гой, третий — если исполнят приказ, то только формально»[41]. Репутацию беспощадности склонны были подчеркивать и некоторые офицеры отряда — можно вспомнить хотя бы телеграфный разговор одного из них с представителем восставших против советской власти в Бердянске «инвалидов и фронтовиков»: «Знаете, что мы в плен не берем, а расстреливаем». — «Что за ответ — мы в плен не берем?» — «Мы в плен не берем большевиков»[42].

Все это неоспоримо. Тем не менее не все так просто и… не все так жестоко. Начнем с того, что попасть (в плен или… не в плен) можно было, особенно если основываться на датах 6–7 апреля (даже все равно, какого стиля) не «к Дроздову-Дроздовскому», а «к Жебраку», который до соединения с главным отрядом шел по сходному маршруту, но с отставанием на несколько дней. Суровый и убежденный антибольшевик, полковник Жебрак был уравновешеннее Дроздовского (именно по его настоянию в объединенном отряде был учрежден «форменный суд»: «Необходима покрепче узда для наших буйных», признал тогда и Дроздовский[43]), и, похоже, менее склонен к скоропалительным расправам. (Снова напомним, что после лояльного подчинения его отряд стал теми же «дроздами-дроздовцами», термина «жебраковцы» так и не сложилось, и именно при отряде Жебрака было много заводных лошадей, откуда у Котовского — хорошего наездника — через несколько лет могло сохраниться именно впечатление «конницы»). Важное отличие подчиненных Жебрака от подчиненных Дроздовского заключалось в том, что последний изначально пытался создать не только боевое соединение, но и организацию монархистов-единомышленников, скованных помимо военной — еще и тайною дисциплиною и опознавательными знаками в виде небольших карточек: «Процент имеющих карточки в отряде за все время <…> был очень высок и колебался около 90%» (с другой стороны, приведенное свидетельство — мемуарное и сравнительно позднее, середины 1920-х гг., а тайная активность организации в последующие месяцы 1918 г. довольно сомнительна)[44]. У Жебрака такого как будто не было, и хотя со временем и его офицеры могли вступать в ряды тайных монархистов, для недель похода это кажется маловероятным.

41 *Деникин А. И.* Очерки Русской Смуты. Т. 3. Берлин: Слово, 1924. С. 168.

42 Дроздовский и дроздовцы. С. 334.

43 *Дроздовский М. Г.* Указ. соч. С. 87.

44 *Абинякин Р. М.* Указ. соч. С. 239.

Но и сам Дроздовский отнюдь не был тем беспощадным и мало рассуждающим карателем, каким он предстает в процитированных фрагментах дневника. Вот другая запись: «В Новом Буге местный комитет последние дни перекрасился и ведет борьбу с грабителями, сорганизовав вооруженную охрану из 50-ти челов<ек>. Два дня перед тем трех <грабителей> расстреляли; во главе стоит прапорщик, учитель, еще недавно, когда проходили большевики — настоящий большевик. <…> Нас, собственно, это мало касается, и раз что <так в первоисточнике — *А. К.*> комитет не косится на нас, а наоборот, по тем или иным соображениям идет параллельно, решили его оставить в силе, и даже поможем, пока здесь, шире ликвидировать преступные элементы. Свою часть местечка охраняем сами, а в остальной оставили их охрану и патрулирование, сохранив им оружие» (предводителем местной самообороны был «бывший офицер 124-й пехотной дивизии прапорщик Мельник»)[45]. Дроздовский считал, что это «такое уж время» побуждало перекрашиваться в большевиков, но на деле Мельник мог вполне искренно считать себя таковым, будучи, например, сторонником республиканского строя, насильственного передела «средств производства», комиссарского контроля в армии и проч., но вместе с тем не менее искренно мог бороться с бандитами-уголовниками, мешавшими жизни населения. Как бы то ни было, даже «большевистская» репутация, очевидно, вовсе не обязательно становилась для жестокого Дроздовского основанием вынести столь же жестокий приговор. А какую репутацию имеет в апреле 1918 г. Котовский?

Похоже, все-таки не большевистскую, как бы ни хотелось ему представить себя «беспартийным большевиком» в поздней автобиографии («начинается работа большевиков по разложению армии. Еще не осознавая и не охватывая умом всей работы большевиков, я по интуиции, по чутью присоединяюсь к ним как к партии, которая мне наиболее близка и к которой я близок по своей психике»[46]). Предотвращение поздней осенью 1917 г. погрома и бесчинств в Болграде могло вызывать симпатию к Котовскому или по крайней мере снисходительность к его революционности не меньшую, чем в случае с Мельником; упорное сопротивление наступавшим в Бессарабии румынам или австро-германцам — симпатию безусловную, поскольку те и другие — предавшие союзники или бесчестные враги — пользовались резкою неприязнью у добровольческого офицерства даже несмотря на то, что немецкие офицеры-фрон-

45 *Дроздовский М. Г.* Указ. соч. С. 61; Дроздовский и дроздовцы. С. 296.

46 *Котовский Г. И.* Указ. соч. С. 127.

товики при встречах с дроздовцами во время их похода неоднократно вели себя по-джентльменски нейтрально. Остается комитетское прошлое Котовского, относившееся к концу лета — осени 1917 г., но и тут всякий, кто не ограничился бы одним фактом его членства в полковом комитете, а попытался бы разобраться повнимательнее (как, например, серьезный Жебрак), увидел бы немало интересного.

Можно не придавать большого значения письму, написанному в октябре 1916 г. приговоренным к смерти разбойником Котовским жене генерала А. А. Брусилова, главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта, от которого зависело утверждение приговора: «Я знаю, что как отверженный я лишен права чести умереть от благородной пули. <…> Как искренний и глубокий патриот, стремившийся попасть в ряды нашей героической армии, чтобы умереть смертью храбрых, смертью чести, но не имевший возможности это сделать в силу своего нелегального положения, умоляю об этой высшей милости, и последним моим возгласом при уходе из этой жизни будет возглас: “Да здравствует армия!”» — ему нужно было произвести впечатление на даму, и он этого добился: по ходатайству Н. В. Брусиловой ее муж заменил Котовскому повешение тюремным заключением, а там и Февраль 1917-го подоспел. Вряд ли нужно принимать за чистую монету и реплику освобожденного революцией каторжника Котовского, пришедшего к своей благодетельнице с визитом и, явно шармируя ее, обратившего внимание на портрет великого князя Николая Николаевича: «Разве можно в то время, когда война не кончена, устранять от армии такого опытного, популярного, всеми в войсках любимого человека» (очарованная госпожа Брусилова и годы спустя комментировала: «Это его подлинные слова. Что-то на большевика не похоже»)[47]. Но как быть с таким протоколом полкового комитета, куда, напомним, Котовский, отправившийся в августе 1917 г. добровольцем на фронт, был избран как революционная знаменитость?

«Тов<арищ> Котовский докладывает, что он, несмотря на просьбы команды <разведчиков>, отказался быть членом полкового комитета, и по следующим причинам. На предыдущем собрании при посещении нас начальником дивизии последний был забросан такими вопросами со стороны солдат по поводу окончания войны и средств к продолжению ее, что генерал Гаврилов был поставлен в безвыходное положение, а особенно словами товарища Киянова: “До каких же пор будет продолжаться эта бойня”. “Я, собственно, — говорит т<оварищ> Котовский, — высказал свой взгляд на текущий момент, но это как бы послужило ответом на вопрос тов<арища> Киянова, на который, я чувствовал, не в состоянии был ясно и определенно ответить генерал. Это послужило причиной того, что начальник дивизии поблагодарил меня, а солдатская масса по-за углами дала мне кличку буржуя или защитника буржуев”. Но может ли быть Котовский буржуем или защитником таковых? Как бы отвечая на заданный вопрос, оратор излагает свою биографию, говорит о своей борьбе с буржуями, о пятнадцатилетних страданиях по воле тех же буржуев в одиночном заключении и каторжных работах <про пятнадцать лет Котовский, конечно, приврал, и приврал более чем значительно — *А. К.*>. Свою биографию Котовский заканчивает словами: “Может ли Котовский, полысевший по милости буржуев, быть их сторонником?” Далее им высказывается взгляд на войну, причем опасность он видит в германском империализме и не допускает сепаратный мир, возникает надежда на организацию демократии и на воздействие таковой на правительства воюющих держав»; «все собравшиеся просят тов<арища> Котовского оставаться работником в комитете, на что Котовский изъявляет свое согласие».

Разумеется, Котовский искренно «приял революцию» (еще бы!) и, очевидно, был столь же искренним сторонником ее «углубления» (модное в те месяцы словцо), то есть сторонником того, чтобы как можно больше власти переходило в его руки и руки его друзей и единомышленников. Но «дезорганизации» со стороны «малосознательной массы» (слова из того же протокола) он, по-видимому, действительно боялся, хотя и с революционной точки зрения: вдруг на развалинах революционного хаоса «явится кровавый Вильгельм из Германии или Николай из Тобольска, и вновь повиснет над русским народом кулак и нагайка». Поэтому он, хоть оборонец и революционный — но прежде всего именно оборонец, и не случайно общий вывод полкового комитета 136-го пехотного Таганрогского полка в тот день был самым патриотическим: «Полк безусловно выполнит свой долг и по первому требованию пойдет на позицию»[48]. Примечательна и дата заседания — 27 сентября (старого стиля), то есть уже *прошли «корниловские дни»*, виднейшие русские генералы уже ошельмованы как «мятежники», контрреволюционеры и «изменники», по фронтам прокатился новый вал агитации и возбуждения недоверия к офицерам… а разбойник Котовский в это время *защищает генерала* — начальника дивизии, к собственному изумлению стяжав кличку буржуя.

[47] *Соколов Б. В.* Указ. соч. С. 87, 90.

[48] Там же. С. 104–106.

Есть и еще одно примечательное обстоятельство. В уже цитированном послужном списке Котовского, опять-таки, по свидетельству Юцевича, с его слов и без опоры на какие бы то ни было документы, вписано: «За выдающиеся подвиги в боях получил Георгиевский крест и первый офицерский чин»[49]. Даже красным орденоносцем и советским военачальником Котовский… *очень хотел быть русским прапорщиком*!

Кстати, переходя от крамольных предположений к откровенным фантазиям, нетрудно и представить себе Котовского, при встрече с дроздовцами (или «жебраковцами») рекомендующегося им прапорщиком: ведь сошло же с рук самозванство пресловутому адъютанту В. З. Май-Маевского «капитану П. В. Макарову» — малограмотному прапорщику (к слову сказать, из той же 34-й пехотной дивизии, что и Котовский), в аналогичной ситуации заявившему, что он «штабс-капитан, представленный по Румынскому фронту в капитаны», и зачисленному в Стрелковый полк бригады Русских Добровольцев без проверки (свое положение он впоследствии укрепит доносительством, став «своего рода осведомителем» начальства о настроениях среди офицеров)[50]. Что же касается Котовского, подобная революционная карьера — из каторжников в прапорщики, при неоспоримой личной храбрости комитетчика в принципе не заключала в себе ничего неправдоподобного.

Итак — революционный оборонец, борец с бесчинствами, защитник генерала и чуть ли не прапорщик за боевые отличия, к тому же хороший наездник и храбрец. И почему, спрашивается, Жебрак (или даже Дроздовский) должен был отвергать такого добровольца? Разумеется, оставалось дореволюционное уголовное прошлое Котовского, но раз уж мы двинулись по зыбкой почве предположений, нужно признать, что умозрительно оба решения — прогнать уголовника-революционера (впрочем, почему прогнать? а не расстрелять ли?) или принять революционера-оборонца — выглядят вполне равновероятными. Но что же сам-то Котовский, с его революционностью?

Думается, что и здесь не следует загонять все в привычные (благодаря десятилетиям советского режима и советской историографии) рамки. Стремительное отступление большевиков перед австро-германцами или тем более румынами, естественно, могло вызывать возмущение и протест — иногда самоубийственный — у вполне революционно настроенных солдат и красногвардейцев. Вспоминал же будущий начальник Котовского, а весною 1918 г. — командир «интернационального» батальона из не понимавших по-русски китайцев, И. Э. Якир, как отказывались бежать (у Якира, конечно, «отходить») бессарабские крестьяне в русских серых шинелях: «Почти всех, однако, уговорили, одна только батарея не поехала, так и осталась с четырьмя пушками на берегу Днестра продолжать войну с румынами, отбивать свою землю. Уж как мы ни уговаривали — никак не могли пронять… не убедишь. Что было дальше с этой мужицкой по-своему крепкой батареей, когда ей в тыл вышли австро-германские корпуса, а с фронта нажали румыны, не знаю. Думаю, разошлись… а может, по своей крепколобости и драться со всеми стали»[51].

Котовского вряд ли можно назвать «крепколобым», но он безусловно был импульсивным, не боявшимся риска и авантюр человеком и, похоже, хотел драться с «кровавым Вильгельмом» и еще больше — с румынами, нагло захватывавшими его, Котовского, родные места. Поэтому разочарование в своих революционных союзниках могло быть совершенно искренним, а отношение к встретившимся добровольцам Дроздовского или Жебрака должно было строиться на основе незамысловатого «како веруеши?», которое в те месяцы определялось не столько догматическими программами или долговременными целями, сколько сиюминутным отношением к различным противоборствующим силам.

Какие вопросы могли задаваться при такой встрече и какие ответы мог получить на них Котовский, причем ответы также совершенно честные? «Что с немцами делать думаете?» — «Они наши враги, вот соединимся с добровольцами на Дону и Кубани, тогда им покажем!» (о враждебном отношении к немцам свидетельствует и дневник Дроздовского, и воспоминания участников похода, и общая политика добровольческих вождей, никогда не склонявшихся к германофильству). — «А с румынами?» — «С 1916 г. на нашей шее сидят, а теперь еще и нашу землю захватывать стали, ужо с ними разделаемся, дай срок!» — «А с украинцами?» — тут оба собеседника скорее всего перешли бы на лексику, цитированию не поддающуюся, поскольку отношение к этому новообразованию было однозначным: «Что же касается украинцев, мы их просто не могли видеть. Их самостоятельность, беспринципность и даже один только внешний вид вызывали отвращение и презрение», — свидетельствует дроздовец-мемуарист, рассказывая даже такой эпизод из встречи с при-

[49] Послужной список… С. 21.

[50] *Филимонов С. Б.* Тайны судебно-следственных дел. Симферополь: Таврия-Плюс, 2000. С. 64, 66.

[51] *Якир И. Э.* Воспоминания о гражданской войне. М.: Воениздат, 1957. С. 9–10.

ехавшим на переговоры недавним русским офицером («с чисто русской фамилией, хотя и с оселедцем на голове, он вызвал у всех отвращение и желание пустить ему пулю в лоб»; возможно, имеется в виду бывший русский полковник В. Н. Петров, впоследствии украинский генерал-хорунжий и бандеровский «военный министр» образца 1941 г. Петрив): «Обращаясь к одному из присутствующих офицеров, у которого на плечах сохранились еще погоны с трафаретом Финляндского стрелкового полка (вероятно, автор воспоминаний полковник П. В. Колтышев, бывший финляндский стрелок — *А. К.*), он сказал:

— А ваши финляндские стрелки (кажется, 7-й Финляндский стрелковый полк) воевал<и> против нас вместе с большевиками.

— Прекрасный был полк и до конца честно исполнил свой долг, — неожиданно последовал ответ»[52].

Наконец, и сакраментальный вопрос о будущем устройстве России мог встретить ответ честный и искренний — «как покончим с врагами, так, русские люди, между собою и разберемся», — а в устах иного добровольца даже — «а как народ решит»: говорили же дроздовцы населению городка Ногайска, «что задача добровольцев — восстановить в стране такой порядок, при котором русский народ сможет выявить в Учредительном собрании свою волю и установить новую законную власть, которую мы обязуемся всячески поддерживать. В заключение было добавлено, что в нашем отряде есть место каждому, кроме лишь большевиков и анархистов»[53]. Но «партийным» анархистом или тем более большевиком Котовский в то время не был, что давало его совести значительную свободу при принятии решения, а в остальном — чтО из перечисленного выше должно было вызвать совсем уж категорическое неприятие у разбойника-оборонца?

Но, как мы уже знаем, по словам самого Котовского его пребывание среди дроздовцев, какой бы характер оно ни носило, завершилось 25 мая 1918 г. И раз уж «побег из плена» после сравнительно долгого и покорного пребывания там кажется нам не слишком-то логичным, посмотрим, не окажется ли более логичной или психологически правдоподобной версия о Котовском-дроздовце, вдруг резко порывающем с бригадой Русских Добровольцев?

Известная логика здесь действительно есть. Вряд ли нужно безоговорочно принимать точную дату «25 мая», но в любом случае конец мая, не только по новому, но и по старому стилю (Дроздовский вряд ли когда-нибудь переходил на Григорианский календарь) относится к совершенно определенному периоду в истории дроздовцев: с 9 мая по 4 июня (с 26 апреля по 22 мая) отряд по завершении знаменитого похода находился на отдыхе в Новочеркасске — столице Донской области, а затем и «Всевеликого Войска Донского», возглавляемого атаманом П. Н. Красновым[54]. И время, которое дроздовцы-мемуаристы вспоминают с восторгом — четырехнедельные каникулы от войны в окружении восторженного местного населения — для добровольца Котовского должно было стать временем сомнений и разочарований.

Прежде всего, становилось очевидным, что никакого похода против австро-германцев и освобождения Новороссии и Малороссии не предвидится, а опекавший отряд и обхаживавший Дроздовского атаман Краснов («к концу стоянки донское командование просило нас остаться в составе Донской армии. Нам предложили быть Донской пешей гвардией», — вспоминает офицер-дроздовец[55]) так и вовсе не скрывал своего германофильства, считая немцев гарантами донской независимости и суверенитета; в офицерских частях при отсутствии во внеслужебное время четко обозначенной границы между командным и рядовым составом такая информация могла распространяться быстрее, чем в «обычной» армии. Сам Дроздовский, прекрасно зная цену и себе, и своим подчиненным, и совершенному ими 1200-верстному походу, не допускал организационного сепаратизма — он твердо решил присоединиться к Добровольческой армии и намерение свое выполнил, но, тем не менее, в новочеркасский период был склонен к крайней самостоятельности, например, рассылая по близлежащим районам своих собственных вербовщиков («агентура моя на юге России была так хорошо поставлена, что если бы я остался самостоятельным начальником, то Добровольческая армия не получила бы и пятой части тех укомплектований, которые хлынули потом на Дон», — с вызовом писал он командующему армией четыре месяца спустя[56]); вероятно, активизировалась и пресловутая тайная организация с ее карточками — на походе такими вещами заниматься как будто некогда, — и раз уж ее неприязненно воспринимал генерал С. Л. Марков, сам монархист (как вспоминал Деникин, однажды «Марков резко отозвался о деятельности в армии монархических организаций», на что

---

52 Дроздовский и дроздовцы. С. 330, 331.

53 Там же. С. 337.

54 Календарь похода дроздовцев см. там же, с. 394.

55 *Туркул А. В.* Указ. соч. С. 28.

56 Дроздовский и дроздовцы. С. 180.

«Дроздовский вспылил»: «Я сам состою в тайной монархической организации… Вы недооцениваете нашей силы и значения»[57]), — то что уж говорить о революционном оборонце Котовском?!

Наконец, даже бытовая обстановка должна была его раздражать. Новочеркасский отдых стал для дроздовцев и днями муштры, не жестокой, но постоянной и всеобъемлющей. «Для офицеров и добровольцев как во внутренней службе, так и вне ее был установлен самый строгий воинский порядок, во всех отношениях напоминающий собой юнкерский режим Павловского военного училища мирного времени <самый строгий в России — *А. К.*>, — писал полковник Колтышев, сам бывший юнкер-“павлон”. — <…> Утренняя общая молитва и утренний чай сменялись с 8-ми, а иногда 7-ми часов <утра> различными строевыми, стрелковыми, пулеметными и тактическими занятиями <…> все начальствующие лица, включая командира <Стрелкового> полка, постоянно присутствовали на занятиях и лично проверяли успешность обучения»[58].

Армейская молодежь в целом восприняла этот режим с одобрением: «Правда, точно к нам вернулась кадетская юность», — вспоминал генерал А. В. Туркул[59] (причем «к нам» здесь явно собирательное — сам Туркул не только не был кадетом, но и дважды не смог в мирное время, отбывая воинскую повинность, поступить в военное училище) … но каково было бы Котовскому, с первых шагов самостоятельной жизни не привыкшему ставить себе никаких ограничений? Одно не могло не наслаиваться на другое, рядом появилась гетманская Украинская держава с ее обилием беженцев во всех городах, и любителю перевоплощений «атаману Адскому» там должно было быть вольготно. Поистине, если бы «побега» от дроздовцев, причем именно в это время и в этом месте, не было — его следовало бы выдумать.

До Екатеринослава — ближайшего губернского города с прямым железнодорожным сообщением с Ростовом — беглец без труда добрался бы за несколько дней, а дальше, если уж пора соединять обе части «тайной биографии» Котовского, — тиф, выздоровление, встреча с Махно… и «атаман Адский» ныряет в привычный ему омут нелегальной жизни, переездов, подполья и сомнительных авантюр. В общем сходятся даже даты, незаметно логических противоречий, и история, пожалуй, заканчивается.

---

57 *Деникин А. И.* Указ. соч. Т. 3. С. 131.

58 Дроздовский и дроздовцы. С. 377, 378.

59 *Туркул А. В.* Указ. соч. С. 25.

Но что же побуждает Котовского через несколько лет вспоминать о том, о чем ему, уже красному военачальнику и герою Советской республики, вспоминать решительно не следовало? Ответ до очевидности прост: за границей и вне досягаемости карательных большевистских рук оказалось по окончании Гражданской войны довольно много тех, кто мог бы первым припомнить «нежелательные» эпизоды биографии Котовского, и здравый смысл подсказывал тертому калачу — старому разбойнику и подпольщику — эту угрозу заблаговременно отвести путем «легализации» таких эпизодов.

Имевший немалый опыт притворства и лжи «благородный разбойник» и тут использовал разные способы легализации для разных случаев. То, что летом — осенью 1918 г. он не был большевиком, а склонялся то ли к анархизму, то ли к эсерству, ни для кого, в общем, секретом не было; и хотя Махно являлся слишком одиозной фигурой в глазах коммунистической власти, для упреждающей нейтрализации возможных разоблачений достаточно было лишь подбрасывания устной «контрверсии», признававшей знакомство, но отрицавшей сотрудничество и осторожно отводившей обвинения, будто поездка в Москву имела целью не переход в большевистскую веру, а контакты с братьями-анархистами или социал-революционерами, находившимися на подпольном или полуподпольном положении (напомним, что левые эсеры в начале лета 1918 г. были ярыми сторонниками «революционной войны» против Германии). Избегая привлечения излишнего внимания, такую поездку и не следовало включать в послужной список, тем более что на своем пребывании на советской службе в те месяцы Котовский и не настаивал.

Напротив, служба в контрреволюционных войсках была для большевиков настолько преступной и настолько компрометирующей, что могла не просто полностью разрушить репутацию, испортить биографию, но и — именно в случае Котовского — положить конец карьере, а может быть, повлечь и худшие последствия: ведь подобная информация, будучи сокрытой, становится оружием в руках противника — например, как средство вербовки (а уж чего как не «вражеского шпионажа» панически боялось советское государство все время своего существования!). Поэтому имело смысл как раз сообщить о себе эти сведения (занести в послужной список), но… нужным образом исказив их, и хотя отговорка «да нет, я не служил у белых, я у них в плену был» выглядит довольно неуклюжей, придумать что-либо получше вряд ли было возможно: скажем, «выполнение секретного задания командования» естественно влекло бы попытку проверить сведения у того самого командования, а если

по удачному стечению обстоятельств все командование оказывалось бы в могиле, это только усугубляло бы подозрения.

Но почему же противоположная сторона ни разу не обличила красного полководца? Прежде всего потому, что сами списки личного состава «дроздовцев-походников» восстанавливались в эмиграции спустя три-четыре года и по памяти нескольких участников похода[60]. Удивляться этому и не приходится, учитывая постоянные и нередко весьма тяжелые потери, которые несли дроздовцы, в том числе в первые месяцы после присоединения к Добровольческой армии, когда смерть снова и снова вырывала из их рядов старых соратников. Вспомним хотя бы горестный рассказ Туркула о бое под Белой Глиной летом 1918 г.: «Потери нашего полка были огромны. В ночной атаке второй и третий батальоны потеряли больше четырехсот человек. Семьдесят человек было убито в атаке с Жебраком, многие, тяжело раненные, умирали в селе Торговом, куда их привезли»[61]. И никто из выживших не был обязан помнить приблудного добровольца, полтора месяца шедшего с отрядом, а потом дезертировавшего, и тем более сопоставлять его с «тем самым» Котовским; или помнившие могли не оставить воспоминаний; или вспоминать в частной переписке, навсегда сгинувшей в чьих-либо личных бумагах за смертью их владельца. Наконец, пребывание Котовского среди дроздовцев не делало им никакой чести, а последующая громкая судьба комбрига скорее побуждала бы забыть об этом досадном эпизоде: «Был же у нас, а потом вот кем обернулся…» — или «знать бы тогда, да мы бы…» (не вспоминали же дроздовцы о своем однополчанине-походнике Макарове, который для Советской власти был фигурой неизмеримо менее значительной и легендарной, чем Котовский).

Но есть и еще одно довольно любопытное обстоятельство. Как известно, 6 августа 1925 г. Котовский был застрелен неким М. Зайдером, его давним знакомым то ли по одесскому подполью, то ли по одесским уголовным кругам (впрочем, это могло быть одним и тем же). Бывший офицер Е. С. Шейдеман, служивший в штабе кавалерийского корпуса, которым к концу жизни командовал Котовский, позже свидетельствовал: «Через несколько дней после убийства, просматривая бумаги Котовского, я нашел чрезвычайно характерный документ — письмо Зайдера на имя Котовского. В этом письме Зайдер, в то время работавший на нашем сахарном заводе в качестве начальника охраны и совершивший на заводе несколько краж, обращался к Котовскому с целым рядом наглых требований, в том числе с требованием, чтобы Котовский назначил его администратором сахарного завода. Причем в конце письма он позволил себе прибегнуть даже к угрозам. Получив письмо, Григорий Иванович сказал своей жене Ольге Петровне: “Ну, видно, настала пора совсем развязаться с Майорчиком <Зайдера звали Мейер — *А. К.*>, так как его нахальство начинает превосходить всякие границы”. Через три дня после этого Зайдер убил Котовского».

Современный автор, впрочем, оценивает этот рассказ весьма невысоко: «Почему Котовский должен был сделать Зайдера директором сахарозавода? Почему и чем угрожал Зайдер Котовскому? И почему отказ Котовского сделать его администратором завода спровоцировал Зайдера на убийство? Неужели он надеялся после убийства избежать тюрьмы? Не исключено, что свое свидетельство Евгений Сергеевич <Шейдеман> выдумал, чтобы подкрепить официальную версию».

Несмотря на чрезвычайно удобный методологический прием — все врали, и всё необъяснимое автором зачисляется в выдумки, — вопросы сами по себе не лишены смысла, хотя и версия самого автора, столь строгого к Шейдеману, отнюдь не кажется нам безупречной: «Котовцы прилично выпили. Ну, не по ведру вина на брата, но так, что о происходящем имели уже довольно смутное представление. И когда уже стали расходиться, между Зайдером и Котовским вполне могла возникнуть пьяная ссора, подлинную причину которой мы, наверное, уже никогда не узнаем. <…> В общем, могла возникнуть ситуация, когда комкор набросился на собеседника с кулаками (а они у него — пудовые). Испугавшись, Зайдер мог схватиться за маузер. <…> Столь жалкая смерть не подобала герою Гражданской войны, из которого еще при жизни начали творить легенду. Поэтому искали хоть какой-то приличный мотив и, наконец, нашли, если и не совсем убедительный, то, по крайней мере, ни в чем не компрометирующий самого Котовского: неприязнь, возникшая из-за того, что потерпевший отказался повысить своего убийцу по службе»[62]. Но убедительна ли эта сцена, как будто заимствованная из какого-то ковбойского фильма, где собутыльники пируют с оружием на боевом взводе, а при застольных ссорах молниеносно хватаются за него (в том числе мирный сутенер из Одессы — такова была уголовная «специальность» Зайдера; допустим даже, что «маузер» — не всемирно известная громоздкая модель в деревянном футляре-кобуре, а что-либо более компактное)

---

60 Дроздовский и дроздовцы. С. 396.

61 *Туркул А. В.* Указ. соч. С. 36.

62 *Соколов Б. В.* Указ. соч. С. 292–293, 298.

и стреляют навскидку со снайперской меткостью («признаков жизни не было, да и не могло быть, так как пробита была аорта и смерть наступила мгновенно», — рассказывает вдова Котовского, военный врач: одна из двух выпущенных пуль была всажена практически точно в сердце[63]), — и легко ли во все это поверить? А вот каверзные вопросы, наоборот, имеют вполне разумные ответы, вот только… требующие уже известного нам и принципиального допущения.

Итак: Котовский, разумеется, отнюдь не должен был назначать Зайдера директором (администратором) или вообще кем бы то ни было, — это обнаглевший уголовник очень хотел стать директором (а сахарный завод в определенном смысле слова относился к числу хозяйственных служб кавкорпуса) и действительно перешел все границы. Но какие были бы у него основания для шантажа? (Версию об угрозе убийством или кулачной расправой — Зайдера-то с силачом Котовским! — следует сразу отбросить как явно бессмысленную). С 1919 г. Котовский, как и большинство красных командиров, находился под бдительным комиссарским контролем, и все, что было бы возможным относительно этого периода, про него давно уже написали бы «куда следует» комиссары и особисты (да наверное, и писали). Может быть, Котовский совершил что-нибудь противоправное в конце 1918 — начале 1919 г. в одесском подполье? Может быть, и даже наверняка совершал, но кого же можно было этим удивить и тем более шокировать? Может быть, Котовский, после окончания войны очень увлекавшийся хозяйственными делами, просто проворовался? Но (помимо того, что об этом ничего не известно, а никаких богатств убитый после себя не оставил) неужели одесский жулик не понимал, что для легендарного героя такое обвинение — булавочный укол, а вот самому доносчику может и не поздоровиться? И действительно, почему отказ в наглой просьбе заставляет схватиться за маузер?!

Но все становится на свои места, если допустить существование в биографии Котовского «тайного эпизода», и вправду фатально его компрометирующего и попросту опасного, или даже… попытку врангелевской агентуры из-за рубежа связаться с ним, имея на руках такой козырь! Этим легко можно объяснить шантаж со стороны случайно узнавшего, или знавшего с 1918 г., или даже доверенного лица «для щекотливых поручений», возжелавшего себе высокую должность в награду за молчание. Правда, жадность лица уступала только его глупости: разбойник и кавалерист, окруженный верными и не рассуждающими

[63] *Бурин С. Н.* Указ. соч. С. 438–439.

рубаками, мог решиться разрубить опасный узел, и когда незадачливый шантажист сообразил это — может быть, даже добрая жена Котовского передала ему намерение мужа «совсем развязаться» (а как уголовник должен был воспринять такие слова из уст человека с биографией «атамана Адского»?!), — чтО должен был почувствовать Зайдер?

Разумеется, ужас! — и к кому в такой ситуации должен был броситься за помощью несчастный дурак? — Разумеется, к тем (и только к ним!), кого заинтересовали бы его разоблачения. А уж те должны были решить между собой, какой вариант был бы для них предпочтительнее: громкий скандал с превращением легендарного героя во вражеского агента (но в 1925 г. время для такого еще не настало) или сохранение легендарного героя — легендарным героем, но только… *мертвым* легендарным героем?

(В скобках заметим, что с Зайдером дальше все пошло как по маслу: стрелял ли сам снайпер-сутенер или кто-то другой, — но именно он был назначен убийцей, и его уже никто не спрашивал, «надеялся» ли он «после убийства избежать тюрьмы»; в соответствии с совершенно надуманной версией об «убийстве за отказ повысить в должности» — при таких нравах в СССР не осталось бы в живых ни одного администратора! — он был посажен в тюрьму на десять лет, вскоре выпущен за хорошее поведение и… без лишнего шума убит руками бывших котовцев, вероятно, совершенно искренно мстивших за своего командира. Следовало ли ждать чего-либо иного?)

Ну, а возвращаясь к тайнам биографии Котовского, следует признать, что все сказанное выше не является да и не может являться доказательством: это всего лишь более или менее удачные (судить читателю) сопоставления источников, а складывающиеся из такого сопоставления версии могут быть разрушены одним ударом — например, предположением о любом нелогичном или бессмысленном поступке Котовского (чужая душа ведь — потемки, да и как можно доказать, что кто-либо чего-либо, логичного или нелогичного, *не* делал?), равно как и допущением, будто он был вторым Мюнхгаузеном, вравшим напропалую без повода, смысла и сообразования вранья с действительными обстоятельствами. И все же наши рассуждения кажутся чем-то бОльшим, чем упражнениями в прикладном источниковедении или простым парадоксализмом: они показывают самой возможностью подобных допущений, насколько реальность *способна* оказаться сложнее и парадоксальнее не только пропагандистских, но и историографических шаблонов и схем, и как мало-мальски дотошное внимание к источникам может причудливо разнообразить, казалось бы, раз и навсегда закостеневшую картину.

И последнее. Если допустить возможность «дроздовского эпизода» биографии Котовского в таком виде, как мы предположили, — трудно отделаться от печальных размышлений пушкинского Гринева: «Но между тем странное чувство отравляло мою радость: мысль о злодее, обрызганном кровию стольких невинных жертв, и о казни, его ожидающей, тревожила меня поневоле: “Емеля, Емеля! — думал я с досадою, — зачем не наткнулся ты на штык или не подвернулся под картечь? Лучше ничего не мог бы ты придумать”». И в самом деле, чтО было бы лучше, даже с точки зрения той биографии, которую выстраивал для себя сам Котовский — темная история с каким-то странным убийством руками то ли «своего» уголовника, то ли «своего» чекиста, то ли «своего» уголовника по приказу «своих» чекистов… — или что-нибудь вроде: «*Известный в прошлом разбойник Григорий Котовский в чине прапорщика пал смертью храбрых в конной атаке дивизиона штабс-ротмистра Гаевского под Ростовом*»?

Даже обидно за Котовского…

Список литературы

Абинякин Р. М. Генерал-майор М. Г. Дроздовский // Белое движение: Исторические портреты. М.: АСТ; Астрель, <2012>.

Ананьев Г. А. Котовский. М.: Молодая гвардия, 1982.

Бурин С. Н. Григорий Котовский: Легенда и быль. М.; Смоленск: Олимп; Русич, 1999.

Геринг А. А. Материалы к библиографии Русской военной печати за рубежом. Париж, 1968.

Голованов В. Я. Нестор Махно. М.: Молодая гвардия, 2008.

Гуль Р. Б. Красные маршалы: Тухачевский. Ворошилов. Блюхер. Котовский. М.: Молодая гвардия, 1990.

Деникин А. И. Очерки Русской Смуты. Т. 3. Берлин: Слово, 1924.

Дроздовский М. Г. Дневник. Берлин: О. Кирхнер и Ко., 1923.

Дроздовский и дроздовцы: <Сб.>. 2-е изд. М.: Белые воины; Достоинство, 2012.

Г. И. Котовский: <Сб. док.>. Кишинев: Государственное издательство Молдавии, 1956.

Махно Н. И. Воспоминания. М.: Республика, 1992.

Махно Н. И. Записки // Анархический вестник. 1923. № 1.

Межберг Н., Шпунт Р. Боевой путь котовцев. Одесса, 1930.

Савченко В. А. Авантюристы гражданской войны. М.: АСТ; Фолио, 2000.

Сибиряков С., Николаев А. Григорий Иванович Котовский. <М.>: ОГИЗ; Молодая гвардия, 1931.

Соколов Б. В. Котовский. М.: Молодая гвардия, 2012.

Туркул А. В. Дроздовцы в огне. 2-е изд. Мюнхен: Явь и Быль, 1948.

Филимонов С. Б. Тайны судебно-следственных дел. Симферополь: Таврия-Плюс, 2000.

Шубин А. В. Махно и его время: О Великой революции и Гражданской войне 1917–1922 гг. в России и на Украине. М.: URSS, 2013.

Щаденко Е. А. Григорьевщина // Гражданская война, 1918–1921. Т. 1. М.: Военный Вестник, 1928.

Якир И. Э. Воспоминания о гражданской войне. М.: Воениздат, 1957.

Andrei Sergeievich KRUCHININ

Head of the Department of Military Heritage, Solzhenitsyn House for the Russian Diaspora (Moscow, Russia)

E-mail: milhist01@mail.ru

“Hellish ataman” Gregory Kotovsky: makhnovets or drozdovets? The “white spot” in the biography of the red warlord

The official biography of G. I. Kotovsky, a robber before the revolution and a famous Soviet military leader after it, has significant gaps. Comparison of sparse sources and sketchy information in the historical literature allows us to propose a paradoxical but not contrary reconstruction of Kotovsky’s co-operation with N. I. Makhno and even service as a volunteer in a detachment of Colonel M. G. Drozdovskii in the spring of 1918.

Keywords: G. I. Kotovskiy, N. I. Makhno, M. G. Drozdovskiy, Civil war in Russia, White movement.

References

Abinyakin R. M., *General-mayor. M. G. Drozdovsky [Major-General M. G. Drozdovsky]*, in: Beloye dvizhenie: Istoricheskie portrety. Moscow 2012.

Ananyev G. A., Kotovskiy, Moscow 1982.

Burin S. N., *Grigory Kotovsky: Legenda i byl [Grigory Kotovsky: The Legend and the Past]*, Moscow 1999.

Gering A. A., *Materialy k bibliografii Russkoy voennoy pechati za rubezhom [Materials for the bibliography of the Russian military press abroad]*, Paris 1968.

Golovanov V. Y., *Nestor Mahno*, Moscow 2008.

Gul R. B., *Krasnye marshaly: Tuhachevsky. Voroshilov. Bluher. Kotovsky [Red marshals: Tukhachevsky. Voroshilov. Blucher. Kotovsky],* Moscow 1990.

Denikin A. I,. *Ocherki Russkoy Smuty [Essays on the Russian Smuta]*, vol. 3, Berlin 1924.

Drozdovsky M. G., *Dnevnik [Diary]*, Berlin 1923.

Drozdovsky i drozdovtsy, 2nd ed., Moscow 2012.

G. I. Kotovsky Sobranie dokumentov [Collection of documents], Kishinev 1956.

Mahno N. I., *Vospominaniya [Memories]*, Moscow 1992.

Mahno N. I., *Zapiski [Notes]*, in: Anarhichesky vestnik, 1923, No 1.

Mezberg N., Shpunt R., *Boevoy put kotovtsev [Fighting path of ‘kotovtsy’]*, Odessa 1930.

Savchenko V. A., *Avanturisty grazdanskoy voiny [Adventurers of the Civil War]*, Moscow 2000.

Sibiryakov S., Nikolaev A., *Grigoriy Ivanovich Kotovsky*, Moscow 1931.

Sokolov B. V., *Kotovskiy*, Moscow 2012.

Turkul A. V., *Drozdovtsy v ogne*, 2nd ed., Munich 1948.

Filimonov S. B., *Tainy sudebno-sledstvennyh del [Secrets of forensic investigation]*, Simferopol 2000.

Shubin A. V., *Mahno i ego vremya: O velikoy revolutsii i Grazdanskoy voine 1917–1922 v Rosii i na Ukraine [Makhno and his time: On the Great Revolution and the Civil War of 1917–1922. in Russia and in Ukraine]*, Moscow 2013.

Shchadenko E. A., *Grigoryevshina*, in: Grazdanskaya voyna [Civil war], 1918–1921, vol. 1, Moscow 1928.

Yakir I. E., *Vospominania o grazdanskoy voine [Memories of the Civil War]*, Moscow 1957.

УДК 94 (47).084.3
ББК 63.3 (2) 612

Андрей Владиславович ГАНИН

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН (Москва, Россия)

E-mail: andrey_ganin@mail.ru

НЕУДАВШАЯСЯ ПОПЫТКА ВЫВОЗА ВОЕННОЙ АКАДЕМИИ ИЗ РОССИИ (1920 ГОД)[1]

В статье рассматривается вопрос о переговорах начальника Военной академии генерал-майор А. И. Андогского с французскими представителями по поводу ее вывоза с Дальнего Востока за границу в 1920 г. Это не удалось, и вплоть до конца 1922 г. академия оставалась во Владивостоке, а после присоединения Дальнего Востока к РСФСР в ноябре 1922 г. была отправлена в Москву.

Ключевые слова: Военная академия, Гражданская война в России, эмиграция, белое движение, генерал А. И. Андогский, Дальний Восток, Владивосток.

В годы Гражданской войны в России 1917–1922 гг. Военная академия (бывшая Императорская Николаевская военная академия) проделала непростой путь от Петрограда до острова Русского на восточной окраине России, а затем была возвращена в Москву. Переезды сопровождались масштабным перемещением бесценного академического имущества — прежде всего, ее уникальной библиотеки и архивов[2].

Руководство академии в лице ее начальника генерал-майора А. И. Андогского пыталось сохранить академические ценности, причем в различные периоды эти попытки были связаны и с разными лагерями Гражданской войны.

К марту 1920 г. после череды эвакуаций кочевавшая по стране академия оказалась во Владивостоке и Харбине. Возможными вариантами последующих действий были — остаться на месте, сосредоточиться во Владивостоке, эвакуироваться за границу или возвращаться на советскую территорию. Разумеется, в качестве одной из основных рассматривалась возможность вывоза академии из России.

Верное политике лавирования академическое руководство в лице генерала Андогского на всякий случай действовало по всем направлениям. Так, 5 марта 1920 г. Андогский обратился к главнокомандующему Вооруженными силами на Юге России генерал-лейтенанту А. И. Деникину по вопросу переброски академии на Юг России через Китай и Японию[3]. Примерно тогда же депутация академии в Харбине обратилась к французскому представителю генералу М. Жанену (*илл. 1*) по поводу возможной отправки академии на Балканы или во Францию. Кроме того, в июне 1920 г. Андогский зондировал почву насчет возможного переезда академии в Советскую Россию[4].

Уже после выхода моей монографии по истории академии в 1914–1922 гг. обнаружились новые данные по этому вопросу. Поиски в личном архиве бывшего начальника академии, военного представителя русских армий при союзных правительствах и союзном верховном командовании в Париже генерала от инфантерии Д. Г. Щербачева (*илл. 2*) позволили

Илл. 1. Генерал М. Жанен (кадр кинохроники)

Илл. 2. Генерал от инфантерии Д. Г. Щербачев

[1] Исследование осуществлено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках проекта № 17-81-01022 а (ц) «История Гражданской войны в России 1917–1922 гг. в документах офицеров русской армии». Выражаю искреннюю благодарность Ю. М. Галкиной (Екатеринбург), любезно проверившей сделанные мною переводы документов с французского языка.

[2] Подробнее см.: *Ганин А.* В. Закат Николаевской военной академии 1914–1922. М., 2014.

[3] Там же. С. 328–330.

[4] Там же. С. 352–356.

выявить ряд документов о переговорах с французскими представителями по поводу возможного вывоза Военной академии с Дальнего Востока за границу в 1920 г. Разумеется, речь шла не только об имуществе академии, предполагалась эвакуация и ее личного состава.

По этому вопросу весной 1920 г. завязалась переписка между российским послом в Токио В. Н. Крупенским, министром иностранных дел С. Д. Сазоновым и генералом Щербачевым.

19 марта 1920 г. находившийся в Харбине генерал М. Жанен писал во французское военное министерство: «Просьба передать следующую телеграмму Щербачеву.

Цитата: "Академия, на празднике которой Вы были, единодушно просит Вашего горячего и настоятельного посредничества в ее перевозке с Дальнего Востока куда-либо на Запад, где бы это учреждение могло в безопасности продолжить свою работу, имея ввиду помощь державам Антанты и независимости России. Аналогичное… [действие] предпринято генералом Жаненом.

Подписано: Конференция академии[5]". Конец цитаты.

Генерал [Б. М.] Колюбакин, который мне вручил последнюю телеграмму, прибыл с делегацией профессоров академии, сопровождаемой начальником академии генералом Андогским и изложил мне просьбу о помощи, чтобы содействовать спасению всех ценностей, которые содержат библиотека и музей академии, и поместить все это в надежное место, как и персонал, который, будучи эвакуирован из Петрограда сюда, хотел бы найти убежище в какой-либо новой славянской стране, либо во Франции, чтобы продолжать спокойно работать. Я должен вскоре получить уточнения по этому вопросу.

Я призываю к полной благожелательности в их вопросе: речь идет об организации, архивы которой содержат исторические сокровища и члены которой из Иерусалима[6] (сомнительно) должны добавить, что вопрос представляется сложным, поскольку:

a) часть академии, оставшаяся во Владивостоке, убеждена в его пользе и необходимости.

b) местное правительство во Владивостоке будет, несомненно, препятствовать вывозу материала, на который оно утвердит права русского народа.

[5] Конференция — коллегиальный руководящий орган Военной академии.

[6] Так в документе.

c) груз представляет собой примерно 25 вагонов и, таким образом, невозможно пропустить вывоз и погрузку. Мне нужна поддержка для этих операций, по крайней мере, еще один союзник, владеющий судами на рейде»[7].

Илл. 3. Маршал Ф. Фош

Из телеграфного отделения кабинета военного министра это сообщение было разослано для сведения по семи адресам, включая маршала Ф. Фоша (*илл. 3*). Заинтересованность французского командования получить в свои руки ценное имущество академии вполне понятна.

На документе имелась трудночитаемая карандашная резолюция генерала Щербачева: «Копия Сазонову. Письмо марш[ала] Фоша. Ввиду трудности перевозки и невозможности содержания и работы организации не будет ли признано возможным перевезти архивы в посольство в Токио. Щ [ербачев]»[8]. Таким образом, идея эвакуации академии как полноценного учреждения за рубеж была признана трудноосуществимой. Обсуждение ограничилось вопросом вывоза академических архивов и библиотеки.

27 марта 1920 г. Щербачев писал Сазонову: «Сегодня я получил телеграмму от генерала Жанена, в которой он сообщает мне, что делегация профессоров академии Генерального штаба во главе с начальником ее генералом Андогским, эвакуированная <так в документе — А. Г.> в свое время из Петрограда в Сибирь, явилась к генералу Жанену с просьбой оказать ей содействие и помощь по эвакуации академии с ее огромным архивом, весьма ценной библиотекой и всем административным ее составом в какое-либо славянское государство или во Францию для продолжения ее работ. Аналогичную телеграмму я получил и от состава

[7] ГАРФ. Ф. Р-5936. Оп. 1. Д. 362. Л. 38 и 38а. Перевод мой.

[8] Там же. Л. 38.

всех профессоров академии. Признавая в отношении личного состава академии трудность его перевозки, невозможность содержания и работы академии за границей, я прошу Вас, не найдете ли Вы возможным в отношении академического матерьяла оказать Ваше содействие перед союзными правительствами в перевозке, эвакуации и помещении всех исторически ценных архивов академии и единственной по богатству исторической библиотеки ее в русское посольство в Токио для сохранения этих архивов и матерьялов и передачи их будущему законному всероссийскому правительству. Считаю нужным при этом добавить, что положение осложняется тем обстоятельством, что образовавшееся правительство во Владивостоке, несомненно, предъявит права на весь этот академический матерьял и будет противодействовать его вывозу. С другой стороны, будет трудно скрыть и провести незаметно эвакуацию указанных матерьялов. Наконец, необходима помощь не только французского правительства, но и других союзных правительств, имеющих необходимый тоннаж на владивостокском рейде, который можно было бы использовать для этой цели»[9].

Немаловажно, что в документе была обозначена цель вывоза имущества — сохранение ценностей и передача их будущему законному российскому правительству.

Сохранился текст черновика телеграммы Щербачева генералу М. Жанену в Харбин в марте 1920 г. В этом документе Щербачев повторил один из абзацев письма Сазонову, попросив поставить в известность о предпринимаемых усилиях начальника академии генерала Андогского[10].

В конце марта 1920 г. последний эшелон академии из Харбина прибыл во Владивосток. Теперь вся академия собралась в этом городе, где тогда существовало Временное социалистическое правительство Приморской областной земской управы. Наиболее вероятным исходом для академии при такой власти становилась отправка в Советскую Россию.

Тем временем в Париже 31 марта 1920 г. генерал Щербачев обратился к маршалу Ф. Фошу с письмом, в котором сообщал, что «получил от генерала Жанена телеграмму, в которой он меня информировал, что делегация профессоров академии (Военной школы из Петрограда) во главе с начальником генералом Андогским (учреждения, которое в свое время было эвакуировано из Петрограда в Сибирь) ходатайствовала о помощи, чтобы академия вместе со всеми ее архивами, библиотекой, административным составом была бы эвакуирована либо в славянскую страну, либо во Францию, чтобы иметь возможность продолжить свою работу.

В то же время я получил аналогичную телеграмму от Конференции академии.

Сознавая трудности, которые представляет перевозка персонала академии и невозможность для нее быть субсидированной и продолжать работу за границей, я имею честь спросить Вас, не появится ли у Вас возможность оказать воздействие на союзные правительства, чтобы добиться вывоза в Токио архивов академии, столь ценных с исторической точки зрения и ее библиотеки, уникальной своим богатством и исторической ценностью. Посольство России в Японии будет ответственно за наблюдение за этими сокровищами и за их сохранностью, дабы позднее передать их законному правительству России.

Думаю, придется добавить, что ситуация осложняется тем фактом, что правительство, которое организуется во Владивостоке, будет, без всякого сомнения, претендовать на сохранение всего этого академического имущества и выступит против его вывоза.

С другой стороны, будет сложно провести эвакуацию секретно. Наконец, потребуется помощь не одного только французского правительства, но также и других правительств Антанты, обладающих на рейде Владивостока необходимым тоннажем, который можно будет использовать.

Передавая эту просьбу на Ваше благожелательное рассмотрение, позволю себе обратить Ваше внимание, в частности, на не поддающуюся подсчету стоимость, которую имеют для истории России архивы и библиотека академии и на ту невосполнимую потерю, которую будет представлять разграбление, разрушение или исчезновение этого ценного материала.

Заранее уверен, что Вы сделаете все от Вас зависящее, чтобы обеспечить его спасение и надежное размещение.

Прошу Вас, дорогой маршал, принять заверения в моих чувствах самого преданного почтения»[11].

1 апреля Щербачев проинформировал Сазонова о том, что по вопросу эвакуации академического имущества обратился за содействием к маршалу Фошу, попросив того ходатайствовать перед правительствами стран Антанты об облегчении эвакуации имущества академии (архивов, документов и библиотеки) в русское посольство в Токио[12].

[9] Там же. Л. 39–40.

[10] Там же. Л. 37.

[11] Там же. Л. 34–35. Перевод мой.

[12] Там же. Л. 33.

5 апреля посол в Токио Крупенский телеграфировал Сазонову: «Чтобы поставить на сколько-нибудь практическую почву вопрос о сохранении архива [и] библиотеки академии Генерального штаба, необходимо предварительно знать, где именно находится и какой объем представляет из себя это имущество, а равно в чьем фактическом распоряжении оно ныне состоит. При нынешнем положении сношения посольства с Харбином являются затруднительными. Кроме того, по имеющимся сведениям генерал Андогский оттуда выехал»[13].

15 апреля 1920 г. Щербачев сообщил Сазонову: «На присланную мне копию ответной телеграммы российского посла в Токио за № 121 о возможности сохранения архивов и библиотеки академии Генерального штаба имею честь уведомить Вас:

1) Точное местопребывание академии и ее архивов и библиотеки мне неизвестно, но по сообщению генерала Жанена Конференция профессоров академии во главе с ее начальником генералом Андогским посетила его в Харбине, следовательно можно предполагать, что администрация академии находится и сейчас в этом городе,

2) По сообщению же генерала Жанена, все имущество академии (библиотека, архивы и пр.) находится в 25 вагонах; к сожалению, точное местопребывание этих вагонов генералом Жаненом в его телеграмме не указано,

3) Имущество академии состоит в распоряжении ее начальника генерала Андогского.

Ввиду получения мною извещения от маршала Фоша, что им сделано по этому поводу представление о спасении ценных материалов академии, как французскому правительству, так и правительствам держав Согласия и особенно японскому, — я прошу Вас не отказать снестись с нашим послом в Токио, дабы им, по сношению с генералом Жаненом, были приняты все меры для спасения и эвакуации в российское посольство в Токио указанных архивов и библиотеки академии»[14].

Генерал Щербачев ошибался. Академия к тому времени уже сконцентрировалась во Владивостоке, что при существовавшем там социалистическом правительстве сделало невозможным ее вывоз из России.

10 мая 1920 г. датирована телеграмма Крупенского Сазонову: «По последним сведениям, имущество академии находится во Владивостоке, куда после долгих колебаний вынужден был выехать и генерал Андогский.

[13] Там же. Л. 32.

[14] Там же. Л. 29–30.

Илл. 4. Представители белого командования с профессорами Военной академии и японскими военнослужащими. Сидят в центре (слева направо): командующий Сибирской флотилией контр-адмирал Г. К. Старк, начальник гарнизона острова Русского генерал-майор А. Г. Тучапский, заслуженный ординарный профессор генерал-лейтенант Г. Г. Христиани, ординарный профессор генерал-лейтенант А. И. Медведев, генерал-майор П. П. Петров. Остров Русский. 1922 г. ГАРФ. Публикуется впервые

При существующих обстоятельствах нет никакой надежды, что владивостокские власти согласятся выдать это имущество»[15]. На этом известная нам переписка между Харбином, Токио и Парижем по этому вопросу обрывается.

Таким образом, в 1920 г. не удалось вывезти из России ни саму Военную академию как целостное учреждение, ни ее архивы и библиотеку. Вплоть до конца 1922 г. академия оставалась во Владивостоке и на острове Русском (*илл. 4*), а после занятия Владивостока частями Народно-революционной армии Дальневосточной республики в конце октября 1922 г. и присоединения Дальнего Востока к РСФСР в ноябре 1922 г. была отправлена в Москву. Выявленные документы не под-

[15] Там же. Л. 28.

твердают и распространенную в целях дискредитации белых версию о том, что руководство академии якобы пыталось продать библиотеку и архивы японцам.

Сложно сказать, лучше или хуже стало от этого для самих академических коллекций. Окажись эти материалы в эмиграции, их судьба трудно прогнозируема (так, документы, попавшие в крупнейшие эмигрантские архивы — Гуверовский и Бахметевский — бережно сохранены, но другим архивам повезло меньше). Судьба же академического имущества в Советской России и СССР сложилась следующим образом: в советское время незначительная часть академических архивов была уничтожена, ряд книг библиотеки попал к частным лицам, а в настоящее время документы и книги, некогда принадлежавшие академии, рассеяны по различным архивам и библиотекам Москвы и как единый комплекс не существуют.

Список литературы

Ганин А. В. Закат Николаевской военной академии 1914–1922. М., 2014. 768 с.

Andrei Vladislavovich GANIN

Doctor of History, Leading Research Fellow, Institute for Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

E-mail: andrey_ganin@mail.ru

The attempted export of Military Academy from Russia (1920)

The article deals with the issue of negotiations of the head of the Military Academy major General A. I. Andogskiy with French representatives concerning its export from the Far East abroad in 1920 which failed. Until 1922 the Academy stayed in Vladivostok, and after the annexation of the Far East to the RSFSR in November 1922, it was sent to Moscow.

Keywords: Military Academy, Civil war in Russia, emigration, White movement, General A. I. Andogskyi, Russian Far East, Vladivostok.

Reference

Ganin A. V., *Zakat Nikolaevskoj voennoj akademii [The dawn of the Nicholas Military Academy] 1914–1922,* Moscow 2014.

УДК 94 (47).084.6
ББК 63.3 (2) 621

Вячеслав Леонидович КОКИН

руководитель историко-литературного музея «Вася Теркин»
(Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: slawa231270@mail.ru

СЛУЖИЛИ ДВА ТОВАРИЩА. ПОСВЯЩАЕТСЯ ПОГИБШИМ НА СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКОЙ ВОЙНЕ ПОЭТАМ НИКОЛАЮ ОТРАДЕ И АРОНУ КОПШТЕЙНУ

В статье рассмотрен вопрос об участии в Советско-финляндской войне лыжников-добровольцев 12-го лыжного батальона, сформированного из группы студентов из Литературного института имени А. М. Горького.

Ключевые слова: Николай Отрада, Арон Копштейн, Советско-финляндская война, писатели на фронте.

Тема лыжных подразделений является одной из наименее исследованных в истории Советско-финляндской войны. Поэтому любые дополнительные источники и свидетельства представляют особую ценность. 24 декабря 1939 г., через месяц после начала войны, на основе директивы НКО СССР № 0672 началось создание лыжных добровольческих частей, прежде всего из студентов, рабочих и служащих. К началу февраля 1940 г. было сформировано 77 отдельных лыжных батальонов и 28 лыжных эскадронов, из которых 54 находились в рядах действующей Красной армии.

В числе добровольцев, составивших основу 12-го лыжного батальона при его формировании в Московском военном округе, была группа студентов из Литературного института имени А. М. Горького. В списке студентов-добровольцев были такие известные сейчас историкам литературы имена и фамилии, как Арон Копштейн, Николай Отрада (Турочкин), Тотырбек Джатиев, Борис Заходер, Михаил Луконин, Платон Воронько, Григорий Цуркин и многие другие (*илл. 1*).

Поэт Михаил Луконин — одноклассник Николая Отрады по школе Тракторного завода в Сталинграде — вспоминал: «Мы съехались со всех концов страны в Литературный институт имени Горького. <…> Осенью 1939 года я привез в Москву Николая Отраду. Ходил с нами добрый и боль-

Март 1940 года. Возвращение с финской войны студентов Литературного института. Михаил Луконин правую руку заложил за борт шинели, Иван Куприянов левой рукой держится за пряжку ремня, а Борис Заходер – правой. Стоят: Иван Бауков, Георгий Лысенко, Платон Воронько, Григорий Цуркин, Семен Хайкин.

Илл. 1. Студенты Литературного института им. Горького после окончания советско-финляндской войны. Заходер Г. Заходер и все-все-все…: Воспоминания. М.: Захаров, 2003

шой Арон Копштейн. <…> Война с белофиннами! — грянуло над нами, и мы побежали в военкомат, добились своего: остриглись — и поехали в шатких теплушках на первую свою войну. Было очень холодно и очень тяжело, но и тут при случайных встречах, опершись на лыжные палки, мы читали друг другу стихи. Нас разбили по разным лыжным эскадронам и мы виделись редко»[1].

Холодно. Холодно. Холодно.
По снегу да по лесу
Мы летим до полуночи с полдня
На войну, как к полюсу[2].

[1] *Луконин М.* Товарищ поэзия. М.: Сов. писатель, 1963. С. 15.

[2] *Луконин М.* По дороге на войну // Молодая гвардия. 1941. № 2. С. 7–8.

Илл. 2. Лыжный батальон на марше. Из архива фотокорреспондента А. В. Устинова

Приказом Ставки Главного военного совета № 01625 от 10 февраля 1940 г. лыжные батальоны были реорганизованы в лыжные эскадроны. На основе 12-го лыжного батальона были сформированы 206-й, 207-й, 208-й, 209-й и 210-й лыжные эскадроны. При этом распоряжением военного совета 8-й армии для внутреннего употребления к номеру, который был присвоен лыжному эскадрону документами Генштаба РККА, прибавлялась цифра 183. Поэтому, 206-й лыжный эскадрон в документах обозначался как 389-й, а, например, 210-й — как 393-й. Именно в составе 206-го (389-го) лыжного эскадрона, приданного 659-му стрелковому полку 155-й стрелковой дивизии, воевали лыжники-добровольцы Николай Отрада и Арон Копштейн (*илл. 2*).

Боевые действия эскадрона и трагическая гибель Николая Отрады и Арона Копштейна литературно описаны сразу несколькими непосредственными участниками тех событий. Борис Лихарев во время советско-финляндской войны — командир взвода саперов, награжденный орденом Красного Знамени — посвятил в книге «Записки сапера»[3] отдельный очерк погибшему Арону Копштейну. Литературное посвящение погибшему боевому другу оставил и Т. Джатиев, опубликовавший

[3] *Лихарев Б.* Арон Копштейн // Записки сапера. Л.: Сов. писатель, 1941. С. 173–180.

в 1941 г. в журнале «Знамя» очерк «Памяти героя»[4]. Так же, как и «Записки сапера», этот очерк носит документальный характер и во многом дополняет книгу Б. М. Лихарева. Автор очерка Тотырбек Джатиев был бойцом 12-го лыжного батальона, а после его реорганизации исполнял обязанности комиссара 206-го (389-го) лыжного эскадрона. Примечательно, что в очерке Т. Джатиева описан и саперный взвод Бориса Лихарева, в гостях у которого Джатиев вместе с Копштейном оказались в один из дней во время затишья. Своим боевым друзьям и товарищам по лыжному батальону Т. Джатиев посвятил также документальную повесть «Добровольцы»[5], написанную в 1940 г.

Рис. 3. Поэт Николай Отрада. Сайт spartanovka.narod.ru

Николай Карпович Отрада (Турочкин) (1918–1940) с детских лет увлекался поэзией, сам писал стихи. Первые стихи поэта были напечатаны в малотиражной газете «Даёшь трактор», в газетах «Молодой ленинец» и «Сталинградская правда».

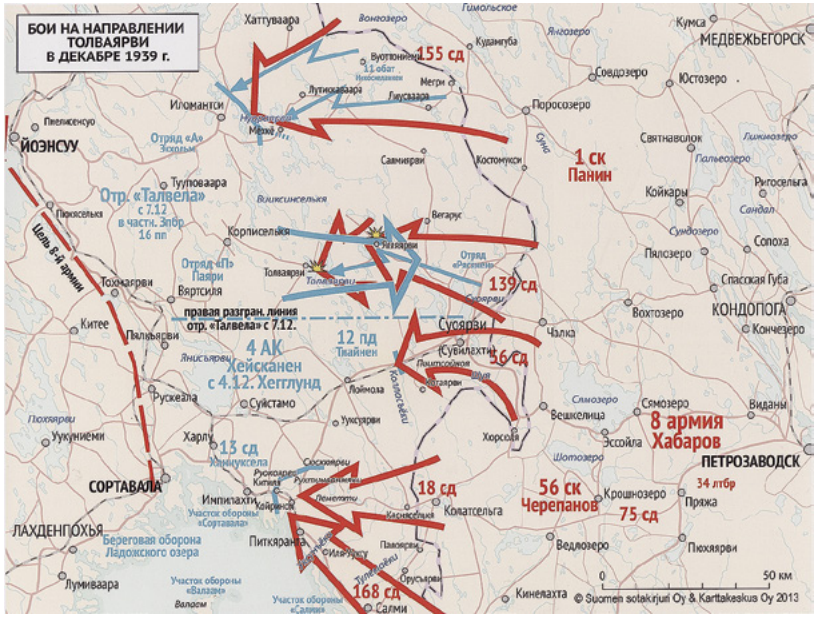
После окончания школы Николай Отрада поступил в Сталинградский педагогический институт на литературный факультет и одновременно на заочное отделение Литературного института. Осенью 1939 г. стал студентом Литературного института имени А. М. Горького. В этом же году вышел первый сборник стихов поэта «Счастье» (*илл. 3*).

«Война! — услышали мы, войдя в институт декабрьским утром 1939 года. Мы прощаемся — нас разбили по разным взводам 12-го лыжного батальона московских добровольцев. Сидим на валуне, шутим, достаем свои смертные медальоны, разглядываем их, передавая друг другу. Уже потом, в Москве, снимая оружие, я раскрыл медальон и обнаружил, что тогда мы с Колей перепутали их»[6].

[4] *Джатиев Т.* Памяти героя // Знамя. 1941. № 2. С. 102–116.

[5] *Джатиев Т.* Добровольцы // На берегах Терека. Дзауджикау: Гос. изд-во Сев.-Осет. АССР, 1952. С. 20–143.

[6] *Луконин М.* Товарищ поэзия. М.: Сов. писатель, 1963. С. 40.



Илл. 4. Карта боевых действий 155-й стрелковой дивизии в декабре 1939 г. А. Раунио, Ю. Килин. Сражения Зимней войны. Петрозаводск, 2014

Мы с тобой простились на перроне,
Я уехал в дальние края.
У меня в «смертельном медальоне»
Значится фамилия твоя.
Если что-нибудь со мной случится,
Если смерть в бою разлучит нас,
Телеграмма полетит как птица,
Нет, быстрей во много тысяч раз[7].

155-я стрелковая дивизия, которой был придан лыжный эскадрон, действовала на правом фланге 8-й армии на изолированном направлении Лиусваара, Куолисмаа, Мёхкё, Иломантси (*илл. 4*).

«Но вот 4 марта 1940 года Платон Воронько <комсорг батальона — *В. К.*> прибежал к нашему блиндажу, сбросил лыжи и горько сказал: “Нету Отрады и Копштейна. Вчера на озере в бою белофинны окружи-

[7] *Копштейн А.* Мы с тобой простились на перроне… // Смена. 1941. № 2. С. 19.

ли взвод и кричали: ‘Сдавайтесь!’. Коля крикнул: ‘Москвичи не сдаются!’ — и бросился на них, ведя огонь. Взвод прорвался, вдали черной точкой на снегу виднелось тело Отрады. Арон Копштейн посмотрел на всех своими добрыми глазами, сошел с лыж, взял ремень волокуши и пополз туда. Стреляли снайперы. Арон уже возвращался обратно, тащил Колю; пуля сначала обожгла его плечо, другая попала в голову”»[8].

Николай! С каждым годом он будет моложе меня, заметней,
Постараются годы мою беспечность стереть.
Он останется слишком двадцатилетним,
Слишком юным, для того чтобы дальше стареть…
Мы суровеем, друзьям улыбаемся сжатыми ртами,
Мы не пишем записок девочкам, не поджидаем ответа.
А если бы в марте, тогда, мы поменялись местами,
Он сейчас обо мне написал вот это[9].

Одна из улиц Волгограда в микрорайоне Спартановка названа именем Николая Отрады и 1 августа 1979 г. в память о погибшем поэте на доме № 13 установлена мраморная памятная доска (*рис. 5*).

Подняла домов своих громады,
Ласковым солнцем согрета,
Улица Николая Отрады —
Комсомольца, бойца, поэта[10].

Арон Иосифович Копштейн (1915–1940) в 1933 г. выпустил первую книгу стихов «Хотим, стремимся, можем» на украинском языке. С тех пор книги поэта выходили почти ежегодно. В 1934 г. появился сборник «Разговор», в 1936 г. — «Улица Щорса», в 1937 г. — «Источник», в 1938 г. — «Государство солнца» и в 1939 г. — первый сборник стихов на русском языке «Радостный берег». В 1939 г. Копштейн поступил в Литературный институт имени Горького. Вместе с товарищами по Литературному институту ушел добровольцем на финский фронт.

Поэт Платон Воронько вспоминал: «На фронт ехали в теплушках, ехали долго. Дней пять или шесть добирались от Москвы до Петрозаводска. Дорога была забита составами, идущими на фронт. Наш вагон с нарами и буржуйкой посередине сразу стал родным домом»[11].

Она была для нас Тверским
бульваром,
Зеленою дорогой в институт.
Но в январе сорокового года
Пошли мы, добровольцы, на войну,
В суровую финляндскую природу,
В чужую незнакомую страну[12].

Илл. 5. Мемориальная доска на улице Николая Отрады в Волгограде. Сайт spartanovka.narod.ru

«В полк прибыли лыжники-добровольцы… “Эскадронцы”, как мы окрестили лыжников, был веселый, храбрый народ, самоотверженные, геройские ребята… Одним из эскадронцев оказался молодой поэт Арон Копштейн. Его неистощимое веселье и жизнерадостность заставили меня быстро сдружиться с ним. Не было человека в полку, который, зная Копштейна, не любил бы его. Он обладал исключительной памятью и мог рассказывать без конца смешные истории, над которыми мы хохотали до слез» (*илл. 6*)[13].

Арон Копштейн погиб в бою 4 марта 1940 г. при попытке вынести тело однополчанина и друга — Николая Отрады, сокурсника по Литературному институту. В его солдатском вещевом мешке нашли книгу Бориса Пастернака «Сестра моя — жизнь». Пуля пробила слово «жизнь».

Но дружбы, может быть, другой не надо,
Чем эта, возникавшая в пургу,
Когда усталый Николай Отрада
Читал мне Пастернака на бегу
Дорога шла в навалах диабаза,
И в маскхалатах мы сливались с ней,
И путано-восторженные фразы
Восторженней звучали и ясней![14].

---

8 *Луконин М.* Товарищ поэзия. М.: Сов. писатель, 1963. С. 40–41.

9 *Луконин М.* Коле Отрада // Сердцебиенье. М.: Молодая гвардия, 1947. С. 16–19.

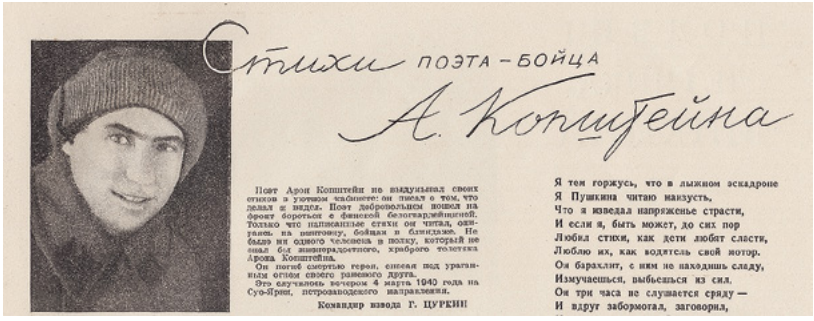
10 *Балабин В.* Улица Николая Отрады // Николай Отрада: Стихи и письма, воспоминания о поэте, посвящения. Волгоград: Издатель, 2008. С. 115.

11 *Воронько П.* Мы подружились в снегах Суоми // Воспоминания о Михаиле Луконине. М.: Сов. писатель, 1982. С. 47.

12 *Копштейн А.* Поэты // Смена. 1941. № 2. С. 19.

13 *Лихарев Б.* Арон Копштейн // Записки сапера. Л.: Сов. писатель, 1941. С. 173–174.

14 *Копштейн А.* Поэты // Смена. 1941. № 2. С. 19.



Стихи поэта-бойца
А. Копштейна

Поэт Арон Копштейн не издумывал своих стихов в уютном кабинете: он писал о том, что делал и видел. Поэт добровольцем пошел на фронт бороться с финской белогвардейщиной. Только что написанные стихи он читал, обучая на винтовку, бойцам и командирам. Не было ни одного человека в полку, который не знал бы жизнерадостного, храброго товарища Арона Копштейна.

Он погиб смертью героя, спасая под ураганным огнем своего раненого друга.

Это случилось вечером 4 марта 1940 года на Суо-Ярви, петрозаводского направления.

Командир взвода Г. ЦУРКИН

Я тем горжусь, что в лыжном эскадроне
Я Пушкина читаю наизусть,
Что я изведал напряженье страсти,
И если я, быть может, до сих пор
Любил стихи, как дети любят сласти,
Люблю их, как водитель свой мотор.
Он барахлит, с ним не находишь сладу,
Измучаешься, выбьешься из сил.
Он три часа не слушается сряду —
И вдруг забормотал, заговорил,

Илл. 6. Поэт Арон Копштейн. Смена. 1941. № 2 (собрание историко-литературного музея «Вася Тёркин»)

«Я в штабе полка. На ПСД. Дым. Писк телефона. Там эскадрон. Москва. Орша, Орша. Не отвечает. На каменной печке (сплю?). Я начинаю волноваться о них. Засыпаю. Гром артиллерии. Выхожу в обед. Идет эскадрон. Слепо, измученно.

— А Арон?

— Какой Арон?

— Поэт.

— Ах, поэт? Убит, два раза убит. Такой чудак…

Похороны — все, что делается для мертвых, — для живых. Нестройный залп. Пальба артиллерии. Я читаю его строки бойцам. О бессмертии»[15].

В одном из писем поэта, присланных с фронта, мы находим следующие строки: «Только сейчас начинаю понимать, что такое патриотизм. Знаешь, какими жалкими кажутся все фразы. И не только жалкими — оскорбительными. Патриотизм — это безропотная любовь, чувство влюбленного в Родину, мучительное, приятное, сладкое, толкающее на все, заслоняющее всех и вся. Патриотизм — чувство, не сравнимое ни с чем»[16].

Письмо это многое открывает нам в творчестве Арона Копштейна, объясняет сущность его пафоса. То, что не было досказано им в стихах, поэт доказал в тот мартовский день 1940 года.

«Копштейн и Отрада — это те первые бойцы, которые показали всему миру, на что способно наше поколение. Родине показали, что на нас можно положиться, отцам и матерям, что за нас не придется краснеть, любимым, что мы достойны их любви. Мы будем помнить их за этот пример, мы, поэты, можем гордиться тем, что у поэтов слова не расходятся с делом, когда речь идет о Родине»[17].

[15] *Заходер Г.* Заходер и все-все-все…: Воспоминания. М.: Захаров, 2003. С. 48–49.

[16] *Копштейн А.* Стихотворения. М.: Сов. писатель, 1956. С. 19.

[17] Строки, добытые в боях: Поэзия воен. поколения. М.: Дет. лит., 1969. С. 20.

Список литературы

Воспоминания о Михаиле Луконине. М.: Сов. писатель, 1982. 240 с.

Джатиев Т. На берегах Терека. Дзауджикау: Гос. изд-во Сев.-Осет. АССР, 1952. 212 с.

Заходер Г. Заходер и все-все-все…: Воспоминания. М.: Захаров, 2003. 254 с.

Копштейн А. Стихотворения. М. Сов. писатель, 1956. 174 с.

Лихарев Б. Записки сапера. Л.: Сов. писатель, 1941. 186 с.

Луконин М. Сердцебиенье. М. Молодая гвардия, 1947. 104 с.

Луконин М. Товарищ поэзия. М.: Сов. писатель, 1963. 328 с.

Николай Отрада: Стихи и письма, воспоминания о поэте, посвящения. Волгоград: Издатель, 2008. 120 с.

Строки, добытые в боях: Поэзия воен. поколения. М.: Дет. лит., 1969. 272 с.

Vjacheslav Leonidovich KOKIN

Director of the Historical Literature Museum «Vasia Tjorkin» (St. Petersburg, Russia)

E-mail: slawa231270@mail.ru

Two comrades served. Dedicated to poets Nicholas Otrada and Aaron Kopstein killed in action during the Russo-Finnish war

In the article the question of participation in the Soviet-Finnish war of volunteers of the 12th ski battalion formed from the group of students from the Literature Institute is concerned.

Keywords: Soviet-Finnish War, Nikolai Otrada, Aron Kopshtein, writers at the front.

References

Dzatiev T., *Na beregah Tereka*, Dzaydzhikau 1952.

Kopshteyn A., *Stihotvoreniya [Poetry]*, Mocow 1956.

Liharev B. Zapiski sapera [Notes of a Field Engineer]. Leningrad 1941.

Lukonin M., *Serdtsebienie [Heartbeat]*, Moscow 1947.

Lukonin M., *Tovarish poezia [Comrade poetry]*, Moscow 1963.

Nikolay Otrada: Stihi i pisma, vospominaniya o poete, posvyasheniya [Nikolay Otrada: Poems and letters, memories of the poet, dedications], Volgograd 2008.

Stroki, dobytie v boyah: Poezia voennogo pokolenia [The lines obtained in the battles: Poetry of the military generation], Moscow 1969.

Vospominania o Mihaile Lukonine [Memories of Mikhail Lukonin], Moscow 1982.

Zahoder G., *Zahoder I vse-vse-vse…: Vospominaniya [Memories]*, Moscow 2003.

УДК 94 (47) 084.6
ББК 63.3 (2) 621

Елена Игоревна НАЗАРОВА

аспирант Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: mrs.helnaz@gmail.com

ЗНАЧЕНИЕ СТРОИТЕЛЬСТВА КУЗЬМИНСКОГО МОСТА ЧЕРЕЗ НЕВУ ДЛЯ УКРЕПЛЕНИЯ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЙ СЕТИ

В предвоенный период железные дороги Ленинградской области активно готовились к войне, проводились мероприятия по реконструкции транспортной инфраструктуры и строительству новых железнодорожных линий. В статье рассмотрена история сооружения Кузьминского железнодорожного моста через Неву в 1940 г.

Ключевые слова: Кузьминский железнодорожный мост, Нева, железная дорога, Ленинградская область.

В 1940 г. по территории Ленинградской области проходили две железные дороги, которые можно было отнести к стратегическим: Кировская, связывавшая Ленинград с Мурманском, и Октябрьская, главная линия которой соединяла Ленинград и Москву. К началу 1940 г. международная обстановка стала напряженной. В Европе шла Вторая мировая война, а СССР начал войну с Финляндией.

В ходе боевых действий стало понятно, что железные дороги Ленинградской области оказались слабо подготовленными для участия в боевых действиях Одним из показателей эффективности работы железных дорог является их пропускная способность, то есть количество пар поездов (в одну и в другую стороны), проезжающих по линиям в сутки. В совокупности Кировская и Октябрьская железные дороги могли пропустить 73 пары поездов по направлению к Ленинграду. Железнодорожные линии на Выборг и Кексгольм, примыкавшие к театру военных действий, несмотря на затрудненное движение, пропускали 51 пару паровозов к Ленинграду. Одним из препятствий своевременной переброски войск и снабжения на Карельский перешеек стала однопутная линия с единственным железнодорожным мостом через Неву, который связывал левобережный и правобережный ленинградские железнодорожные узлы. Эта соединительная линия обладала малой пропускной способность, всего 36 пар поездов в сутки, что явно было недостаточно в условиях ведения боевых действий[1].

Надвигавшаяся военная опасность со стороны Германии и война с Финляндией вызывали необходимость развития железнодорожного транспорта по всей стране[2]. В северо-западном регионе были организованы засекреченные «номерные» строительства, важнейшими из которых были сооружение вторых путей на линии Волховстрой — Петрозаводск, железная дорога Заневский пост — Горы, железная дорога Петрозаводск — Суоярви[3].

В 1940-х гг. строительством транспортных объектов в СССР занималась всесоюзная строительная организация Союзтранспроект, дочерним отделением которого был Лентранспроект, проектировавшийся и сооружавший транспортные объекты на Северо-Западе. В 1940 г. она возводила оборонительные огневые позиций для зенитной артеллерии у станции Паша, Колчаново и для зенитно-пулеметных установок у станции Оять[4]. На станциях Волховстрой, Лодейное Поле и Петрозаводск она устанавливала централизованное светомаскировочное освещение[5].

По программе возведения вторых путей на линии Волховстрой — Петрозаводск в 1940–1941 гг. были построены железнодорожные мосты через крупные реки Ленинградской области: Волхов, Свирь, Сясь, Пашу, Лугу. Они проектировались сразу в двух вариантах. Первый — это непосредственно проект сооружения нового моста, второй — проект реконструкции разрушенного объекта. По требованию Ленинградского военного округа в опорах мостов предусматривались ниши для закладки минных устройств. Кроме того, мосты окрашивались в защитный цвет,

---

1 *Назаров В. Н.* Железнодорожный транспорт и условия воинских железнодорожных перевозок на Северо-Западный (Финляндский) фронт (1939–1940) // Вестник РГГУ. Серия: История, филология, культурология, востоковедение. № 1 (22). 2017. С. 74–76.

2 История железнодорожного транспорта России и Советского Союза. Т. 2: 1917–1945 гг. // Под ред. В. Е. Павлова и М. М. Уздина. СПб.: Иван Федоров, 1997. С. 111–112.

3 *Критский С. В.* Развитие Ленинградского железнодорожного узла и подходов у нему в период Советско-финской войны и после ее окончания (1939–1941) // Известия Петербургского университета путей сообщения. Вып. 3 (36). 2013. С. 147–152.

4 ЦГАНТД СПб. Ф. 244 (Ленинградская проектная контора «Лентранспроект» Всесоюзного проектно-изыскательского объединения Народного комиссариата путей сообщения СССР). Оп. 11. Д. 43. Л. 4 (Приказ начальнику ЛенТрансПроекта от заместителя главного инженера Всесоюзного строительно-изыскательного объединения СоюзТрансПроект от 14 июня 1940 г. за № 5/632/с. Секретная часть).

5 Там же. Л. 3.

для охраны около них строились казармы на 16–70 человек и 2–4 дома для руководства[6].

Проект новой линии Заневский Пост — Горы предполагал возведение второго железнодорожного моста через реку Неву. В документах Лентранспроекта эта программа получила титул 103, а мост значился под номером 22. О том, насколько важным был проект, говорит тот факт, что для скорейшей его реализации были приостановлено сооружение других объектов, а о ходе строительства было приказано ежедневно докладывать начальнику Союзтранпроекта и лично наркому путей сообщения Л. М. Кагановичу.

Проект был построен в рекордно быстрые сроки. 4 февраля 1940 г. вышел приказ по Союзтранспроекту о начале разработки чертежа всей линии, в эксплуатацию линия была сдана 29 мая 1940 года[7]. Быстрые темпы во многом были определены тем, в его основании находились опоры недостроенного моста, который планировалось возвести здесь еще в 1916–1918 гг. Отверстие моста было разбито на три пролета, что соответствовало существующим опорам недостроенного моста, которые перекрывались несколько измененными типовыми металлическими пролетными строениями. Самый маленький средний пролет (45 м) предусматривался вертикально подъемным. Высота подъема составляла 50 м от расчетного судоходного горизонта. Подъем и опускание пролета осуществлялся ручными лебедками.

Мост соединял деревню Кузьминку, расположенную на правом берегу Невы, с поселком Павлово на левом берег[8]. Линия и мост были засекреченными объектами, на картах они не отмечались. Осенью 1941 г. здесь проходили ожесточенные бои с немецкими войсками, в ходе которых мост был взорван. Он частично перекрыл фарватер Невы для прохода вражеских кораблей.

С 1942 г. восстановлением разрушенных транспортных коммуникаций занимался Военвосстранспроект. Кузьминский железнодорожный мост относился к восстановительным объектам первой очереди и был вновь возведен в 1944 г.

---

6 Там же. Л. 2–3.

7 ЦГАНТД СПб. Ф. 49 (Государственный ордена Трудового Красного Знамени проектно-изыскательный институт транспортного строительства «Ленгипротранс» Министерства транспортного строительства СССР). Оп. 11. Д. 7 (Годовой отчет по деятельности института за 1940 г.). Л. 395.

8 ЦГАНТД СПб Ф. 244. Оп. 11. Д. 26. Л. 29 об. (Краткая пояснительная записка к проекту моста № 22 на линии 103).

Илл. 1. Рисунок Кузьминского железнодорожного моста, выполненный для объяснительной записки к годовому отчету ЛенТрансМостПроекта за 1940 г. ЦГАНТД СПб. Ф. 85. Оп. 11. Д. 7. Л. 8 об.

Строительство Кузьминского железнодорожного моста в 1940 году — это пример активного и целенаправленного укрепления железнодорожной сети Ленинградской области. В этот период основной упор в развитии железных дорог северо-западного региона делался на увеличение пропускной способности магистралей и узлов. Большинство объектов сооружались в спешном порядке. Проведенный комплекс мероприятий смог решить часть проблем железных дорог Ленинградской области. В частности Кузьминский железнодорожный мост освобождал перегруженный Ленинградский железнодорожный узел.

Список литературы

История железнодорожного транспорта России и Советского Союза. Т. 2: 1917–1945 гг. // Под ред. В. Е. Павлова и М. М. Уздина. СПб.: Иван Федоров, 1997, 416 с.

Критский С. В. Развитие Ленинградского железнодорожного узла и подходов у нему в период Советско-финской войны и после ее окончания (1939–1941) // Известия Петербургского университета путей сообщения. Выпуск 3 (36). 2013. С. 147–152.

Назаров В. Н. Железнодорожный транспорт и условия воинских железнодорожных перевозок на Северо-Западный (Финляндский) фронт (1939–1940) // Вестник РГГУ. Серия: История, филология, культурология, востоковедение. № 1 (22). 2017. С. 72–80.

Elena NAZAROVA
Department of History of Russia from ancient times to the XX century, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)
E-mail: mrs.helnaz@gmail.com

The significance of construction of the Kyzminskij bridge across the Neva in strengtheing the Leningrad railway network

Before the Great Patriotic war the railways of the Leningrad region were actively preparing for war, there were actions to reconstruct transport infrastructure and to built new railway lines. The article describes the history of the construction of the Kyzminskij railway bridge across the Neva in 1940.

Keywords: The Kyzmiskij railway bridge, Neva, railways, Leningrad region.

References

Istoriya zheleznodoroznogo transporta Rossii i Sovetskogo Soyza [History of railway transport in Russia and the Soviet Union], Vol. 2: 1917–1945. St. Petersburg 1997.

Kritsky S. V., *Razvitie Leningradskogo zheleznodoroznogo uzla i podhodov k nemu v period Sovetsko-Finskoy voiny I posle eye okonchania (1939–1941) [The development of the Leningrad railway junction and approaches to it during the Soviet-Finnish war and after its completion]*, in: Izvestiya Peterburgskogo universiteta putey soobsheniya. 3rd ed. 2013, 147–152.

Nazarov V. N., *Zheleznodorozny transport I usloviya voinskih zeleznodoroznyh perevozok na Severo-Zapadny (Finlyandsky) front (1939–1940) [Railway transport and conditions of military railway transportation to the North-Western (Finnish) front]*, in: Vestnik RGGU. Seria: Istoria, filologiya, kulturologiya, vostokovedenie, No1 (22), 2017, p. 72–80.

УДК 94 (47).084.8
ББК 63.3 (2) 622

Егор Юрьевич КОБЗЕВ
курсант 3-го курса Военной академии материально-технического обеспечения имени генерала армии А. В. Хрулева, (Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: egkobzev@mail.ru

НЕМЕЦКАЯ КАРАТЕЛЬНАЯ ОПЕРАЦИЯ «ЗИМНЕЕ ВОЛШЕБСТВО» (ФЕВРАЛЬ — МАРТ 1943 Г.)

В феврале 1943 г. в треугольнике Освея — Полоцк — Себеж немецко-фашистские оккупанты провели карательную экспедицию под кодовым названием «Зимнее волшебство». Предшествовавшая ей январская карательная операция «Заяц-беляк» имела схожие цели и задачи — уничтожение партизан и мирного населения; полный контроль районов коммуникационных узлов городов Полоцк, Себеж, поселков Идрица и Освея. Утвердив план операции 5 февраля, обергруппенфюрер СС Фридрих Еккельн подписал смертный приговор для тысяч мирных жителей. Трагедия усугублялась еще и тем, что людей сжигали, их расстреливали и над ними издевались граждане СССР. Объединенные силы калининских, латвийских и белорусских партизанских бригад противостояли противнику в условиях ночного холода, дневной оттепели, постоянного недосыпа, нехватки оружия и боеприпасов, но по завершении операции противник свою задачу до конца не выполнил — партизаны продолжили борьбу за освобождение родного края. Это противостояние есть одна из многих кровавых страниц войны, раскрывающая истинную суть гитлеровской идеологии.

Ключевые слова: операция «Зимнее волшебство», Фридрих Еккельн, Освейская трагедия, карательная операция, геноцид, калининские партизаны, белорусские партизаны, латвийские партизаны.

5 февраля 1943 года в Риге высший руководитель СС и полиции «Остланд» и «Россия-Север» обергруппенфюрер СС Фридрих Еккельн подписал боевой приказ № 1 на проведение операции «Зимнее волшебство»[1]. По мнению командира 5-й Калининской партизанской бригады В. Марго, операция подразумевала зачистку приграничной полосы вдоль старой советско-латвийской границы в районе треугольника Невель — Освея — Себеж[2], но по результатам данного исследования, автор счи-

[1] «Зимнее волшебство». Нацистская карательная операция в белорусско-латвийском пограничье, февраль — март 1943 г.: Документы и материалы. М.: Фонд «Историческая память». 2013. С. 29.

[2] *В. И. Марго*. Пылающий лес. Издание 2-е, дополненное. Л.: Лениздат. 1979. С. 115.

тает, что районом проведения карательной операции следует считать районы населённых пунктов Полоцк — Верхнедвинск — Освея — Себеж, исходя из того, что основные боевые действия велись возле р. Сарьянка, оз. Освея и вблизи г. Себеж.

Основной задачей ставилось очистка района от партизан, а в большинстве своем уничтожение мирных жителей по той причине, что они оказывали поддержку многочисленным партизанским отрядам. Такое заключение можно сделать исходя из того, что на своем пути противник сжигал населенные пункты по обе стороны вдоль большаков, оставляя лишь отдельные населенные пункты, где он располагал свои гарнизоны (деревни Кохановичи, Стрелки, Освея, Великое Село, Городиловичи), которые немедленно оборудовал дзотами, как и на протяжении всего большака Дрисса — Освея[3].

Район зачистки представлял из себя приграничную полосу длинной 30 км, если исходить из данных о допросе пленных карателей партизанами бригады «За Советскую Белоруссию»[4], по мнению А. Литвина, так называемая «мёртвая зона» составляла 40 км[5].

Приказ был составлен на основании прошедшего 4 февраля в Риге совещания, в основу материалов которого легли агентурные данные абвера[6]. Они содержали информацию о латышском партизанском отряде численностью 80 человек и значительных белорусских партизанских формированиях примерной численностью 500 человек, которые в начале 1943 г. дислоцировались в районе Освеи.

На самом деле силы партизанских бригад были серьезно недооценены немецким командованием. По одной версии получилось так, что численность партизанских бригад даже превышала численность действующих против них немецких карательных подразделений. Исполнявший обязанности командира партизанской бригады «За Советскую Белоруссию» А. В. Романов 23 февраля 1943 г. писал начальнику Центрального штаба партизанского движения П. К. Пономаренко, что разгромить противника можно, нужно только соблюдение двух условий: обеспечение патронами и централизованное командование если не всех, то хотя бы белорусских бригад[7].

В действительности во время проведения операции «Зимнее волшебство» немецким карателям противостояли шесть калининских партизанских бригад (1-я, 3-я, 4-я, 5-я, 10-я, 11-я) и шесть белорусских (Россонская им. Сталина, Россонская «За Советскую Белоруссию» (она подчинялась Калининскому штабу партизанского движения), Освейская им. М. В. Фрунзе, Дриссенская, Бешенковичская «За Советскую Белоруссию», часть Сиротинской), а также отдельные отряды С. Ф. Бубина, В. С. Нового и латышский отряд В. П. Самсона, отряд бригады «Неуловимые» М. С. Прудникова и часть бригады «Спартак», вытесненной карателями из Вилейской области и находившаяся в Россонском районе. В итоге общая численность советских партизан в Россонско-Освейской партизанской зоне в начале 1943 г. превышала 8 тыс. человек

Численность противостоящих им карательный подразделений, задействованных в операции, составляла, по данным фонда «Историческая память», ок. 5,5 тыс. чел.[8], а по данным В. Спириденкова их число составляло 15–20 тыс. чел.[9]

Руководил операцией «Winterzauber» (в переводе с немецкого «Зимнее волшебство») непосредственно сам Ф. Еккельн, более известный как организатор массового убийства евреев в Румбульском лесу вблизи Риги 30 ноября и 8 декабря 1941 г., действовавший по личному указанию Генриха Гиммлера об истреблении евреев на территории Прибалтики[10].

Как уже отмечалась ранее, сама операция сводилась к лишению партизан материальной помощи со стороны местного населения путём тотального уничтожения тех и других, сожжению деревень, зачастую вместе с самими жителями. Например, в радиограмме ответственного организатора Витебского обкома КП (б) Б по работе среди партизан Б. И. Можайского говорится: «Противник уничтожает все население и деревни. Наступает по лесам числом 3000 чел.»[11]. В боевом приказе № 6 Ф. Еккельна от 23 февраля 1943 г. прямо указывалось на необходимость

---

3 «Зимнее волшебство»… С. 139.

4 Там же. С. 146.

5 *А. И. Литвин.* Латвийские полицейские («шутцманшафт») батальоны в Белоруссии. (1941–1944 гг.) С. 40.

6 Доклад абвера о силах партизан и их деятельности в районе Освея с 01.01.1943 по 21.01.1943 // Антинацистские партизаны в Латвии, 1942–1945. Рига. 2008. С. 319–321.

7 «Зимнее волшебство»… С. 11.

8 Там же. С. 13.

9 Цена Победы. Пустошка, 2007. С. 298.

10 *Е. Н. Панин.* Мифы и реальность «латвийской национальной оппозиции» во второй мировой войне: Борьба за свободную Латвию, или Обыкновенный фашизм // Вестник РУДН. Серия История России. № 4. 2008. С. 23.

11 «Зимнее волшебство»… С. 66.

уничтожить населенные пункты восточнее дороги Себеж — Кохановичи, чтобы затруднить партизанам наступление из крупных лесных массивов, так как уничтожение близлежащих деревень лишит партизан опорных пунктов и источников снабжения (*илл. 1, 2, 3, 4*)[12].

В местах сосредоточения партизанских групп каратели оставляли лишь населённые пункты вдоль дорог, которые они сами могли потом использовать как опорные пункты для своих карательных подразделений, но размещая их в основном на станциях и у разъездов дорог[13].

По итогам совещания, согласно дневнику боевых действий группы Кнехта в операции «Зимнее волшебство», было принято решение о создании двух оперативных групп под командованием бригадефюрера СС и генерал-майора полиции Вальтера Шредера и командующего шутцполицией штандартенфюрера СС и полковника полиции Макса Кнехта[14].

Основу двух групп составляли латышские полицейские батальоны. В первую вошли 273-й (19 офицеров и 417 солдат), 280-й (29 офицеров и 630 солдат), 281-й (50 офицеров и 616 солдат) батальоны, а также боевая зенитная часть Керстена, полубатарея артиллерийского дивизиона (два орудия), взвод связи Риделя (вермахт), взвод связи Левинского, 50-й украинский полицейский батальон, авиагруппа особого назначения (1 ФВ-189, 2 ФИ-156, 1 ФВ-58). Во вторую — 276-й (19 офицеров и 330 солдат), 277-й (18 офицеров и 403 солдата), 278-й (18 офицеров и 403 солдата), 279-й (20 офицеров и 354 солдата) и боевая зенитная часть Гатье[15].

Резервы боевых групп составляли: одна рота 232-го батальона вермахта, командиром которой был назначен обер-лейтенант Артель, а также полубатарея артдивизиона. При группе Шредера состояла команда из 115 человек, командиром был назначен оберштурмфюрер СС Краузе, а при группе Кнехта состояла команда из 95 человек, командир — гаупт-штурмфюрер СС Кауфман, но 19 февраля Кайфмана заменил штурмбанфюрер СС доктор Рудольф Ланге согласно боевому приказу № 24 начальника оперативного штаба полиции безопасности и СД «Остланд» от 19 февраля 1943 г.[16]

Дополнительно каждой оперативной группе придавались команды полиции безопасности и СД, которыми руководил начальник полиции

[12] Там же. С. 61.

[13] *А. Ю. Попов.* НКВД и партизанское движение. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. С. 87.

[14] «Зимнее волшебство»… С. 211.

[15] Там же. С. 29, 32.

[16] Там же. С. 42.

безопасности и СД «Остланд»[17]. В приказе Ф. Еккельна от 15 февраля 1943 г. отмечалось, что обеим группам были выделены особые команды полиции безопасности и СД, которым командиры групп должны оказывать всяческое содействие и поддержку. В частности, это была кампфгруппа «Еккельн», созданная для контроля и антипартизанской борьбы в ближайших к линии фронта районах. В её состав входили части СС, русские и белорусские полицейские отряды, латвийские и эстонские шумабатальоны, а также добровольческий батальон СС «Норвегия».

Также известно, что в карательной операции принимали участие: 601-й полк 201-й охранной дивизии, 2-й полк 8-й легкой пехотной дивизии, 409-й отдельный егерский полк, 481-й отдельный гренадерский артиллерийский полк, несколько тысяч солдат и полицейских из гарнизонов городов Себеж, Опочка, Полоцк, Невель, поселков Идрица, Рудня, Нища, Освея, участвовавшие в предыдущей карательной экспедиции «Заяцбеляк» (27 января — 15 февраля), отведенные в тыл на отдых и пополнение, фронтовые части вермахта, пять полков СС, а также 265-й, 266-й, 275-й, 282-й латышские батальоны, 2-й литовский. Впервые для участия в карательной операции были привлечены 2 власовских батальона РОА[18].

Основная цель групп Шредера и Кнехта была отражена в приказе № 24, опиравшимся на боевой приказ Ф. Еккельна о задачах полиции безопасности и СД в операции «Зимнее волшебство» от 15 февраля 1943 г.[19] А именно то, что они немедленно после пленения доставляли «бандитов» (то есть партизан) в полицию безопасности для допроса и осуществляли мероприятия, направленные против бандитов и их пособников, но в основном осуществляли зачистку территории. Группы занимались, как они это называли, «эвакуацией» в тыл трудоспособного населения, а на самом деле мирное население либо посылали на работы в Германию, либо подвергалось спецобработке, то есть отправлялось в концлагеря, в отличие от убийства евреев в Румбульском лесу, когда латвийским коллаборационистам, как правило, членами национальных объединений с девизами вролде «За латвийскую Латвию!» доверяли разве что отбирать одежду и все ценное имущество у расстреливаемых женщин, детей и стариков. Впоследствии, эта одежда шла на помощь латвийским семьям, «пострадавшим от советского коммунистического режима»[20].

[17] Там же. С. 35–36.

[18] Цена Победы… С. 298.

[19] «Зимнее волшебство»… С. 34.

[20] *Е. Н. Панин.* Указ. соч. С. 23.

Видимо, по причине упорного сопротивление партизан и в связи с массовым характером убийств мирного населения 18 февраля 1943 г. латышским коллаборационистам было дано распоряжение командиром группы Кнехта о порядке производства расстрела населения: «Необходимые казни следует по возможности осуществлять силами СД. Расстрел производится так, чтобы не оставлять следов. Если потребуется произвести расстрел силами войск (в случае отсутствия в непосредственной близости полиции безопасности и СД) — казнь должна осуществляться в домах. Трупы надлежит покрыть соломой или сеном и сжечь вместе с домами»[21].

Подобные расправы над мирным населением упоминаются и во многих шифротелеграммах партизан. Так например, шифротелеграмма № 563 ответственного организатора Витебского обкома КП (б) Б по работе среди партизан Б. И. Можайского начальнику БШПД П. З. Калинину от 25 февраля гласит: «<Противник> сжигает все населенные пункты, убивает мирное население. Задерживать нечем <отсутствуют боеприпасы — Е. К.>, пока спасают артиллерия и минометы»[22]. Или шифротелеграмма № 9534 начальнику Главного разведывательного управления Генерального штаба Красной армии о наступлении карателей в Освейском и Дриссенском районах от 27 февраля 1943 г.: «Наступление <противника — Е. К.) поддерживается самолетами. За пехотой идут автомашины. Деревни сжигаются. Сотни мирных жителей сжигаются живыми»[23]. В дальнейшем почти в каждой шифротелеграмме, уходящей за линию фронта, будут фигурировать слова о нехватке боеприпасов с настойчивыми требованиями в их незамедлительном получении.

Конечно, можно говорить и о том, что входившие в состав карательных отрядов латыши, русские, украинцы, белорусы, а именно способные носить оружие мужчины в возрасте от 17 до 50 лет, зачастую привлекались насильно; под угрозой находилась их собственная жизнь и родная семья. Ведь иначе их арестовывали и в качестве военнопленных отправляли в пункты сбора[24]. Об этом также упоминается в шифротелеграмме № 8375 агента «Владимира» начальнику Главного разведывательного управления[25]. Но тут речь идёт о тысячах замученных в концлагерях и сожжённых заживо.

[21] «Зимнее волшебство»… С. 39.

[22] Там же. С. 67.

[23] Там же. С. 74.

[24] *А. Ю. Попов.* Указ. соч. С. 85.

[25] «Уничтожить как можно больше…»: Латвийские коллаборационистские формирования на территории Белоруссии, 1941–1944 гг. Сборник документов. Фонд «Историческая память». М., 2009. С. 128.

15 февраля несколько рот немецких автоматчиков с полицейскими батальонами начали наступление. Одновременно каратели начали выдвижение из гарнизонов, расположенных в районе Даугавпилса и Зилупе в восточном направлении; из гарнизонов Дрисса и Бигосово — на север; из Опочки и Себежа — на юг. Основной удар наносился по Освейскому и Дриссенскому районам Белоруссии. Первые боевые действия развернулись на западной границе Россонско-Освейской партизанской зоны. Для участия в экспедиции во второй половине февраля из под Себежа спешно были выведены полицейские подразделения и охранные войска в направлении Белоруссии[26].

16 февраля, согласно дневнику боевых действий группы Кнехта[27], запланированное на 6.00 наступление началось приблизительно в 6.40–7.00 в связи с глубоким снегом и бездорожьем. 278-й батальон, штаб группы и резерв штаба при приближении к д. Колюты попали под ожесточенный ружейно-пулемётный огонь, который партизаны вели из окопов, что говорит об осведомленности партизан о действиях противника, что и позволило им своевременно принять меры по подготовке к ведению обороны. Партизаны осуществили подготовку к обороне при очень плохих погодных условиях, так как, согласно дневнику боевых действий группы Кнехта, 13–15 февраля была вьюга с морозом, и лишь 16 февраля наступила оттепель[28].

278-й батальон свою задачу выполнил: деревня Колюты была захвачена, подозрительные жители были, согласно сообщению Ф. Еккельна от 15 февраля 1943 г., переданы СД, сама же деревня была сожжена[29]: «Приказ о сожжении деревень и отдельных крестьянских дворов может быть отдан офицером — командиром роты. При этом следует обратить внимание на то, что из предназначенных для поджога крестьянских дворов выводится весь живой и мертвый инвентарь. Достаточно, если этот инвентарь будет оставлен на небольшом расстоянии от крестьянского двора для дальнейшего вывоза. Этот порядок не распространяется на деревни и крестьянские дворы, которые должны браться с боем, где все средства оправданы, чтобы уничтожить врага без собственных потерь». Итоги подчеркивает и сам Ф. Еккельн, но уже на допросе: «Согласно при-

[26] Цена Победы… С. 298.

[27] «Зимнее волшебство»… С. 212.

[28] Там же. С. 212.

[29] Там же. С. 36.

казаний фельдмаршала Кюхлера я, в свою очередь, приказал подчиненным мне частям очистить от мирного населения район озеро Освейское и сжечь в этом районе все населенные пункты, что и было сделано»[30].

К 26 февраля каратели занимают Освею. Командир партизанского отряда «КИМ» Дриссенской партизанской бригады И. Г. Голубков в своей шифротелеграмме докладывал: немцы «продвигаются вперед, задерживать нечем, у бойцов осталось по 3–5 патронов»[31]. В своем письме врач Освейской партизанской бригады имени М. В. Фрунзе А. Воробьев говорил о возможности партизан заряжать снаряды собственноручно: «Пришлите нам арт. порох и капсюли для 45–76 и 122 мм, а также взрыватели. Гильзы мы и снаряды всюду собираем и бережем, а когда у нас есть порох, гильзы и взрыватели, мы их заряжаем сами». Еще в своем письме врач упоминает про один любопытный факт: якобы вместо патронов в ящиках с самолета было сброшено 2000 химических грелок; много гранат РГД и противотанковых были присланы без запалов или без ручек[32]. Это может говорить как о диверсии в советском тылу, так и об ошибках руководства.

Обстановку осложняло ещё и то, что среди партизанских подразделений в начале операции не было единого руководства. Об этом начальник штаба партизанской бригады «За Советскую Белоруссию» В. Н. Дорменев докладывал непосредственно верховному главнокомандующему И. В. Сталину. Оценивая обстановку в районе железной дороги Невель — Полоцк — Дрисса — Себеж — Идрица, В. Н. Дорменев отмечал: «На месте нет единого руководства — анархия, безответственное обеспечение боеприпасами. Противник бьет нас по частям, зверски расправляется с населением, уничтожает населенные пункты. Потеря данного партизанского района усложнит продвижение Красной Армии в данном районе»[33]. Безусловно, сам факт наличия железнодорожной сети в этом районе, а также старые укрепления «линии Сталина», которые в большинстве своем остались нетронутыми ввиду обходного маневра немецких войск в начале июля 1941 г., имели важное стратегическое значение[34].

[30] Там же. С. 334.

[31] Там же. С. 69.

[32] Там же. С. 143.

[33] Там же. С. 69–70.

[34] Подробнее см.: *Е. Ю. Кобзев*. Оборонительные действия Красной армии на Себежском участке «линии Сталина» в июне — июле 1941 г. // Военная история России XIX–

Вероятно, шифротелеграмма была замечена, потому как 27 февраля издается боевой приказ № 1 командующего объединенных калининских и белорусских партизанских бригад А. И. Штрахова по разгрому карательной экспедиции немцев в Дриссенском и Освейском районах[35]. Если исходить из мемуаров В. И. Марго, то А. Ф. Бардадын, уполномоченный Белорусского штаба партизанского движения, командовал белорусскими бригадами, калининскими руководил А. И. Штрахов, латышские отряды возглавлял К. М. Озолиньш[36].

По боевому приказу А. И. Штрахова можно судить, что формировались две группы, в частности, в северную группу вошли бригады Охотина, Лисовского, Карнаушенко, Вараксова, Гаврилова, Бойдина под командованием капитана Гаврилова, а в южную группу — бригады Герасимова, П. Романова, Хомченко, А. Романова, отдельных отрядов Бубина и Нового. Командиром южной группы был назначен майор Веселов. В этом приказе обеим группам ставились задачи наступательного характера, которые сводились к окружению противника путем преграждения ему дальнейшего движения на восток и отступлению на запад. Также предписывалось организовать вывоз раненых: используя для подброски сил в район действия лошадей с повозками, оставляя последних в укрытых местах в 3–5 км от гарнизонов. К гарнизону подводят по 2–3 повозки для эвакуации раненых и убитых. Устанавливались типовые сигналы: «мы здесь» (ночью — зеленая ракета, днем —дымная), «противник здесь» (красная ракета)[37].

К марту бои перетекли от р. Сарьянка к озеру Освейское. Параллельно ведя боевые действия, каратели осыпали районы дислокации листовками: «Вы лучшие русские люди, ибо только лучшие могут переносить такие лишения, которые переносите вы. <…> Переходите к нам, вам будут обеспечены хорошие условия жизни, питание и обращение».

С 1 марта у д. Городиловичи начались ожесточенные бои, продолжавшиеся семь суток. Иногда дело доходило до рукопашной, тогда немцы не выдерживали и отходили. Из данных боевого журнала группы Кнехта: «8 марта 1-я рота 276-го латышского полицейского батальона в первой половине дня при отходе с исходных позиций на высоте западнее д.

XX вв. Материалы IX международной военно-исторической конференции 25–26 ноября 2016 г. СПб.: СПбГУПТД, 2016. С. 376–392.

[35] «Зимнее волшебство»… С. 72.

[36] *В. И. Марго.* Указ. соч. С. 119.

[37] «Зимнее волшебство»… С. 73–74.

Городиловичи подверглась сильному ружейно-пулеметному обстрелу из лесного участка примерно 1 км восточнее и юго-восточнее высоты. Огонь противника был подавлен. Бандиты вновь отступили в леса»[38]. Летчики, летавшие в ночь на 7 марта в районе Россоны — Освея, наблюдали итоги боев — большое количество горящих деревень в районе Освеи[39].

Ситуацию усложняло ещё и то, что началась оттепель, и при боях с карателями днем одежда партизан намокала, а ночью покрывалась льдом. Часть бригад северной группировки попыталась обойти Освейское озеро для удара по д. Кохановичи, однако весенний разлив рек заставил вернуться на прежние позиции. Как писали сами немцы: «Оттепель, ветрено. Далее батальон сообщает, что в 10–15 <часов> из леса северо-восточнее дер. Селедцово вышел 31 бандит, который, распределившись на группы по 4–7 чел., стали строить оборонительные укрепления на западной и южной окраинах деревни»[40].

Партизаны отстаивали каждую деревню, но из-за недостатка боеприпасов вынуждены были отходить. На шестой день боев возле д. Городиловичи у партизан северной группы оставалось всего на полдиска патронов для автомата и пулемёта и десяток на винтовку. Спасли положение калининские партизаны, получившие много боеприпасов из тыла: «С прибытием т. Бардадына (представитель ЦК Белоруссии) белорусские партизанские бригады <…> получили на самолетах и планерах большое количество боеприпасов (около 800 тыс. патрон) и вооружения (винтовки, автоматы)»[41].

Некоторые не выдерживали условий голода, холода и недосыпания. Например, 13 марта в 10.30 во 2-й роте 277-го полицейского батальона был выявлен партизан-перебежчик. Он указал местоположение партизанского лагеря в 2 км юго-восточнее. В 15.30 на его уничтожение были направлены одна рота 277-го полицейского батальона и команда СД, но к моменту окружения большая часть партизан уже ушла[42].

По решению штаба партизанского движения в тыл противника были направлены диверсионные отряды. Дезорганизовав командование карательной экспедиции, они заставили перенаправить часть средств и сил, тем самым распылив группировку войск карателей.

[38] Там же. С. 223.

[39] Там же. С. 116.

[40] Там же. С. 222.

[41] Там же. С. 116.

[42] Там же. С. 226–227.

5 марта в своем приказе № 3 командующий объединенными калининскими и белорусскими партизанскими бригадами А. И. Штрахов отмечает, что разных районах выявлено значительное число случаев заболевания сыпным тифом: «За последние дни участились случаи задержки отрядами вражеских шпионов и диверсантов, в том числе с оружием и неустановленными бактериями». Возможно, что именно эти бактерии являлись источником эпидемии сыпного тифа[43].

К 10 марта каратели полностью вытеснили партизан из Освейского, Дрисенского и четырех сельсоветов Россонского районов, создав крупные гарнизоны охранных войск в деревнях Кохановичи, Городилово, поселке Освея и других. Вокруг них началось строительство оборонительных сооружений, было организовано круглосуточное патрулирование дорог. Несмотря на значительно сокращение территории партизанского края, оказавшиеся отрезанными от белорусских и калининских бригад латышские партизаны осуществляли диверсии, взрывали дороги, уничтожали курьеров, выводили из строя полевые линии связи[44].«10 марта <противник> форсировал реку Свольна, занял Лисно, Доброплесы, Миловиды, Моторино, Морачково, Быки, Юзефово. Силами партизан Герасимова, Захарова, Охотина, Романова (Бешенковичи), Талаквадзе, Петракова, “Спартак” была организована оборона. Действиями засад, блокировкой, снайперами, вылазками в тыл <партизаны> две недели держали <в> напряжении противника <и> вынудили отойти <в> направлении Кохановичи, Дрисса, Освея, Себеж, Полищино. <В> этих боях истреблено свыше 1500 гитлеровцев. Наши потери — 51 убитыми, 110 ранено»[45].

С 13 марта партизаны перешли в контрнаступление. В этот день бригада им. Рокоссовского разгромила гарнизон в д. Лисно; бригда им. Фрунзе И. К. Захарова уничтожила гарнизон в д. Моторино, а латышские партизанские бригады отбили у немцев д. Миловидны. Тесня карателей, белорусские бригады в двух местах форсировали р. Свольна, прорвали немецкую оборону и вышли им в тыл. В ответ на активные действия партизанских отрядов 16 марта противник сосредоточил группировку до 2000 человек. До 20 марта каратели действуют с северо-востока и юго-запада от оз. Освейское, пытаясь сжать партизан в кольце. Тем не менее, партизаны вели активные боевые действия, даже позволяя себе контратаки. 21 марта под ударами партизан каратели начали от-

[43] Там же. С. 92–94.

[44] Цена победы… С. 299.

[45] «Зимнее волшебство»… С. 184.

ходить на запад, в сторону латвийской границы[46]. 23 марта противник поставил задачу вытеснения партизан из Россонского района. Со стороны Дриссенского, Освейского озера наступали до 7 тыс. немцев, латышей, литовцев[47].

В боевом приказе Ф. Еккельна от 25 марта говорилось: «В результате проведения операции “Зимнее волшебство” единое руководство бандитов на этой территории разгромлено. Бандиты перемещаются по лесам небольшими разрозненными группами и с 20.3.1943 движутся в направлении на север, покидая район последних боевых действий»[48]. В то же время данные партизанской разведки сообщали, что 25 марта в течение дня производилась разведка Освейского района, причем установлено, что немцы отступили с Освейского направления в Латвию, при этом по пути сожгли все деревни вплоть до нежилых помещений, людей и ценностей[49].

Исходя из данных журнала боевых действий группы Кнехта можно сделать вывод, что крупные боестолкновения прекратились. Отступившие на север партизанские отряды создали впечатление у руководства карательных групп, что партизанское руководство дезорганизованы, а сами отряды распылены по всей территории проведения операции, поэтому вплоть до 30 марта каратели лишь прочесывали местность, но боестолкновений уже не было. Отмечено лишь, что в ночь на 30 марта был открыт пулемётный огонь по партизанам с границы заграждения армянского батальона вермахта[50].

Самым тяжелым в исследовании было изучение актов о преступлениях, совершенных немецкими оккупантами. Здесь приводятся только некоторые из них, только малая доля: «1. Мальчику 8 лет из семьи Юхневич (д. Беляны) фашистские палачи вырезали пятиконечные звезды на груди и спине и бросили в огонь, девочка Вера, 7 лет, зарезана ножом, мальчик Женя, полтора года с разбитой головой и вырванными пальцами брошен в огонь; мать их также зарезана ножом, у нее фашистские бандиты вырезали груди, изрезали ее всю и сожгли на огне. <…> Установлено, что большая часть погибшего населения, гитлеровскими извергами подвергалась пыткам и издевательствам и только после этого или сжигались или топились в реке, и лишь меньшая часть расстреливалась»[51].

[46] Там же. С. 179.

[47] Там же. С. 180.

[48] Там же. С. 176.

[49] Там же. С. 179.

[50] Там же. С. 232.

[51] Там же. С. 192–193.

Сам факт того, что летом 1943 г. операция «Рельсовая война» проходила в этом же районе, говорит о том, что, несмотря на все усилия карательных групп, партизаны уничтожены не были, что отмечается в итогах проведённой операции Ф. Еккельном. Партизаны продолжили борьбу за родной край вплоть до освобождения района 150-й стрелковой дивизией, которой за освобождение поселка Идрица будет присвоено почетное наименование «Идрицкая».

Список литературы

Антинацистские партизаны в Латвии, 1942–1945. Рига, 2008.

«Зимнее волшебство». Нацистская карательная операция в белорусско-латвийском пограничье, февраль — март 1943 г.: Документы и материалы. М.: Фонд «Историческая память», 2013.

Кобзев Е. Ю. Оборонительные действия Красной армии на Себежском участке «линии Сталина» в июне — июле 1941 г. // Военная история России XIX–XX вв. Материалы IX международной военно-исторической конференции 25–26 ноября 2016 года. СПб.: СПбГУПТД. 2016. С. 376–392.

Литвин А. М. Латвийские полицейские («шутцманшафт») батальоны в Белоруссии (1941–1944 гг.).

Марго В. И. Пылающий лес. Издание 2-е, доп.. Л.: Лениздат, 1979.

Панин, Евгений Николаевич. Мифы и реальность «латвийской национальной оппозиции» во второй мировой войне: Борьба за свободную Латвию, или Обыкновенный фашизм // Вестник РУДН, серия История России. № 4. 2008.

Попов А. Ю. НКВД и партизанское движение. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003.

«Уничтожить как можно больше…»: Латвийские коллаборационистские формирования на территории Белоруссии. 1941–1944 гг. Сборник документов. Фонд «Историческая память». М., 2009. С. 128.

Цена Победы. Пустошка, 2007.

Egor Yuryevich KOBZEV

3nd year cadet of Military Academy of Logistics of the General of the Army A. V. Khrulev, (Saint Petersburg, Russia)

E-mail: egkobzev@mail.ru

German punitive operation «Winter magic». February-March 1943

In February 1943, in the Osveya-Polotsk-Sebezh triangle, it was begun a bloody punitive expedition, code-named “Winter Magic”. The preceding January punitive operation “Zayats Belyak” had similar goals and objectives — the destruction of partisans and civilians; the full control over the areas of communication hubs in the cities of Polotsk, Sebezh, Idritsa and Osveya. Having approved the plan of the operation on February 5 in Riga, SS-Obergruppenführer Friedrich Jeckeln signed a death sentence for thousands of civilians. The tragedy was aggravated also by the fact that people were burned, they were shot by sometimes “yesterday’s” citizens of the USSR. The combined forces of the Kalinin, Latvian and Byelorussian partisan brigades

confronted the enemy in the conditions of a night's cold, a day thaw, a constant lack of sleep, a shortage of weapons and ammunition, but the enemy did not complete its task until the end, the partisans continued their struggle for the liberation of the Native land. This confrontation is one of many bloody pages of the war, revealing the true essence of Hitler's ideology.

Keywords: "Winter Magic", Friedrich Jeckeln, Osveyskaya tragedy, punitive operation, genocide, Kalinin partisans, Belarusian partisans, Latvian partisans.

References

«Zimnee volshebstvo». Nacistskaja karatel'naja operacija v belorussko-latvijskom pogranich'e [«Winter magic». Nazi punitive operation in the Belarusian-Latvian borderland], February-March 1943: Documents and materials. Moscow: The Historical Memory Foundation. 2013. p. 11–227.

Tsena Pobedy [The Victory`s Price] — Pustoshka Typography. 2007.

Margo, Vladimir Ivanovich. Pylayustchy Les [The Flaming Forest]. — 2nd edition. L.: Lenizdat, 1979. 14–15 p.

Panin, Yevgeny Nikolaevich. Mify i real'nost' «latvijskoj nacional'noj oppozicii» vo vtoroj mirovoj vojne: bor'ba za svobodnuju Latviju, ili obyknovennyj fashizm [Myths and reality of the «Latvian national opposition» in the Second World War: the struggle for free Latvia, or ordinary fascism]. // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia, series History of Russia №4. 2008. P. 23.

Doklad Abvera o silah partizan i ih dejatel'nosti v rajone Osveja s 01.01.1943 po 21.01.1943 [Report of the Abwehr on the forces of partisans and their activities in the area of Osveya from 01/01/1943 to 21/01/1943] // The anti-Nazi partisans in Latvia, 1942–1945. Riga. 2008. p. 319–321.

Litvin, Alexey Mikhailovich. Latvijskie policejskie («shutcmanshaft») batal'ony v Belorussii [Latvian policemen («shutzmanshaft») battalions in Belarus]. (1941–1944). p. 40.

«Unichtozhit' kak mozhno bol'she…»: Latvijskie kollaboracionistskie formirovanija na territorii Belorussii, 1941–1944 [«Destroy as much as possible…»: Latvian collaborative formations on the territory of Belarus, 1941–1944]. Collection of documents. The Historical Memory Foundation. M. 2009. p. 128.

Kobzev, Yegor Yurievich. Oboronitel'nye dejstvija Krasnoj Armii na Sebezhskom uchastke "Linii Stalina" v ijune-ijule 1941 [«Defensive actions of the Red Army on the Sebezhsky section of the» Stalin Line «in June-July 1941.»] // Military History of Russia XIX–XX centuries. Materials of the IX International Military-Historical Conference on November 25–26, 2016. — SPb.: SPbGUPTD. 2016. p. 376–392.

Приложение

Фотографии сделаны во время проведения карательных операций «Заяц-беляк» (предшествующей) и «Зимнее волшебство». Фотографии из личного архива одного из авторов книги «Цена Победы» Владимира Александровича Спириденкова.

Уничтожение деревень во время проведения карательной операции «Зимнее волшебство»

УДК 94.47:94.6:355.018
ББК 63.3 (2) 633:63.3 (2) 635:63.3 (6Сом): 63.3 (6Эри): 63.3 (6Эфи): 68.49 (2)

Владимир Александрович НОСОВ

педагог СПбГБУ ДМ «ФОРПОСТ», научный сотрудник
«Центра этнорелигиозных исследований» (Санкт-Петербург, Россия)

СОВЕТСКАЯ АРМИЯ НА АФРИКАНСКОМ РОГЕ

Советская армия принимала участие в событиях на Африканском Роге с начала 1960-х годов, помогая военному строительству сперва Сомали, а потом революционеров Эфиопии, опосредованно участвовала в крупных региональных конфликтах, как Огаденский конфликт и война за независимость Эритреи, а также эпизодически применяла силу сама. В процессе она продемонстрировала как многие положительные качества, так и ряд слабостей, в частности, в области подготовки к борьбе с повстанческими формированиями, из которых не было сделано должных выводов.

Ключевые слова: СССР, Сомали, Эфиопия, Эритрея, повстанческое движение, Огаден, Советская армия.

Африканский Рог, под каковым названием понимается северо-восточная оконечность Африки, в настоящее время занимаемая Сомали, Эфиопией, Эритреей и Джибути — одна из самых бедных и отсталых областей мира. Однако отсутствие в регионе каких-либо природных ресурсов компенсировалось его стратегическим положением, возможностью контролировать Баб-эль-Мандебский пролив на кратчайшем пути из Средиземноморья в Индийский океан и на Дальний Восток, угрожать проливу Ормуз, через который проходит немалая часть мировой торговли нефтепродуктами, влиять на политические процессы в Центральной Африке и на Ближнем Востоке.

После Второй мировой войны Советский Союз как одна из супердержав стал интенсивно принимать участие в жизни «третьего мира», и в том числе оказался всерьез вовлечен в политические процессы в северо-восточной Африке.

К началу 50-х годов, когда СССР впервые стал участвовать в геополитике региона, на Африканском Роге развивались два проекта национального строительства, эфиопский и сомалийский.

Первый из них предусматривал территориальную экспансию за счет соседей, мотивируемую восстановлением исторической справедливости в соответствии с эфиопской исторической мифологией, и установление господства амхарской элиты на контролируемых территориях, и, естественно, встречал сопротивление среди местных элит, а также других региональных игроков, претендовавших на те же территории или не желавших видеть уменьшение своего влияния на них.

Второй представлял попытку соединить под властью одной администрации все племена, традиционно относимые к потомкам мифического прародителя сомалийцев, оказавшиеся в результате перипетий истории в пяти разных территориальных образованиях, из которых в собственно независимую Республику Сомали вошли лишь два.

Помимо двух этих проектов важной представляется попытка Эритреи добиться независимости. Это название применяется для обозначения некогда отторгнутого у Эфиопии итальянцами фрагмента территории вдоль Красного моря, причем его населяют те же группы, что и сопредельные территории Эфиопии, но вследствии влияния целого ряда факторов население этих территорий осознало себя отдельной нацией.

СССР впервые оказался вовлечен в дела региона во время определения судьбы спорных территорий после Второй мировой войны, когда вместе со своими союзниками по Варшавскому договору поддержал в ООН проект предоставления Эритрее независимости[1], а несколько позже через вторые и третьи руки советское вооружение поставлялось повстанческим движениям Эритреи, многие из которых заявляли о приверженности идеям марксизма[2].

После предоставления независимости Британскому и Итальянскому Сомали в качестве единого государства, поскольку предложенный Великобританией и США вариант размеров и принципов устройства армии сомалийцев не устроил, они обратились к СССР и взяли ссуду, а также пригласили Советский Союз сотрудничать, и он с 1962 г. обучал и вооружал сомалийскую армию[3]. Саудовская Аравия при поддержке Ирана предлагала профинансировать разрыв контактов, но руководство Сомали не согласилось[4].

В 1972 г. лично министр обороны СССР маршал А. А. Гречко приезжал подписывать соглашение о сотрудничестве, посулив модернизировать военные объекты в Бербере в обмен на право ими пользоваться[5]. Бербера

---

1 The Long struggle of Eritrea for independence and constructive peace. P. 21.

2 Political Terrorism: A New Guide to Actors, Authors, Concepts, Data Bases, Theories, & Literature. P. 536; Historical Dictionary of Civil Wars in Africa (2nd ed.). P. 161, 169.

3 Area Handbook for Africa. P. 483.

4 Somalia. A Country Study (4th ed.). P. 210.

5 Somalia. A Country Study (4th ed.). P. 209.

была особенно важна после изгнания советской миссии из Египта и реконструировалась так же, что и египетский оплот СССР, Мерса-Матрух[6]: там был склад ракетного имущества, взлетно-посадочная полоса длиной 5000 м, радарные системы и коммуникационный центр, а также хранилище топлива на 175 тыс. баррелей, жилой городок на 1500 человек[7]. Городок этот американцы потом окрестили «малой Москвой»[8].

СССР постарался основательно снарядить новых союзников, обеспечив им самый большой танковый парк среди стран тропической Африки, поставив реактивную авиацию, в т. ч. МиГ-21, и достаточно транспортных средств, чтобы пехотные подразделения превратить в механизированные, помог создать ВМФ[9].

СССР и Куба также опосредованно причастны к организации деятельности повстанческого движения этнических сомалийцев на территории Эфиопии, в основном в Огадене[10].

К середине 70-х 60% местных офицеров получили образование в СССР[11]. Что интересно, хотя несколько раз организаторов попыток путчей пытались в зарубежной литературе охарактеризовать как марксистов[12], но характерное явление для стран, обучавших своих офицеров в СССР, а именно формирование в среде офицеров групп марксистов, восхищающихся Советским Союзом и готовым следовать по его пути, в Сомали не наблюдалось, слишком, по-видимому, видимо, силен был трибальный элемент в психологии.

В середине 70-х годов ситуация на Африканском Роге претерпела значительную трансформацию. Эфиопская революция 1974 г. привела к рулю в стране группу офицеров марксистских взглядов. Она ставила чрезвычайно амбициозные задачи, предусматривала полный демонтаж системы управления и традиционных отношений между группами общества, перелицовку экономической модели и пересмотр аграрного устройства в стране, вызвала значительное сопротивление, это ослабило центральную власть в стране, чем воспользовались эритрейцы и сомалийцы. Первые резко активизировали борьбу за независимость, причем

6 *Patman R.* The Soviet Union in the Horn of Africa. P. 116.

7 Somalia. A Country Study (4th ed.). P. 209; Курсом чести и славы. С. 361.

8 Cities of the Middle East and North Africa. P. 93.

9 Somalia. A Country Study (4th ed.). P. 183, 205, 209.

10 *Scheina R.* Latin America's wars. V. 2. P. 335.

11 Somalia. A Country Study (4th ed.). P. 208.

12 Somalia. A Country Study (4th ed.). P. 37; Defence and foreign affairs Handbook. 1978. P. 464.

еще и спонсировали другие группы антиправительственной направленности, а сомалийцы рискнули попытаться отобрать у Эфиопии Огаден, территории, которые с конца Второй мировой состояли в ее составе, но населены этническими сомалийцами.

Далеко не сразу СССР посчитал нужным всемерно поддержать революционеров, но после того, как победителем длительной и весьма кровавой борьбы стал Менгисту Хайле Мариам, давний фаворит Советского Союза, началось сближение сторон. Советский посол поздравил Менгисту в первые же часы после устранения последнего влиятельного оппонента[13], внимательно наблюдал за ситуацией в стране, известно о влиянии посольства на то, какие именно функционеры должны получить какие посты[14]. В июле 1976 г. во время визита в Советский Союз высокопоставленной делегации согласованы были большие поставки снаряжения и вооружений и пакет экономической помощи[15]. В декабре 1976 г. делегация во главе с Менгисту прибыла в СССР, в марте 1977 г. получив первый транш оружия, в т. ч. танки, прочую бронетехнику и зенитную артиллерию, а также делегацию специалистов, обучавших местные кадры пользоваться ею[16].

В начале 1977 г. власти Сомали, видимо, сделали вывод, что занятая борьбой с эритрейскими повстанцами и деморализованная сложной ситуацией в стране эфиопская армия не сможет эффективно противостоять решительному удару и отторжению Огадена. Советский Союз пытался поспособствовать урегулированию назревающего конфликта, предложив различные варианты сосуществования двух своих вассалов в регионе и даже обсуждался вариант с объединением трех вассалов, т. е. с НДРЙ[17], но, потерпев неудачу, предпочел сделать выбор в пользу Эфиопии — по-видимому, бОльшая стратегическая ценность Сомали, так и не вставшей в полной мере на путь строительства социализма, не перевесила возможности, которые предоставляло наличие в регионе полностью контролируемого союзного режима. Ряд исследователей проводит не лишенную остроумия аналогию, описывая союз с Сомали

13 *Patman R.* The Soviet Union in the Horn of Africa. P. 151.

14 *Westad O.* The Global Cold War: Third World Interventions and the Making of Our Times. P. 274; *Connell D.* Taking on the Superpowers: Collected Articles on the Eritrean Revolution, 1976–1983. V. 1. P. 384.

15 *Patman R.* The Soviet Union in the Horn of Africa. P. 151.

16 *Patman R.* The Soviet Union in the Horn of Africa. P. 206–207.

17 Historical Dictionary of Somalia (2nd ed.). P. 241; *Ingiriis M.* The Suicidal State in Somalia. The Rise and Fall of the Siad Barre Regime, 1969–1991. P. 144.

как совершенный по расчету, а союз с Эфиопией продиктованным идеологией[18].

В августе 1977 СССР пресек поставки сомалийцам и активизировал их Эфиопии[19], через Суэц прошло не менее 50 кораблей с военным имуществом, и многое привезли из Йемена[20], в лучшие дни в Эфиопии садилось по самолету с грузами раз в 25 минут[21]. Общая стоимость поставленного для огаденской войны достигла 1 млрд. долларов США, и примерно четверть бесплатно, некоторую часть поставок вроде бы оплатила Ливия[22]. Всего было поставлено порядка 80 самолетов, 600 танков, 300 единиц прочей бронетехники[23].

С октября 1977 по январь 1978 эфиопы существенно нарастили группировку сил в Огадене в т. ч. за счет кубинских интернационалистов и 1500 советников из СССР[24], руководили действиями по отражению агрессии советский генерал, первый замначальника генштаба Василий Петров и его ассистент кубинский дивизионный генерал Арнальдо Очоа[25], присутствовал и генерал-лейтенант Григорий Борисов, бывший руководитель военной миссии в Сомали[26]. Сомалийская армия потерпела катастрофическое поражение в результате кампании, начавшейся в январе 1978 г. Хотя на одном из этапов конфликта она контролировала 90% спорной территории[27], в результате серии спланированных советскими специалистами и осуществленными местными вооруженными силами и кубинским контингентом операций[28], в марте руководство Сомали объявило о выводе войск[29].

[18] *Westad O.* The Global Cold War: Third World Interventions and the Making of Our Times. P. 273.

[19] Somalia. A Country Study (4th ed.). P. 183.

[20] Defence and foreign affairs Handbook. 1978. P. 155.

[21] Ethiopia. A Country Study (2004). P. 295.

[22] Ethiopia. A Country Study (2004). P. 295.

[23] Ethiopia. A Country Study (2004). P. 295.

[24] Somalia. A Country Study (4th ed.). P. 185–186.

[25] *Clayton A.* Frontiersmen: Warfare in Africa Since 1950. P. 103.

[26] *Garthoff R.* Detente and Confrontation. P. 704.

[27] Somalia. A Country Study (4th ed.). P. 185.

[28] См. подробнее: *Clayton A.* Frontiersmen: Warfare in Africa Since 1950. P. 104; Somalia. A Country Study (4th ed.). P. 186; *Clodfelter M.* Warfare and armed conflict. V. 2. P. 1010; Area Handbook for Ethiopia. P. 271.

[29] Somalia. A Country Study (4th ed.). P. 183.

Еще до того, в ноябре 1977 г. сомалийцы расторгли договор о сотрудничестве и порвали дипотношения с СССР[30], более 1700 специалистов, советников и членов их семей было выдворено в кратчайшие сроки[31]. Ряд исследователей полагает, что Сомали этим решительным шагом также сигнализировала свою готовность ради признания своих побед в Огадене пойти на сближение с США и Западной Европой[32]. Именно с этой эвакуацией связан первый эпизод применения Советской армией силы на Африканском Роге. Хотя основную массу советников и членов их семей эвакуировали самолетами[33], часть персонала и немало как военного, так и гражданского имущества, принадлежащего СССР, осталась в Могадишо, ожидая эвакуации по морю. Прибывшая из Южного Йемена группа военных судов не получила от сомалийцев разрешения войти в гавань, однако продемонстрировала готовность применить силу, совершив угрожающий маневр в непосредственной близости от берега, а потом совершила высадку десанта в порту, подкрепив пехоту танками и артиллерией. По свидетельству участников военной миссии в Сомали, за несколько лет до этого во время учений советская морская пехота продемонстрировала высокую квалификацию, высадившись на берег, прорвав укрепленную оборону местной армии и прошла по пустыне более 80 км до намеченной цели, поэтому сомалийские военные не рискнули оказывать сопротивление, хотя отмечались маневры местных малых судов в непосредственной близости от места высадки. Погрузив имущество и советских граждан, эскадра отбыла в Йемен[34].

После завершения огаденской кампании в аналитике высказывалось мнение, что сомалийцы снова позовут на подмогу СССР[35], и притом, хотя и сотрудничая с США, они предлагали в 80-е гг. нормализовать отношения[36], в 1986 г. открыли заново дипломатические представительства и в 1988 г. подписали однолетний договор о сотрудничестве в гуманитар-

[30] Historical Dictionary of Somalia (2nd ed.). P. 241–242.

[31] After Independence. Making and Protecting the Nation in Postcolonial and Postcommunist States. 122.

[32] After Independence. Making and Protecting the Nation in Postcolonial and Postcommunist States. 122.

[33] Курсом чести и славы. С. 361.

[34] Курсом чести и славы. С. 360.

[35] World Armies (ed. Keegan J.). P. 632.

[36] *Ingiriis M.* The Suicidal State in Somalia. The Rise and Fall of the Siad Barre Regime, 1969–1991. P. 152.

ной сфере[37]. Было бы интересно проследить, как бы могло расширяться и к чему привести сотрудничество в дальнейшем, но в конце 80-х СССР стал интенсивно сворачивать свою активность в «третьем мире», а потом сама Сомали претерпела гражданскую войну и де-факто распалась.

СССР, со своей стороны, сделал ставку на Эфиопию, обычно в стране присутствовало от 1700 до 2600 советников[38], а к 1988 г., когда СССР начал выступать за мирное разрешение конфликтов с сепаратистами, было 1000 военных советников из собственно СССР и 2000 из прочих Восточной Европы — ГДР, Болгарии, Чехословакии, Венгрии, Польши[39]. Советский флот расположился на архипелаге Дахлак в Красном море, после ссоры с Сомали туда транзитом через Асэб передвинули и плавучий док из Берберы[40], в 1981 г. обсуждался вопрос насчет базы ВМФ — саму Массауа отказались передать, обсуждался вариант размещения на побережье на полпути от Массауа до Асэба[41]. В разное время приезжали крупные советские военные чины: в июле 1980 г. адмирал Горшков; в апреле 1981 г. глава политдиректората Епишев; в июле 1981 г. заместитель министра обороны Соколов; в феврале 1984 г. вице-адмирал и командир флота в Индийском океане Дымов, в 1984 г. Петров, уже в ранге маршала[42].

После устранения сомалийской угрозы основным театром военных действий для эфиопской армии стала Эритрея, и в значительно меньшей степени периферийные области. Советские военные специалисты принимали участие только в эритрейском конфликте и практически исключительно в роли советников или оказывая поддержку силами флота. В военных действиях как таковых советские специалисты участия практически не принимали, хотя постоянно оказывали влияние на ход боевых действий. В 1977 г. Массауа удалось отстоять от эритрейцев благодаря поддержке советских боевых кораблей[43], в августе там провели морской десант, причем без потерь, командира наградили орденом Красного знамени[44]. Военные кампании «Красная звезда» в Эритрее планировались совместно советскими и эфиопскими советниками, а пятое наступление

37 Africa South of the Sahara. 1992 (21st ed.). P. 891.

38 Ethiopia. A Country Study (2004). P. 296.

39 Ethiopia. A Country Study (2004). P. 261.

40 Ethiopia. A Country Study (2004). P. 282.

41 *Sauldie M.* Ethiopia. Dawn of the Red Star. P. 221.

42 *Patman R.* The Soviet Union in the Horn of Africa. P. 259.

43 *Sherman R.* Eritrea: The Unfinished Revolution. P. 92.

44 Курсом чести и славы. С. 361–362.

в 1979 г. было проработано советскими советниками и некоторые из них лично руководили подразделениями[45]. В марте 1986 г. произошел один из немногих эпизодов, когда специалисты из СССР пострадали в связи с военными действиями после подрыва на мине автомашины, в которой они ехали[46].

Победа в Огадене и эритрейские успехи, продемонстрировавшие способности соцлагеря по части вмешательства в политические дела за своими границами, вызвали нескрываемое удовольствие в СССР: лично секретарь ЦК КПСС Пономарев высказался на эту тему, отметив, что результат — большое сплочение национально-освободительных сил и мирового социализма[47]. За 1977–90 гг. СССР пожертвовал Эфиопии имущества и услуг военного профиля на сумму в 13 млрд. долларов США[48].

Вместе с тем, военные усилия, продлившиеся более десятка лет, так и не принесли Эфиопии существенных результатов. СССР к концу 80-х сворачивал свою активность в «третьем мире», выводя свои военные силы и закрывая финансирование дружественных режимов. В июле 1989 г. состоялись первые прямые переговоры с эритрейцами именно при посредничстве советской стороны, организовывал процесс директор африканского департамента советского МИДа[49].

Уже в процессе финального наступления эритрейских повстанцев, приведшего в итоге к полному поражению эфиопской армии, падению правительства в Аддис-Абебе и созданию независимой Эритреи, в мае 1990 г. состоялось морское сражение между моторными лодками повстанцев и советским флотом. Тральщику «Разведчик», осуществлявшему конвоирование «своих», пришлось отбиваться от четырех катеров шведского изготовления с пулеметами и безоткатной артиллерией, он открыл ответную пальбу и пошел на прорыв, в чем и преуспел[50]. Через две недели в том же мае артиллерийскому катеру, опекавшему судно с уволенными в запас моряками, пришлось выдержать стычку с судами повстанцев. В ходе конфликта одно из эритрейских судов советские моряки потопили, сбрасывая глубинные бомбы по курсу преследователей, один катер перевернулся, остальные от погони отказались. На обратном

45 Ethiopia. A Country Study (2004). P. 295.

46 *Pateman R.* Eritrea: Even the Stones are Burning. P. 144.

47 *Patman R.* The Soviet Union in the Horn of Africa. P. 258.

48 Ethiopia. A Country Study (2004). P. 261.

49 Ethiopia. A Country Study (2004). P. 297.

50 Курсом чести и славы. С. 364.

пути катер повстречался с той же группой, на сей раз открыл ответный огонь, один корабль утопил, еще один вывел из боя, последний сбежал, бросив оказавшихся в воде товарищей[51], хотя высказывается в печати и мнение, что и глубинную бомбу и пулемет применяли исключительно в порядке демонстрации серьезности намерений, а потери оппонентов объясняют несчастливым для них стечением обстоятельств.

К 1991 г. контингент советников и специалистов покинул Африканский Рог, всего в Эфиопии в период присутствия там Советской армии погибло 33 человека из ее состава, из них 19 в авиакатастрофе, 3 от болезней и 3 от ран, в числе убитых числятся и 6 без вести пропавших[52].

Советская армия в своих действиях на Африканском Роге продемонстрировала неплохое качество стратегического планирования в условиях «третьего мира», особенно если учитывать невысокое качество союзников. Она также показала себя в состоянии грамотно организовывать боевые действия в классической широкомасштабной войне. Особо следует отметить хорошую организацию военной логистики, как на сверхдальние дистанции, так и на сложной местности в самом регионе. Таким образом, СССР продемонстрировал наличие возможности и готовности угрожать противникам и поддерживать союзников в любой части мира.

С другой стороны, успехи, по-видимому, вскружили голову советскому руководству, которое в 80-е годы, имея серьезные экономические проблемы, ввязалось в целый ряд внешнеполитических авантюр, к тому же весьма дорогостоящих. В т. ч., по-видимому, успехи на Африканском Роге повлияли на готовность расширять военное присутствие в Афганистане, каковая практика оказалась чрезвычайно контрпродуктивной. Также была продемонстрирована неподготовленность Советской армии к борьбе с повстанческими формированиями, но из этого также не было сделано никаких выводов, и опыт действий в Эритрее, несмотря на явное сходство условий с афганистанскими (труднодоступная горная местность как театр военных действий, бедное и построенное на трибальных принципах общество как основная среда обитания повстанцев, наличие внешней поддержки у них, и все это на фоне революционной ломки экономического и социального уклада в стране), никак не был обобщен и использован.

[51] Курсом чести и славы. С. 365–366.

[52] Россия и СССР в войнах XX века. С. 531–532.

Список литературы

Курсом чести и славы. М., 2006.
Россия и СССР в войнах XX века. М., 2001.
After Independence. Making and Protecting the Nation in Postcolonial and Postcommunist States. Ann Arbor, 2009.
Africa South of the Sahara. 1992. Oxford, 1991.
Area Handbook for Africa. Washington, 1973.
Area Handbook for Ethiopia. Washington, 1980.
Cities of the Middle East and North Africa. Santa-Barbara, 2007.
Clayton A. Frontiersmen: Warfare in Africa Since 1950. London, 2002.
Clodfelter M. Warfare and armed conflict. V. 2. London, 1992.
Connell D. Taking on the Superpowers: Collected Articles on the Eritrean Revolution, 1976–1983. V. 1. Trenton, 2003.
Defence and foreign affairs Handbook. 1978. London, 1977.
Ethiopia. A Country Study (2004). Washington, 2004.
Garthoff R. Detente and Confrontation. Washington, 1994.
Historical Dictionary of Civil Wars in Africa (2nd ed.). Lanham-Maryland-Oxford, 2008.
Historical Dictionary of Somalia (2nd ed.). Lanham-Maryland-Oxford, 2003.
Ingiriis M. The Suicidal State in Somalia. The Rise and Fall of the Siad Barre Regime, 1969–1991. New York, 2016.
The Long struggle of Eritrea for independence and constructive peace. Trenton, 1988.
Patman R. The Soviet Union in the Horn of Africa. Cambridge, 2009.
Pateman R. Eritrea: Even the Stones are Burning. Trenton, 1998.
Political Terrorism: A New Guide to Actors, Authors, Concepts, Data Bases, Theories, & Literature. New Jersey, 2005.
Sauldie M. Ethiopia. Dawn of the Red Star. Bombay, 1982.
Scheina R. Latin America's wars. V. 2. Lincoln (Nebrasca), 2003.
Sherman R. Eritrea: The Unfinished Revolution. Westport, 1980.
Somalia. A Country Study (4th ed.). Washington, 1993.
Westad O. The Global Cold War: Third World Interventions and the Making of Our Times. Cambridge, 2007.
World Armies (ed. Keegan J.). London, 1979.

Nosov V. A.

SPB GBU DM "FORPOST"; Center of Ethno-Religious Studies

Soviet Army on the African Horn

Summary: Soviet Army has been involved in the events in the Horn of Africa since the early 1960s, first taking part in creation and arming of Somalia army and then helping the revolutionaries of Ethiopia, indirectly participated in major regional conflicts such as the Ogaden conflict and the Eritrean War of Independence, and only occasionally applied force itself. In the process, Soviet Army demonstrated both many positive qualities and a number of weaknesses, in particular, in particular, in the field of preparations for the fight against insurgent formations, from the discovery of which no proper conclusions were drawn.

Keywords: USSR, Somali, Ethiopia, Eritrea, insurgents, Ogaden, Soviet Army

Bibliography

Kursom chesti i slavy. M., 2006.
Rossiya i SSSR v vojnah XX veka. M., 2001.
After Independence. Making and Protecting the Nation in Postcolonial and Postcommunist States. Ann Arbor, 2009.
Africa South of the Sahara. 1992. Oxford, 1991.
Area Handbook for Africa. Washington, 1973.
Area Handbook for Ethiopia. Washington, 1980.
Cities of the Middle East and North Africa. Santa-Barbara, 2007.
Clayton A. Frontiersmen: Warfare in Africa Since 1950. London, 2002.
Clodfelter M. Warfare and armed conflict. V. 2. London, 1992.
Connell D. Taking on the Superpowers: Collected Articles on the Eritrean Revolution, 1976–1983. V. 1. Trenton, 2003.
Defence and foreign affairs Handbook. 1978. London, 1977.
Ethiopia. A Country Study (2004). Washington, 2004.
Garthoff R. Detente and Confrontation. Washington, 1994.
Historical Dictionary of Civil Wars in Africa (2nd ed.). Lanham-Maryland-Oxford, 2008.
Historical Dictionary of Somalia (2nd ed.). Lanham-Maryland-Oxford, 2003.
Ingiriis M. The Suicidal State in Somalia. The Rise and Fall of the Siad Barre Regime, 1969–1991. New York, 2016.
The Long struggle of Eritrea for independence and constructive peace. Trenton, 1988.
Patman R. The Soviet Union in the Horn of Africa. Cambridge, 2009.
Pateman R. Eritrea: Even the Stones are Burning. Trenton, 1998.
Political Terrorism: A New Guide to Actors, Authors, Concepts, Data Bases, Theories, & Literature. New Jersey, 2005.
Sauldie M. Ethiopia. Dawn of the Red Star. Bombay, 1982.
Scheina R. Latin America's wars. V. 2. Lincoln (Nebrasca), 2003.
Sherman R. Eritrea: The Unfinished Revolution. Westport, 1980.
Somalia. A Country Study (4th ed.). Washington, 1993.
Westad O. The Global Cold War: Third World Interventions and the Making of Our Times. Cambridge, 2007.
World Armies (ed. Keegan J.). London, 1979.

УДК 355.01: 94 (4)
ББК 63.3 (0) 6

Александр Александрович КИСЕЛЁВ

доцент кафедры гуманитарных дисциплин, Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники (Минск, Беларусь)

E-mail: kiselev_aa@list.ru

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ РАБОТА В ВООРУЖЕННЫХ СИЛАХ РОССИИ: ОПЫТ И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ

В статье анализируется организация военно-исторической работы в вооруженных силах Российской империи, СССР и Российской Федерации. Показывается необходимость создания в российских вооруженных силах централизованной военно-исторической службы.

Ключевые слова: военная история, Россия, военно-историческая работа

В изучении военной истории в первую очередь заинтересовано военное ведомство, поскольку предполагается, что анализ опыта военных конфликтов послужит целям развития военной организации. По мере превращения в течение XIX–XX вв. армии в сложную бюрократическую организацию в ее структуре появляются отдельные элементы, призванные на профессиональной основе изучать военную историю.

Не осталась в стороне от этой тенденции и армия Российской империи. В частности, в дореволюционной русской армии начало формирования военно-исторической службы относят к 21 марта 1879 г., когда была создана Военно-историческая комиссия по описанию Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. при Главном штабе русской армии (с 1905 г. — при Главном управлении Генерального штаба). В 1886 г. описание войны на Кавказе было передано военно-историческому отделу штаба Кавказского военного округа. В 1906–1908 гг. аналогичные комиссии в военном и морском ведомствах создавались с целью составления хроники Русско-японской войны (1904–1905 гг.). По мнению современных историков «в начале XX века в Вооруженных Силах России сложилась стройная структура органов, позволяющих эффективно организовывать и проводить военно-историческую работу. Ее отличает неразрывное единство как штатных органов, так и общественных, созданных по инициативе широких армейских слоев»[1].

[1] *Заланский К. М.* Военно-историческая работа в русской армии (конец XIX — начало XX веков): автореферат дис…. кандидата исторических наук: 07.00.02. М., 1997. 28 с.

Российская революция 1917 г., оборвав преемственность между русской императорской армией и вооруженными силами советского государства, не привела к исчезновению практики изучения военной истории специализированными органами в составе военного ведомства. Первым военно-историческим органом Красной армии стала Военно-историческая часть, образованная 8 мая 1918 г. в составе Оперативного управления Всероссийского главного штаба. Однако штаб, занятый большой организационной работой, был не в состоянии успешно изучать опыт еще продолжавшейся гражданской войны. 13 ноября 1918 г. вместо расформированной военно-исторической части был создан военно-исторический отдел. Однако отдел в составе 29 чел., как и весь Всероссийский главный штаб, был преимущественно занят текущими делами, а не историческими исследованиями. 13 августа 1918 г. Наркомвоен учредил военно-историческую комиссию из 94 человек. Организационно она состояла из председателя комиссии, редакционной коллегии, ученой части (оперативная, политическая, военно-морская секции и секция по подготовке к войне и военному искусству), насчитывавшей 40 человек, а также технически-административной части (административно-издательское, два архивных и хозяйственное отделения). Первоначально комиссия функционировала при военно-исторической части и военно-историческом отделе Всероссийского главного штаба, с 15 апреля 1921 г. находилась при Реввоенсовете Республики, а 30 апреля того же года вошла в состав вновь образованного Штаба РККА и подчинялась непосредственно первому помощнику начальника штаба.

С 1924 г. руководство военно-исторической работой сосредоточивается непосредственно в Штабе РККА. С этой целью военно-историческая комиссия Реввоенсовета СССР была упразднена и на ее основе 15 апреля 1924 г. вновь учреждается военно-исторический отдел Штаба РККА. Его возглавил молодой советский военный историк В. А. Медиков, а учрежденные в составе отдела две части (по гражданской войне и первой мировой войне) — соответственно Н. Е. Какурин и П. В. Черкасов[2].

Для объединения всей военно-научной работы в Красной Армии, согласованности в деятельности военно-исторического отдела с военно-научным отделом Высшего военного редакционного совета, ведавшего изучением военно-стратегической литературы, и главной уставной редакцией, занимавшейся разработкой уставов, помощник начальника Штаба РККА М. Н. Тухачевский предложил образовать в составе Штаба РККА Управление по исследованию и использованию опыта войн. 10 февраля 1925 г. М. В. Фрунзе подписал приказ о создании Управления по исследованию и использованию опыта войн, состоящего из трех отделов (военно-исторического, военно-научного, уставного) и библиотечной части, включавшей московское и ленинградское отделения Объединенной библиотеки РККА и библиотеку Председателя РВС СССР. Всего в управлении было 39 чел., а с 1 ноября 1925 г. в связи с включением в управление и Музея РККА его состав увеличился на десять человек. Начальником управления был назначен активный участник гражданской войны Л. Я. Лапин, а его помощником — В. А. Меликов; последний с ноября 1925 г. стал начальником этого управления.

Однако при очередной реорганизации центрального аппарата Народного комиссариата по военным и морским делам, проведенной в июле 1926 г., вместо Управления по исследованию опыта войн в составе Штаба РККА был создан научно-уставной отдел, деятельность которого фактически сводилась к созданию уставов. Это привело к резкому сокращению военно-исторических исследований. В частности, в 1928 г. начальник Штаба РККА Б. М. Шапошников констатировал, что если в СССР военно-исторические труды составляют 1,8% от общего объема военной литературы, то в зарубежных странах их процент сравнительно высок, в частности во Франции — 29,8%, в Германии — 28,2%, в Польше — 17,8%[3].

В результате 3 февраля 1932 г. в составе Штаба РККА был восстановлен и начал свою деятельность военно-исторический отдел. По предложению Штаба РККА Реввоенсовет СССР утвердил план написания многотомной истории первой мировой войны, истории гражданской войны и трехтомника истории войн и военного искусства. Эти меры положительно сказались не только на изучении проблем военной истории, но и на развитии советской военной теории.

С переименованием в 1935 г. Штаба РККА в Генеральный штаб военно-исторический отдел стал именоваться научным военно-историческим отделом. Этим подчеркивалась его роль как научного органа не только в обобщении опыта минувших войн, но и в обеспечении разработки проблем военной теории. В 1935–1936 гг. под руководством отдела были выпущены три номера «Военно-исторического бюллетеня». С августа

[2] *Захаров М. В.* Генеральный штаб в предвоенные годы // Сайт «Милитера» (Военная литература) [Электронный ресурс]. // Режим доступа: http://militera.lib.ru/memo/russian/zaha-rov_mv/02.html (Дата доступа: 02.02.2017).

[3] Там же.

1939 г. по решению ЦК партии началось издание «Военно-исторического журнала» — ежемесячного научного органа НКО, а с января 1941 г. — Генерального штаба РККА. Журнал освещал вопросы истории войн, военного искусства и международных отношений.

Во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. в штабах армий создавались отделения, в штабах фронтов, видов Вооружённых сил и в управлениях родов войск — отделы, а в Генеральном штабе — отдел (с марта 1944 г. — управление) по изучению и использованию опыта войны.

В послевоенный период в составе Генерального штаба Вооруженных Сил СССР было сформировано Военно-историческое управление, осуществлявшее общее руководство военно-исторической работой в Вооружённых силах, описание Великой Отечественной войны, а также важнейших её операций и боёв соединений (частей), разработку и обобщение статистических материалов. Наконец, 5 ноября 1966 г. был учрежден Институт военной истории Министерства обороны СССР, который превратился в главный ведомственный научный центр изучения военной истории.

Ведением военно-исторической работы в армии Российской Федерации занимаются подразделения, сложившиеся преимущественно на основе соответствующих структур советских вооруженных сил. В частности, головным учреждением в области военной истории российской армии на данный момент является Научно-исследовательский институт военной истории в составе Академии Генерального штаба, являющийся преемником Института военной истории.

Современная структура органов военно-исторической работы определена в Положении о военно-исторической работе, утвержденной приказом Министра обороны Российской Федерации от 1 декабря 2014 г. и вступившим в действие с 1 марта 2015 г.[4] Общее руководство военно-исторической работой в Вооруженных Силах осуществляет Генеральный штаб. Организационно-методическое руководство военно-исторической работой в Вооруженных Силах в целом, а также научно-методическое руководство проведением военно-исторических исследований осуществляет Военно-научный комитет Вооруженных Сил. В составе Военно-научного комитета Вооруженных Сил Российской Федерации функционирует 9-й отдел (организации и планирования военно-исторической и редакционно-издательской деятельности ВС РФ), который занимается разработкой проектов руководящих документов по организации и проведению военно-исторической работы в Вооруженных Силах, организацией планирования военно-исторической работы, осуществлением научного сопровождения военно-исторических исследований и разработкой военно-исторических трудов, оценкой качества указанных исследований и трудов. Отдел представляет начальнику Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации результаты контроля проведения военно-исторической работы, готовит материалы военно-исторического характера для Министра обороны и его заместителей, организовывает научные военно-исторические конференции, проводимые под руководством Министра обороны и его заместителей.

Научно-методическое руководство военно-исторической работой в видах и родах войск, военных округах, центральных органах военного управления осуществляют соответствующие штабы или управления. В свою очередь организационно-методическое руководство военно-исторической работой проводят военно-научные отделы (группы) видов и родов войск, подразделения научной и военно-исторической работы военных округов российских вооруженных сил.

Особенность организации военно-исторической работы заключается в том, что ее разные виды и формы разделены между армейскими структурами, а не сосредоточены под руководством какого-то одного органа военного управления, в подчинении которого находились бы и соответствующие исполнительские структуры. В частности, на Главное управление по работе с личным составом Вооруженных Сил возложены задачи в части государственно-патриотического воспитания военнослужащих:

— организация изучения военной истории личным составом в системе общественно-государственной подготовки;

— планирование и организация в установленном порядке выполнения мероприятий по пропаганде военной истории в средствах массовой информации;

— разработка и доведение до органов военного управления и войск (сил) методических рекомендаций по организации проведения мероприятий в дни воинской славы (победные дни) России;

— организация методического обеспечения военно-исторической деятельности военных музеев, образований музейного типа и комнат воинской славы;

[4] Приказ Министра обороны Российской Федерации от 1 декабря 2014 г. № 870 «О военно-исторической работе в Вооруженных Силах Российской Федерации» // Гарант. Информационно-правовое обеспечение [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://base.garant.ru/71153820/ — Дата доступа: 02.01.2016.

— организация в установленном порядке взаимодействия с ветеранскими организациями, Российским военно-историческим обществом и военно-историческими клубами;

— организация создания и выпуска кинофильмов и видеоматериалов, посвященных героическим традициям Вооруженных Сил;

— внедрение в практику работы с личным составом результатов военно-исторических исследований;

— выработка рекомендаций по применению исторического опыта в укреплении воинской дисциплины;

— участие в мероприятиях по разоблачению фальсификации военной истории.

Архивная служба Вооруженных Сил организует использование архивных документов в интересах военно-исторической работы и обеспечивает работу исследователей; готовит по указанию Министра обороны Российской Федерации и его заместителей обобщенные справочные материалы на основе архивных документов; организует выставки архивных документов; исполняет на основе архивных документов запросы и письма, поступающие в адрес Министерства обороны и Генерального штаба; осуществляет выдачу архивных справок, копий и выписок из архивных документов.

На Военную академию Генерального штаба Вооруженных Сил возлагаются задачи по разработке методологии военно-исторических исследований, а также координации научной работы по проблемам военно-исторических исследований. Научно-исследовательскому институту военной истории в структуре Военной академии Генерального штаба, который был создан в июне 2010 г. путем реорганизации Института военной истории Министерства обороны, поручаются следующие задачи:

— выполнение научных исследований в области военной истории, осуществляет подготовку военно-исторических, военно-теоретических и научно-справочных трудов, статистических и документальных сборников, учебных и методических материалов по военной истории и военно-исторической работе в Вооруженных Силах;

— проведение по планам Министерства обороны (Генерального штаба) научных конференций, совещаний и других мероприятий по военно-исторической проблематике;

— осуществление научно-методического обеспечения мероприятий военно-исторической направленности, проводимых органами военного управления;

— осуществление научно-методической помощи органам государственной власти, субъектам и регионам Российской Федерации в проведении военно-исторических мероприятий;

— выполнение задачи по научной информации в Вооруженных Силах в части истории войн и военного искусства;

— осуществление подготовки и аттестации научных кадров по военно-историческим специальностям;

— осуществление международных научных связей по проблемам военной истории;

— организует работу по обобщению исторического опыта ведения боевых действий войск (сил);

— проводит работу по разоблачению фальсификаций военной истории;

— организует и проводит научную экспертизу учебников, пособий, других трудов по военно-исторической тематике, памятных дат образования органов военного управления и организаций Министерства обороны;

— осуществляет сбор, обобщение, систематизацию и отражение в военно-энциклопедических изданиях совокупности знаний в области отечественной и зарубежной военной истории;

— участвует в определении основных направлений и проблематики научных исследований в области военной истории;

— осуществляет научно-методическое руководство подготовкой и проведением военно-исторических олимпиад (в том числе международных).

Следует отметить, что Институт сохранил роль главного научно-исследовательского учреждения Российской Федерации в области военной истории. Основными направлениями в многогранной деятельности института являлись и продолжают оставаться исследование широкого круга вопросов отечественной и зарубежной военной истории, создание на этой основе фундаментальных многотомных трудов, монографий, научно-исследовательских работ, учебников, учебных пособий и документальных сборников. При этом особое место по праву принадлежит проблематике Великой Отечественной и Второй мировой войн. Например, с момента основания до 2011 г. (когда Институт стал НИИ военной истории в составе Академии Генерального штаба) сотрудниками Института было создано около 1500 научных трудов, в том числе более 30 фундаментальных, изданных общим тиражом свыше 19 млн экземпляров. 28 научных трудов удостоены различных премий, награждены медалями и отмечены дипломами. Более 100 работ переведены на иностранные языки и изданы за рубежом. В 2011 г. в НИИ трудилось 15 докторов наук и 67 кандидатов наук. В 2017 г. состав институ-

та образовывали четыре научных управления: отечественной военной истории от древности до военной реформы 1920-х годов; отечественной военной истории от военной реформы 1920-х годов до наших дней; зарубежной военной истории и военно-энциклопедическое управление. Кроме того, в структуру входили четыре самостоятельных научно-исследовательских отдела: общих проблем и методологии военной истории; координации и планирования, военной статистики, военной истории Северо-Западного региона (2002 г.), а также подразделения обеспечения. В интересах развития Государственного военно-исторического музея-заповедника «Прохоровское поле» в составе Института был сформирован научно-исследовательский отдел (военной истории Центрального региона РФ), осуществляющий большую научную работу по изучению малоизвестных страниц истории Курской битвы (1943 г.). В перспективе рассматривается вопрос о формировании аналогичных отделов Института в Крыму и на Дальнем Востоке[5].

Основной акцент в своей исследовательской деятельности Институт делает на истории Второй мировой войны. Так, главным научным трудом Института по этому направлению является «История Второй мировой войны 1939–1945» в 12-ти томах, за которую авторы были удостоены Ленинской и Государственной премий. Однако уже в условиях Российской Федерации была выполнена задача по подготовке фундаментального многотомного труда «Великая Отечественная война 1941–1945 гг.», в котором планировалось отразить изменения, произошедшие в историографии после 1991 г. Следует отметить, что это издание встретило неоднозначное отношение среди историков: некоторые отмечали, что авторский коллектив в основном воспроизвел еще старое советское издание. В рамках государственной программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2011–2015 годы» в учреждении разрабатывались научно-исторические труды «Великая Отечественная война. Мифы и реальность», «История создания и развития оборонно-промышленного комплекса России и СССР. 1900–1963 годы» в 6-ти томах (вышли пока не все запланированные выпуски).

Особой гордостью Института является Военно-историческая библиотека. Ее фонды насчитывают более 137 тыс. экземпляров книг и брошюр, в том числе более 5 тыс. на иностранных языках, и более 25 тыс. периодических изданий и комплектов газет[6]. При Военной исторической библиотеке Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации создан исторический научно-образовательный центр (офицеров, генералов и служащих Вооруженных Сил РФ) по изучению военной истории Вооруженных Сил Российской армии. В центре проводятся научно-исторические и научно-теоретические конференции, планируется издание исторического альманаха и др. При историческом научно-образовательном центре работает Школа юных историков (курсанты суворовских и Нахимовского училищ, кадетских корпусов Санкт-Петербурга)[7].

Парадоксальной особенностью организации военно-исторической работы в российской армии стало исключение из военно-исторической работы Управления Министерства обороны Российской Федерации по увековечению памяти погибших при защите Отечества. Деятельность этого Управление определяется как военно-мемориальная.

В целом согласно данным приведенным в докладе замначальника Генерального штаба Российской Федерации генерал-полковника А. Скворцова в 2008 г. в Вооруженных Силах России военно-исторической работой непосредственно занималось 333 военнослужащих и 318 гражданских специалистов, однако из этого числа 101 военнослужащих занимались этой работой не штатно (30,3%), а из гражданских сотрудников — 48 (15,1%), т. е. на постоянной основе трудились 232 военнослужащих и 270 лиц гражданского персонала[8]. Конечно, с учетом произошедших в российской армии сокращений и структурных перемен численность персонала, занимающегося на профессиональной основе военно-исторической работой, вероятно, сократилась, однако имевшийся в 2008 г. состав при условии соответствующей кадровой политики и институциональной организации был бы достаточным.

---

5 *Басик, И. И.* Научно-исследовательский институт (военной истории) Военной академии Генерального штаба вооруженных сил Российской федерации: история и современность // Военно-исторический журнал. 2016. № 11. С. 3–10.

6 *Кольтюков А. А.* Институт военной истории: вчера, сегодня, завтра // Военно-исторический журнал. 2006. № 10. С. 21–27.

7 Военная историческая библиотека Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ens.mil.ru/science/lib_gs/about.htm (Дата доступа: 02.02.2017).

8 *Скворцов, А. С.* О перспективах развития военно-исторической работы в свете решений о подготовке и проведении празднования 65-летия памятных дат Великой Отечественной войны 1941–1945 годов // Наука — XXI. Фонд содействия научным исследованиям проблем безопасности [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://naukaxxi.ru/doklad-as-skvortsova-o-perspektivah-razvitiya-voenno-istoricheskoy-raboty-v-svete-resheni-y-o-podgotovke-i-provedenii-prazd-novaniya-65-letiya-pamyatnyh-dat-velikoy-otechestven-noy-voyny-1941–1945-godov/ (Дата доступа: 03.01.2016).

Описанная выше организация военно-исторической работы, разумеется, имеет под собой определенные рациональные соображения и практический опыт. Однако несет с собой и неизбежные принципиальные недостатки, причем самым главным является отсутствие системности в военно-исторической работе. Так, заместитель начальника Генерального штаба генерал-майор С. Суворов в 2015 г. указывал на то, что военно-историческая работа понимается как «система получения научных знаний в области военной истории и их эффективного использования в военной науке, образовании и воспитании военнослужащих, равно как и в других сферах деятельности Вооружённых Сил». Вместе с тем он был вынужден констатировать, что «у нас же, как прозвучало на сборе, противоположностью системности и непрерывности является проведение военно-исторической работы от случая к случаю»[9].

Решение проблемы видится высокопоставленным военным руководителям в «повышении исполнительности». Однако представляется, что решение проблемы кроется не столько в дисциплинарных аспектах исполнительской культуры, сколько в институциональных несовершенствах организации военно-исторической работы. Разобщенность по разным управлениям и организациям ведения военно-исторической работы неизбежно приводит к снижению ее качества. В частности, в своем докладе С. Суворов отметил, что «из многомиллионного количества архивных документов в научный оборот, по последним подсчётам, пока введено около 25–30%. В разработанных трудах продолжают появляться “заимствования” из ранее изданных материалов, что подменяет кропотливую работу в архивах и научный анализ»[10]. Руководитель Военно-научного комитета вынужден был признать, что такое положение обусловлено недостатками «в работе архивов. Исследователям попросту не всегда предоставляются нужные документы, а многие материалы не востребованы по причине… элементарного отсутствия сведений об их наличии». Такая проблема фиксировалась очень давно: например, в 2005 г. на аналогичном совещании отмечалось, что «продолжает оставаться на низком уровне использование новых архивных документов»[11].

[9] *Семенов Д.* Оружием правды // Красная звезда [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.redstar.ru/in-dex.php/newspaper/item/222–34-oruzhiem-prav-dy (Дата доступа: 02.02.2016).

[10] *Семенов Д.* Указ. соч.

[11] *Глушкова Ю. А.* Заседание Координационного научного совета по военно-исторической работе // Военно-исторический журнал. 2005. № 8. С. 19.

Вместе с тем если бы такое специализированное военно-историческое хранилище документов как Центральный архив Министерства обороны (ЦАМО) непосредственно входил в подчинение, например, НИИ военной истории Академии Генерального штаба Российской Федерации, то в этом случае удалось бы со временем преодолеть данную проблему. Дело в том, что архивисты зачастую видят свою основную задачу в создании оптимальных условий для сохранности документации, не вникая в суть находящихся на хранении документов, то историки в первую очередь рассматривают документ как источник уникальной информации о событиях прошлого, могут грамотно оценить его значение и использовать, в том числе для противодействия фальсификации истории Великой Отечественной войны. Отнюдь неслучайно «распыленность» сказалась и на том, что «не всегда сохранялась взаимосвязь их научных результатов с задачами Вооруженных сил и проблемными вопросами обеспечения военной безопасности России»[12].

С другой стороны, понятно, что Главное управление по работе с личным составом Вооруженных Сил заинтересовано в использовании военно-исторических знаний в практике воспитательной работы, формировании и укреплении воинских традиций в армии. В этой связи данное управление не может не выступать в роли заказчика. Однако Положение навязывает Главному управлению и подчиненным ему нижестоящим структурам ряд задач, которые должны выполнять соответствующим образом подготовленные специалисты. Например, Главное управление обязано планировать и организовывать в установленном порядке выполнение мероприятий по пропаганде военной истории в средствах массовой информации. Однако на практике это приводит к тому, что военно-историческая работа проводится, «как правило, в рамках празднования очередных памятных дат». Такое узкое место неизбежно, поскольку аппарат Главного управления не настолько компетентен в области военной истории, чтобы своими силами заниматься военно-историческими музеями, создавать кинофильмы по военно-исторической тематике и планировать пропаганду событий из русской военной истории. Критика в адрес Управления на предмет недостаточной активности ведения работы «по противодействию искажениям и фальсификации отечественной истории Главным управлением воспитательной рабо-

[12] Заседание Координационного научного совета по военно-исторической работе // Военно-исторический журнал. 2007. № 9. С. 3–7.

ты ВС РФ»[13] не является случайной. Однако проблема, как представляется, заключается не в нежелании проявлять активность, а в низком уровне компетенции в этой области. Представляется, что часть задач, связанных с планированием и организацией военно-исторической работы следовало бы поручить специализированной структуре военно-исторической службы.

Вместе с тем, необходимость институциональных изменений для повышения качества военно-исторической работы постепенно осознается и руководством военно-научного комитета Генерального штаба Российской Федерации. В частности, Положение предписывает военно-учебным заведениям организовать изучение исторического опыта ведения боевых действий войск, истории войн и военного искусства (военной истории), а также осуществить обучение методике организации и проведения военно-исторической работы в Вооруженных Силах. Кроме того, от военных учебных заведений требуется участие в разработке учебников и учебных пособий по истории войн и военного искусства, и подготовка научных и научно-педагогических кадров в области военной истории. Этим перечень задач не исчерпывается, поскольку от сотрудников военно-учебных заведений еще ожидается участие в проведении военно-исторических исследований, организация военно-исторических конференций, военно-исторических полевых поездок, семинаров и других мероприятий на военно-исторические темы. Однако на практике почти отсутствует субъект, призванный исполнять круг данных задач в военно-учебных заведениях: от преподавания до подготовки научных кадров.

В этой связи во всех военно-учебных заведениях Российской Федерации планируется открыть кафедры военной истории. Так, по словам, генерал-майор С. Суворова, вопрос совершенствования преподавания военной истории поднят начальником Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации, материалы для доклада по вопросам формирования соответствующих кафедр в тех учебных заведениях, где они отсутствуют, уже подготовлены. По информации заместителя начальника Военной академии Генерального штаба генерал-майора С. Чваркова, в академии во исполнение решения министра обороны Российской Федерации по усилению роли и значимости истории военного искусства в подготовке военных

[13] *Глушкова Ю. А.* Заседание Координационного научного совета по военно-исторической работе // Военно-исторический журнал. 2005. № 8. С. 3.

специалистов уже принято решение выделить военную историю в отдельную дисциплину[14]. Более определенно ситуацию с кадрами военных историков обрисовывают сами сотрудники Института военной истории. Так, по словам историка В. Кикнадзе, «проблема восполнения кадров военных историков в ближайшее время (3–5 лет) существенно обострится. Развитие кадров военных историков с высшей научной квалификацией вызывает особое опасение. Очередная необоснованная оптимизация органов военно-исторической работы и науки может поставить под сомнение способность решения государственных задач по формированию единой исторической культуры российского общества, обеспечению национальной безопасности России в целом»[15].

Интересно, что проблема с отсутствием кадров, подготовленных для ведения военно-исторической работы, отмечалась достаточно давно. Так, на заседании Координационного совета в 2007 г. констатировалось «недоукомплектованность организаций и учреждений Вооруженных сил квалифицированными научными кадрами, способными организовать военно-историческую работу, фундаментальные и прикладные исследования с использованием последних достижений отечественной и зарубежной военно-исторической науки, и историографии»[16]. Фактически тоже самое говорилось в 2004 г., когда в качестве недостатков военно-исторической работы называлось «неукомплектованность научных организаций и органов управления научной работой подготовленными кадрами в области военной истории и отсутствие системы их подготовки в ВС РФ; отсутствие полноценной базы данных по научным исследованиям в области военной истории, особенно по научным исследованиям в области истории военного искусства

[14] *Семенов Д.* Оружием правды // Красная звезда [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.redstar.ru/in-dex.php/newspaper/item/222–34-oruzhiem-prav-dy (Дата доступа: 02.02.2016).

[15] *Кикнадзе В. Г.* Информационно-идеологическая работа и военная история в обеспечении безопасности России: проблемы и пути решения // Наука. Общество. Оборона. 2016. № 1 (6) [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.noo-journal.ru/nauka-obshestvo-oborona/2016-1-6/article-0062/ (Дата доступа: 23.02.2017).

[16] Заседание Координационного научного совета по военно-исторической работе // Военно-исторический журнал. 2007. № 9. С. 3.

и строительства видов Вооруженных сил и родов войск, в области зарубежной военной истории»[17].

Вместе с тем, несмотря на то, что, по словам председателя Военно-научного комитета Вооружённых Сил Российской Федерации — заместителя начальника Генерального штаба Вооруженный Сил Российской Федерации генерал-майора С. Суворова, «высоких результатов» военно-исторической работы «можно достичь только совместными действиями заказчиков военно-исторической продукции, исполнителей, а также архивов, которые предоставляют главную информационную основу для исследований»[18] на организационном уровне вопрос о создании единой военно-исторической службы, который бы объединял в одно целое архивную службу военного ведомства, научно-исторические подразделения, военные музеи и структуры ответственные за популяризацию истории Великой Отечественной войны в Интернет-пространстве, СМИ и т. д., не ставится. Интересно, что в ведомственной печати этот вопрос поднимался. В частности, в ведущем специализированном издании страны «Военно-историческом журнале» утверждалось, что «необходима система (совокупность квалифицированных и достаточно обеспеченных сил, средств — административных и научных учреждении, научных кадров и профессионально-ориентированный медиаиздательский холдинг, а также управляемого комплекса мероприятий), направленная на противодействие угрозам в сфере военной истории Российского государства и эффективную реализацию военно-исторических знаний как фактора развития страны»[19].

Член редакционного совета журнала сослался на опыт США. В. Г. Кикнадзе указал на то, что «весьма полезным может оказаться опыт деятельности аналогичных структур зарубежных стран. Например, функционирующая при Госдепартаменте США служба историков (Office of the Historian), осуществляющая подготовку официального свода документов дипломатии и специфический исторический анализ»[20]. Вместе с тем показательно, что опыт организации военно-исторической работы

[17] Заседание Координационного научного совета по военно-исторической работе // Военно-исторический журнал. 2004. № 9. С. 6.

[18] *Семенов Д.* Оружием правды // Красная звезда [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.redstar.ru/in-dex.php/newspaper/item/222–34-oruzhiem-prav-dy (Дата доступа: 02.02.2016).

[19] *Кикнадзе В. Г.* Военная история и безопасность России // Военно-исторический журнал. 2010. № 5. С. 20.

[20] Там же.

в вооруженных силах США в статью не попал. В другой своей статье В. Г. Кикнадзе писал, что «идея создания в стране единого центра военной истории, которая не утратила своего значения в 1990-е, требует безотложной реализации сегодня»[21]. Во многом ситуация корректируется в положительную сторону наличием самостоятельной научно-исследовательской организации, которая имеет в своем составе научный совет по защите диссертационных исследований по военно-историческому профилю, активно продвигаемым новым формам сотрудничества военного ведомства с иными государственными структурами и общественными организациями, научным сообществом.

Таким образом, в российских вооруженных силах не сложилось военно-исторической службы как централизованной автономной организации, руководящей всеми видами и формами военно-исторической деятельности: от исторических исследований и архивных хранилищ до музейных выставок. Свою независимость в системе управления сохраняют архивное ведомство и военные музеи. Единственным специализированным учреждением в области военной истории является Научно-исследовательский институт (военной истории) Военной академии Генерального штаба Вооружённых сил Российской Федерации. При этом следует отметить, что среди российских военных историков есть осознание необходимости преодоления разобщенности в области военно-исторической работы путем создания отдельной службы или центра.

Список литературы

Басик И. И. Научно-исследовательский институт (военной истории) Военной академии Генерального штаба вооруженных сил Российской федерации: история и современность // Военно-исторический журнал. 2016. № 11. С. 3–10.

Глушкова Ю. А. Заседание Координационного научного совета по военно-исторической работе // Военно-исторический журнал. 2005. № 8. С. 19.

Кикнадзе В. Г. Военная история и безопасность России // Военно-исторический журнал. 2010. № 5. С. 19–21.

Кольтюков А. А. Институт военной истории: вчера, сегодня, завтра // Военно-исторический журнал. 2006. № 10. С. 21–27.

[21] *Кикнадзе В. Г.* Информационно-идеологическая работа и военная история в обеспечении безопасности России: проблемы и пути решения // Наука. Общество. Оборона. 2016. № 1 (6) [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.noo-journal.ru/nauka-obshestvo-oborona/2016-1-6/article-0062/ (Дата доступа: 23.02.2017).

Aleksandr Aleksandrovich KISELEV
Assistant Professor of Department of Humanitarian Disciplines, Belarussian State University of Informatics and Radioelectronics (Minsk, Belarus)
E-mail: kiselev_aa@list.ru

Military history activities in the armed forces of the Russia: experience and problems of development

The article analyzes the organization of military historical activities in the armed forces of the Russian Empire, the USSR and the Russian Federation. It is shown the necessity to create a centralized military-historical service in the Russian armed forces.

Keywords: military history, Russia, military history activities.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

БССР — Белорусская советская социалистическая республика
БШПД — Белорусский штаб партизанского движения
ВГК — верховный главнокомандующий
ВИМАИВиВС — Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи
ВКП (б) — Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
ВОСО — военные сообщения
ВРК — Военно-революционный комитет
ВСЮР — Вооруженные силы Юга России
ВУА — военно-ученый архив
ГАРО — Государственный архив Ростовской области
ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации
ГВТУ — Главное военно-техническое управление
ГИМ — Государственный исторический музей
ГПИБ — Государственная публичная историческая библиотека
ГУГШ — Главное управление Генерального штаба
ГШ — Генеральный штаб
ИАК — Императорская археологическая комиссия
ИИМК — Институт истории материальной культуры
ИРАО — Императорская российское археологическое общество
КП(б)Б — Коммунистическая партия (большевиков) Белоруссии
МВД — Министерство внутренних дел
МИУ — Морское инженерное училище
МКК — Морской кадетский корпус
НА — научный архив
НИАБ — Национальный исторический архив Беларуси
НКО — Народный комиссариат обороны
ОПИ — отдел письменных источников
ОСОАВИАХИМ — Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству
ПСЗРИ — Полное собрание законов Российской империи
РАН — Российская Академия наук
РГАВМФ — Российский государственный архив Военно-морского флота
РГВА — Российский государственный военный архив
РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив
РГИА — Российский государственный исторический архив
РГНФ — Российский гуманитарный научный фонд
РККА — Рабоче-крестьянская красная армия
РКП(б) — Российская коммунистическая партия (большевиков)

РОА — Русская освободительная армия
РО — рукописный отдел
РСДРП(б) — Российская социал-демократическая рабочая партия (большевиков)
РСФСР — Российская советская федеративная социалистическая республика
РФФИ — Российский фонд фундаментальных исследований
СПбГУ — Санкт-Петербургский государственный университет
СПбГУПТД — Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна
СПбГУТ — Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича
СПбцРАН — Санкт-Петербургский научный центр Российской Академии наук
ТВД — театр военных действий
ЦАНТДМ — Центральный архив научно-технической документации Москвы
ЦГАМО — Центральный государственный архив Московской области
ЦГАНТД СПб — Центральный государственный архив научно-технической документации Санкт-Петербурга
ЦГИА СПб — Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга
ЦХД — Центр хранения документов
ШПА — Школа прапорщиков по Адмиралтейству
ЭКС — Экспедиция кремлевского строения
ЭПРОН — Экспедиция подводных работ особого назначения

СОДЕРЖАНИЕ

Громов А. В.
Мемориализация наследия генерала от инфантерии П. С. Котляревского в музейных комплексах России и зарубежья 3

Гронский А. Д.
Концепты «своя война» и «не своя война» в белорусском идеологическом дискурсе 19

Михайлов А. А., Бринюк Н. Ю.
Зарождение военной географии и военной статистики как самостоятельных наук в России в первой трети XIX в. 30

Терентьев В. О.
Нейшлотский пехотный полк в наполеоновских войнах 47

Сапожников А. И.
Набег летучих отрядов Дёрнберга и Чернышева на Люнебург 21 марта 1813 г. 57

Миловидов Б. П.
Между кодификационным идеалом и административно-правовым хаосом: к истории законодательства о турецких пленных в России в 1828–1829 гг. 81

Мигунов С. С.
Виленский арсенал в системе оборонительных укреплений западных губерний во второй четверти XIX в. 114

Хорват И.
От Вилагоша до Крыма 121

Доник К. В.
«Герой проигранных сражений»: фигура князя А. С. Меншикова (1787–1869) в историографии и проблемы исторической памяти 125

Хозиков В. И.
«Ракето-торпеды» Иммануила Нобеля 146

Славнитский Н. Р.
Из повседневной жизни гарнизона Санкт-Петербургской крепости: попытки заключенных наладить связи с товарищами по воле (1870-е и 1880-е гг.) 157

Башмаков М. Б.
Московская военно-фельдшерская школа (конец XIX — начало XX в.) 165

Лапин В. В.
Памятник броненосцу «Русалка» в Таллине. Корабль. Монумент. Историческая память 198

Медведева М. В., Соболев В. Ю.
Жизнь В. Н. Глазова — судьба русского офицера в конце XIX — начале XX в. 216

Рудакова Л. П.
Линия судьбы: генерал-майор князь В. А. Микеладзе (1875–1951) 231

Емельянов С. Н.
Участие военного духовенства в больших маневрах 1902 г. 243

Аранович А. В., Безродин В. А.
К вопросу об особенностях военного костюма Русской императорской армии во время Русско-японской войны (1904–1905 гг.) 250

Фомин А. Ю.
«Русский инвалид» и «Военный голос»: к истории полемики 260

Сафаев А. Е.
Всероссийский праздник воздухоплавания 1910 г. по материалам российских газет 270

Ильина Т. Н.
«Самые дорогие письма, депеши и документы». Генерал-лейтенант Б. В. Адамович 288

Бочков Е. А.
Организация материально-технического обеспечения Русской армии накануне Первой мировой войны 326

Мажара П. Ю.
События Первой мировой войны и революции в мемуарах капитана 1-го ранга Д. И. Дарагана 340

Кипнис Б. Г.
Генералы П. К. Ренненкампф и А. Е. Эверт: два стиля управления армией (1914 г.) 352

Пищулин С. А.
Казачьи пластунские подразделения на полях Великой войны 368

Назаренко К. Б.
Русское морское офицерство Первой мировой войны в зеркале цифр: анализ сословного происхождения 374

Орлов А. В.
Между войной и миром: Германия, Австро-Венгрия и Россия на пути к сепаратному миру (март — май 1917 г.) 388

Куденис В.
Военный агент в Бельгии А. К. Прежбяно в 1917 году 408

Лисенкова Л. Н.
Русская армия в 1917 году (по воспоминаниям полковника Л. Н. Новосильцева) 429

Яковкин Е. В.
На защите «Зимнего»: последние защитники Временного правительства. К истории Октябрьского вооруженного переворота 1917 г. 445

Бочаров В. О.
«Тот самый» броневик: подлинная история знаменитого экспоната 452

Алексеев Д. Ю.
Как учился будущий белый генерал Б. С. Пермикин (1890–1971) 475

Решетов А. В., Алексеева Е. О.
Первый беспосадочный перелёт Петроград — Москва в 1918 г. по материалам периодических изданий 482

Посадский А. В.
Начала и концы: из истории возрождения 42-го Якутского пехотного полка в белых рядах в 1918–1920 гг. 487

Кручинин А. С.
«Атаман Адский» Григорий Котовский: махновец или дроздовец? «Белое пятно» в биографии красного военачальника 500

Ганин А. В.
Неудавшаяся попытка вывоза Военной академии из России (1920 год) 536

Кокин В. Л.
Служили два товарища. Посвящается погибшим на Советско-финляндской войне поэтам Николаю Отраде и Арону Копштейну 545

Назарова Е. И.
Значение строительства Кузьминского моста через Неву для укрепления Ленинградской железнодорожной сети 554

Кобзев Е. Ю.
Немецкая карательная операция «Зимнее волшебство» (февраль — март 1943 г.) ... 559

Носов В. А.
Советская армия на Африканском Роге ... 574

Киселёв А. А.
Военно-историческая работа в вооруженных силах России: опыт и проблемы развития ... 585

Список сокращений ... 601

Подписано в печать 08.12.2017 г. Формат 60×84 1/16.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 35,22
Тираж 1000 экз. Заказ № 8

Отпечатано в типографии ФГБОУВО «СПбГУПТД»
191028, Санкт-Петербург, ул. Моховая, 26